Боспорские исследования

Вып. XXXIX

BOSPOROS STUDIES

Vol. XXXIX

Керчь Симферополь
Kerch Simferopol
2019

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 7 от 13.09.2019 г.)

Редакция:
Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Масленников А.А., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)
Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цецхладзе Г.Р., PhD, профессор, главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 7 от 13.09.2019 г.)

Боспорские исследования. Вып. XXXIX / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2019. – 432 с.
ISBN 978-5-6041418-3-0

В XXXIX выпуске «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по проблемным вопросам и результатам исследований античных и раннесредневековых памятников Боспора и Причерноморской ойкумены.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6041418-3-0

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2019
© Авторы, текст, 2019

С Т А Т Ь И

Е.А. МОЛЕВ
E.A. MOLEV

ПРИЧИНЫ ДОЛГОЛЕТИЯ БОСПОРСКОЙ ТИРАНИИ
(некоторые итоги исследования проблемы)

CAUSES OF LONGEVITY BOSPORAN TYRANNY
(some results of the research problem)

Главной особенностью боспорской тирании, весьма существенно отличающейся от всех аналогичных античных образований, является ее долголетие, значительно превосходящее в этом отношении все известные тирании античного мира [Ростовцев, 1989, с. 183]. Правда, основной наш нарративный источник по Боспору – Диодор Сицилийский так не считал. По его мнению, самую великую и продолжительную тиранию создал Дионисий Старший: «δοκεῖ γὰρ οὗτος μεγίστην τῶν ἱστορουμένων τυραννίδα περιπεποιῆσθαι δι᾽ ἑαυτοῦ καὶ πολυχρονιωάτην – «ибо он (Дионисий), как кажется, создал себе тиранию из всех засвидетельствованных историей самую великую и продолжительную – Diod., XIII, 96,5. См. и другие его высказывания в главах: XVI, 5,4; 9, 1; XX, 78,3 – μεγίστη τῶν κατὰ τὴν Εὐρώπην δυναστεία). Это несколько странно, поскольку время правления Дионисия и его преемников, что было ему хорошо известно, составляло около 59 лет (405–346), а время правления Спартокидов (точно известное Диодору по сохранившимся главам его работы – от Спартока I до конца правления Спартока III) – около 150 лет (438–284 гг. до н.э.). Вероятнее всего, это его мнение связано с тем, что Диодор в данном случае имел в виду совокупность мощи и времени правления только одного тирана [Фролов, 1979, с. 7], хотя и это не совсем точно, если учесть, что время правления Дионисия составляло 37 лет (405–367 гг. до н.э.), а время правления наиболее выдающихся правителей Боспора – Левкона I и Перисада I составляло соответственно 40 и 37 лет. И значимость последних в античном мире оценивалась не менее высоко – один стал официально признанным основателем династии (Ael. Var. hist. VI, 13), другой, после его смерти, был даже признан богом (Strabo., VII, 4,4).

В связи с этим подведение итогов иследования долговечности боспорской тирании мы начнем с оценки самого явления тирании в политической жизни античного мира человеком той исторической эпохи – Марком Туллием Цицероном: « Ergo ubi tyrannus est, ibi non vitiosam, <…>sed <…> dicendum est plane nullam esse rem publicam – Где существует тиран, там не просто дурное государство, <…> а <…> вообще не существует никакого государства (Cic., De re publ. III, 31, 43). Это мнение одного из лучших знатоков античной государственности, разумеется, излишне предвзято. Оно лишь отражает отношение к данному явлению со стороны сторонников республиканских форм правления, какими бы они ни были, но не

отрицает его существования. А поскольку, как справедливо заметил в свое время Георг Гегель, «все действительное разумно…», мы можем смело утверждать, что и тирания, как форма государственной организации, возникла отнюдь не случайно и существовала как политическая система власти до тех пор, пока отвечала интересам общества. Причем, в оценке уже античных авторов, тут многое зависело от личных качеств создателей этой системы и их преемников.

В этой связи интересно сравнить оценку перестройки государственной системы, последовавшей в Афинах после «золотого века» правления тирана Писистрата (Arist., Pol.), таким замечательным специалистом XX века по Древней истории, как профессор и ректор Вюрцбургского университета Герман Бегтсон: «Клисфеновский новый порядок родился *из нужд сиюминутной политики* (курсив мой – Е.М.). Но если он, тем не менее, своим лицом обращен в будущее, то это отличает его как творение поистине государственного ума» [цит. По: Фролов, 2004, с. 170-171].

Разумеется, мне могут возразить, что у Бегтсона речь идет о демократии, а не о тирании. Однако для меня в данном случае важно то, что новая политическая система (и в принципе любая) только тогда имеет перспективу, когда создающие ее лидеры исходят из реалий современности и четко следуют (не всегда вполне осознанно) тому, что способствует процветанию государства, а, следовательно, и укреплению у власти их самих. Одним из ярких примеров такой ситуации в древности, как мне кажется, является и процесс формирования боспорской политической системы.

Нам уже приходилось говорить о причинах особенностей пути развития боспорской государственности в целом [Молев, 2012, с. 77–79; Молев, 2016, с. 7–13]. Но в начале нашего нынешнего исследования мы все же еще раз отметим некоторые общегреческие особенности тираний в Элладе, которые способствовали ее долголетию и которые уже были отмечены как таковые рядом специалистов по истории тирании и Боспора. При этом сразу оговоримся, что тирания в Греции была достаточно распространенным, но все же не всеобщим явлением. Многие полисы, особенно аграрные, избежали тирании [Карпюк, 1997, с. 38][1]. И еще – современники этого политического явления – античные авторы, неоднократно отмечали два важных фактора в его появлении и развитии.

Во-первых, само понятие «тирания» представляло для них единое по своему характеру явление независимо от времени ее возникновения (Arist., Pol., V, 8, 3-4), в то время как у современных авторов выделяются отдельные этапы в ее истории: ранняя (или старшая) тирания, проперсидская (в завоёванных персами греческих городах Малой Азии и на островах Эгейского моря) и поздняя (или младшая).

Во-вторых, она всегда рассматривалась как кратковременное явление. Не случайно, говоря о долголетии тиранической власти, Клавдий Элиан смог выделить только

[1] Есть, правда, и точка зрения, что раннегреческая тирания была «практически повсеместным явлением» [Finley, 1970, p. 91, 99 ff., 105 ff.] или, по крайней мере, «широко распространенным явлением» [Фролов, 2004, с. 165]. Но для нашего исследования это не столь принципиально.

три таковых, которые просуществовали до внуков включительно (Ael. Var. hist. VI, 13)[2]. Среди них Элиан называет и правителей Боспора – Левконидов.

Вероятно, именно в силу этих двух вышеприведенных факторов проблема долголетия тирании как политической системы в Древней Греции привлекла внимание немногих исследователей. Так, бесспорно крупнейший авторитет среди современных исследователей по проблемам греческой тирании Гельмут Берве [Фролов, 2002, с. 16], подводя итог своему исследованию греческой тирании, отметил, что «у большинства тиранов или тираноподобных правителей речь идет о минутном величии, которое лишь на короткое время определяло судьбу города или области, не оставляя глубоких следов» [Берве, 1997, с. 626].

П. Олива, столь же тщательно изучивший историю ранних греческих тираний, отмечает, что причиной их кратковременности было то, что они очень скоро становились препятствием на пути экономического развития государства [Олива, 1954, с. 392].

К аналогичным выводам пришел и Э.Д. Фролов. Характеризуя фактор долголетия древнегреческой тирании, он отмечает: во-первых, что в классической Греции «Тирания могла быть лишь преходящей, не имеющей прочных корней в обществе властью» [Фролов, 1972, с. 197], во-вторых, что она «была необходимым этапом на пути к полису, особенно в плане преодоления сопротивления родовой знати» [Фролов, 2004, с. 167] и, в-третьих, что «на почве одних лишь греческих полисов с их традиционным республиканизмом длительное и прочное существование режимов личной власти было невозможно» [Фролов, 1990, с. 52]. Выводы отмеченных авторов вполне согласуются с вышеприведенными точками зрения античных историков. Следовательно, такое положение должно было бы быть характерным, хотя бы в какой-то мере, и для эллинских полисов Боспора, как минимум, до их объединения в единое государство.

Примечательно, что уже Гельмут Берве обратил внимание на то, что «лишь на Киммерийском Боспоре, где правители городов узурпировали варварские племенные царства и тем самым смогли создать широкую **сверхличную** опору своей власти за пределами греческих полисов, тирания не только продержалась полтора столетия, но, в конце концов, превратилась в царствование, сравнимое с эллинистическими монархиями. В то же время принятие Дионисием из Гераклеи титула царя ничего не смогло изменить в том, что его господство оставалось по сути своей городской тиранией и вскоре после его смерти рухнуло» [Берве, 1997, с. 467-468].

Это все так, но на Боспоре, как верно заметил С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, 2013, с. 23-24] тоже «изначально сложились условия для создания полисной структуры по

---

[2] К ним можно было бы добавить еще и правления Баттиадов в Кирене, власть которых также продолжалась до внуков, но они изначально носили титул «архагета и царя» (ML № 5, стк 26-27; Her., IV, 153), что хотя и роднит их власть по характеру с тиранией, но все же эллинами она рассматривалась как законная, в отличие от тирании.

типу греческих государств Восточного и Западного Средиземноморья», а тирания, тем не менее, оказалась необыкновенно долговечной. Значит, и некоторые элементы античной государственной системы также могли стать причиной ее жизнестойкости.

Одним из первых, кто не только обратил на это внимание, но и попытался определить причины долголетия власти боспорских тиранов, был М.И. Ростовцев. Он отметил как наиболее вероятные причины этого скифскую угрозу, династические связи Спартокидов с фракийским миром и прочные экономические связи с Афинами, обеспечившими их огромными материальными ресурсами, служившими базой прочности их власти [Ростовцев, 1989, с. 183–191]. Все эти факторы, несомненно, играли важную роль в возникновении и становлении боспорской государственности. Не случайно и позднейшие исследователи обращались к ним, выделяя при этом то один, то другой как основной.

Так, Ю.Г. Виноградов на первое место поставил скифскую угрозу [Vinogradov, 1980, s. Виноградов, 1983, с. 366–420]. Его активно поддержали В.П. Толстиков [Толстиков, 1984, с. 24–47], Ф.В. Шелов-Коведяев [Шелов-Коведяев, 1985, с. 72], В.М. Зубарь и В.Н. Зинько [Зубарь, Зинько, 2008, с. 38]. Влияние скифов на Боспоре всегда было весьма значительным, достигнув своего апогея в IV в. до н.э. [Шелов-Коведяев, 1985, с. 136; Яковенко, 1985, с. 28; Виноградов Ю.А., 2005, с. 265]. Более того, у нас достаточно оснований, чтобы констатировать преимущественно дружественный характер их отношений на протяжении всего периода истории от основания боспорских городов до государственного переворота, осуществленного «скифами во главе с Савмаком» [Молев, 2009, с. 165]. Это, разумеется, не исключало конфликтов и мелких стычек с отдельными группами скифов, действующими на свой страх и риск согласно их обычаю, как отметил Лукиан (Luc., Tox., 48), но остальные скифы, по свидетельству того же Лукиана, ответственности за них не несли (Luc., Tox., 49).

Весьма важную роль в долговечности боспорской тирании сыграло и негреческое (фракийское, по мнению Ф.В. Шелова-Коведяева [Шелов-Коведяев, 1985, с. 180-181] или скифское, по В.П. Яйленко [Яйленко, 1990, с. 308-309]) этническое происхождение Спартокидов. Так, первый отмечает, что «негреческое происхождение династии Спартокидов и принесенных ими с собой традиций организации центральной власти и в сочетании с другими моментами объясняет, почему тираны достаточно легко и быстро нашли выход из своих политических затруднений в опоре *на независимые от эллинов – случай уникальный в греческой истории – местные элементы»* [Шелов-Коведяев, 1985, с. 181]. В итоге, по мнению автора, эллины и варвары оказались в равном положении подданных тирании [Шелов-Коведяев, 1985, с. 181]. В обоих случаях под «местными элементами и варварами» автор, вероятно, понимает элиту прикубанских племен, что делает его версию вполне вероятной.

Тем не менее, рассмотрев приведенные авторами аргументы, А.А. Завойкин усомнился в возможности объяснения долговечности правления Спартокидов преимущественно этим фактором [Завойкин, 2001, с. 160]. И действительно, нельзя не

заметить, что среди *«независимых местных элементов»* (курсив мой – Е.М.) у границ Боспора, с которыми он имел тесные контакты, можно выделить только синдов времени Сатира I, позднее подчиненных Левконом, и скифов, которые в отличие от первых всегда были союзниками Спартокидов, но отнюдь не их подданными [Молев, 2008, с. 134; Молев, 2009, с. 160][3]. Причем представители синдской элиты, как показывают тексты вотива Левкона из Лабриты и посвящение Теотропила из Нимфея, отнюдь не все были на стороне правителей Боспора. Да и со скифами, как мы уже отмечали выше, при всей вероятности союза Левкона I с элитой царских скифов, могли происходить отдельные столкновения.

Что же касается равенства в положении эллинов и варваров как подданных, то ему противоречит тот факт, что характер власти тиранов по отношению к тем и другим был иным: по отношению к эллинам Спартокиды именовали себя архонтами, а по отношению к варварам – царями. И хотя первоначально этот термин был единым (архонт – правящий), но он изменился по отношению к варварам уже при жизни Левкона, т.е. весьма скоро. Отсутствие же варварских контингентов из состава подчиненных местных племен в армии Боспора, отмечал еще М.И. Ростовцев [Ростовцев, 1989, с. 191-192], самым ярким образом свидетельствует, что реальной политической опоры власти Спартокидов они как таковые (за исключением представителей элиты) не составляли.

Тем не менее, варварское этническое происхождение Спартокидов в известной степени развязывало им руки в решении некоторых важных для государства вопросов, поскольку над ними не давлели эллинские политические традиции. Так, мы можем с определенной уверенностью говорить, что введение общебоспорского гражданства уже в первой половине IV в. до н.э. (т.е. при Левконе I) [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 72; Завойкин, 2001. с. 161] не составило для Спартокидов особой проблемы именно в силу их этнического происхождения. Думается, что сделать это Левкону, как гражданину Пантикапея (КБН 37), будь он эллином, было бы значительно сложнее. Хотя и тут можно поспорить – ведь Пантикапей все же был колонией и его население формировалось (по крайней мере, могло формироваться) не только из милетян.

Что же касается роли экономических связей с Афинами в долголетии боспорской тирании, то тут ни у кого не возникает сомнений – да, именно этот рынок давал боспорским тиранам такие средства, которые существенно превосходили доходы их подданных и позволяли им содержать значительное наемное войско, обеспечивающее сохранение за ними власти в государстве [Блаватский, 1953, с. 201–204].

---

[3] Предположение Ю.А. Виноградова о возможной принадлежности Десятого или Острого кургана Юз-Обы Левкону I, имеющему явное родство с погребальными памятниками Великой Скифии, показывает, насколько важен был этот союз для боспорского царя [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 83, 131], но вряд ли этот факт можно связывать со скифским происхождением династии.

Ряд исследователей предлагает отнести стадиально-типологическую принадлежность боспорской политической системы к «Старшей тирании». Одним из первых обратил на это внимание С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, 2003, с. 19]. Позднее специально обосновал эту версию И.Е. Суриков, особо отметивший, что именно принадлежность к «Старшей тирании» объясняет жизнестойкость режима Спартокидов[4] [Суриков, 2007, с. 140–155]. Его точку зрения поддержали А.А. Завойкин [Завойкин, 2007, с. 221] и Н.Б. Чурекова [Чурекова, 2014, с. 181]. Однако заметим, что боспорские полисы отнюдь не соответствовали этнополитически однородным, «архаическим (формирующимся) аристократическим полисам Эллады» в которых, по мнению И.Е. Сурикова, вырастала «Старшая тирания» [Суриков, 2007, с. 149]. Население колоний (особенно огромное число колоний, выведенных под эгидой Милета) всегда включало определенное число выходцев из других эллинских полисов (и даже варваров, вспомним тавра Тихона – КБН 114), и уже потому типологически боспорская тирания никак не может быть отнесена к «Старшей». А значит, и объяснение ее «жизнестойкости» отсюда не вытекает.

Более вероятной выглядит точка зрения А.А. Завойкина, который совершенно справедливо отметил, что «Сатир I и Левкон I, завоевав соседние с Пантикапеем полисы, по-видимому, инкорпорировали их в состав своего государства на правах, условно говоря, демов, полностью лишив их политической самостоятельности» и эта «принудительная симполития оказалась чрезвычайно устойчивой и исторически перспективной как раз в силу того, что опиралась на традиционные полисные формы» [Завойкин, 2012, с. 292-293].

Определение процесса объединения Боспора, как «принудительная симполития», на мой взгляд, вполне логично и соответствует подобным процессам в ряде эллинских полисов. В частности, в Сиракузах современник первых Спартокидов Дионисий Старший действовал таким же образом [Фролов, 1979, с. 136, 140–142]. Кстати, такая «принудительная симполития» была характерна не только для полисов с тиранической формой правления. Так, ближайший сосед Боспора, дорический Херсонес, принудительно включил в состав своего полиса ионийскую Керкенитиду и, возможно, ряд иных более мелких поселений Тарханкутского полуострова, причем при сохранении демократического характера власти в своем полисе [Шелов-Коведяев, 1985, с. 173-174; Кутайсов, 1990, с. 153]. А.Н. Щеглов считал, что Керкинитида вошла в состав Херсонесского государства на правах союзного полиса [Щеглов, 1978, с. 120], а Ю.Г. Виноградов [Vinogradov, 1987, s. 33] предположил, что этот ионийский полис был поглощен Херсонесом через *симполитию* (курсив мой – Е.М.). Последнее заключение мне кажется весьма вероятным, поскольку более соответствует процессам формирования полисов и в Греции, где наиболее распространенным способом «перерастания протополиса в подлинный город-

[4] Режим Археанактидов позднее он отнес к «крайней форме олигархии, олигархии одного знатного рода» [Суриков, 2012, с. 312], что, на наш взгляд, очень маловероятно [Молев, 2018а, с. 17–27].

государство, в полис, был синойкизм» [Фролов, 2004, с. 87], а позднее с V в. до н.э. – симполития, включавшая в себя этнически близкие полисы и племенные объединения (Беотийская, Фессалийская, Фокидская, Аркадская и Халкидская симполитии).

То, что подчиненные Спартокидами города (прежде всего милетские колонии, среди которых Пантикапей был древнейшим и наиболее значительным) были включены в состав полиса, скорее всего, аналогичным образом особенно ярко подтверждается общим названием полиса – Боспор. Связь названия с проливом Боспор Киммерийский, по берегам которого и располагалось большинство этих колоний, очевидна. Исключительное положение в этой симполитии занимала только Феодосия, что, по моему мнению, связано с тем, что процесс ее присоединения к Боспору произошел по мирному соглашению, а не в результате прямого военного завоевания [Молев, 2013, с. 167].

Еще один вероятный фактор долголетия боспорской тирании отметил И.Е. Суриков. По его мнению, «среди боспорских Спартокидов, насколько можно судить, откровенно слабых правителей на протяжении длительного хронологического отрезка не появлялось; из поколения в поколение они были довольно пасионарными личностями [Суриков, 2006, с. 252]. Как известно, большинство представителей тирании в полисах собственно Эллады были людьми, несомненно, выдающимися [Фролов, 2004, с. 166]. То, что в глазах современников таковыми были и первые Спартокиды, подтверждается не только их успешными действиями на политическом поприще (этим качеством славились многие тираны), но и международным, и даже сакральным признанием их заслуг в виде предоставления им афинского гражданства, увенчания золотыми венками и установкой памятников им в Афинах (Demoth., adv. Lept. XX, 30=SC., с. 150; Dinarch, adv. Dem, 43=SC., с. 167; SIG3, I, 206), а также и тем, что одного из них – Перисада I даже признали Богом (Strabo., VII, 4,4). Значение этого фактора отметил и поддержал А.А. Завойкин, добавивший к нему и то, что «сам потенциал их режима выгодно отличался от других тираний» [Завойкин, 2007, с. 222. Сн. 14].

А.А. Масленников, рассматривая возможные варианты развития Боспорского государства, также отмечает, что сложившаяся на Боспоре модель руководства, «оказавшись оптимальной в конкретных условиях и в определенное время, демонстрировала и впоследствии… свою преимущественность» и убежден, что «процесс создания Боспорского царства был связан с активной политической деятельностью пантикапейских тиранов, власть которых особенно укрепилась после включения в состав государства варварских племен» [Масленников, 2012, с. 307–310].

Таким образом, личностный фактор, который всегда играл и играет важную роль в успешности действий правителя, и в условиях полисной системы государства вполне мог способствовать долголетию тирании при условии успешной внешней политики тирана и предоставлении подчиняемым полисам определенной доли внутренней автономии.

Еще один фактор долголетия боспорской тирании выделяет Ю.А. Виноградов. По его мнению, «адаптация Боспорского государства к изменениям военно-

политической ситуации в степях… являлась важной составляющей, определившей своеобразие его многовекового исторического пути» [Виноградов, 2012, с. 301]. С этим нельзя не согласиться. Влияние многочисленных и воинственных варварских племен на политическую жизнь эллинских полисов прослеживается во всех уголках античной ойкумены. И Боспор в этом отношении не исключение. Правда, при этом нельзя забывать, что процесс формирования той или иной формы государственности в еще большей мере зависит от внутренних причин и традиций, свойственных национальным формам организации общества. Для Греции таковой формой является полис. И значит, формирование боспорской государственности – это, прежде всего, процесс эволюции античного полиса в конкретных условиях места и времени его существования [Молев, 2013, с. 169].

Сразу оговоримся, что центром боспорской государственности мы (вслед за античными авторами: Ps. Skymn. 835–840; Diod. XX, 24; Amm. Marc. XXП, 8, 26) считаем Пантикапей и потому процесс территориального и государственного формирования Боспора для нас – это, прежде всего, процесс пространственного и качественного развития пантикапейского полиса [Молев, 2015, с. 206].

Наиболее полно и основательно процесс формирования боспорской государственности рассмотрен в серии работ С.Ю. Сапрыкина, который также считает, что приход к власти здесь уже Археанактидов был вызван внутренними причинами развития пантикапейского полиса [Сапрыкин, 2003, с. 19; Сапрыкин, 2012, с. 386]. Переход же власти от Археанактидов к Спартокидам, по мнению автора, стал лишь сменой правящей группировки без изменения социальной и экономической сущности власти, остававшейся тиранической, что и обусловило ее долговечность. Правда, позднее Сергей Юрьевич склонился к точке зрения о том, что правление Археанактидов представляло собой не тиранию, а олигархию одного знатного рода [Сапрыкин, 2013, с. 39], активно развиваемой И.Е. Суриковым [Суриков, 2014, с. 84], что несколько сокращает долголетие тиранического правления на Боспоре в целом. Но не меняет ее существа.

Таковы вкратце основные точки зрения на причины долголетия боспорской тирании.

К этому можно было бы добавить совсем немногое. Во-первых, на мой взгляд, длительность сохранения режима Спартокидов в определенной степени все же связана с тем, что они приняли власть также от тиранического режима своих предшественников – Археанактидов [Молев, 2018а, с. 17–27][5]. Несомненно, длительное

[5] Точки зрения, что режим Археанактидов был тираническим, придерживается большинство исследователей истории Боспора. См. Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. IV,4. 1955. S. 431; Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора V–IV вв. до н.э. 1959. С. 17., Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Amsterdam-Berlin. 1971. S. 52; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. 1983, С. 406); Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Н.Новгород, 1997. С. 34-35; Завойкин А.А. Боспорский феномен или «псевдоэллинизм» на Боспоре // ДБ, / А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). Т. 4. 2001. С. 153.

существование тиранических режимов (даже одних только Археанактидов) в определенной степени способствовало накоплению опыта руководства складывающейся новой политической системой и в определенной мере подготовило успех будущих ее правителей – Спартокидов. Во всяком случае, уже то, что Спарток I «принял власть» от Археанактидов[6] (т.е. не исключено, что он принял ее на вполне законных основаниях), дает полное основание думать, что он точно знал ошибки своих предшественников в деле управления государством, обусловившие их падение, и принял меры к тому, чтобы не повторять их, чем укрепил свое положение у власти. Хотя, разумеется, люди предпочитают учиться преимущественно на собственных ошибках (и тому пример тирании в Сицилии), но бывают ведь и исключения.

Другим фактором является то, что тирания способствовала экономическому развитию Пантикапея и включенных в состав этого полиса других городов и поселений Боспора. По мнению всех исследователей экономической истории Боспора, начиная с С.А. Жебелева [Жебелев, 1953, с. 116–158], и археологов, ведущих раскопки боспорских городов и поселений, время первых Спартокидов (IV в. до н.э.) стало временем высшего расцвета боспорской экономики. Этому в большой степени способствовало то, что «Пантикапей был складским местом для товаров, прибывающих на Боспор с моря (Strabo., XI, 2, 10) и имел льготы, полученные от Спартокидов» (Diod., XX, 24, 4). Наиболее яркими примерами экономической активности городов Боспора стали выпуск монеты Пантикапеем уже во второй половине VI в. до н.э.[7] и преобладание среди ювелирных украшений в курганах Нижнего Поднепровья изделий боспорских мастерских [Терещенко, Шауб, 2017, с. 160]. Выпуск пантикапейской монеты в то время, когда она была нужна исключительно для контактов эллинских колоний Боспора между собой и когда потребность в ней могла возникнуть лишь у поселений, тесно связанных друг с другом и осуществляющих свою внешнюю торговлю через общий порт, дает основание предполагать, что подобная форма отношений Пантикапея с другими городами Боспора (прежде всего, ближайшими) вела к складыванию определенной экономической общности [Молев, 2015, с. 208], ставшей базовой основой для объединения боспорян (и колоний средиземноморских полисов, и колоний, выведенных самим Пантикапеем).

И, наконец, нельзя не отметить еще одно явление – процесс формирования новой этнической общности – боспорян, что, на мой взгляд, тоже в немалой степени способствовало сохранению власти Спартокидами. Сам этот процесс стал

---

[6] Ср. «Спарток I унаследовал (независимо от того, каким именно путем) ту же форму и объем власти, какой имели его предшественники Археанактиды»…засвидетельствованное Диодором династическое летоисчисление (42 года) ставит Археанактидов в один ряд с их преемниками» [Завойкин, 2007, с. 221].

[7] Вопрос начала чеканки Пантикапеем собственной монеты в литературе остается дискуссионным. Но в последней из вышедших работ по этой теме дата начала чеканки все же допускается середина последней четверти VI в. до н.э. [Остапенко, 2017, с. 121]. Поскольку монетное дело Боспора развивалось в русле общих тенденций греческого монетного дела, мне кажется, такое предположение вполне допустимым [Молев, 2019, МАИАСК 10, с. 288].

возможным благодаря заимствованиям всеми этническими группами населения государства элементов культуры и религии друг у друга. Как справедливо отметили Ю.В. Андреев и К.К. Марченко, «цари из этого рода (Спартокидов!) сумели сбалансировать и до известной степени примирить интересы своих разноплеменных подданных в рамках созданного ими полиэтнического государства… греко-варварский синтез на территории Северного Причерноморья явление скорее спорадического характера. Только на Боспоре он вылился в более или менее устойчивые и жизнеспособные синкретические формы государственности, социальных отношений, религии и искусства» [Андреев, Марченко, 2005, с. 411, 414]. Особенно важно, что Спартокиды «преуспели и в создании новой элиты, в состав которой вошел не только сам правящий род, но и лояльная ему греческая, боспорская аристократия, а также выходцы из подвластных Боспору или дружественных ему местных народов. Без инкорпорации варваров в состав элиты Боспорского государства его существование вряд ли могло быть сколько-нибудь успешным» [Виноградов, 2015-2016, с. 97].

Помимо присутствия в составе граждан варваров (общеизвестного тавра Тихона, представителей скифской и, возможно, меотской знати в курганах Юз-Обы [Артамонов, 1949, с. 31; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 134; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 110–113], нимфейских [Силантьева, 1959, с. 56] и Трехбратних [Трейстер, 2008, с. 156]) некоторые современные исследователи выделяют и ряд элементов нумизматики, которые дают основание говорить о подобном влиянии варваров на эту, казалось бы, сугубо эллинскую культурную традицию. Так, А.Е. Терещенко и И.Ю. Шауб, тщательно изучив эмблему «грифона» на боспорских монетах, пришли к выводу, что «…значение грифона в религиозных представлениях боспорян было существенно важнее, чем у эллинов метрополии, в чем можно смело предполагать влияние входивших в состав населения боспора варваров» [Терещенко, Шауб, 2017, с. 166].

Еще больше развил эту идею М.М. Чореф, отметивший, что изображение льва и муравья на аверсе ранних боспорских монет могло быть связано с культурными и религиозными запросами скифов. Более того, он даже предположил, что «эллины оформляли монету в соответствии с запросами местных жителей, которые, в свою очередь, должны были ею активно пользоваться. Таким образом, на первых сериях боспорского серебра могли появиться изображения священных для скифов существ» [Чореф, 2017, с. 137]. Разумеется, если принять версию о скифском происхождении Спартокидов, это предположение коллег могло бы выглядеть вполне вероятным. Однако выпуск полисных монет в античном мире «всегда носил официальный характер и выбор сюжетов для них отражал идеологию и религиозные представления властных структур» [Горончаровский, Терещенко 2015, с. 88]. А на Боспоре выпуск монеты вплоть до Левкона II был исключительной прерогативой полиса, и потому, на мой взгляд, не стоит преувеличивать роль местных традиций в боспорской нумизматике, хотя и полностью отрицать ее тоже, видимо, не следует.

Таким образом, долголетие тирании Спартокидов, вероятнее всего, следует объ-

яснять многими причинами. Это и то, что она, зародившись как исключительно полисное явление, уже вскоре переросла свои рамки и обеспечила экономический расцвет античных полисов, что существенно снизило накал политических страстей; и то, что она впитала в себя определенные элементы местных варварских политических традиций, что позволило ей снизить до минимума полисный сепаратизм даже наиболее крупных полисов Боспора, а главное, на мой взгляд, это что ей повезло с политическими лидерами, создавшими ее Левконом I и Перисадом I. Именно им «удалось превратить немалую, судя по всему, часть граждан боспорских полисов в подданных, людей, отказавшихся от полисных идеалов даже на уровне самосознания» [Тохтасьев, 2006, с. 426], что и обеспечило сохранение власти в государстве за их потомками на многие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев Ю.В., Марченко К.К. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / К.К. Марченко (отв. ред.). СПб., Алетейя, 2005. С. 400–415.

Артамонов М.И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1. С. 29–39.

Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, Феникс, 1997. 640 с. Пер. с немецкого О.Е. Рывкиной.

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., изд-во Академии наук СССР, 1953. 208 с.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Курганы на мысе Ак-Бурун. Т.2. / Айбабин А.И. (отв. ред.). Симферополь-Керчь, 2014.

Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / А.К. Гаврилов (отв. ред.). СПБ., 1992. С. 111–128.

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алетейа, 2005. С. 211–296.

Виноградов Ю.А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г. : материалы конференции / [редкол.: д.ист.н. Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. Москва : Институт всеобщей истории РАН, М., 2012. С. 293–301.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.1. / Айбабин А.И. (отв. ред.). Симферополь-Керчь, 2012.

Виноградов Ю.А. Юз-Оба – некрополь боспорской знати. Культура и хронология // Античность и Древний Восток. Российский археологический ежегодник. Издательство Государственного Эрмитажа. СПб., № 5-6. 2015-2016. С. 79–99.

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция / Е.С. Голубцова (отв. ред.). М., Наука, 1983. С. 366–420.

Горончаровский В.А., Терещенко А.Е. О монетном деле Синдики в конце V – начале IV вв. до н.э. // Записки ИИМК РАН. № 11. 2015. С. 77–96.

Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. № 197. С. 30–37.

Жебелев С.А. Основные линии экономического развития Боспора // Северное Причерноморье. Л., 1953. С. 116–158.

Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории // БИ. / А.И. Айбабин (гл. ред.). XII. Симферополь-Керчь, 2006.

Завойкин А.А. Боспорский феномен или «псевдоэллинизм» на Боспоре // ДБ. / А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). Т.4. 2001, с. 150–181.

Завойкин А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М., Киев, Запорожье, 2007. С. 219–243.

Завойкин А.А. Боспорская монархия: проблема периодизации // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г. : материалы конференции / [редкол.: д.ист.н. Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 292-293.

Карпюк С.Г. Лекции по истории Древней Греции. – М.: Ладомир, 1997. 160 с.

Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, Наукова Думка, 1990. 176 с.

Лукиан. М., 1962. Пер. Д.В. Сергеевского.

Масленников А.А. Историческая вариантность для Боспора // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 18–20 апреля 2012 г. : материалы конференции / [редкол.: д.ист.н. Е.А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 302–308.

Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Н.Новгород, 1997.

Молев Е.А. О причинах особенностей боспорской государственности // Средиземноморский мир в Античную и Средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Н.Новгород, 2012. С. 77–79.

Молев Е.А. Боспор и скифы от Агаэта до Савмака // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 132–136.

Молев Е.А. Скифы в политической истории Боспора в VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 2009. № 3. С. 155–165.

Молев Е.А. Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского государства (по материалам «круглого стола» «Образование Боспорского государства: от полиса к царству». Москва, 18 апреля 2012).// Мнемон. 2013. Вып. 12. С. 166–172.

Молев Е.А. Территориальное и государственное формирование Боспора в VI в. до н.э.// Восточная Европа в древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы международной конференции М., 2015. С. 205–2012.

Молев Е.А. Особенности боспорской государственной системы // ИРЕСИОНА. Вып. 5. / Болгов Н.Н. (отв. ред.). Белгород, издательский дом «Белгород», 2016. С. 7–13.

Молев Е.А. Неантичное в политической системе Боспора VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. / Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). СПб., 2018. С. 55–60.

Молев Е.А. Археанактиды – тираны, олигархи или древние правители? // Боспорские исследования. Вып. XXXVII. / Зинько В.Н. (отв. ред.). Керчь-Симферополь, 2018а. С. 17–27.

Молев Е.А. О двойном наименовании столицы Боспора // МАИАСК 10. 2018б. С. 287–295.

Остапенко С.Н. Некоторые аспекты денежного обращения Боспора в VI–III вв. до н.э. // ПИФК. 4. 2017. С. 120–144.

Ростовцев М.И. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства Т. II. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства. 1. Государство и социальный строй эпохи Спартокидов. // ВДИ. № 2. 1989. С. 183–197.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003, № 1. С. 11–35.

Сапрыкин С.Ю. Тирания на Боспоре и градостроительство // XIII Боспорские чтения. Керчь, 2012. С. 386.

Сапрыкин С.Ю. Археанактиды и градостроительство // Боспорские исследования. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 21–46.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. № 69. 1959. С. 5–107.

Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадиально-типологический контекст // Из истории античного общества / отв. ред. А.В. Махлаюк. 2007. Вып. 9-10. С. 140–155.

Суриков И.Е. Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. «взгляд из Эллады» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Подосинов А.В., Габелко О.Л. (отв. ред.). М., 2014. С. 76–122.

Суриков И.Е. Две проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как фактор политогенеза. XXIV чтения памяти чл.корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 311–315.

Терещенко А.Е., Шауб И.Ю. Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // Новый Гермес. IX. 2017. С. 153–168.

Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства: опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н.э. // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–47.

Тохтасьев С.Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. / А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). Т. 10. 2006. С. 416–428.

Трейстер М.Ю. Погребальный обряд Трехбратних курганов и проблемы аккультурации // Трехбратние курганы / М.Ю. Трейстер (отв. ред.). Симферополь-Бонн, 2008. С. 147–156.

Федосеев Н.Ф. Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства /Подосинов А.В., Габелко О.Л. (отв. ред.). М., 2014. С. 141–174.

Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., изд-во Ленинградского университета, 1972.

Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., изд-во Ленинградского университета, 1979.

Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 14–58.

Фролов Э.Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрогантском тиране VI в. до н.э. // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. / Э.Д. Фролов (ред.). СПб., 2002. С. 5–20.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2004. 233 с.

Чореф М.М. Изображения на ранних боспорских серебряных монетах: атрибуция и причины появления // Новое прошлое. № 4. 2017. С. 128–149.

Чурекова Н.Б. К проблеме периодизации тирании на Боспоре // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома Подосинов А.В. и О.Л. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 175–187.

Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. № 1. 1985а. С. 57–72.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., Наука, 1978. 159 с.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. Эллинизм. Т. 1. М., 1990. С. 249–309.

Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII–III вв. до н.э.). Автореферат докт. дисс. М., 1985.

Finley M.J. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. London. 1970.

Meiggs R., Lewis D.M.A. Selection of Greek Histirical Inscriptions to the End of the Vth Century B.C. Oxford, 1969.

Oliva P. Raná řecká tyrannis. Studie k otázce vsniku státu. Praha, 1954. 496 p.

Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis des nordlichen Schwarzmeergebietes im 5 Jahr., v. Chr. // Chiron 1980. Bd.10. S. 63–100.

Vinogradov Ju.G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congres International d' epigraphie grecque et latine. Sofia, 1987. V. 1. S. 9–77.

REFERENCES

Andreev YU.V., Marchenko K.K. Osnovnye teoreticheskie i metodologicheskie aspekty problemy greko-varvarskih kontaktov v Severnom Prichernomor'e skifskoj epohi // Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epohu / K.K. Marchenko (otv. red.). SPb., Aletejya, 2005. S. 400–415.

Artamonov M.I. K voprosu o proiskhozhdenii bosporskih Spartokidov // VDI. 1949. № 1. S. 29–39.

Berve G. Tirany Grecii. Rostov-na-Donu, Feniks, 1997. 640 s. Per. s nemeckogo O.E. Ryvkinoj.

Blavatskij V.D. Zemledelie v antichnyh gosudarstvah severnogo Prichernomor'ya. M., izd-vo Akademii Nauki SSSR, 1953. 208 s.

Butyagin A.M., Vinogradov YU.A. YUz-Oba. Kurgannyj nekropol' aristokratii Bospora. Kurgany na myse Ak-Burun. T.2. / Ajbabin A.I. (otv. red.). Simferopol'-Kerch', 2014.

Vasil'ev A.N. K voprosu o vremeni obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva // Etyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo prichernomor'ya / A.K. Gavrilov (otv. red.). SPB., 1992. S. 111–128.

Vinogradov YU.A. Bospor Kimmerijskij // Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epohu. SPb., Aleteja, 2005. S. 211–296.

Vinogradov YU.A. Varvarskie migracii v istorii Bospora Kimmerijskogo // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza: XXIV CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 18–20 aprelya 2012 g. : materialy konferencii / [redkol.: d.ist.n. E.A. Mel'nikova (otv. red.) i dr.]. Moskva : Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S. 293–301.

Vinogradov YU.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurgannyj nekropol' aristokratii Bospora. T.1. / Ajbabin A.I. (otv. red.). Simferopol'-Kerch', 2012.

Vinogradov YU.A. Yuz-Oba nekropol' bosporskoj znati. Kul'tura i hronologiya // Antichnost' i Drevnij Vostok. Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., № 5-6. 2015-2016. S. 79–99.

Vinogradov YU.G. Polis v Severnom prichernomor'e // Antichnaya greciya / E.S. Golubcova (otv. red.). M., Nauka, 1983. S. 366–420.

Goroncharovskij VA Tereshchenko A.E. O monetnom dele Sindiki v konce V – nachale IV vv. do n.e. // Zapiski IIMK RAN. № 11. 2015. S. 88.

Dolgorukov V.S. Nekotoroye voprosy istorii i topografii rannej Fanagorii // KSIA. 1990. № 197. S. 30–37.

Zhebelev S.A. Osnovnye linii ekonomicheskogo razvitiya Bospora // Severnoe Prichernomor'e. L., 1953. S. 116–158.

Zubar' V.M., Zin'ko V.N. Bospor Kimmerijskij v antichnuyu epohu. Ocherki social'no-ekonomicheskoj istorii // BI. / A.I. Ajbabin (gl. red.). XII. Simferopol'-Kerch', 2006.

Zavojkin A.A. Bosporskij fenomen ili «psevdo-ellinizm» na Bospore // DB / A.A. Maslennikov, A.A. Zavojkin (red.). T.4. 2001, s. 150–181.

Zavojkin A.A. Bosporskaya monarhiya: ot polisnoj tiranii k territorial'noj derzhave // Antichnyj mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya. Skifiya. Bospor. M., Kiev, Zaporozh'e, 2007. S. 219–243.

Zavojkin A.A. Bosporskaya monarhiya: problema periodizacii // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza: XXIV CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 18-20 aprelya 2012 g. : materialy konferencii / [redkol.: d.ist.n. E.A. Mel'nikova (otv. red.) i dr.]. Moskva : Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S. 292–293.

Karpyuk S.G. Lekcii po istorii drevnej Grecii. – M.: Ladomir, 1997. 160 s.

Kutajsov V. A. Antichnyj gorod Kerkinitida. Kiev, Naukova Dumka, 1990. 176 s.

Lukian. M., 1962. Per. D.V. Sergeevskogo.

Maslennikov A.A. Istoricheskaya variantnost' dlya Bospora // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Migracii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza: XXIV CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 18–20 aprelya 2012 g. : materialy konferencii / [redkol.: d.ist.n. E.A. Mel'nikova (otv. red.) i dr.]. – Moskva : Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S. 302–308.

Molev E.A. Politicheskaya istoriya Bospora v VI–IV vv. do n.e. N.Novgorod, 1997.

Molev E.A. O prichinah osobennostej bosporskoj gosudarstvennosti // Sredizemnomorskij mir v antichnuyu i srednevekovuyu epohi: kross-kul'turnye kommunikacii v istoricheskom prostranstve i vremeni. XIII chteniya pamyati professora Nikolaya Petrovicha Sokolova. N.Novgorod, 2012. S. 77–79.

Molev E.A. Bospor i skify ot Agaeta do Savmaka // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 4. S. 132–136.

Molev E.A. Skify v politicheskoj istorii Bospora v VI–II vv. do n.e. // VDI. 2009. № 3. S. 155–165.

Molev E.A. Nekotorye itogi diskussii o probleme obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva (po materialam kruglogo stola «Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva: ot polisa k carstvu». Moskva, 18 aprelya 2012).// Mnemon. 2013. Vyp. 12. S. 166–172.

Molev E.A. Territorial'noe i gosudarstvennoe formirovanie Bospora v VI v. do n.e.// Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Gosudarstvennaya territoriya kak faktor politogeneza. XXVII chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Materialy mezhdunarodnoj konferencii M., 2015. S. 205–2012.

Molev E.A. Osobennosti bosporskoj gosudarstvennoj sistemy // IRESIONA. Vyp. 5. / Bolgov N.N. (otv. red.). Belgorod, izdatel'skij dom «Belgorod», 2016. S. 7–13.

Molev E.A. Neantichnoe v politicheskoj sisteme Bospora VI-II vv. do n.e. // Bosporskij fenomen: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. CH. 1. / Zuev V.YU, Hrshanovskij V.A. (otv. red.). SPb., 2018. S. 55-60.

Molev E.A. Arheanaktidy – tirany, oligarhi ili drevnie praviteli? // Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXXVII. / Zin'ko V.N. (otv. red.). Kerch'-Simferopol', 2018a. C. 17–27.

Molev E.A. O dvojnom naimenovanii stolicy Bospora // MAIASK 10. 2018b. S. 287–295.

Ostapenko S.N. Nekotorye aspekty denezhnogo obrashcheniya Bospora v VI-III vv. do n.e. // PIFK. 4. 2017. S. 120–144.

Rostovcev M.I. 1989. Issledovaniya po istorii Skifii i Bosporskogo carstva T. II. Glava VI. Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo carstva. 1. Gosudarstvo i social'nyj stroj epohi Spartokidov. // VDI. № 2. S. 183–197.

Saprykin S.YU. Bosporskoe carstvo: ot tiranii k ellinisticheskoj monarhii // VDI. 2003, № 1. S. 11–35.

Saprykin S.YU. Tiraniya na Bospore i gradostroitel'stvo // XIII Bosporskie chteniya. Kerch', 2012. S. 386.

Saprykin S.YU. Arheanaktidy i gradostroitel'stvo // Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXVIII. Simferopol'-Kerch', 2013. S. 21–46.

Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeya // MIA. № 69. 1959. S. 5–107.

Surikov I.E. K voprosu o haraktere tiranii na Bospore Kimmerijskom: stadial'no-tipologicheskij kontekst // Iz istorii antichnogo obshchestva / otv. red. A.V. Mahlayuk. 2007. Vyp. 9-10. S. 140–155.

Surikov I.E. Nekotorye problemy Bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (vzglyad iz Ellady) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2012. Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo carstva / Podosinov A.V.,Gabelko O.L. (otv. red.). M., 2014. S. 76–122.

Surikov I.E. Dve problemy Bosporskogo politogeneza V-IV vv. do n.e. («vzglyad iz Ellady») // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migracii, rasselenie, vojna kak faktor politogeneza. XXIV chteniya pamyati chl.korr. AN SSSR V.T. Pashuto. M., 2012. S. 311–315.

Tereshchenko A.E., SHaub I.YU. Grifon na bosporskih monetah: hronologiya, osobennosti, semantika obraza // Novyj Germes. IX. 2017. S. 153–168.

Tolstikov V.P. K probleme obrazovaniya Bosporskogo gosudarstva: opyt rekonstrukcii voenno-politicheskoj situacii na Bospore v konce VI – pervoj polovine v. do n.e.// VDI. 1984. № 3. S. 24–47.

Tohtas'ev S.R. K politicheskoj istorii Bospora III v. do n.e. // DB. / A.A. Maslennikov, A.A. Zavojkin (red.). T. 10. 2006. S. 416–428.

Trejster M.YU. Pogrebal'nyj obryad rekhbratnih kurganov i problemy akkul'turacii // Trekhbratnie kurgany / M.YU. Trejster (otv. red.). Simferopol'-Bonn, 2008. S. 147–156.
Fedoseev N.F. Nekotorye diskussionnye voprosy organizacii i razvitiya Bosporskogo gosudarstva // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2012. Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo carstva / Podosinov A.V.,Gabelko O.L. (otv.red.). M., 2014. S. 141–174.
Frolov E.D. Grecheskie tirany. L., izd-vo Leningradskogo universiteta, 1972.
Frolov E.D. Sicilijskaya derzhava Dionisiya. L., izd-vo Leningradskogo universiteta, 1979.
Frolov E.D. Istoricheskie predposylki ellinizma // Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura. M., 1990. S. 14–58.
Frolov E.D. Byk Falarisa: mif i real'nost' v predanii ob akrogantskom tirane VI v. do n.e. // Antichnoe gosudarstvo:politicheskie otnosheniya i gosudarstvennye formy v antichnom mire. / E.D. Frolov (red.). SPb., 2002. S. 5–20.
Frolov E.D. Rozhdenie grecheskogo polisa. SPb., Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. 233 s.
Choref M.M. Izobrazheniya na rannih bosporskih serebryanyh monetah: atribuciya i prichiny poyavleniya // Novoe proshloe. № 4. 2017. S. 128-149.
Churekova N.B. K probleme periodizacii tiranii na Bospore // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2012: problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo carstva / Otv. red. Toma Podosinov A.V. i O.L. Gabelko. M.: Russkij Fond Sodejstviya obrazovaniyu i Nauke, 2014. S.175–187.
Shelov-Kovedyaev F.V. Novye bosporskie dekrety // VDI. № 1. 1985a. S. 57–72.
SHelov-Kovedyaev F.V. Istoriya Bospora v VI-IV vv. do n.e. // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. M., 1985.
Shcheglov A.N. Severo-zapadnyj Krym v antichnuyu epohu. L., Nauka, 1978. 159 s.
Yajlenko V.P. Ol'viya i Bospor v ellinisticheskuyu epohu. Ellinizm. T. 1. M., 1990. S. 249–309.
Yakovenko E.V. Skify na Bospore (Greko-skifskie otnosheniya v VII-III vv. do n.e.). Avtoreferat dokt. diss. M., 1985.

Резюме

В статье подводятся итоги исследования причин долголетия боспорской тирании в отечественной и зарубежной историографии. Автор считает возможным объяснять этот феномен античной политической жизни совокупностью ряда причин, среди которых ведущая роль принадлежала двум боспорским правителям – Левкону I и Перисаду I.

Ключевые слова: Боспор, политическая система, тирания, Археанактиды, Спартокиды.

Summary

The article summarizes the results of the study of the causes of longevity of the Bosporan tyranny in domestic and foreign historiography. The author considers it possible to explain this phenomenon of ancient political life by a combination of a number of reasons, among which the leading role belonged to the personality of two Bosporan rulers – Levcon I and Perisad I.

Key words: Bosporus, political system, tyranny, Archeanaktids, Spartokids.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Молев Евгений Александрович, д.и.н., профессор,
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Нижний Новгород, Россия.
8-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Molev Eugeny Aleksandrovich, DSc, Prof.,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, professor.
8-987-753-49-16.
molev.eugeny@yandex.ru

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V.G. LAZARENKO

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АХИЛЛА В КРЫМУ И НА АЗИАТСКОМ БОСПОРЕ

SPECIAL ASPECTS OF THE CULT OF ACHILLES IN THE CRIMEA AND ON THE ASIAN BOSPORUS

Как известно, о генезисе культа Ахилла в Северном Причерноморье в научном сообществе в течение почти двухсот лет существуют два противоположных мнения: об автохтонном происхождении (или местном влиянии) и милетском (греческом) импорте.Мнение сторонников последнего казалось преобладающим, но лишь благодаря числу публикаций и категоричности выводов, в чём особенно выделялись А.С. Русяева и С.Б. Буйских, заслуги которых в *археологическом* исследовании архаических памятников культа Ахилла в Нижнем Побужье бесспорны и заслуживают безусловного уважения. Но в последние годы удалось в значительной мере поколебать позиции сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, показать синкретический характер данного культа, со значительным местным влиянием. Общее направление исследований, приведших к таким результатам, на наш взгляд, исчерпывающе сформулировал в своё время И.Ю. Шауб: «Проблема реконструкции религиозных верований населения северопричерноморских государств крайне осложнена целым рядом обстоятельств, прежде всего разнородностью этого населения, поскольку в его состав входили не только разноплеменные варвары, но и “разноплеменные” греки, выходцы из разных малоазийских полисов, весьма отличавшихся друг от друга своей культурой, в том числе пантеонами… Не нужно стремиться любой ценой доказать наличие в том или ином явлении религиозной жизни греков-колонистов Северного Причерноморья варварских корней или черт, но сравнивая то, что доподлинно известно об этих культах и ритуалах, с тем, что мы знаем о сакральной сфере населения метрополий причерноморских колоний, особое внимание следует обращать не на моменты сходства, а на черты отличия. При попытках объяснить целый ряд фактов несомненного различия пантеонов колоний и пантеонов их метрополий естественно искать причину этого явления прежде всего в воздействии той среды, в которой оказались греки на своей новой родине, т. е. во влиянии мира варваров» [Шауб, 2008, с. 116-117].

Значительный вклад в изучение культа Ахилла в Северном Причерноморье внёс В.П. Яйленко, показавший местные индоевропейские истоки данного культа и уникальность его связи со змеями. В целом этот крупный ученый достаточно глубоко в лингвистическом плане проанализировал связь культа Ахилла со змеями, а важнейшие выводы этого можно свести к следующему: 1) у туземного индоарийского

населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей; 2) он был связан с Ахиллом; 3) нигде более в Греции культ Ахилла со змеями никак не связывался [Яйленко, 2013а, с. 64–101; 2013б]. Однако при этом В.П. Яйленко, к сожалению, не привел никаких археологических свидетельств (кроме граффити Бейкуша). Более того, не определив действительные истоки индоевропейского культа змей и его идеологическую сущность, В.П. Яйленко, к сожалению, пришел к банальному, не соответствующему его уровню выдающегося исследователя объяснению, весьма популярному во второй части и у ряда его принципиальных оппонентов – сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье: «Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ их в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье» [Яйленко, 2013б, с. 393][1].

Независимо от работ В.П. Яйленко, нами был сделан анализ связи образа Ахилла со змеями, основываясь на работах И.Ю. Шауба, который настаивал на «змеиной» сущности Ахилла гораздо раньше В.П. Яйленко и наиболее полно к тому времени обосновал местное влияние на формирование его культа в Северном Причерноморье. Главным выводом его всестороннего изучения свидетельств «варварских» составляющих почитания здесь Ахилла явилось то, что «в своих истоках Ахилл был богом, скорее всего – умирающим и воскрешающим божеством, спутником Великой богини» [Шауб, 2007, с. 182–198]. Но проблема местного влияния на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье рассмотрена нами в более широком аспекте, дополнительно базируясь на данных археологии Северного Причерноморья в энеолите и бронзовом веке, в плане культа змей и связи его появления и распространения с ранними индоевропейскими миграциями. Особое наше внимание было уделено рассмотрению индоевропейских аспектов образа Змея. На наш взгляд, также необходимо было всесторонне и критически рассмотреть интерпретацию А.С. Русяевой и С.Б. Буйских археологических памятников, связанных с Ахиллом, особенно Бейкушского святилища, как и, естественно, провести всесторонний анализ другой точки зрения. При этом важнейшим мы посчитали исследование самого раннего этапа, то есть самого появления культа Ахилла в Северном Причерноморье, поскольку дальнейшее его развитие здесь греками сомнений не вызывает. Во всем этом – главное отличие результатов наших исследований от выводов В.П. Яйленко. Он, совершенно верно отметив отправную точку доказательства местных корней культа Ахилла в Северном Причерноморье (безусловное сходство имени Ахилла и др.-инд. áhi- «змей»), указав[2] на уникальность связи Ахилла со змеями на Бейкуше по сравнению со всей остальной Грецией и даже говоря об индоевропейских корнях

[1] И это утверждение о причинах «змеиных» особенностей культа Ахилла в Северном Причерноморье, очевидно, не случайно, поскольку В.П. Яйленко дословно повторил тезис об «обилии змей в Индии и Нижнем Побужье» в своей недавней книге [Яйленко, 2017, с. 116].

[2] Гораздо раньше это сделал И.Ю. Шауб [2002, с. 356–367], подчеркнув связь Ахилла со змеями как одну из важнейших черт, «восходящих к доэллинскому супругу Великой богини – умирающему и воскресающему вегетативному божеству».

культа Ахилла, ограничился лишь античным периодом Северного Причерноморья и не исследовал предыдущие периоды развития культа змей в данном регионе, где сформировалась и начала распадаться индоевропейская общность.

Поэтому для уточнения генезиса культа Ахилла в Северном Причерноморье мы предприняли следующее: 1) исследование распространения и идеологического содержания культа змей в период, предшествовавший колонизации греками данного региона; 2) более глубокий, чем прежде, анализ древних сообщений о связи образа Ахилла с Киммерией и Скифией; 3) демонстрация всего этого в тесной связи с индоевропейской проблематикой. В результате нами было показано прежде всего непрерывное существование культа змей в Северном Причерноморье в IV–I тысячелетиях до н.э. с распространением его в ходе ранних индоевропейских[3] миграций (т.е. миграций носителей арийской гаплогруппы R1a1) от Дунайско-Карпатского региона на восток и на юг, что послужило основой формирования здесь ранних индоевропейских представлений об Áhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке), как возможном прообразе Ахилла [Лазаренко, 2013; 2015а; 2015б; 2016б; 2017в; 2018в]. При этом мы учитывали, что «лингвистически неоспоримым фактом является существование греко-индо-иранской[4] общности, что заставляет помещать прагреков конца IV – начала III тысячелетия до н.э. вовсе не в Средней Европе, но скорее на западе причерноморских степей» [Гиндин, Цымбурский, 1994, с. 29]. Кроме того, лингвистические исследования показали соседство арийского и греческого языков в Северном Причерноморье к началу II тысячелетия до н.э. [Порциг, 2003, с. 238].

Киммерийцы и ранние скифы, судя по всему, были современниками первых греческих колонистов Северного Причерноморья, где и в античный период, как будет показано ниже, существовал обширный анклав реликтовых ариев. Следует отметить, что наиболее ранние из сохранившихся упоминаний об Ахилле в Северном Причерноморье связаны именно с киммерийцами.Это ряд фрагментов Песни XI гомеровской «Одиссеи» (13–14, 467–469, 485, 491), в сочетании которых Ахилл предстает царем над мертвыми в Киммерии, то есть в Северном Причерноморье. При этом, оценивая данные героического эпоса, следует учитывать, что истоки его формирования относятся к временам индоевропейской общности в Северном

---

[3] Напомним, что сам термин «индоевропейский» является лингвистическим. Индоевропейские же языки на Русской равнине, в Иране и в Индии в древности ассоциируются только с носителями гаплогруппы R1a1. Гаплогруппа же R1b стала «ассоциироваться» с индоевропейскими языками только начиная с I тысячелетия до н.э., причем, возможно, со второй его половины, когда представители R1a1 стали перезаселять Европу [Клёсов, 2010]. Поэтому важно выделить понятие «ранние индоевропейцы» (и, соответственно, «ранние индоевропейские миграции»), когда речь идет о миграциях IV–II тысячелетий до н. э., а не говорить об «индоевропейцах» и их миграциях вообще, чтобы не вызвать смешение понятий.

[4] В последние годы работами А.К. Шапошникова и В.П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение. Таким образом, сегодня речь должна идти о греко-индоарийской общности в Северном Причерноморье.

Причерноморье [Зайцев А.И., 1994, с. 64–88]. Однако суждениям о киммерийцах в Северном Причерноморье мешает неразрешимая пока археологическая проблема с разделением памятников, относящихся к киммерийцам, от собственно скифских памятников. Как считает А.Ю. Алексеев: «Современное понимание археологических памятников предскифского времени (IX–VIII вв. до н.э.) южнорусских степей не укладывается в рамки сконструированной археологами по историческим данным схемы, согласно которой пришельцам скифам на этой территории предшествовал единственный и коренной этнос – киммерийцы» [Алексеев, 2003, с. 151]. Тем не менее, этот крупный специалист утверждает: «Мы вправе предполагать присутствие киммерийцев на этой территории, но, правда, не в доскифское, а в раннескифское время. Не исключено также, что в будущем представится возможность выделить киммерийские памятники (вероятно, даже в рамках какой-либо локальной культуры) из скифского круга древностей. Пока же дифференцировать эти памятники практически невозможно» [Алексеев, 2003, с. 152]. А.И. Иванчик указывает, что в Восточной Европе археологические памятники киммерийцев неотличимы от раннескифских [Иванчик, 2009, с. 684].

В.П. Яйленко показал высокую степень историчности древних сообщений о киммерийцах, расположенных в Северном Причерноморье [Яйленко, 2011, с. 414–418]. Имена трех киммерийских царей, упомянутых в ассирийских документах VII в. до н.э., имеют индоарийское происхождение, как и сам этноним киммерийцев [Яйленко, 2012, с. 571–573]. Анализируя истоки влияния туземного населения на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье, В.П. Яйленко утверждает: «Киммерийцы и тавры – остаток индоарийского населения, часть которого в VIII–VII вв. до н.э. ушла отсюда через Закавказье на Индостан, другая часть оставалась на месте» [Яйленко, 2011, с. 411]. Но миграции индоариев (ариев) из Северного Причерноморья, в том числе на Индостан, начались самое позднее на рубеже III–II тысячелетий до н.э., более того с конца II тысячелетия до н.э. началось обратное движение реликтовых ариев из Закавказья до Северо-Западного Причерноморья. Таким образом, киммерийцы представляют собой не собственно индоариев, а их потомков – реликтовых ариев, представленных еще многими народами Северного Причерноморья (см. ниже).

В плане решения третьей задачи мы опирались на следующее. Лингвистическая аргументация в работах О.Н. Трубачева, анализировавшего «нескифское в скифском», дала основание понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идёт о местностях, заселённых «старыми ариями», т.е. ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тысячелетии до н.э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время, – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И как полагает О.Н. Трубачев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая

Скифия, ἀρχαίη Σκυθίη в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа, отделившейся и ушедшей на юго-восток. Название ἀρχαίη Σκυθίη "старая Скифия" у Геродота (IV, 5) равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов» [Трубачев, 1999, с. 99–102][5]. Данные племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам.

Об этом свидетельствуют, в частности, Стефан Византийский: «Меоты – весьма сильное и многочисленное скифское племя», Дионисий Периегет (298): «Тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Дром Ахилла»; в схолиях к Дионисию Периегету Евстафия Фессалоникийского находим: (163) «Северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцы» и (302) «Тавры или росы, живущие около Ахиллова Дрома». В другом, анонимном схолии к Дионисию Периегету указано: (163) «Киммерийцы живут под выступом Тавра, который называется Херсонесом Таврическим и прилежит к устью Меотиды с запада; в соседстве с ним живут многие скифские народы», (303): «Тавры – в Скифии, в которой находится Ахиллов Дром, скифы – у Белого острова» и (681) «Синды живут по Истру, как говорит Аполлоний». Аполлоний Родосский действительно указывает (IV, 316–322): «…синдов народы… где Истр разветвился». Локализация синдов на Истре (Дунае), а не в обычном для них Приазовье обусловлена тем, что хотя отделение синдо-меотского языка от арийского праязыка-основы произошло в Закавказье в первой четверти-трети II тысячелетия до н.э. (подтверждается примерами реликтовой ономастики региона), племена синдо-меотской общности постепенно заселили весь Западный Кавказ, вышли к берегам Меотиды, а затем, по А.К. Шапошникову, «привольно расселились по побережью Черного моря; великое переселение народов того времени занесло их далеко на запад» [Шапошников, 2005, с. 49].

Обобщение всего этого – у О.Н. Трубачева: «Примыкающая местность с изрезанной береговой линией, Кинбурнским полуостровом – геродотовской Гилеей "Лесной страной", далеко вдающейся в море, не случайно нам напоминает Таманский полуостров и дельту Кубани. Давно замечено, что это классические реликтовые зоны. Примерно в этих двух районах Геродот упоминает и киммерийцев (последнее прибежище и место погребения киммерийских царей он помещает на реке Днестр). Нельзя не обратить внимание на то, что в тех же районах (приазовской Синдике и упомянутых местах Северо-Западного Причерноморья) древние авторы знают синдов. Речь идет не о позднейших литературных переносах вроде синдов на Истре-Дунае, вместо Гипаниса-Кубани, в обработке мифа об аргонавтах Аполлония Родосского (Schol. Dionys. 681; Schol. Apoll. Argon. 321), а о реальных фактах истории… Ростовцев, например, со всем вниманием отнесся [Ростовцев, 1925, с. 59] к сообщению Плиния

[5] Продолжая исследования О.Н. Трубачева, В.П. Яйленко дополнил список индоарийских наименований в Нижнем Поднепровье [Яйленко, 2011, с. 440–444].

о Синдской Скифии – *Scythia Sindica* (Plin. NH IV, 84) близ Днепра, и он был прав… Можно думать, что Геродот сохранил нам драгоценное первое письменное свидетельство о древнем разделении индоиранской ветви на иранцев-скифов[6] и индоарийцев, скрывающихся под именем Старой Скифии. Добавим, что Старая Скифия Геродота и Синдская Скифия других авторов (напр. *Scythia Sindica* – Plin. NH. IV, 84) территориально совпадают, после чего круг поисков на данной стадии замыкается» [Трубачев, 1999, с. 106, 108]. В.П. Яйленко дополнил эти выводы [Яйленко, 2011, с. 445], проанализировав упоминания Валерия Флакка (Arg. VI, 86) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 41) о «низких синдах» – соответственно, при Меотиде и на полуострове близ Ахиллова Дрома, а также Плиния Старшего (NH. IV, 80) о «низких скифах, по происхождению рабах», в другом переводе – «в местах, прилегающих к побережью у Истра… выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты (т.е. «живущие в норах или пещерах»). В этом контексте представляется важным, что Ликофрон (Alex. 190-191) «поселяет» Ахилла в его поисках Ифигении не как обычно в данном случае – на Ахилловом Дроме, а у Истра: «На пенном берегу он будет долго жить, у Кельтра вод болотистых»[7].

Другой древнейший источник – известный фрагмент Алкея (Fr. 48B): «О Ахиллес, владыка земли скифской», – был до сих пор недостаточно глубоко, на наш взгляд, рассмотрен антиковедами. И.И. Толстой видел в нем лишь подтверждение того, что «уже в начале VI в. до н.э. имя Ахилла неразрывно связано с представлением о далекой северной окраине, у берегов сурового моря» [Толстой, 1918, с. 10]. Х. Хоммель, объясняя, почему вообще лесбосец Алкей был склонен написать гимн Ахиллу, предположил, что эта песнь предназначалась для праздника на могиле Ахилла, на близлежащем малоазийском мысу – Сигее в Троаде, потому что Алкею и его соотечественникам должно было, согласно тексту данного фрагмента, хорошо известно, что герой Ахилл на Сигее, как в то же время и на берегах Понта пользовался также божескими почестями. Относительно Сигея этому есть свидетельство Флавия Филострата (Her. 52, 3 – 54, 1). В итоге Х. Хоммель заключил, что это единственное в своем роде свидетельство позволяет считать, что почитание Ахилла, властвующего в заморских странах, должно было возникнуть уже в конце VII в. до н.э. Он также полагал, что Алкей, указывая на Скифию, имел в виду не варварские причерноморские земли в глубине материка, то есть Алкей обращал свой призыв не к скифскому божеству.

---

[6] Повторим, что в последние годы работами А.К. Шапошникова и В.П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение. Многие скифские реликты имеют индоарийское происхождение. Таким образом, речь должна идти не о «древнем разделении индоиранской ветви» (это случилось значительно восточнее Северного Причерноморья), а о древней (на рубеже III–II тысячелетий до н.э.) миграции ариев из Северного Причерноморья на восток и юго-восток и об их остатках в «Старой Скифии» – реликтовых ариях, современных грекам-колонистам.

[7] Здесь: «Кельтр – стяженное от “кельтский Истр” (Дунай)», как считает И.А. Суриков, переводчик данного текста.

Кроме того, данную эпиклезу Ахилла Х. Хоммель однозначно связал с начавшейся несколько поколениями ранее греческой колонизацией «прибрежной Σκυθική, для которой уже тогда культ Ахилла был весьма характерен» [Хоммель, 1981, с. 55-56]. Если понимать это мнение Х. Хоммеля буквально, то он фактически утверждает, что к началу колонизации греками побережья Северного Причерноморья культ Ахилла здесь уже был, хотя считает культ Ахилла в данном регионе – чисто греческого происхождения. В.П. Яйленко сначала полагал, что под Скифией Алкея «разумеется скорее побережье с его многочисленными местами культа героя Ахилла, нежели остров Белый» [Яйленко, 1980, с. 84]. На эти утверждения Х. Хоммеля и В.П. Яйленко о «побережье», тем более с «многочисленными местами культа Ахилла» следует возразить, что во времена жизни Алкея (конец VII – начало VI вв. до н.э.) в Северном Причерноморье, видимо, вообще еще не было многочисленных греческих мест почитания Ахилла, поскольку самые ранние граффити, свидетельствующие о культе Ахилла, найдены только на Березани в слоях конца VII в. до н.э.[8] и на Бейкуше – в слоях первой четверти–середины VI в. до н.э. [Буйских, 2001, с. 34-35; Буйських, 2012, с. 53–55].

Гораздо позднее В.П. Яйленко уточнил свою позицию, прежде всего напомнив, что в дошедшем до нас оригинале текст Алкея выглядит так: Ἀχιλλεὺς ὅς τᾶς Σκυθικᾶς μεδέεις – «Ахилл, ты, который властвует над скифской землей» [Латышев, 1890, с. 195] и только усилиями издателей превратился во всем знакомое Ἀχίλλευς ὁ τᾶς Σκυθίκας μέδεις – «Ахилл, владыка Скифии» [Яйленко, 2013а, с. 71]. Б. Браво заключил, что под Скифией здесь подразумевается Ахиллов Дром и прибрежная полоса Нижнего Побужья – Нижнего Поднепровья с Тендровской и Джагарлычской косами [Bravo, 1974, p. 136-137]. Д.А. Мачинский и В.Т. Мусбахова [2009, с. 342–348] на основе сопоставления гомеровского эпизода об Ахилле «в земле киммерийской» с фрагментом Алкея и рассуждений о локализации Аида в Киммерии сделали вывод, что культ Ахилла зародился в Нижнем Побужье не позже, чем на Левке, и он развивался тут даже со второй половины VIII в. до н.э. Базируясь на обеих этих работах, В.П. Яйленко пришел к достаточно радикальной мысли, что, поскольку в это время греков еще в данном регионе не было, а культ Ахилла был, следовательно, он местный [Яйленко, 2013а, с. 71–74]. Уточним, что местным был, конечно, не сам культ Ахилла, а культ Áhi-Змея, что установлено нашими исследованиями. Поэтому речь должна идти о местных и греческих представлениях об Ахилле, слившихся в начале колонизации [Шауб, 2007, с. 197-198]. Нельзя также обойти вниманием сообщение Евстафия Фессалоникийского, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает (Eustath. 306 Müllerus), говоря об Ахилловом Дроме, что в отличие от гомеровского героя был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время её

[8] Любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004–2018 гг.

преследования, отчего это место и названо Ахилловым. Те, кто это говорит, ссылаются на слова Алкея: “Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей”». Учитывая же всё вышесказанное, представляется допустимым трактовать приведенные выше слова Гомера и Алкея как память о давно прошедших временах, где пра-Ахилл царствовал ещё над ранними индоевропейскими предками киммерийцев и скифов, а не как сведения об исторических киммерийцах и скифах. Склонность понимать сведения античных авторов, в данном случае как безусловный исторический источник, очевидно, и привела к значительным противоречиям в среде археологов и антиковедов.

Нами ранее сделано обоснование возможности формирования образа пра-Ахилла, связанного с культом змей, возможно, легендарного вождя или предка племён гаплогруппы R1a1 – ариев, ещё с периода формирования или распада индоевропейской общности в Северном Причерноморье, то есть в катакомбное время, что получило своё развитие позднее – в «Старой Скифии» [Лазаренко, 2013; 2014]. При сопоставлении рассмотренного фрагмента Алкея и известных скифских генеалогических легенд, тесно связанных со змеями, Ахилл предстаёт не просто «скифом» и даже не только «Владыкой Скифии», но прародителем целого народа «Старой Скифии». Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец» [Латышев, 1904, с. 3], вполне возможно, подтверждает это. В итоге многолетних исследований нами представлено развернутое обоснование синкретичности раннего этапа (конец VII – начало V вв. до н.э.) культа Ахилла в Северном Причерноморье, учитывая оригинальность святилища на Бейкуше в плане безусловного и весомого наличия здесь «варварских» элементов культа, в том числе – уникальной для Греции его связи со змеями, а также с аргументированной критикой сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в данном регионе, с привлечением античных источников, данных археологии и лингвистики [Лазаренко, 2016а, 2016г]. Дальнейшие исследования укрепили и расширили выводы этих работ, главные итоги которых таковы. Следует говорить не о милетском импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье, а о слиянии на раннем этапе почитания первыми греческими колонистами Ахилла не в образе героя Троянской войны, но в образе народного (домашнего) бога – Змея-предка, с культом Áhi-Змея местного населения, современного колонистам – реликтовых ариев, поклонявшихся Верховному божеству и Первопредку в образе Змея. Представления об этом же, вероятно, существовали у греков непрерывно со времен греко-арийской общности в Северном Причерноморье, сохранились в ходе миграций (о чем говорит пример Эпира с культом Ахилла Аспета), затем деградировали до представлений о змеях – домашних богах, но проявились более масштабно во время колонизации, когда греки по сути вернулись на землю далеких предков – ранних индоевропейцев и встретились со своими дальними родственниками – реликтовыми ариями. Якобы «внезапное» появление в римское время культа Ахилла Понтарха – «Владыки Чёрного моря» (уже не героя, но бога), так удивившее в своё время западных специалистов, с центром именно на Березани (о чём свидетельствует

наибольшее число находок здесь посвящений Ахиллу Понтарху), нельзя объяснить ничем, кроме как непреходящими и древнейшими местными представлениями об Áhi-Змее – Верховном божестве и Первопредке, прообразе Ахилла [Лазаренко, 2017б]. И очевидно, что не «милетцы возвысили Ахилла до бога», как полагал ещё У. фон Виламовиц-Мелендорф, а милетцы, зная, конечно, лишь гомеровского героя Ахилла, столкнулись в Северном Причерноморье с гораздо более важным и древним местным божеством – Áhi-Змеем. Этим же объясняется, на наш взгляд, и устойчивость в течение почти тысячелетия культа Ахилла в Северном Причерноморье.

Таким образом, на основе критического анализа античных литературных источников, данных археологии и лингвистики нами сделаны следующие выводы [Лазаренко, 2016, с. 59-60; 2018а, с. 357-358]:

1) наиболее ранние археологические свидетельства поклонения Ахиллу в Северном Причерноморье, датируемые концом VII – началом VI вв. до н.э., связаны с достаточно вероятным культовым комплексом Ахилла в Нижнем Побужье, объединяющим территориально весьма близкие Березань[9], Бейкуш и Большую Черноморку II;

2) это позволяет выделить в развитии культа Ахилла в Северном Причерноморье особый и самый ранний этап: конец VII – начало VI вв. до н.э., что подчёркивается неповторимостью в дальнейшем в других местах «змеиных» черт отправления культа Ахилла на Бейкуше;

3) мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным – в Милете (как и в Ионии в целом) развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии;

4) решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н.э., Áhi-Змея-Первопредка (а в своих истоках – Верховного бога) и олицетворением родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения;

5) прекращение существования Бейкушского святилища в начале V в. до н.э. и отсутствие «змеиных» компонентов культа Ахилла в других местах Северного Причерноморья может быть объяснено тем, что Áhi – «Змей-первопредок» был для греков-колонистов, очевидно, в целом уже чуждым божеством;

6) последующий перенос центра почитания Ахилла на остров Левке представляется реализацией потребности привести важный для дальнейшей колонизации культ (отказаться полностью от самого культа Áhi-Змея – «хозяина» Северного Причерноморья колонистам, окруженным «варварами», было явно невыгодно) в

[9] Установлено, что нынешняя Березань тогда (и до V в. н.э.) не была островом, а представляла собой часть полуострова [Зубарев, 2005, с. 171].

соответствие с уже существовавшими легендами о Белом острове и гомеровским Ахиллом, а также с «нормами» Дельфийского оракула, которым явно не отвечал «варварский» Бейкуш;

7) появление в римское время культа Ахилла Понтарха – «Владыки Чёрного моря» и бога нельзя объяснить ничем, кроме огромной значимости прообраза Ахилла в Северном Причерноморье в предыдущие времена, от начала формирования индоевропейской общности.

Но всё это касается в основном Северо-Западного и Северного Причерноморья. Особенности же культа Ахилла в Крыму и на Кубани античного периода исследованы ещё недостаточно. Между тем, совершенно прав И.Ю. Шауб, утверждая, что в связи с вопросом о религиозном влиянии варварского окружения на греков-колонистов исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия [Шауб, 2008, с. 114-115]. Возможно, после V в. до н.э., когда прекратило существование бейкушское святилище Ахилла, его адепты обосновались в Крыму. Но, скорее всего, почитание там Ахилла, точнее – его прообраза, было и ранее. Это находит своё обоснование в том, что у местного населения (реликтовых ариев) издавна существовал культ змей. Так, в каменном ящике № 16 могильника Дружное 2, расположенного в предгорьях Крыма, были обнаружены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок [Колотухин, 1996, с. 30–33, 154, 155, рис. 54, 5 и 8; 55]. Эта находка тем интереснее, что, опираясь на указание А.А. Масленникова о том, что «в синхронных таврской и кизил-кобинской культурах есть погребения VII и даже IX–VIII вв. до н.э.» [Масленников, 1995, с. 61], Г.М. Буров сделал вывод, что «Могильник Дружное 2 близ с. Дружное Симферопольского р-на относится к белозерской культуре» [Буров, 2006, с. 72], хотя другие исследователи относят этот памятник к кизил-кобинской культуре VI–V вв. до н.э. Если же данный могильник всё-таки принадлежит белозерской культуре, то это очень интересно в индоевропейском аспекте. Дело в том, что белозерская культура стала, по всей вероятности, непосредственной наследницей ариев, которые ушли из Северного Причерноморья на рубеже III–II тысячелетий до н.э. не полностью. Кроме того, белозерская культура связывается с киммерийцами. При этом киммерийский период в Северном Причерноморье называют также раннескифским. Связываемая с киммерийцами черногоровская культура сформировалась в степях Северного Причерноморья и Предкавказья на основе поздней срубной культуры и белозерской культуры [Вальчак, 2009, с. 684]. Между тем, в костных остатках нескольких захоронений срубной культуры (с археологическими датировками 3540±325 лет назад и 3740±125 лет назад) в Самарской области была обнаружена гаплогруппа R1a [Allentoftetal., 2015; Mathiesonetal., 2015]. Данные захоронения срубной культуры (середина II тысячелетия до н.э.) с точки зрения ДНК-генеалогии

– это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 211]. Анализ типов лепной керамики греческих поселений Нижнего Побужья (в том числе Бейкуша), проведённый К.К. Марченко, позволил выделить в качестве одной из групп сосуды, сходные с керамикой степной зоны Северного Причерноморья – белозерского этапа срубной культуры; по мнению автора, это свидетельствует о пребывании в ольвийской округе позднеархаического периода представителей различных варварских племён, в том числе прямых потомков скотоводов и земледельцев эпохи поздней бронзы из степной зоны Северного Причерноморья [Марченко, 1987]. Совершенно не исключена такая же ситуация и в Крыму – тем более что белозерская культура охватывала, кроме территории сегодняшних Одесской, Николаевской, Херсонской областей, также и весь Крым [Древние культуры, карта 5].

Этнической общности тавров, обитавших в горных и предгорных районах Крыма, соответствовала, по мнению большинства исследователей, кизил-кобинская археологическая культура, которая возникла примерно в начале I тысячелетия до н.э., а погибла во II в. до н.э. [Колотухин, 1996, с. 60, 88]. У тавров существовал культ змеи [Бондаренко, 2009, с. 405], о чем могут свидетельствовать не только описанные выше браслеты, но и несколько случаев, когда погребальные каменные ящики, характерные для тавров, были расписаны внутри белыми, черными или красными полосами, треугольниками, ромбами, точками и волнистыми линиями (использовались соответственно мел, сажа и охра); при этом волнистые линии могли изображать змей [Лесков, 1965, с. 76-77]. Значительное количество лепной керамики кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV вв. до н.э. украшено ранним типом гребенчатого орнамента в виде различных геометрических фигур, выполненных гребёнкой-штампом. На некоторых находках, на наш взгляд, можно выделить «змеевидный» орнамент, например, вертикальная тройная волнистая линия (из Ташлы-Баир), встречаются вертикальные зигзаги (бывш. имение Э. Б. Бобовича, курган 1/1) и вертикальные волнистые линии (Григорьевка, погребение 5/9) [Сенаторов, 2011, с. 354-355, 358, рис. 1,*5*; 2,*1*; 2,*5*]. Мы считаем, что важность изучения такой керамики и особенно интерпретации орнаментов на ней обусловлена тем, что её бытование приходится на время существенных изменений в материальной культуре племён кизил-кобинской культуры, связанных с освоением Крыма греческими колонистами и кочевыми скифами. Например, в некоторых скифских погребениях курганов Юго-Западного Крыма – в погребении 6 (конец VI – V вв. до н. э.) кургана 2, 1986 г. (в 2 км к юго-западу от с. Вилино Бахчисарайского района) и в погребении 1 (вторая половина V в. до н.э.) кургана 1 (в 1 км к северо-западу–западу от главного въезда в с. Кольчугино Симферопольского района) обнаружены сосуды кизил-кобинской культуры с гребенчатым орнаментом типа «волчьего зуба» [Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 80-81, 88, рис. 2,*12*; 9,*1*], который представляет собой по сути усложненный зигзаг; последний же в орнаменте лепных сосудов, как известно, трактуется как «змеевидный».

Ещё в 1968 году А.М. Лесков утверждал: «Змеи, как известно, сравнительно редко встречаются на предметах торевтики из Северного Причерноморья. Из находок в Причерноморье можно назвать лишь золотой браслет из плетёной проволоки со змеиными головками на концах, найденный в четвёртом Семибратнем кургане» [Лесков, 1968, с. 163]. С тех пор, в итоге раскопок ряда археологических памятников, ситуация радикально изменилась, особенно относительно находок «змеиной» тематики в Крыму. Кратко приведем свод данных об этом. У с. Баштановка (бывшая Апан-Сарча, в Северо-Западном Крыму) сделана случайная находка – золотая гривна с драконьими головками на обоих концах [Петренко, 1978, с. 79, 87, табл. 32,*1,1а*], которая может быть датирована IV в. до н.э.[10] В кургане 1 группы «Три брата» (IV в. до н.э.)[11] в Восточном Крыму найдены два трехвитковых браслета (бронзовый и золотой) со стилизованными змеиными головами на обоих концах каждого из них [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 47,*13,14*]. В женском погребении кургана Куль-Оба (от 400 до 350 г. до н.э.) обнаружена золотая гривна с зооморфными головками на обоих её концах [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 33,*1*], которые можно трактовать как драконоподобные. Как считал М.И. Артамонов, погребения в Семибратних курганах (в низовьях Кубани), по-видимому, представляют династию туземных племенных царей, сильно эллинизированных, но сохранивших тесную связь со своей этнической средой. В склепе самого большого из них, который может быть датирован рубежом V–IV вв. до н.э., среди многих богатых артефактов найден большой бронзовый сосуд с подставкой на трёх львиных ножках и с двумя ручками в виде львов и змей. В четвёртом кургане в погребении, примерно того же времени или немного древнее, найдены, в частности, пять треугольных золотых пластин, служивших оковками несохранившихся деревянных частей ритонов; на фризе одной из этих пластин имеется изображение дракона (сенмурва). Кроме того, тут был найден плетеный золотой браслет в виде змеи, с головами на каждом из двух концов браслета. У погребенного здесь на груди находилась, кстати, большая бронзовая голова Горгоны [Артамонов, 1966, с. 36-37, табл. 121, 133], как известно, самым тесным образом связанной со змеями.

В огромном таманском кургане Большая Близница, точнее – во втором женском погребении, среди большого числа великолепных находок обнаружены два золотых спиральных (по три оборота каждый) кольца с головками змей на концах [Артамонов, 1966, с. 69, 72]. Украшения из этого кургана датируются 330–300 гг. до н.э. Из курганов Тамани происходят также три артефакта, хранящиеся в Бриллиантовой кладовой Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ) в Санкт-Петербурге: золотой браслет

---

[10] С могильниками Чаян, Апан-Сарча, Кош-Оба, находящимися примерно в 22 км к северу от Керкинитиды (Евпатория), связан ряд высокохудожественных находок из золота и серебра (IV в. до н.э.), выполненных греческими мастерами и происходящими из «царских» курганов Чаян и Апан-Сарча.

[11] «Три брата» – курганная группа эллинизированной скифской знати в 20 км к юго-западу от г. Керчи, у села Огоньки.

в четыре оборота с моделированной поверхностью и с головками змей на обоих концах; серебряное шейное украшение в десять плотно прилегающих слоев (оборотов) с головками змей на обоих концах. Подобное последнему украшение, но из золота и в семь оборотов, также с головками змей на концах, найдено в одном из самых больших курганов Таманского полуострова – Буеровой Могиле, курган Боюр-Гора[12], датируемый II в. до н.э. [Ворошилов и др., 2016, с. 153]. Вот как описывает его И.Е. Забелин, открывший в 1870 г. этот великолепный комплекс, к сожалению, за исключением отдельных вещей не введенный в научный оборот и остающийся не известным широкому кругу исследователей: «Широкое золотое ожерелье в виде свившейся двухголовой змеи. Задняя часть ожерелья раскрывалась на шарнирах и закрывалась при помощи золотой булавки» [Кузнецов и др., 2016, с. 298, 300, 323, рис. 24]. Скорее всего, к этому же кругу находок относятся найденные в Пантикапее и хранящиеся в Золотой кладовой ГЭ два плоских золотых браслета в три оборота с заостренными концами, напоминающими головки змей на концах браслетов. Подобная пара золотых браслетов III–II вв. до н.э. (также с головками змей на обоих концах каждого браслета, но последние – в семь оборотов) из Горгиппии хранится в Бриллиантовой кладовой ГЭ. В Горгиппии же найдены датированные 200–100 гг. до н.э. и хранящиеся в Золотой кладовой ГЭ золотой браслет в четыре оборота со змеиными головками на концах и две золотые гривны, на одном из концов каждой – голова дракона с глазами.

В могильнике Фонтаны (в 5 км к юго-западу от Симферополя) в различных погребениях первого и третьего ярусов катакомбы № 5 были обнаружены одно бронзовое кольцо с одним расклепанным и закругленным концом, два бронзовых кольца с двумя такими концами, а также бронзовый браслет с обоими расклепанными концами [Храпунов, Мульд, 2004, с. 244, 246, рис. 4,*8,10*; 6,*17,18*], которые можно трактовать как стилизованные змеиные головки. В южной камере катакомбы № 18 могильника Левадки (приблизительно в 4 км к юго-западу от могильника Фонтаны) обнаружен бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Храпунов, Мульд, 2004, с. 251, рис. 13,*44*]. И.Н. Храпунов и С.А. Мульд считают, что «исходя из скудного датирующего материала катакомбу № 5 из могильника Фонтаны можно отнести к любому отрезку времени в пределах IV–II вв. до н.э.» и, кроме того, «поскольку источник распространения погребальных сооружений данного типа (катакомб) обнаруживается только один – это культура скифов IV в. до н.э., то и появление на Боспоре катакомб приходится связывать с проникновением на Керченский полуостров дезинтегрированных остатков кочевых орд скифов» [Храпунов, Мульд, 2004, с. 246, 262].

Боспорское общество середины II в. до н. э., как указывает М.И. Максимова, вступило на путь слияния местных и эллинских культурных элементов. Большую роль

[12] Не вызывает сомнения, что Боюр-Гора является частью некрополя столицы Азиатского Боспора [Кузнецов, 2016, с. 323].

в этом процессе взаимного проникновения двух первоначально чуждых друг другу культурных элементов сыграл, как известно, третий элемент – культура новых соседей Боспора – сарматов. Признаки сарматизации в Артюховском кургане на Тамани еще слабы, но они бесспорны, и этот факт особенно ясно показывает, какое место надлежит отвести данному памятнику в ряду таманских курганов. Артюховский курган отражает начальный этап переходного периода в истории Боспора. В нём еще сильны отзвуки высокого расцвета Боспорского царства в III в. до н.э., но наряду с этим прослеживается зарождение новых форм культуры и быта – тех форм, которые стали определяющими для эпохи второго расцвета Боспора в первые века нашей эры [Максимова, 1979, с. 24]. В Артюховском кургане, пожалуй как нигде в курганных памятниках, значительно представлены артефакты с изображением змей. Так, из одиночного женского погребения I происходит «пара змеевидных браслетов», два похожих (в виде свернувшейся змеи) браслета найдены также в гробнице II. Подобные украшения, носившиеся как на руках, так и на ногах, были широко распространены в эту эпоху во всем античном мире, но браслеты из Артюховского кургана М.И. Максимова относит к изделиям местных мастеров: «Вероятно, эти изделия, скорее всего, местные подражания привозным образцам». Основанием такого заключения послужило следующее. Данные браслеты отличаются упрощенными формами и несложной техникой изготовления. Здесь нет характерной для многих подобных украшений гравировки, передающей змеиную чешую, нет моделировки головы, инкрустации глаз и т. д. На первой паре браслетов змеиное тело сделано из простой полоски, вырезанной из плотного золотого листа, на другой – из золотой пластинки с выпуклым ребром. Головы змей не моделированы, их глаза и рты переданы простыми нарезными линиями. Чешуя на браслетах второй пары вовсе не обозначена, а на браслетах первой пары изображена условно при помощи «елочки» на шее и хвосте. На всех четырех браслетах голова и хвост змеи отвернуты в сторону. В гробнице II найден также перстень в виде свернувшейся в спираль змеи, сделанный из узкой кованой полоски золота, снизу плоской; шея змеи уложена в мелкие кольца наподобие восьмерок, голова приподнята, рот, глаза и поперечные складки на шее переданы гравировкой. Перстни, так же как и браслеты, в форме свернувшейся в кольцо змеи были очень распространены в античном мире начиная с IV в. и кончая первыми веками нашей эры, когда они стали изготовляться путем литья [Максимова, 1979, с. 17, 37-38, 62, 64, рис. 17 – Арт. 11, 12, 48, 49; 19 – Арт. 57].

Браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок, являются редкими находками в степных скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма [Тельнов, Синика, 2012, р. 70], однако широко представлены в погребениях, относящихся к позднескифской археологической культуре Крыма [Лысенко, 2015, с. 310].Это видно на примере могильника крымского Неаполя Скифского, столице позднескифского государства (III в. до н.э. – III в. н.э.), в том числе в большом коллективном погребении (около 30 костяков, расположенных в три круга). Так, в грунтовом могильнике восточного склона (на Восточном некрополе) Неаполя обнаружены в могиле № 22 два браслета (один из круглого

дрота, другой из плоского) со змеиными головками на обоих концах, в могиле № 16 – браслет из плоского дрота и перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 4 и склепе № 49 – по одному браслету из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 14 – перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могилах № 21, 70 и 71 – по одному круглому дротовому браслету со змеиными головками на обоих концах; особо богатым подобными находками оказался склеп № 62, где найдены браслет из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, а также браслет из круглого дрота в семь оборотов и пластинчатый браслет – оба со змеиными головками на обоих концах [Бабенчиков, 1957, с. 127, табл. III,*6-8,10*; IX,*8*; Троицкая, 2015, с. 55, 57, рис. 4,*4,5*; Зайцев Ю.П., 2003, рис. 95,*9*; 123,*15*; 138,*5*; Пуздровский, 2007, рис. 29,*IV,3-5*; VI,*2*; рис. 31,*9*]. В.П. Бабенчиков считает, что всё это вещи местного производства и датирует их II–IV вв. н.э. К особому типу могил относится комплекс погребений в курганной насыпи у поворота дороги, ведущей из Неаполя по восточному склону к Алуштинскому шоссе. Здесь, в женском погребении № 5, был найден браслет из плоского дрота со змеиными головками на обоих концах, а в грунтовом склепе № 16, где были погребены две женщины с младенцами, у одной из них на обеих руках у локтей обнаружены по одному бронзовому браслету со змеиными головками; все они, как и другие находки в данном кургане, датируются I в. н.э. [Бабенчиков, 1957, с. 139, табл. IX,*8*], а Т.Н. Троицкая отмечает, что этот «тип (браслетов) широко распространен у крымских скифов с конца I в. н.э.» [Троицкая, 2015, с. 55]. Данные артефакты, как и описанные выше, найденные на Восточном некрополе, могут указывать на то, что в первые века нашей эры к скифскому населению, по выражению В.П. Бабенчикова, «примешивается в значительном количестве элемент сарматский» [Бабенчиков, 1957, с. 139]. В контексте же нашего исследования представляется важным, что наиболее ранние культурные остатки, обнаруженные на территории Неаполя Скифского, представляют собой следы поселения кизил-кобинской археологической культуры конца IV – начала III вв. до н.э. [Зайцев Ю.П., 1995, с. 84].

Говоря о поздних скифах в Крыму, О.Д. Дашевская указывает, что со II–I вв. до н.э. появляются бронзовые браслеты с головками животных на концах, а затем вплоть до III вв. н.э. становятся характерными круглопроволочные и пластинчатые браслеты с концами в виде змеиных головок[13]; таким же образом оформлялись иногда и перстни [Дашевская, 1989, с. 136, табл. 55,*26,27,35*]. В Битакском могильнике[14], расположенном в 0,8 км к северо-востоку от Неаполя Скифского, на противополож-

[13] О.Д. Дашевская здесь же кратко упоминает, что в качестве шейных украшений изредка использовались бронзовые гривны. Браслеты же были обычными, их носили мужчины, женщины, дети на руках, реже – на ногах.

[14] Битакский могильник находится на территории Симферополя, в развалинах бывшей татарской деревни Битак.

ном, правом склоне долины р. Салгир, в склепе 106 среди диагностирующих находок, по мнению А.Е. Пуздровского, имеется браслет из круглого дрота с головкой змеи на одном из его концов, а в склепе 170 – несколько подобных браслетов; в склепе 105 найдено навершие с гравировкой в виде зигзага (также отнесенное автором раскопок к диагностирующим находкам) [Пуздровский, 2007, рис. 37,*I-3,II-2,5,6*; рис. 36,*I-4*], что возможно трактовать как символ змеи. В кургане у городища Кермен-Кыр (у пос. Мирное близ Симферополя, в 5,5 км к северо-западу от Неаполя Скифского) в одном из впускных грунтовых склепов найдена гривна с расклепанным концом, весьма напоминающим головку змеи [Пуздровский, 2007, рис. 50,*1*]. В ходе раскопок Тавельских курганов (у сегодняшнего с. Краснолесье Симферопольского района) в 1897 г. среди прочих артефактов найдены два позднескифских браслета с головками змей на одном из концов каждого, показанными не только соответствующей формой, но и различной гравировкой; кроме того, одна из найденных здесь же фибул имеет на щитке гравировку в виде извитой линии [Пуздровский, 2007, рис. 45,*8-10,14,17*], что также может трактоваться как изображение змеи. В могильнике (где преобладают погребения II в. н.э.) близ с. Заветное Бахчисарайского района в Крыму обнаружено значительное число украшений, и среди них несколько перстней из плоского дрота с концами в виде змеиных головок, а также ряд бронзовых браслетов, большинство из которых – 60% (!) составляют имеющие на обоих концах изображения головок змей [Богданова, 1963, с. 101, рис. 4,*3*]. На Заветнинском могильнике также найдены глиняные и алебастровые прясла, некоторые из которых украшены прочерченными рисунками [Богданова, 1963, рис. 6,*10*], в том числе весьма похожими, на наш взгляд, на маленьких змеек.

Особенно многочисленные находки «змеиной» тематики были сделаны при исследовании позднескифского Усть-Альминского некрополя (на юго-западном побережье Крыма, между Херсонесом и Керкинитидой, у современного с. Песчаного Бахчисарайского района). В склепе 390 на III (нижнем) ярусе найдены двух- и трехвитковые браслеты из круглого дрота со стреловидной головкой змеи на одном из концов каждого; «шея» змеи в каждом случае передана значительным количеством поперечных полосок [Пуздровский, 2007, рис. 59,*1,4*]. В подбойной могиле 580 этого же некрополя обнаружено два подобных браслета, но с головками змей на каждом из их концов; отличается также гравировка «шеи» змеи на одном из них [Пуздровский, 2007, рис. 69,*7,8*]. Кроме того, на данном некрополе найдены золотые гривна с обоими расклепанными концами, браслет с одним расклепанным концом (напоминающим головку змеи), четырехвитковое кольцо с отогнутой головкой змеи на одном из концов, а также серебряный браслет из круглого дрота с головками змеи на обоих концах [Пуздровский, 2007, рис. 111,*2,8,9,11*]. Дальнейшие исследования этого некрополя принесли еще более впечатляющие результаты. Так, в могиле 1069 склепа центральной части некрополя найдена бронзовая фибула с узкой пластинчатой спинкой, украшенной проволочной обмоткой в виде наложенной «змейки», с четырехвитковой пружиной и нижней тетивой; такие

фибулы датируются второй половиной II – III вв. н.э. Там же обнаружены фрагментированные бронзовые браслеты, которые по ромбовидной форме расплющенных окончаний[15] могут быть сопоставлены с изделиями II – первой половины III вв. н.э. [Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 213, рис. 15,*1,4,5*]. В склепе 973 обнаружены два бронзовых браслета со змеиными головками на обоих концах каждого из них. В погребениях 2 и 3 склепа 974, а также в могиле 1045 – по бронзовому браслету с одной змеиной головкой; в погребении 6, как и в склепах 1002 и 1010, – по два таких браслета. В могиле 985 обнаружен бронзовый браслет с двумя змеиными головками, а в подбое 2 могилы 995 – две серебряные серьги с одной стилизованной головкой змеи у каждой. В склепе 1040 и в могиле 1069 найдены фрагменты бронзовых браслетов со змеиными головками [Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 11,*16,18*; 16,*12*; 17,*2*; 18,*2,4*; 39,*13*; 56,*3,4*; 68,*5,6*; 85,*5,6*; 138,*2,3*; 143,*11*; 181,*5,6*].

В грунтовом могильнике на косе Беляус на западном берегу Крыма, между Калос Лимен и Керкинитидой (у с. Знаменское в Черноморском районе), в могиле 12 найден трехвитковый бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Дашевская, 1991, табл. 71,*14*], а также браслет с орнаментацией, похожей на условное обозначение тела змеи (ромбы со многими точками внутри них), – в склепе 114 (катакомба II–I вв. до н.э.) [Пуздровский, 2007, рис. 12,*II-6*]. При раскопках помещения I в. до н.э. греко-скифского городища (конец II – начало I вв. до н.э.) на западной окраине г. Саки в Северо-Западном Крыму найден бронзовый браслет с концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок [Внуков, 2007, с. 54, 57]. В подъемном материале некрополя Лучистое 2 (Южный Крым) присутствуют фрагменты бронзовых браслетов со змеиными орнаментированными головками и один целый браслет с неорнаментированными змеиными головками на обоих концах, а в могиле № 1 (наиболее вероятно, рубежа I–II вв. н.э.) данного некрополя найдены бронзовые браслеты со змеиными орнаментированными головками на расплющенных концах [Лысенко и др., 2015, с. 310; рис. 3,*17,18,20*; 17,*1,2*]; кроме того, в этой же могиле найдены фибулы со схематическим изображением змеек на их щитках [Лысенко и др., 2015, с. 306, рис. 13,*15,16,19*]. На Чернореченском могильнике II–IV вв. н. э. (в восточной части г. Севастополя, на левом берегу р. Черной – восточный склон II Федюхиной высоты) обнаружены серебряное кольцо и бронзовый браслет со змеиными головками на каждом из концов обоих предметов, а также бронзовое кольцо с гравированной на нем змейкой [Дашевская, 1991, табл. 67,*26,38*; 71,*15*]. Среди инвентаря погребального обряда при раскопках могильника городища Куру Баш раннего периода

[15] Авторы почему-то не связали их со змеями, но в самой широкой части каждого из расплющенных окончаний отчетливо видны два глаза, а при переходе от головы змеи к шее – изображение дерева. Это, безусловно, говорит не только о том, что изображены змеи, но и включает в композицию образ Мирового дерева, что делает такое изделие еще более знаковым, поскольку тесная связь змея с Мировым древом отчетливо зафиксирована в индоевропейской традиции.

позднескифской культуры (II – середина I вв. до н.э.), которое находится на холме рядом с селом Виноградное Феодосийской административной зоны, отмечены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде стилизованных змеиных головок [Гаврилов, Труфанов, 2012, с. 33].

В одном из Тавельских курганов (это самые южные курганы с групповыми погребениями, примыкающие к горным районам) у с. Краснолесье Симферопольского р-на среди найденных бронзовых проволочных браслетов выделяется браслет (конца I в. н.э.) с расплющенными концами, выполненными в виде стилизованных змеиных голов [Троицкая, 2015, с. 55, 58]. Наиболее ранним из групповых является погребение в кургане № 2 на бывшей земле Черкеса под г. Симферополем, где в гробнице было погребено 173 человека разного возраста и пола; обращают на себя внимание обнаруженные здесь обломки лепного сосуда с налепным, расположенным под венцом, орнаментированным насечкой валиком [Троицкая, 2015, с. 54-55, рис. 2,*1*], который вполне можно расценивать как «змеевидный». Т.Н. Троицкая подчеркивает, что «традиции коллективных захоронений получили своё дальнейшее развитие у коренных жителей Крыма – горных тавров… скифские курганы этого типа расположены в предгорной части Крыма, в непосредственном соседстве с областью горных тавров, в другом же районе оседания скифов – на западном побережье Крыма – подобные захоронения неизвестны… Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах… В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н.э. … Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н.э. – первые века н.э.» [Троицкая, 2015, с. 60-61]. Всё это представляется весьма важным, поскольку тавры причисляются, как было показано выше, к реликтовым ариям, а обычай скорченного захоронения связан с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуровой керамики [Haaketal., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. О вполне вероятной родственности скифов с древним арийским населением Северного Причерноморья говорит также находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305 ± 90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Haaketal., 2015].

Ю.П. Калашник описывает два золотых браслета: один из них – с головками змей на концах (середина V в. до н.э., Таманский полуостров, IV Семибратний курган, раскопки В.Г. Тезингаузена в 1876 г.), другой – в виде свернувшейся змеи (III в. до н.э., Таманский полуостров, Васюринская гора, 1-й Средний курган, случайная находка в 1870 г.). И совершенно справедливо указывает, что изображение змеи во все времена считалось действенным амулетом и в Афинах такими амулетами охраняли детей, ссылаясь при этом на трагедию «Ион» Еврипида [Калашник, 2014, с. 62, 242]. Ссылка более чем справедлива, поскольку в данной трагедии говорится,

в частности (Eur. Ion. 9–28, 1410–1421, 1427–1432), что Афина для защиты рожденного ею Эрихтония[16] «Двух змей еще приставила к ребенку; / С тех пор в Афинах золоченых змей / На шею надевают детям». Так же поступила и героиня Еврипида царевна Креуса, которой «был соблюден и дедовский обычай»: «Из золота литые два дракона. / … Об Эрихтонии живая память. / Но для чего же служит та краса? / Чтобы ребенку надевать на шею». Так что мы видим явное совпадение представлений греков и «варваров» относительно змеиных оберегов-апотропеев. Это нельзя полагать случайным, если помнить о происхождении предков греков, как и реликтовых ариев, из одного региона – Северного Причерноморья.

Артефактов другого типа, кроме браслетов, с изображением змей на памятниках Крыма античного времени обнаружено немного. Но они достаточно выразительны. На фрагменте золотой накладки на колчан V в. до н.э. из погребения в с. Ильичево (Советский район, Крымское Приазовье) имеется изображение змеи, тело которой завернуто в виде двух волют [Piotrovskyetal.,1986, pl. 70]. При исследовании нижних слоев позднескифского зольника II–I вв. до н.э. на некрополе у пос. Заозерное близ Евпатории найдены терракотовый алтарик и глиняные модели зерна, плодов оливок и выпеченного хлеба [Попова, Егорова, 2009, с. 276-277]. Авторы этой находки совершенно верно интерпретируют её как культовую, но, к сожалению, лишь приводят фото алтарика, не описывая его. Между тем на фото отчетливо виден в средней части тулова алтарика извитый валик, который можно трактовать как змееподобный.

Наличие культа Ахилла в рассматриваемом регионе подтверждается также находками соответствующих граффити. В Херсонесе Таврическом обнаружены граффити AX и AXI, датируемые IV в. до н.э. [Граффити, 1978, с. 38-39]. С.Ю. Сапрыкин, констатируя, что культ Ахилла был известен в Херсонесе, подчеркивает: «Крайне скупо представлены сведения о почитании Ахилла на хоре Херсонеса: имеется только два граффити AX, которые предположительно могут быть связаны с этим героем. Одно происходит с усадьбы в районе балки Бермана, другое из Северо-Западного Крыма из района озера Донузлав[17] (Соломоник, 1984, № 40, 431). Культ Ахилла в Херсонесе не был государственным, он был, скорее, частным или отправлялся приезжими иностранцами» [Сапрыкин, 2014, с. 18]. Считаем нужным добавить, что, кроме цитируемых здесь, Э.И. Соломоник приводит еще три граффито из Керкинитиды и её округи [Соломоник, 1984, № 137, 137, 241, табл. XI, XXIV], которые прочерчены так же небрежно, как эти № 40, 431, и могут с такой же вероятностью читаться как AX. Граффито между ручками на фрагментах шейки чернолакового кубка – посвящение Ахиллу обнаружено в горизонте конца II – начала I вв. до н.э. городища Кара-Тобе на западной окраине г. Саки [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 112–114].

---

[16] Эрихтоний – легендарный царь, имевший, по преданию, змеевидные нижние конечности. Тесная связь самой богини Афины со змеями общеизвестна.

[17] Относится к Тарханкутской группе озёр, располагаясь примерно в 57 км к северо-западу от Керкинитиды (Евпатории).

При раскопках Феодосии, кстати, «киммерийского города», как указывает Помпоний Мела (Chor. II, 3), найдены граффити и дипинти А, АХ и АХI, датированные V–IV вв. до н.э. [Емец, Петерс, 1993]. Почитание Ахилла в Мирмекии подтверждается находками посвященных ему граффити в виде АХ и АХI [Емец, 2005, табл. LIII, 4; CX, 4-5]. Н.И. Винокуров считает необычными найденные в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан «глубоко прочерченные на стенке амфоры граффити из нескольких букв или монограмм – АХ вместе с граффити на основе четко прочерченной буквы А» и допускает их связь с Ахиллом [Винокуров, 2007, с. 196-197, рис. 2]. При рассмотрении двух граффити на краснолаковой посуде из могилы 157 позднескифского (конец I – начало II вв. н.э.) могильника Битак в Крыму (на территории современного Симферополя) в одном случае можно видеть длинный зигзаг, а в другом – среди нагромождения непонятных знаков достаточно четко выделяются буквы АХ [Пуздровский, 2011, с. 374, 379, рис. 1,*22*; 1,*22а*]. И хотя автор этих находок не связывает их ни с Ахиллом, ни со змеей, мы не видим аргументов против сходства данных граффити с соответствующими граффити Бейкуша [Русяєва, 1971]. Подобные находки сделаны и по другую сторону Керченского пролива – на Тамани. И.И. Толстой приводит граффито АХ, найденное здесь, к сожалению, без уточнения локализации [Толстой, 1953, с. 146]. Имеется граффито с такой же аббревиатурой из Гермонассы [Емец, 2005, табл. XI, 5].

Но наибольшее количество граффити, так или иначе связанных с Ахиллом, происходит из другого знакового места, расположенного несколько севернее, где Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Сегодня его идентифицируют с поселением Батарейка I у южного основания косы Чушка в районе Динского залива [Зубарев, 2005, с. 339], где найдено граффито на внешней стороне стенки буролаковой чашки I в. н.э. – рисунок в виде «лесенки» и аббревиатура АХ [Емец, 2005, с. 133]. Однако святилище Ахилла могло быть расположено на соседнем поселении Каменная Батарейка, где внутри помещения I в. до н.э. – I в. н.э. обнаружен комплекс граффити: на внутренней стороне дна краснолаковой миски – аббревиатура АХ, рядом с которой процарапан магический знак в виде сетки и еще один магический знак в виде неправильного пятиугольника, перечеркнутого косым крестом, аналогии которому неоднократно встречались на Боспоре; на внешней стороне дна тарелки прочерчен солярный знак в виде перевернутой свастики. Из этого же помещения происходит фрагмент коричнево-глиняной амфоры южнопонтийского производства, на котором процарапаны змеи в виде волнистых линий, соединенных общей чертой. Рядом со зданием обнаружен квадратный алтарь 1,20 х 1,20 м, ориентированный строго по сторонам света. Известняковые плиты его площадки имели розоватый оттенок, образовавшийся, возможно, в результате действия огня при сжигании жертв [Емец, 2005, с. 132-133]. На еще одном соседнем поселении, Батарейка II, найдены следующие граффити, свидетельствующие об отправлении культа Ахилла: аббревиатура АХ с изображением перевернутого дерева справа, а также с отдельным изображением перевернутого

дерева и с отдельным изображением змеи в виде волнистой линии [Емец, 2005, табл. XLVII, 6; XCIV, 2; XLVII, 5]. Кроме того, И.А. Емец отмечает, что на поселении Батарейка II неоднократно встречались знаки в виде зигзага [Емец, 2005, с. 146], что, как известно, символизирует змей.

Подавляющее число граффити Крыма и Тамани, относящихся к Ахиллу, аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше [Русяєва, 1971], Березани[18] и Большой Черноморке II [Отрешко, 1977] и, возможно, являются подношениями не Ахиллу-герою, но Áhi-Змею реликтовых ариев Таврии и Тамани, где греки находились буквально в окружении индоевропейских племен, соответственно – тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер.

Более того, как указывает Т.Н. Смекалова: «Особенностью нового антропогенного культурного ландшафта было то, что греческие усадьбы в Северо-Западном Крыму соседствовали с многочисленными поселениями местных земледельческих племен. Эти поселения до недавнего времени не были известны науке, что привело к ошибочному мнению, продолжавшемуся длительное время, о том, что греки-херсонеситы прибыли на пустующие земли[19], где лишь время от времени кочевали скифы» [Смекалова, 2017, с. 261]. Разведки и раскопки 2007–2017 гг. показали, что в глубинных частях Таврики существовало более ста «варварских» поселений, синхронных греческим [Смекалова, Кутайсов, 2017, с. 135–221]. На наш взгляд, изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных выше граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша [Русяєва, 1971; Буйских, 1991, с. 12; 2002], хотя их разделяет как минимум пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Всё это, видимо, указывает на стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. Об этом же может говорить и то, что, например, Присциан (Perieg. 297–299) располагал Ахиллов Дром «вблизи устья Меотиды» [Латышев, 1906, с. 437], то есть Керченского пролива. Нами ранее обосновано предположение о том, что сами множественные[20] и весьма протяженные Ахилловы Дромы даже без каких-либо культовых сооружений на них были объектами почитания – отражением реликтовой

---

[18] Любезное сообщение В.В. Крутилова, руководителя Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004–2018 гг.

[19] Это напоминает известное мнение об отсутствии местного населения Северного Причерноморья (в частности, в Нижних Побужье и Поднепровье) в начале колонизации его греками, до сих пор отстаиваемое рядом украинских антиковедов, несмотря на то, что многими работами последних лет показано обратное. Так, например, И.В. Бруяко продемонстрировал глубокое проникновение здесь (вплоть до Днепра) фракийцев, современных ранним грекам-колонистам. Этот момент крайне важен относительно генезиса культа Ахилла в Северном Причерноморье, поскольку сторонники его милетского импорта в этот регион используют тезис о безлюдности колонизируемой территории для отрицания любого местного влияния на формирование данного культа.

[20] Приводя локализацию Ахиллова Дрома в области Керченского пролива, напомним, что Ликофрон (Alex. 190-191) «поселяет» Ахилла в его поисках Ифигении совершенно в противоположной стороне

памяти о прото-Ахилле – Áhi-Змее, Верховном боге ранних индоевропейцев, обладая его главными характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью [Лазаренко, 2018а, с. 274–300; 2018г]. Очень важен в связи с этим эпитет Ахилла в Эпире – Аспет, поскольку Ἄσπετος и означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле − несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Характерно также, что в большинстве античных сообщений подчеркивается, что Ахиллов Дром населен таврами.

С учетом всего вышеизложенного недостаточно глубокими могут оказаться следующие заключения Е.А. Акимовой, хотя ряд их положений обоснован: «Культ Ахилла был популярен не только у эллинов, но и среди современного им местного варварского населения. Об этом свидетельствуют памятники торевтики, происходящие из скифских курганов. Это накладки на ножны скифских мечей и гориты. Все эти предметы, выполненные из золота, найдены в скифских царских курганах и датируются 340–320 гг. до н.э. …Причиной появления на скифских накладках образа Ахилла могли быть определенные ассоциации, соотносившие его с местным богом со схожими функциями. У скифов им мог быть бог Тагимасад, почитаемый царями в качестве родоначальника (Herod. IV, 59), отождествление Ахилла с которым полагал существующим М.Ф. Болтенко[21]. Для Ахилла и Тагимасада были общими такие черты, как хтонизм, связь с водной стихией, с женским божеством <…> Однако неверным было бы считать, что степные кочевники полностью отождествляли Ахилла с Тагимасадом или с другим схожим божеством. Вероятно, любые подобные ассоциации могли иметь место только в среде городского варварского населения, контактировавшего с эллинами. Возможно, ещё одно объяснение популярности оружия с изображением Ахилла у скифских вождей. Изображение Ахилла на горитах могло иметь магический характер: пластинами со сценами из жизни Ахилла, непревзойденного воина, погибшего от роковой стрелы, покрывались гориты, предназначенные для хранения лука и стрел. Стрелы, взятые из этих горитов, несли смерть и таким непобедимым героям, каким являлся Ахилл. Этот мотив мог быть близок скифам, которые были известны в античном мире как первоклассные стрелки. Наличие сюжета, связанного с Ахиллом, на вещах, изготовленных специально для скифской аристократии, можно объяснить и тем, что в это время культ героя в Северном Причерноморье переживает расцвет[22]» [Акимова, 2013, с. 606, 611–613]. На наш

– у Истра (Дуная), хотя большинство античных источников локализуют Ахиллов Дром на теперешней Тендровской косе, примерно посредине этих крайних локализаций.

[21] Имеется в виду фрагмент статьи Болтенко М.Ф. Herodoteanea // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса, 1962. С. 19.

[22] Это мнение впервые высказал И.Ю. Шауб (Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Часть 1. СПб., 2002. С. 187, 189). Однако Е.А. Акимова, делая соответствующую ссылку, опустила в ней весьма существенное продолжение данных слов И.Ю. Шауба: «Расцвет этого культа, вероятно, был во многом обусловлен тем, что архаический Ахилл греков-колонистов встретился здесь с местным божеством, имевшим схожие черты».

взгляд, заметно ближе к пониманию истоков почитания Ахилла местным населением был В.Д. Блаватский, который, говоря об Ахилле Понтархе, утверждал: «Трудно допустить, чтобы во времена существования эллинских городов на Северном Понте это местное божество почиталось одними греками. Нужно думать, что его культ был распространен и среди прибрежных варваров, во всяком случае, каллипидов в устьях Днепра и синдо-меотов на Таманском полуострове. Впрочем, не исключена возможность, что в более поздние времена (в IV в. до н.э.) этот культ проник и к царским скифам», но и он в связи с этим указал лишь: «Можно отметить сближение представлений и вкусов верхов скифского общества с эллинской художественной культурой. Доказательством тому служат четыре великолепных горита (Чертомлыцкий, Ильинецкий, Мелитопольский и Елисаветовский) с золотыми облицовочными пластинками, украшенными рельефными сценами из жизни Ахилла» [Блаватский, 1964, с. 19, 29-30]. Отметим, что среди курганов с подобными находками и курган Чаян в 25 км к северо-западу от Евпатории. Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре давно отметил И.Ю. Шауб [1998; 2008].

Так называемый Мирмекийский саркофаг, датируемый II в. н.э., по смыслу имеющихся на нём изображений представляет тот же круг памятников, что и рассмотренные выше гориты. Сходство данных изображений – в их сюжетах о пребывании Ахилла на острове Скирос, где мать Фетида пыталась укрыть своего сына от грядущей гибели в Трое. Ключевой здесь является сцена «узнавания» Ахилла Одиссеем и его спутниками, что справедливо трактуется как символ «возвращения к нормальной, героической жизни (что) может свидетельствовать лишь об одном – возрождении… главный рельеф (Мирмекийского саркофага) должен символизировать фундаментальную идею возрождения после смерти» [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 14–26]. Поразительно, но большинство сюжетов на данных саркофагах и горитах (где они вообще идентичны) очень похожи, хотя их создание разделено пятью веками. Это может говорить только об одном – об устойчивости сакрального смысла образа Ахилла. На наш взгляд, это, как и показанное выше сходство граффити Бейкуша и Тамани, также разделенных пятью веками, указывает на стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. Это может объяснять и сам факт погребения в рассмотренном саркофаге боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (154/155 – 170/171 гг. н.э.) не в столичном Пантикапее, а в местности, расположенной напротив него и разделенной Керченской бухтой, – на теперешнем Карантинном мысе северной части данной бухты, то есть в Мирмекии [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 44–46].

Для этого следует отдельно рассмотреть феномен населенного пункта Мирмекий. Примечательно, что нигде в Греции (в том числе и в Фессалии, откуда «производит» мирмидонян большинство авторов), кроме восточной части Крымского полуострова, не было населенных пунктов с подобным названием – по крайней мере, у Павсания в «Описании Эллады» данных о таких городах или поселках нет. Относительно же крымского Мирмекия имеется достаточное число античных сведений: Страбон (VII,

4, 5; XI, 2, 6), Помпоний Мела (Chor. II, 3) и Плиний Старший (NH. IV, 87) безапелляционно говорят о городе или городке Мирмекий, локализуя его в одном и том же месте – в районе современной Керчи. О населенном пункте Мирмекий в Крыму сообщают также Псевдо-Скилак (68), Элий Геродиан (XIII, 373, 26), Псевдо-Арриан (PPE, 76), Стефан Византийский, а о мысе Мирмекий – Птолемей (III, 6, 3). Помпоний Мела (Chor. II, 3) пишет: «Киммерийские города Мурмекион, Пантикапеон, Феодосия», а Плиний Старший (NH.IV, 87) упоминает о городе Киммерии на противоположном берегу пролива; киммерийский контекст здесь представляется весьма важным в плане тесной связи Киммерии и образа Ахилла (см. выше). Нельзя пренебречь также тем, что Лев Диакон напоминает (Hist. IX, 6): «Ведь Арриан пишет в своем “Перипле”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера».

Сегодня существование Мирмекия подтверждено многолетними археологическими исследованиями, локализовавшими его на Карантинном мысу северной части Керченской бухты, а почитание Ахилла в Мирмекии – найденными здесь граффити в виде AX и AXI [Емец, 2005, табл. LIII, 4 и CX, 4-5]. Еще раз подчеркнем, что подобные граффити аналогичны по своей краткости большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке II и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, но AXI-Змею реликтовых ариев Таврии, где культ змей, как показано выше, был достаточно представителен, по крайней мере от кизил-кобинской культуры до римского времени. Кроме того, само название Мирмекий, безусловно, происходит от μύρμηξ «муравей». И здесь очень важно, что в индоевропеистике зафиксирован семантический переход понятий «змея (червь) – муравей» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 527]. Это позволяет с достаточной степенью вероятности считать едиными основы представлений древних об Ахилле-Змее и Ахилле – предводителе мирмидонян, «муравьиных людей»; связь последних с названием Мирмекия совершенно верно утверждает И.Ю. Шауб [2002, с. 186–189]. Характерно, что муравьи, как и другие насекомые, не играли почти никакой роли в официальном греческом религиозном ритуале, но они представлялись в народной религии «одной из самых частых обителей душ усопших» [Кагаров, 2012, 303-304]. Однако Климент Александрийский сообщает (Protr. II, 39, 6), что фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, обернувшись муравьем, сочетался браком с Эвримедузой и произвел на свет Мирмидона – первопредка мирмидонян, и это может быть отражением очень раннего предания. Поклонение же муравьям представляется не чем иным, как поклонением далеким предкам – «перволюдям», а имеющиеся античные данные о мирмидонянах, вполне вероятно, говорят об истоках образа Ахилла как Первопредка ранних индоевропейцев. Погребение же боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора в Мирмекии в саркофаге с изображениями, символизирующими возрождение после смерти, может быть объяснено тем, что Ахилл, как известно, сам не был царем при жизни, но он был «царем над мёртвыми» в Киммерии, а в своих истоках – вечно умирающим и воскрешающим паредром Великой богини.

Таким образом, Ахилл, очевидно, представлял собой в варварской среде образ вечно живого Первопредка, если не Верховного бога.

Ранее мы высказали предположение о возможности скрытого почитания Ахилла на Боспоре [Лазаренко, 2013, с. 61; 2014, с. 252-253], основываясь на том, что на протяжении практически всего V в. до н.э. в Пантикапее было осуществлено 13 (!) выпусков (пять из них – в храме Аполлона) монет самых мелких серебряных номиналов – тетартемориев с изображением муравья [Анохин, 1986, с. 136–138, табл. 1,*6,10,13,18,22,25,28,32,35,38,41,50,56*], а в Феодосии – один подобный выпуск [Анохин, 1986, с. 139, табл. 2, *66*]. При этом мы акцентировали внимание в отношении храмовых выпусков на том, что муравей никоим образом не может являться символом Аполлона, он может быть только символом Ахилла – предводителя мирмидонян. Позже мы развили эту аргументацию, продемонстрировав попутно крайнюю редкость монетных выпусков, связанных с Ахиллом, в остальной Греции, их отсутствие в Ольвийском полисе, где культ Ахилла был наиболее развит [Лазаренко, 2016в, с. 20; 2018а, с. 318-319, 322-323], а также исследовав феномен мирмидонян и показав, что само его происхождение достаточно тесно связано с древнейшим Крымом [Лазаренко, 2017а; 2018а, с. 308–313; 2018б]. Результаты данных исследований делают весьма вероятной принадлежность боспорских тетартемориев с изображением муравья к глубоко табуированному в плане имени культу Ахилла. Эта наша гипотеза нашла поддержку специалистов [Терещенко, Шауб, 2018а, с. 140], которые полагают: «При современном состоянии наших знаний наиболее адекватной представляется гипотеза о связи образа муравья с хтоническим культом Ахилла, существовавшим на Боспоре [Шауб, 2002, с. 187], и трактовка изображения муравья на монетах как свидетельства “скрытого почитания” Ахилла на Боспоре [Лазаренко, 2013, с. 61; 2014]. Эта “скрытость“, на наш взгляд, хорошо согласуется с немногочисленными, но очень весомыми данными о существовании боспорского культа Ахилла [Шауб, 2002], который (культ) по своему хтоническому характеру (также ярко выраженному на Левке и в материалах других святилищ Ольвийской хоры) должен был иметь мистериальные черты. Мы имеем в виду тот факт, что, хотя на Боспоре существовало поселение с теофорным названием Ахиллей, где находился храм этого героя, который явно почитался здесь (как и в Ольвии) в качестве хтонического божества, все детали данного культа остались неизвестными (поскольку, вероятно, намеренно не предавались огласке). …муравей в качестве монетной эмблемы не встречается более нигде[23], кроме Пантикапея» [Терещенко, Шауб, 2018б, с. 154-155]. Особый интерес представляют выводы этих уважаемых исследователей о значении изображений муравья и головы льва в разных сериях пантикапейских монетных выпусков V в. до н.э., в т.ч. тетартемориев. Взяв за основу то, что Ахилл «в своих истоках является типичным для религий восточного Средиземноморья и Ближнего Востока умирающим и воскресающим божеством –

[23] Имеется в виду вся Греция.

спутником многоименной Великой богини всего сущего» [Шауб, 2007, с. 190, 197, 366], а «одной из ипостасей Великой богини, выступавшей в качестве паредры Ахилла, была Кибела – Мать богов и повелительница зверей, весьма почитаемая и на Боспоре [Шауб, 2007, с. 351–353; 2011, с. 298-299] и «с учетом того, что лев считался её священным животным [Шауб, 2007, с. 275], они заключили: «Мы с большой долей вероятности можем предполагать, что, изображая львиную голову в фас, пантикапейские монетарии имели в виду именно Кибелу. В этом ракурсе соседство пары “лев – муравей” представляется неслучайным». А далее, соглашаясь с нашим утверждением относительно боспорских тетартемориев, что муравей никоим образом здесь не являлся символом Аполлона, он может быть только символом Ахилла – предводителя мирмидонян, данные исследователи пришли к следующему выводу: «Совершенно естественным будет предположить, что в сериях, где присутствуют тетартемории с муравьем, за львом, вероятно, должно стоять какое-то иное божество… Наиболее подходящим в указанных условиях божеством выступает именно Кибела. Во всяком случае такое объяснение семантического значения связки “лев – муравей” и их длительное существование в качестве аверсных эмблем на монетах Пантикапея представляется наименее противоречивым» [Терещенко, Шауб, 2018б, с. 157–159]. С этим трудно не согласиться, но следует добавить, что образ и культ Великой богини был тесно связан со змеями.

О связи Ахилла с Великой богиней ярко свидетельствует находка фрагментированного граффито на плече родосской амфоры, представляющее собой совместное посвящение Ахиллу Сотеру (Спасителю) и Тарге Сотере (Спасительнице) – местной богине Тарге (Тарке), совершенно неизвестной из античных источников, пока не было исследовано её святилище в урочище Джангуль на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова, где и было найдено данное граффито [Тохтасьев, 2013, с. 194-195, рис. 1,*1*; Сапрыкин, 2014, с. 18-19]. Это святилище имеет не греческое и не скифское происхождение, будучи связанным с коренным таврским населением, и перестало функционировать около середины – начала третьей четверти II в. до н.э., то есть после присоединения Западной Таврики к Позднескифскому царству; «в основе почитания Тарги лежал культ Верховной женской богини», а Ахилл предстаёт её паредром [Сапрыкин, 2014, с. 23], то есть паредром Великой богини, напомним, тесно связанной со змеями. Здесь можно видеть определенную аналогию с совместным почитанием Ахилла и Гекаты в Нижнем Побужье. Заметим, что Ахилл упомянут в обсуждаемой надписи первым, что показывает его культовое главенство, хотя это святилище считается не Ахилловым (то есть он здесь персонально не почитался), а святилищем Тарги. Хотя последнее достаточно спорно: Й. Хупе, говоря о двух вотивных граффити с именем Ахилла, найденных здесь, полагает, что «почитание Ахилла в этом святилище свидетельствует о религиозном взаимодействии местного населения и греков на территории Херсонеса», а также что именно в данном святилище Тарги «культ Ахилла испытывал сильное воздействие местных факторов» [Hupe, 2006, S. 238]. Форма написания данного граффито, в частности аттическое

окончание датива имени Ἀγ<ι>λλεῖ, напоминает граффито-посвящение Ахиллу V в. до н.э. с Березани [Яйленко, 1980, с. 86]. Это представляется не случайным, поскольку данное святилище Тарги – наиболее близкое к Березани и мысу Бейкуш место в Крыму, где найдены граффити, имеющие отношение к Ахиллу. Кстати, круглые керамические вотивы, найденные здесь [Сапрыкин, 2014, с. 23, рис. 31], аналогичны «кружкам» из святилища Ахилла на Бейкуше. Оба этих обстоятельства в определенной мере показывают преемственность характера поклонения Ахиллу в его самом раннем культовом центре Северного Причерноморья и в Крыму спустя три века после прекращения функционирования святилища на Бейкуше.

Возвращаясь к характеру поклонения Ахиллу на Боспоре, следует отметить, что, возможно, именно сам крайне мелкий размер тетартемориев (кроме них, муравей ведь более нигде не изображался) мог содействовать скрытости почитания Ахилла на Боспоре в конце архаического времени, если вообще не символизировал эту «скрытость», поскольку изображение муравья в данном случае было едва заметно. Кроме того, примечательно, что хотя Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) уверенно располагали святилище (храм) Ахилла в местности, которую сегодня идентифицируют с поселением Батарейка I[24] у южного основания косы Чушка в районе Динского залива (на северо-западе Таманского полуострова), никаких сведений о характере отправления культа Ахилла в данном святилище античные источники не приводят. Следует подчеркнуть, что о святилище Ахилла на мысе Бейкуш (напомним, знаковом в плане явной связи образа Ахилла со змеями) античные источники также умалчивают, хотя оно было достаточно большим и действовало не менее века, что подтверждено значительным количеством открытых там культовых объектов. Истоки же данной скрытости мы видим в глубоком табуировании древнейших богов, к которым, как показано нами [Лазаренко, 2018а, с. 154–203], относился и Ахилл, точнее, его прообраз – Áhi-Змей ранних индоевропейцев, представления о котором как о Верховном боге и Первопредке сохранились у реликтовых ариев Северного Причерноморья, в том числе, видимо, и у тавров.

В итоге следует констатировать, что культ змей в Северном Причерноморье античного времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в «варварской» среде – у тавров, скифов и сарматов. Учитывая тесные контакты местного населения с греческими полисами и их хорой, а также традицию культа змей в данном регионе в течение нескольких тысячелетий, трудно отрицать местное идеологическое влияние на греческое население (тем более, имеющее пусть далекое, но общее с реликтовыми ариями раннее индоевропейское прошлое), что и проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Особенно ярко эти особенности выражены в античном Крыму и на Кубани. В данном регионе культ Ахилла, похоже, имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, что подчеркивает его местные древнейшие корни,

[24] Само святилище Ахилла здесь, к сожалению, до сих пор не найдено.

которые и обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа. Это позволило культу Ахилла в Крыму и на Кубани сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до I–II вв. н.э. в отличие от известных ритуалов на острове Левке, а также отправлявшегося на острове Березани, в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, где в это время уже сформировался культ Ахилла Понтарха.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Е.А. Ахилл в греко-варварской торевтике Северного Причерноморья // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрёстке. СПб., 2013. С. 606–613.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник. 1966. 120 с., табл.

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П.Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 94–141.

Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII–V вв. до н.э.) // СА. 1964. № 2. С. 13–26.

Богданова Н.О. Могильник I ст. до н.э. – III ст. н.э. біля с. Завітне, Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. 15. С. 95–109.

Болтенко М.Ф. Herodoteanea // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 4. Одесса: [б.и.], 1962. С. 16–32.

Бондаренко М.Е. Изобразительное искусство как важнейший источник для изучения религиозных представлений тавров // БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб.: [б.и.], 2009. С. 402–406.

Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Викторовича Виноградова. Севастополь: [б.и.], 2001. С. 34–41 (Херсонесский сборник. Вып. XI).

Буйских С.Б. Новые эпиграфические находки с Бейкушского поселения // II чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Тезисы докл. конференции Одесса, 1991. С. 11-12.

Буйских С.Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.

Буйських С.Б. Ольвія та Березань в контексті заснування іонійского колоніального поліса в Нижньому Побужжі // Музейний вісник: науково-теоретичний щорічник. Вип. 12 / Відп. ред. Г. І. Шаповалов. Запоріжжя: Запорізький обласний краєзнавчий музей, 2012. С. 53–63.

Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев: Стилос, 2006. 528 с.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 48 с.

Вальчак С.Б. Киммерийский период // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.

Винокуров Н.И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. 2007. Вып. 1. СПб. С. 190–199.

Внуков С.Ю. Новые открытия на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму в 2007 г. // АДУ 2005–2007 р. / Гол. ред. Н.О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя: ІА НАН України; Дике Поле, 2007. С. 54–58.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курган Боюр-Гора (Буерова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного «Круглого стола» / Отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский. СПб.: [б.и.], 2016. С. 147–164.

Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Исследование могильника городища Куру-Баш // АДУв 2011 р. / Гол. ред. Д. Н. Козак. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 33-34.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. 1984. 1409 с.

Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект) // ВДИ. 1994. № 4. С. 19–39.

Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах) / Отв. ред. Э.И. Соломоник. Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III вв. до н.э. – III вв. н.э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 125–146. (Археология СССР).

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с. (САИ. Вып. Д 1–7).

Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И.В. Бруяко и Т.Л. Самойлова. Одесса: СМИЛ, 2013. 902 с., табл.

Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Спутник, 2005. 242 с.

Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити и дипинти античной Феодосии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 207. С. 77–83.

Зайцев А.И. Формирование греческого гекзаметра. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1994. 168 с.

Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье: Запорожский государственный университет, Запорожский областной краеведческий музей, 1995. Вып. V. С. 67–90.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с., ил.

Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 503 с.

Иванчик А.И. Киммерийцы // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.

Кагаров Е.Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. М.: Либроком, 2012. Репринт 1913 г. 336 с.

Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 280 с., ил.

Клёсов А.А. Гаплогруппа R1b. Часть 2. Гаплогруппа R1b по странам и регионам // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2010. Т. 3. № 3. С. 406–475.

Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видят ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187–240.

Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – в начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 79–101.

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Вып. 2 /Ред. А.А. Завойкин. М.: Институт археологии РАН. 2016. С. 279–324.

Лазаренко В.Г. Культ Ахилла как отражение процессов формирования индоевропейской общности в Северном Причерноморье // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Аркасівскі читання»(26–27 квітня 2013 р.)/ Відп. за вип. В. І. Кокошко. Миколаїв: МНУ ім. В. О. Сухомлинського, 2013. С. 61–64.

Лазаренко В.Г. Культ Ахилла, «Старая Скифия» Геродота и Боспор // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир. Актуальные проблемы хронологии / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 252–257.

Лазаренко В.Г. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес.

Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2015а. С. 30–54.

Лазаренко В.Г. Семантика изображений змей и следов человеческих стоп в Северном Причерноморье эпохи бронзы // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи)». Міністерство культури України. Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна могила». Запоріжжя: Дике Поле, 2015б. С. 59–70.

Лазаренко В.Г. К дискуссии о происхождении архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Емінак. Науковий щоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 1 (13). Т. 2. Київ; Миколаїв, 2016а. С. 7–20.

Лазаренко В.Г. Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016б. С. 37–48.

Лазаренко В.Г. Отражение культа Ахилла в нумизматических памятниках // Емінак. Науковий щоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 3 (15). Т. 4. Київ; Миколаїв, 2016в. С. 20–24.

Лазаренко В.Г. Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VIII / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2016г. С. 13–60.

Лазаренко В.Г. Ахилл в Северном Причерноморье и его связь с киммерийцами, скифами и мирмидонцами. Миф или историческая реальность? // Емінак. Науковий щоквартальник / Гол. ред. О. Тригуб. № 3 (19). Т. 3. Київ; Миколаїв, 2017а. С. 5–22.

Лазаренко В.Г. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И.Ю. Шауб. СПб., 2017б. С. 97–152.

Лазаренко В.Г. «Софиевский змей» – уникальный памятник Северного Причерноморья // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. II / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2017в. С. 53–61.

Лазаренко В.Г. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018а. 416 с.

Лазаренко В.Г. Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть I. СПб., 2018б. С. 318–324.

Лазаренко В.Г. Культ змей и ранние индоевропейские миграции // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. III. Запоріжжя: Дике Поле, 2018в. С. 115–128.

Лазаренко В.Г. Феномен Ахиллова Дрома // Боспорские исследования. Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018г. С. 28–55.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. viii +946 с.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Вып. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1906. С. 274–454.

Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.

Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. № 1. С. 158–165.

Лысенко А.В., Масякин В.В., Мордвинцева В.И. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 295–333.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с., ил.

Марченко К.К. Лепная керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время / С.Д. Крыжицкий (отв. ред.). Киев: Наукова думка, 1987. С. 104–116.

Масленников А.А. К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э. М.: Институт археологии РАН, 1995. 124 с. (Боспорский сборник № 8).

Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // БФ: Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 319–355.

Отрешко В.М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н.Н. Бондарь. Киев: Вища школа, 1977. С. 40–44.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1978. 145 с., табл. (САИ. Вып. Д 4-5).

Попова Е.А., Егорова Т.В. Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище «Чайка» близ Евпатории и на некрополе у пос. Заозерное в 2007 г. // АДУ 2008 р. Київ: Волинські старожитності, 2009. С. 276–278.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с., ил.

Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 373–381.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 200–269.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016. 308 с., ил.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: Ленинградский Гублит, 1925. 624 с.

Русяєва А.С. Культові предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія.1971. № 2. С. 22–29.

Сапрыкин С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма/ Под ред. В.А. Кутайсова и Т.Н. Смекаловой. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. С. 7-31 (МАКК. Вып. XIV).

Сапрыкин С.Ю., Внуков С.Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015. № 2. С. 98–119.

Сенаторов С.Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV вв. до н.э. // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 354–362.

Смекалова Т.Н. Херсонесская колонизация и местное население Северо-Западного Крыма в античную эпоху // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14-15 декабря 2017 года). Симферополь: Ариал, 2017. С. 258–264.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма // Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность / Ред.-сост. Т.Н. Смекалова. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с., ил. (МАКК. Вып. XVIII).

Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 144 с.

Тельнов Н., Синика В. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista Arheologică. Serie nouă. 2012. Vol. VIII. Nr. 1-2. Pp. 69–83.

Терещенко А.Е., Шауб И.Ю. Особенности типологии пантикапейской чеканки // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть I. СПб., 2018а. С. 139–145.

Терещенко А.Е., Шауб И.Ю. О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. X / Глав. ред. А.Б. Егоров. СПб., 2018б. С. 146–160.

Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград: 2-я Гос. типография, 1918. 164 с.

Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. TRAKANA// ВДИ. 2013. № 1. С. 193–196.

Троицкая Т.Н. Скифские коллективные погребения в курганах Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 54–65.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Хоммель Х. Ахилл-бог / Пер. с нем. // ВДИ. 1981. № 1. С. 53–76.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. университета. С. 239–269.

Шапошников А.К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 30–67.

Шауб И.Ю. Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Часть 1. СПб., 2002. С. 186–189.

Шауб И.Ю. Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // Клио. 1998. № 1 (4). С. 67–74.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.

Шауб И.Ю. О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III вв. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 113–120.

Шауб И.Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Saarbrücken; Lambert Academic Publishing. 2011. 475 с.

Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–99.

Яйленко В.П. Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике // ДБ /А.А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2011. Т. 15. С. 410–453.

Яйленко В.П. Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н.э. в мифологической традиции и ономастике (продолжение) // ДБ / А.А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2012. Т. 16. С. 548–590.

Яйленко В.П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н.э. М.: Onebook.ru, 2013а. 348 с.

Яйленко В.П. Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н.э. и его индоарийские истоки // ДБ / А. А. Масленников (глав. ред.). М.: Институт археологии РАН, 2013б. Т. 17. С. 377–406.

Яйленко В.П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1024 с.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. etal. Populationgenomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. 522. Pp. 167–172.

Bravo B. Un letter sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contact dans le Pont // Dialoges d'histoire ancienne. V. I. Paris: l'Institut des Sciences Techniques de l'Antiquité de l'Université de Franche-Comté, 1974. Pp. 111–187.

Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105. Pp. 18226–18231.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. 522. Pp. 207–211.

Hupe J. Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes // Der Achilleus-Kultimnördlichen Schwarzmeeraum vom Beginn dergriechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit / Beiträge zur Akkulturationsforchung / Joachim Hupe (Hrsg.). Rahden / Westf.: Leidorf, 2006. (Internationale Archäologie. Bd. 94). S. 235–241.

Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati: American book company, 1901. Pp. 1776.

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. Nature. 2015. 528. Pp. 499–503.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. Pp. 184.

REFERENCES

Akimova E.A. Akhill v greko-varvarskoĭ torevtike Severnogo Prichernomor′i͡a. *Bosporskiĭ fenomen: Greki i varvary na evraziĭskom perekrestke.* St. Petersburg, 2013, pp. 606–613.

Alekseev A.IU. *Xronografii͡a Evropeĭskoĭ Skifii VII–IV vv. do n.ė.* St. Petersburg, Ėrmitazh Publ., 2003, 416 p.

Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha.* Praga: Artii͡a; Leningrad, Sovetskiĭ khudozhnik Publ., 1966, 120 p., tabl.

Babenchikov V.P. Nekropol′ Neapoli͡a Skifskogo. P.N. SHul′ts͡ (Ed.). *Istorii͡a i arkheologii͡a drevnego Kryma.* Kiev, AN USSR Publ., 1957, pp. 94–141.

Blavatskiĭ V.D. Vozdeĭstvie antichnoĭ kul′tury na strany Severnogo Prichernomor′i͡a (v VII–V vv. do n.ė.). *Sovetskai͡a arkheologii͡a,* 1964, № 2, pp. 13–26.

Bogdanova N.O. Mogil′nik I st. do n.ė. – III st. n.ė. bili͡a s. Zavitne, Bakhchisaraĭs′kogo raĭonu. *Arkheologii͡a.* 1963, vol. 15, pp. 95–109.

Boltenko M.F. Herodoteanea. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor′i͡a.* Vyp. 4, Odessa, 1962, pp. 16–32.

Bondarenko M. E. Izobrazitel′noe iskusstvo kak vazhneĭshiĭ istochnik dli͡a izucheniii͡a religioznykh predstavleniĭ tavrov. Bosporskiĭ fenomen: *Iskusstvo na periferii antichnogo mira.* St. Petersburg, 2009, pp. 402–406.

Buĭskikh S.B. Issledovanie svi͡atilishcha Akhilla na Beĭkushskom mysu (predvaritel′nye itogi). *ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ.* Pami͡ati IUrii͡a Viktorovicha Vinogradova. Sevastopol′, 2001, pp. 34–41 (*Xersonesskiĭ sbornik.* Vyp. XI).

Buĭskikh S.B. Novye ėpigraficheskie nakhodki s Beĭkushskogo poseleniii͡a. *II chteniii͡a pami͡ati professora P.O. Karyshkovskogo.* Tezisy dokl. konferents͡ii. Odessa, 1991, pp. 11–12.

Buĭskikh S.B. K istorii otkrytii͡a Beĭkushskogo svi͡atilishcha. *Severnoe Prichernomor′e v antichnoe vremi͡a.* Kiev, Institut arkheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21–32.

Buĭs′kikh S.B. Ol′vii͡a ta Berezan′ v konteksti zasnuvanni͡a ioniĭskogo kolonial′nogo polisa v Nizhn′omu Pobuzhzhi. *Shapovalov G. I. (Ed.). Muzeĭniĭ visnik: naukovo-teoretichniĭ shchorichnik.* Vip. 12. Zaporizhzhi͡a, Zaporiz′kiĭ oblasniĭ kraeznavchiĭ muzeĭ, 2012, pp. 53–63.

Burov G.M. *Ėnts͡iklopedii͡a krymskikh drevnosteĭ: Arkheologicheskiĭ slovar′ Kryma.* Kiev, Stilos Publ., 2006, 528 p.

Buti͡agin A.M., Vinogradov IU.A. *Mirmekiĭskiĭ sarkofag v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha.* St.Petersburg, Ėrmitazh Publ., 2016, 48 p.

Val′chak S.B. Kimmeriĭskiĭ period. *Bol′shai͡a Rossiĭskai͡a ėnts͡iklopedii͡a.* T. 13, Moscow, 2009, p. 684.

Vinokurov N.I. Nakhodki kul′tovykh predmetov v sloe pozhara pervoĭ poloviny I v. n.ė. v bosporskoĭ kreposti Artezian. *Bosporskiĭ fenomen: Sakral′nyĭ smysl regiona, pami͡atnikov, nakhodok.* 2007, vyp. 1. St.Petersburg, pp. 190–199.

Vnukov S.IU. Novye otkrytii͡a na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu v 2007 g. *Gavrili͡uk N.O. (Ed.). Arkheologichni doslidzhenni͡a v Ukraïni 2005–2007 r.* Kiiv, Zaporizhzhi͡a, IA NAN Ukraini; Dike Pole Publ., 2007, pp. 54–58.

Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., ZHukovskiĭ M.O., Kuznets͡ov V.D. Kurgan Boiu͡r-Gora (Buerova mogila) – usypal′nits͡a ėlity stolits͡y Aziatskogo Bospora. *ZuevV.IU., XrshanovskiĭV.A. (Eds.). Ėlita Bospora i Bosporskai͡a ėlitarnai͡a kul′tura.* Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola. St. Petersburg, 2016, pp. 147–164.

Gavrilov A.V., Trufanov A.A. Issledovanie mogil′nika gorodishcha Kuru Bash. Kozak D.N. (Ed.). *Arkheologichni doslidzhenni͡a v Ukraïniv 2011 r.* Kiiv, Volins′ki starozhitnosti Publ., 2012, pp. 33–34.

Gamkrelidze T.V., Ivanov Vi͡ach. Vs. *Indoevropeĭskiĭ i͡azyk i indoevropeĭts͡y. Rekonstrukts͡ii͡a i istoriko-tipologicheskiĭ analiz prai͡azyka i protokul′tury.* Tbilisi, Tbilisskiĭ universitet, 1984, 1409 p.

Gindin L. A., TSymburskiĭV. L. Pragreki v Troe (Mezhdistsiplinarnyĭ aspekt). *Vestnik drevneĭ istorii,* 1994, Nr. 4, pp. 19–39.

Solomonik Ė.I. (Ed.). *Graffiti antichnogo Xersonesa (na chernolakovykh sosudakh)* Kiev, Naukova dumka Publ., 1978, 139 p., tabl.

Dashevskaia O.D. Pozdnie skify (III vv. do n.ė. – III vv. n.ė.). *Meliukova A.I. (Ed.). Stepi Evropeĭskoĭ chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia.* Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 125–146.

Dashevskaia O.D. *Pozdnie skify v Krymu.* Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.

Bruiako I.V., Samoĭlova T.L. (Eds.). *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia.* Odessa, SMIL Publ., 2013, 902 p., tabl.

Emets I. A. G*raffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniĭ Bospora Kimmeriĭskogo: Tipologiia i metodika issledovaniia.* Moscow, Sputnik Publ., 2005, 242 p.

Emets I.A., Peters B.G. Graffiti i dipinti antichnoĭ Feodosii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN.* 1993, 207, pp. 77–83.

Zaĭtsev A.I. *Formirovanie grecheskogo gekzametra.* St. Petersburg, St-Peterburgskiĭ universiteta, 1994, 168 p.

Zaĭtsev IU. P. Xronologiia Neapolia Skifskogo. *Toshchev G.N. (Ed.). Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma.* Zaporozh'e, Zaporozhskiĭ gosudarstvennyĭ universitet, Zaporozhskiĭ oblastnoĭ kraevedcheskiĭ muzeĭ, 1995, vyp. V, pp. 67–90.

Zaĭtsev IU.P. *Neapol' Skifskiĭ (II v. do n.ė. – III v. n.ė.).* Simferopol', Universum Publ., 2003, 212 p., ill.

Zubarev V.G. *Istoricheskaia geografiia Severnogo Prichernomor'ia po dannym antichnoĭ pis'mennoĭ traditsii.* Moscow, IAzyki slavianskoĭ kul'tury Publ., 2005, 503 p.

Ivanchik A.I. Kimmeriĭtsy. *Bol'shaia Rossiĭskaia ėntsiklopediia.* T. 13. Moscow, 2009, p. 684.

Kagarov E.G. *Kul't fetisheĭ, rasteniĭ i zhivotnykh v Drevneĭ Gretsii.* Moscow, Librokom Publ., 2012, 336 p.

Kalashnik IU.P. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ėrmitazha: Pamiatniki antichnogo iuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ia.* St. Petersburg, ĖrmitazhPublˍ, 2014, 280 p., ill.

Klyosov A.A. Gaplogruppa R1b. CHast' 2. Gaplogruppa R1b po stranam i regionam. *Vestnik Rossiĭskoĭ Akademii DNK-genealogii.* 2010, vol. 3, Nr. 3, pp. 406–475.

Klyosov A.A. Migratsii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ikh vidit DNK-genealogiia, arkheologiia i lingvistika. CHast' 2. *Vestnik Akademii DNK-genealogii.* 2016, vol. 9, Nr. 2, pp. 187–240.

Kolotukhin V. A. *Gornyĭ Krym v ėpokhu pozdneĭ bronzy – nachale zheleznogo veka.* Kiev, IUzhnogorodskie vedomosti Publ., 1996, 160 p.

Koltukhov S.G., Senatorov S.N. Skifskie pogrebeniia v kurganakh IUgo-Zapadnogo Kryma. *Maĭko V.V. (Ed.). Istoriia i arkheologiia Kryma.* Vyp. II. Simferopol', 2015, pp. 79–101.

Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., ZHukovskiĭ M.O. Kurgan Boiur-Gora (predvaritel'naia publikatsiia). *Zavoĭkin A.A. (Ed.). Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniĭ.* Vol 4. Vyp. 2. Moscow, Institut arkheologii RAN, 2016, pp. 279–324.

Lazarenko V.G. Kul't Akhilla kak otrazhenie protsessov formirovaniia indoevropeĭskoĭ obshchnosti v Severnom Prichernomor'e. *KokoshkoV. I. (Ed.). Materiali III Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferentsiï «Arkasivski chitannia» (26–27 kvitnia 2013 r.).* Mikolaiv, MNU im. V. O. Sukhomlins'kogo, 2013, pp. 61–64.

Lazarenko V.G. Kul't Akhilla, «Staraia Skifiia» Gerodota i Bospor. *Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. (Eds.). XV Bosporskie chteniia: Bospor Kimmeriĭskiĭ i varvarskiĭ mir. Aktual'nye problemy khronologii.* Kerch', Kerchenskaia gorodskaia tipografiia, 2014, pp. 252–257.

Lazarenko V.G. Obraz Zmeia i arkhaicheskiĭ kul't Akhilla v Severnom Prichernomor'e. *Egorov A.B. (Ed.). Novyĭ Germes.* Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii. Vyp. VII. St.Petersburg, 2015a, pp. 30–54.

Lazarenko V.G. Semantika izobrazheniĭ zmeĭ i sledov chelovecheskikh stop v Severnom Prichernomor'e ėpokhi bronzy. *Materiali Mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï «Problemi vivchennia ta okhoroni pam'iatok pervisnogo mistetstva pivdnia Evropi (kam'ianiĭ vik – epokha bronzi)»*, Ministerstvo kul'turi Ukraïni, Natsional'niĭ istoriko-arkheologichniĭ zapovidnik «Kam'iana Mogila», Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2015b, pp. 59–70.

Lazarenko V.G. K diskussii o proiskhozhdenii arkhaicheskogo kul′ta Akhilla v Severnom Prichernomor′e. *Trigub O. (Ed.). Eminak.* Naukoviĭ shchokvartal′nik. Nr. 1 (13), vol. 2, Kiiv, Mikolaiv, 2016a, pp. 7–20.

Lazarenko V.G. Kul′t zmeĭ v Severnom Prichernomor′e IV–I tysiačheletiĭ do n.ė. *Mikhaĭlov IA.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'ianna Mogila».* Vip. I. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2016b, pp. 37–48.

Lazarenko V.G. Otrazhenie kul′ta Akhilla v numizmaticheskikh pamiatnikakh. T*rigub O. (Ed.). Eminak. Naukoviĭ shchokvartal'nik.* Nr. 3 (15), vol. 4. Kiiv; Mikolaiv, 2016v, pp. 20–24.

Lazarenko V.G. Ranniĭ period arkhaicheskogo kul′ta Akhilla v Severnom Prichernomor′e. *Egorov A.B. (Ed.). Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii*. Vyp. VIII. St.Petersburg, 2016g., pp. 13–60.

Lazarenko V.G. Akhill v Severnom Prichernomor′e i ego sviaz′ s kimmeriĭtsami, skifami i mirmidontsami. Mif ili istoricheskaia real′nost′? *Trigub O. (Ed.). Eminak. Naukoviĭ shchokvartal'nik.* Nr. 3 (19), vol. 3. Kiiv, Mikolaiv, 2017a, pp. 5–22.

Lazarenko V.G. Kul′t Akhilla v Severnom Prichernomor′e i Frakiĭskiĭ vsadnik. *Shaub I.IU. (Ed.). Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii.* Vyp. IX. St. Petersburg, 2017b, pp. 97–152.

Lazarenko V.G. «Sofievskiĭ zmeĭ» – unikal′nyĭ pamiatnik Severnogo Prichernomor′ia. *Mikhaĭlov IA.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'ianna Mogila».* Vip. II. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2017v, pp. 53–61.

Lazarenko V.G. *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ia.* Izhevsk, SHelest, 2018a, 416 p.

Lazarenko V.G. Kul′t Akhilla na Bospore i fenomen mirmidoniatn // *Bosporskiĭ fenomen: Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* CHast′ I. St. Petersburg, 2018b, pp. 318–324.

Lazarenko V.G. Kul′t zmeĭ i rannie indoevropeĭskie migratsii. *Mikhaĭlov IA.B. (Ed.). Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'ianna Mogila».* Vip. III. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2018v., pp. 115–128.

Lazarenko V.G. Fenomen Akhillova Droma. *Bosporskie issledovaniia.* Vyp. XXXVII. Kerch′, Simferopol′, Krymskiĭ federal′nyĭ universitet im. V.I. Vernadskogo, 2018g, pp. 28–55.

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisateleĭ grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze.* T. I. Grecheskie pisateli. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoĭ akademii nauk, 1890, viii + 946 p.

Latyshev V.V. Ėpigraficheskie novosti iz iuzhnoĭ Rossii (nakhodki 1901–1903 godov). *Izvestiia Imperatorskoĭ arkheologicheskoĭ komissii.* 1904, vyp. 10, St. Petersburg, pp. 1–91.

Latyshev V.V. *Izvestiia drevnikh pisateleĭ grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze.* T. II. Latinskie pisateli. Vyp. 2. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoĭ akademii nauk, 1906, pp. 274–454.

Leskov A. M. *Gornyĭ Krym v I tysiacheletii do nasheĭ ėry.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1965. 198 p.

Leskov A.M. Bogatoe skifskoe pogrebenie iz Vostochnogo Kryma. *Sovetskaia arkheologiia, 1968,* Nr. 1, pp. 158–165.

Lysenko A.V., Masiakin V.V., Mordvintseva V.I. Mogila № 1 nekropolia rimskogo vremeni Luchistoe-2 (IUzhnyĭ Krym). *MaĭkoV.V. (Ed.). Istoriia i arkheologiia Kryma.* Vyp. II. Simferopol′, 2015, pp. 295–333.

Maksimova M.I. *Artiukhovskiĭ kurgan.* Leningrad, Iskusstvo Publ., 1979, 152 p., ill.

Marchenko K.K. Lepnaia keramika. Kryzhitskiĭ S.D. (Ed.). *Kul'tura naseleniia Ol'vii i eë okrugi v arkhaicheskoe vremia.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 104–116.

Maslennikov A.A. *K istorii sel'skogo naseleniia Evropeĭskogo Bospora v VI–I vv. do n.ė.* Moscow, Institut arkheologii RAN, 1995, 124 p.

Machinskiĭ D.A., Musbakhova V.T. Ostrov Kirki i izobrazheniia na kelermesskom ritone, preddver′e Aida i drevneĭshaia grecheskaia raspisnaia keramika v Severnom Prichernomor′e (po «Odissee» i arkheologicheskim materialam). *Bosporskiĭ fenomen: Iskusstvo na periferii antichnogo mira*. St.Petersburg, 2009, pp. 319–355.

Otreshko V.M. Graffiti, naĭdennye na poselenii Bol′shaia CHernomorka II v 1973 g. B*ondar′ N.N. (Ed.). Nekotorye voprosy arkheologii Ukrainy.* Kiev, Vishcha shkola Publ., 1977, pp. 40–44.

Petrenko V.G. *Ukrasheniia Skifii VII–III vv. do n.ė.* Moscow, Nauka Publ, 1978. 145 s., tabl.

Popova E.A., Egorova T.V. Issledovaniia Krymskoĭ arkheologicheskoĭ ėkspeditsii MGU na gorodishche «CHaĭKa» bliz Evpatorii i na nekropole u pos. Zaozernoe v 2007 g. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2008 r.* Kiiv, Volins′ki starozhitnosti Publ., 2009, pp. 276–278.

Portsig V. *CHlenenie indoevropeĭskoĭ iazykovoĭ oblasti.* Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS, 2003, 332 p.

Puzdrovskiĭ A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.ė. – III v. n.ė. Pogrebal'nye pamiatniki.* Simferopol′, Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p., ill.

Puzdrovskiĭ A. E. Graffiti na krasnolakovoĭ posude iz mogil′nikov Krymskoĭ Skifii. *Bosporskiĭ fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty.* St. Petersburg, 2011, pp. 373–381.

Puzdrovskiĭ A.E., Trufanov A.A. Dva sklepa v tsentral′noĭ chasti Ust′-Al′minskogo nekropolia. M*aĭko V.V. (Ed.). Istoriia i arkheologiia Kryma.* Vyp. II, Simferopol′, 2015, pp. 200–269.

Puzdrovskiĭ A.E., Trufanov A.A. P*olevye issledovaniia Ust′-Al′minskogo nekropolia v 2008–2014 gg. Simferopol′, IP Brovko, 2016, 308 p., ill.*

Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh.* Leningrad, Leningradskiĭ Gublit, 1925, 624 p.

Rusiaєva A.S. Kul′tovi predmeti iz poselennia Beĭkush poblizu o-va Berezan′. *Arkheologiia.* 1971. Nr. 2, pp. 22–29.

Saprykin S.IU. Pamiatniki «maloĭ» ėpigrafiki iz Severo-Zapadnogo Kryma antichnoĭ ėpokhi. *Kutaĭsov V.A., Smekalova T.N. (Eds.). Istoriia i arkheologiia Severo-Zapadnogo Kryma.* Simferopol′, CHP «Predpriiatie Feniks», 2014, pp. 7–31.

Saprykin S.IU., Vnukov S.IU. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyĭ Krym). *Vestnik drevneĭ istorii,* 2015, Nr. 2, pp. 98–119.

Senatorov S.N. Keramika kizil-kobinskoĭ kul′tury vtoroĭ poloviny VI – pervoĭ poloviny IV vv. do n.ė. *Bosporskiĭ fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty.* St. Petersburg, 2011, pp. 354–362.

Smekalova T.N. Xersonesskaia kolonizatsiia i mestnoe naselenie Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuiu ėpokhu. *Aktual'nye problemy mezhdisziplinarnykh issledovaniĭ v izuchenii istorii, kul'tury i ėkonomiki Kryma.* Materialy Vserossiĭskoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferentsii (14-15 dekabria 2017 goda). Simferopol′, Arial Publ., 2017, pp. 258–264.

Smekalova T.N., Kutaĭsov V.A. Arkheologicheskiĭ atlas Severo-Zapadnogo Kryma. *Smekalova T.N. (Ed.). Pozdniĭ bronzovyĭ vek. Ranniĭ zheleznyĭ vek. Antichnost′.* St. Petersburg, Aleteĭia Publ., 2017, 448 p., ill.

Solomonik Ė.I. *Graffiti s khory Xersonesa.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.

Tel′nov N., Sinika V. Frakiĭskie vliianiia na material′nuiu kul′turu i pogrebal′nyĭ obriad skifov III–II vv. do n.ė. na levoberezh′e Nizhnego Dnestra. *Revista Arheologică.* Serie nouă. 2012, vol. VIII, Nr. 1-2. Pp. 69–83.

Tereshchenko A. E., SHaub I. IU. Osobennosti tipologii pantikapeĭskoĭ chekanki. *Bosporskiĭ fenomen: Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* CHast′ I. St. Petersburg, 2018a, pp. 139–145.

Tereshchenko A. E., SHaub I. IU. O semantike obraza murav′ia na monetakh Pantikapeia. *Egorov A.B. (Ed.). Novyĭ Germes.* Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii. Vip. X. St. Petersburg, 2018b, pp. 146–160.

Tolstoĭ I.I. *Ostrov Belyĭ i Tavrika na Evksinskom Ponte.* Petrograd, 2-ia Gos. tipografiia, 1918, 164 p.

Tolstoĭ I.I. *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor′ia.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953. 154 p.

Tokhtas′ev S.R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor′ia. XXI. TRAKANA. *Vestnik drevneĭ istorii*, 2013, Nr. 1. pp. 193–196.

Troitskaia T.N. Skifskie kollektivnye pogrebeniia v kurganakh Kryma. *Istoriia i arkheologiia Kryma.* Vyp. II, V.V. Maĭko (Ed.). Simferopol′, 2015, pp. 54–65.

Trubachev O.N. I*ndoarica v Severnom Prichernomor'e.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.

Xommel′ X. Akhill-bog. *Vestnik drevneĭ istorii*, 1981, Nr. 1, pp. 53–76.

Xrapunov I.N., Mul′d S.A. Katakomby iz mogil′nikov Fontany i Levadki v svi͡azi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoĭ kul′tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* 2004, vyp. 14, Magnitogorsk, Magnitogorskiĭ gos. tekhn. Universitet Publ., pp. 239–269.

SHaposhnikov A.K. Indoarica v Severnom Prichernomor′e. *Voprosy i͡azykoznanii͡a.* 2005, Nr. 5. pp. 30–67.

SHaub I.IU. Akhill na Bospore. *Bosporskiĭ fenomen: Pogrebal'nye pami͡atniki i svi͡atilishcha.* CHast′ 1. St.Petersburg, 2002, pp. 186–189.

SHaub I. IU. Varvarskie ėlementy v kul′te Apollona na Bospore. *Klio.* 1998, Nr. 1 (4), pp. 67–74.

SHaub I. IU. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. do n.ė.).* St. Petersburg, St.-Peterburgskiĭ universitet Publ., 2007, 484 p.

SHaub I.IU. O greko-varvarskikh kontaktakh v religioznoĭ sfere v Severnom Prichernomor′e (VII – nachalo III v. do n. ė.). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Serii͡a 2. Istorii͡a. Vyp. 1. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008, pp. 113–120.

SHaub I.IU. *Ėllinskie tradits͡ii i varvarskie vlii͡anii͡a v religioznoĭ zhizni grecheskikh koloniĭ Severnogo Prichernomor'i͡a (VI–IV vv. do n.ė.).* Saarbrücken; Lambert Academic Publ, 2011, 475 p.

IAĭlenko V.P. Graffiti Levki, Berezani i Ol′vii. *Vestnik drevneĭ istorii,* 1980, Nr. 2, pp. 72–99.

IAĭlenko V.P. Indoarii – kimmeriĭts͡y – tavry: Severnoe Prichernomor′e VIII–VII vv. do n.ė. v mifologicheskoĭ tradits͡ii i onomastike. *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora.* Moscow, Institut arkheologii RAN, 2011, vol. 15, pp. 410–453.

IAĭlenko V.P. Indoarii – kimmeriĭts͡y – tavry: Severnoe Prichernomor′e VIII–VII vv. do n.ė. v mifologicheskoĭ tradits͡ii i onomastike (prodolzhenie). *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora.* Moscow, Institut arkheologii RAN, 2012, vol. 16, pp. 548–590.

IAĭlenko V.P. *Ocherki ėtnicheskoĭ, politicheskoĭ i kul'turnoĭ istorii Skifii VIII–V vv. do n.ė.* Moscow, Onebook.ru, 2013a, 348 p.

IAĭlenko V. P. Skifskiĭ Akhill v Severnom Prichernomor′e VIII–V vv. do n. ė. i ego indoariĭskie istoki. *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora.* Moscow, Institut arkheologii RAN, 2013b, vol. 17, pp. 377–406.

IAĭlenko V.P. I*storii͡a i ėpigrafika Ol'vii, Xersonesa i Bospora VII v. do n.ė. – VII v. n.ė.* St. Petersburg, Nestor-Istorii͡a Publ., 2017, 1024 p.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, 522, pp. 167–172.

Bravo B. Un letter sur plomb de Berezan’: colonisation et modes de contact dans le Pont. *Dialoges d’histoire ancienne.* V. I. Paris, l’Institut des Sciences Techniques de l’Antiquité de l’Université de Franche-Comté, 1974, pp. 111–187.

Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyeretal C.Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences,* 2008, 105, pp. 18226–18231.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, 522, pp. 207–211.

Hupe J. Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes. *Joachim Hupe (Hrsg.). Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeeraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit.* Beiträge zur Akkulturationsforchung. Rahden, Westf., Leidorf, 2006, S. 235-241(Internationale Archäologie. Bd. 94).

Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon.* Eighthedition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati, American book company, 1901, 1776p.

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*, 2015, 528, pp. 499–503.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. *Scythian art.* Leningrad, Aurora Art Publ., 1986, 184 p.

Резюме

Особенности культа Ахилла в Крыму и на Кубани античного периода исследованы ещё недостаточно. В статье показано, что культ змей в Северном Причерноморье того времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в варварской среде – у тавров, скифов и сарматов. Местное идеологическое влияние на греческое население проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Особенно ярко эти особенности выражены в античном Крыму и на Кубани. В данном регионе культ Ахилла имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье. Это подчеркивает его местные древнейшие корни, которые обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа. Такая особенность позволила культу Ахилла в Крыму и на Кубани сохранить свои исконные особенности в течение пяти веков – до I–II вв. н.э.

Ключевые слова: Ахилл, культ, змеи, индоевропейская общность, Крым, Кубань, Северное Причерноморье.

Summary

Special aspects of the Achilles cult in the Crimea and the Kuban of the ancient period have not been studied enough. The article shows that the cult of snakes in the Northern Black Sea region of that time was quite presented from Thrace to the modern Kuban. More clearly it can be seen in the barbaric environment – the Taurus, Scythians, and Sarmatians. The local ideological influence on the Greek population was manifested in the special aspects of the Achilles cult in the Northern black sea region. Especially these features are shown in the ancient Crimea and Kuban. In this region, the cult of Achilles had even closer ties with snakes than in the Lower South Bug and the Lower Dnieperregion. This emphasizes its local ancient roots which caused character of the cult hidden from the uninitiated. This feature allowed the cult of Achilles in the Crimea and the Kuban to maintain its original features for five centuries – until I-II centuries ad.

Keywords: Achilles, cult, snakes, Indo-European community, Crimea, Kuban, Northern Black Sea region.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.
Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
Заведующий кафедрой.
lazvgr@yandex.ru.
+7 - 912-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution of higher education “Izhevsk’ state technical University named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
Head of department.
lazvgr@yandex.ru.
+ 7 - 912-853-0667.

Е. А. САВОСТИНА
E. A. SAVOSTINA

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ПЕКТОРАЛИ ИЗ КУРГАНА ТОЛСТАЯ МОГИЛА: ВОПРОСЫ АТРИБУЦИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

SOME REMARKS ON THE PECTORAL FROM THE BURIAL MOUND TOLSTAYA MOGILA: THE QUESTIONS OF ATTRIBUTION AND CULTURAL BACKGROUND

О знаменитой пекторали из Толстой Могилы написано столько, сколько, наверное, не выпало на долю ни одной вещи из скифских древностей, и так же много о ней надумано. Высказано невероятное количество идей – толкований ее структуры, композиции, сюжетов. По пекторали восстанавливается картина мира скифов, реконструируются их религиозные представления и ритуалы. Делаются предположения о месте изготовления самой вещи и даже о ее авторе.

Пектораль бесспорно заслужила это всеобщее волнение. Не имеющая аналогий, она создает вокруг себя волшебное поле, в которое хочется проникнуть, погрузиться, понять, объяснить, сделать какие-то обобщения. Однако создается впечатление, что зачастую исследователи уходят далеко от самой вещи. Нередко она уже становится лишь поводом для игры исследовательского ума, проявления интеллектуальных фантазий, виртуозных логических построений.

При том, что чтение всех этих штудий очень часто доставляет удовольствие и мне: увлекательно следить за ходом мысли, построением системы аргументации, удивляться полету воображения и смелости авторов, – появляется желание «спуститься с небес» и посмотреть на пектораль с более приземленных позиций[1].

Как видят пектораль: две вехи в истории ее изучения

В одной из работ, посвященной истории изучения самой ранней из известных греческих статуй, Артемиде Делосской, Элис Донохью пишет о том, насколько значимо первое описание найденной вещи, в том числе при ее публикации археологами, насколько оно влияет на дальнейшее восприятие памятника другими исследователями, определение места находки в ряду других произведений и его интерпретацию [Donohue, 2005, p. 131–143]. Это справедливо, ведь каждая работа начинается с описания вещи, её рассмотрения, и то, как она будет преподнесена, как увидена, играет огромную роль в ее дальнейшей «научной» жизни. В судьбе изучения пекторали[2] отразились, как

[1] Статья написана в 2015 г. по предложению Ю. Б. Полидовича (Киев, Украина), когда планировалось специальное издание, посвященное этому замечательному памятнику.

[2] О том, как правильно именовать само изделие, и по сей день возникают дискуссии [Бабенко, 2018, с. 188], и это еще раз подтверждает сказанное выше по поводу важности первого описания.

минимум, две вехи, два поворотных момента: собственно. её находка и публикация Б. Н. Мозолевским и затем интерпретация памятника, предложенная Д. С. Раевским.

Автор находки пекторали, Борис Николаевич Мозолевский, представил, пожалуй, наиболее исчерпывающее её описание [Мозолевський, 1979, с. 73–93]. Уже в его точном, проницательном анализе отмечены малейшие детали декора, в том числе растительного орнамента, все движения фигур нижнего и верхнего фризов, жесты и направление взглядов персонажей центральной сцены, хотя не всегда они учтены в дальнейших исследованиях. Б. Н. Мозолевским же были предложены и анализ композиции пластических фризов, и трактовка характера изображений, особенно центральной сцены верхнего фриза [Мозолевський, 1979, с. 213–224].

Дмитрий Сергеевич Раевский блестяще вписал пектораль в созданную им концептуальную модель скифского мироздания, посвятив ей специальное исследование [Раевский, 1978, с. 115–134], в котором структура пекторали прочитана как греко-скифская космограмма [Раевский, 2006, с. 472–498].

И все-таки, перед тем как приступить к обсуждению отдельных особенностей пекторали, нужно еще раз внимательно ее рассмотреть.

Об общей композиции и типе декора

Общая композиция пекторали ясна: она состоит из трех горизонтальных зон – расположенных один над другим фризов, сегментов в форме полумесяца, имеющих композиционно самостоятельные, но, вероятно, в общем семантическом плане связанные сюжеты. Нижний и верхний фризы фигуративные. Средний содержит растительные мотивы.

Ярусы выполнены в различных системах декора (рис. 1). «Прорезной» тип[3] (композиция составлена из отдельных фигур, не имеющих фона) применен в фигурных фризах: верхний – с изображением людей и реальных животных, нижний – с изображением битвы животных реальных и фантастических (грифоны); другой тип декора – с наложением ажурного растительного орнамента на гладкий фон, тонкий золотой лист, – использован в среднем фризе.

В изготовлении пекторали применены разнообразные техники металлообработки, которыми отличаются и композиции в ярусах: верхний и нижний – литье, прочеканка, средний – волочение (проволока), выколотка, ковка, прокат, литье и пайка.

«Прорезной» тип декора известен в пекторали из погребения в кургане Большая Близница, что было отмечено сразу автором находки [Мозолевський, 1979, с. 214] и далее неоднократно повторялось.

Прием наложения объемного ажурного орнамента на гладкий фон с помощью пайки [Мозолевський, 1979, с. 86] еще более редок. Один предмет, вызывающий в нашем случае бесспорный интерес, имеется в коллекции киевских собирателей древностей Платар: это диадема с халцедоновой (?) вставкой [Яровой, 2010, с. 64].

[3] Назовем его так, чтобы в дальнейшем не смешивать с таким определением, как «ажурный».

Специфика декора диадемы состоит не только в подобной вставке, но и в системе декора: рельефный растительный орнамент уложен на гладкий фон – золотой лист (рис. 2)[4]. В этом плане ее техника перекликается с системой декора и техникой изготовления растительного фриза пекторали.

Растительный фриз пекторали

Композиция и элементы растительного фриза не рассматривались достаточно подробно с точки зрения его построения и соответствия деталей другим произведениям. Поэтому обратимся к простому, но необходимому действию: анализу элементов растительного фриза и его структуры.

В центре растительного фриза пекторали показан растущий аканф с широкими раскидистыми листьями. От него, как от общего корня, в обе стороны расходятся мощные вьющиеся ветви, стебли их перекручены, верхние и нижние точки волн завитков отмечены почками, из которых появляются небольшие молодые листья аканфа и одновременно продолжаются новые побеги – более тонкие, закручивающиеся волютами то в одну, то в другую сторону. Развитие основных ветвей аканфа имеет определенный равномерный шаг. Для оживления и разнообразия симметричной композиции он перебивается всевозможными дополнительными накладными элементами, формирующими облик сказочного, не существующего в природе растения: розетками нескольких видов, цветками, листьями пальметт. Прекрасный образ волшебного древа дополняют литые фигурки птиц (рис. 3).

Растительный мотив, который, следуя предложенной Д. С. Раевским модели скифского мироздания, обычно связывают с древом жизни в картине мира скифов, не является чем-то особенным, произведенным греческими мастерами исключительно для этого случая. При самом беглом обзоре мы видим данную схему орнамента (вьющаяся ветвь) в целом ряде произведений, выполненных в различных техниках (преобладает выколотка, известен филигранный наложенный узор): это пластина калафа из женского погребения того же кургана Толстая Могила [Мозолевський, 1979, с. 129, рис. 110; с. 201, рис. 133], калафы из кургана Чертомлык, отличающиеся по расположению пластин с растущим аканфом: на нижнем фризе [Манцевич, 1949, с. 197, рис. 1; Reeder, 1999, cat. 128, fig. on p. 206 f.; Алексеев, 2012, с. 224], на верхнем фризе [Reeder, 1999, cat. 113, p. 195]; амфора из кургана Чертомлык, донца горитов из курганов Чертомлык и Солоха [Reeder, 1999, cat. 105, fig. on p. 229; Манцевич, 1987, кат. 53, с. 74], передняя стенка большого золотого ларнака из Гробницы II в Вергине (рис. 4), два полотна ткани из обоих ларнаков той же гробницы [Andronikos, 1992, fig. 136, p. 169; fig. 156, 157, p. 195], диадема (возможно, из Мадитоса (рис. 5) [Williams, Ogden, 1994, cat. 62, fig. on p. 109], диадема из кургана 2 около с. Красный Перекоп (Вильна, Украина) [Reeder, 1999, cat. 110, fig. on p. 226-227], брошь, возможно, из

[4] Фотография размещена на сайте: [http://www.fiae.org/Platar.html].

Патр (рис. 6), диадема из Санта-Эуфемии [Williams, Ogden, 1994, cat. 24, p. 71; cat.137, p. 206], наконец, диадема из собрания Платар (рис. 2).

В приведенных примерах показано распространение только одного вида растительного мотива – побегов аканфа, прорастающих из общего корня, причем этот перечень относится к памятникам именно IV в. до н.э. и лишь к драгоценным вещам, включая парчовые ткани. Но тот же вариант мотива со второй половины IV в. до н.э. активно применяется и в архитектурном декоре греческих храмов (Афины в Приене и в Тегее, Геры в Аргосе, Аполлона в Дидимах, Асклепия в Эпидавре [Lawrence, 1996, pp. 137–140]), и в украшении мозаичных полов дворцовых помещений – особенно знаменита ими македонская Пелла (Дом похищения Елены – «Охота на лань» мастера Гносиса, дворец в Вергине, а также на Сикионе) [Martis, 1984, fig. 49, p. 166; Dunbabin, 1999, fig.13, 14, 8; Valeva, 2005, fig. 11, p. 146; Nalimova, 2017, p, 14], и в росписях гробниц, в том числе фракийских и македонских [Valeva, 2005, tabl. 17-1, 17-8], и в росписи ваз, особенно италийских, на что обращала внимание еще А. П. Манцевич и что снова вызывает интерес исследователей [Манцевич, 1949, с. 196; Манцевич, 1980, с. 124; Nalimova, 2017, p, 22].

Мотив отдельной вьющейся ветви распространен не менее широко и также активно разрабатывается именно в IV в. до н.э. и в архитектуре, и в украшениях. У обеих разновидностей орнамента много родственного в структуре декора, пластике завивающегося стебля, расположении пальметт и розеток. По этим признакам, как отмечает О. Ю. Соколова, пектораль весьма схожа с растительной орнаментацией недавно найденного архитектурного фриза из Нимфея [Соколова, 2014, с. 162, рис. 9], и хотя они могут пониматься как особые варианты растительного декора, общие истоки происхождения этих орнаментов несомненны.

Следуя некоей архитипической схеме изображения, отдельные художественные решения мотива часто варьируются. Стебли и побеги могут быть гладкими либо реберчатыми, ровными или скрученными, а ветвь – отличаться плавностью либо угловатостью линии (последнее характерно для орнамента калафа из Толстой могилы), формой пальметт и цветов. Нередко в растительных побегах-деревах тоже обитают птицы (македонские ларнаки, а также тканые покрова, найденные в них), насекомые, а то и божественное население: в диадеме из Мадитоса (Метрополитен-Музей) спутники Аполлона и Диониса размещены за каждым завитком вьющейся ветви (рис. 5), а сами божества оказываются в центре композиции, сидящими на аканфе. Из корня этого растения может возникать и протома Пегаса (ваза из кургана Чертомлык), поэтому появление головы Медузы Горгоны из центра аканфа на диадеме из коллекции Платар не должно вызывать удивления (рис. 2).

Пектораль и диадема

Упомянутая диадема – стефана фронтонного типа сопоставима с пектораль не только по технике декора, основному мотиву или структуре растительного орнамента, но по набору и характеру исполнения элементов. На гладком поле

в накладной технике изображен объемный росток аканфа с листьями, в обе стороны расходятся толстые ветви, от них, в свою очередь, отделяются побеги-усики, закручивающиеся в завитки. В пекторали усики завитков часто составлены двумя параллельно идущими проволочками, в диадеме завитки одинарные, но в обоих случаях они свертываются в 3,5 оборота. Вверху и внизу завитка, перед его прорастанием в новый побег, появляется молодой листок. Он включен в орнамент обоих произведений, хотя в диадеме выражен более скромно, а сочно, ярко показан в пекторали (рис. 7, 8).

На завитках основного растения крепятся еще дополнительные ростки – накладные пальметты на тонких вьющихся ниточках-стеблях, цветы. Пальметты в обеих вещах пятилепестковые и очень характерные, «пламевидные»: центральный, осевой лист у них крупный, твердый, острый и трактован в виде вытянутого ромба резко очерченной формы, остальные листья, более мягкие, собраны вокруг него и склоняются внутрь, к этой оси. Соединение корня осевого лепестка и начала «ножки» отмечает еще один ромбовидный элемент. Он имеет гладкий край в диадеме и украшен рельефным валиком на пекторали (рис. 7, 8).

Цветы на диадеме пяти- и восьмилепестковые. На пекторали представлено гораздо больше разновидностей цветов и некоторые из них сохранили следы цветных эмалей, применявшихся в декоре (рис. 3). Но есть и особенные черты, присущие диадеме. Уже упоминалось, что в центре фронтонной композиции над корнем аканфа помещена голова Медузы Горгоны, золотые волосы которой служат обрамлением каменной вставке антропоморфного вида лицу Медузы. Кроме того, все контуры диадемы обведены накладной сканью. Венчающий акротерий, тоже сканевый, имеет двойную структуру: на фоне большей пальметты иного, чем на основном поле, типа, показана меньшая пальметта, центр которой отмечает розетка.

Но, несмотря на эти особенности, можно сказать, что растительный декор диадемы и по технике (рельефный ажурный декор «уложен» на гладкий фон), и по элементам, и по структуре ближе всего декору пекторали.

Композиция верхнего фриза

Обратимся теперь к следующему регистру. Драматургия верхнего фигуративного фриза пекторали построена на повествовательном сюжете. Композиция фриза также учитывает законы симметрии и соблюдение определенного ритма в расположении фигур. Явно выражен, даже подчеркнуто акцентирован центр – «руно» (как нередко его называют) и две фигуры по обеим сторонам от него. Остальные фигуры направлены не к центру, а от него: справа и слева стоят лошади с жеребятами, за ними, также с обеих сторон – коровы с телятами, потом мелкий скот – сначала овцы, потом козы, козлята и птица. То есть животных поровну с обеих сторон (что неоднократно отмечалось и интерпретировалось исследователями), и виды их аналогичны. Среди них в той же ритмической последовательности – между вторым и третьим взрослым животным по обеим сторонам от центра размещены фигурки

людей: юношей, занятых по хозяйству. Один из них доит овцу, другой собирается закрыть горло амфоры, подоив корову.

Изображения насыщены множеством подробностей, среди которых просматриваются узнаваемые реалии быта [Мозолевський, 1979, с. 85; Вахтина, 2005, с. 379; Гаврилюк, 2013] – они чрезвычайно тщательно исследованы и атрибутированы в ряде работ. Это скифский горит у центральной пары мужчин и скифский кафтан у «молодежи», в то же время это греческая амфора, греческий горшок (по форме и типу его даже смогли определить как лепной – Н. А. Гаврилюк [Гаврилюк, 2014, с. 37, рис. 6,*4*]). По мнению исследователей, здесь изображены, несомненно, домашние животные, содержащиеся в хлеву, а не в табуне или кочевническом стаде [Гаврилюк, 2013, с. 286–303]. Узнаются даже породы птиц и животных – порода овец, например, отождествляется по характерному изображению завитка [Гаврилюк, 2013, с. 288]. Определения избежал, пожалуй, только грифон, представленный в нижнем фризе. Но со временем, несомненно, будет установлена и «порода» грифона.

Сюжет верхнего фриза

Два центральных персонажа – мужчины с обнаженными торсами, «скифы» (группа I по Б. Н. Мозолевскому) что-то совершают с предметом из мохнатой шкуры барана. Атрибуция предмета вызвала оживленную полемику в литературе, но все-таки стоит снова уделить ему немного внимания.

Трактовка фактуры шкуры – косматой и без завитков – отличается от изображения шерсти пасущихся или дойных живых овец, представленных на той же пекторали; у тех она колечками. Выступов на овчине, растягиваемой скифами, два, а не четыре, что было бы логично для шкуры животного, и они длиннее тех, что могли быть на местах конечностей. К тому же нижний край предмета показан четким, с гладкой широкой полосой – как, очевидно, обработанный. Таким образом, это уже не просто «руно», о котором говорит ряд исследователей, а явно изделие (в чем уверены другие) – с рукавами и каймой по нижнему краю. Неровный верхний край овчины, вероятно, является горловиной, которая отворачивалась наружу, как воротник – такой видим у персонажа, доящего овцу на том же фризе (а также в изображениях на чертомлыкской амфоре и чаше из Гаймановой могилы). Вопрос о характере этого изделия тоже поднимался неоднократно. Но вот рассматривалось ли такое предположение, что это вывернутый наизнанку кафтан – типа кандиса?

Интерпретация главной сцены

Как упоминалось выше, описание пекторали Б.Н. Мозолевского было подробным и полновесным. Мозолевским же было предложено первое толкование сцен. И именно Борисом Николаевичем верхний фриз в целом описан как бытовая картина, а центральная сцена его сразу была представлена так: двое мужчин, готовясь к какому-то ритуалу, шьют одеяние, растянув его за рукава [Мозолевський,

1979, с. 86, 225]. Б. Н. Мозолевский упоминает даже толстую нитку, что, возможно, тянулась до руки персонажа: от ворота одеяния действительно отходит какой-то круглый в сечении «шнур», который держит старший скиф, пропуская его через руку (рис. 9, 10). Но по толщине он не похож на «нитку», не может, вероятно, быть и обрамлением верхнего края изделия (если сопоставить его с плоским обрамлением низа). Б. Н. Мозолевский часто пишет и про иголку – что у левого, что и у правого скифа в руках. Вслед за ним стали думать в подобном ключе и видеть иголки очень многие, можно сказать, большинство авторов.

Два скифа – диалог?

В подробном анализе сцен пекторали, данном Б. Н. Мозолевским, отмечено, что скифы (группа 1, по Мозолевскому) сидят таким образом: скиф справа – опираясь на левое колено, скиф слева – на обоих коленях, разворачиваясь спиной к зрителю. Изделие из шкуры они растягивают левыми руками.

Изображения скифов в этой группе имеют общие черты: оба обнажены по пояс, оба в широких штанах-анаксеридах, заправленных в сапожки. Обоим явно принадлежат гориты, которые в данный момент не надеты на ремни (и вообще не имеют перевязи, в отличие, например, от лежащего горита возле фигуры скифа на чаше из Гайматовой Могилы), но находятся неподалеку. Штаны, сапоги, гориты обоих персонажей совершенно одинаковые. Оба мужчины бородаты и имеют прически из полудлинных волос.

Различия их проявляются в возрасте, характере причесок, позах, жестах. А также в расположении принадлежащих им горитов. Скиф справа имеет характерную прическу с «коком», пряди ее гравированы диагональными частыми «насечками», как и борода, волосы длиннее, чем у его визави, и выглядит он более представительным[5]. Скиф слева имеет мягкую налобную повязку[6]. Волосы и борода скифа, изображенного слева, трактованы иначе: пышные, волнистые (менее искусна прическа?). Скифы различаются возрастом: тот, что слева, моложе скифа справа (хотя некоторые исследователи считают, что не слишком)[7]. К. Майер полагает, что возраст имеет значение статуса [Meyer, 2013, p. 207], и с этим нельзя не согласиться. Он

---

[5] Высказано предположение о том, что он «снял повязку». Носилась ли повязка при такой прическе?

[6] В.С. Ольховский приводит подобные примеры в связи с изображением скифа на греческом рельефе из Юбилейного I [Ольховский, 2001, с. 146, рис. 1, с. 160]. Нередко повязку считают знаком высокого социального ранга (В.И. Даниленко, Б.Н. Мозолевский, Д.С. Раевский), однако основывают свои выводы на греческой либо ахеменидской традиции [Диниленко, 1975, с. 88; Мозолевский, 1979, с. 220; Раевский, 2006, с. 493]. В то же время повязка имеется и на голове одного из работников, изображенных на верхнем фризе пекторали.

[7] М. В. Скржинская называет персонажей этой группы «двумя пожилыми скифами» [Скржинская, 1998, с. 230], так же характеризовала их возраст Н. А. Гаврилюк в совместном докладе с Н. П. Тимченко: «Пектораль из кургана Толстая Могила как греко-скифская коммуникация» (конференция «Нимфей и античные города Северного Причерноморья. Новые исследования и материалы», СПб., Государственный Эрмитаж, 27-28 ноября 2014).

также перечисляет иконографические черты трактовки возраста: помимо наличия или отсутствия бороды, это и черты лица – нависающие брови, глубокие носогубные складки [Meyer, 2013, p. 208].

Отличается поза персонажей: в дополнение к сказанному отметим, что старший скиф левым коленом стоит на земле, правая нога согнута, на ее колено он опирается локтем правой руки (шить в таком положении – неудобно!). Отличается направление их взглядов и жесты. И – важно! – что «старший» прямо смотрит на «младшего», как замечено еще Б. Н. Мозолевским [Мозолевський, 1979, с. 87], в то время как голова последнего наклонена, а взгляд обращен вниз, в сторону его правой руки.

Но был ли достаточно отмечен еще и жест старшего скифа? Его правая кисть сложена таким образом, что указательный палец направлен в сторону собеседника (рис. 11). Может быть, это положение пальцев случайно совпало с направлением взгляда и объяснялось тем, что скиф был занят шитьем и держал в правой руке иголку с ниткой (тянул нитку, вытягивая указательный палец)? О шитье пишет не только Б. Н. Мозолевский. Иголки, правда, в силу ее величины, рассмотреть невозможно. А вдруг она там и не предполагалась?

Исследователи единодушны в том, что мужчин объединяет общее действо. Эта сцена действительно представлена как взаимодействие, некий диалог, в котором инициатива принадлежит старшему скифу: он обращается ко второму, что-то ему заповедуя, в чем-то наставляя и жестом подтверждая сказанное.

Одним из немногих, кто увидел в положении правой кисти персонажа «жест», связанный не с положением пальцев при шитье, а именно указующий знак, стал А. П. Мошинский [Мошинский, 2002, с. 85 сл.]. Таково и мое мнение. Таково и наблюдение К. Майера [Meyer, 2013, p. 216], сопоставившего этот элемент изображения пекторали со сценой на воронежском сосуде из Частых курганов [Scythian Art, 1986, fig. 173], где старший скиф протягивает лук безбородому юноше (рис. 12, 13). Даже современный зритель понимает, что старший передает здесь оружие младшему, а держит он его, тоже выпрямив указательный палец [Алексеев, 2013, рис. с. 246, 247]. Движение это не только определяет адресата, но придает динамику сцене, подразумевая какой-то подтекст, развитие сюжета внутри изображения, намекая на диалог между персонажами. В этом плане можно понимать и эпизод на пекторали, где старший скиф, отличающийся указующим жестом, в той же руке держит что-то гибкое, напоминающее упругий гладкий жгут или, как выше было определено, толстый шнур.

Обратимся теперь к младшему скифу из группы. Заметим, что пальцы его правой руки тоже не сложены горстью, как если бы он держал иглу или щипал шерсть овчины. А если очень внимательно присмотреться к тому, что находится в его сжатой ладони (рис. 14, 15), то можно снова обнаружить фрагмент толстого шнура, и хочется думать, того же самого. Таким образом, «траектория» шнура, сохранившегося до нас в очень незначительных фрагментах, намечается следующая: один его конец находится в руке старшего скифа (не его ли окончание видим на вороте изделия?), проходит через его кисть, заметен на запястье и ниже

обрывается. Неясно, как и где он продлевался далее (поверху или понизу), но именно обрывок шнура зажат в руке младшего скифа: и это второй конец той «ниточки», которая связала обоих персонажей. Она соединила их и визуально, и в смысловом плане, поскольку этот шнур, по логике вещей, мог быть поясом передаваемого кафтана. Тогда понятно, на что обращен взор младшего персонажа: внимая слову, он смотрит на конец пояса, который принимает (рис. 16). Может быть, что-то значит и то обстоятельство, что кандис и пояс скифы держали обеими руками – образ замкнутого целого?

Бесспорно, два центральных персонажа пекторали объединены не бытовым, а неким священным действом, которое многие трактуют как акт передачи нового одеяния (Даниленко – о «волшебной рубахе» [Даниленко, 1975, с. 89]). Поэтому кажется неслучайным, что торсы обоих скифов обнажены (оба – без одежды, в этом уже видели момент «переодевания» [Мачинский, 1978, с. 142])[8]: старший снял кафтан, младший его принимает, к тому же это обстоятельство может говорить о каких-то не походных, не военных условиях. Дополняется это впечатление тем, что они не только не одеты, но и не вооружены: их луки не находятся у пояса. Гориты с луками расположены, как было замечено, в разных частях сценической композиции – внизу, у ног старшего, и наверху, над кафтаном, у молодого.

Расположение луков также привлекло специальное внимание исследователей. Его трактовали и достаточно экстравагантно в плане брачного символа [Мачинский, 1978, с. 142], и в русле космической модели, предложенной Раевским: обозначение «верха» мирового древа, различие оппозиций «правое»-«левое» со стороны носителя ритуального украшения [Раевский, 2006, с. 493, 496]. Предложим еще один вариант, когда лук и его положение являются знаком-символом статуса персонажа.

Суммируем наши наблюдения: оба скифа без одежды, один на двоих кафтан, мирные обстоятельства, различия в возрасте, жесте (старший наставляет), во взгляде – старший пока главнее, в смене позиций верховенства – лук в горите у младшего наверху, как и восходящая «звезда» его власти.

Таким образом, наш анализ может подтвердить одну из самых популярных интерпретаций сцены: «вступление царя на престол» [Мозолевський, 1979, с. 225] и трактовать ее с некоторыми уточнениями. Старший скиф вместе с новым одеянием – кафтаном – передает владение над миром. Его время, его власть уже завершилась (лук внизу). У молодого скифа все начинается (лук наверху). Старший передает ему священный предмет, одеяние и пояс с наставлениями.

Все исследователи сходятся во мнении, что это смысловой центр композиции пекторали[9]. На вертикальной оси этой главной сцены – сцена «терзания» и расцветший аканф (рис. 1).

---

[8] То, что скифы центральной группы изображены с обнаженным торсом, Д. А. Мачинский трактует как момент /этап «переодевания», правда, он думает, что они переодеваются в женскую одежду.

[9] Подробно варианты интерпретации сцены приведены у М.В. Русяевой [Русяева, 2013, с. 435, 436].

Интерпретация верхнего фриза

Но как трактовать весь верхний фриз, на котором изображены не только центральная пара, но и другие скифы, занятые, по общему существующему мнению, «разнообразными домашними делами»? Эти персонажи, обстоятельно и тщательно рассмотренные еще Б. Н. Мозолевским, не обратили на себя бóльшего внимания. Как-то само собой получилось, что они стали восприниматься как малозначащие элементы бытовой сцены, хотя сама вещь по-прежнему трактовалась как гимн всеобщей картины мира. Вслед за панорамой скифского космоса, очерченной Раевским, исследователей интересовали лишь «значимые» элементы – в плане поставленной ими задачи и определенного Дмитрием Сергеевичем направления: выявления структуры и трактовки модели представленного универсума.

Д. С. Раевский первым предпринял попытку интерпретировать эту вещь как некий закодированный посыл скифскому зрителю, его прочтение также немедленно утвердилось в кругу скифологов, и это, как уже говорилось, стало следующей после открытия пекторали решающей вехой в ее судьбе. Раевский включает пектораль в свою концептуальную модель, он говорит о греко-скифской космограмме [Раевский, 2006, с. 472–498] и подробно описывает все изображения, начиная с верхнего из трех «лунарных полей». Почти сразу анализ, представленный автором, для своего времени, можно сказать, революционный, становится некой руководящей идеей, за которой идут последующие исследователи. Бесспорно, его теории «сильно содействовали известному направлению умов» (как выражался Бехтерев по поводу психологии распространения идей), и мысли многих сосредоточивались на этой проблеме. Но нужно признать, что развивалась все-таки только одна из возможных трактовок вещи. Следование некой обобщающей модели нередко уводит от самого памятника и в определенной степени даже тормозит его прочтение. Поэтому, например, такие персонажи, как юноши возле животных, остались без индивидуального внимания и рассматриваются обычно всеми как некое «наполнение» сюжета «мира живых» – по Д. С. Раевскому. Пришло время вспомнить о них.

О роли младших персонажей в сюжете верхнего фриза

Молодые люди, фигурки которых размещены на пекторали в строгом соответствии симметрии задуманной композиции (между 3 и 4 фигурами линии животных), как и старшие мужчины из центральной сцены, различаются по возрасту. Это проявляется в их лицах, фигурах. Они также имеют разные прически – младший подстрижен «в кружок», с челкой, как у виночерпия на чаше из Гайматовой Могилы. Более взрослый имеет и вид солиднее, и волосы подлиннее. Они сдерживаются лентой, повязанной на голове, видимо, чтобы не мешали, поэтому при наклоне головы ниспадают от затылка, не загораживая лица. Волосы среднего юноши на фризе пекторали показаны крупными объемными прядями с диагональной насечкой, но более редкой, чем у самого старшего персонажа. Широкими плоскими продольными полосками трактуются волосы самого младшего юноши.

По характеру положений, в которых представлены работники, нельзя сказать ничего особенного: самый младший сидит на корточках, подогнув под себя левую ногу, его правое колено слегка приподнято над землей. Юноша постарше (с амфорой) опирается на правое колено, левое чуть оторвано от земли. По мнению К. Майера, в иконографии безбородые персонажи – это младшие, несовершеннолетние, таковых видим также на сосудах из Гайматовой Могилы и из воронежских курганов [Meyer, 2013, p. 207].

Особое внимание должен обратить на себя род занятий юношей: младший занимается овцами, более взрослый – коровами (рядом одна). Кони расположены возле центральной группы скифов, ближе к персонажу уже «совершеннолетнему», судя по его бороде. В то время как младшие трудятся по хозяйству, он и самый старший скиф заняты своим серьезным делом. При конях в это время никакого пастыря нет. Не старший ли из «молодежи» должен был ими заниматься? Такое распределение ролей в сюжете заставляет вспомнить известную легенду Геродота об аргосских беглецах.

Легенды об Аргеадах

Как пишет Геродот, трое братьев, потомки Темена: Гаван, Аероп и Пердикка бежали из Аргоса в Иллирийскую землю. «Из Иллирии, перевалив через горы, братья прибыли в Верхнюю Македонию, в город Лебею. Там они поступили за плату на службу к царю. Старший сторожил коней, второй пас коров, а младший Пердикка ухаживал за мелким скотом» (Herod., VIII, 137). Это основная линия легенды по Геродоту [Hatzoupoulos, 2011, p. 47]. Дальше история, переданная Геродотом, становится не совсем понятной: братьев изгнали, заметив необычайные способности преумножать имеющееся (по мифу, как только для Пердикки выпекали хлеб, его становилось в два раза больше). Они ушли без платы, зачерпнув на прощание солнечных лучей, проникающих в дом (VIII, 108), что нам непонятно, зато было истолковано советником царя как опасность. Потом братья прибыли в другую часть Македонии, поселились близ Садов Мидаса, «завладели этой местностью и отсюда покорили остальную Македонию» (VIII, 108). От этого Пердикки и происходил Александр (VIII. 109), дальний предок Филиппа II и Александра Македонского. Такова рассказанная Геродотом (какое-то время, возможно, жившим при македонском царском дворе в Пелле) легенда о греческом происхождении македонской династии.

Смысл, переданный рассказом Геродота, неясен. И с нашим изобразительным повествованием не вяжется его конец. Здесь по сюжету власть передается явно старшему, а не младшему из молодежи. Зато некоторые детали художественного повествования вполне могут быть навеяны этой легендой: прежде всего, это греческий характер бытовых вещей: амфора и горшок (если только не невнимательность греческого мастера к этнографическим деталям), а еще изображение всех животных с детенышами: братья ухаживают за скотом и он приумножается.

Но, может быть, у легенды были варианты, царство-то все равно переходит к братьям? А можно предположить, что здесь показан эпизод, у Геродота изложенный

без подробностей: «получив там власть…» – бежавшие аргосцы получают власть после того, как отработали на царя и перебрались в Верхнюю Македонию.

Вид у парней «скифский»? Но это мы так их определяем – по аналогии с фризом Чертомлыкской амфоры и месту находки – в скифском кургане. Вид их не противоречит скифам (потому они могли вполне принять эту вещь), но не может ли это быть среднестатистическим типом не-грека, варвара (европейца), которых «в общем плане» греки изображали с архаической эпохи, что широко известно по вазописи[10].

И вот (бывает же!), пока писались эти заметки, нашелся другой конец истории. В недавно вышедшей книге Хэлли Фрэнкс, посвященной сюжетам фрески Гробницы II Большого кургана в Вергине (так называемой Гробнице Филиппа Македонского), автор, рассматривая исторический контекст знаменитых находок [Franks, 2012, p. 108], также сетует на не вполне проясненную историю происхождения македонской династии, связанную с разнообразными волшебными обстоятельствами и фантастическими деталями, такими как увеличение хлебов, обращение за помощью к царю Мидасу, с которым их будущее царство будто соседствовало (хотя вообще-то оно, скорее, находилось в Анатолии, чем в Северной Греции). Но кроме того, автор рассказывает о непростой жизни и самого этого мифа: оказывается, он претерпевал изменения.

Уже во второй половине V в. до н.э. в пьесах Еврипида (который так же, как это предполагается и в отношении Геродота, жил при дворе македонских царей), представлена альтернативная легенда, по ней другой сын Темена – Архелай основывает царство [Franks, 2012, p. 108]. А уже в IV в. до н.э. возник её новый вариант: в исторической традиции появился предшественник Пердикки – Каран (Каранос). О нем сообщают и эпиграфические свидетельства Дельфийского оракула, и позднее Павсаний (Paus. IX, 40, 8), и Плутарх в «Жизнеописании Александра» говорит, что «со стороны отца Александр вел свой род от Геракла через Корана» (Plut., Alex., II). Аргосское происхождение династии при этом не подвергается сомнению. Причина появления Карана и затушевывание роли Пердикки I как основателя династии не объяснима никаким древним источником. Исследователи, однако, имеют свои соображения, и Х. Фрэнкс приводит доводы В. Гринволта [Franks, 2012, p. 110]: согласно им, все дело в сложившейся внутриполитической обстановке. Смерть царя Архелая (399 г. до н.э.) повлекла череду частых смен царей, за весьма короткий срок пять правителей сменилось на македонском троне, что привело к исчезновению нескольких линий прямых потомков, и последние цари – Аминта II и, наконец, Аминта III, чье правление возрождало некоторую стабильность трона, были Аргеадами (то есть их род восходил к беглецам из Аргоса), но ни один из них не происходил от Пердикки II

[10] А. П. Манцевич писала о том, что «костюм, который мы видим на монетах Фракии и Македонии, как и на предметах торевтики из СП», не препятствует тому, чтобы и в них видеть македонян или фракийцев [Манцевич, 1949, с. 216]. Но, как ни заманчиво такое предположение, данных об этом пока недостаточно.

(они были внуком и правнуком Александра I от разных его сыновей). Как утверждает В. Гринволт, в таких обстоятельствах «каждый Аминта» имел хороший повод, чтобы снизить роль Пердикки в части царской мифологии. Добавление Корана вводило новый уровень в родословную, так сказать, в династическое игровое поле, редуцируя какие-то особые привилегии на трон Пердикки II через ассоциацию его имени с именем легендарного Пердикки I [Franks, 2012, p. 110, f.].

Конечно, мы знаем очень мало о том, как это произошло, чтобы более полно понять свершившиеся изменения, однако то, что в начале IV в. до н.э. некоторые сюжеты ранней македонской легендарной истории были переписаны, является фактом.

Можно надеяться, что события IV в. до н.э. и изменения в мифологической генеалогии царей Македонии нашли отражение и в искусстве, и именно с этими обстоятельствами связано то, что в сюжете, разрабатываемом в пекторали, царскую власть принимает не самый младший из трех братьев.

Но и это еще не все, что можно было бы сказать о том времени и о возможных причинах возрождения темы основания династии Аргеадов. В середине IV столетия к власти приходит Филипп II, будущий отец Александра, который не родился прямым наследником трона, и никто даже не думал, что он станет царем, как младший из трех братьев, сыновей Аминты: он родился после Александра и Пердикки. Юного Филиппа отдавали в заложники сначала иллирийцам (Александр II), потом фиванцам, и только в 365 г. до н.э. он смог вернуться в Македонию, к своему царствующему тогда среднему брату. В 360 г. этот брат Филиппа, царь Пердикка III, погибает в бою с иллирийским царем Бардилом. Став правителем (пока в качестве регента), Филипп побеждает Бардила в битве у Охридского озера (358 г. до н.э.), возвращает захваченные македонские земли и серебряные рудники Дамастиона. То есть Филипп объединяет Верхнюю и Нижнюю Македонию, как в доисторические времена, сделав то, что пытался сделать один из его предшественников, Архелай. Престиж Филиппа чрезвычайно возрос. На какое-то время, пишут историки, он стал национальным героем [Грин, 2010, с. 10].

Дальнейшие завоевания Филиппа, возможно, затмили бы этот эпизод в череде побед, но по своей значимости он, бесспорно, мог быть поводом для возобновления интереса к старой легенде. В ней есть намек на право македонцев на иллирийские земли и захват обеих Македоний, восходящий к истории происхождения династии, и явная аллюзия на трех сыновей Аминты, обосновывающая власть Филиппа, а потому мы вправе полагать, что и сюжет пекторали связан с возрождением старой легенды, рассказанной в еще одном, пока неизвестном нам варианте. На эту тему, наверное, и не одна вещь была сделана. Нельзя забывать и о других важных событиях, сопутствующих установлению власти Филиппа, – захвате золотых Пангейских рудников, дающих материал для чеканки золотой монеты и способствующих изготовлению золотых украшений, а также о расширении границ за счет греческих полисов и, прежде всего (357 г. до н.э.), Амфиполиса на фракийском побережье и

Пидны на южном побережье Македонии [Шахермайр, 1986; Hatzoupoulos, 2011, p. 48].

Итак, в основу сюжета верхнего фриза пекторали может быть положена варьирующаяся во времени легенда, связанная с возникновением македонской династии. Цари, происходящие от эллинов (от Зевса через Геракла), распространили свою власть на негреческие или давно оторвавшиеся от общего корня племена македонцев – этим можно объяснить негреческие черты костюма участников эпической сцены.

Но может ли оказаться полезным трактовка сюжета для дальнейших шагов в изучении пекторали? Возможно, ее сюжет поможет понять и связать с его происхождением некоторые особенности стиля. Таким образом, следующий вопрос, который важен и для интерпретации пекторали в целом, это вопрос о месте ее изготовления.

Вопрос о месте изготовления пекторали

Возникновение представлений о том, что все драгоценные предметы, найденные в скифских курганах IV в. до н.э., были изначально предназначены исключительно для скифов и выполнялись по их заказам боспорскими ювелирами как «понимающими в теме», сопоставимо с тем, как греческие расписные вазы, первоначально известные лишь по многочисленным находкам в этрусских гробницах, долгое время считались продукцией этрусков. И только новые раскопки в Греции и новые открытия позволили внести свои коррективы. В производстве «золота скифов» боспорскими мастерами были уверены исследователи XIX и XX веков [за редким исключением, см: Манцевич, 1949, с. 220], по поводу пекторали с самых первых ее публикаций и до сегодняшнего дня также преобладают идеи об изготовлении украшений мастерами Северного Причерноморья, Боспора в частности [Мозолевський, 1979, с. 238; Бабенко, 2013, с. 450]. Однако пока в пользу этих предположений нет никаких данных[11], и именно новая трактовка ее сюжета дает возможность предложить иное направление поисков.

Вернемся к некоторым особенностям типа декора рассматриваемого произведения. Высокое, исключительное по качеству исполнение пекторали ставит ее на особое место в ряду ювелирных изделий античного мира. Нельзя даже по большому счету говорить о том, что пектораль может быть поставлена в какой-то «ряд», настолько уникальными свойствами она обладает.

Пектораль как нагрудник (украшающий либо защищающий) существует в древних культурах с раннего времени [Мозолевський, 1979, с. 213], известен он и в македонской практике – например, нагрудник-пектораль встречен среди комплекса предметов, сопровождающих погребение Гробницы II в Вергине [Andronikos, 1992,

[11] По моему мнению, о боспорском производстве в отношении продукции златокузнецов можно говорить пока лишь о двух золотых «загадочных предметах» (ворворках? тиарах?) из Передериевой Могилы и Ставропольского кургана [Савостина, 2014, с. 37-38].

fig. 151, p. 188; Бабенко, 2018, с. 190, 192, рис. 2]. Композиция его также составлена тремя сегментами: рельефными фризами в виде полумесяцев, но декорированы они иными мотивами, а сам нагрудник исполнен в другой технике: тиснение, тонкий золотой лист покрывает железную пластину.

Не раз отмечалось сходство мотивов украшения пекторали и серебряной амфоры из кургана Чертомлык. Декор пекторали действительно имеет сходство с декорацией амфоры в плане сочетания трех основных структурных элементов: сюжетная композиция, борьба животных и грифонов, растительный орнамент. Но предложение объединить их на этом основании как продукцию одного мастера [Рудольф, 1993, с. 88] не кажется возможным и убедительным [Савостина, 2001, с. 284 сл.]. Изображения на обеих вещах, хотя и схожи по теме, совершенно разнятся по стилю и трактовке деталей (форма пальметт, аканфа и цветов в растительном фризе, фигуры скифов в сюжетном поле, фигуры грифонов и рисунок их оперения в фризе «терзания»). Отличается в сопоставляемых вещах и применение этих элементов в построении общей композиции декора: бóльшая часть амфоры отведена развитию растительного мотива, он занимает всю нижнюю поверхность сосуда до плеч, и лишь выше максимального расширения его яйцевидного тулова размещаются два концентрических фриза с сюжетными композициями: сначала скифы, укрощающие коней, затем грифоны, терзающие оленя.

Соединение трех подобных орнаментальных компонентов в одном произведении встречается не слишком часто, но все же известно, и снова вспоминается пример из македонских гробниц – на этот раз Гробницы Эвридики третьей четверти IV в. до н.э., где найден мраморный трон [Kottaridi, 2007, p. 39, fig. 12]. Планка, на которую опирается сиденье трона, украшена фигурками золоченых грифонов, терзающих добычу (рис. 17). На спинке размещена живописная сцена торжественного выезда Аида и Персефоны на колеснице, и эта картина как рамой с трех сторон обведена вьющейся ветвью аканфа – растительного орнамента, по структуре своей очень близкого растительному фризу пекторали [Kottaridi, 2007, p. 40, fig. 13; Brécoulaki, 2007, p. 83, fig. 1]. Добавим к тому, что грифоны (о «скифости» которых сказано столько, что пришлось избегать этого фриза в заметках, чтобы не углубиться в дискуссию) являются частым мотивом не только греческой вазописи, но и росписей предметов «мебели» македонских гробниц [Ignatiadou, 2007, p. 220 f., fig. 1, 2].

Не ставя под сомнение правомерность трактовки и амфоры, и трона, и пекторали с точки зрения отражения в них мифологической картины мира, а также необходимость поисков общего смысла, нужно все-таки признать, что сотворение пекторали – это не специальное изобретение элементов и сочетание неисключительных по типу композиций, но исключительный пример соединения известных элементов.

По форме и типу пектораль из Толстой Могилы ближе всего пекторали из женского погребения кургана Большая Близница [Калашник, 2014, с. 188–193] – последняя также «прорезная»: фигуры животных – овец и коз – изготовлены в технике односторонней отливки и показаны без фона. Идентична и разновидность

шарнирных окончаний (застежек) пекторали в виде львиных голов на обоих изделиях, хотя орнамент их различен [Мозолевський, 1979, с. 77, рис. 58]. Но тип украшения здесь упрощен – в структуре пекторали из Близницы использован лишь один сегмент и уровень ее изготовления не идет ни в какое сравнение с пекторалью из Толстой Могилы: слегка неровен по форме и небрежен по выкладке жгут, довольно грубо отлиты цветы, перемежающиеся с редкими и сухими листьями аканфа и коробочками мака, крепящимися на вертикальных столбиках, соединяющих верх и низ пекторали (чего тоже не наблюдаем в примере из Толстой Могилы). Отличаются и менее значимые в производстве, но важные для атрибуции такие детали, как трактовка фигурок коз, овец и способы передачи их шерсти.

Уже приходилось говорить, что в пекторали из Толстой Могилы изображение шерсти на живой овце отличается от «изделия», что держат в руках мужчины: это плотный завиток, в центре которого показана рельефная точка. На пекторали из Большой Близницы, где также изображены овечки, их шерсть трактуется иначе: как углубление, обведенное неровным рельефным кольцом. Здесь ничего нет удивительного, многие фигурки барашков различаются тем, как показана их шерсть: мелкой точечной гравировкой на фоне волнистых линий на браслете из гробницы 5 той же Большой Близницы [Калашник, 2014, с. 152-153], отдельными выпуклыми завитками-«запятыми» на окончании ритона V в. до н.э. из IV Семибратнего кургана [Калашник, 2014, с. 60-61], и это зачастую может быть отличительным признаком мастера или мастерской. Заслуживает внимания и трактовка бараньей шерсти выпуклыми колечками (близко к пекторали, но все же несколько иначе), на ручке серебряной патеры из Гробницы III в Вергине [Andronikos, 1992, fig. 182, p. 213]. Патера входит в погребальный набор, сопровождающий захоронение македонского царевича, по предположению ряда исследователей – сына Александра Македонского, и может быть датирована около 310 г. до н.э. [Borza, Palagia, 2007, p. 124]. Это terminus post quem и для даты патеры, и для других сосудов, происхождение которых сейчас активно обсуждается [Barr-Sharrar, 2007, p. 495–498], и нельзя исключить, что местом изготовления патеры будет определена Македония, как и многих других изделий торевтики, которые ранее были известны проводившей свою фракийско-македонскую линию А. П. Манцевич [Манцевич, 1949, с. 196–220][12]. Одним из оснований так думать были определенные навыки этих мастеров в производстве предметов торевтики [Barr-Sharrar, 2007, p. 485–498], а также свидетельства Геродота о том, что во время греко-персидской войны (первый поход персов) города на пути следования Ксеркса должны были не только содержать его войско, но и предоставлять для его пиров золотые и серебряные чаши, которые на следующий день персы брали с собой (Herod., VII, 119).

Более определенно о македонцах как изготовителях предметов торев-

[12] Правда, одно время она полагала, что золотые и серебряные предметы, найденные в курганах Северного Причерноморья, делали фракийцы [Манцевич, 1949, с. 220].

тики в курганах Македонии, степной Скифии и Северного Причерноморья пишет О.Я. Неверов в связи с обсуждением проблемы датировки и принадлежности Гробницы II Большого кургана в Вергине Филиппу II [Неверов, 1990, с. 163], а также М. Ю. Трейстер, пришедший к выводу о присутствии в скифских курганах металлической посуды македонского и этрусского производства [Treister, 2005, p. 56–63; Трейстер, 2010, с. 250].

Нам известны имена торевтов времени Александра Македонского (что, конечно, не означает их обязательное македонское происхождение): бронзовый кратер из кургана в Дервени подписал мастер Астейуниос. Сохранился рассказ Плутарха о железном шлеме, сиявшем, как серебряный, который надел на себя Александр в битве при Гавгамелах, его создателем был мастер Теофил (Plut., Alex. XXXII). Плиний сообщает о прославленных торевтах Менторе и Мисе IV в. до н. э. (HN, XXXIII, 154-155).

Однако понятно, что драгоценная серебряная и бронзовая парадная утварь – это только фон для создания общей картины тех необычайных роскошеств, которым предавались в середине IV в. до н.э. «Золотым веком» греческого ювелирного дела назвала Елизавета-Беттина Тзигарида [Tsigarida, 2003, p. 21] это время, пришедшееся на период реорганизации македонского царства Филиппом II.

Новые социально-экономические обстоятельства, экономический бум, последовавший за захватом Восточной Македонии с золотыми рудниками Пангеи, возвышение могущественного сословия гетайр (hetairoi) – македонской аристократии – создало исключительные условия для впечатляющего подъема ювелирного искусства, которое развивалось в Македонии задолго до этого. Уже в VI в. до н.э., как считает Е. Тзигарида, в Македонии изготавливалась большая часть греческих украшений, в декоре которых преобладали геометрические и растительные мотивы [Tsigarida, 2003, p. 21]. От V в. до н.э. известно немного украшений, но в находках, сделанных на юге Греции, очевидны новые изменения: отказ от филиграни и грануляции («зерни»), ведущих техник архаического периода, появление новых типов украшений (ожерелий на цепочках, браслетов в виде змеек, серег в виде лодочек с подвесками), изменения коснулись тематического репертуара декора, в котором вместо геометрического возобладал мифологический репертуар.

Что же происходит с возвышением Македонии? В ее продукции (и, как мы видели, не только ювелирной) природа остается основным источником вдохновения мастеров и развивается в растительных темах, таких как вьющиеся побеги, завитки, усики, пальметты, розетки и им подобное [Tsigarida, 2003, p. 22], и среди них размещаются фигурки Ник и Эротов, появляется «Гераклов узел». На примере ларнака из Гробницы в Вергине (рис. 4) мы видим, что сохранилась и техника накладной филиграни и что используется техника прокатки золотого листа как гладкий фон для филиграни [Andronikos, 1992, fig. 136]. Примечательны среди украшений этого периода ажурные диадемы из спиральных завитков, роскошные ожерелья [Tsigarida, 2003, p. 22]. Вероятно, в третьей четверти IV в. до н.э. появляются в украшениях вставки

из полудрагоценных камней – горного хрусталя, халцедона, каковые видим в паре браслетов, найденных в окрестностях Салоник (Северная Греция или Македония), перстнях с хрустальными вставками [Williams, Ogden, 1994, cat. 32, p. 77]. Позднее, в результате походов Александра и близкого знакомства с ювелирным делом Востока, в декор украшений проникают и широко используются разноцветные камни, растительный мотив сужает свои функции, его форма становится более схематичной [Tsigarida, 2003, p. 23].

Снова о диадеме и пекторали

Здесь, наконец, снова уместно вспомнить о диадеме с растительным декором и халцедоновой инкрустацией – лицом Медузы Горгоны [собрание Платар (рис. 2)]. Помимо характерной вставки, она, как и брошь из Патр (рис. 6), украшена наложенными на гладкое поле филигранными и гранулированными узорами, дополнительно к основному накладному припаянному декору – вьющемуся побегу аканфа. В этом плане диадема декорирована в том же ключе, что и другие изделия, выполненные в Македонии и Северной Греции около третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, можно предположить, что она изготовлена в этих районах.

Как мы помним, диадема с Медузой наиболее близка пекторали не только по технике, по композиции и стилю растительного декора, по использованию контрастного сочетания гладкого листа и накладного орнамента, но и по уровню исполнения. Соответственно, на основании близости декорационной системы, общего построения схемы орнамента и разработки его элементов можно указать эти районы и в качестве предположительного места изготовления пекторали.

Датировка

По мнению первооткрывателя кургана и согласно данным последующих исследований, основное погребение комплекса Толстая Могила датируется около 350/340–320 гг. до н.э. [Мозолевський, 1979, с. 229; Алексеев, 2003, с. 264, 296]. Но пектораль изготовлена явно раньше своего захоронения. Сохранность ее говорит о том, что еще до того как попасть в курган, она имела ряд повреждений – помимо предполагаемого пояса-шнура в центральной группе скифов, до нас не дошедшего, утрачены цветки и детали аканфового стебля среднего фриза, «с мясом» вырван кусочек над головой оленя в нижнем фризе [Мозолевський, 1979, с. 86]. Причем, судя по характеру проведенных реставрационных мероприятий, Мозолевский характеризует их как «очень грубая реставрация»: отпаявшийся стебель прикручен к пластине проволокой через проделанные в фоне дырочки [Мозолевський, 1979, с. 86], вещь явно находилась в районах, отдаленных от цивилизованных мастерских. Датировка около 350–340 гг. до н.э. вполне вероятна для пекторали. При желании эта дата может быть ассоциирована с объединением Верхней и Нижней Македонии, а если связать ее изготовление с получением фракийских золотых рудников, то это могут быть и 40-е годы. Однако нет оснований углубляться в такие подробности.

Но как пектораль с эпическим македонским сюжетом могла попасть к царским скифам? Наверное, при ответе на этот вопрос справедливо будет применить ту же аргументацию, что приводят скифологи, объясняя появление знаменитого скифского горита из карагодеуашхской серии в гробнице македонского правителя (Гробница II Большого кургана в Вергине). Подробно об этом пишет А. Ю. Алексеев [Алексеев, 2003, с. 240 сл.]. Есть несколько версий: горит в золотой обкладке захвачен македонянами после столкновения со скифами в 339 г. до н.э., получен в дар во время переговоров, получен в дар по случаю женитьбы Филиппа на дочери царя Атея (?).

Напомним, что Атей царствовал над племенами Малой Скифии, граничащей с Фракией, отношения с Филиппом II у него складывались разные: то это была дружба, то вражда, и в 339 г. до н.э. в возрасте «после 90 лет» Атей погиб на поле брани, сражаясь с Филиппом (Lukian. Makrob., 10).

Восстанавливая картину мира скифов после смерти царя Атея, А. Ю. Алексеев пишет, что около того времени, в третьей и на рубеже третьей и четвертой четвертей IV в. до н.э., в степной зоне Северного Причерноморья сооружаются новые «царские» курганы, среди которых и Толстая Могила. И далее: «некоторые из скифских аристократов, похороненных под насыпями этих курганов, вполне могли принимать участие в войнах Атея, даже если подвластная ему территория была ограниченной, так как из сообщений Фронтина и Полиена известно о возможной помощи Атею со стороны «верхних» – отдаленных скифов» [Алексеев, 2003, с. 243].

Трудно отрицать, что эта логическая цепочка предположений может быть прочитана и в обратном порядке. Примерно так: «скифский аристократ», похороненный под насыпью кургана, вполне мог контактировать с Атеем и выступать на его стороне в конфликте с Филиппом. Поэтому пектораль могла достаться ему как трофей, захваченный в столкновении со скифами в 339 г. до н.э., получена в дар во время переговоров, получена в дар от Атея за оказание помощи в войне (а тот, в свою очередь, получил ее в дар, когда у них с Филиппом были хорошие отношения...).

Так или иначе, но этот драгоценный предмет, «пожив» как подарок или трофей, был включен в состав приношений, сопровождавших погребение скифа.

В составе инвентаря Толстой Могилы

И вот пектораль положена в курган. Но как, в каком контексте? Можно ли сказать о том, как и каким образом она использовалась?

Нет никаких сомнений в том, что в составе инвентаря Толстой Могилы эта вещь выглядит так же одиноко, как и в ряду других произведений, с которыми она была ранее сопоставлена [Мозолевський, 1979, с. 52, рис. 35]. Более того, обращает на себя особое внимание то, что пектораль найдена не в самой камере, а в дромосе у входа в нее (это подчеркивает и Мошинский, упоминает Бабенко [Бабенко, 2018, с. 200, прим. 21]). Вместе с ней обнаружены золотое украшение нагайки, два колчанных набора, наборный пояс и меч в золотых ножнах – все предметы совершенно иного

стиля исполнения. Возможно, она не объединялась в какие-то комплексы и при «жизни» вещи, а была и остается принадлежностью совсем иного круга.

Заключение

Уникальность и сложность композиции пекторали – памятника из скифского кургана – позволили исследователям предположить ее исключительную значимость для культуры скифов; так родилось представление о культовой (скифской) роли пекторали, которое развивается в большинстве исследований, обрастая самыми смелыми предположениями.

Однако мы должны констатировать следующее: данные о том, что она имела какое-то отношение к фигуре скифского царя, отсутствуют. Пектораль связана с богатым погребением, но ее курган не определен как погребение первого ряда (Б. Н. Мозолевский). Даже А. Ю. Алексеев, выстроивший свою увлекательную концептуальную модель скифского мира, в которой многие значительные курганы связаны с реально царствующими историческими лицами, не предложил «царской» персонификации центрального погребения кургана Толстая Могила.

Далее, мы не располагаем сведениями, подтверждающими гипотезу о том, что эта вещь использовалась в ритуале как в скифском, так в греческом и македонском. Пектораль была найдена не только на теле царя, но и вообще, насколько можно понять, вне самого погребения [Мозолевський, 1979, с. 52, рис. 35]. То есть еще «не действовала» как медиатор, по Петрухину [Петрухин, 2001, с. 147] (если, конечно, когда-нибудь «действовала» в этом качестве вообще).

Как показал проведенный анализ, сюжет главного фриза пекторали может быть соотнесен с древней легендой, в основе которой проступает переданное Геродотом сказание о происхождении династии македонских царей – Аргеадов. Стиль и технологические особенности пекторали не препятствуют отождествлению Македонии или Северной Греции с местом ее изготовления [ср.: Бабенко, 2018, с. 190]. «Скифская традиция» в современной науке допускает существование обмена царскими дарами, равно как и военными трофеями, между скифскими и македонскими (греческими) правителями.

И все же многое остается неясным. Пектораль не имеет аналогий не только в скифском мире, но и в греческой среде. И сейчас, несмотря на возможно найденные соответствия в других вещах ее элементам и техническим приемам, пектораль остается особенным произведением искусства, по-прежнему не превзойденным по мастерству исполнения и легкости замысла ее создателя – «мастера Пекторали» [Савостина, 2001, с. 285], вне зависимости от трактовки ее символики и ритуального назначения. Справедливо ли ощущение, что в изучении пекторали назрел следующий поворот?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 272 с.: ил.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.

Бабенко Л.И. О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 449–454.

Бабенко Л.И. Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения) // Stratum. Археология и культурная антропология. – № 3. – 2018. – С. 187–204.

Вахтина М.Ю. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н.э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – Отв. ред. К.К. Марченко. – СПб.: «Алетейя», 2005. – 463 с. – С. 297–400.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии VI –III вв. до н.э. – 2-е изд., переработанное. – Под ред. Б.А. Шрамко. – Киев: Наукова думка, 2013. – 712 с.

Гаврилюк Н.О. Ліпна кераміка античних центрів Північного Причорномор`я як джерело для вивчення етнічної та економічної історії //Археологія. – 2014. – № 4. – С. 30–50.

Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М.: Центрполиграф, 2010. – 304 с.

Даниленко В.И. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. – Киев, 1975. – С. 88-89.

Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа: памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 280 с.: ил. – (Альбом)

Манцевич А.П. Изображение «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archeologia. –1975. – XXVI. – С. 11–17.

Манцевич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ.– 1949.– № 2.– С. 196−220.

Манцевич А.П. Курган Солоха. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.

Манцевич А.П. Золотой нагрудник из Толстой могилы // Thracia. – Vol. V: Problems ethno-cultureles de la Thace Antique.– Serdicae, 1980. – P. 97–126.

Марченко И.Д. Материалы по металлообработке Пантикапея // МИА. – 1957. – № 56.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: древность и раннее Средневековье. – Л.: Аврора, 1978.– С. 131–150.

Мозолевський Б.М. Товста Могила.— Київ : Наукова думка, 1979. – 252 с.

Мошинский А.П. Золотое руно как символ царской власти в мифологии эллинов и скифов // Донская археология. – 2002. – № 1-2. – С. 84–88.

Неверов О.Я. Находки в Большом кургане в Вергине и проблема торевтики эпохи раннего эллинизма // ВДИ.– 1990.– № 1.– С. 161−166.

Ольховский В.С. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Серия «Монография о памятнике». – Том 2. – М., СПб.: Изд-во ГМИИ им. А.С. Пушкина; «Летний сад», 2001. – С. 144–163.

Петрухин В.Я. «Золотое руно»: св. Георгий и «скифская космограмма» // МИФ. – № 7. – 2001.

Раевский Д.С. Из области скифской космологии (опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // ВДИ. – 1978. – № 1. – С. 115–134.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 598 с.

Рудольф В. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «Чертомлыкского мастера» и его школы // Археологические вести. – № 2. – СПб., 1993. – С. 85–88.

Русяева М.В. Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 434–443.

Русяєва М.В. Основний сюжет на пекторалі з Товстої Могили // Археологія. – 1992. – № 3. – С. 34–46.

Савостина Е.А. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья

// Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Серия «Монография о памятнике». – Том 2. – М., СПб.: Изд-во ГМИИ им. А.С. Пушкина; «Летний сад», 2001. – С. 284–303.

Савостина Е.А. Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы // Таврические студии. Исторические науки. – № 6. – Симферополь, 2014. – С. 32–40.

Скржинская М.В. Скифы глазами эллинов. – СПб.: «Алетейя», 1998. – 296 с.

Соколова О.Ю. Нимфейская археологическая экспедиция (1939-2013) // Экспедиции. Археология в Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб.: АО «Славия», 2014. – 360 с.: 313 ил. – С. 154–165.

Трейстер М.Ю. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск. – 2010. – С. 217–251.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. – М.: Наука, 1986. – 384 с.

Яровой Е.В. По следам древних кладов. Мистика и реальность. – М.: Вече, 2010. – 304 с.

Andronikos M. Vergina: The Royal Tombs and the ancient City. – Athens: Ekdotike Athenon S.A., 1992. – 244 p.

Barr-Sharrar B. Metalwork in Macedonia before and during the Reign of Philipp II // Ancient Macedonia. – 2007. – v. 7. – Pp. 485–498.

Borza E.N., Palagia O. The Cronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina // JdI. –2007. – v. 122. – P. 81–125.

Brécoulaki H. Suggestion de la troisième dimention et traitement de la perspective dans la peinture ancienne de Macédoine // Peinture et couleur dans le monde Grec antique. – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 81–93.

Donohue A.A. Greek Sculpture and the Problem of Description. Cmbr.: University Press, 2005. – 243 p.

Dunbabin K.M.D. Mosaics of the Greek and Roman World. Cmbr.: University Press, 1999. – 357 p.

Franks H.M. Hunters, Heroes, Kings: The Frieze of Tomb II at Vergina. – (Ancient Art and Architecture in Context; 3) – Princeton : The American School of Classical Studies at Athens, 2012. – 158 p.

Greek Art / ed. by B. Piotrovsky. – Leningrad: “Aurora”, 1986. – p. 183.

Hatzoupoulos M.B. Macedonia and Macedonians // Brill’s Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD. – ed. By R.J. Lane Fox. – Leiden: Brill. – V, 2011. – 707 p.

Ignatiadou D. La verre incolore, élément du décor polychrome du mobilier funéraire de Macédoine // Peinture et couleur dans le monde Grec antique. – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 219–227.

Kottaridi A. L’épiphanie des dieux des Enfers dans la nécropole royale d’Aigai // Peinture et couleur dans le monde Grec antique. – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 27–45.

Lawrence A.W. Greek Architecture. – 5th ed. Revised by Tomilson R.A. – Yale University Press Pelican History of Art, 1996. – 243 p.

Martis N.K. The Falsification of Macedonian History. – Athens: “Graphics Arts”, 1984. – 228 p.

Meyer C. Greco-Scythian Art and the Berth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity. – Oxford: University Press, 2013. – 431 p.

Nalimova N. The Origin and Meaning of Floral imagery in the Monumental Art of Macedonia (4th–3rd centuries BC) // Македония – Рим – Византия: искусство Северной Греции от античности до средних веков. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. – С. 13–35.

Reeder H. (ed.) Scythian Gold. – NY: Abrams Inc. Publishers, 1999. – 352 p.

Treister M. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds // Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD) / Braund D. (ed.). – Exeter: University of Exeter Press, 2005. – Pp. 56–63.

Tsigarida E.-B. Yewellery from the Geometric Period to Late Antiquity (9th c. BC-4th c. AD) // Greek Yewellery. – Athens: Archaeological Receipts Fund, 2003. – P. 20–23.

Valeva J. The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb. – Sofia: "Bulgarski houdozhnik", 2005. – 200 p., 18 Pl.
Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewelry of the Classical World. – New-York: The Metropolitan Museum of Art, 1994. – 256 p.

REFERENCES

Alekseyev A.Yu. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha*. – SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2012. – 272 p.
Alekseyev A.Yu. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vv. do n.e.* – SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2003. – 416 p.
Andronikos M. Vergina: *The Royal Tombs and the ancient City.* – Athens: Ekdotike Athenon S.A., 1992. – 244 p.
Babenko L.I. O semantike kompozitsii pektorali iz Tolstoy Mogily // *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke.* – SPb. 2013. – P. 449–454.
Babenko L.I. Pektoral ili grivna? (o sootvetstvii termina i morfologii ukrasheniya) // *Stratum. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya*. – № 3.– 2018. – P. 187–204.
Barr-Sharrar B. Metalwork in Macedonia before and during the Reign of Philipp II // *Ancient Macedonia*. – 2007. – v. 7. – Pp. 485–498.
Borza E.N., Palagia O. *The Cronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina* // JdI. –2007. – v. 122. – P. 81–125.
Brécoulaki H. Suggestion de la troisième dimention et traitement de la perspective dans la peinture ancienne de Macédoine // *Peinture et couleur dans le monde Grec antique.* – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 81–93.
Danilenko V.I. Istoricheskiye syuzhety nekotorykh shedevrov ellino-skifskoy torevtiki // *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeyu AN USSR. Tezisy dokladov yubileynoy konferentsii.* – Kiyev. 1975. – P. 88-89.
Donohue A.A. *Greek Sculpture and the Problem of Description.* Cmbr.: University Press, 2005. – 243 p.
Dunbabin K.M.D. *Mosaics of the Greek and Roman World.* Cmbr.: University Press, 1999. – 357 p.
Franks H.M. *Hunters, Heroes, Kings: The Frieze of Tomb II at Vergina. – (Ancient Art and Architecture in Context; 3)* – Princeton : The American School of Classical Studies at Athens, 2012. – 158 p.
Gavrilyuk N.A. *Ekonomika Stepnoy Skifii VI –III vv. do n.e.* – 2-e izd. pererabotannoye. – Pod red. B.A. Shramko. – Kiyev: Naukova dumka. 2013. – 712 p.
Gavrilyuk N.O. Lipna keramika antichnikh tsentriv Pivnichnogo Prichornomor`ya yak dzherelo dlya vivchennya etnichnoї ta ekonomichnoї istoriї //*Arkheologiya*. – 2014. – № 4. – P. 30–50.
Greek Art / ed. by B. Piotrovsky. – Leningrad: "Aurora", 1986. – p. 183.
Grin P. Aleksandr Makedonskiy. *Tsar chetyrekh storon sveta*. – M.: Tsentrpoligraf. 2010. – 304 p.
Hatzoupoulos M.B. Macedonia and Macedonians // *Brill's Companion to Ancient Macedonia: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*. – ed. By R.J. Lane Fox. – Leiden: Brill. – V, 2011. – 707 p.
Ignatiadou D. La verre incolore, élément du décor polychrome du mobilier funéraire de Macédoine // P*einture et couleur dans le monde Grec antique.* – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 219–227.
Kalashnik Yu.P. *Grecheskoye zoloto v sobranii Ermitazha: Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomoria.* – SPb: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2014. – 280 p.: il.
Kottaridi A. L'épiphanie des dieux des Enfers dans la nécropole royale d'Aigai // *Peinture et couleur dans le monde Grec antique.* – Paris, Milan: 5 Continents editions, 2007. – P. 27–45.
Lawrence A.W. *Greek Architecture*. – 5th ed. Revised by Tomilson R.A. – Yale University Press Pelican History of Art, 1996. – 243 p.
Mantsevich A.P. Izobrazheniye «skifov» v yuvelirnom iskusstve antichnoy epokhi // *Archeologia*. 1975. – XXVI. – P. 11–17.
Mantsevich A.P. K voprosu o torevtike v skifskuyu epokhu // *VDI*.– 1949.– № 2. – P. 196–220.
Mantsevich A.P. *Kurgan Solokha*. – L.: Iskusstvo. 1987. – 143 p.
Mantsevich A.P. Zolotoy nagrudnik iz Tolstoy Mogily // *Thracia*. – Vol. V: Problems ethno-cultureles de la Thace Antique.– Serdicae. 1980. – P. 97–126.
Marchenko I.D. Materialy po metalloobrabotke Pantikapeya // *MIA* – № 56. – 1957.

Machinskiy D.A. Pektoral iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii // *Kultura Vostoka: Drevnost i ranneye Srednevekovye.* – L.: Avrora. 1978.– P. 131–150.

Martis N.K. *The Falsification of Macedonian History.* – Athens: "Graphics Arts", 1984. – 228 p.

Meyer C. *Greco-Scythian Art and the Berth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity.* – Oxford: University Press, 2013. – 431 p.

Mozolevskiy B.M. *Tovsta Mogila*. – Kiïv: Naukova dumka. 1979. – 252 p.

Moshinskiy A.P. Zolotoye runo kak simvol tsarskoy vlasti v mifologii ellinov i skifov // *Donskaya arkheologiya.* – 2002. – № 1-2. – P. 84–88.

Nalimova N. The Origin and Meaning of Floral imagery in the Monumental Art of Macedonia (4th–3rd centuries BC) // *Macedonian – Roman – Byzantine: The Art of Northern Greece from Antiquity to the Middle Ages.* – M., 2017. – P. 13–35.

Neverov O.Ya. Nakhodki v Bolshom kurgane v Vergine i problema torevtiki epokhi rannego ellinizma // *VDI*.– 1990.– № 1. – P. 161–166.

Olkhovskiy V.S. A Relief from the Settlement Yubileinoye I: Ethnographic and Folklore Features (transl. by T. Dennison) // *Bosporan Battle Relief (Amazonomachia?) / Series «Monograph on the Monument».* – Vol. 2. – M., SPb.: GMII im. A.S. Pushkina; «Letniy sad». 2001. – P. 164–178.

Petrukhin V.Ya. «Zolotoye runo»: Sv. Georgiy i «skifskaya kosmogramma» // *MIF*. – № 7. – 2001.

Rayevskiy D.S. Iz oblasti skifskoy kosmologii (Opyt semanticheskoy interpretatsii pektorali iz Tolstoy Mogily) // *VDI*. – 1978. – № 1. – P. 115–134.

Rayevskiy D.S. *Mir skifskoy kultury.* – M.: Yazyki slavyanskikh kultur. 2006. – 598 p.

Reeder H. (ed.) *Scythian Gold.* – NY: Abrams Inc. Publishers, 1999. – 352 p.

Rudolf V. Bolshaya pektoral iz Tolstoy Mogily: rabota «Chertomlykskogo mastera» i ego shkoly // *Arkheologicheskiye vesti.* – № 2. – SPb., 1993. – P. 85–88.

Rusyayeva M.V. Syuzhety i stil ellino-skifskoy torevtiki v kontekste razvitiya klassicheskogo iskusstva Ellady // *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke.* – SPb., 2013. – P. 434–443.

Rusyaєva M.V. Osnovniy syuzhet na pektorali z Tovstoï Mogili // *Arkheologiya*. – 1992. – № 3. – P. 34–46.

Savostina E.A. The 'Bosporan Style' and Motifs from Heredotus in Plastic Arts from the Northen Pontic Area (transl. by K. Judelson) // *Bosporan Battle Relief (Amazonomachia?) / Series «Monograph on the Monument».* – Vol. 2. – M., SPb.: Izd-vo GMII im. A.S. Pushkina; «Letniy sad». 2001. – P. 304–327.

Savostina E.A. Ikonografiya skifskoy bitvy i «bosporskiy stil»: novyy povod dlya obsuzhdeniya problemy // *Tavricheskiye studii. Istoricheskiye nauki.* – № 6. – Simferopol. 2014. – P. 32–40.

Skrzhinskaya M.V. *Skify glazami ellinov*. – SPb.: «Aleteyya». 1998. – 296 p.

Sokolova O.Yu. Nimfeyskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya (1939-2013) // *Ekspeditsii. Arkheologiya v Ermitazhe / Gosudarstvennyy Ermitazh.* – SPb.: AO «Slaviya». 2014. – 360 s.: 313 il. – P. 154–165.

Shakhermayr F. *Aleksandr Makedonskiy.* – M.: Nauka. 1986. – 384 p.

Treister M. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC - first century AD)* / Braund D. (ed.). – Exeter: University of Exeter Press, 2005. – Pp. 56–63.

Treyster M.Yu. Importnaya metallicheskaya posuda v Skifii. Atributsii i interpretatsiya istoricheskogo konteksta // *Problemy istorii, filologii, kultury.* – Magnitogorsk. 2010. – P. 217–251.

Tsigarida E.-B. Yewellery from the Geometric Period to Late Antiquity (9th c. BC–4th c. AD) // *Greek Yewellery.* Athens: Archaeological Receipts Fund, 2003. – P. 20–23.

Vakhtina M.Yu. Grecheskoye iskusstvo i iskusstvo Evropeyskoy Skifii v VII–IV vv. do n.e. // *Greki i varvary Severnogo Prichernomoria v skifskuyu epokhu.* – Otv. red. K.K. Marchenko. – SPb.: «Aleteyya». 2005. – 463 p. – P. 297–400.

Valeva J. *The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb.* – Sofia: "Bulgarski houdozhnik", 2005. – 200 p., 18 Pl.

Williams D., Ogden J. *Greek Gold. Jewelry of the Classical World.* – New-York: The Metropolitan Museum of Art, 1994. – 256 p.

Yarovoy E.V. *Po sledam drevnikh kladov. Mistika i realnost.* – M.: Veche. 2010. – 304 p.

Резюме

Памятники ювелирного искусства из курганов скифов создают особую ауру культуры кочевников. Многие произведения выполнены греческими мастерами, однако в них отражены мотивы скифской жизни, благодаря чему эти вещи считают заказными–скифскими. Среди них знаменитая золотая пектораль из кургана Толстая Могила. Ее декор разделен на три яруса и содержит растительный фриз и фигуративные изображения (сцены терзаний, сцены со скифами). В исследовании пекторали отчетливо проступают два важных этапа: ее первооткрыватель Б.Н. Мозолевский представил исчерпывающее описание и анализ изображений, предложил трактовку сюжетов, определив действие центральной пары как шитье ритуального одеяния. Второй этап связан с Д.Р. Раевским, вписавшим пектораль в созданную им концептуальную модель скифского мироздания («скифская космограмма»). С тех пор эта трактовка стала определяющей в литературе и темы изображений рассматриваются именно в этом ключе. Между тем невозможно трактовать вещь без проведения более предметной атрибуции, результатам которой и посвящен данный материал. Представляем здесь краткие выводы. Техника металлообработки, примененной в изготовлении растительного фриза (наложение ажурного растительного орнамента на гладкий фон – лист), композиция и стиль элементов растительного фриза (аканф с вьющимися ветвями, на которых произрастают цветы и пальметты) находят прямые аналогии в продукции северо-греческих и македонских мастеров. Анализ элементов изображения центральной группы способствует ее трактовке не как сцены шитья (в руках обоих мужчин зажаты фрагменты шнурапояса), а обмена символическим одеянием и поясом при передаче власти. Общий сюжет верхнего фриза, включая юношей при коровах и овцах, напоминает легенду Геродота о происхождении македонской династии: бежавшие из Аргоса братья сначала служили иллирийскому царю (старший при конях, средний при коровах, младший при мелком скоте), потом добились царской власти в Верхней и Нижней Македонии. Согласно последним исследованиям, легенда о происхождении Аргеадов имела варианты и изменялась и в V, и в IV вв. до н.э., соответствуя исторической ситуации. В середине IV в. к власти в Македонии приходит Филипп II, не прямой наследник трона. Ему снова, как в доисторические времена, удалось объединить Верхнюю и Нижнюю Македонию, завоевать золотые Пангейские рудники. Золото способствовало усилению экономики Македонии, появлению золотой монеты и массы украшений своеобразного стиля. Престиж Филиппа чрезвычайно возрос, он стал национальным героем, и его завоевания могли стать поводом для возвращения к старой легенде происхождения царской власти – возможно, еще в одном из ее новых вариантов. Таким образом, можно предположить, что в основе сюжета верхнего фриза положена варьирующаяся легенда, связанная с происхождением македонской царской династии. «Скифский» (варварский) облик персонажей фриза отмечает негреческий период в их истории. Высокое, исключительное качество работы в пекторали и оригинальность замысла ставят ее на особое («царское») место даже в ряду шедевров произведений златокузнецов. Был ли этот предмет действительно использован в ритуале скифов, нам неизвестно. Очевидно его длительное бытование в среде кочевников (следы грубого ремонта), но нет уверенности в том, что его носил царь или вождь: пектораль найдена не на костяке и не в центральной камере. Поэтому есть основание думать, что пектораль с предполагаемым македонским сюжетом попала к скифам не как заказанная ими вещь, а как дар или трофей. Безусловно, многое здесь остается еще неясным, но трудно возразить, что в исследовании пекторали из Толстой Могилы назревает новый поворот.

Ключевые слова: золото скифов, античное искусство, Северное Причерноморье, греческая торевтика, пектораль, курган Толстая Могила.

Summary

Works of jewelry from the Scythian burial mounds create a special aura of nomadic culture. Many works were made by the Greek craftsmen, but they reflected the motives of Scythian life, so these things are considered custom–Scythian. Among them is the famous Golden pectoral from the Tolstaja Mogila mound. Its decor is divided into three tiers and contains a plant frieze and figurative images (scenes of torment; scenes with Scythians). In the study of pectorals clearly appear two important stages: its discoverer B. N. Mozolevsky presented an exhaustive description and analysis of the images, proposed an interpretation of the subjects, defining the actions of the Central pair as sewing ritual attire. The second stage is associated with D. C. Raevsky, who inscribed the pectoral in his conceptual model of the Scythian universe («Scythian cosmogram»). Since then, this interpretation has become decisive in the literature and the themes of images are considered in this way. Meanwhile, it is impossible to interpret a thing without carrying out more subject attribution, the results of which are devoted to this material. We present here brief conclusions. The technique of Metalworking used in the manufacture of plant frieze (the imposition of openwork floral ornament on a smooth background sheet), the composition and style of the elements of the plant frieze (acanthus with climbing branches on which flowers and palmettes grow) find direct analogies in the products of the North Greek and Macedonian craftsmen. The analysis of elements of the image of the Central group promotes its interpretation not as a sewing scene (the fragments of a cord-a belt are clamped in the hands of both men), and an exchange of a symbolical attire and a belt at transfer of the power. The General plot of the upper frieze, including young men with cows and sheep, recalls the legend of Herodotus about the origin of the Macedonian dynasty: the brothers who fled from Argos first served the Illyrian king (the elder with horses, the middle with cows, the younger with small cattle), then achieved Royal power in the Upper and Lower Macedonia. According to recent studies, the legend of the origin of the Argeads had some variants and changed in the V and IV centuries BC, corresponding to the historical situation. In the middle of the fourth century Philip II, not the direct heir to the throne, comes to power in Macedonia. He again, as in prehistoric times, managed to unite the Upper and Lower Macedonia, and to win the gold mines of Pangaea. Gold contributed to the strengthening of the Macedonian economy, the appearance of gold coins and a lot of jewelry of a peculiar style. Philip's prestige was greatly increased, he became a national hero, and his conquests could be a reason to return to the old legend of the origin of the Royal power – perhaps in another of its new versions. Thus, it can be assumed that the plot of the upper frieze is based on a varying legend associated with the origin of the Macedonian Royal dynasty. The «Scythian» (barbaric) appearance of the characters of the frieze marks a non-Greek period in their history. High, exceptional quality of work in the pectoral and originality of conception put her on a special («royal») place even among several masterpieces works of goldsmiths. We do not know, whether this object was really used in the ritual of the Scythians. Obviously its long existence among nomads (traces of rough repair), but there is no confidence that it was carried by the Tsar or the leader: the pectoral is found not on a skeleton and not in the Central chamber. Therefore, there is reason to think that the pectoral with the alleged Macedonian story came to the Scythians not as a thing they ordered, but as a gift or a trophy. Of course, much aspects remains unclear, but it is difficult to argue that a new turn is brewing in the study of pectorals from the burial mound Tolstaja Mogila.

Keywords: Scythian gold, Greek toreutics, pectoral, Greek art, burial mound Tolstaja Mogila, Scythian gold, Northern Black Sea area.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Елена Анатольевна Савостина, доктор искусствоведения,
МГАХИ им. В.И. Сурикова,
профессор кафедры теории и истории искусств.
esav@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Elena Savostina, DSc in Art History,
Surikov Moscow State Academic Art Institute,
professor of the Department of Theory and History of Arts.
esav@yandex.ru

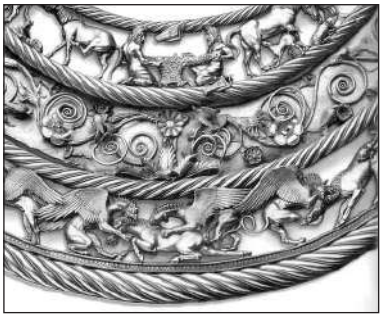


Рис. 1. Пектораль из кургана Толстая Могила.
Деталь: центральная часть.

Рис. 2. Диадема из собрания ПЛАТАР.

Рис. 3. Пектораль из кургана Толстая Могила. Деталь: растительный фриз.

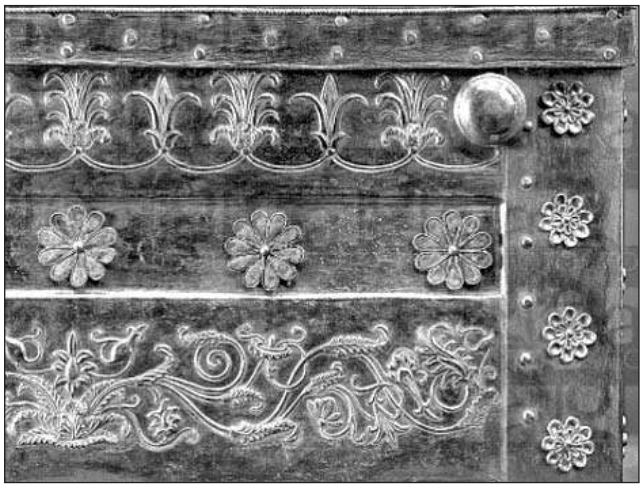


Рис. 4. Ларнак из мужского погребения Гробницы II Большого кургана в Вергине. Деталь.

Рис. 5

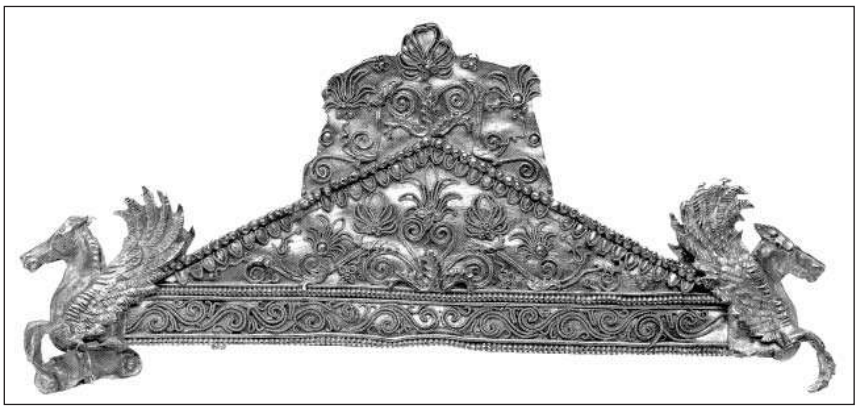


Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 5. Диадема из Мадитоса. Деталь.
Рис. 6. Брошь из Патр.
Рис. 7-8. Элементы растительного декора: пектораль и диадема.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

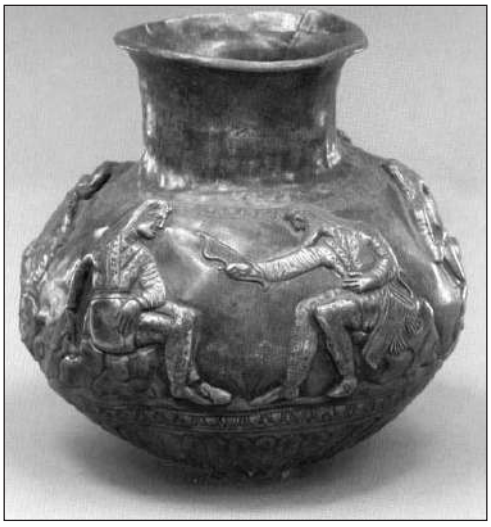


Рис. 12

Рис. 13

Рис. 9, 10. Пектораль из кургана Толстая Могила. Старший скиф: кисть правой руки.
Рис. 11. Пектораль из кургана Толстая Могила. Старший скиф: взгляд и жест.
Рис. 12, 13. Сосуд из Воронежских курганов. Деталь.

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 14. Пектораль из кургана Толстая Могила. Младший скиф из группы 1.
Рис. 15. Пектораль из кургана Толстая Могила. Младший скиф: кисть правой руки.
Рис. 16. Пектораль из кургана Толстая Могила. Деталь.
Рис. 17. Трон из македонской Гробницы Эвридики.

А.Е. ПЕТРАКОВА, О. ЯГГИ*
A.E. PETRAKOVA, O. JAEGGI

ЭРОТЫ С ПОЗОЛОЧЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ: РЕЦЕПЦИЯ КРАСНОФИГУРНЫХ ВАЗ ИЗ МАСТЕРСКОЙ МАСТЕРА МАРСИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
EROTES WITH GILDED WINGS: RECEPTION OF THE RED-FIGURE VASES FROM THE WORKSHOP OF THE MARSYAS PAINTER IN THE NORTHERN BLACK SEA AREA

Мастерская Мастера Марсия (сам мастер и вазописцы его круга) считается самой лучшей афинской мастерской IV века до н. э. [Beazley, 1963, pp. 1474-1475]. Несмотря на то, что несколько ваз из этой мастерской широко известны и много раз опубликованы, до сих пор не существует отдельного подробного исследования, посвященного изучению всех нюансов стиля разных вазописцев и технических приемов гончаров этой мастерской. Задача нашего проекта – восполнить этот пробел. Настоящая публикация, как и статьи по материалам докладов, сделанных в мае 2017 года на конференции в Салониках [Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming] и в октябре 2018 года на коллоквиуме в Мюнхене [Jaeggi ,2020, forthcoming], представляет собой одну из частей большого проекта, который, как мы надеемся, со временем превратится в полноценную монографию о мастерской Мастера Марсия, снабженную большим количеством качественных фотографий (общие виды и фрагменты), виртуальных «разверток» композиций, а также рисунками профилей всех ваз.

Еще в 30-х годах прошлого века среди ваз, росписи которых демонстрируют стилистическое сходство, Карл Шефолд попытался выделить несколько индивидуальных авторских манер [Schefold, 1930; Schefold, 1934] на основе дошедших до нас образцов продукции аттических керамических мастерских IV века до н.э. Помимо Мастера Марсия [Schefold, 1934, S. 127–131] он также предложил Элевсинского Мастера (первоначально Мастера Элевсинской пелики – “der Maler der Eleusinischen Pelike”) [Schefold, 1934, S. 125–127], Мастера Гетеры [Schefold, 1934, S. 131-132], Мастера Тышкевича [Schefold, 1934, S. 131] и Мастера свадебного шествия (свадебной процессии) (“der Maler des Hochzeitszugs”) [Schefold, 1934, S. 132-134].

Ученые, обращавшиеся к изучению Мастера Марсия и его мастерской после Шефолда, не всегда поддерживали его классификацию и атрибуцию. Например, Джон Бизли согласился с выделеним Мастера Марсия и Элевсинского Мастера, охарактеризовав первого, как лучшего вазописца IV века до н.э. [Beazley, 1963,

*Авторы выражают искреннюю признательность научным сотрудникам Государственного Эрмитажа, хранителям ваз, о которых идет речь в этой статье: А.М. Бутягину, Д.Е. Чистову, Е.В. Власовой, которые любезно разрешили работать с экспонатами, находящимися в их ведении, и оказывали всяческое содействие.

pp. 1474-1475], а про второго сказав, что он «связан» с первым, но «вымученный и слабый – вот и вся разница» (“connected... but laboured and weak – all the difference” [Beazley, 1963, p. 1476]). Несколько ваз, которые Шефолд атрибутировал Мастеру Гетеры и его мастерской, Бизли переатрибутировал Мастеру Афин 1472, сказав, что «его фигуры напоминают фигуры Мастера Марсия» (“figures recall the Marsyas Painter”, [Beazley, 1963, p. 1477]). Что касается Шефолдовских Мастера свадебного шествия и Мастера Тышкевича, Бизли их отверг, возможно, потому, что в его собственной классификации уже были мастера с такими именами (“the Wedding Painter” периода ранней классики [Beazley, 1963, p. 922]; мастер позднего V века до н.э. под условным именем “the Painter of the Athens Wedding” [Beazley, 1963, p. 1317]; Мастер Тышкевич, работавший в поздней архаике и ранней классике [Beazley, 1963, p. 350]).

По мнению Паноса Валаваниса, Мастер Марсия и Элевсинский мастер должны быть объединены, поскольку это одна и та же рука [Βαλαβάνης, 1991, pp. 282–286; см. также: Kogioumtzi, 2006, pp. 110–113], хотя Мастера свадебного шествия он поддержал и даже продолжил разрабатывать [Βαλαβάνης, 1991, pp. 292-312]. На основе панафинейских амфор, которые он атрибутировал мастерской Мастера Марсия, Валаванис пересмотрел вопрос о датировках, предложенных ранее Шефолдом [Schefold, 1934, S. 108–134]. В то время как датировки Шефолда базировались, главным образом, на стилистических особенностях вазовых росписей и сравнении их со стилистическими особенностями скульптурных рельефов и других произведений древнегреческого искусства, датировки Валаваниса в основе своей имеют четкую привязку к четырехлетнему периоду от одних Панафинейских игр до других, поскольку на амфорах имеются имена архонтов.

Большинство ваз Мастера Марсия и его круга были найдены на территории Боспорского государства [избранная библиография: Цветаева, 1951; Цветаева, 1957; АГСП 1984, с. 58–62, 222–224; Fornasier, Böttger, 2002; Fless, Lorenz, 2005; Jaeggi, 2012; Petrakova, 2012; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012; Ягги, 2012, с. 133–137; Tsetskhladze, 2013; Jaeggi, 2020, forthcoming]. Эти вазы отличаются от работ других мастерских того же времени высоким качеством, тонкостью и изяществом росписей, своеобразным сюжетно-тематическим репертуаром и иконографией, а также – техническими особенностями, например, наличием значительного количества деталей, выполненных в невысоком рельефе из полужидкой глины и позолоченных сверху. Мы предполагаем, что не только сюжетно-тематический репертуар, но и эти технические особенности, придававшие вазам еще более нарядный вид, по-видимому, нравились покупателям, соответствовали их вкусам и предпочтениям, которые, возможно, были известны афинским мастерам. На многих вазах, которые мы связываем с мастерской Мастера Марсия, имеется рельефный декор, дополненный росписью или позолотой, который, несомненно, обогащает и без того роскошную вазу, украшенную орнаментами и сложной многофигурной композицией.

Хорошим примером может служить знаменитая гидрия П.1872.130 из собрания Государственного Эрмитажа с изображением спора Афины и Посейдона [первая публикация: ОАК за 1872, с. XXI; избранная библиография: Cohen, 2006, cat. 105; Эрмитаж, 2014, с. 464-465; BAPD 6988] – (рис. 1). Она была найдена в маленьком каменном склепе, раскопанном в 1872 году на склоне горы Митридат, и «заключала в себе лишь жженые человеческие кости и простой точильный брусок», к ее горлу «был примазан алебастром полированный темно-красного цвета кружок», вокруг «лежали обломки железного меча» [ОАК за 1872, с. XXI]. Шефолд атрибутировал ее Мастеру свадебного шествия [Schefold, 1934, S. 132, Kat. 161], Валаванис же датировал ее ок. 350–340 гг. до н.э. [Βαλαβάνης, 1991, pl. 142-143] и атрибутировал мастерской Мастера Марсия.

Мы согласны, что, по крайней мере, краснофигурную часть декора этой гидрии действительно следует связать с мастерской Мастера Марсия на основе значительного стилистического сходства – (рис. 2 и 3). В частности, в пользу этого свидетельствует характерная трактовка складок одежд при помощи длинных, как бы «нервно» нарисованных двойных линий, в ряде случаев заканчивающихся крючкообразными элементами: именно такие складки мы видим на вазах, атрибутированных Мастеру Марсия, например, на гидрии КМАК 501 из собрания Керченского историко-культурного заповедника (рис. 4 и 5) [Ягги, 2012, кат. 22], лекане Ю.О.32 (рис. 10 и 11) [первая публикация: ОАК за 1860, с. III-IV; CR pour l'Année 1861, Atlas, pl. I; Stephani, 1869, Kat. 1858; Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 41; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 7–8 Kat. 14; Beazley, 1963, p. 1475 no.7; Βαλαβάνης, 1991, p. 270, no. 7; p. 279, pl. 114; Kogioumtzi, 2006, p. 188, no. L214; BAPD 230425; публикация с архивными материалами и библиографией: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62–66; см. также: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 1] и пелике Кек.8 из собрания Эрмитажа (рис. 6 и 7) [первые публикации: ДБК 1854, pl. LVII; Stephani, 1869, Kat. 1795; Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 40; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 34, no. 370; Beazley, 1963, p. 1475 no. 3; Βαλαβάνης, 1991, p. 269, no. 3, pl. 106–107; Kogioumtzi, 2006, p. 305, no. P358; BAPD 230421; публикация с архивными материалами и библиографией: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 97–104; см. также: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 2] и др.

Именно такими линиями нарисованы на гидрии П.1872.130 контуры и складки плащей у женщины (ее интерпретируют как Аглавру, дочь Кекропса, или же как персонификацию Аттики, см., например: Cohen, 2006, cat. 105), сидящей над левой горизонтальной ручкой вазы (рис. 3), и у мужчины (его интерпретируют как Кекропса или Зевса, см., например: Эрмитаж, 2014, с. 464-465), сидящего рядом с правой горизонтальной ручкой вазы. Также можно сравнить трактовку верхней части туловища упомянутой женщины с трактовкой женских торсов на вазах Мастера Марсия и его круга с их характерными округлыми формами плеч и предплечий, изящными кистями рук, на которых черными контурами прорисованы все пальцы; следует также обратить внимание на чуть полноватое тело со складочками в районе

талии и широко поставленные крепкие округлые груди с большими сосками, нарисованными в виде целой или разорванной окружности; такие торсы можно видеть, например, на упомянутой лекане Ю.О.32 (рис. 10 и 11) и лекане Ю.О.9 (рис. 8 и 9) [первые публикации: CR pour l'Année, 1860, pl. I.1–3; Stephani, 1869, Kat. 1791; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 5–6, Kat. 10, Abb. 13–14; Beazley, 1963, p. 1476.3; Βαλαβάνης, 1991, p. 282, no. 3, pl. 126; Kogioumtzi, 2006, p. 187, no. L210; BAPD 230433; публикация с архивными материалами и библиографией: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 44–51; см. также: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 5-6], пелике Ю.О.10 (рис. 14 и 15) [первые публикации: CR pour l'Année, 1860, pl. II.1–2; Stephani, 1869, Kat. 1793; Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 39; избранная библиография: Schefold, 1934, 42–43, Kat. 369; Beazley, 1963, 1476.2; 1695; Βαλαβάνης, 1991, 282, no. 2, pl. 124–125; LIMC VIII, 1997, 1202–1203, s. v. Themis (S), no. 17 (P. Karanastassi); Simon, 1998, 176, fig. 15,5; ThesCRA IV, 2005, 400, s.v. 1.b. Representations of Cult Places 108–110. (A. Kossatz-Deissmann); Kogioumtzi, 2006, 305, no. P357; Langner, 2016, 144, fig. 4; BAPD 230432; см. также: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 8], упомянутой гидрии КМАК 501 (рис. 4 и 5).

Женщина, изображенная на гидрии П.1872.130 (рис. 2) рядом с лошадью справа от центральной группы (ее интерпретируют как Амфитриду или Геру, см., например, Cohen, 2006, cat. 105), очень похожа по принципу исполнения и примененным пигментам на сидящую слева от Зевса женщину на упомянутой пелике Ю.О.10 (рис. 14) (ее интерпретируют как Фемиду). В обоих случаях тело женщины покрыто белой краской, ювелирные украшения выполнены в низком рельефе с использованием полужидкой глины и, по-видимому, позолоты (утрачена), а оставленная в цвете глины одежда была некогда разноцветной (на обеих вазах видны следы розовой краски, на гидрии также еще и зеленой, а на пелике – голубой), но очень плохо сохранилась. Орнаменты в верхней и нижней части хитона Диониса на гидрии П.1872.130 (рис. 2) похожи на орнаменты, украшающие хитон женщины, стоящей в левой части композиции на стороне Б (рис. 7), и у Аполлона на стороне А (рис. 6) упомянутой пелики Кек.8, у женщины, стоящей слева от Афродиты, на знаменитом лебесе П.1906.175 (рис. 12 и 13) [первые публикации: Pharmakowsky, 1907, cols. 131–136, figs. 3–7; Лукьянов, Гриневич, 1915; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 30–32, Kat. 286, pls. 33–35; Beazley, 1963, 1475.1; Βαλαβάνης, 1991, 269, no. 1, pls. 102–105; Kogioumtzi, 2006, 265, no. LG58; Lapatin, 2006, p. 334–336, no. 103; BAPD 230419; см. также: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 9], на одеждах женщины в правой части композиции вверху и девочки в левой части композиции внизу на гидрии КМАК 501 (рис. 4).

Орнаменты на венчиках и под изображением на тулове у этих двух гидрий также похожи, как и орнамент под изображением на тулове лебеса П.1906.175: это поясок со сложным, сильно закрученным меандром, прерывающимся через несколько «перекатов» прямоугольником с несколькими рядами шахматного орнамента. Также можно сравнить пантер на гидрии П.1872.130 (рис. 2) и на стороне Б пелики Ю.О.10

(рис. 15) (они похожи по размерам, форме, декору шкуры); трактовка обнаженного мужского торса тоже имеет много общего на этих двух вазах. Орнаменты из пальметт и волютообразных завитков под вертикальной ручкой у гидрий П.1872.130 и КМАК 501 характеризуются пышностью, большим количеством спиралевидных завитков и пальметт, но спирали на гидрии КМАК 501 крупнее (рис. 5), имеют больше витков, листики пальметт загнуты кверху, а не книзу, также имеется множество элементов в виде четвертинок пальметт; сердцевины пальметт украшены тремя рельефными точками, а не одной (такие же спирали, сердцевины пальметт и четвертинки пальметт украшают и пелику Кек.8 – рис. 6 и 7); впрочем, и трактовка лиц на эрмитажной гидрии проще, чем на керченской, мы можем говорить о явном стилистическом сходстве, но, по-видимому, об участии разных мастеров в создании разных частей ваз. Примечательно, что оба типа пальметт (с загнутыми вверх лепестками, как на гидрии КМАК 501 (рис. 5), и с загнутыми вниз, как на гидрии П.1872.130 – рис. 2) украшают тулово леканы Ю.О.32 (рис. 11): они представлены в пояске из вертикально ориентированных пальметт, в котором чередуются через одну.

Из названных аналогий большинство признано разными исследователями работами Мастера Марсия, относительно двух ваз (пелики Ю.О.10 и леканы Ю.О.9) существуют два варианта атрибуции: Элевсинскому мастеру (Шефолд, Бизли) и Мастеру Марсия (Валаванис). В любом случае, как уже было сказано в начале статьи, сам же Бизли говорил, что вся разница между этими двумя мастерами в том, что один из них более «вымученный и слабый» [Beazley, 1963, p. 1476]. Нам представляется, что лекана Ю.О.9 (рис. 8 и 9) по многим стилистическим особенностям очень близка знаменитому лебесу П.1906.175 (рис. 12 и 13), однозначно атрибутированному Мастеру Марсия, а пелика Ю.О.10 (рис. 14 и 15) более близка по стилю росписи лекане Ю.О.32 (рис. 10 и 11). Вопрос относительно того, следует ли видеть в этой разнице эволюцию (или деградацию) одного и того же мастера, работавшего на протяжении нескольких десятилетий, или же разница обусловлена работой мастера и подражателя, – требует дальнейшей разработки.

Насколько нам известно, к настоящему моменту гидрия П.1872.130 – единственная ваза Мастера Марсия или его мастерской, декорированная не при помощи низкого рельефа из полужидкой глины с позолотой сверху, а настоящим высоким рельефом, покрытым полихромной росписью. При раскопках в Пелле была найдена еще одна гидрия этой мастерской, также с изображением спора Афины и Посейдона, но без рельефа [Simon, 1994, 474, № 241, pl. 375].

Рассмотренная выше гидрия с Афиной и Посейдоном, большой (П.1837.2) [Виноградов, 2007; BAPD 217907] и малый (Зм.3) [Petrakova, 2012, fig. 9a; BAPD 217908] лекифы Ксенофанта, ойнохоя инв. Зм.4 из Эрмитажа [Petrakova, 2012, fig. 9b; BAPD 9976] и др. – количество ваз с рельефным декором, найденных в Пантикапее и окрестностях (и атрибутированных разным мастерам), показывает, что, по-видимому, местные жители ценили такую разновидность ваз: можно предполагать, что афинские мастера или, вероятнее всего, торговцы, адаптировались к вкусу заказчика.

Помимо перечисленных ваз, украшенных достаточно сильно выступающими рельефами, в Пантикапее и окрестностях также найдены вазы мастерской Мастера Марсия, детали декора которых выполнены в низком рельефе из полужидкой глины и украшены позолотой: так выполнены крылья Эротов, украшения у женщин, предметы обстановки, атрибуты. Это очень изящно выполненные рельефы, которые при высоте всего в несколько миллиметров (!) значительно обогащают и разнообразят композицию. Чередование красных (цвет незакрашенной глины), черных (участки фона), белых (фигуры женщин и Эротов, детали) и золотых (крылья Эротов, некоторые предметы и детали) пятен создает по поверхности вазы причудливую ритмическую игру, закономерности которой повторяются на разных вазах, которые мы считаем работами мастерской Мастера Марсия.

Примером может служить упоминавшаяся выше эрмитажная лекана Ю.О.32 (рис. 10 и 11), происходящая из склепа 47 Шестого каменистого кургана [первая публикация: ОАК за 1860, III–IV; далее см.: Petrakova, 2012, p. 152; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 62–66]: в погребении был обнаружен деревянный саркофаг (Ю.А. Виноградов предположил мужское погребение на основе находки стригиля [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 66]), в ногах стояли краснофигурная лекана и чернолаковая пелика. Внутри саркофага также были обнаружены золотая оливковая ветвь (по Виноградову в ОАК за 1860, с. III–IV ошибка относительно положения ветви рядом с рукой, в действительности же она была найдена рядом с головой и являлась частью погребального венка [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 66]), золотое кольцо с изображением Ники на колеснице, два алабастра, чернолаковая штампованная тарелочка и серебряная монета (аверс: голова Пана; реверс: голова быка и буквы ΠΑΝ) [первая публикация: ОАК за 1860, с. III–IV; датировка неясна: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, 66]. Шефолд, а затем – Бизли, атрибутировали лекану Ю.О.32 (рис. 10 и 11) Мастеру Марсия; Валаванис датировал ее около 360 г. до н.э. против датировки Шефолда 350–340 гг. до н.э. [первые публикации: CR pour l'Année, 1861, Atlas, pl. I; Stephani, 1869, Kat.1858; Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 41. Избранная библиография: Schefold, 1934, S. 7–8, Kat. 14; Beazley, 1963, p. 1475 no. 7; Βαλαβάνης, 1991, p. 270 no. 7; p. 279 pl. 114; Kogioumtzi, 2006, p. 188 no. L214; BAPD 230425].

Роспись на крышке леканы Ю.О.32 (рис. 10) показывает прекрасных женщин и девушек как обнаженных, так и одетых в одежды с множеством сложных складок; девушкам помогают Эроты, тела которых покрыты белой краской, а выполненные в невысоком рельефе из полужидкой глины крылья – позолотой. Уже в первых публикациях интерпретация сюжета вызвала разногласия у разных авторов. Он был интерпретирован как свадебная церемония [ср.: Лукьянов, Гриневич, 1915, с, 19–32], «toilette de jeunes filles» [CR pour l'Année, 1861, Atlas, pl. I; Стефани, 1862, с. 5–10] и «женщины и молодые девицы за своими обычными занятиями: туалетом, музыкой, играми, танцами или в любовных интригах» [Стефани, 1862, с. 5–6], а стиль росписи определен как «nachlässiger Stil des vierten Jahrhunderts v. Chr.» [Stephani, 1869,

S. 362]. В настоящее время аналогичные сцены часто интерпретируются именно как свадебные приготовления или разные эпизоды свадебного торжества, а не просто бытовые сценки из жизни женщин в гинекее. Их характеризуют как «depiction of different stages of a wedding by means of a continuous narrative», «a selective depiction of characteristic aspects referring to the wedding, by means of emblematic motifs conveying nuptial connotations» [см., например: Sabetai, 1997, p. 319-320]. Омовение невесты, поднесение специфических предметов-даров, сцена завязывания пояса, украшение лутрофора-гидрии, повязывание головы лентой и прочее – типичные мотивы таких сцен [Sabetai, 1997, p. 319], многие из них мы видим на рассматриваемой вазе, а также на тех вазах, о которых речь пойдет ниже.

На крышке леканы Ю.О.32 (рис. 10) можно видеть двенадцать женских персонажей больших размеров, представленных во всю высоту изобразительного поля (только у трех – две присели на корточки, одна сидит на табурете – головы не доходят до верхней границы изображения, но если бы они были изображены стоящими – они оказались бы вровень с остальными), двух девочек-помощниц (они изображены в два раза ниже и в четыре раза тоньше), а также трех Эротов и мальчика (возможно, это тоже Эрот, но у него, в отличие от трех других, нет крыльев, хотя тело также выкрашено в белый цвет). Все они вовлечены в единое действо, но в то же время составляют группы, объединенные разнообразными занятиями (в контексте этого единого действа) при помощи жестов, поз и даже мимики.

Среди прочего на вазе имеется композиция, состоящая из двух фигур: девушки с гидрией и обнаженной женщины на корточках, которой девушка, по-видимому, льет на голову воду из гидрии. По мнению Роберта Саттона, именно в таком варианте эта сцена появляется в аттической вазописи IV века до н.э., в то время как в последней трети V века до н.э. помощником женщины был Эрот [см. подробнее: Sutton, 2009a; Sutton, 2009b]. Обнаженная женщина, присевшая на корточки с распущенными волосами, и персонаж, льющий ей на голову воду из сосуда, – мотив, встречающийся в контексте изображения приготовления к свадьбе на аттических вазах разных форм и атрибутированных разным мастерам [см. в дополнение к рассматриваемым тут, например: Sabetai, 1997, fig. 1]; девушку, присевшую на корточки с распущенными волосами, как будто бы моющую голову, но без стоящего рядом персонажа с сосудом с водой можно видеть и вне свадебных сцен [см., например: Sutton, 2009b, fig. 1, fig. 10]. Адриан Стэли заметил, что изображения женщин во время омовения под сенью архитектурных сооружений или перед лутерием на вазах VI и V веков до н.э. представляют нам не сцены из повседневной реальности, а прежде всего женскую привлекательность как таковую [Stähli, 2013, S. 11–21]. Подобную интерпретацию также можно применять к изображениям обнаженных женщин, присевших на корточки на лоне природы (с «помощниками» рядом или без них). То есть мы можем воспринимать все эти изображения, как некое воспевание красоты женщин без «исторического» контекста (в виде свадебных приготовлений) и без мифологического содержания (как Афродита во время омовения).

Подобные композиции характерны для Мастера Марсия и его круга [ср.: Langner, 2016, S. 144; см. также подробнее: Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming]. Близкая группа, но в зеркальном варианте, представлена на стороне Б уже упоминавшейся выше пелики Кек.8 из Эрмитажа (рис. 6 и 7) – той самой пелики, благодаря которой Мастер Марсия и получил свое условное имя (на стороне А пелики изображено музыкальное состязание Аполлона и Марсия). Также в зеркальном варианте эта группа представлена на упоминавшейся гидрии КМАК 501 из Керченского историко-культурного заповедника (рис. 4) (аналогичную композицию можно видеть и, например, на эрмитажной пелике П.1840.49 [Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming, fig. 3], на которой есть и другие фигуры, характерные для мастерской Мастера Марсия, но само качество росписи гораздо более скромное; в данной статье эту пелику мы рассматривать не будем).

Во всех перечисленных случаях моющая голову девушка выделена белым цветом (и краска хорошо сохранилась на всем теле), она присела на корточки, ее правая нога согнута в колене гораздо больше, чем левая, так что пятка касается ягодицы; ступня согнутой в колене левой ноги выдвинута вперед и соприкасается с «землей» всей подошвой. Согнутые в локтях руки вытянуты вперед, между ними изображены длинные кудрявые волосы, которые она как бы пропускает между руками; спина чуть сгорблена, ведь девушка наклоняется вперед (сильнее всего – на гидрии КМАК 501 (рис. 4), поскольку из трех сравниваемых ваз на этой фигуры наиболее вытянутые), правая рука почти целиком скрывает груди, так что видна лишь их округлая нижняя часть. На всех вазах хорошо видна перевязь, перекинутая через левое плечо, грудь, спину и правое бедро девушки (на пелике Кек.8 она сохранилась хуже всего). На лекане Ю.О.32 (рис. 10) под девушкой схематично изображена одежда, которой нет в двух других сопоставляемых изображениях. Зачем может быть нужна эта одежда в сцене мытья волос? Возможно, чтобы ногам было теплее, если мыслится, что действие происходит на каменном или земляном полу, или чтобы ноги оставались чистыми, ведь сверху льется вода, значит, они намокнут. В любом случае – небольшая и трогательная, привнесенная из жизни деталь, безусловно, позволяет, пусть и за счет мелких отклонений от сложившейся схемы сделать росписи, выполненные на сходные сюжеты и происходящие из одной и той же мастерской, более разнообразными.

Фигура девушки, льющей из гидрии воду на голову присевшей женщины, также похожа на трех рассматриваемых вазах. Наиболее вытянутые пропорции, изящная поза и детально переданные складки хитона – у девушки на гидрии КМАК 501 (рис. 4); наиболее просто решена фигура на лекане Ю.О.32 (рис. 10); фигура же на пелике Кек.8 (рис. 7) по позе, пропорциям, конструкции костюма (хитон с напуском, но без рукавов, скрепленный круглыми застежками в районе ключиц и оставляющий плечи открытыми), рисунку складок близка к фигуре на лекане Ю.О.32 (рис. 10), хотя прическа больше похожа на ту, что у женщины на гидрии КМАК 501 (рис. 4). Притом что поза, пропорции, складки более изящны и прихотливы у девушки на

гидрии КМАК 501 (рис. 4), лица и волосы подробнее и тщательнее проработаны у девушек на лекане Ю.О.32 (рис. 10) и пелике Кек.8 (рис. 7).

То же самое можно сказать и про декор в виде невысокого рельефа, выполненный из полужидкой глины и позолоченный сверху: на гидрии КМАК 501 (рис. 4) его гораздо меньше, например ребра у гидрии, изображенной в руках стоящей девушки, лишь схематически обозначены по контуру, в то время как на пелике Кек.8 (рис. 7) у изображенной гидрии при помощи рельефа выполнены ребра и желобки (что гораздо лучше дает представление о реберчатой гидрии и гораздо больше похоже на реальные дошедшие до нас образцы этой продукции), а гидрия, изображенная на лекане Ю.О.32 (рис. 10), вообще имеет более сложный декор в несколько рельефных желобчатых и реберчатых ярусов. У всех женщин на рассматриваемых вазах в низком рельефе выполнены ожерелья и серьги, но на лекане Ю.О.32 (рис. 10) и пелике Кек.8 (рис. 6 и 7) еще и головные повязки; на гидрии же КМАК 501 (рис. 4 и 5) хитон другого кроя (с рукавами) скреплен на правом предплечье застежками с круглыми наконечниками, также выполненными в виде рельефных точек. Крылья Эротов на лекане Ю.О.32 (рис. 10) также выполнены в низком рельефе из полужидкой глины, хорошо сохранилась позолота, которой рельефы покрыты сверху. В такой же технике выполнены серьги, браслеты, ожерелья у женщин, элементы головных повязок, расположенные в ряд вокруг ручки крышки леканы точки.

Другой прекрасный пример – эрмитажная краснофигурная лекана Ю.О.9 (рис. 8 и 9) [первые публикации: CR pour l'Année, 1860, pl. I,1–3; Stephani, 1869, Kat. 1791; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 5–6, Kat.10 Abb. 13–14; Beazley, 1963, p. 1476 no. 3; Βαλαβάνης, 1991, p. 282 no. 3 pls. 126; Kogioumtzi, 2006, p. 187 no. L210; BAPD 230433] из склепа 50 в кургане ‘i’ Юз-Обы [Третий курган, см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 44–51]. Среди прочих предметов погребального инвентаря в гробнице найдены золотые серьги в виде менад [о второй серьге, украденной и вновь обретенной, см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 49–51], золотое ожерелье, два золотых кольца, золотая подвеска с инталией, датируемой от конца VI до середины V вв. до н.э. [дискуссия о датировке см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 48], бронзовая заколка для волос, костяное веретено и бронзовое зеркало [первая публикация: ОАК за 1859, с.VIII–IX; см. также: Petrakova, 2012, pp. 154–155; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 48–51]. В соответствии с этими предметами погребение может быть определено как женское.

Лекана опять стояла вместе с пеликой, в этот раз не чернолаковой, а краснофигурной, ныне имеющей инв. номер Ю.О.10 (рис. 14 и 15) и хранящейся в Эрмитаже [первые публикации: CR pour l'Année, 1860, pl. II,1–2; Stephani, 1869, Kat. 1793; Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 39; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 42–43, Kat. 369; Beazley, 1963, p. 1476 no. 2; 1695; Βαλαβάνης, 1991, p. 282 no. 2 pl. 124–125; Kogioumtzi, 2006, p. 305 no. P357; Langner, 2016, p. 144 fig. 4; BAPD 230432]. Лекана была атрибутирована Шефолдом, а затем – Бизли, Элевсинскому

Мастеру [Schefold, 1930, S. 5–6, Kat. 10; Beazley, 1963, p. 1476 no. 3], в то время как Валаванис атрибутировал ее Мастеру Марсия и датировал примерно 350–340 гг. до н.э. (Βαλαβάνης, 1991, p. 282 no. 3). Стефани, который первым опубликовал лекану, охарактеризовал стиль ее росписи как: «der vollendetste Stil des vierten Jahrhunderts v. Chr.» [Stephani, 1869, S. 316].

Роспись леканы действительно высочайшего качества. Она вновь представляет нам многофигурную композицию с участием прекрасных женщин, предположительно во время каких-то торжеств, возможно свадебной церемонии [ОАК за 1860, 5–38, комментарии к: CR pour l'Année, 1860, pl. II,1–2]. Очевидно, лекану использовали до того, как она попала в погребение: внутри имеются царапины (их могла оставить, к примеру, металлическая ложка), одна из ручек была отбита и прикреплена обратно уже в античную эпоху (дырочки от металлической скобы до сих пор видны). Как и лекана Ю.О.32 (рис. 10), лекана Ю.О.9 (рис. 8) украшена фигурками маленьких Эротов (только здесь их гораздо больше – шесть) с рельефными позолоченными крыльями, аналогичным образом выполнены ювелирные украшения у женщин, детали предметов, которые находятся в руках у женщин или стоят на полу; и самих этих предметов опять-таки гораздо больше.

Женщин на лекане изображено четырнадцать, все они в длинных одеждах с большим количеством тщательно проработанных складок, некоторые одежды украшены дополнительными орнаментами; кроме того, представлен и один обнаженный мужчина. За счет большого количества предметов и мебели, а также деликатно переданных при помощи росписи и рельефа веточек деревьев и цветов внизу и вверху (аналогичные элементы можно видеть на гидрии КМАК 501), между фигурами почти не остается пустого пространства, что отличает лекану Ю.О.9 (рис. 8) от леканы Ю.О.32 (рис. 10), на которой представлено меньше фигур и атрибутов, осталось больше пустого пространства, расстояния между фигурами также более значительны, позы, жесты, проработка складок и лиц – более упрощенные (ср. также по этим параметрам лекану из Салоник, о которой речь идет ниже).

Форму и орнаменты леканы Ю.О.9 (рис. 8 и 9) следует сравнить с аналогичными элементами леканы Ю.О.32 (рис. 10 и 11) и леканы инв. 4880 из Археологического музея в Салониках, атрибутированной Мастеру Марсия Валаванисом и датированной им ок. 340 г. до н.э. [Βαλαβάνης, 1991, p. 274, pl. 120–121; Kogioumtzi, 2006, p. 189 no. L242; Tiverios, 2012, pp. 42–43 fig. 9; BAPD 46941]. Цепь пальметт, украшающая лекану Ю.О.32, похожа на ту, что украшает лекану инв. 4880 из Салоник: вертикально ориентированные пальметты чередуются со стилизованными бутонами, ниже расположены сильно закрученные спиралевидные завитки; под поясом с пальметтами – поясок с овами; на лекане Ю.О.32 поясок с овами расположен также и над поясом с пальметтами (на лекане из Салоник этого нет). На лекане из Салоник все пальметты в цепи имеют лепестки, загнутые книзу, в то время как на лекане Ю.О.32 такие пальметты чередуются с пальметтами, с лепестками загнутыми кверху. Уступы у ручек на лекане из Салоник украшены несколькими рядами шахматного орнамента

– то же самое мы можем видеть на лекане Ю.О.9 из Эрмитажа (на лекане Ю.О.9 шахматный декор дополнен также пояском с бегущей волной – он расположен на кромке уступа, который у леканы из Салоник черный); на обеих леканах верхняя поверхность ручек украшена орнаментом в виде ов; боковая сторона ручек на лекане из Салоник черная, а на лекане Ю.О.9 украшена пояском с цепочкой бутонов, обрамленным сверху и снизу поясками с овами. Самые простые ручки у леканы Ю.О.32: они ничем не украшены, как и уступы (они просто черные). Пальметты на лекане Ю.О.9 ориентированы не вертикально, а диагонально вправо, это пальметты с загнутыми кверху лепестками, похожие по типу на один из видов пальметт, украшающих лекану Ю.О.32, а также на пальметты под ручкой гидрии КМАК 501 (рис. 5) (включая рельефные точки по сторонам от центрального лепестка). Цепочка из бутонов, украшающая боковые стороны ручек леканы Ю.О.9, очень похожа на ту, что украшает ручку крышки леканы Ю.О.32 (рис. 10 и 11). На ручке крышки леканы из Салоник расположен поясок с пальметтами, похожий на тот, что украшает ручку крышки леканы Ю.О.9 (рис. 8 и 9). Однако на обеих эрмитажных леканах, в отличие от леканы из Салоник, на ручке крышки располагается два пояска (второй с овами, непосредственно вокруг отверстия). Поясок с овами по свесу крышки (и на верхней стороне ручек) леканы из Салоник очень похож на тот, что украшает свес крышки леканы Ю.О.9. Таким образом, мы видим, что на всех трех леканах использованы орнаментальные элементы, явно практиковавшиеся одной и той же группой мастеров, примененные в разных комбинациях. Получается, что все три леканы украшены элементами, благодаря которым из этих лекан можно образовать три пары для сопоставления (то есть обязательно у каждой леканы есть параметры, по которым она похожа на две другие). Ту же самую тенденцию мы наблюдаем, сравнивая профили лекан: наиболее сложнопрофилированной представляется лекана Ю.О.9 (рис. 8 и 9), наиболее простой – Ю.О.32 (рис. 10 и 11), лекана же из Салоник представляет некий промежуточный вариант: ее ручка крышки и ручки самой леканы ближе к тем, что у леканы Ю.О.9, а ножка леканы – к той, что у леканы Ю.О.32.

Роспись леканы Ю.О.9 (рис. 8) (так же, как и роспись леканы Ю.О.32) была интерпретирована как «сцены туалета» [ОАК за 1860, с. 5–38, комментарии: CR pour l'Année, 1860, pl. II,1–2]: женщины предстают в богатых одеждах, Эроты – с белыми телами и рельефными позолоченными крыльями, среди атрибутов присутствуют зеркала, лутерии, лутрофоры, фимиатерии и венки. В дискуссии по поводу лебеса П.1906.175 (рис. 12 и 13) аналогичные сцены интерпретированы как свадебные приготовления [Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 19–32].

Все три леканы украшены прихотливыми многофигурными композициями с обилием белой накладной краски и позолоты поверх рельефных деталей, но роспись леканы Ю.О.9 (рис. 8) наиболее насыщена фигурами, богаче украшена разнообразными второстепенными деталями и орнаментами, складки одежд нарисованы сложнее, тела гибче, фигуры женщин и Эротов – более вытянутые. В то же время сходство лиц, волос, рук очевидно, равно как сходство поз и жестов – будто один и тот же

мастер (или близкие мастера) использует, повторяет и видоизменяет одни и те же мотивы, или же работает последователь мастера, используя его наработки, в любом случае – это одна и та же мастерская. Валаванис атрибутировал обе эрмитажные леканы Мастеру Марсия, но датировал Ю.О.9 ок. 350–340 гг. до н.э., то есть на 10–20 лет позже, чем Ю.О.32 (ок. 360 г. до н.э.); лекану из Салоник он также атрибутировал Мастеру Марсия с датировкой ок. 340 г. до н.э. С учетом всех особенностей формы, орнаментального декора и росписей этот вопрос следует изучить более детально. Лекана из Салоник представляется своеобразным «связующим звеном» между более простой по форме и декору леканой Ю.О.32 (рис. 10 и 11) (помещенной Валаванисом среди более ранних работ Мастера Марсия) и более сложнопрофилированной, украшенной многофигурной композицией с обилием деталей леканой Ю.О.9 (рис. 8 и 9) (помещенной среди поздних работ мастера). Наша предстоящая работа состоит в том числе в выявлении разных творческих манер, индивидуальных почерков в пределах мастерской Мастера Марсия с учетом всех возможных особенностей формы и декора ваз.

Третьим примером в рамках настоящей статьи может служить знаменитый свадебный лебес П.1906.175 (рис. 12 и 13) [первые публикации: Pharmakowsky, 1907, Sp. 131–136, figs. 3–7; Лукьянов, Гриневич, 1915; избранная библиография: Schefold, 1934, S. 30–32, Kat. 286 pls. 33–35; Beazley, 1963, p. 1475 no. 1; Βαλαβάνης, 1991, p. 269 no. 1 pls. 102–105; Kogioumtzi, 2006, p. 265 no. LG58; Lapatin, 2006, pp. 334–336 no. 103; BAPD 230419], служивший урной в маленьком пантикапейском погребении из каменных плит [Pharmakowsky, 1907, Sp. 134–135: “Die Vase wurde zufällig in einem aus Steinplatten hergestellten Grab gefunden und war mit gebrannten Knochen gefüllt”] в районе Глинище [Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 1–2]. Хотя ваза была разбита при извлечении, она является на сегодняшний день единственным лебесом хорошей сохранности этой мастерской, остальные дошедшие до нас лебесы – это фрагменты [например: Ю.О.55, см: Petrakova, 2012, fig. 10; КМАК 12912, см.: Ягги, 2012, кат. 23].

Композиция состоит из тринадцати прекрасных женщин, одной девочки и семи Эротов (рис. 12 и 13). Все женщины одеты, кроме единственной сидящей женщины, обнаженные части тела которой покрыты белой краской (Кеннет Лапатин [Lapatin, 2006, p. 335] предположил, что “a fine garment may have been indicated with lines of dilute or even added in color upon her upper body”, однако исследование вазы не подтвердило его предположение); такая же краска использована для фигур летающих среди женщин Эротов.

Сцена была интерпретирована как туалет женщин в гинекее или как епавлия (ἐπαυλία), т. е. приготовление к свадьбе [Лукьянов, Гриневич, 1915, с. 29; Simon, 1976, S. 159]; в руках у женщин – множество разнообразных предметов, возможно – с сакральным назначением [Simon, 1976, S. 159-160; Lapatin, 2006, pp. 334–336 no. 103]. Единственная из всех на вазе сидящая женщина (возможно – Афродита, возможно – невеста) держит маленького Эрота, как будто он ребенок. Действительно, этот Эрот

совсем малыш по сравнению с летающими между женщинами более крупными Эротами. У него другие пропорции – более приближенные к детским: голова составляет примерно 1/4 от всей высоты фигуры, в то время как у летающих Эротов это соотношение, скорее, характерно для тела юноши, а не ребенка (соотношение головы к общей высоте фигуры составляет приблизительно 1:6 или 1:6 ½ , примерно то же самое, что и у девочки на этой и рассмотренных выше вазах, только фигуры у девочек не такие стройные, как у Эротов). Сидящая женщина держит малыша Эрота на левой ладони (хорошо видны ее пальцы), правую же она поднесла к животу Эрота, слегка отставив в сторону указательный палец, будто бы желая пощекотать его или поиграть с ним – очередная трогательная привнесенная из повседневных наблюдений деталь. Эрот протягивает к ее лицу руки с растопыренными пальчиками – так же, как делают младенцы, знакомясь с окружающим их миром, но не всегда понимая дистанцию до того или иного объекта, их физические свойства и т.п. Судя по наклону головы женщины и даже притом что черты ее лица стерлись, понятно, что она смотрит на малыша Эрота. Эрот в руках и/или на коленях у сидящей женщины – мотив, встречающийся в контексте изображения свадебных торжеств на аттических вазах разных форм и атрибутированных разным мастерам [см., например: Sabetai, 1997, fig. 1]; также подобный мотив встречается и вне свадебного контекста [см., например: Kaltsas, Shapiro, 2008, p. 82, fig. 5].

Интерпретации всех деталей изображения на лебесе П.1906.175 (рис. 12 и 13) можно посвятить отдельную статью. Одним из возможных вариантов толкования этой сцены в контексте всей композиции на лебесе может быть иносказательное изображение еще не «зрелой», как юноши Эроты, летающие вокруг и активно помогающие женщинам, но зарождающейся любви, любви «новорожденной», которая потом, после свадьбы, будет расти и крепнуть.

Среди предметов, которые несут в руках женщины (помимо узорчатых лент и одежд), мы можем видеть однозначно свадебную вазу – лебес гамикос (γαμικός λέβης) на высокой подставке (он тщательно прорисован, на нем даже схематически переданы росписи – черные фигуры и орнаменты). Также присутствуют несколько ящичков, ларчиков, сундучков, в которых могут храниться косметика, ювелирные украшения, ткани, то есть все, что опять-таки ассоциируется с миром женщины, приданым и т.п. Также в руках женщин можно разглядеть две коробочки-пиксиды (одна приземистая белая, вторая – более вытянутая с росписью черными силуэтными фигурами). В руках у девочки, стоящей справа от сидящей женщины, – лекана с крышкой, очень похожая на рассмотренные выше леканы из мастерской Мастера Марсия. Особое внимание привлекает изящная (ещё пустая) жертвенная корзина – канун (κανοῦν), выполненная опять-таки в невысоком рельефе из полужидкой глины с позолотой поверху (Cohen 2014, fig. 10, pl. 3B), которую держит вторая справа от сидящей женщины девушка.

Кстати, не только на лебесе П.1906.175, но и на рассмотренной выше лекане Ю.О.9 (рис. 8) мы также видим множество предметов. Один из Эротов несет

большой лутрофор – вазу, ассоциирующуюся как со свадьбой [см., например: Oakley, Sinos, 1993, p. 15; Sabetai, 1997, p. 320], так и погребением [см., например: Kaltsas, Shapiro, 2008, cat. 153]. На полу стоят два выполненных в низком рельефе с позолотой фимиатерия, в руках у одной из женщин – большое круглое зеркало; еще одна держит раскрытый ларец, в который погружает руку стоящая рядом женщина. Один из Эротов держит дискообразный предмет, возможно – тимпан, одна из девушек подходит к белой чаше-лутерию на высокой ножке, рядом на земле стоит позолоченная рельефная гидрия вроде тех, что были рассмотрены выше в контексте сцены омовения волос. Также мы видим канун в низком рельефе из полужидкой глины с позолотой. Это канун абсолютно такого же типа, формы и с таким же декором, как и на лебесе П.1906.175 (рис. 12 и 13), только там его держит в руках одна из женщин, а тут канун стоит на земле. На полу также стоит клетка в виде решетчатого цилиндра с конусовидным завершением [ср. клетку такой же формы с птицей внутри, например: Cohen, 2014, fig. 9], внутри клетки сидит птичка, похожая на куропатку или перепелку [см. о перепелках в качестве домашних любимцев и любовных даров: Böhr, 2015, S. 25]. Еще одну птицу, типа гуся, свободно гуляющую по земле, можно видеть с противоположной стороны вазы [о разных интерпретациях лебедей и гусей с библиографией см., например: Avronidaki, 2015]. Возможно, все эти предметы не являются просто обычными атрибутами женского быта и свадебных торжеств (а также декоративными элементами, обогащающими композицию и заполняющими пустое пространство), но могут быть интерпретированы как значимые символы со своими коннотациями в данном контексте. Кстати, похожий лутрофор с черными силуэтными росписями, фимиатерий сложной формы, сундучки разных размеров и форм (включая огромный ларец украшений множеством фризов с разными орнаментами) также изображены на упоминавшейся выше лекане, инв. 4880 из Салоник (на ней есть еще и фигурное опахало в виде листа пальмы или же просто сделанное из этого листа).

Лебес П.1906.175 – одна из изящнейших работ Мастера Марсия, о чем писали и Шефолд, и Бизли [Schefold, 1930, S. 15–19; Schefold, 1934, S. 30–32, Kat. 286, Abb. 33,1–2; 34,1–2; Beazley, 1963, p. 1475 no. 1, the Marsyas Painter]. Валаванис согласился с ними, но предложил более раннюю датировку – около 360 г. до н.э., против шефолдовских 340–330 гг. до н.э. Роспись лебеса П.1906.175 (рис. 12 и 13) близка по стилю и технике росписи леканы Ю.О.9 (рис. 8 и 9), атрибутированной Шефолдом и Бизли Элевсинскому мастеру. Сходство особенно очевидно при сравнении стоящих женщин на обеих вазах, трактовки волос, лиц, глаз, рук, одежд. Некоторые детали – такие как ювелирные украшения, венки, крылья Эротов – выполнены при помощи невысокого рельефа из полужидкой глины и позолочены. Сравнение поддерживает идею Валаваниса о том, что, по-видимому, Элевсинский мастер и Мастер Марсия являются одним и тем же вазописцем. Валаванис датировал лекану десятью годами позже лебеса, с чем, однако, мы не согласимся: по нашему мнению, обе вазы принадлежат по стилю и технике к одному и тому же периоду,

вероятно, к 350 г. до н.э. Кстати, в этот же ряд можно поставить и гидрию КМАК 501 (рис. 4 и 5). Нелишним будет заметить, что профиль ножки лебеса П.1906.157 (рис. 12 и 13)напоминает по использованным при его изготовлении приемам и элементам профиль ножки гидрии КМАК 501 (только основание ножки гидрии имеет две, а не три горизонтальных ребра).

Однако, по нашему мнению, только новое подробное исследование всех известных к настоящему моменту ваз этой мастерской – сравнение всех изображений персонажей, драпировок, украшений, орнаментов и форм ваз – поможет определить индивидуальный почерк вазописцев и гончаров, а также этапы деятельности этой мастерской – на базе новой документации. Напомним, что, за исключением Шефолда, который работал в 1929 году 3 месяца и в 1930 году 1 месяц в Эрмитаже над своим каталогом «керченских» ваз [Schefold, 2003, p. 64], большинство исследователей XX – начала XXI веков, включая таких значимых для этой темы ученых, как Бизли и Валаванис, либо вовсе не держали в руках эти вазы, либо не имели времени и возможности исследовать их подробно: заниматься макросъемкой, зарисовкой деталей, изучать особенности формы ваз (особенно это касается ваз и фрагментов, хранящихся в музеях Греции и России). Большинство ученых использовали контурные и акварельные изображения XIX и начала XX века (о не очень высокой степени точности которых можно судить, сравнивая, например, воспроизведения ваз из мастерской Мастера Марсия в публикацях Ашика, Лукьянова и Гриневича, в разных выпусках ОАК с самими вазами) и фотографии (Шефолд и Бизли – черно-белые) зачастую не очень хорошего качества, одни и те же (главным образом – общие) виды, в любом случае не идущие в сравнение с тем, что дает работа непосредственно с вазой. На основе всех известных к настоящему моменту ваз и фрагментов, так или иначе связываемых с мастерской Мастера Марсия, необходимо собрать «базу данных» по формам, орнаментам, особенностям исполнения рисунка фигур, предметов, их деталей, снабженную подробной документацией, в том числе – качественными фотографиями и подробными точными прорисовками.

О высокой оценке ваз из мастерской Мастера Марсия на территории Боспорского государства свидетельствует не только концентрация находок, особенно около Пантикапея, но также тот факт, что, как представляется, эти вазы использовались на протяжении какого-то времени, о чем свидетельствуют, например, следы в виде царапин внутри, а также отбитая и вновь прикрепленная при помощи скобы ручка леканы Ю.О.9 (рис. 8 и 9). Причем в некоторых случаях речь идет не о нескольких годах, а о нескольких десятках лет: например, эрмитажная пелика ББ.67 [первая публикация: CR pour l'Année 1865, Atlas, Pl. IV,1-2; ОАК за 1865, с. 11; избранная библиография: Schefold 1934, Abb. 31.1; Ogden, Williams, 1994, p. 184, fig. 57; Βαλαβάνης, 1991, pl. 148; BAPD 30246] из Большой Близницы, из гробницы так называемой «жрицы Деметры»: драгоценности из погребального инвентаря датируются ок. 330 г. до н. э. [Schwarzmaier, 1996, S. 132–136], пелика же – 350–340 гг. до н. э.

Выбор иконографии также представляется не случайным: прекрасные женщины, готовящиеся к важному торжеству или просто купающиеся, – одна из самых популярных тем в декоре ваз, найденных на территории Боспорского царства. К этому также следует добавить и такие мифологические истории, как рождение и воспитание Диониса (лекана Ю.О.18, пелика Пав.8 – см. подробнее: Petrakova, 2012; Jaeggi, Petrakova, 2019, forthcoming), спор Афины и Посейдона (гидрия П.1872.130), сражение Геракла с разными кентаврами (пелики П.1841.3, ББ 67), а особенно – три вазы двух различных по стилю мастеров с изображением Париса и Елены (кратер Ю.О.28, лекиф Ю.О.27, гидрия Ю.О.26, т.е. предыстория Троянской войны) в одной и той же могильной насыпи, что свидетельствует о том, что местные жители прекрасно знали и понимали сюжеты греческой мифологии, представленные на вазах [см. подробнее: Petrakova, 2012]. Эти мифологические изображения имели значение для жителей Боспорского государства или территорий под влиянием греческой культуры, но за пределами греческого влияния вряд ли были понятны. При этом спецификой местного вкуса, по-видимому, является стремление к роскоши в отделке ваз, предпочтение вазам с деталями в низком и высоком рельефе, дополненном позолотой и полихромией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукого, М., 1984.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта, СПб., 2007.

Древности Боспора Киммерийского, СПб., 1854.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. Материалы по археологии России, издаваемые императорской археологической комиссией № 35, Петроград, 1915.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1859 год, СПб, 1862.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1860 год, СПб, 1862.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1865 год, СПб, 1866.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1872 год, СПб, 1875.

Стефани Л. Объяснение вещей, найденных близ Керчи в 1859 году // ОАК за 1860, СПб, 1862. С. 3–98.

Эрмитаж 250. Шедевры. Москва, 2014.

Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Пантикапей. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР, № 19 под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова, М., 1951. С. 63–86.

Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей. Материалы и исследования по археологии СССР, № 56 под ред. И. Б. Зеест, М., 1957. С. 227–250.

Виноградов Ю. А., Зинько В.Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Том I. Боспорские исследования. Supplementum 9, Киев, 2012.

Ягги О. при участии Лазенковой Л. Коллекция расписной керамики. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э., Киев, 2012.

REFERENCES

Avronidaki C. Swan Riddles in Boeotian Red-Figure Vase-Painting // Akten des Symposions ‘ΦΥΤΑ ΚΑΙ ΖΩΙΑ’ Pflanzen und Tiere auf griechischen Vasen September 26–28, 2013, Graz, Karl-Franz Universität, (CVA Österreich Beiheft 2). Graz, 2015, pp. 239–247.

BAPD – Beazley Archive Pottery Database

Beazley J.D. Attic Red-Figure Vase-Painters, 2nd edition, Oxford, 1963.

Böhr E. "Die antike Symbolik ist gleichsam ein Märchenhafter Garten voll verzauberter Blumen, Sträucher, Thiere…" // Akten des Symposions 'ΦΥΤΑ ΚΑΙ ΖΩΙΑ' Pflanzen und Tiere auf griechischen Vasen September 26–28, 2013, Graz, Karl-Franz Universität, (CVA Österreich Beiheft 2). Graz, 2015. S. 15–29.

Cohen B. (ed, et al.) The Colors of Clay, Special Techniques in Athenian Vases, Los Angeles, 2006.

Cohen B. Baskets, Nets and Cages: Indicia of Spatial Illusionism in Athenian Vase-Painting // J. Oakley (ed.), Athenian Potters and Painters, vol. III, Oxford, 2014, pp. 30–39.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1860, St. Pétersbourg, 1861.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1861, St. Pétersbourg, 1862.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1865, St. Pétersbourg, 1866.

Compte-Rendu de la Commission Impériale Archéologique pour l'Année 1872, St. Pétersbourg, 1875.

Fless F., Lorenz A. Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // F. Fless, M. Treister (eds.), Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet, Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2.–15.2.2003, Rahden, 2005, S. 17–25.

Fornasier J., Böttger B. (eds.) Das Bosporanische Reich. Der Norden des Schwarzen Meeres in der Antike, Mainz, 2002.

Jaeggi O. Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption // S. Schmidt, A. Stähli (eds.), Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V, Munich, 2012, S. 151–163.

Jaeggi O. Die Beliebtheit des Marsyas-Malers und seiner Werkstatt im Bosporanischen Reich und die Rezeption attischer Importkeramik im nördlichen Schwarzmeergebiet // S. Schmidt, M. Langner (eds.), Die Materialität griechischer Vasen. Mikrohistorische Perspektiven in der Vasenforschung, Beihefte zum CVA Deutschland, Munich, 2020, forthcoming.

Jaeggi O., Petrakova A. The Marsyas Painter and his Workshop in the Northern Black Sea Area, // Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC), Proceedings of the International Archaeological Conference, Thessaloniki, May 17–20, 2017. Thessaloniki, 2019, forthcoming.

Kaltsas N., Shapiro A. (eds.) Worshipping Women. Ritual and Reality in Classical Athens. New York, 2008.

Kogioumtzi D. Untersuchungen zur attisch-rotfigurigen Keramikproduktion des 4. Jhs. v. Chr., Berlin, 2006.

Langner M. Grundlagen der Chronologie spätrotfiguriger Vasen aus Athen// BABesch 88 (2013), pp. 127–170.

Langner M. Die Produzenten spätrotfiguriger Keramik aus Athen // N. Eschbach, S. Schmid (eds.), Töpfer, Maler, Werkstatt. Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion, Beihefte zum CVA Deutschland VII, Munich, 2016, pp. 139–148.

Lapatin K. Kerch-style Vases: The Finale // B. Cohen (et al.), The Colors of Clay. Special Techniques in Athenian Vases, Los Angeles, 2006, pp. 318–326; cat. nos. 100–105.

Oakley J.H., Sinos R.H. The Wedding in Ancient Athens. Madison, Wisconsin, 1993.

Ogden J., Williams D. Greek Gold, Jewellery of the Classical World, London, 1994.

Petrakova A. Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts // S. Schmidt, A. Stähli (eds.), Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum, Beihefte zum CVA Deutschland V, Munich, 2012, S. 151–163.

Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1906// AA, Beiblatt 1907, Zweites Heft, Berlin, 1907. S. 126–153.

Sabetai V. Aspects of Nuptial and Genre Imagery in Fifth-Century Athens: Issues of Interpretation and Methodology // J. Oakley, W.D.E. Coulson, O. Palagia (eds.), Athenian Potters and Painters, The Conference Proceedings, Oxbow Monograph 67, Oxford, 1997, pp. 319–335.

Schefold K. Kertscher Vasen, Berlin, 1930.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin – Leipzig, 1934.

Schefold K. Die Dichtung als Führerin zur klassischen Kunst, Hamburg, 2003.

Schwarzmaier A. Die Gräber in der Grossen Blisniza // JdI 111, 1996, S. 105–137.
Simon E. Ausgewählte Schriften I, Griechische Kunst, Mainz, 1998.
Simon E. Poseidon // LIMC VII, Zürich, 1994.
Simon E. Die griechischen Vasen, Munich, 1976.
Stephani L. Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, Zweiter Theil, St. Petersburg, 1869.
Stähli A. Women Bathing. Displaying Female Attractiveness on Greek vases // Lucore A. K., Trümper M., Greek Baths and Bathing Culture. New Discoveries and Approaches BABesch Suppl. 23, Leuven – Paris, 2013. P. 11–22.
Sutton R.F. Female Bathers in the Emergence of the Female Nude in Greek Art // C. Kosso, A. Scott (eds.), The Nature and Function of Water, Baths, Bathing and Hygiene from Antiquity through Renaissance, Leiden, 2009. P. 61–86.
Sutton R.F. The Invention of the Female Nude: Zeuxis, Vase Painting and the Kneeling Bather // Oakley J., Palagia O. (eds.), Athenian Potters and Painters II, Oxford, 2009. P. 270–279.
Tsetskhladze G.R. The Greek Bosporan Kingdom: Regionalism and Globalism in the Black Sea // F. de Angelis (ed.), Regionalism and Globalism in Antiquity. Exploring Their Limits, Leuven – Paris – Walpole, MA, 2013. P. 201–228.
Τιβέριος, Μ. (et al.) Η κεραμική της αρχαϊκής εποχής στο Βόρειο Αιγαίο και την περιφέρειά του (700–480 π.Χ.): Πρακτικά Αρχαιολογική Συνάντησης Θεσσαλονίκη, 19–22 Μαϊου 2011, Thessaloniki, 2012.
Βαλαβάνης Π. Παναθηναϊκοί αμφορείς από την Ερέτρια. Συμβολή στην αττική αγγειογραφία του 4ου π.Χ. αι., Athens, 1991.

Резюме

Эта статья представляет часть проекта, целью которого является создание монографии о мастерской Мастера Марсия. Значительная часть ваз из этой мастерской была найдена на территории Боспорского царства, главным образом – в Пантикапее и окрестностях (современная Керчь). Этот факт указывает на определенное предпочтение местных жителей, которое они отдавали вазам из этой мастерской, возможно – по причине высокого качества продукции и специфического сюжетно-тематического репертуара. Уже Шефолд выделил Мастера Марсия и нескольких других вазописцев, стилистически близких к нему. После него вопрос разрабатывали и другие исследователи, однако к настоящему моменту единая позиция так и не выработана. В этой статье мы сфокусировались на нескольких вазах из коллекции Государственного Эрмитажа, одной гидрии из Керченского историко-культурного заповедника и одной лекане из Археологического музея в Салониках. Тщательное сравнение форм ваз и стиля росписи подтверждает, что исследуемые вазы, по-видимому, принадлежат к работам одной и той же мастерской. Хотя, безусловно, есть и различия, указывающие на нескольких гончаров и вазописцев, по-видимому, вовлеченных в тесное сотрудничество. Дальнейшее выделение вазописцев и гончаров в пределах этой мастерской, так же как и определение этапов ее эволюции, будет прояснено в ходе будущих исследований. Некоторые из изученных ваз украшены росписями с изображениями прекрасных женщин, по-видимому, участвующих в приготовлении некоего торжества. Эти и подобные сцены часто интерпретировались как эпизоды свадебных празднеств или приготовлений к ним. По нашему мнению, все они, помимо прочего, прославляют женскую красоту и очаровательную атмосферу женского мира.

Ключевые слова: Керчь, Крым, Боспорское царство, Пантикапей, Афинская краснофигурная керамика IV века до н.э., вазопись, атрибуция, иконография, свадебные приготовления, свадебные торжества, Эроты, Афина и Посейдон, Мастер Марсия, Элевсинский мастер, Мастер Тышкевича, Мастер свадебного шествия, Мастер Гетеры.

Summary

The article is part of a project, aimed to prepare a monography on the workshop of the Marsyas Painter. Main part of the vases from this workshop have been found in the Bosporan Kingdom, mainly in the area of Pantikapaion, the modern city of Kerch. This points out a certain predilection of the inhabitations for the vases from this workshop, presumably because of the high quality of the products and the selected iconography. Schefold first defined the Marsyas Painter and several other painters close to him. But up to now, no common ground has been reached by the following scholars. This paper focuses on several vases from the collection of the State Hermitage Museum, one hydria in the Kerch Historical-Cultural Reserve and one lekanis in the Archaeological Museum of Thessaloniki. A thorough comparison of the shapes and the style of the paintings confirms, that the studied vases apparently belong to the same workshop. Although there are differences too, indicating that indeed several potters and painters might have been engaged in a close collaboration. The further distinction of painters and potters in this workshop, as well as its evolution, must be clarified by future studies. Several of the studied vases show paintings with beautiful women, apparently preparing a celebration. These and similar scenes have often been interpreted as wedding celebration or its preparations. In our opinion they evoke above all female beauty and a lovely atmosphere.

Keywords: Kerch, Crimea, Bosporan Kingdom, Pantikapaion, Athenian red-figure pottery of the 4th century BC, vase painting, attribution, iconography, wedding preparations, celebration, Erotes, Athena and Poseidon, Marsyas Painter, Eleusinian Painter, Tyszkiewicz Painter, Painter of the Wedding Procession, Hetaira Painter.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Отмар Ягги, доктор исторических наук, профессор,
Базельский университет,
Отдел классических исследований,
Petersgraben 51
4051 Basel – Switzerland
othmar.jaeggi@unibas.ch

Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира,
старший научный сотрудник.
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
PD Dr Othmar Jaeggi,
University of Basel,
Department of Classical Studies,
Petersgraben 51
4051 Basel – Switzerland
othmar.jaeggi@unibas.ch

Petrakova Anna, Dr.Hab., associated professor
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome, senior scientist.
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

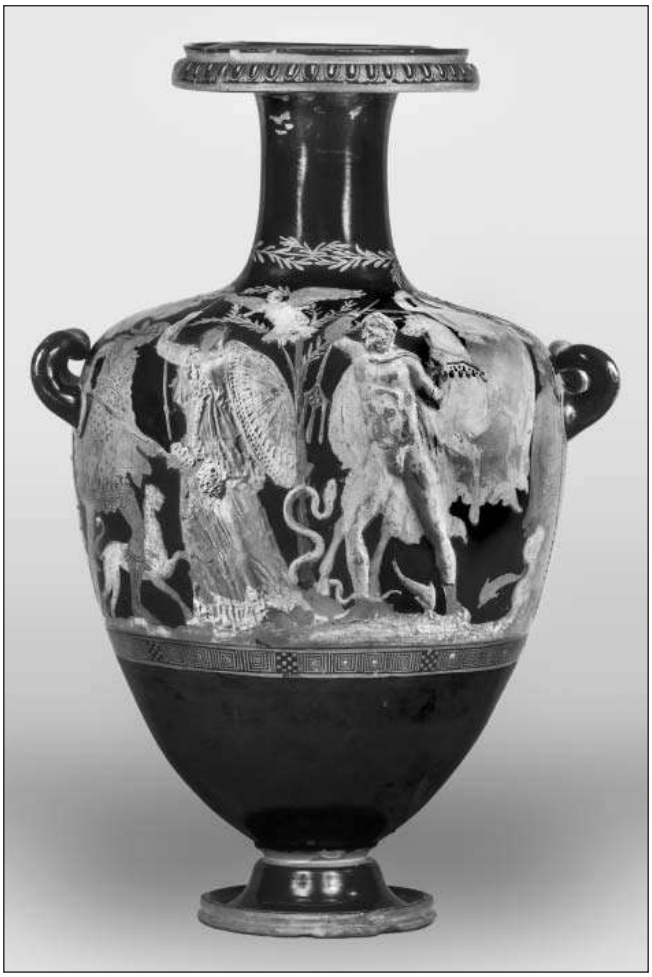


Рис. 1. Гидрия краснофигурная с рельефным декором, инв. П.1872.130 © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

Рис. 2. Гидрия краснофигурная с рельефным декором, инв. П.1872.130
© СПб, Государственный Эрмитаж, фотография и развертка О. Ягги.

Рис. 3. Гидрия краснофигурная с рельефным декором, инв. П.1872.130 – фрагмент с изображением персонажа над левой горизонтальной ручкой
© СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

Рис. 4. Гидрия краснофигурная, инв. КМАК 501 © Керчь, Керченский историко-культурный заповедник, фотография и развертка О. Ягги.

Рис. 5. Гидрия краснофигурная, инв. КМАК 501 © Керчь, Керченский историко-культурный заповедник, фотография О. Ягги.

Рис. 6. Пелика краснофигурная, инв. Кек.8, сторона А
© СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

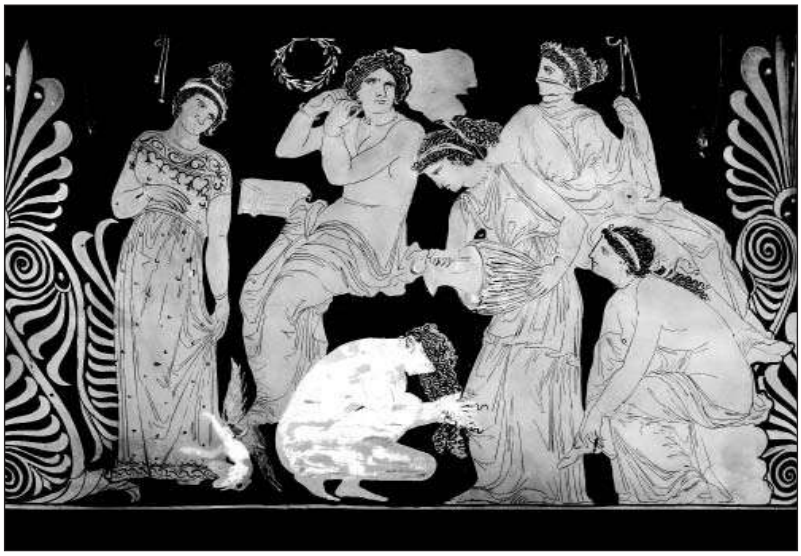


Рис. 7. Пелика краснофигурная, инв. Кек.8, сторона Б © СПб,
Государственный Эрмитаж, фотография и развертка О. Ягги.

Рис. 8. Лекана краснофигурная, инв. Ю.О.9 © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография с виртуально удаленной ручкой крышки О. Ягги.

Рис. 9. Лекана краснофигурная, инв. Ю.О.9 © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги, профиль – А. Петракова, О. Ягги.

Рис. 10. Лекана краснофигурная, инв. Ю.О.32 © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография с виртуально удаленной ручкой крышки О. Ягги.

Рис. 11. Лекана краснофигурная, инв. Ю.О.32 © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги, профиль – А. Петракова, О. Ягги.

Рис. 12. Лебес краснофигурный, инв. П.1906.175
© СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

Рис. 13. Лебес краснофигурный, инв. П.1906.175 © СПб,
Государственный Эрмитаж, фотография и развертка О. Ягги.

Рис. 14. Пелика краснофигурная, инв. Ю.О.10, сторона А © СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

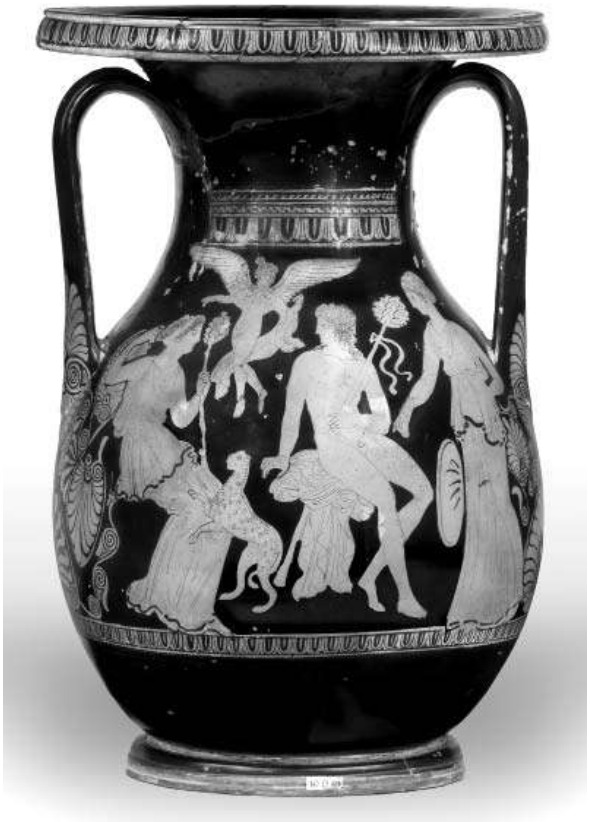


Рис. 15. Пелика краснофигурная, инв. Ю.О.10, сторона Б
© СПб, Государственный Эрмитаж, фотография О. Ягги.

В. П. ЯЙЛЕНКО
V. P. YAILENKO

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. I. О ПУБЛИКАЦИИ НАДПИСЕЙ АРТЕЗИАНА. II. ТЕКСТОЛОГИЯ И ПРОСОДИКА ОЛЬВИЙСКОГО ГИМНА VI В. К ГИЛЕЕ. III. В ЗАЩИТУ ВОТИВА IOSPE I² 188 ИЗ OAM
EPIGRAPHICAL NOTES. I. ABOUT PUBLICATION OF THE INSCRIPTIONS FROM ARTEZIAN. II. THE OLBIAN HYMN OF VI CENT. BC. III. IN DEFENCE OF THE VOTIVE INSCRIPTION IOSPE I² 188 FROM MUSEUM OF ODESSA

I. О публикации надписей Артезиана[1]

Статья С. Ю. Сапрыкина, Н. И. Винокурова, А. В. Белоусова [2014] посвящена двум эпиграфическим памятникам, найденным на городище Артезиан в Восточном Крыму, – граффити на обеих сторонах амфорного черепка, также эпитафии к рельефу лапидарного надгробия. По содержанию статья состоит из 4 разделов; открывает ее содержательное археологическое введение [с. 134–138] Н. И. Винокурова, который много лет успешно ведет раскопки памятника, результаты освещены им в ряде публикаций. Городище существовало в I в. до н. э. – II в. н. э., в этой статье он дал характеристику его крепостного сооружения («цитадели»). На ней найдено некоторое число граффити и надгробная стела с эпитафией. Наиболее интересны два граффити на обеих сторонах амфорного обломка, им уделены с. 139–147; раздел о граффито на внутренней стороне черепка написал А. В. Белоусов, разделы о граффито на внешней стороне, об эпитафии да рельефе надгробия (с. 148–159) написаны С. Ю. Сапрыкиным.[2] Все, за исключением археологического введения Н. И. Винокурова, вызывает серьезные нарекания, именно поэтому важно не критиковать совокупно всю троицу, но адресоваться к конкретным авторам комментариев к надписям.[3]

---

[1] § 1 этой заметки I существует в электронном варианте – в журнале МАИАСК [Яйленко, 2017, с. 471–483]; здесь я переработал ее и дополнил новыми материалами. На нее последовал ответ А. В. Белоусова и С. Ю. Сапрыкина [2018, с. 246–269], которую рассмотрю ниже, в § 3.

[2] В статье 2017 г. я приписал публикацию всех трех надписей А. В. Белоусову, но оппоненты поправили атрибуцию: в статье 2014 г. ему принадлежит раздел о граффито на внутренней стороне черепка, разделы о граффито на внешней стороне и эпитафии написаны С. Ю. Сапрыкиным. Приношу А. В. Белоусову свои извинения за приписанные ему огрехи С. Ю. Сапрыкина и делаю в данной статье соответствующие исправления, отметив, тем не менее, что этого не произошло бы, укажи соавторы, кому что принадлежит в статье 2014 г. И в статье 2018 г. они не указали, кому какой раздел принадлежит, поэтому снова приходится гадать об авторстве; резонно думать, что оно осталось прежним, но поскольку раздел о граффито № 1 (с. 249–254) подан во множ. числе («считаем», «отметим» и т. д.), адресуюсь к обоим оппонентам, хотя по стилистике видно, что он написан в основном С. Ю. Сапрыкиным. Раздел о надписи № 2 определенно написан А. В. Белоусовым.

[3] Уже после появления моей заметки в Сети Н. И. Винокуров любезно предоставил мне фотографии обоих граффити, за что ему большое спасибо. Моя благодарность также А. В. Подосинову, который оперативно прислал мне статью А. В. Белоусова, С. Ю. Сапрыкина 2018 г., также И. А. Снытко за фотографию большого алтаря Ольвии и его жене Елене за фото кинбурнского пейзажа (ниже, рис. 5, 6).

1. Любовное и обсценное граффити на обломке амфоры

Две надписи на обеих сторонах амфорного черепка тонкой оранжевой глины с серо-бежевым ангобом, 8,2 х 11, 8 см. Судя по контексту, первой сделана надпись на внешней стороне (№ 1), второй – на внутренней стороне (№ 2). Им, как сказано, уделены с. 139–147 публикации, автор раздела о граффито № 1 С. Ю. Сапрыкин, автор раздела о граффито № 2 А. В. Белоусов (ср. и [Белоусов, 2015, с. 205]). По историческим обстоятельствам мы датируем граффити 20–55 гг. н.э., чему соответствует и графика их письма (см. ниже).

Tergo. Любовное граффито (№ 1). Это основная, 6-строчная надпись (рис. 1, 1а, 1б): сначала написано имя Σαλας, далее полный алфавитный ряд от *альфы* до *омеги* (стк. 1-2), что выдает принадлежность надписи школяру. То, что это обычный для школьных упражнений (см. о них Яйленко, 1988, с. 54–60) ученический остракон, показывает повторное написание букв Π, Ψ, Ω, причем после *пси* ошибочно вырезана не должная *омега*, но *омикрон*, что обязано смешению долгих и кратких гласных в реальном произношении римского времени. Издатель справедливо констатировал, что алфавитный ряд написан правильно, но непозволительным для первоиздания надписи образом вовсе не отметил повторное написание учеником букв Π, Ψ и O вместо должного Ω. Ему следовало бы отметить, что школьные упражнения на написание алфавита порой сопровождаются указанием имени ученика (обычно эти упражнения делаются на черепках битой чернолаковой посуды, которыми уснащены дворы и улицы поселений). Так, в надписи IV в. до н. э. из Пантикапея ученик сперва начертил свое имя в род. падеже – Κισσοῦ, ниже буквы алфавитного ряда Z, H, Θ [Ib., с. 58, № 20 и рис. 20 на с. 55]. В другом упражнении из Пантикапея на одной стороне черепка школяр вырезал начало алфавитного ряда – [A, B], Γ, Δ, E, Z, на оборотной стороне свое имя [Δι]ομήδ[ης] [Толстой, 1953, с. 136-137, № 240).[4] В упражнении из Тиры ученик полностью выписал алфавитный ряд и под ним похвалил себя: [--] ος καλός «*имярек* молодец!» [Яйленко, 1988, с. 55-56, № 1 и рис. № 1 на с. 55]; от имени ученика сохранилось окончание -ος (вряд ли это двойное написание слова καλός, см. ниже). Упражнение на написание отдельных букв алфавита, слогов, односложных слов и их склонения березанский ученик III в. до н. э. предварил своим именем: Φῶκο̣[ς] [Яйленко, 1982, с. 306-307 и рис. на с. 233]. Таким образом, Σαλας, – имя автора граффито № 1, так что в дальнейшем будем именовать его надписью Саласа. Существо ее содержат стк. 3-6, текст которых, по С. Ю. Сапрыкину, таков: [... Δόλ]ηι χαίρ<ε>ιν | [...] χαίρ<ε>ιν | [... Ἀπ]άτουρος | [... κα]λὸς Δοληι μοί. Перевода этой надписи он не дал, что удивляет. Дополнение им в стк. 3 имени Долес вполне вероятно, ибо далее оно фигурирует в стк. 6. Напротив, неряшливое написание имени Долеса в стк. 3 с ударением, а в стк. 6 без него; каждый автор вправе в

[4] И. И. Толстой счел надпись магической, но отсутствие каких-либо других указаний на это – знаков, символов, монограмм и прочего, что присутствует в магических записях, указывает: это простое ученическое упражнение.

затруднительных случаях ставить ударение или не ставить на имени собственном по своему разумению, но, приняв решение, надо выдерживать одну линию. [Ἀπ]άτουρος стк. 5, по мнению публикатора, «Апатур – общебоспорское святилище» Афродиты близ Фанагории. Такая трактовка маловероятна по той причине, что в граффито речь идет о гомосексуальной любви мальчиков ([κα]λὸς Δοληις, см. ниже), тогда как посвятительные надписи Афродите Апатуре вполне определенно указывают, что она была покровительницей естественной любви мужчины и женщины, ибо сделаны в равной мере теми и другими, в том числе супругами.[5] Даже в этиологической легенде о происхождении эпиклесы Афродиты Ἀπατούρη говорится о сексуальной связи мужчины и женщины – богини домогались гиганты.[6] Таким образом, поскольку в коротеньком тексте граффито фигурируют личные имена – Салас, Долес, таковым следует счесть также [Ἀπ]άτουρος. На Боспоре многократно засвидетельствовано имя Ἀπατούριος (КБН, с. 851), но один раз и женское Ἀπατούρη, по которому как раз и могла быть образована форма мужского рода Ἀπάτουρος. Можно также признать – и это наиболее вероятное решение, что *иота* случайно пропущена автором записи, т. е. следует читать [Ἀπ]ατούρ(ι)ος (такое решение допускает и издатель, но вариант со святилищем для него бесспорен). Что [Ἀπ]άτουρος личное имя, а не название святилища Апатуры, свидетельствует и то обстоятельство, что издатель не смог вписать его в общий контекст надписи (скорее всего, по этой причине он и не дал перевода надписи).

Далее, неприемлема транскрипция издателем глагола χαίρειν как χαίρ<ε>ιν по причине, которую он и сам указал: тут ι – результат обычного в надписях римского времени сокращения дифтонга ει, так что форму χαίριν содержат надписи как раз I в. до н. э. – II в. н. э. КБН 262, 635, 723, 1019, 1088 (см. об этом фонетическом явлении [Доватур, 1965, с. 803]). Следовательно, в этих случаях надо сохранять написание подлинников, по поводу чего уже дано разъяснение [Яйленко, 2010, с. 546, № 262]. Далее, в международной лейденской системе эпиграфических символов в угловые скобки заключаются случайно пропущенные резчиком буквы (см., к примеру [Meiggs, Lewis, 1969, p. XIII]), так что в нашем случае они неуместны (С. Ю. Сапрыкин вообще пользуется ими по разным поводам). Вовсе неприемлемо чтение им слова μοί в конце стк. 6; тут сразу после имени Долеса он вычитал букву М, которую соединил

[5] Приведем список посвятителей от времени Спартокидов по III в. н. э., включив также вотивы без упоминания святилища Апатуры, но с эпитетом Афродиты θεά, поскольку он присутствует в полной формуле – «Афродита θεά, Урания, владычица Апатура» (КБН 35). КБН 31 – муж и жена; 35 – Хрестион; 75 – Перисад IV, Камасария и ее муж Аргот; 971 – Аполлодор; 972 – Кассалия, дочь Посия; 1041, 1043 – дочь Перисада I Акия и безымянная дочь Федима, жена Стратия; 1045 – Савромат I; 1055 – Юлий; 1111 – Демарх. Также безымянная жена (?) Спартока [Белова, 1970, с. 70; ОХБ, с. 828]. Здесь и далее сокращение ОХБ = Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. (СПб. 2017).

[6] Strabo, XI, 2, 10: она приглашала гигантов по одиночке в пещеру, где их убивал Геракл. Зная ветреный характер Афродиты, наверняка можно сказать, что она не оставила избавителя без своей благодарности.

с буквами OI, написанными выше, над сколом. Все у него ошибочно: и на его фото и на прориси у скола нет никакой буквы M, тут сохранился левый нижний уголок *дельты* или псевдоархаической *альфы*; далее следует скол, уничтоживший 2 буквы, над сколом сохранилось οι.[7] Предположительно читаем тут слово δ[οι]οί «два, оба», оно эпическое, т. е. употреблялось в поэзии, но в римское время проникает и в прозу: согласно Thesaurus linguae Graecae, его употребляют авторы II в. н. э. – писатель Афиней, астролог Веттий Валент, медик Аретей (других авторов называю ниже, в § 3). Оно вполне вписывается в контекст надписи, так как Салас называет два имени – Долеса и Апатура (Апатурия).

Неясно, вопреки издателю, было ли что-нибудь написано перед вторым χαίριν, ибо никаких остатков между этим словом и сколом слева нет; соответствующим образом не было текста и перед [κα]λός последней стк. 6. При этом у нас нет повода думать, что у стк. 3-6 был единый старт, поскольку и стк. 1-3 не имеют его: свое имя, алфавитный ряд и стк. 3 Салас написал на разном расстоянии от левого края черепка. Иначе говоря, у строк 1, 2, 3 не было единого старта, поэтому отсутствие букв или их следов перед вторым χαίριν не дает основания для дополнения тут чего бы то ни было; то же относится и к слову [κα]λός – перед ним тоже ничего не было написано. Ввиду сказанного второе χαίριν относится к написанному под ним имени [Ἀπ]άτουρος, и начертание их не в одну строку обусловлено тем, что χαίριν уперлось в прогибающийся книзу дугой алфавитный ряд; уперлось в него также имя [Ἀπ]άτουρος.[8]

В результате изложенного текст стк. 3-6 следует читать так:

[? Δολ]ηι χαίριν, | χαίριν | [Ἀπ]άτουρος, | [κα]λὸς Δοληις, δ[οι]οί (? sc. καλοί)

«[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба *красавцы* (?)».[9]

Таким образом, для автора надписи Саласа *красавцы* (дословно красивые) как раз носители двух упомянутых им имен – Апатур и Долес. В нашем тексте обращает

---

[7] Иначе говоря, после *дельты* Салас повел текст вдоль правого края черепка вверх. Так же и в алфавитном ряде, дойдя до правого края черепка, Салас повернул его на 90° и продолжил алфавит. Н. И. Винокуров любезно прислал мне 4 фото этой надписи и на всех у скола справа хорошо видна горизонталь под диагональной чертой, при этом они так аккуратно исходят из одной точки, что нет оснований думать о случайном происхождении горизонтали. Между тем для вычитанной С. Ю. Сапрыкиным буквы M эта диагональ слишком склоняется направо вниз, ср. M алфавитного ряда, мачта которого более вертикальна. *Дельту* Салас тоже писал с более вертикализованной боковиной, но в обоих случая по-разному (стк. 2 и 6), что дает основание для предположения и третьей формы с более пологой боковиной. Что до предположения о псевдоархаической *альфе*, то она маловероятна: она присутствует в имени Саласа, но перекладина упирается не в левую боковину, а, как положено, в правую, что не соответствует рассматриваемым остаткам буквы.

[8] На всех 4 упомянутых фото Н. И. Винокурова χαίριν да [Ἀπ]άτουρος упираются в алфавитный ряд, но на прориси С. Ю. Сапрыкина в публикации 2014 г. картина совсем другая – между χαίριν и алфавитным рядом такое расстояние, что туда поместилась бы еще одна строка. Вряд ли причина в курватуре черепка, так как на всех фото тут свободного места нет. Из сообщения А. В. Белоусова [2018, с. 256] выяснилось, что С. Ю. Сапрыкин сделал прорись по фото, потому она неточна, см. ниже, § 3.

[9] Тут и далее дополняемый в надписи или подразумеваемый текст дается курсивом.

на себя внимание сочетание χαίριν сначала с дательным падежом имени – [? Δολ]ηι, затем с номинативом – [Ἀπ]ά̣τουρος. Для этого глагола обычна первая конструкция, но в римское время входит в употребление и вторая, как в КБН 605, 649, 664, 723 (все I-II вв. н. э.). Такая смена конструкции имеет ситуативный характер, т. е. изменяется в зависимости от контекста – смысловых, эмоциональных и прочих обстоятельств. Так, например, в эпитафии I в. н. э. КБН 137 сначала употреблено χαῖρε с номинативом личного имени, а далее в зависимости от контекста χαίρειν с дательным падежом. В эпитафии с Артезиана, к которой мы перейдем в следующем параграфе, при χαίρετε имена двух умерших поставлены в вокативе, а третьего – в номинативе.

Recto. Обсценное граффито (№ 2). Любовную концовку рассмотренного текста на внешней стороне черепка продолжает уже обсценная надпись на внутренней его стороне (рис. 2, 2а, 2б), тут проблем с ее пониманием у издателя больше, хотя сама надпись совсем короткая – в 3-4 слова, начертанных в две строки. А. В. Белоусов дает чтение С. Р. Тохтасьева: ληκάσα(ς) μοῦ Δ|ο{δο}λης, с переводом «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Это чтение издатель счел оптимальным, согласившись с Тохтасьевым, что Δ в конце стк. 1 и О в начале стк. 2 составляют начало имени Долеса, а следующие буквы δο стк. 2 – диттография (забраны в фигурные скобки – {δο}). Признав это, тем не менее А. В. Белоусов приложил на всякий случай и свое чтение: ληκάσα(ς) μοῦ δ ’ | ὁ Δόλης. Основные положения его комментария: глагол ληκάω «вообще имеет такое же значение, как латинский fellāre»; он синонимичен глаголам λαικάζω и λείχω (со ссылкой на Д. Бэйна). Отметив, что в аористной форме ληκάσα(ς) ожидалось бы удлинение *альфы* в *эту* (т. е. ληκήσας), он счел α-основу дорийской, указывающей на стихотворный характер надписи.

Здесь работа А. В. Белоусова изобилует эпиграфическими и филологическими ошибками. Начнем с эпиграфических, т. е. с текста граффито. Странным образом он игнорирует его графические детали, которые существенно корректируют текст. Нет нужды дополнять в глаголе ληκάω концевую *сигму* (ληκάσα(ς) издателя), поскольку у левого скола сохранились остатки округлого *эпсилона*, так что читается форма 1-го лица ἐ̣λήκασα.[10] Этот *эпсилон* отделен от следующей *ламбды* чуточку бóльшим расстоянием, нежели остальные буквы слова, но пример разного расстояния между буквами дает и написание имени [Ἀπ]ά̣τουρος. Следующее слово также требует коррекции, ибо тут, в правой части этой строки, А. В. Белоусов вовсе не обратил внимания на две вертикальные черты, в которые вписан *омикрон*: |O|. Между тем они требуют объяснения, так как очевидно, что после М были вырезаны именно они, а не *омикрон*, который вписан уже между вертикалями (на это указывает отсутствие дужки О слева, тут прямая вертикаль). Поскольку этот *омикрон* вместе со следующим Υ образует отрицание οὐ, следует заключить, что сначала автор граффито намеревался написать отрицание μή, но ввиду отсутствия глагола в

[10] На фото видно, что сохранилась нижняя часть окружности минускулярного є и половина язычка; средняя и верхняя часть буквы уничтожена сколом.

последующем простейшем тексте грамотно написал простое отрицание οὐ.[11] Вписав кружок меж двух вертикалей, он убрал почти написанную *эту* прежнего отрицания μή, но, видимо, забыл зачеркнуть букву М. Изложенное дает следующий текст:

ἐλήκασα, {μη} οὐδ᾽| ὁ Δολης, Ἀ(πάτουρος) «я развратил, а не этот Долес, А(патур)».

Судя по контексту, надпись на внешней стороне сделана первой, эта на внутренней стороне продолжает ее. Существо второй надписи составляет утверждение ее автора, что именно он развратил кого-то не названного по имени, а не Долес. Поскольку в первой надписи фигурируют три персонажа – Салас, Долес, Апатур, а во второй лишь Долес, резонно думать, что речь ведется о первенстве в совращении Апатура или Саласа. В связи с этим обращает на себя внимание акцентирование имени Долеса артиклем ὁ, имеющим указательное значение – οὐδ᾽ ὁ Δολης «а не этот Долес»: это прямо адресует к Долесу, упомянутому в первой надписи. Данное обстоятельство подтверждает, что и не названный тут совращенный персонаж – упомянутые в первой надписи Салас или Апатур. А. В. Белоусов хорошо подметил, что надпись № 2 сделана иной рукой, нежели № 1 (добавим от себя: они разные и по характеру письма: в граффито № 1 оно минускулярное, в граффито № 2 – маюскулярное). Следовательно, поскольку автор первой надписи Салас, вторую сделал Апатур, он-то и похваляется тем, что совратил Саласа. Апатур подтверждает это (в том числе и для нас) инициалом своего имени А, которым закончил свою надпись (это a-supinum). Стало быть, Салас, говоря на жаргоне, петушок. Сексуальные отношения в подростковой и молодежной среде существовали в Греции с самого раннего времени [Percy, 1996].

Теперь о филологической проблематике. А.В. Белоусов исказил смысл надписи: его перевод «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile!)» ошибочен, ибо ληκάω отнюдь не равнозначно латинскому fello «сосу», оно и по смыслу и по происхождению то же, что λαικάζω «развратничать, блудить, бля..вать», см. LSJ, s. v. ληκάω, с убедительной отсылкой к существительному ληκώ «membrum virile» как исходному источнику (это сближение считают возможным также П. Шантрен и др. [Chantraine, 1974, p. 636, cp. 613]). Слово λαικαστής А. В. Белоусов переводит как fellator «сосун» (т. е. «сосущий»), что, позволим себе каламбур, высосал из пальца. Он некритически воспринял это мнение, расхожее у нескольких филологов последних десятилетий, занимавшихся обсценной лексикой, которое, однако, не имеет ни одного определенного для такого заключения контекста. Ввиду отсутствия сколько-нибудь доказательной текстами базы нет оснований отклоняться от общепринятого значения слова λαικαστής, – например, как у авторов нормативного словаря LSJ, s. v.: wencher («развратник, бабник»). А что оно точное, показывает, к примеру, глосса Свиды. К фразе Аристофана (Thesm. 493), вложенной в женские уста, – ληκώμεθα τὴν νύχθ᾽ «ночь напролет предаемся блуду» лексикограф Свида (s. v.) дал пояснение: ληκώμεθα· κινώμεθα. А глагол κινέω «двигать, толкать вперед», употребленный при

[11] В философской надписи III в. н. э. КБН 731 вместо должного μή поставлено οὐ [Доватур, 1965, с. 831, § 9-9].

слове γυναῖκα (примеры: LSJ, s. v. κινέω II, 4), имеет значение, которое приличия ради переведем древнерусским глаголом *яти*, *пояти* (в сексуальном смысле). В «Ахарнянах» Аристофана (ст. 79) посол похваляется: мы считаем мужчинами тех, «которые могут много есть и пить», на что аттический крестьянин Дикеополь ответствует: «а мы считаем *мужчинами* блудников и педерастов» (λαικαστάς τε καὶ καταπύγονας, acc. pl.). Свида так разъяснил значение слова λαικαστής в комментарии к этому стиху: λαικαστὰς δὲ τοὺς πόρνους, т. е. «λαικαστὰς – то же, что «развратников / блудников» (πόρνος означает «развратник, блудник»). Аналогично у него значение того же слова женского рода: καὶ λαικάστρια ἡ πόρνη «и λαικάστρια означает «развратница / блудница»». Резюмируем: смысл надписи артезиански чист: ληκάω *означает* «развратничать, блудить» (подробней рассмотрим этот вопрос ниже, в § 3).

Сомнительно в чтении А. В. Белоусова сочетание этого глагола с родительным падежом, – разумеем его ληκάσα(ς) μοῦ. Ясных контекстов в этом отношении у глагола ληκάω нет, что может указывать на его непереходное значение «развратничать, блудить» (так и в моем чтении: ἐλήκασα, {μῃ} οὐδ᾽ | ὁ Δολης «я развратил, а не этот Долес»). Параллельный ему глагол λαικάζω переходный, т. е. требует винительного падежа, но не родительного. Поэтому чтение А. В. Белоусова μοῦ вряд ли возможно. Далее, как сказано, он счел α перед характером времени в ληκάσα(ς) дорийским, обязанным стихотворному характеру надписи, и он увидел в ее размере два молосса. Однако реальная форма ἐλήκασα снимает эти его заключения, – надпись не стихотворная. И отсутствие удлинения гласной перед характером времени этого сигматического аориста вполне может быть объяснено недостаточной грамотностью школяра, а также отнесена на счет упрощений позднего койне, ибо отказ от приращения характерен уже для эпического языка. Например, глосса Гесихия, относящаяся к ионийскому глаголу νικέω (аттич. νικάω): νίκεσσεν· ὕβρισεν «снасильничал», дает образец отсутствия удлинения гласной и перед основой, и перед характером времени сигматического аориста (т. е. вместо ἐνίκησεν).

Разобравшись в текстологии обеих надписей, мы можем в итоге обрисовать общую картину. Сначала приведем версию издателей. По С. Ю. Сапрыкину, в надписи № 1 после алфавитного ряда в стк. 3-5 дважды написана приветственная формула ([... Δόλ]ηι χαίρ<ε>ιν | ... χαίρ<ε>ιν | [Ἀπ]άτουρος) и это «свидетельствует о том, что ученик пытался запомнить или научиться писать ее правильно, поскольку подобное приветствие часто предваряло начало частных и прочих писем». Далее издатель усмотрел название святилища Апатуры, но никак не смог вписать его в контекст надписи. По поводу заключительной стк. 6 ([... κα]λὸς Δολης μοί) С. Ю. Сапрыкин пишет: «Можно допустить, что воздыхателем по Долесу был автор публикуемого граффито и не исключено, что им являлся Салас, имя которого начертано отдельно от всего остального текста, в самом верху остракона. Очень вероятно, что надпись является типичным примером школьного юмора гомосексуального характера, а не свидетельством настоящей любви». Содержание надписи № 2, по А. В. Белоусову: «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Его заключение об обеих надписях:

«Возможно, ученик, по-видимому Салас, написал алфавит и добавил еще ряд словосочетаний, включая те, где упоминается имя Долес, причем в весьма лестных и соблазнительных выражениях. Автор же второго граффито, очевидно, прочитав начертанное Саласом, написал свою поэтическую тираду в отношении Долеса» [с. 147]. Характерная черта общей картины в изложенном понимании издателей – дискретность текста надписи № 1, малая связанность в ней одного с другим: тут и приветственная формула писем, и святилище Апатуры, и любовная καλός-надпись, словом, полная мешанина, следствием которой и стало отсутствие ее перевода: невозможно свести все это вместе взятое к общему знаменателю.

Наше понимание граффито № 1, автор Салас: «[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба *красавцы* (?)»; граффито № 2, автор Апатур: «я развратил, а не этот Долес», с припиской инициала своего имени – А. Тут цельный любовно-обсценный контекст обеих надписей, мелкая история из жизни блудливых школяров Артезиана. Сначала «петушок» Салас шлет привет своим обоим партнерам по сексу, затем Апатур, может быть, ревнуя его к Долесу, настаивает на своем первенстве в любви с Саласом. Вот такая короткая и простая безделушка, коль очистить обе надписи от эпиграфических и филологических заблуждений издателей. Установленная картина позволяет сделать еще кое-какие допустимые наблюдения. С одной стороны, у греков дети начинали обучаться грамоте в том же возрасте, что и у нас. Поскольку Салас выписал алфавитный ряд, он явно начинающий школяр лет 7-8. С другой стороны, половая зрелость у мальчиков начинает развиваться лет с 10. Поскольку Апатур развратил Саласа, ему не менее 10 лет. Пишу об этом не с целью ворошить грязное белье сих пащенков, а для оценки письменных навыков того и другого. Говоря о разности письма обеих надписей, А. В. Белоусов хорошо подметил «стройность и уверенность почерка» № 2, как мы выяснили, Апатура. В то же время надпись Саласа отличается неустойчивостью письма: в алфавитном ряду у него одни формы букв, а в стк. 3-6 и те же, и вовсе другие. Одной только *альфы* насчитывается 5 разновидностей, т. е. каждый раз она выписана по-своему. Все это свидетельства неустойчивого письма у начинающего школяра, так что ему действительно лет 7-8.

Теперь о дате этих граффити. Издатели датировали их с невозможной для надписей I в. н. э. точностью лишь по палеографии: ближе к середине – второй половине столетия, со ссылкой на палеографическую таблицу статьи А. И. Болтуновой, Т. Н. Книпович [1962, с. 10]. Однако, во-первых, там нет рубрики «I в. н. э., середина», а в рубрике «I в. н. э., вторая половина» показан шрифт лапидарных надписей, в котором вовсе отсутствуют формы минускулярного письма, присутствующие в граффито Саласа – буквы A, Z, M, Ξ, Ψ, Ω. Издателям было бы уместней обратиться к статье И. А. Емеца [1995, с. 54-55] о шрифте боспорских граффити, где есть все необходимое на табл. II (I в. до н. э.) и табл. III (I в. н. э.). Вопреки издателям, точнее датировать артезианские граффити только по палеографии невозможно. Во-вторых, во вступительном разделе о строительной истории цитадели Артезиана Н. И. Винокуров ясно указал, что амфорный черепок с надписями найден в ниве-

лировочной засыпке середины I в. н. э. помещения 5 на уровне останцев стен 184-185 первого строительного периода [с. 139], так что местонахождение черепка в засыпке на такой глубине, скорее, увязывает его с первым строительным периодом, и гибель оного в 54-55 гг. н. э. – terminus ante quem для надписей на черепке, т. е. они сделаны в I в. до н. э. или первой половине I в. н. э.

Особо отметим большое значение обоих граффити для палеографии боспорских надписей I в. до н. э. – I в. н. э., и лапидарных, и граффити. Разнообразие форм букв оказывается не свойством их разновременности, а свойством пошиба письма. Будущий исследователь сих граффити должен провести сличение их с датированными папирусами I в. до н. э. – I в. н. э.[12] и построить хронологическую шкалу пошибов письма боспорских памятников этого времени. Не станем ставить в упрек издателям, что они не провели такую работу: это действительно тема специальной статьи.

Есть еще один аспект исследования артезианских граффити, не затронутый ими, – исторический, он важен и сам по себе, и тем, что позволяет уточнить их дату. Этот аспект связан с личными именами действующих персонажей. Из них одно местное, боспорское – Апатур, два других Салас и Долес, как правильно отметили издатели, фракийские.[13] Поскольку Артезиан крепость, резонно думать, что Салас и Долес – беспутные сыновья находившихся в гарнизоне фракийских солдат. Однако памятники присутствия на Боспоре фракийских воинов (в составе римских отрядов) датируются II-III вв. н. э.[14] Между тем граффити Артезиана, как сказано, относятся к предшествующему времени, до середины I в. н. э., что ставит вопрос о событиях, с которыми может быть связано появление здесь фракийцев. Скорее всего,

---

[12] Напомним их издания: R. Seider. Palaeographie der griechischen Papyri. Stuttgart, 1967-1990. Bd. 1-3. Tabula palaeographica. Fasc. 1. E. Boswinkel, P. J. Sijpestaijn. Greek Papyri, Ostraca and Mummy Labels. Amsterdam, 1968.

[13] Издатели безоговорочно приняли чтение А. П. Бехтер [2013, с. 9 сл.] имени Долес в эпитафии I в. н.э. КБН 450. Однако с этим не все просто, скорее, не так. В КБН дано чтение А. И. Болтуновой женского имени Лолесон: Λόλησον, (Ἡ)γουμενός κτλ. «Лолесон, Гегумен и сын Гигиенонт, прощайте». Я по камню уточнил, что первая буква *дельта* и увидел тут сирийское женское имя Δόλησον; после второго *омикрона* тут стоит четко вырезанная буква N, посередине которой затем была прочерчена горизонталь и получилась первая буква Н имени Ἡγουμενός. Так как по существу на камне имеются N и Н, читал Δόλησον, Ἡγουμενός κτλ. «Лолесон, Гегумен и сын Гигиенонт, прощайте» [Яйленко, 2010, с. 550]. А. П. Бехтер предложила другое чтение: Δόλης ὁ Ἡγουμενός κτλ. «Долес, он же Гегумен». Оно интересно, однако встречает ряд препятствий. 1. Обычно в формуле с двойным именем употребляется связка ὁ καί (КБН 302, 666, 710 и др. [Доватур, 1965, с. 826 § 5-3]), тогда как формула nomen + ὁ + patronymicus («имярек, сын такого-то») свойство совсем другого времени – архаического и классического. А. И. Доватур обозначил 4 ситуации, когда артикль опускается [Ib. § 5-4/8], но не привел случаев опущения в этой формуле связки καί. 2. Пропадает четко и хорошо вырезанное N, абсолютно логичное при чтении женского имени. Но в варианте А. П. Бехтер оно оказывается лишним, ошибочно вырезанным, а это не находит никакого объяснения, ибо написание другой буквы резчиком провоцируется наличием такой же в предшествующем, либо следующем слове или имени (см. выше о Т в имени Состибий). 3. На рельефе действительно изображена женщина, она хорошо выделяется в шеренге предстоящих постановкой посредине своим ростом выше остальных, одета она, как и положено боспорским замужним женщинам, в хитон, плащ, на голове калаф. При чтении женского имени эта

первопричиной их появления на Боспоре стала женитьба царя Аспурга лет за 15 до смерти (ум. в 37 г. н. э.) на фракийской принцессе Гепепирии [Яйленко, 2010, с. 258]. Это тем более так, что на первоначальной цитадели обнаружены тамги Динамии и Аспурга, которые позволили Н. И. Винокурову думать об основании крепости в их правление. С другой стороны, Винокуров хорошо показал в ряде работ, что разрушение крепости первого строительного периода произошло ок. 54-55 гг. и связано с войной римлян против царя Митридата, сына Аспурга. Эти данные делают вероятной нашу отсылку к фракийскому браку Аспурга (разумеется, это только внешняя сторона разнообразных связей Боспора и туземной Фракии) как причине появления фракийских воинов на Боспоре; стало быть, последние пребывали на Артезиане между 20–55 гг. н. э. Этим временем и датируются граффити Саласа да Апатура.

К сожалению, на этом точку не поставить. Отмеченные эпиграфические и филологические ошибки издателей, невнимание к мелочам, приведшие к неточному пониманию надписей из Артезиана, закономерно сопровождаются неряшливостью в других отношениях. Нет понятия о точной транслитерации греческого текста: частично сохранившиеся на черепке буквы они всегда передают как целиком сохранные: это Х второго χαίριν, вторая *альфа* имени [Ἀπ]άτουρος, *дельта* в конце стк. 1 надписи № 2. Вовсе несуразна передача сохранившегося левого нижнего уголка буквы в конце стк. 6 надписи № 1 в качестве целиком сохранной буквы М (у нас это остаток *дельты*). Далее, С. Ю. Сапрыкин обратил внимание на упомянутое мною [Яйленко, 1982, с. 305] школьное граффито из Тиры, в котором ученик, правильно написав буквы алфавитного ряда, похвалил себя: καλός «молодец». Отметив, что я не дал ссылки на публикацию тирского граффито, издатель счел, что это может быть

фигура рельефа находит свое место в эпитафии; рельеф таков (см. КБН-альбом): всадник, слева у хвоста коня слуга, справа, у груди коня, другой слуга, подающий всаднику виноградную кисть; правее упомянутая женщина, она выше ростом, слева от нее две фигуры. Таким образом, на рельефе представлены Гегумен, Лолесон и сын Гигиенонт, полное единство рельефа и надписи. При чтении А. П. Бехтер нет в надписи места женщине, нет и того самого единства надписи да рельефа. Против чтения Болтуновой и мною женского имени и через запятую мужского А. П. Бехтер выдвинула возражение, что обычно имена покойных соединяет связка καί. Такова, действительно, норма боспорских эпитафий, однако и надписей без сей связки так много, что это не отступление от нормы, а параллельный узус (КБН 192, 193, 209, 214, 217, 218, 222, 225, 244, 245, 254, 256, 340, 494, 698, 713). Другой ее аргумент – отсутствие оформления негреческой основы греческим суффиксом -ον мне остался непонятным: в обратном словаре имен собственных Б. Хансена сотни таких личных имен, топонимов и прочих названий [Hansen, 1958, S. 94–106].

[14] Это эпитафии офицера и двух солдат-фракийцев из Пантикапея КБН 666, 691, 726. В энкомии II в. или первой половины III в. из Пантикапея говорится о начальствовании покойного над каким-то «фракийским отрядом». Таким же начальником «фракийского отряда» был и некий сын Асандра, который поставил статую Савромата III (229–231) в Танаисе. Фракийскому воину принадлежал найденный в окрестностях Керчи воинский медальон с портретом какого-то римского императора и надписью на обороте «*Зевса* Димеранского» фракийского происхождения и рельеф II в. н. э. с посвящением Авлудзениса, сына Мукапора, Богу Авларкену, вероятно, происходящий с Боспора (см. о перечисленных надписях [ОХБ, с. 872-873, лит.]).

любовная надпись из числа *имярек* καλός. И напрасно – это безусловно школьное упражнение, на что указал уже первоиздатель граффито А. Авакян; оно давно издано [Avakian, 1927, № 77] и переиздано [Яйленко, 1988, с. 55-56, № 1 и рис. № 1 на с. 55]: это полный алфавитный ряд в ортогональной сетке, сразу под которой ученик написал ретроградно, похвалив себя: [--]ος καλός «*имярек* молодец!».[15] Упомянув его в книге 1982 г., я действительно не дал ссылки на публикацию А. Авакяна, но ссылка и текст с рисунком имеются в статье 1988 г., на которую С. Ю. Сапрыкин не раз тут же ссылался.

Увы, злоключения граффити в статье трех авторов на этом не кончаются. В разделе о рельефе, написанном С. Ю. Сапрыкиным, упомянута краснолаковая тарелка с надписью [--]ΦΙΛΟΥΜΕΝΗΣ, которую он прочел как [--]φιλου Μένης, отчество и имя владельца посудины Менес. Он не дал себе труда объяснить, почему в таком случае имя следует после отчества, – ведь у греков, как и у нас, россиян, наоборот, имя предшествует отчеству. И напрасно: разумеется, ни о каком боспорском греке, привидевшемся издателю, сие граффито не свидетельствует, ибо это имя владелицы тарелки – Φιλουμένης. Это обычная женская владельческая надпись, как Ἀναγόρης «Анагоры» на кратере из Ольвии, Ἀσαίης «Асеи» на дне чернолакового сосуда с Митридата и пр.; это сокращенная форма (в чистом виде gen. possessivus) конструкции типа Ἑλεκώπιδος εἰμί «я принадлежу Гелекопиде» на дне чернолакового килика из Нимфея [Толстой, 1953, № 13, 107, 218]. Имя Филумена известно на Боспоре – в эпитафии II в. н. э. с Тамани КБН 1222.

2. Эпитафия Состибия

Далее в статье трех авторов [2014, с. 148–151] следует эпитафия трех воинов, изображенных на рельефе, под ним надпись (у нас рис. 3, 3а). Посвященный этой эпитафии раздел, на мой взгляд, тоже неудовлетворителен; как сказано, автор его С. Ю. Сапрыкин. Сначала рассмотрим вопросы текстологии. Ранее издал надпись Н. И. Винокуров [2002, с. 77]; как археолог, не мудрствуя лукаво, он точно передал имеющийся на камне текст: ΣΩΣΤΙΒΙ ΔΙΩΝΥΣΙΟΥ | ΚΑΙ ΥΟΙ ΔΙΣΑΚΟΣ | ΚΑΙ ΠΑΔΑ(ΦΟΥ ? ..) | ΧΑΙΡΕΤΕ. Затем в дело включились мастера эпиграфической самодеятельности. С. Р. Тохтасьев дал свой текст и перевод: Σωσ{τ}ίβι Διωνυσίου | ϩαὶ ὑοὶ Δισακος | καὶ Παδαφ(ο) ν(acat)ῦ | χαίρετε «Сосибий, сын Дионисия, и сыновья Дисак и Падафус, прощайте» [Матковская, Тохтасьев, 2006, с. 187–189]. Тохтасьев верен своей обычной неприязни к резчикам надписей[16]: «Неряшливость резчика проявилась и в том, что четыре слова из восьми высечены

[15] От имени ученика в этом граффито V в. сохранилось окончание --ος (вряд ли это двойное написание слова καλός, поскольку это формула, обязательно включающая личное имя). Ему аналогично и другое граффито VI в. из Тиры, в котором ученик правильно написал ретроградно первые буквы алфавита А, В, Г и под ними тоже похвалил себя: [κα]λός [Avakian, 1931, p. 113, № 29; Яйленко, 1988, с. 60, прим. 17, № 13 + рис. № 13 на с. 55].

[16] См. о ней [Яйленко, 2008, с. 569–571]. И за обоими издателями числится такая тенденция.

с ошибками».[17] Однако на поверку 4 указанные им ошибки (лишнее Т в Σωσ{τ}ίβι, *омега* в Διωνυσίου, С вместо О в его Παδαφ(ο)ῦ, именительный падеж Δισακος вместо звательного) спорны или неточны.[18] По существу, С. Ю. Сапрыкин следует тексту Тохтасьева: Σωσ{τ}ίβι(ος) Διωνυσίου | ̣καὶ υ<ἰ>οὶ Δισακος | καὶ Παδαφου | χαίρετε «Сос<т>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте». Вслед за Н. И. Винокуровым Тохтасьев счел форму Σωσ{τ}ίβι вокативной, С. Ю. Сапрыкин пытается найти золотую середину: с одной стороны, он считает это возможным, с другой – припоминает школьную истину, что καί соединяет равнозначные члены, так что, коли ближайшее имя сына Δισακος стоит в номинативе, имя Сос<т>ибия должно быть в том же падеже – Σωσ{τ}ίβι(ος). «В боспорских надгробных надписях союз καί соединяет либо вокативы, либо номинативы имен усопших, но исключительно в одном падеже», – утверждает он, чем демонстрирует лишь нежелание утруждать себя просмотром боспорских эпитафий, в которых, разумеется, господствует норма, но нередки и случаи соединения этим союзом разных падежей. Приведем примеры последнего начиная с I в. до н. э. КБН 282: Μαστοῦ ... καὶ μήτηρ Μασατις – первое имя в вокативе, второе в номинативе; 327, стк. 3: Ἀγαθοῦ καὶ Φιλοκλῆς – вокатив, номинатив;[19] 356: Ἀρέσκουσα ἀδελφὴ Πίστου καὶ ἄδελφη Ὅσιε – номинатив, вокатив; 413: Ἥλιε καὶ μάμμη Βασίλη – вокатив и номинатив. Можно еще долго продолжать, но нужды в этом нет.[20] У имени Состибия, как покажем далее, именительный падеж действительно Σωστιβιος, однако замена С. Ю. Сапрыкиным звательного падежа Σωστιβι на номинатив Σωσ{τ}ίβι(ος) ввиду приведенных примеров безосновательна. Иначе говоря, остается в силе чтение Н. И. Винокуровым формы звательного падежа Σωστιβι, которое обосновал и С. Р. Тохтасьев. У имен на -ιος окончание звательного падежа -ιε, но в боспорских эпитафиях имеется несколько примеров также вокатива на -ι. В. В. Шкорпил, за ним В. В. Латышев, А. И. Доватур сочли его результатом

[17] Что точно неряшливо, так это его чтение Παδαφ(ο) ν(acat)ῦ. Во-первых, омикрон целиком присутствует на камне, во-вторых, вместо экзотического ν(acat)ῦ грамотней указать, что за омикроном выщерблина размером с букву, и потому Υ вырезан с таким отступом от него.

[18] См. подробную критику [Яйленко, 2010, с. 169–171]. Там я признал справедливым замечание Тохтасьева об ошибочной замене именительного падежа вокативом, но теперь, просмотрев боспорские эпитафии под этим углом зрения, нашел примеры несогласованного употребления падежей в именах, ниже даю ссылки. Таким образом, ни одна из 4 усмотренных Тохтасьевым ошибок не очевидна, – это особенности языка и письма поздних боспорских стел.

[19] В КБН дано неточное чтение имени Φιλοκλῆς без последней сигмы: она втиснута между этой и правым краем стелы, на камне имеются прямые горизонтали и середина Σ (это вполне видно и на фото в КБН-альбоме). Тут повторена конструкция стк. 1-2: Ἀγαθοῦ καὶ γυνὴ Μακάριον.

[20] А.И. Доватур [1965, с. 813, § 4] в очерке грамматики боспорских надписей отметил, что «существительные πατήρ, μήτηρ, θυγάτηρ, по-видимому, утратили особую форму звательного падежа»; С.Ю. Сапрыкин добавил сюда и слово γυνή. Но это действенно лишь в том случае, если личное имя стоит в бесспорной форме звательного падежа, тогда как при форме имени, одинаковой в номинативе и вокативе, утверждение С. Ю. Сапрыкина требует аргументации, чего он не сделал. Таких случаев настолько много, что примеры не требуются. В приведенных надписях КБН 356, 413 слова того же родственного плана ἀδελφή, μάμμη ему тоже пришлось бы записать в число утративших звательную форму.

воздействия латинского вокатива на -i (см. КБН 383, комм.), и действительно, три имени с таким вокативом римские (Πόπλι, Κορνείλι – КБН 496, 616; граффито ὦ Γαυδέντι на сосуде), два греческих (Δημήτρι, Γύναι, – КБН 383, 1109). Эти данные известны С. Ю. Сапрыкину, но почему-то он счел, что вокативная форма имени Падафуса «ошибка резчика или нехарактерное отступление от общего правила составления подобных надписей». Это при том, что он признает (пусть и при допущении варианта с номинативом) вокативной форму и имени Состибия, которые, как точно прочел Н. И. Винокуров, соответственны друг другу.[21]

Удаление С. Ю. Сапрыкиным вслед за Тохтасьевым буквы Т из имени Состибия для замены на хорошо известное, в том числе на Боспоре, имя Сосибий ничем не оправдано. Преобладающее большинство ошибочных написаний имеет свою логику, конкретную причинную базу. Мы специально просмотрели под этим углом зрения нескольких сот эпитафий из Пантикапея (КБН 152–815) и не нашли почти ни одной немотивированной описки (их вообще немного). Основная причина появления описок – контекст, наличие рядом таких же или подобных по написанию и произношению букв (мысленно у резчика звуков). Ошибочное написание буквы Т представлено, если мы ничего не упустили, лишь 2 раза – ΧΡΥΣΤΟΝ вместо ΧΡΥΣΙΟΝ (эпитафия I в. н. э. КБН 417), и оно вполне обусловлено наличием Т в следующем слове χαίρετε, уже домысливаемом резчиком. В слове οἰκοδεσπο(τ)ίην эпитафии КБН 144 Т опущено перед I ввиду подобия букв. В случае же с Σωστίβι Διωνυσίου ничто не могло спровоцировать написание излишнего Т, да и надпись в целом вырезана аккуратно, красивым минускулярным пошибом письма. Ввиду изложенного удаление из имени буквы Т, повторяем, ничем не оправдано, форму Σωστιβιος надо понять.[22] Обратим внимание на присутствие в ней распространенного малоазийского имени Τίβειος, известного и на Боспоре; в нем ει – растяженное ι, так что форма Τίβιος целиком укладывается в качестве второй основы в Σωστιβιος.[23] А первую основу видим в известной ряду малоазийских имен основе σωσ- : Σωσος, Σωσσος, в том числе в составных, в которых она выступает в качестве первой основы – Σωσαμμι, Σωσσουνης [Zgusta, 1964, § 1492]. Таким образом, имя Σωστιβιος малоазийское по происхождению.

Имена сыновей Состибия также еще не встречались в источниках. Разумеется, С.Р. Тохтасьев счел их иранскими (как иранист-любитель, не прочитавший ни строчки

---

[21] В статье 2017 г. я не вполне разобрался с данными С. Ю. Сапрыкина об окончаниях вокатива -ιε, -ι, тут исправляю свою оплошность.

[22] Наше прежнее объяснение от σωστέος «должный быть спасенным» [Яйленко, 2010, с. 170] тоже не исключено, но теперь даем оптимальное решение.

[23] КБН 225, эпитафия раннего IV в. до н. э.: Τίβης ὁ ὑὸς, Νάνα Τιβείῃ γυνή. Среди владельческих граффити на столовой посуде из собрания Керченского музея-заповедника (далее КМГ с инвентарным номером) тоже есть имя Τίβειος (КМГ 312: gen. Τιβείῃ «Тибия», IV в. до н.э.), также Τέβης (КМГ 193, I-II вв. н.э.) и сокращение Τιβ (КМГ 108, IV-III вв. до н.э.). Посвятительное граффито III в. до н.э. Зевсу Отчему сделали носители малоазийских имен Τίβης и Ἴτης [Яйленко, 2006, с. 387]. Другие указания на литературу об этих именах [LGPN IV, 331]. См. об этой группе личных имен [Zgusta, 1964, § 1556-2, 3].

из какого-либо текста на каком-нибудь иранском языке, он ничего другого и не видел). В основе имени Δισακος он усмотрел праиран. *daiś-, *diś- «говорить, указывать» и апеллировал к древнеперсидским именам из Персеполя *Daisaka-, *Daiθaka-. Последние действительно образованы от основы *daiś- (на это указывает *aē* в авест. daēsaya- «показывать», daēsa- «знак»), однако иран. *ai, aē* не передаются в греческом через *i*,[24] поэтому ни основа *daiś-, ни указанные имена из Персеполя не могут иметь отношения к имени Δισακος. А суждение С. Р. Тохтасьева об иранском облике имени лишь на основании суффикса -(a)k- малограмотно, поскольку он не только иранский, но и продуктивный греческий суффикс, фракийский, индоарийский и т. д., так что имя Δισακος вполне может быть греческим, фракийским и иным. Также имя Παδαφου(ς) Тохтасьев счел сарматским, хотя объяснению на иранском материале, по его признанию, поддается лишь половина имени (*pad- «нога»). Его «одноногая» этимология, разумеется, ничего не объясняет. Хотя эти мои замечания были дважды опубликованы [Яйленко, 2009, с. 513-514; 2010, с. 170-171], С.Ю. Сапрыкин игнорирует их, чем загоняет самого себя в тот же отстойник научной лабуды, где покоятся этимологические забавы Тохтасьева. Если бы С. Ю. Сапрыкин оспорил хоть как-то мои доводы (например, привел пример передачи иран. *ai, aē* через греч. *i*), его суждения об именах Дисак да Падафус могли бы иметь значение. А без того ошибочное следование иранской их трактовке он усугубил поисками фракийских соответствий имени Δισακος, в результате получив странный сарматско-фракийский микс.[25] Имя Παδαφους вслед за Тохтасьевым он счел сарматским по близости к иранским именам из Ольвии Πάδαγος и Πάδακος. В результате С.Ю. Сапрыкин заключил: «если первый сын Сосибия носил фрако-иранское или, скорее, фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизованной – глава семьи, отец Сосибия, был, вероятно, эллином или эллинизованным боспорцем с фракийскими корнями, а его сыновья происходили от брака с женщиной, в жилах которой текла фракийская и сарматская кровь (или сыновья были рождены от браков с двумя разными женщинами – фракиянкой и сарматкой)». Можно поздравить автора сей цитаты с хорошим знанием личной жизни и родословия многоженца Состибия, также кровяного состава жил одной из его жен. Только все это художественный текст, к науке не имеющий отношения. Он с таким же успехом мог сослаться на более созвучные египетские имена II в. н. э. из словаря Ф. Прайзигке Πατεφάυς, Πετεφάυς и усмотреть египетскую кровь в жилах очередной жены Состибия.

На наш взгляд, ввиду малоазийского характера имени Состибий следует искать такое же объяснение имени его сына Παδαφους. Оно тоже двухосновное, первая основа παδ- вполне известна малоазийскому антропонимикону в качестве как раз

[24] Передаются через αι, η, ε, ει [Zgusta, 1955, § 348a–353; Абаев, 1979, с. 329].

[25] К основе Δισ- в Δισακος это, по Сапрыкину, Δισάτραλις, Δισούπης, Δισκοῦς, Δίσυρος. «Второй композит -σακος, очевидно, иранское sak(a), zak(es), saci – «сила, мощь, помощь» – также представлен во фракийской антропонимике»: Δαλό-σακος, Δαλό-σηκος.

первой основы составных имен, например, Παδμουρις. Второй элемент имени Παδαφους – распространенное в антропонимике, особенно малоазийской, детское слово ἄπφα, ἄφ(φ)α, которое, по Евстафию, нежный аналог слов «братья, сестры, возлюбленные», а по Каллимаху, его значение то же, что у детских же слов πάππα, ἄττα «папа» (подробности [Zgusta, 1955, S. 296]). Эта основа присутствует в ряде малоазийских имен, среди которых есть и подходящее к нашей задаче Ἄφους [Zgusta, 1964, § 66-35]. На Боспоре имена этой группы тоже хорошо известны: Ἄπφα, Ἄπφια, Ἀπφοῦς, Ἀφφοῦς (КБН 164, 370, 537, 656, 1022, 1086); в том числе засвидетельствован и звательный падеж Ἀφφοῦ (КБН 370, 537), представленный в артезианской эпитафии – Παδαφοῦ. Таким образом, имя Παδαφοῦς малоазийское, включающее основы παδ- (значение неизвестно) и ἄφ(φ)α.

Что до имени Δισακος, то, принимая во внимание греческое отчество Состибия (он сын Дионисия), повторим прежнюю нашу трактовку: это греческое имя Διψακός = Δισακός с упрощением ψ в σ, как, например, в имени боспорского царя IV в. н.э. Ραδαμψ[αδιος], Ραδαμσαδιος (КБН 65, 66).[26] Все это уже дважды разъяснялось [Яйленко, 2009, с. 514; 2010, с. 171], и С. Ю. Сапрыкин или не знает этого, или не желает упоминать по причине клановой сервильности. Итак, текст эпитафии Состибия таков:

Σωστιβι Διωνυσίου καὶ ὑοὶ Δισακὸς καὶ Παδαφοῦ, χαίρετε

«Состибий, *сын* Дионисия, да сыновья Дисак и Падафус, прощайте».

Теперь о датировке эпитафии С. Ю. Сапрыкиным. Он снова, как и в случае с рассмотренными граффити (выше, § 1), перечисляет формы букв и точно датирует эпитафию: «Палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н. э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга». И ссылка та же – на таблицу шрифта надписей времени Аспурга в статье А.И. Болтуновой, Т.Н. Книпович [1962, с. 10]. Сходство действительно есть, но оно есть также с формами букв рубрик у Болтуновой и Книпович от «конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.» до «II в. н. э.». Между тем в граффити да эпитафии с Артезиана есть и вовсе разные формы A, N, Π, Σ. Дело заключается в том, что памятники лунарного стиля I-II вв. н. э. трудно поддаются более точной датировке. Нет нужды вдаваться здесь в подробности; для того чтобы указать на невозможность точной датировки в пределах I в. н. э. эпитафии Состибия, исполненной курсивным маюскулярным письмом, достаточно процитировать А. И. Болтунову, Т. Н. Книпович [1962, с. 23]: «О применении курсивных шрифтов в боспорских надписях I в. н. э. говорить особенно трудно». Однако зацепка есть: эпитафия Состибия отличается редкой для Северного Причерноморья формой минускулярной *сигмы* – с удлиненной верхней горизонталью, протянутой вперед. Она впервые фиксируется в папирусе 88 г. н. э. [Gardthausen, 1913, Taf. I, Sp. 13], и это terminus post quem для нижней даты эпитафии Состибия – конец I в. н. э. Как сказано, по письму она может быть отнесена и

[26] Такое упрощение проходило издавна: к примеру, у Сафо Ψάπφοι, у Алкмана Σάπφοι, тарентская глосса Гесихия ἄσεκτος вместо ἄψεκτος [Kühner, Blass, 1890, S. 160].

ко II в. н.э., так что в целом дата ее конец I в. н. э. – II в. н. э. Этим и следует удовлетвориться, поскольку археологический контекст расплывчат (стела вторично использована для перекрытия погребения, яма которого заполнена материалом I–II вв. н. э.) и не дает оснований для более точной датировки.

С. Ю. Сапрыкин хочет поддержать свою точную датировку эпитафии «концом второй четверти – серединой I в. н. э.» посредством апелляции к ее языку: «В то же время в этой надгробной надписи имеются лингвистические особенности, характерные для эпиграфических памятников первой половины – середины I в. н. э. Это написание имени Дионисий с *омегой* вместо *омикрон*, упрощение дифтонга υι > ι перед гласным в слове υἱοί», со ссылкой на грамматический очерк А. И. Доватура [1965, с. 801, § 4. 7–8; с. 805, § 12]. Но Доватур привел там примеры замены *омеги омикроном* в надписях от I до IV в. н. э., а утраты в слове υἱός дифтонгом υι своего второго компонента в надписях от V в. до н. э. по II в. н. э.! Так что апелляция С. Ю. Сапрыкина к указанным фонетическим особенностям для подтверждения своей датировки эпитафии «концом второй четверти – серединой I в. н. э.» странна. Налицо единство его невозможно точной датировки эпитафии по письму и неряшливой отсылки к ее грамматическим особенностям, т. е. то и другое сделано плохо. Ошибочно даже дополнение С. Ю. Сапрыкиным *иоты* в υ<ἱ>ός, ибо примеров написания ὑός в боспорских эпитафиях с V в. до н. э. по II в. н. э. столько [Доватур, 1965, с. 805, § 12], что это нормальный узус.

3. Об ответе С. Ю. Сапрыкина, А. В. Белоусова на мою критику их публикации надписей Артезиана

Указанные авторы оперативно откликнулись на критику их издания надписей Артезиана, которую я дал в электронной публикации 2017 г. (см. выше прим. 1). Сразу перейду к делу, сначала о текстологии, ибо это наиболее важная работа при издании любых надписей, т. е. об адекватности понимания издателями текста. На мой взгляд, издатели надписей Артезиана допустили ряд ошибочных заключений о текстах обоих граффити и эпитафии, устранение этих ошибок и было сутью моей статьи 2017 г. Их чтение граффито № 1 в 2014 г. : [... Δόλ]ηι χαίρ<ε>ιν | [...] χαίρ<ε>ιν | [... Ἀπ]άτουρος | [... κα]λὸς Δολης μοί (перевода не дали). Мои возражения: понимание ими [Ἀπ]άτουρος стк. 5 в качестве названия боспорского святилища Афродиты никак не вписывается в контекст надписи (видимо, поэтому они и не дали перевода надписи); нет оснований видеть в начале каждой строки утраченный текст (их [...]); нет оснований для их транскрипции χαίρ<ε>ιν, так как написание χαίριν прочно внедрилось в надписи римского времени ввиду монофтонгизации дифтонга ει; безосновательно понимание уголка в конце стк. 6 в качестве остатка буквы Ṃ (их чтение μοί). Я счел [... Ἀπ]άτουρος личным именем на следующих основаниях: 1) хотя таковое не засвидетельствовано, его можно счесть мужским паредром к известному на Боспоре женскому имени Ἀπατούρη; 2) оно хорошо вписывается в контекст с двумя другими личными именами Салас, Долес; 3) в святилище

Афродиты Апатуры почиталась естественная любовь мужчины и женщины, в граффито же речь идет о мальчуковой гомосексуальной связи, в покровительстве которой Афродита не замечена. Уголок буквы в конце стк. 6 я принял за дельту и связал ее с окончанием слова -οι посредством предположительного дополнения δ̣[οι]οί «два, оба». Мой текст 2017 г. : [? Δόλ]ηι χαίριν, | χαίριν | [Ἀπ]ά̣τουρος, | [κα]λὸς Δολης, δ̣[οι]οί (? sc. καλοί) «[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба *красавцы* (?)».

На пяти страницах статьи 2018 г. (249–253) А. В. Белоусов и С. Ю. Сапрыкин защищали свое чтение, опровергали мое, попутно обвиняя меня в разных пороках, и заключили (с. 253): «Учитывая сказанное, мы не отказываемся от первоначального прочтения и истолкования текста ученического граффито за исключением его окончания, которое следует передать как [..οι]». Слукавили оппоненты. На с. 248, заявив «Для того, чтобы читатель мог понять суть спора, приведем еще раз восстановление и чтение опубликованных памятников», они дали сравнительно с их текстом 2014 г. (см. его выше) **подправленный** текст граффито № 1: [... Δόλ]ηι χαίρῑν | [...] χαίρῑν | [... Ἀπ]ά̣τορος | [... κα]λὸς Δολης [..]οί. И текст они изменили в основном соответственно моим поправкам: 1) убрали свои вставки из прежнего χαίρ<ε>ιν; 2) показали альфу в [... Ἀπ]ά̣τουρος и Χ во втором χαίρῑν как не полностью сохранные; 3) убрали свое вовсе невозможное чтение μοί. А оставили без изменения, во-первых, точки в начале каждой строки, т. е. по-прежнему считают, что перед сохранившимися словами был еще текст (я теперь соглашусь с ними, что перед вторым χαίριν могло быть несколько букв, но могло и не быть); во-вторых, поныне считают [... Ἀπ]ά̣τουρος названием святилища.

Итак, оппоненты молчаливо подправили свое чтение и выдали его за текст 2014 г. , но и эта правленная надпись неполноценна: они не заметили, что мой текст отличается от их текста наличием синтаксиса, который у них вообще отсутствует. Между тем наличие двух инфинитивов (χαίρῑν | [...] χαίρῑν) само по себе означает, что это два самостоятельных оборота в предложении; их обязательно должна разделять запятая. Также [... Ἀπ]ά̣τουρος как название святилища и формула [... κα]λὸς Δολης настолько разные по смыслу, что и они должны быть разделены запятой как самостоятельные обороты. К историку С. Ю. Сапрыкину претензий по синтаксису быть не может, а вот филолог А. В. Белоусов мог бы отдать ему должное (впрочем, далее мы увидим, что синтаксис не его конек). А без него их чтение 4-строчной надписи ущербно, и его отсутствие указывает на неточность их интерпретации. Окончательно ставит крест на их понимании надписи в целом и особенно на трактовке [... Ἀπ]ά̣τουρος в качестве названия святилища то обстоятельство, что они и теперь не смогли дать перевод своего же текста граффито!

Рассмотрим несколько примеров их защиты своих очевидных ошибок или опровержения моих поправок. Сначала остановимся на конце стк. 6, где у скола сохранился уголок буквы, а с поворотом направления и последние буквы слова, т.е. δ̣[..]οι. В 2014 г. оппоненты увидели тут μοί; указав, что их М не соответствует

сохранившемуся уголку и что это остаток дельты, я дал иное чтение [2017, с. 473]: «Предположительно читаем тут слово δ̣[οι]οί «два, оба», оно эпическое, т. е. употреблялось в поэзии, но в римское время проникает и в прозу: согласно Thesaurus linguae Graecae, его употребляют авторы II в. н. э. – писатель Афиней, астролог Веттий Валент, медик Аретей». Оппоненты согласились, что М невозможно и сначала предложили гипотетическое κ̣[αλ]οί [с. 251-252]. Что в лоб, что по лбу: они должны либо убрать уголок буквы со своей прориси и фотографий, либо, коль мое δ̣[οι]οί их не устроило, согласиться, что сей уголок более всего соответствует букве Δ.[27] Оппоненты оспорили все мои примеры с δοιοί: Афиней-де мучился, объясняя это слово, у Валента оно то ли есть, то ли нет, Аретей же большой оригинал словоупотребления. Коль критиков не устроили эти примеры, приведу и другие (по тому же Thesaurus linguae Graecae); тогда я дал примеры только в именит. падеже множ. числа, теперь приведу и в других падежах. Дательный множ. δοιοῖς, δοιοῖσι(ν): Nicander, Ther. 261; Oppianus, Cyneg. III, 253; Sextus Emp. Adv. mathem. VII, 111, *l.* 13; Леонид Александриец в Anth. Graeca VI, 327; Steph. Byz. Ethnica, p. 195, *l.* 4; Anth. Graeca, Appendix, 2, 712b, *l.* 9. Номинатив ед. числа δοιός: Callimachus, Epigr. 1, *l.* 3 et Anth. Graeca, VII, 89, 1 (к Питтаку); Suda, s. v. ἄττα; Herodianus, Gramm. Vol. III, 1, p. 109, *l.* 17; Vol. III, 2, p. 65, *l.* 5; ib., p. 280, *l.* 20; Геродиан же в Partitiones (p. 24, *l.* 14) привел также несколько слов, образованных от δοιός. Ежели оппоненты еще не устали, есть у меня в запасе также родительный да винительный падежи, более того, и женского рода. Мы не должны сбрасывать со счетов также употребление слов δοιός, δοιοί в гомеровских поэмах и у других стихотворцев, поскольку изучение поэтических сочинений в школе было обязательным; Гомера ученики начинали познавать на первых же занятиях.

Таким образом, приведенными примерами дезавуируется мнение критиков, что «внезапное присутствие нечастого даже у писателей-интеллектуалов эпического δοιοί вряд ли стоит так уверенно восстанавливать в таком простонародном и детском документе». В одном этом их предложении сразу две ошибки: во-первых, слово сие отнюдь не «нечастое», а вполне нормального узуса на всем протяжении античности (загляните в TLG); во-вторых, я не дополнял его «уверенно», цитирую для точности: «Предположительно читаем тут слово δ̣[οι]οί». Статья оппонентов уснащена подобными неточностями в передаче моего текста. К примеру, тут они приписали мне поворот черепка на 90°, но это их же правильная идея, воплощенная в чтении μοί. Критики разъясняют мне (с. 248), что Н. И. Винокуровым написан археологический раздел, – спасибо, как раз об этом я и писал; что же до того, будто он «как человек и исследователь, очевидно, с точки зрения В. П. Яйленко, ничего не понимающий в эпиграфике, счастливо избежал данной участи (однако оказался «замаранным» тем, что связался с дилетантами»), то это, во-первых,

[27] Оппоненты предложили еще один вариант: [--θε]οί, но он плох тем, что оставляет без понимания дельту у скола. В конечном счете они пришли к чтению [..]οι.

неэтичная попытка присоединить к своему провалу и Н. И. Винокурова, во-вторых, целиком противоречит реальности, поскольку в моей статье о его разделе только положительные отзывы [2017, с. 472]: «Статью открывает краткое, но содержательное археологическое введение, автор его Н. И. Винокуров, много лет успешно ведущий раскопки памятника», то же и о его публикации эпитафии [Ib., с. 477]: «как археолог, не мудрствуя лукаво, он правильно передал текст, написанный на камне».

На с. 255–260 А. В. Белоусов отстаивает свое понимание граффито № 2 и опровергает мою критику. В статье 2014 г. он дал чтение С. Р. Тохтасьева: ληκάσα(ς) μοῦ Δ|ο{δο}λης, с переводом «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Издатель счел это чтение оптимальным и согласился с Тохтасьевым, что Δ в конце стк. 1 и О в начале стк. 2 составляют начало имени Долеса, а следующие буквы δο стк. 2 уже диттография (признав это, Белоусов приложил тогда на всякий случай и свое чтение: ληκάσα(ς) μοῦ δ᾽ | ὁ Δόλης, но в 2018 г. вовсе отказался от него). Я в 2017 г. отметил эпиграфические и филологические ошибки такого понимания надписи. 1) Нет нужды дополнять в глаголе ληκάω концевую *сигму* (ληκάσα(ς) издателя), поскольку у левого скола сохранились остатки округлого *эпсилона*, так что читается форма 1-го лица ἐλήκασα. 2) В следующем слове А. В. Белоусов не обратил внимания на две вертикальные черты, в которые вписан *омикрон*: |О|, они требуют разъяснения. Я объяснил это так: автор граффито собрался написать отрицание μή, но ввиду отсутствия глагола в последующем простейшем тексте грамотно написал простое отрицание οὐ; вписав кружок меж двух вертикалей, он убрал почти написанную *эту* прежнего отрицания μή, но, видимо, забыл зачеркнуть букву М. В результате я дал такой текст: ἐλήκασα, {μη} οὐδ᾽ | ὁ Δολης «я развратил, а не этот Долес». Для отстаивания своего прочтения А. В. Белоусов в статье 2018 г. пошел на изменение прориси, указав, что С. Ю. Сапрыкин сделал ее по фотографии. На новой прориси А. В. Белоусов убрал остатки буквы Є и вертикали при |О|, объявив остатки Є изъянами фото, а в вертикалях узрел потертости на поверхности черепка. Отсюда, во-первых, следует вообще поразительное для статьи 2014 г. обстоятельство: издатели не видели подлинника, но не написали ни об этом, ни о том, что прориси сделаны по фото. И они еще возмущаются в ответе мне, что я оценил их эпиграфическую работу как малограмотную! Я еще недоумевал раньше: на фото оба χαίριν надписи № 1 упираются в алфавитный ряд (это и заставило автора записи написать второе χαίριν с новой строки, также [... Ἀπ]ᾰτουρος), а на прориси между всеми этими словами, написанными в три строки, и алфавитным рядом много свободного пространства. При этом на новой прориси 2018 г. это свободное пространство фигурирует по-прежнему. Таким образом, прориси С. Ю. Сапрыкина действительно плохи – и старая и новая; однако не в тех отношениях, которые понадобились А. В. Белоусову. Здесь я специально прилагаю два фото надписи № 2: на рис. 2а вполне заметны остатки Є (нижняя треть ободка и половина язычка), на рис. 2б при О хорошо видны обе вертикали: |О|. Вертикали

при О хорошо видны на всех фото, присланных мне Н. И. Винокуровым, поэтому их наличие не подлежит спору, а тем самым и мое чтение {μῃ} οὐδ᾽.[28]

Отдельный разговор о букве Є. На с. 255 А. В. Белоусов пишет, что просмотр полусотни фотографий не показал наличия ее следов. Не видя подлинника, не могу настаивать на остатках Є, поскольку полсотни фотографий – впечатляющая цифра. Поэтому до осмотра черепка Белоусовым или другими специалистами отправляю свое чтение ἐλήκασα в запас, поскольку возможно то же объяснение формы ΛΗΚΑΣΑ в качестве ληκάσα – 1-го лица аориста глагола ληκάω, но без приращения. Важно отметить, что оно не требует дополнения в отличие от ληκάσα(ς) А. В. Белоусова. Так как надпись I в. н. э., следует учитывать морфологические процессы, проходившие в языке классического, эллинистического и особенно римского времени. Образование аориста от ληκάω могло пойти по типу глаголов, удерживающих конечную краткую гласную основы (как γελάω, κλάω, σπάω и др.), поскольку в указанное время отсутствие удлинения краткого гласного перед характером времени в аористе было распространенной тенденцией. Отсюда, к примеру, уже у Платона в диалоге «Критий» (116e) ἔστασαν при нормативном ἔστησαν [Kühner, Blass, 1892, S. 22]; сюда папирусные формы типа συνηργάσατο – ἀπηργήσατο; также употребительная в источниках мена -ησα / -εσα, например, нормативная форма ἐπόνησα (Платон и др.), но в Септуагинте, у Филона Механика и др. ἐπόνεσα, также πονήσασιν рукописей R, O, E Иосифа Флавия (Antiqu. VIII, 14) и πονέσασιν рукописей M, S, P [Crönert, 1903, p. 203, 224-225]. С другой стороны, утрата в языке поздней прозы приращения – часть тенденции, активно проявлявшейся в эпическом языке по метрической необходимости, под ее влиянием в аттической драме и прозе классического и последующего времени [Kühner, Blass, 1892, S. 16 f.], настолько усиливавшаяся в Средневековье, что стала нормой части аористных форм в литературном новогреческом языке. Ср., к примеру, у Фукидида (II, 68) ἑλληνίσθησαν вместо ἡλ- [Ib., S. 21], аорист с приращением διηύσασεν и без него διεύγησεν в одном и том же папирусе [Crönert, 1903, p. 205]. Есть также аористные формы без аугмента и без приращения перед характером времени: например, ἐνεχύρασεν – аористная форма от ἐνεχυράζω в папирусе III в. до н. э. из собрания Петри, παρακαλέσαμεν в тебтюнисском папирусе 117 г. до н. э. [Mayser, 1906, S. 333, 361]. Изложенные обстоятельства и примеры дают основания видеть в ληκάσα артезианского граффито аористную форму глагола ληκάω без аугмента ἐ-.

[28] Отрицая мое чтение, А. В. Белоусов прибегнул и к лексической аргументации [2018, с. 256]: «οὐδέ «и не» в греческом языке в такой позиции и без парного, предшествующего или последующего οὐδέ вряд ли возможно, а перевод артикля указательным местоимением свойствен опять же, скорее, эпическому языку, нежели боспорскому юноше на окраине обитаемой вселенной». В общем, справедливые, эти доводы для конкретного случая мало доказательны, мне достаточно апелляции к авторам словаря LSJ. По поводу «вряд ли возможного» без пары οὐδέ: в статье об οὐδέ как союзе они отметили, что «иногда» он употребляется и без предшествующего отрицания, с примерами из поэтического языка и прозаического, например у Геродота (I, 97). Что до перевода артикля указательным местоимением, свойственным, скорее, эпическому языку, то и тут авторы словаря указывают на Геродота, у которого это обычный узус (LSJ, s. v. ὁ, ἡ, τό, A, initium).

Само собой резервируется и простейшее объяснение формы ληκάσα неграмотностью школяра.

В статье 2018 г. А. В. Белоусов отметил, что ему уже нет «самой необходимости настаивать в нашем граффито на глаголе ληκάω. Здесь может быть просто part. aor. act. глагола λαικάζω: λαικάσας с ошибочным написанием -αι через -η»; примеры написания η, ε вместо αι и наоборот, αι вместо η, ε известны боспорской эпиграфике (следует ссылка на 13 боспорских надписей). Однако это неточная картина, так как ε тут вообще ни при чем, А. В. Белоусов добавил его вынужденно, ибо без него дело обстоит иначе: есть всего 2 случая написания η вместо αι – один от III в. н. э., другой от IV–V вв. н. э. [Доватур, 1965, с. 802, § 6-3], так что усмотреть такое замещение в надписи I в. н. э. затруднительно. Итак, читаем в артезианском граффито ληκάσα «я развратил», – тот же смысл, что и при прежнем чтении ἐλήκασα.

Обе стороны уделили большое внимание выяснению смысла глаголов ληκάω и λαικάζω. В статье 2017 г. я отметил, что перевод А. В. Белоусовым его ληκάσα(ς) как fellavit (т. е. «отсосал») искажает смысл надписи, апеллировав к словарю LSJ (s. v. ληκάω), где дано его значение «блудить, развратничать» и сам глагол убедительно возведен к существительному ληκώ «membrum virile» (с таким сближением согласны также П. Шантрен и др.). И слово λαικαστής А. В. Белоусов напрасно переводит как fellator «сосун», ибо ввиду отсутствия для этого сколько-нибудь доказательной текстами базы нет оснований изменять общепринятое значение сего слова λαικαστής «развратник», как, например, в том же нормативном словаре LSJ, s. v. : wencher. На точность обычного понимания ληκάω указывает, к примеру, глосса Свиды, который дал к фразе Аристофана (Thesm. 493), вложенной в женские уста – ληκώμεθα τὴν νύχθ’ «ночь напролет предаемся блуду» – пояснение: ληκώμεθα· κινώμεθα. А у глагола κινέω «двигать, толкать вперед», употребленном при слове γυναῖκα (примеры: LSJ, s.v. κινέω II, 4), определенное значение – «иметь» в сексуальном смысле. По существу, об этом же свидетельствует и глосса Гесихия: ληκᾶσθαι· περαίνεσθαι, в свете которого ληκώμεθα τὴν νύχθ’ означает: «ночь напролет в нас проникает» (вариант «кончает») известный мужской предмет.[29]

Однако, по мнению А. В. Белоусова [2018, с. 256], такими данными я ввожу читателя в заблуждение относительно истинного значения слов ληκάω, λαικάζω, и далее на 5 страницах он подробно излагает наблюдения нескольких специалистов, что значение сих глаголов «сосать». Его экскурс интересен, он собрал все, чем оперируют адепты такой точки зрения (и я далее использую из его подборки несколько свидетельств), но ни один пример не обладает доказательностью, потому что нет ни одного античного или византийского текста, из которого определенно следовало бы такое значение сих глаголов. Поэтому Белоусов [2018, с. 257] вынужденно прибегает

[29] Слово περαίνω «проникать», «кончать» и др. употребляется с этими значениями также в обсценном смысле, в том числе в пассивной форме – LSJ, s. v. II с примерами: Diog. Laert. II, 127 (приписано философу IV в. до н. э. Менедему); Anth. Graeca, II, 339.

к декларативному способу аргументации: «Эти глаголы чаще всего встречаются в комическом языке Аристофана (см. Aristoph. Equ. 167; Thesm. 57; 493; Acharn. 79: λαικαστής – fellātor), в основном применительно к женщинам – распутницам и проституткам (λαικάστρια – fellātrix: Aristoph. Acharn. 529; 537». Тут он дает переводы fellātor и fellātrix как безусловно следующие из текстов Аристофана, тогда как это вовсе не так и само требует доказательства, поскольку **все** византийские лексикографы дружно указывают на совсем иное значение – πόρνος «развратник, блудник», πόρνη «развратница, блудница» (об этом скажем далее). Позаимствовал он сей непродуктивный способ аргументации из заметки А. Хаусмэна 1931 г. (цитату из нее даю по А. В. Белоусову): значение глагола λαικάζω irrumari («совать в рот») да fellare («сосать») у комика IV–III вв. до н. э. Стратона «(Phoen. , fr. 1, 36 = Athenaeus, 383a) οὐχὶ λαικάσει; Mart. XI, 58, 12 'λαικάζειν ...dicet avaritiae' (quod Catulli avaritiae dixerat Memmius), neque aliter Martialis IlI, 83, 2 'fac mihi quod Chione', parietes Pompeiani 'mentulam linge, oblinge, elinges'». Поскольку ни один из приведенных Хаусмэном контекстов не содержит определенного указания на «сосульки» (в помпеянских граффити нет λαικάζω), и так как он только декларирует их, прямой задачей А. В. Белоусова было рассмотрение текстов Стратона и Марциала. Обратимся для примера к цитате Афинея из Стратона, в которой наряду с прочим обыгрываются разные значения слова πηγός «крепкий», «крепко соединенный», «осадок = соль»: ... πηγὸς πάρεστι; πηγός οὐχὶ λαικάσει· ἐρεῖς σαφέστερον ... ἅλας φέρε, τοῦτ' ἔστι πηγός. Интересующее нас выражение πηγός οὐχὶ λαικάσει допускает разные толкования. Вот перевод цитаты из «Дейпнософистов» Афинея Д. Янгом (D. Yuonge, 1854): «"Is there no sediment of the sea at hand?" "Sediment Speak plain; do tell me what you want in words I understand." "Old man," says he, "You are most wondrous dull; have you no salt? That's sediment, and that you ought to know"». Автор нового перевода Ч. Галик понял λαικάσει как «сходить в публичный дом» (Ch. B. Gulick, 1930): «"Have you any precipitate? Precipitate! Get you into a bagnio, won't you, and speak out more plainly what you want to say me"». Авторы словаря LSJ дали перифрастическое понимание выражения οὐχὶ λαικάσει у Стратона (s. v. λαικάζω): «вульгарная форма отвращения». По А. Хаусмэну, видимо, коль речь идет о соли, смысл λαικάσει может заключаться в том, что ее можно взять в рот. Я положу в основу своего перевода указание словаря LSJ, что πηγός как субстантивированное существительное означает «соль», а тут у Стратона mock, т.е. «насмешка»; понятно, что по связи с «солью» подразумевается «соленая шутка / насмешка»: «осадок наличествует? соленая шутка не будет развратной, поразмысли здраво ... скажи-ка «соль», – вот что такое πηγός».

Как видно, контекст Стратона разнопланов, понимание его неоднозначно, так что А. Хаусмэн напрасно приплел сюда mentulam linge помпеянских нескромных граффити, все изложенное им – лишь его субъективная точка зрения. А. В. Белоусов некритически воспринял это мнение, расхожее у нескольких филологов второй половины XX в., которые занимались обсценной лексикой (Д. Джоселин, Д. Бэйн и др.). Восходит оно к высказанной вскользь, в примечании, догадке В. Хереуса

довоенного времени, и поскольку определенных данных о таком значении нет, она субъективна.[30] Например, Р. Сигер пытался усмотреть «сосущий» смысл ληκώ в ст. 493-494 «Женщин на празднике Тесмофорий» Аристофана, но по Д. Бэйну, такая интерпретация не обязательна [Bain, 1991, p. 71]. Ровно это же можно сказать относительно утверждения самого Бэйна [Ib., p. 74-75], что из наличия в двух поздних наговорах из Египта подряд глаголов βινῶ, πυγίζω, λαικάζω (тексты их А.В. Белоусов тоже привел) вытекает специфическое значение последнего «сосать». По Белоусову, эти наговоры – «сильные эпиграфические свидетельства в пользу» понимания глагола λαικάζω как «сосать». Но давайте посмотрим, есть ли разница между двумя первыми глаголами. Если πυγίζω, образованное от πυγή «зад, задний проход», имеет вполне конкретное значение «яти в зад» мужчину ли, женщину, то βινῶ в контекстах с мужеложством имеет ровно то же значение, а в контексте естественной связи мужчины и женщины просто «яти».[31] Если βινῶ и πυγίζω употреблены тут в своем обычном значении «яти» (в том числе в зад), то почему λαικάζω должно иметь какой-то иной смысл? В магических наговорах да на амулетах как раз и принято долбить об одном и том же разными словами (καταδέω, κατορύσσω и пр.), ровно так и в упомянутых наговорах их составители оперируют глаголами βινῶ, πυγίζω, λαικάζω синонимичного содержания. Поэтому повторю: в немалом ряду контекстов с ληκάω, λαικάζω и производными словами нет ни одного случая, определенно указывающего на «сосульки». Вот если б имелась связь λαικάζω с λείχω «лизать», тогда можно было думать о значении первого fello «сосу», но таковой нет, поскольку у λείχω лишь две ступени вокализации – с *e* (λειχήν и др.) да нулевая (λιχανός и пр.) [Chantraine, 1974, p. 629], а-ступени нет. По А. В. Белоусову [2018, с. 256-257], глагол ληκάω «синонимичен глаголам λαικάζω и λείχω» настолько, что «наиболее заметным примером с территории Северного Причерноморья следует признать граффито из Херсонеса – Solomonik, 1978: № 737: «Εὔμη[λος vel Εὐμελὶς] / τὰν ψ[ωλὰν] / λείχ[ει]»». Но λείχω он зачислил в эту компанию напрасно: конечно, в граффито из Херсонеса оно употреблено в своем прямом значении «лизать», но как показано, ληκάω да λαικάζω этимологически и семантически не связаны с ним.

Напротив, имеющиеся глоссы лексикографов определенно указывают нам традиционно понимаемое значение ληκάω, λαικάζω «блудить, развратничать, яти», λαικαστής «развратник, блудник, ё...арь». К упомянутой выше глоссе Свиды к Thesm. 493 Аристофана добавим его же комментарий к ст. 79 «Ахарнян» Аристофана. Тут

[30] Повод для догадки В. Хереуса о «сосании» дала строка Марциала (XI, 58), в которой упоминается mentula (т. е. membrum virile), но λαικάζειν восстановлено по «λαιτκζin» кодекса.

[31] В третьем наговоре вместо βινῶ стоит μίγνυμι «совокупляться», употреблявшееся равно как для естественного соития мужчины с женщиной, так и для гомосексуального (последнее в граффито афинской Агоры Ἐγέστρατος μοὶ μίσγη «Гегестрат совокупляется со мной» [Lang, 1976, p. 13, № C 8]). Форма μίσγω (от глагола μείγνυμι «смешивать» etc.) употребляется в настоящем времени да имперфекте (LSJ, s. v., initio: Гомер, Геродот), поэтому в данной надписи V в. до н. э. η = ει, что в ионийско-аттическом языке обычно [Thumb, Scherer, 1959, S. 308].

посол похваляется: мы считаем мужчинами тех, «которые могут много есть и пить», на что аттический крестьянин Дикеополь ответствует: «а мы считаем *мужчинами* блудников да педерастов» (λαικαστάς τε καὶ καταπύγονας). Свида так разъяснил значение первого слова: λαικαστὰς δὲ τοὺς πόρνους (acc. pl.), т. е. «λαικαστὰς – то же, что «развратников / блудников» (πόρνος означает «развратник, блудник, мальчик-педераст»). И далее Свида указывает на значение того же слова женского рода: καὶ λαικάστρια ἡ πόρνη «и λαικάστρια *означает* «развратница / блудница». Значение πόρνος, πόρνη вкладывают в рассматриваемые слова также Гесихий, Зонара, Евстафий, Etymologicum Symeonis; А. В. Белоусов привел эти данные, но обходит их ссылками на мораль, которая запрещала-де византийским лексикографам, а в Новое время Ф. Пассову, Г. Дж. Лидделю и прочим лексикографам давать точные обсценные значения рассматриваемых слов; лишь в XX в. лексикография преодолела запреты. Такая генерализация справедлива лишь в самом общем смысле, но в отношении конкретных слов неточна ввиду бесчисленных случаев, когда тот же Лиддель со товарищи или И. Х. Дворецкий передавали точные значения нескромных греческих слов латинскими эквивалентами или вовсе не передавали, когда обычное значение и обсценное словесно идентичны, либо давали перифрастические эквиваленты.[32] Что до византийских лексикографов (Свида, Гесихий и пр.), то они составляли свои словари для носителей греческого языка и потому обходились в случаях с обсценной лексикой понятными для современников эквивалентами. Например, в упомянутых глоссах Свида вполне мог пояснить ληκώμεθα Аристофана соответствующими формами μυζώμεθα, ἐκμυζώμεθα (μύζω, μυζάω, μυζέω «сосать») и прочими, если бы имел в виду значение «сосать, брать в рот», но он дал κινώμεθα, а это не имеет никакого отношения к «сосулькам» В. Хереуса да его англоязычных последователей. Наконец, если верна этимология Ю. Покорного – П. Шантрена о связи λαικάζω, ληκάω с латышским lēkát «подпрыгивать», литовским lékti «лететь» (при глоссе Гесихия ληκᾶν· τὸ πρὸς ᾠδὴν ὀρχεῖσθαι «с пением приплясывать») [Chantraine, 1974, p. 636], то и в этом случае ввиду принадлежности сюда также базисного для указанных глаголов слова ληκώ «membrum virile» они означают ровно то, на что указывал Свида (ληκώμεθα· κινώμεθα) своим κινέω «двигать членом», Гесихий своим περαίνεσθαι «подвергнуться проникновению» (о влагалище), Фотий (о ληκῆσαι комика V в. до н. э. Ферекрата) своим указанием: «παῖσαι• καὶ ἐπὶ τοῦ πλησιάσαι τίθεται «трахать

[32] А. В. Белоусов иронизирует над моей ссылкой на значение wencher в LSJ : для Яйленко сей словарь – истина в последней инстанции, а он безнадежно старый: первое издание 1843 г., в основе его словарь Пассова 1819 г. Однако он сам прекрасно знает, что словарь LSJ вовсе не устарел, ибо британские лексикографы подновили его двумя Supplements, и нет другого подобного, так что это надежный путеводитель по древнегреческой лексике. У меня это настольная книга с 1970 г., когда добрейший А. Дж. Грэхэм прислал мне репринт 1968 г. Живя в Оксфорде, я отправился на другой конец города, чтобы повидать Christ Church College, в котором создавался сей великий словарь. Здесь Льюис Кэррол вдохновлялся маленькой Алисой Лиддель, для которой написал «Алису в Стране чудес». Благословенное место рядом с Темзой!

(= βινῆσαι), также употребляется в смысле «совокупиться». Общий смысл этих глосс – «яти» (женщину или мужчину), а не мифическое «сосать». [33]

Не только понимание смысла ληκάω А. В. Белоусовым ошибочно – таково и чтение надписи в целом да перевод – ληκάσα(ς) μοῦ Δ|ο{δο}λης «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!», поскольку они представляют собой синтаксический изъян. Его перевод не соответствует греческому тексту, который при его дополнении ληκάσα(ς) становится причастным оборотом и буквально означает «отсосавший моего (члена) Долес». А переводить причастие в личную форму глагола (qui fellavit А. В. Белоусова) можно лишь при наличии сказуемого, поскольку «отдельно стоящее причастие никогда не бывает сказуемым предложения, а всегда надо к нему дополнить глагол из предыдущего предложения», например, в диалогах [Нидерле, 1880, с. 233, § 338]. Ср. Plato, Pheidon, 60c: «Тут Кебет перебив (ὑπολαβών) его, сказал: клянусь Зевсом, Сократ, ты хорошо сделал, что напомнил мне»; здесь причастия ἐποίησας и ἀναμνήσας можно перевести в личную форму («сделал», «напомнил») лишь потому, что в предложении имеется сказуемое ἔφη «говорил / сказал». А без такого синтаксического контекста чтение А. В. Белоусова имеет только то самое буквальное значение «отсосавший моего (члена) Долес», вовсе не «Doles, qui fellavit». Напомню и о моем сомнении, что ληκάω требует родительного падежа (ληκάσα(ς) μοῦ Белоусова): определенных контекстов с его управлением нет, что указывает, пожалуй, на его непереходное значение «блудить, развратничать» (так и в моем чтении: ἐλήκασα, {μη} οὐδ᾽ | ὁ Δολης «я развратил, а не этот Долес»). Параллельный глагол λαικάζω переходный, т. е. требует винительного падежа, но не родительного. Поэтому чтение А. В. Белоусова μοῦ вряд ли правильно.

Теперь обратимся к разделу статьи 2018 г. о лапидарной эпитафии. Его автор С. Ю. Сапрыкин остался при своем прежнем чтении: Σωσ{τ}ίβι(ος) Διωνυσίου | καὶ ὑοὶ Δισακος | καὶ Παδαφοῦ(ς) | χαίρετε «Сос<т>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте». Изменения сравнительно с чтением 2014 г. минимальные: правильно ὑοὶ вместо прежнего υ<ι>οὶ (молчаливо исправлено вслед за мной), но ничем не оправдано дополнение Παδαφοῦ(ς) – вместо прежнего Παδαφου подлинника. Надпись не мячик, который можно пинать как угодно: текст подлинника надо сначала попытаться понять и только при наличии в нем необъяснимых проблем можно прибегать к исправлениям.

---

[33] Некий материал для размышления могло бы дать в числе прочего схолия к ст. 167 δήσεις, φυλάξεις, ἐν πριτανείῳ λαικάσει «Всадников» Аристофана. В ее контексте слуга сулит Колбаснику большую власть, в том числе цитированное, что нормативно переводится так: «повяжешь всех в тюрьму, сам будешь сторожить их, а в пританее предаваться блуду». Однако схолиаст дал иное толкование ἐν πριτανείῳ λαικάσει(ς): «нужно сказать σιτήσεις ἢ ἐν πριτανείῳ ἀριστήσεις – поесть, или позавтракать в пританее, в соответствии с тем, что имеет место в комедии». Если это правильная подсказка, то λαικάζω включало бы понятие «рта» – что-то вроде «открывать рот». Отсюда стало бы ясно, что λαικάζω и ληκάω одного происхождения с ληκέω, (позднеантичная форма λακέω) «издавать звук, кричать» по базовому значению «рот». Однако это требует специального исследования; что до схолиаста, то он мог толковатть слово в соответствии с исторической реалией (в пританей приглашали на завтрак важных людей), нежели с учетом комедийной лексики.

Мои замечания 2017 г. таковы. С. Ю. Сапрыкин принял чтение надписи С. Р. Тохтасьевым, а оно ошибочно почти по всем параметрам, начиная с его утверждения о неряшливом начертании надписи. Он насчитал 4 ошибки, на поверку все оказались надуманными (см. выше, § 1). И как раз единственное, что у Тохтасьева было верно – форма Σωσ{τ}ίβι вокативная, С. Ю. Сапрыкин дополнил вариантом с номинативом: Σωσ{τ}ίβι(ος), т. е. присочинил ничем не оправданное дополнение (ος), на котором настаивает и в 2018 г. Более того, теперь он распространил его и на другие имена в боспорских эпитафиях. По его мнению [2018, с. 261-262], формы имен типа Δημήτρι КБН 383 и др. имеют не звательный падеж, как считалось до сих пор (В.В. Шкорпил, В.В. Латышев, А.И. Доватур), а сокращенные номинативы, что встречается в надписях римского времени, т. е., по С. Ю. Сапрыкину, их следует дополнять: Ἀγαθοῦ(ς), Βοθύλι(ς), Δημήτρι(ος), Μαστοῦς, Μοκόσπατρι(ς) (КБН 282, 327, 383, 1076, 1109). Лишь за римскими именами Πόπλι, Κορνείλι, вероятно, Γαυδέντι он признает влияние латинского звательного падежа на -i. А как тогда понимать, к примеру, Γύναι КБН 1109, это ведь бесспорный вокатив имени на -ις (номинатив Γύναϊς) и другие подобные. Если учесть, что звательные формы на -ι в именах эпитафий вполне укладываются в их контекст, такие домыслы беспочвенны, тем более что придуманы они для снятия моего утверждения о смешении падежей в ряде боспорских эпитафий (КБН 282, 327, 356, 413 и мн. др.). Кстати, его предложение читать Βοθύλι(ος) Ὠνία в эпитафии КБН 1076 даже и забавно, поскольку тут читаются вовсе иные имена – Βοθυλίων Ἴα «Ботилион, сын Иаса» [Яйленко, 2010, с. 559]. Но С. Ю. Сапрыкин, зам. главреда ВДИ, игнорирует мою книгу 2010 г. «Тысячелетний Боспорский рейх», правда, по уважительной причине – вслед за начальством, главредом ВДИ, который разнес ее обложку в пух и прах: а начальству всегда видней! Что ж, Сапрыкин может и далее трудиться над залежалым товаром, которому как раз под стать его подновления имен окончаниями (ος). И он еще обижается, что я аттестовал его «мастером самодеятельной эпиграфики»! А двойная вивисекция им имени Σωστίβι эпитафии – Σωσ{τ}ίβι(ος) разве не самодеятельность? Просмотрев все описки в КБН, я заключил, что основная причина их появления контекст, наличие рядом таких же или подобных по написанию и произношению букв; иначе говоря, абсолютное большинство описок (в целом их немного) мотивировано. С буквой Т нашел лишь 2 проблемных примера: ΧΡΥΣΤΟΝ вместо ΧΡΥΣΙΟΝ (эпитафия КБН 417), что обусловлено наличием Т в следующем слове χαίρετε, которое резчик уже домысливал; в οἰκοδεσπο(τ)ίην эпитафии КБН 144 Т опущено перед I ввиду подобия букв. Но С. Ю. Сапрыкину очевидная мотивированность описок в боспорских надписях не указ: «Резчик просто добавил в него тау, очевидно, по ошибке или согласно нормам произношения в ту эпоху» [2018, с. 263]. Весь его текст на с. 263-264 отмечен недостаточным знанием затрагиваемых вопросов. Написание в артезианской эпитафии лишнего Т он аргументирует именем П<τ>ουδαγος из ольвийской надписи, удаление Т в котором С. Р. Тохтасьев объяснил явно иранским его происхождением, о чем-де

свидетельствует суф. -αγ-, тождественный иранскому суффиксу -aka. Излагая это, С. Ю. Сапрыкин демонстрирует незнание сути вопроса. Поскольку Тохтасьев не раз обращался к суффиксу -aka для доказательства якобы иранского происхождения ряда имен, я уже писал по этому поводу, что суф. -αγ-, -ακ- свойствен не только иранскому, но также греческому языку, индо-арийским, германским и другим, так что сам по себе он не может быть этноязыковым маркером, это прописная истина [Яйленко, 2009, с. 511, 512, 514 = 2010, с. 165, 167, 170]. Посему и Πτουδαγος нельзя считать иранским именем лишь по одному суффиксу -αγ-, так что удаление Т для возведения имени к иран. *puta- безосновательно, как не обязательно и членение Тохтасьевым его на П<τ>ουδ-αγος, ибо возможно также Πτου-δαγος (к такой формальной структуре ср. название города в Армении Πτοῦα с той же основой Πτου-), и лучше Πτουδ-αγος (ср. к такой структуре египетское имя Πτοῦτις с основой Πτοῦτι-, также название города в Испании Πτοῦκαι с основой Πτοῦκ-).[34] Ввиду изложенного апелляция С. Ю. Сапрыкина к излишнему написанию Т в П<τ>ουδαγος безосновательна и никак не поддерживает его удаление Т из Σωστίβι надписи.

Того же плана и возражение С. Ю. Сапрыкина против моей трактовки имени Παδαφους как малоазийского (основа παδ- неизвестного значения + детское словечко ἀφους): он вновь апеллирует к мнению Тохтасьева, который, по его словам [Сапрыкин, 2018, с. 264], «характеризуя иранские имена Πουδ-αν-ακος, П{τ}ουδ-αγου, Ποτ-ηγο(υ)ς, Φοδακος, Φοδηραγος, выделяет основу ποδ- (ποτ-), πουδ-, φοδ- и считает ее иранской: осет. fud (дигор. fud) – дурной, зло, беда < др. иран. *puta -`putidius, ср.-перс. pwtyn / Pud-ēn. Так что варварские имена на παδ-, ποδ- (ποτ-), πουδ- явно иранского происхождения». И снова С. Ю. Сапрыкину неизвестна моя критика этих упражнений Тохтасьева, данная в связи с именами Φοδηραγος, Σπαρο-φοτος, она длинна и повторять ее тут нет смысла [Яйленко, 2009, с. 510, 511 = 2010, с. 164]. Мою малоазийскую основу ἀφους С. Ю. Сапрыкин критикует указанием на мнение Х. Куберы, что личные имена с этим детским словечком распространены повсеместно, и заключает [2018, с. 264-265]: «эти имена утратили свой этнический характер и могли быть даны представителю любого этноса от грека до варвара. Поэтому строить на этой основе вывод, будто носитель такого имени был обязательно малоазийцем, неверно. Действительно, каким выходцем из Малой Азии мог быть селянин в Центральном Крыму, носивший подобное имя?». Тут, сам того не ведая, С. Ю. Сапрыкин констатировал то, что я подробно аргументировал, критикуя Тохтасьева, который счел детские имена в надписях Боспора малоазийскими. Я привел сотни древних и новых Lallnamen от Чукотки до Кельтики с основами at(t)-, tat(t)-, na(na)-, ana-, ma(ma)-, am-, ak(k)- (правда, без af(f)) в подтверждение очевидного вывода о повсеместной распространенности детских имен у самых разных народов и во все времена, так что на Боспоре они местные, а не малоазийские [Яйленко, 2009, с. 477–495 = 2010, с. 120–141]. А

[34] Эти названия городов упоминает Птолемей (Geogr. II, 4, 12, V, 13, 11).

имя Παδαφους артезианской надписи с детской основой af(f)- я счел малоазийским потому, что считал имя отца его Σωστίβις малоазийским.[35] Что же касается вопроса С. Ю. Сапрыкина «каким выходцем из Малой Азии мог быть селянин в Центральном Крыму, носивший подобное имя?», то ответ на него дает группа малоазийских имен из Фронтового в том же Восточном Крыму, по соседству с Артезианом, которая послужила мне аргументом для заключения о переселении малоазийцев сюда во II в. н. э. (известна их миграция в это время и на территорию Дакии) [Яйленко, 2010, с. 673–677]. В который уж раз Сапрыкина подводит игнорирование моих работ; мне-то все равно, а он раз за разом попадает впросак, не зная имеющихся в литературе материалов по тем вопросам, по которым высказывается.

Дальше – больше: С. Ю. Сапрыкин вторгается в совершенно неведомую ему филологию. Для аргументации своей мысли, что лишнее Т в имени Σωσ{τ}ίβι(ος) могло быть написано «согласно нормам произношения в ту эпоху», он обратился к вариациям с написанием Т в разного рода эпиграфических памятниках: в боспорских надписях несколько раз встречается постановка двойного σσ перед -τ (Ἀρισ{σ}τοκράτης и др.), «в оракуле из Кибиры находим консонант εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς», в надписи из Бахадинлара (тоже Малая Азия) засвидетельствовано τὴν σείλην вместо στείλην. И заключает: «Если это действительно так, то данный консонантизм можно объяснить постановкой двух этих букв в алфавите рядом либо восприятием -σ как -στ и наоборот. Поэтому -στ в имени Σωσ{τ}ίβι, вероятно, воспринималось как -σ, и тогда прав С. Р. Тохтасьев, что в данном случае мы встречаемся с искажением обычного для Боспора имени Сосибий». С. Ю. Сапрыкин явно не осознает, что все три примера не имеют никакого отношения к излишнему, по его мнению, Т в Σωσ{τ}ίβι, ибо нет в этом имени -σσ перед -τ (так что пример с Ἀρισ{σ}τοκράτης и подобными ни при чем), а в σείλην, хотя -στ- упрощено в -σ-, это Т не излишне написанное, что требовалось бы Сапрыкину, а напротив, опущено. Процитированное же его выражение «в оракуле из Кибиры находим консонант εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς» – шедевр и своим «консонантом εὐστοχῶς» (qu' est ceci?) и «εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς», – это ведь два наречия, правильно написанные и разные по значению да этимологии (в основе первого глагол εὐστοχέω «попадать прямо в цель, etc.», в основе второго εὐτυχέω «иметь успех, etc.»), так что στ в одном и τ в другом вообще ни о чем не говорит! Того же плана и его суждение о моем мнении, что основа σωσ- в имени Σωστίβι та же, что в малоазийских именах Σωσος и др. Он спрашивает: «Первой основой этого имени Яйленко считает малоазийское σωσ-, однако возникает вопрос – как объяснить появление данной основы в чисто эллинских именах Сосикрат, Сосагор, Сосандр, Сосарх, Сосий, Сосиген и т. п.?». Отвечаю: никак, ибо вопрос того же рода, что «в огороде бузина, а в Киеве дядька»:

[35] В статье 2017 г. я утверждал это уверенно, но С. Ю. Сапрыкин резонно заметил, что анатолийское имя Τίβειος, которое я усмотрел второй основой в Σωστίβιος, не фигурирует в числе двухосновных малоазийских имен. Поскольку все же имя Σωστίβιος уникально, в нем и можно видеть столь необычную позицию Τίβειος, но утверждать это теперь не могу, оставляю в качестве предположения.

с таким же успехом можно спросить и про египетские имена Σῶς, Σωσᾶς, Σῶστρις, мидийское Σώσαρμος, иудейские Σωσᾶς, Σωσάννη да прочие (источники [Pape, Benseler, 1884. S. 1473, 1476]). Не стану корить С. Ю. Сапрыкина за все это, поскольку антропонимика и в целом филология вне сферы его компетенции, но он сам должен осознавать это и воздерживаться от высказываний по вопросам такого рода во избежание подобных «перлов».[36]

Несколько строк он уделил датировке стелы с эпитафией, которая служила перекрытием могилы с заполнением I–II вв. н. э., вовсе не обратив внимания на мои аргументы [2017, с. 479]: по материалу заполнения I–II вв. н. э. более точной даты дать нельзя; однако в надписи есть уникальное для эпиграфики Северного Причерноморья лунарное *е* с сильно продвинутой вперед горизонталью сверху, которое впервые появляется в папирусе 88 г. н. э., следовательно, эпитафия не старше конца I в. н. э., а наличие в заполнении материала II в. указывает и на это время.[37] Сапрыкин же остался при своем мнении: «Поскольку поселение Артезиан погибло в пожаре в 40-х годах н. э., а могила, перекрытая плитой, относится к следующему этапу в жизни укрепления, то это позволяет продатировать надгробие временем около второй четверти – середины I в. н. э.». Однако ориентации на период истории городища до пожара в середине I в. н. э. противоречит указанная форма *є*, так что, повторю, стела поставлена не ранее конца I в. н. э., где-то в пределах II в. За столетие некрополь вполне мог пройти две фазы существования, потому стела и была использована дважды. Итак, дата эпитафии конец I в. – II в. н. э.

В заключение несколько слов о личностном, поскольку оппоненты уделили моей

---

[36] Несколько слов по поводу двух граффити. Граффито Толстой, 1953, № 240 с буквами ΓΔEZ С. Ю. Сапрыкин вслед за издателем понял как магическое. Я определил его как ученическое упражнение, поскольку тут нет никаких дополнительных указаний на магию – знаков, символов, монограмм и прочего. Признав, что на магических черепках присутствуют разные знаки, рисунки и др., С. Ю. Сапрыкин, тем не менее, оспаривает это, сославшись на то, что имеются исключения [2018, с. 249]. Исполать ему, коль желает полагаться на исключения, но убедительность такой позиции минимальна. Далее, граффито из Тиры [...]ος καλός я понял как «имярек молодец!», поскольку ¾ надписей с καλός построены по формуле «имя+ καλός». Это вызвало у С. Ю. Сапрыкина вопросы [с. 250]: «во-первых, у нас нет аналогий этому восхвалению, как и доказательств, что это оценка упражнения учителем. Во-вторых, основное значение прилагательного καλός – красивый, прекрасный, прелестный, изящный, славный, благородный, счастливый и т. п., т. е. относится к характеристике человека, его физического и духовно-нравственного состояния. Однако, согласно трактовке В. П. Яйленко, καλός является оценкой действия ученика». Суть возражений – в отсутствии аналогий, но я-то привел пример, который он проигнорировал, поэтому повторю его: «Ему аналогично и другое граффито VI в. из Тиры, в котором ученик правильно написал ретроградно первые буквы алфавита А, В, Г и под ними тоже похвалил себя: [κα]λός [Avakian, 1931, p. 113, № 29; Яйленко, 1988, с. 60, прим. 17, № 13 + рис. № 13 на с. 55]». Что до значений слова καλός «красивый, прекрасный» и пр., то С. Ю. Сапрыкин выписал их из словаря И. Х. Дворецкого, а там есть и значение «отличный»; в превосходном гимназическом словаре А. Д. Вейсмана (СПб. 1899, с. 658) наряду со значением «красивый» и др. указано также: «вообще хороший... способный». Коль в школьном граффито из Тиры ученик при своем имени написал καλός, то значение «отличный», «вообще хороший... способный» вполне можно передать и словом «молодец». Ведь нюансы перевода – дело вкуса.

[37] В статье слово «конец» выпало из текста, видимо, потому, что оно последнее на с. 479.

такой-сякой персоне две начальные страницы [2018, с. 247-248], обиженные тем, что в моей «статье содержится ряд нелицеприятных высказываний по адресу авторов публикации».[38] Мои речения действительно «нелицеприятные», но может критики дали образец академического тона полемики? Вот их отзывы обо мне там же: «привычные для В. П. Яйленко язвительные высказывания», «свойственное <Яйленко> высокомерие», его же «высший полет эпиграфической фантазии», у них «сразу же возникает вопрос о недобросовестности работы исследователя» (моей то бишь). Как видно, язык полемики одинаков у обеих сторон, так что обижаться не на что: серьезная полемика – это мужской разговор, а не щебет кисейных барышень. Из цитированных высказываний оппонентов остановлюсь на одном – обвинении в «недобросовестности», по существу, едва ли не в плагиате [с. 249]: «На стр. 472 В. П. Яйленко подробно рассуждает о том, что граффито на внешней стороне остракона (№ 1) является ученическим упражнением. Об этом же очень обстоятельно говорит и С. Ю. Сапрыкин, который определил имя ученика, нацарапавшего граффито, как Салас. В. П. Яйленко почему-то этого не замечает и, не ссылаясь на статью, которую критикует, приписывает все это себе, подавая как собственное «открытие». При этом он использует те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин. Сразу же возникает вопрос о недобросовестности работы исследователя, по обыкновению обвиняющего в этом же других своих коллег». Увы, мои критики или непонятливы, или намеренно гонят пургу. В абзаце на с. 472 я пишу о том обстоятельстве, на которое издатели не обратили должного внимания – что школяры могут сопровождать собственные упражнения своим именем! Цитирую: «Школьные упражнения на написание алфавита порой сопровождаются указанием имени ученика». Издатели не указали примеров этому, а я далее привожу параллели, в этом и состоит суть моего текста на с. 472. Теперь проверим, насколько соответствует истине их утверждение, будто я «использую те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин». Вот его [2014, с. 143] и мои [2017, с. 472] ссылки на опубликованные мною и отчасти И. И. Толстым ученические упражнения. *Ссылки С. Ю. Сапрыкина:* Толстой, 1953, № 59, 240; Яйленко, 1980, № 102, 104, 105; Яйленко, 1982, с. 305, № 180, с. 306, № 181; Яйленко, 1988, № 8, 20. *Мои ссылки:* Толстой, 1953, № 240; Яйленко, 1982, с. 233, 306-307, № 182; Яйленко, 1988, № 1, 20. Итого лишь две общие ссылки: Толстой, № 240 и Яйленко, 1988, № 20. При таком реальном соотношении утверждение, что я «использую те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин», мягко говоря, не соответствует действительности, ибо нельзя заподозрить сих зрелых мужей в неумении считать. Не для того ли сие присочинено, чтобы предъявить мне обвинение в «недобросовестности работы», по существу, в плагиате? Уж не слишком ли высокого о себе мнения оппоненты, коль допускают, что я могу позаимствовать хоть грошик из их копилки?

[38] Раздел А. В. Белоусова о надписи № 2 написан по-деловому, по существу и без той мелочовки да экивоков личностного характера, которыми отличается раздел о надписи № 1, написанный, по всей вероятности, С. Ю. Сапрыкиным.

Тем не менее, завершу обзор их статьи 2018 г. благожелательным отзывом об их трудах в целом. Хорошо, что они занимаются эпиграфикой, ибо материала много, специалистов мало. А.В. Белоусов, несомненно, грамотный филолог-классик, но одного этого для профессионального занятия эпиграфикой недостаточно. Она у него кабинетная, а такая филология дает лишь повод для игры ума и воображения; даже такой крупный кабинетный филолог, как И. И. Толстой, лишь наполовину справился с эрмитажными граффити (см. далее заметку II). С.Ю. Сапрыкин хороший историк, но у него нет необходимой филологической базы; его занятия эпиграфикой тоже кабинетные по существу. Между тем эпиграфика – вспомогательная историческая дисциплина; подобно другим таковым же – нумизматике, археологии и прочим, она требует непосредственной работы с массовым лапидарным и керамическим материалом. Лишь переворотив своими руками сотни камней с надписями, подержав в них сотни черепков с граффити да обдумав увиденное, обретаешь профессиональные навыки работы эпиграфиста. Как профессиональный эпиграфист с полувековым стажем и на пороге финиша я заинтересован в том, чтобы А. В. Белоусов и С.Ю. Сапрыкин занимались эпиграфикой, ибо, повторюсь, специалистов совсем мало, а первый – хороший филолог, второй – хороший историк. Хочу думать, что они правильно воспримут мою критику – это не личностные нападки (с А. В. Белоусовым я даже не знаком), а стремление исправить недостатки в общем эпиграфическом хозяйстве.

4. Интерпретация рельефа на надгробной стеле Состибия

Треть статьи 2014 г. уделена рельефу надгробной стелы с эпитафией, автор С. Ю. Сапрыкин [2014, с. 151–159]. Рельеф двухъярусный: вверху Падафус и Дисак изображены как всадники, обращенные друг к другу, внизу Состибий, тоже всадник, обращен к сидящей в высоком кресле женщине (рис. 3). Описав рельеф, автор отметил крупный размер женской фигуры (ее он поначалу назвал «богиней» в кавычках и тут же без кавычек), чем подчеркнуто ее главенство в изображенной сцене: «Таким иконографическим приемом мастер подчеркнул доминирующее значение «богини» над фигурами всадника и служанки. Это должно было внушить зрителю, что ее функции как богини подземного мира и покровительницы душ умерших являются главными во всем сюжете рельефа». Автор привел ряд аналогичных изображений на боспорских надгробиях I–II вв. н. э. – КБН 438, 502, 906, 1025, также найденную в 1980-х годах в Горгиппии стелу Таллона и опубликованный А. П. Ивановой в 1951 г. обломок стелы. Как раз ее выводы [Иванова, 1951, с. 30–32] С. Ю. Сапрыкин положил в основу своего понимания существа артезианского рельефа: «А. П. Иванова совершенно справедливо отмечала, что в тех случаях, когда на рельефе изображена сцена со всадником, стоящим перед сидящей женщиной, и сохранилось только женское имя, то мы вправе считать эту женщину обожествленной умершей или умершей в образе бессмертной богини. Тогда всадника следует воспринимать как ранее умершего родственника этой женщины, а всю сцену – как отношение живого к героизированному умершему.

Через приобщение женщины к героизированному или обожествленному всаднику она сама становится как бы обожествленной и соответственно бессмертной, так как всадник – ее героизированный родственник – уже ранее стал бессмертным. А в тех случаях, когда на рельефе вырезано только мужское имя, то в изображении всадника надо усматривать изображение героизированного умершего, который приобщается к бессмертию богиней посредством вкушения напитка бессмертия, который она дает ему сама (если держит гранат или чашу в руке) или который ему протягивают ее слуги. Не исключено, что в этом случае в сцене со всадником, стоящим перед женщиной, фигурирует ранее почившая жена героизированного умершего в образе бессмертной богини». Эти выводы, продолжает С. Ю. Сапрыкин, получают подтверждение в изображениях аналогичных сцен росписи керченского склепа Анфестерия, на серебряном ритоне из кургана Мерджан, на войлочном ковре из Пазырыка.[39] «В этих сценах сидящая женщина – Богиня Всего Сущего и производительных сил природы с хтоническими чертами, дарующая бессмертие подъезжающему к ней всаднику. Благодаря приобщению к богине или через ее адорацию он становится бессмертным героем или даже божеством, получая образ конного бога в зависимости от пантеона божеств, который был популярен в той или иной среде. . . На боспорских рельефах в образе сидящей женщины, очевидно, представлена Богиня Всего Сущего – Властительница в образе царицы подземного мира Персефоны, о чем свидетельствуют плод граната и чаша с божественным напитком бессмертия. Плод граната был непременным символом богини подземного мира и умерших и воплощал бессмертие души, как, впрочем, и сосуд с жертвенным вином или напитком бессмертия, который она держит в руках или который подают сопровождающие ее слуги-адоранты». Возвращаясь непосредственно к артезианскому рельефу, он заключает, что в верхнем регистре с двумя всадниками изображены Падафус и Дисак, в нижнем – их отец Сосибий. «Отец семейства – Сосибий и два его сына, очевидно, пали в бою, поэтому в сознании соплеменников они были героизированы в облике всадников. Это вполне соответствовало сакральным представлениям греков и варваров, связанных с хтоническими культами и созданными на их основе мифологическими образами коней и всадников». Приобщена литература по затронутой проблематике: наряду со статьей А. П. Ивановой это известные работы М. И. Артамонова (1961), С. С. Бессоновой (1983), В. Д. Блаватского (1974), Н. Н. Бритовой (1948), Н. И. Винокурова (2002).[40]

---

[39] Тут С. Ю. Сапрыкин выразился неточно: не выводы Ивановой получают подтверждение в названных памятниках, а мерджанский ритон и пр. послужили ей основой для тех выводов.

[40] Добавим новую литературу по этой проблематике, отсутствующую у С. Ю. Сапрыкина: С.А. Яценко. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995, № 3, с. 188–194. В.С. Ольховский. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. М. 1999, с. 114–136. А.В. Вертиенко «Кто впереди колесницею правит…» – к значению сюжета на рельефе из Трехбратнего кургана // БФ. 2013, с. 443–449. Д.А. Король. Мотив «всадника» и «встречающей богини» на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья // Структурно-семиотические

Коротко говоря, в оценке существа артезианского рельефа С. Ю. Сапрыкин пошел по проторенной дороге, частично восходящей еще к идеям М. И. Ростовцева о героизации всадника в названных скифских памятниках, предназначеннных для наделения покойника бессмертным существованием. А.П. Иванова, как искусствовед, обращала внимание в своих процитированных выше заключениях главным образом на изобразительную систему рельефов со всадником и сидящей в кресле женщиной, к надписям при данной сцене она апеллировала мимоходом. Между тем, на мой взгляд, нет оснований трактовать сцены подобного рода на боспорских надгробиях в том же ключе, что и близкие им в той или иной мере по содержанию изображения на скифских курганных вещах, а также в склепе Анфестерия того же рода. Это вполне осознавала и сама А. П. Иванова, так что С. Ю. Сапрыкин напрасно проигнорировал ее важную для существа дела оговорку: «Мы не считаем возможным настаивать категорически на толковании женской фигуры верхнего рельефа как богини» [Иванова, 1951, с. 33]. Суть вопроса состоит в том, что почти все боспорские рельефы подобного рода находятся на стелах с эпитафиями, и они, эти эпитафии, придают вовсе иной содержательный контекст изображениям. Всего таковых стел 18, и это достаточно репрезентативная подборка для уверенной трактовки содержания данной иконографической сцены: КБН 352, 413, 414, 438, 478, 502, 524, 578, 689, 893, 906, 908, 930, 932, 1025, 1032, 1085,[41] также стела Таллона из Горгиппии. Все эти памятники датируются по характеру письма I–II вв. н. э., данная иконографическая схема исключительно боспорская по происхождению и узусу. Конечно, боспорское происхождение само по себе предполагает, что на ее содержание отчасти повлияли погребальные представления кочевнического мира, который составлял значительную часть населения Боспора, играл важную роль в его политической организации и который оказывал влияние на самые разные сферы культуры тамошнего населения. Но только отчасти: когда в первой половине I в. н. э. сложился данный иконографический тип на боспорских эпиграфных стелах, он отражал погребальные воззрения исключительно оседлого населения, на что указывает обнаружение стел такого рода лишь в городах да на поселениях, в степи таковых нет.

Говоря в самом общем виде, надписи показывают, кто именно изображен на рельефах, их трафаретное содержание сводится к формуле «*имярек, сын (жена)*

исследования в археологии. Т. 2. Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий национальный институт. Донецк, 2005. Т. 2, с. 331–344. О. В. Галут. Всадник, предстоящий богине в боспорском искусстве: происхождение и символика образа (электронный ресурс: academia.edu/14919875/Галут); то же в кн. В. И. Лях, О. В. Галут. Античный мир в духовной культуре Северного Причерноморья. Краснодар, 2015. Придерживаются в той или иной мере этого традиционного взгляда на содержание боспорских рельефов с сидящей женщиной и всадником также Н. И. Винокуров, Л. И. Давыдова и др. Новая книга о боспорских рельефах П. Кройца (P.A. Kreuz. Die Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. Leuven, 2012) мне пока недоступна.

[41] Мы пользуемся фотографиями стел в КБН-альбоме.

такого-то, прощай»; в нескольких случаях схема расширена упоминанием одновременно мужского и женского имен, т. е. обоих изображенных на рельефе персонажей. Последний вариант как раз дает полное представление об изображенных на рельефе персонажах – это муж и жена (по разу упомянуты мать, кормилица). Следовательно, ни о какой богине речи нет, как нет соответственно оснований усматривать в рельефе на эпиграфных стелах именно то самое кочевническое представление о героизации покойного (тем более покойной женщины!) некоей богиней. Кстати, адепты того мнения, к которому присоединился С. Ю. Сапрыкин, поныне теряются в поисках ее имени, идентифицируя практически со всеми более или менее значительными божествами женского рода, которые почитались в Северном Причерноморье и кочевом скифо-сарматском мире вплоть до Центральной Азии. И это само по себе симптоматично: нет теонима, может не быть и его носителя.[42] Итак, обратимся непосредственно к эпитафиям для знакомства с изображенными на рельефах при них персонажами. Начнем с эпитафий, упоминающих два имени – мужское и женское, что соответствует рельефу с мужской и женской фигурами.

КБН 413 (Пантикапей): «Гелий, сын Эрота, и кормилица Васила, прощайте»; 893 (Капканы): «Ниокл и дочь Евгения, прощайте»; 932 (Нимфей): «Мастус и жена Теотима, прощай»; 1025 (Ахиллий): «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия, прощайте»; Горгиппия: «Талон, сын Пофа, и мать Гедин, прощайте» [Алексеева, 2018, с. 17–20]. Наиболее важна эпитафия КБН 932 «Мастус и жена Теотима, прощай»: при двух именах слово «прощай» дано в ед. числе; это означает, что на рельефе изображен Мастус (менее вероятно, Теотима, поскольку Мастус – воин и жизнь его нередко в опасности), а стелу поставила Теотима, которая, так сказать, на будущее (а смерть всего живого неотвратима) изобразила при муже и себя. Это точное разъяснение к тем изображениям со всадником и женщиной в кресле, в эпитафиях, при которых упомянут лишь один персонаж – мужской или женский. Есть и более сложный случай – КБН 1032: «Геракон, сын Оригия, прощайте»; тут при одном упомянутом покойнике прощальная формула дана во множ. числе, и это означает, что на рельефе наряду с Гераконом изображена его жена (мать, дочь), которая, поставив надгробие, так сказать, на будущее изобразила при муже (сыне, отце) и себя. Сложна для понимания и стела КБН 689: «Каморсаз и сын Ксайорсаз, прощай»; на рельефе же изображен только один мужской персонаж – Каморсаз, никаких следов второго мужчины нет; это дает простор для догадок разного рода, например: Ксайорсаз был погребен в общей могиле после боя, отец же его, может быть, раненый, вскоре умер дома и был погребен женой (матерью и т. д.).

«Мужских» и «женских» эпитафий в приведенном списке большинство. Перечислим «мужские» стелы (таковы также упомянутые КБН 689 и 1032): КБН

[42] Есть и 3 рельефа со всадником и стоящей в полный рост женщиной (КБН 480, 614, 960), сей тип заимствован из Фракии, где обычен (напр. [Mihailov, 1958, fig. 753, 757 etc.]) и представляет собой вариацию более распространенного там типа со всадником у алтаря.

352 – «Аполлоний, сын Патасия, прощай»; 414 – «Гелий, сын Мосхиона, прощай»; 478 – «Омпсалак, сын Садавка, прощай»; 524 – «Фанн, сын Фанна, прощай»; 578 – «Аполлоний, сын Даласия, прощай»; 906 – «Никифор, сын Сабада, прощай»; 908 – «Кратипп, сын Аполлония, прощай»; 930 – «Фарнак, сын Мастуна, прощай». «Женские» стелы: 438 – «Каллистратия, жена Папа, прощай»; 502 – «Птолемаида, жена Гераклида, прощай»; 1085 – «Тимола, (жена?) Тимофея, (прощай)».

Теперь несколько цифр для сравнения. «Женских» стел всего три при 11 «мужских», причем две поставлены женам (вероятно, такова и третья); поскольку их мужья изобразили и себя на рельефах, это надгробия также самим себе «на будущее». Vice versa можно полагать, что 11 «мужских» стел поставили в основном жены, изобразив себя рядом с мужьями тоже «на будущее». Стел с эпитафиями, в которых фигурируют мужчина и женщина, пять; в двух случаях упомянута жена, в двух мать, в одном кормилица. Отсюда можно вывести, что именно жены, матери (разумеется, и дети) ставили «мужские» стелы. Скорее всего, дети поставили надгробия родителям, упомянутым в эпитафии вдвоем («Мастус и жена Теотима», «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия», «Талон, сын Пофа, и мать Гедин»); изображать себя «на будущее» им нет резона, поскольку впереди еще вся жизнь. Итак, в эпитафиях фигурируют мужья и жены, родители и дети, это тот же семейный круг, что и в громадной массе остальных боспорских надгробных рельефов на стелах с надписями, так что нет и быть не может ничего «божественного» в персонажах, изображенных на рельефах данного типа. Нет ни богинь, ни приобщения к бессмертию – это научная мифология, порожденная, во-первых, приравниванием рельефов надгробий городского населения к изображениям на скифских курганных вещах, во-вторых, небрежением к эпитафиям при рельефах. Сие небрежение понятно, так как названные адепты сей ошибочной точки зрения – археологи или искусствоведы, а не эпиграфисты. Как видим, для адекватного понимания смысла артезианского рельефа С. Ю. Сапрыкину, как не чуждому эпиграфике античнику, надо было всего лишь обратиться к КБН-альбому, где он нашел бы точный ответ на все вопросы. Но он игнорирует КБН-альбом, ссылаясь на рельефы стел КБН 438, 502, 906, 1025, он отсылает читателя к...берлинскому альбому боспорских стел 1909 г. (G. Kieseritzki, C. Watzinger). А причина игнорирования та же, что и с моим «Боспорским рейхом»: главред ВДИ на дух не переносит КБН-альбом, изданию которого он всячески препятствовал.[43] Как видно, крохотное креслице его заместителя С. Ю. Сапрыкину дороже (и напрасно – теперь утратил его), но очевидно и то, что отсюда проистекает часть его ошибочных решений, тратить время на разбор которых читатель не обязан.

Вернемся к артезианскому рельефу. Поскольку всадник – это Состибий, то сидящая в кресле женщина – не привидевшаяся С. Ю. Сапрыкину богиня, а жена

[43] См. [Гаврилов, Павличенко, Кейер, 2008, с. 163, 165], их же ответ А. И. Иванчику в Bryn Mawr Classical Review. 2006.02.15 (электронный ресурс). Разумеется, речь не о непригодности альбома Кизерицкого-Вацингера – это хороший альбом, речь о том, что для решения данной конкретной задачи подходит именно КБН-альбом как спутник эпитафий КБН, дающих решение.

Состибия, которая, как и в других упомянутых случаях, поставила надгробие мужу да сыновьям и по обычному для рельефов такого типа свойству изображена сама «на будущее». Как сказано, крупную фигуру сидящей в кресле женщины Сапрыкин счел свидетельством ее доминирующего положения в изображенной сцене, что указывает-де на ее статус богини. Опять-таки, обратившись к соотношению фигур на 18 упомянутых рельефах стел с эпитафиями, мы получим адекватный ответ: на 10 рельефах мужская и женская фигуры равно соразмерны (КБН 352, 502, 524, 578, 893, 906, 908, 932, 1025, 1085); в двух случаях женская фигура крупнее (КБН 438, 1032), в двух – она меньше мужской (КБН 478 и стела из Горгиппии).[44] Таким образом, соотношение фигур – дело манеры резчика рельефа, возможно, также заказчика, и вопреки С. Ю. Сапрыкину, оно никоим образом не влияет на содержание изображенной сцены, в общем, трафаретной. Это относится и к его суждению о размерах кресла, которое он называл также троном богини. Изображение женщины в кресле – самое обычное на боспорских рельефах, их много, это статусный предмет мебели и состоятельности семьи в целом; размеры его, как правило, соответственны женской фигуре. Из числа интересующих нас рельефов малое кресло представлено на стелах КБН 352, 478, 578, 908 (на 478 и женская фигура мелкая), большое кресло – на рельефах 438, 893, 930, 932 (на 438 и женская фигура крупная), на остальных кресло, так сказать, среднего размера. Отсюда следует, что величина кресла не связана со смыслом рельефа в отношении «бытового» или «божественного»; это – мебель, статусный бытовой предмет, не более того.

Мы отметили трафаретный характер рассматриваемой иконографической сцены. Сюда относятся изображения всадника, женщины в кресле, при них в абсолютном большинстве случаев обязательны фигурки слуг, обычно служанок, чаще всего изображается одна служанка. Рядом с женщиной, стоящей или сидящей в кресле, стоит служанка с цистой, накрытой конической крышкой (реже с пиксидой), обычно она держит ее в руках, реже подает госпоже – КБН 132, 141, 142 и мн. др. Столь же часто служанка держит в руках (реже подает госпоже) сосуд в виде ведерка – КБН 295, 309, 362, 419, 435, 437 и мн. др.[45] В исследуемой иконографической сцене служанка обычно стоит за креслом (КБН 352, 414, 438, 578, 689, 893), в 4 случаях она стоит между всадником и креслом, но обращена при этом к госпоже (413, 478, 524, 1025[46]); на рельефе 932 показаны две служанки, обе обращены к хозяйке; на рельефе КБН 502 у служанки в руках ничего нет, как и у мальчика на рельефе 930; на рельефах

[44] На рельефах КБН 413, 414, 689, 930 одна или обе фигуры сбиты, так что их размеры неясны.

[45] Сосуд у служанки в руках представлен на разных типах рельефов: при одиноко стоящей или сидящей в кресле женщине (КБН 251, 288, 571 и др.), при двух стоящих или сидящих женщинах (259, 269 и др.), при двух – мужской и женской фигурах (322, 331 и др.). Для соотношения накрытой крышкой цисты и открытого ведеркообразного сосуда для воды показателен рельеф КБН 311 с двумя женщинами: у служанки сидящей женщины в руках циста с крышкой, тогда как служанка стоящей женщины держит в руках ведерко.

[46] В верхнем регистре показаны еще одна служанка и за мужчиной его слуга.

908, 1085 и горгиппийском изображены только всадник и женщина в кресле, без слуг. Акцентируем внимание на том, что в интересующих нас сценах служанка всегда обращена к госпоже или подает сосуд ей, а не всаднику, также на рельефах других типов слуги мужчин не держат в руках и не подают им открытый ведеркообразный сосуд для воды. Одно это обстоятельство свидетельствует против интерпретации рельефов с сидящей в кресле женщиной и всадником, либо стоящим рядом мужчиной в качестве предложения богиней напитка бессмертия сим мужам.[47] И назначение воды в больших ведеркообразных сосудах для женщин на рельефах, разумеется, не для питья (для этого предназначена столовая посуда, например, в сценах загробной трапезы), а вполне бытовое и специфически женское – для омовения в критические дни, когда женщина считалась нечистой; семь дней спустя она была уже очистившейся [Dillon, 2002, p. 249].[48] Так и на рельефе из Артезиана: служанка подает сосуд в форме ведерка сидящей в кресле хозяйке для очищающего омовения в будущей жизни. Словом, тут представлено все то, что обычно изображается на рельефах боспорских надгробий римского времени. С. Ю. Сапрыкин же, признав в артезианской даме, которой служанка подает ведерко воды, богиню, сам того не подозревая, приоткрыл новый для теологии вопрос: бывали ли месячные у богинь? Я согласен: для того, чтобы открыть столь важный аспект научного исследования, можно проигнорировать КБН-альбом, – с него не убудет.

Шутки шутками, но на артезианском рельефе есть одна не совсем обычная деталь: жена Состибия держит в руках некий крупный круглый предмет. Руки женщин на боспорских рельефах почти всегда изображены по общегреческому скульптурному канону: приподнятой левой рукой она придерживает край плаща, правая покоится на животе или колене. Держать что-либо в руках, кроме зеркала, символического плода или мотка шерсти, не дело госпожи, для этого есть служанки. Из присутствующих в КБН-альбоме нескольких сотен рельефов лишь в 4 случаях женщина держит в руке предмет, при этом трое сидят в кресле, как и на артезианском рельефе. КБН 555: изображена крупная полуфигура стоящей женщины, левым локтем она опирается на алтарь, в пальцах у нее небольшой округлый предмет, который можно принять за плод граната, грушу, яблоко либо яйцо; КБН 470: женщина сидит в кресле лицом к зрителю, вопреки канону правой рукой на уровне груди придерживает край плаща, левая рука покоится на округлом животе, пальцами держит тот же плод (или яйцо?);

---

[47] На боспорских рельефах слуги мужчин (конных или стоящих в рост, сидящих) обычно изображены с оружием; очень редко слуга подает хозяину канфар (КБН 83, 84; 145 – крупный канфар) или держит в руках цисту. Это напутственные дары покойнику, что вполне разъясняется рельефом КБН 258: правой рукой слуга подает хозяину меч и кисть винограда, а левой держит плетеную цисту (корзину); надпись «Астрагал, сын Диофанта, прощай». Циста как плетеная корзина, также металлическая, служит вместилищем предметов разного рода, в том числе в погребальном культе, при ней обязательна коническая крышка разной высоты подъема [Rich, 1861, p. 159-160].

[48] Еще раз отметим, что такое предназначение воды явствует из того, что слуги подают воду женщине, а не мужчине. В случае, когда служанка держит в руках шкатулку, а не сосуд с водой, можно подозревать тот возраст хозяйки после климакса, когда ей вода для очищения уже не требуется.

718: аналогичная композиция, но левая рука положена на колено, в пальцах тот же плод; 309: у сидящей в кресле женщины в правой руке зеркало. Наиболее ясна символика предмета на рельефе 470: округлый живот и две служанки, одна из которых с ведром воды в руках, да стоящий на пьедестале мальчик – все это указывает на связь плода (яйца?) в руке женщины с родами, так что предназначение сего символа – жизнь.[49] На изданном А. П. Ивановой рельефе (надпись, скорее всего, отбита), по ее определению, сидящая в кресле женщина держит правой рукой у живота мелкий плод граната. На артезианском рельефе, по описанию С. Ю. Сапрыкина [2014, с. 152], богиня левой рукой держит край плаща, «в правой руке, согнутой в локте и частично скрытой под переброшенный через руку гиматий, она держит большой округлый предмет, очевидно, плод граната, который положен на чашу». Достаточно сравнить тот небольшой плод (гранат, груша, яблоко, яйцо?), который держат дамы на упомянутых рельефах КБН 470, 555, 718 да на рельефе А. П. Ивановой, чтобы увидеть ошибочность его предположения: если это и плод, то по величине вовсе не гранат, а большая тыква, говорить о которой на надгробии можно лишь в шутку.[50]

Итак, судя по фото (рис. 3), правой рукой жена Состибия держит у живота какой-то крупный шаровидный предмет величиной примерно с ее голову, который, возможно, лежит на плоской тарелке, но это может быть и складка плаща. Поскольку боспорские надгробные рельефы не предоставляют определенных аналогий ему и поскольку на поселении Артезиан обретались фракийцы (см. выше, конец § 1), обратимся к стелам фракийской глубинки (Артезиан тоже боспорская глубинка), рельефы которых обильней на аксессуарах. Если артезианский предмет действительно лежит на тарелке, то ему близка по форме буханка хлеба на тарелке, который изображен на столике рельефа с загробной трапезой из Калапики в хоре Филиппополя [Mihailov, 1961, № 1328]. Эта округлая буханка занимает центральное место среди других яств на столике. Общая символика хлеба – жизнь, в сцене загробной трапезы – олицетворение жизни после смерти.[51] Хотя на других сценах трапезы Боспора и

---

[49] Например, на рельефе из Цилле в хоре Филиппополя изображена стоящая в полный рост женщина по имени Флавия Сейта, в левой ее руке яйцо, в правой голубка [Mihailov, 1961, № 1532] – красноречивая символика родов и жизни на погребальных рельефах. Того же свойства пример: большой гранат держит в руке, прижатой к животу, женщина на намогильной стеле из музея Поля Гетти, он величиной с ее кулак [Grossman, 2001, p. 97].

[50] Ср. ироническое определение комиком IV–III вв. до н. э. Дифилом (fr. 98, 2) покойника как «тыквы или лилии» (κολοκύντην ἢ κρίνον). Ассоциация покойника с лилией понятна – по синеве, а с тыквой не очень; может быть, по неподвижности, по сходству с головой человека; может быть, это аллюзия на лечебные рецепты, ибо Гиппократ, Орибасий и другие медикусы часто прописывали ее для врачевания больных.

[51] Хотя эта округлая буханка в отличие от шаровидного артезианского предмета слегка приплюснута и меньших размеров, на стелах из Греции есть образцы шарообразных буханок на столике загробной трапезы. Своя семантика и у круглой формы хлеба: так, «круглая хала символизирует надежду, продолжительность и непрерывность жизненного цикла» у иудеев [Шейнина, 2006, с. 304].

греческого мира в целом (КБН 343, 416) имеются и шаровидные буханки, но они на столике, а не в руках у персонажей, так что этот вариант маловероятен. На ряде рельефов Фракии с изображением 3 нимф внизу в обоих углах показаны круглые бочонки символического предназначения – из них изливается вода, указывая на водную природу сих нимф [Mihailov, 1961, № 1342-1344, 1347, 1360 и др.]. Однако, если признать предмет в руке артезианской дамы бочонком (глиняные или деревянные, они назывались кадосами и имели форму ведра, так как ими в числе прочего бралась вода из колодца), а ее богиней, то вода бессмертия разливается тут бочками. Поскольку артезианская дама, как мы видели, все-таки простая женщина, наличие бочонка в ее руке невозможно по той причине, что она держала бы его двумя руками, кроме того, подающая ей воду в ведерке служанка создает в таком случае комическй эффект – для такого обилия воды не хватает только распылителя воды для душа. Посему и вариант с бочонком не подходит. Я бы предпочел счесть предмет в руке артезианской дамы мотком шерсти, который в погребальной пластике эллинистического и римского времени был символом домашних занятий женщин, в том числе на периферии, обычно это корзина с шерстью (например, в Малой Азии [Erdemir, 2011, p. 121, лит.]). К примеру, на стеле IV в. до н. э. из музея Поля Гетти сидящая в кресле женщина держит в приподнятой левой руке веретено с круглым мотком шерсти, он слегка приплюснут и больше ее кулака [Grossman, 2001, p. 108]. Вместе с тем в более общем смысле моток шерсти символизировал в погребальном культе конец земной жизни и начало другой, загробной. Более всего эта функция мотка шерсти, шерстяной нити и веретена представлена в знаменитом «видении Эра», которым завершается монументальная книга Платона о государстве и мироустройстве (Res publ. 615–621). Собравшиеся в некоем месте души живых и мертвых мужчин да женщин избирают для себя соответственно земную и посмертную участь, «и когда все души выбрали себе ту или иную жизнь, они в порядке жребия стали подходить к Лахесис.[52] Какого кто избрал себе даймона, того она с ним и посылает как стража жизни и исполнителя сделанного выбора. Прежде всего этот страж ведет душу к Клото, под ее руку и под кругообороты вращающегося веретена: этим он утверждает участь (μοίραν), какую кто себе выбрал по жребию. После прикосновения к Клото он ведет душу к пряже Атропос, чем делает нити жизни уже неизменными» (620e) [Платон, 1971, с. 453].[53] Идеи такого рода можно усматривать в изображениях при женской фигуре корзины с пряжей, веретена, мотка пряжи в погребальной пластике эллинистического и римского времени.

Как видно, при том, что рассмотренные артезианские памятники по-разному понимаются С. Ю. Сапрыкиным, А. В. Белоусовым и мною, несколько вопросов

[52] Три Мойры, их имена символичны по значению: Лахесис («Судьба», «Рок») заведует прошлой судьбой человека; старшая из Мойр Клото («Прядильщица») прядет нить его жизни в настоящем; Атропос («Бесповоротная») определяет будущее.

[53] Выражение «к пряже Атропос» этого перевода А. Н. Егунова не вполне точно: в тексте νῆσιν означает процесс прядения; сама пряжа, как результат прядения, называется νῆμα.

требует уточнения ввиду того, что все мы руководствуемся фотографиями. Нужен осмотр подлинников, чтобы прояснить следующее: во-первых, какой букве может соответствовать уголок в конце стк. 6 граффито № 1; есть ли остатки буквы Є перед ΛΗΚΑCA граффито № 2; что за предмет в руке женщины на лапидарном рельефе? Уточнение этих вопросов поспособствует лучшему пониманию граффити и рельефа.

II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. к Гилее

Назрела необходимость вернуться к пространному граффито на стенке сосуда типа Фикеллюра (ок. 550–530 гг.) из Ольвии. Оно написано мелкими буквами, затем основательно перечеркнуто ортогональной сеткой линий (рис. 4). Найдено в 1969 г. на римской цитадели Ольвии, 67 х 95 мм, верхняя и нижняя части заглажены, сохранились 12 строк надписи; слева и справа текст отчасти утрачен. Его текст с переводом и кратким страничным комментарием опубликовали А. С. Русяева и Ю. Г. Виноградов [Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201–202], которые сочли надпись «письмом жреца»; в других работах они столь же кратко изъяснили свое понимание его содержания.[54] Поскольку полной публикации надписи они так и не дали, по существу ввел ее в науку Л. Дюбуа, который слегка подправил текст издателей, но дал солидный комментарий [Dubois, 1996, № 24]. Историографические подробности я изложил в начале своей статьи 2015 г., затем дал существенно иное чтение текста и интерпретацию содержания надписи, выявил ее стихотворный характер и потому определил в качестве гимна [Яйленко, 2015, с. 88–99], слегка расширенный текст в моей книге 2017 г. [ОХБ, с. 252–260]. Чтобы читатель получил представление о тексте издателей (с легкой правкой Л. Дюбуа) и моем, приведу тот и другой.[55]

Dubois, № 24: [--]νοθέτη μέλι καὶ κρίο[ν-- | --]ΥΝ ὡς ἐπιτέλλεις πέμ̣π[ων -- |[3] --ἐ]ς τόπους θεοποιήτους περι[-- | --]ΡΑΚΡΗΝΑΙΗΚΑΜΕ ἱρῶ φὼς ΝΗΣ[-- | --] δικαίως ἐν τῇ Χαλκήνῃ αἱ γυν[αῖκες -- |[6] -- ἐκπ]λῆι ἐντεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαί[ην -- | --] αὖτις οἱ βωμοὶ βεβλαμμένοι [εἰσί -- | -- Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος |[9] -- μ]ετὰ τὸ ναυάγιον οἱ δοῦλοι καταδρ̣α[μόντες -- | -- τ]ε ἱρουργίηι Μητροφάνεος ἱρὸς ἔλιπε τ[-- | -- τ]ῶν πιτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α -- |[12] -- ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων ηὑρήκασι μετὰ κινδύνων ΤΥΡΑ[--].

Поскольку Дюбуа цельного перевода не дал, приведу Übersetz издателей [Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201] в своем переложении на русский: «… агонофета (или сочинителя гимнов) мед и барана… и корабль (?), как ты велишь посылать, … с тем он объезжает богозданные местности и близ мыса двинется (ἄγῃ), также наряду со мною человек святилища, остров (?)… (и приносят жертвы?) женщины достойно в Халкене, (сам же он) поплыл на корабле отсюда к Гилее… Вновь алтари

[54] [Русяева, 1987, с. 146–147; 1994, с. 103; 1994а, с. 95–99; Виноградов, 1989, с. 65]. Греческий текст и перевод они дали в указанной немецкой заметке. Ввиду известных политических обстоятельств наших дней и того, что я родом дончанин, надписи на территории Украины мне недоступны, поэтому *volens-nolens* располагаю лишь фотографией да прорисью издателей.

[55] В ОХБ под рисунком № 30 на с. 254 ошибочно дана подпись «Письмо Апатурия», это повтор подписи под рис. 26 на с. 233. Должно быть: «Ольвийский гимн» и далее.

разрушены … Матери богов, Борисфена и Геракла… , после кораблекрушения рабы разбежались… , посредством умелости Метрофана это остается, священные … (приготовить?), плохие сосны и двести других деревьев… , охотники на лошадей находят, подвергаясь между тем опасностям… ».

По идее Ю. Г. Виноградова [1989, с. 65], это письмо одного священнослужителя к другому, старшему по рангу, возможно, главному жрецу какого-то ольвийского культа, «своеобразный отчет об исполненном приказании послать на корабле некое третье лицо со своего рода инспекционной поездкой по землям, окружавшим Ольвию. Целью этого путешествия была одновременно и доставка продовольствия для пропитания и жертвоприношений (мед, баран, священное мясо) находящимся в пункте или местности под названием Χαλκήνη жрецу, названному «мужем святилища» (ἱρῶ φώς), и женщинам, с тем, чтобы первый прекратил свой пост, а вторые смогли достойно (δικαίως), видимо, выполнить жертвенные обряды» (?)». По его мнению, стк. 9 «упоминает рабов, которые после кораблекрушения (?) попытались бежать». Эти же положения развивала А. С. Русяева [1987, с. 146–147; 1994, с. 103; 1994а, с. 95–99], добавив: в надписи говорится о «вывозе леса из Гилеи для общественных нужд», деятельность на пограничных территориях находится под контролем ольвиополитов.[56]

Из комментариев Л. Дюбуа содержательного характера отметим следующие. Поскольку упоминание меда и ячменя (стк. 1) свойственно сакральным законам, которые регулируют состав жертвоприношений, можно заключить, что в надписи содержатся инструкции этого рода, хотя это плохо согласуется с типологией надписи, являющейся письмом. Он перевел стк. 1-3 так: «К жертвоприношению для поэта я возьму мед, ячмень и свинину, как ты велишь мне, отправляя в места, сотворенные божеством». Выражение стк. 4 ἱρῶ φώς может означать «факел святилища». В стк. 6, видимо, говорится о том, кто «отправляется отсюда на корабле до Гилеи». По стк. 8, счел Л. Дюбуа, можно понять, что скифы-рабы после кораблекрушения разрушили алтари. Читая в стк. 10 ἱρουργίηι, Дюбуа заключил, что упоминаемый тут Метрофан жрец. Далее названы испорченные сосны и 200 деревьев, вероятно, в связи с торговлей лесом. Фигурирующие в последней строке лошади и охотники на них находят соответствие в известии Геродота (IV, 52) о диких белых конях, пасущихся на берегах Гипаниса. Как видно, сравнительно с невнятным пониманием надписи издателями Дюбуа дал довольно связный по содержанию текст.

По моему мнению, фото и прорисовка надписи (подлинник недоступен) позволяют читать и понимать ее существенно иным образом.[57] Ни издатели, ни

[56] В русле интерпретации А. С. Русяевой и Ю. Г. Виноградова выдержаны также суждения Б. Браво: это письмо жреца или магистрата старшему по должности с отчетом об инспекционной поездке [SEG, 2005, Vol. 51, p. 283, № 970]. Не уловил он и поэтический строй этой надписи. В стк. 4 вместо невразумительного текста издателей Браво дал связное чтение: [-- διὰ γὰ]ρ ἄκρην λίη<ν ἔ>καμε Ἱρόφως νησ[τείην καὶ], увидев тут имя жреца; женщин он счел тоже жрицами.

[57] Мои суждения о надписи [Яйленко, 2015, с. 88–99; ОХБ, с. 252–260].

Дюбуа не разглядели в пространном тексте элементарный гекзаметр, хотя автор ее выложил для читателя каждый гекзаметр в отдельную строку. На стихотворный характер надписи указывает и ряд ее слов из поэтического лексикона, а также поэтизмы морфологии. Мои текст и перевод в статье 2015 г. : [Μῆτερ, ὑμ]νοθέτη μέλι καὶ κριθ̣[ὰς ὀπάζεις μὲν | ἀντ᾽ ᾠδῆς ο]ὗν ὡς ἐπιτέλλεις πέμ̣π[ων – ˘ |[3] --ἐ]ς τόπους θεοποιήτους περι[-- ροὴ -- | – ˘]ρα κρηναίη· κάμε ἱρῶ φῶς νήσ[ō τε | --] δικαίως ἔντη χαλκῆ νηλῆ ΥΙ-- |[6] --λῆι ἐνθεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαί[ην -- | --] αὖτις οἱ βωμοὶ βεβλαμμένοι [-- | -- Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος -- |[9]--έτατον, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν -- | -- τ]ε ἱρουργίηι μ᾽ [Ἰ]ητρῶ ἀφανεὸς ἱρὸς ἔλιπε̣ν [˘ | -- τ]ῶν πιτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α καὶ |[12] ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων ηὑρήκασι μετὰ κινδύνῳ ἀντυρε[μένῳ ? --]. «*Мать*, слагателю гимнов мед и ячмень *ниспошли* | *в воздаянье* за песнь, потому как велишь ты, отослав --|[3]-- в богозданные местности вкруг --, *поток* |-- ключевой. Муж священного острова выковал --|-- как подобает, оружие медное, безжалостное --|[6] --т оттуда в эту Гилею --|-- после порушенные алтари --|--Матери богов и Борисфена и Геракла --|[9]--ейшее, вновь праздные рабы заснули --|-- посредством священного обряда, совершенного неведомым жрецом Иетра, оставил меня --|-- из пиниевых (сосновых) деревьев двести плохие --|[12]-- занимающиеся отловом лошадей нашли с потрясающей опасностью --».

Коротко суммируем свое понимание содержания надписи в статье 2015 г. и книге 2017 г. В стк. 1 упоминается «слагатель гимнов» ([ὑμ]νοθέτης), так что надпись представляет собой гимн, его поэтический размер гекзаметр, в каждой строке по гекзаметру. Гимн обращен к Матери богов или Ахиллу, ее имя содержалось в лакуне стк. 1. Поэт просит одарить его медом и хлебом за свою песнь, в которой он мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос – «в богозданные местности вкруг --», где струится «поток -- ключевой» (стк. 1–4). Скорее, это Лемнос, так как сразу после этого упоминается «муж священного острова», который «выковал -- как подобает, оружие медное, безжалостное --», и оно доставлено «-- оттуда в эту Гилею --» (стк. 4–6). Сохранившийся текст стк. 6–7 («-- оттуда в эту Гилею -- после порушенные алтари --») короток, всего 8 стоп из положенных 12, так что здесь и должна вестись речь о том, что с помощью полученного оружия божество изгнало врагов из Гилеи или уничтожило их там. Весь воинский контекст стк. 4–6 указывает на Ахилла: ковка Гефестом оружия для него, равнозначная соответствующему эпизоду Илиады, и изгнание или уничтожение врагов в Гилее. Затем поэт описывает ущерб от вторжения врагов в Гилею (стк. 7–12/13), которая была, по Геродоту и другим источникам, священной зоной ольвиополитов. Разрушены алтари Матери богов, Борисфена, Геракла, работавшие в Гилее рабы, оставшись без пропитания, голодали и употребляли в пищу листья да кору священных пиний (сосен). Поскольку они ободрали две сотни деревьев, можно заключить, что рабов было много либо враг долго владел Гилеей. Следующая стк. 10 «-- и священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --», показывает, что благодаря вмешательству Аполлона Иетра, местного бога ветра, часть священных

деревьев была спасена для божества, к которому обращен гимн. Разбредшиеся по Гилее и, скорее всего, до берегов Гипаниса рабы были обнаружены ловцами диких лошадей и, можно думать, переправлены обратно в святилища Гилеи. Вряд ли гимн заканчивался на этом, так как гомеровские гимны нередко завершались похвалой божеству, к которому он обращен.

На мою статью 2015 г. поступили критические отклики А. Аврама [Bulletin épigraphique, 2016, № 347 = REG, t. 129, p. 499] и А. В. Белоусова [2016, с. 259] (у того и другого это обзоры литературы по эпиграфике Северного Причерноморья за 2015 г.).[58] Аврам уделил ей всего несколько строк. Обвинив меня в издевательстве над надписью, он сослался на стк. 9-10, где Л. Дюбуа, в основном следуя тексту издателей, читал [μ]ετὰ τὸ ναυάγιον οἱ δοῦλοι καταδρ̣α[μόντες --| -- τ]ε̣ ἱρουργίηι Μητροφάνεος ἱρὸς ἔλιπε τ[-], а я --έτατον, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν -- | -- τ]ε̣ ἱρουργίηι μ̣ ̓[Ἰ]ητρὸ ̓φανεὸς ἱρὸς ἔλιπε̣ν [˘]. Он был бы прав, указав на несоответствие элементов моего чтения прориси и фото надписи, без чего его апелляция к Дюбуа повисла в воздухе.[59] Не объяснил Аврам в отношении содержания, что делать с невесть откуда взявшимся Метрофаном? Ведь Дюбуа лишь констатировал, что тот произвел какое-то культовое действо. Далее мы подробно разберем вопрос о жанре надписи и снова заключим, что это гимн, а в гимне какому-то Митрофану такое же место, как и высоковольтным линиям *электро*передач, мелькнувшим на фоне в кадре фильма М. Какоянниса 1962 г. «Электра». На самом деле все проще: буквы М нет на фото, издатели дорисовали ее на прориси (см. ниже наш комментарий к стк. 10). А свое заявление, что мой текст спорный, Аврам смог аргументировать лишь замечанием, что вместо моего κατάδρ[εψαν] правильной формой должно быть κατέδρεψαν, т. е. с приращением, и основное значение сего глагола «собрали» не соответствует контексту. Увы, он забыл школьную истину, а может, никогда и не знал, что в поэтическом языке, начиная с гомеровских поэм, приращение в аористе и прочих временах часто отсутствует; а значение «ободрали» я мотивировал примерами на с. 93.

Больше внимания уделил моей статье А. В. Белоусов, который критически отнесся к моему утверждению, что надпись по жанру гимн и написана гекзаметром. По его мнению, она содержит кретики (– ˘ –) да трибрахии (˘ ˘ ˘), которые не могут

[58] Bull. ép. с заметкой Аврама любезно прислал мне из Ясс В. Кожокару, поскольку в московских библиотеках последний том журнала Revue des études grecques, в котором публикуется Bulletin épigraphique, от 2012 г. (есть только в Исторической библиотеке), а в электронном архиве иностранной прессы журнал сейчас (на конец 2018 г.) доступен только по 2014 г. По части поступления новой научной литературы в библиотеки Москва давно уже соперничает с Гондурасом, при том что входит в десятку богатейших городов мира. Тут не меньше, чем в «столице мира» Нью-Йорке, долларовых миллиардеров, явных и особенно скрытых, вот куда утекли деньги, вот откуда бедственное положение в числе прочего и науки.

[59] Поясню, что первая буква имени Иетра не дополнена мною – она уничтожена вертикалью ортогональной сетки, начерченной поверх надписи (см. фото); точно так же другие ее вертикали уничтожили вторую *иоту* слова ἱρουργίηι и в слове ἔλιπεν.

соответствовать гекзаметру, и дал их перечень. Стк. 6: ἐνθ**εῦθεν ἐς τὴν** (– ˘ –).[60] Стк. 7: **αὖτις οἱ** (– ˘ –). Стк. 8: **[M]ητρὸς Θεῶν** (– ˘ –). Стк. 9: **--έτατον**, αὖ (˘ ˘ ˘). Стк. 11: πιτύ**ων κακαί** (– ˘ –); τῶν δένδρ**ων διη**κόσι[α] (– ˘ –). Стк. 12: ηὑρήκ**ασι μετὰ** (˘ ˘ ˘). Также мои дополнения стк. 1 не вписываются в гекзаметр: **[Μῆτερ, ὑμ]**νοθέτη (–˘ –); κριθ[**ὰς ὀπά**ζεις] (–˘ –). Все это, полагает А. В. Белоусов, следствие моей ошибочной посылки, что надпись является гимном.

Увы, его замечания в основном ошибочны и лишь отчасти справедливы. Во-первых, он произвольно вычленяет из стиха свои кретики да трибрахии, не учитывая его общую метрику, и такого рода приемом можно устранить гекзаметры из любого поэтического произведения. Полагаю, он напрасно тратит силы на критику стихотворных видений какого-то Яйленко, мог бы замахнуться и на дичь покрупнее. Например, на Гомера, усмотрев кретик в ταύρ**ων τε καί** или **οἱ δὲ δή** «Одиссеи» (VI, 25, 26 и т. д. *passim*). Правда, хитрые греки осложнят его работу всякими придуманными правилами стихосложения, по которым излюбленные Белоусовым кретики на поверку оборачиваются дактилями да спондеями гекзаметра. Во-вторых, одно из основных положений метрики эпического языка (Гомер, Гесиод, гомеровские гимны и пр.) состоит в слиянии по требованиям стиха стоящих рядом гласных в один долгий слог (это знают студенты первого курса); например, в ἥρωος Od. VI, 303 метрически не 3 слога, а 2 ввиду слияния ωο (стопа: – =).[61] Отсюда у меня 3 долгих слога в имени [M]ητρὸς Θεῶν, со слитным εω (– – =); точно так же они слитны, например, и в θεῶν у Пиндара (Ol. XIII, 83). Отсюда и слитное ιη в | δένδρων | διηκόσι|[α] (метрика: | – – | = ˘ ˘ |), так что никакого кретика тут нет.[62] В-третьих, стыдно филологу-классику не знать, что *иота* наречия αὖτις, хоть по природе краткая, здесь долгая по положению перед членом οἱ, который этимологически происходит из σϝοι, так что она в стихе стоит перед группой согласных (метрика эпического языка обычно, хотя и не всегда, засчитывает звучавшую во времена Гомера, но затем исчезнувшую *дигамму* за согласный). Итак, и в αὖτις οἱ не может быть усмотренного Белоусовым кретика, тут следуют один за другим три долгих слога. В-четвертых, в ἐνθεῦθεν ἐς τὴν стк. 6 может быть 4 долгих слога, а не кретик критика, так как в эпическом языке краткая гласная даже перед одиночной сонорной может удлиняться; например, в σὺν | δὲ νεφέ|εσσι (Od. IX, 68) *эпсилон* перед одиночным ν долгий; в Αἰόλου (Od. X, 36) три долгих слога. Это элементарное правило метрики есть в гимназических учебниках греческого языка и потому должно быть известно критику. В-пятых, --έτατον стк. 9 не обязательно трибрахий, как счел А. В. Белоусов: как не чуждый эпиграфике Ольвии, он должен

[60] Чтобы читателю было яснее, выделяю полужирным шрифтом слоги, которые критик счел кретиком или трибрахием; стихотворный размер их для наглядности показываю в скобках.

[61] Необходимые сведения по просодии и метрике греческой поэзии читатель найдет в прекрасных книгах и XIX в. (Th. Webb, R. Reitzenstein, Я. А. Денисов, С. Радецкий, Н. А. Счастливцев, К. В. Крюгер), и XX в. (P. Maas, A. Dale, M. West и др.).

[62] Слияние гласных (синизеса) в Θεῶν, διηκόσι[α] обозначаю по техническим причинам как =.

знать, что в ее надписях VI–IV вв. через ε графически передаются дифтонги ει, ῑ̄ι и долгая η в разных позициях (примеры [ОХБ, с. 16, 35, 37, 104,106, 204, 208-211, 287, 288, 298, 336, 632]); понимание тут ε как ει предоставляет возможности для разных прочтений (см. ниже), в т. ч. -ἔτατον в качестве дактиля (– ˘ ˘). В-шестых, критик не заметил действительно требующих разъяснения в отношении гекзаметра слов [--ἐ]ς τόπους стк. 3 (краткое первое о между двумя долгими) и δοῦλοι κατάδρ[εψαν] стк. 9 (краткое первое α между долгими).

В-седьмых, и это самое важное, критик проигнорировал представительный набор слов и выражений в сохранившемся тексте надписи, которые свойственны **только поэтической речи**, в том числе гомеровским поэмам: ὑμνοθέτης «слагатель гимнов, поэт», ἐπιτέλλω «посылать», φώς «муж, герой», аорист κάμε «выковал», ἔντεα «оружие», νηλής «безжалостный», ἐντυρεύω «потрясать», также гомеровские выражения ἐπιτέλλειν πέμπων «велеть что-либо сделать, отослав», νηλὴς χαλκός «безжалостная медь». Даже такая мелочь, как употребление в стк. 6 перед согласной формы ἐς, а не εἰς ([ἐ]ς τοπους стк. 3), может указывать на эпический язык надписи, ибо у Гомера всегда ἐς стоит перед согласной, εἰς перед гласной. К тому же автор надписи будто для облегчения умственной работы будущих критиков выложил каждый стих гекзаметра в отдельную строку. Наличие даже одного из этих поэтизмов должно было заставить Белоусова признать текст надписи бесспорно стихотворным, но он по ходу своей критики лишь нехотя признает, что она все же может быть стихотворной (читай: может и нет). Игнорирование очевидных поэтизмов надписи свидетельствует лишь о поверхностности его суждений.

Единственно, в чем А. В. Белоусов прав – в несоответствии гекзаметру слов πιτύων κακαί стк. 11 и ηὑρήκασι μετά стк. 12. Замечу по этому поводу, что я напрасно последовал в таком чтении за предшественниками: далее покажу, что в стк. 11 надо читать πιτύων κακά, ἰτῶν δένδρων «непригодных сосен, ивовых деревьев» (ἰτέα «ива»), в стк. 12 не μετά, а μὲ(ν) τὰ ἀκίνδυνα «безопасные».[63] Специально для критиков и сомневающихся показываю метрику всего сохранного текста с делением на стопы:

[--| ὑμ]νοθέ|τῃ μέλι | καὶ κρι|θ[ὰς --]: – ˘ ˘ | – ˘ ˘ | – – | –
[-- ο]ὖν | ὡς ἐπι|τέλλεις | πέμπ[ων | --]: – | – ˘ ˘ | – – | – – |
[--]ς | τ̓ὅπους[64] | θεοποιή|τους περι|[--]: – – | = = | – ˘ ˘ |
[--]ρα | κρηναί|η· κάμε | ἰρῶ | φὼς νή|σ[ō --]: – | – – | – ˘ ˘ | – – | – – |[– ˘]
5 [--] δι|καίως ἔν|τη χαλ|κῆ νη|λῆ υι|[--]: ˘ | = – | – – | – – | – – |
[--|λῆι ἐν|θεῦθεν[65] | ἐς τὴν | Ὑλαί[ην --]: – – | – – | – – | – – |[– ˘]

[63] Формально прав он и в том, что мое дополнение в стк. 1 κριθ[ὰς ὀπάζεις μὲν] не соответствует гекзаметру; это мой недосмотр: должно быть κριθ|[ὰς μὲν ὄπ|αζε], так что тут полный дактиль в пятой стопе и, как положено, усеченный в шестой (– | – ˘ ˘ | – ˘ |).

[64] О чтении τοπους как τ̓ὅπους «этой песни» см. ниже.

[65] *Эпсилон* может быть долгим и перед одиночной сонорной, см. выше.

[--]| αὖτις[66]| οἱ βω|μοὶ βεβ|λαμμένο[ι | --][67]: – – | – – | – – | – ˘ ˘
[οἱ δ᾽ Μ]ητ|ρὸς Θεῶν, | καὶ Βορυσ|θέ͂[68] καὶ Ἡρακλ[έ͂ ἓ]: [–]– | – = | –˘ ˘ | – –| – – |[– ˘]
[--]ἔτατον | αὖ ἄπο|νοι δοῦ|λοι κατα|δῆν[το·][69]: – ˘ ˘ | – ˘ ˘ | – – | – ˘ ˘ | – ˘]
10 --ε ἱρουρ|γίῃ ἶν᾽ | (Ἰ)ητρῆ | ᾽φανεὸς | ἱρὸς ἔ|λῖπεν[70] : = – | = – | = – | –˘ ˘ | –˘ ˘| – ˘
[τ]ῶν πιτύ|ων κακὰ | ἰτῶν[71] | δένδρων | διηκόσι|[α --]: – ˘ ˘ | – ˘ ˘ | – – |– – | = ˘ ˘ |
[ο]ἱ θη|ρευταὶ | τῶν ἵπ|πων ηὑ|ρήκα|σι(ν) τὰ : – – | – – | – – | – – | – – | – ˘
᾽κίνδυ|να ᾽ντυ|ρε[ύοντα --]: – – | – – | –

«-- слагателю гимнов меда и хлеба -- потому как велишь ты, отослав -- той песни богозданные -- родниковая; муж священного острова выковал --||[5]-- достойно оружие медное, безжалостное -- оттуда в Гилею -- тотчас порушенные алтари -- Матери богов, а Борисфену и Гераклу -- праздные рабы скрепляли -- ||[10] -- там посредством священнодействия невидимого Иетра, оставил -- две сотни непригодных сосен, ивовых деревьев -- ловцы лошадей нашли потрясающим образом вне опасности --».

Итак, надпись бесспорно метрическая, причем почти целиком сохранные слева и справа строки 8–12 содержат по 6 стоп (при этом в стк. 10 сохранилась и конечная полуторная стопа), т. е. составлены гекзаметром, так что критик сам себя посрамил, отрицая этот ее вполне очевидный размер. Основной целью моей статьи 2015 г. было выявление более адекватной подлиннику, нежели у предшественников, текстологии надписи и раскрытие ее существенно иного содержания, поэтому просодии я уделил минимум внимания, показав стихотворный характер двух первых строк и логично заключив, что таковы и остальные строки, хотя видел там 2–3 сомнительных в отношении гекзаметра слога (τόπους стк. 3, δοῦλοι κατάδρ[εψαν] стк. 9, длинноватые имена трех божеств стк. 8).[72] Этим воспользовался критик: сосредоточив внимание на нескольких не соответствующих гекзаметру слогах, он вынес отрицательный вердикт статье в целом (известный прием риторики – unum pro tanto). В своей эпиграфической хронике Аврам и Белоусов встречают в штыки любую мою статью, и причиной служит не собственно она, а их сервилизм. Приветствуя хронику А. В. Белоусова, я предостерегал его от сервилизма [ОХБ, с. 664]. Он должен понять, что ценность хроники заключается в ее информативности, а не в его оценках, тем более что сам он начинающий эпиграфист (на его счету всего десяток заметок,

---

[66] На долготу *иоты* указано выше.

[67] Конечный дифтонг οι считается кратким, если следующее слово начинается с гласной (ниже, в комментарии к этой строке, дополняем в лакуне глагол ἔσταν).

[68] Если в имени собственном 3 и более гласные, они принимаются за долгие или краткие в зависимости от требований метра. По этой причине *ипсилон* в Βορυσθέ͂ считаю кратким, несмотря на положение перед двумя согласными.

[69] О чтении καταδῆν[το] см. ниже.

[70] О чтении ἶν᾽ и долготе *иоты* в ἔλῖπεν см. ниже.

[71] О чтении ἰτῶν см. выше и ниже.

[72] Данная заметка, в которой вопросы просодии гимна рассмотрены подробно, по объему в 3 раза больше статьи 2015 г. , так что там реально не было возможности заниматься метрикой, ибо это смазало бы ее основное содержание – текстологию.

в основном об ольвийских заклятиях), и потому оценки его, мягко говоря, не вполне основательны. Например, в том же обзоре литературы за 2015 год он касается моей статьи о публикации ольвийского Стефанова декрета А. И. Иванчиком, в которой я исправил многочисленные ошибки того. А. В. Белоусов ничего не смог сказать по существу моей статьи, ибо не знает в должной мере ольвийские декреты, но охотно присоединился к негативной критике ее Аврамом [Bull. ép. 2016, 350]. Конечно, сервилизм материально выгоден, но, κερδαλεόφρονοι Ζωΐλοι, читайте Эсхина (I, 84): «истина настолько сильна, что превозмогает все людские расчеты».

Ради одного ответа незадачливым критикам я не стал бы писать данную заметку, причина в другом: в последнее время (статья 2015 г. написана в 2012 г.) я сам видел необходимость возврата к изучению сей надписи, так как предшественники и я не дали ее цельного содержания – по смыслу строки плохо связаны друг с другом из-за утрат текста. Иначе говоря, никто не предпринял заполнения лакун, т. е. более или менее полной реконструкции текста. Посему основной задачей нижеследующей заметки является усиление связности и цельности ее содержания посредством заполнения лакун. В этом большое место занимает рассмотрение просодики и встающего в связи с нею ряда филологических вопросов, ибо все это позволяет уточнить текстологию. Надпись неплохой сохранности (утрачена примерно пятая часть), и это хорошая база для обоснованности понимания ее жанра, содержания, структуры, также предлагаемых дополнений. Обосновываю свою реконструкцию филологическим инструментарием – лексическими, формульными и содержательными параллелями из поэтических произведений архаического времени, в основном гекзаметрических, отчасти Пиндара и других, также поэтическими формулами, грамматическими конструкциями, техническими средствами стихосложения и прочим.[73] Конечно, не все дополнения равноценны – одни обоснованы больше, другие меньше, поскольку это поэтическое произведение и в нем мало формул, которые верифицировали бы восстановление утрат. Вероятно, другие исследователи предложат иные варианты реконструкции текста, посему предлагаемые далее дополнения утраченного текста (кроме частично сохранившихся слов) в известной мере иллюстративны, т. е. сделаны *exempli gratia.*[74]

Прежде чем приступить к реконструкции текста, необходимо определить жанр

[73] Предварительно отмечу, что размер гекзаметра позволяет установить примерное число утраченных букв слева и справа. Черепок с надписью был отбит по бокам, сколы пошли по наклонной к концу надписи так, что он приобрел вид расширяющейся книзу трапеции (см. рис. 4). По числу стоп гекзаметра можно заключить, что в последних стк. 11-12 слева утрачено по одной букве; это явствует и текстуально: [τ]ῶν πιτύ|ων стк. 11, [ο]ἰ θηρευταὶ стк. 12. Поскольку слева все строки пространных надписей имеют одно и то же место старта, опустив вертикаль от первой буквы первой строки на начало стк. 12, можно прикинуть, что в стк. 1 слева утрачено ок. 7 букв. В целом примерный расчет утраченных слева букв таков: в стк. 1/5 дополняется до 7 букв, в стк. 5/7 – ок. 6 букв, в стк. 7/8 – ок. 3-5 букв, в стк. 9/10 – 1-2 буквы; в стк. 11/12, судя по тексту, утрачена одна буква. Справа количество утраченных букв неизвестно, но поскольку текст поэтический, число слогов лимитировано шестью стопами гекзаметра.

[74] По этой причине не употребляю далее в дополненном тексте знаки для цезур и диэреси, только для синизесы, необходимой расчету слогов.

надписи, выявить ее возможное содержание и его направленность (характер). Сделать это в общих чертах позволяет контекст сохранившихся строк, также закономерности содержания и структуры того литературного жанра, к которому текст принадлежит. Общее представление о содержании гимна дает сделанный чуть выше перевод сохранившихся строк. В статье 2015 г. я счел, что по жанру надпись представляет сбой гимна и составлена гекзаметром. Что надпись стихотворная и составлена дактилями да спондеями, т. е. именно гекзаметром, здесь уже показано выше. Гекзаметром по VI в. включительно написаны поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков, эпические циклы; фрагменты собраны Г. Кинкелем (1877 г.), А. Бернабе (1987), М. Дэвисом (1988), О. Рикардо (1996), также пять первых гомеровских гимнов (остальные позднейшего времени); в эпиграфике это посвятительные, застольные, надгробные надписи.[75] Эти надписи небольшие, в 1–3, редко чуть больше строк, тогда как ольвийское граффито – крупное нарративное произведение, насчитывающее более 12 стихов гекзаметра. Следовательно, даже по объему оно соответствует именно гимнам: если древнейшие гимны первой пятерки многострочные, то остальные небольшого да среднего объема (гимн VI – 21 строка, VII – 59 строк, VIII – 17, IX – 9, X – 6 и т. д.). По содержанию ольвийская надпись не имеет аналогов в греческой эпиграфике, так что жанровые параллели есть ей лишь в литературных произведениях, составленных гекзаметром. Как сказано, по VI в. включительно этим размером составлены поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков, также 5 первых гомеровских гимнов. Гекзаметр – их поэтический язык По Мнасею (он географ, ученик Эратосфена, но его «Периэгеса» наполнена местными мифами), были три музы – Μοῦσα, Θεά, Ὑμνώ [Kinkel, 1877, p. 32], и это вовсе не искусственная классификация, ибо он просто перечислил обращения поэтов к божеству в первой строке «Илиады» (μῆνιν ἄειδε Θεά),[76] «Одиссеи» (Μοῦσα)[77] и в той части «Киприй», которая написана Паламедом (Ὑμνώ). Введение богини гимнов Гимно в число Муз отражает глубокую древность гимна как религиозного песнопения, вероятно, уходящего в догреческую культовую обрядность балканско-эгейского населения, у которого греки заимствовали вместе со словом ὕμνος и сам жанр.

Гимны в форме дифирамбов, номов, линов слагали древнейшие поэты (Арион, Лин, Терпандр, Алкей и пр.), сохранились лишь единичные строки, тогда как основной корпус дошедших до нас гимнов составлен гекзаметром, прежде всего это 34 так называемых гомеровских гимна, затем гимны Каллимаха, Клеанфа, Прокла и обширный орфический цикл; сравнительно с ним гимнография другими размерами – крохи.[78] Показателен в связи с этим отзыв Гефестиона о Маргите. Поэту шутливого эпоса Маргиту приписывалась составленная гекзаметром «Война мышей

[75] Образцы [Friedländer, 1948, p. 7–64; Jeffery, 1969, p. 401, № 1; 404, № 29; 409, № 1 внизу; 411, № 2 внизу]; спортивные надписи [Ebert, 1972, S. 42 f.].

[76] Также в приписываемой Гомеру «Фиваиде»: «Аргос воспой, богиня (θεά)» [fr. 1, Kinkel, 1877, p. 10].

[77] Также многих гомеровских гимнов (III, 1; IV, 1; IX, 1 etc.).

[78] Переводы собраны в книге «Античные гимны» (М. 1988). См. о гекзаметрической гимнографии [Тахо-Годи, 1988, с. 9–12].

и лягушек», и он же считался автором иронически-эпической поэмы «Ямбы» (в связи с этим Аристотель (Poet. 4, p. 1448 b 30 sq.) отметил, что «Илиада» и «Одиссея» были источником для аттической трагедии, а Маргит для комедии). Александрийский грамматик Гефестион так охарактеризовал его: «Маргит не *пользуется* установленным размером эпических песен (τεταγμένῳ ἀριθμῷ ἐπῶν), привносит ямбический стих» [Kinkel, 1877, p. 64]; тут показательно, что Гефестион, а он в этих делах профессионал (автор сочинения по метрике греческого стихосложения), не говорит о «гекзаметре» – он и есть «установленный размер эпической поэзии».

Не учли критики и культа гомеровской поэзии в Ольвии, который определял употребление гекзаметра в творчестве местных поэтов; для атрибуции исследуемой надписи в качестве гимна важно упомянуть, что гекзаметрическая надпись на березанском светильнике VI в. ὡς λύχνον εἰμὶ καὶ φαίνω θ[εοῖσ]ιν κἀνθρώποισιν «поскольку я светильник, то и свечу богам да людям» включает в себя рецитацию из гомеровского гимна к Гелиосу (XXXI, 8): ὁς φαίνει θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι θεοῖσιν «который светит людям и бессмертным богам». Последняя в свою очередь восходит к гомеровской формуле (Ilias, XX, 64): θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι φανείη «чтоб осветил людям и бессмертным». Еще несколько застольных граффити VI–V вв. из Ольвии да Березани написаны гекзаметром [Friedländer, 1948, p. 165; Яйленко, 1979, с. 58 и прим. 37 на с. 60; 1982, с. 268–275, 298-299; ОХБ, с. 312–325, 335–338].

Однако размер (метрика) и объем строк отнюдь не все признаки жанра: это еще тематика, структура, число и характер протагонистов, также стилистика – язык (диалект), художественные приемы, поэтические формулы. Тематика и структура рассматриваемого ольвийского стихотворения может соответствовать и поэмам, и гимнам. Тематически эпические поэмы и гимны имеют много общего, но есть и коренное различие: протагонисты первых – смертные герои, вторые – уделены богам. Структурно поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков включают введение (introductio) и изложение (narratio), тогда как в гомеровских и прочих гимнах композиция расширена: вступление с обращением к богу (invocatio), собственно рассказ о божестве (narratio), включающий его мифологические связи, деяния, эпитеты и пр. (так сказать, служебная биография), наконец, приветственное заключение – salutatio [Janko, 1981, p. 9–24; Тахо-Годи, 1988, с. 13–25; Richardson, 2005, p. 19–30]. В ольвийской надписи тоже есть введение и narratio, могло быть и заключение, но конец ее не сохранился. Введение в ней составляют стк. 1–4 (подробности ниже) с invocatio к божеству: поэт просит героя своего произведения дать ему за эти стихи «мёда и хлеба»: [ὑμ]νοθέτῃ μέλι καὶ κριθ[ὰς --]. Это разъяснено в статье 2015 г.: поскольку надпись стихотворная, «слагатель гимнов» стк. 1 ([ὑμ]νοθέτης) – ее автор, а упомянутые тут мед и хлеб – испрашиваемое им вознаграждение за гимн, так как подобным образом автор(ы) гимнов к Деметре и Гелиосу просят бога: «дай благосклонно в вознаграждение за песнь милого сердцу хлеба».[79] Отсюда мое дополнение в стк. 1, воспроизводящее

[79] Hymni Hom. V, 494: πρόφρων ἀντ᾽ ᾠδῆς βίοτον θυμήρε ὄπαζε. Это формула, так как выражение при-

формулу гомеровских гимнов к Деметре и Гелиосу: [-- ὑμ]νοθέτη μέλι καὶ κριθ[ὰς μὲν ὄπαζε | ἀντ᾽ ᾠδῆς ο]ὖν «слагателю гимнов меда и хлеба ниспошли в воздаянье за песнь-то». Обращение авторов гимнов к Деметре и Гелиосу с просьбой к богам обычно для гимнографии; поэты других гомеровских гимнов тоже обращаются к прославляемым ими богам с просьбой дать им что-либо, находящееся в «ведении» тех: «но ты дай смелости» (VIII, 16, – к Аресу); «дай желанную песнь» (X, 5, – к Афродите); «дай нам удачи» (XI, 5, – к Афине) и т. д. Просьбы эти присутствуют в конце или второй половине гимна, но сами гимны настолько коротки (гимн VIII – 17 строк, X – 6 строк, XI – 5 строк), что перемещение ольвийским поэтом своей просьбы в начало песни обусловлено влиянием лирики, в которой стихотворение порой начинается просьбой к богам [*Solo*, I, 2-3: ὄλβον μοι ... δότε «материальных благ мне ... дайте»; *Theognis*, I, 4; 332 b, 4, стк. 2 и др. ; Friedländer, 1948, p. 107, 111]. Но для выявления жанровой принадлежности творения ольвийского стихотворца важно само присутствие просьбы к божеству, и наличие ее в начале определяет зачин песни как invocatio, т. е. вступление к гимну с обращением к богу. Наличие в надписи invocatio вместе с рецитацией формулы из гомеровских гимнов определенно свидетельствует о принадлежности ее, сей песни, к гимнографии. На это указывает и то обстоятельство, что автор надписи называет себя «слагателем гимнов» – ὑμνοθέτης. Это первое в доэллинистическое время упоминание слова, поэтому можно думать о его прямом значении «слагатель гимнов», а не обобщенном «поэт», как в эллинистическо-римской эпиграмматике (см. и ниже).

Повествование о конкретном божестве – жанрообразующий принцип гимна; ср. краткую формулировку Геродиана: гимн поется о богах (Rhet., fr. 90, 3), также Теона Ритора: гимны поются в честь богов, героев (Progymnasmata, p. 109, 24). Поэтому в самом начале гимна называется имя воспеваемого божества (это обстоятельство существенно для реконструкции ольвийской надписи – его следует дополнить в стк. 1-2). Таким образом, из самой жанровой принадлежности к гимнам следует, что в ней воспевается божество, именно из числа тех, что почитались в Гилее. В ольвийской надписи фигурируют следующие персонажи: слагатель гимнов; некто, отдающий ему повеление («велишь ты, отослав»); кузнец («муж священного острова выковал... оружие»); боги – Матерь богов, Борисфен, Геракл, Иетр, видимо, Ахилл

сутствует и в гимне к Гелиосу (XXXI, 17). Здесь слово βίοτος, в целом означающее «прожиточные средства», имеет конкретное значение «хлеб», так как обращено к Деметре (см. об этом LSJ, s. v. βίος, II). Этот же смысл и в парафразе этой гомеровской формулы у позднего эпика Нонна: ἄρτον ὄπαζε «хлеба дай» (Paraphr. ev. Jo. VI, 133). Также рапсод Демодок сначала насыщается питьем да яствами и лишь после этого приступает к исполнению песни (Od. VIII, 477–485: ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδητύος «после питья да еды»). И ольвийский поэт, испрашивая «меда и хлеба», имеет в виду те же «питье да еду», поскольку мед пили, смешивая с вином. Жидкая консистенция меда порождала такие метафоры, как уподобление ему речи Нестора: ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν «течет с языка слаще меда» (Ilias, I, 249). Смешанный в амфоре мед с мякиной принесен в дар Аполлону Борею Отчему (вотив середины VI в. из Ольвии [ОХБ, с. 17, № 17]). Критику мнения Л. Дюбуа, что упомянутый в стк. 1 поэт – любимый в Ольвии Гомер, см. выше.

([Ἀχι]λῆι стк. 6, см. ниже); праздные рабы; жрец Иетра; ловцы лошадей. Очевидный протагонист здесь тот, которому предназначалось оружие для поражения врагов. Из упомянутых в надписи персонажей это может быть, во-первых, Геракл. В его пользу могут свидетельствовать следующие лексические и формульные элементы надписи, также параллельные данные других поэтических произведений. Формула стк. 5 надписи χαλκῆ νηλῆ «безжалостное / губительное оружие» (вин. падеж) эпическая по происхождению;[80] Гесиод употребляет ее в пассаже об убийстве чудовищной Гидры Гераклом (Theog. 316). Протагонист ольвийского гимна, по смыслу его поражающий врага, несомненный воин; и в мифологии Геракла есть воинский эпизод – во главе отряда на 6 кораблях он приплыл в Трою и разрушил ее (Ilias, V, 638–642), видимо, по причине этого и своей необоримой силы он считался покровителем воинства и военного дела.[81] Строители прясла и башен оборонительных стен Ольвии III–II вв. до н. э. Клеомброты, дед и внук, посвятили их Гераклу [IOSPE I² 179, 188; ОХБ, с. 412–414]; тогда же отбывший должность гимнасиарха Никодром посвятил ему и Гермесу статую как покровителям спорта (IOSPE I² 186). Но в Ольвии этот культ Геракла, отраженный в указанных надписях, поздний относительно VI в. – он эллинистический. Вообще культ Геракла тут маргинальный, сведений крайне мало [Снытко, 2017, с. 195–201]. И есть существенное обстоятельство, которое препятствует идентификации героя ольвийской надписи с Гераклом – упомянутая просьба поэта к божеству дать меда и хлеба означает, что оно – божество плодородия. Это вполне явствует из гомеровских гимнов к Деметре и Солнцу, из которых ольвийский поэт, как показано, позаимствовал формулировку просьбы: плодородие этих божеств – лейтмотив гимнов в их честь. Важнейший показатель культа божества плодородия – его терракотовые изображения; в Крыму таких статуэток Геракла много, а в Ольвии найдено всего несколько обломков, которые с допущением можно атрибутировать ему, да и те не архаического времени [Русяева, 1982, с. 107–108]. Нет сомнений, что Геракл исследуемой надписи – персонаж переданного Геродотом (IV, 8–10) ольвийского предания о прибытии этого героя в Гилею, где он сошелся с полудевой-полузмеей Ехидной и от них произошли первопредки скифов, гелонов, агафирсов. Давно считается, что это хтонический Геракл, причем скифского туземного происхождения [Толстой, 1966, с. 234 сл., лит.; Скржинская, 2011, с. 469–476, лит.]. По нашему же мнению, Геродотово предание развивает архаическое греческое представление об Ехидне и Тифоне, пространно изложенное Гесиодом (Theog. 306 sq.); Геродот как

[80] Всегда *dat. instrumenti* – νηλέι χαλκῷ: Антиной грозит Иру обрезать нос да уши «губительной медью» (Od. XVIII, 85); Агамемнон зарезал ею жертвенного барашка (Ilias, III, 292); Евриклея винится перед Пенелопой: можешь убить меня «безжалостной медью» (Od. IV, 743).

[81] Успешно завершив поход против гетов, Александр Македонский принес жертвы Зевсу Спасителю, Гераклу и Истру за благополучную переправу через реку (*Arriani* Anab. I, 4, 5); перед выступлением войска из Тира он принес жертвы Гераклу и устроил гимназические да мусические состязания (Ib. III, 6, 1). Перед выступлением своего войска в поход Ксенофонт принес жертвы Гераклу Гегемону, сиречь Водителю (*Xen*. Anab. VI, 2, 15).

раз и говорит, что это предание эллинов с Понта, т. е. ольвиополитов. На наш взгляд, Ехидна в нем – ипостась гесиодовской Гекаты, Геракл – паредр гесиодова Тифона, божества колоссальных природных сил подземья: землетрясений, извержений вулканов и пр.; по Гекате также Геракл – божество подземного мира, пристанища мертвых [Яйленко, 2013, с. 23–29]. Именно этот Геракл упомянут в ольвийском гимне к Гилее, и к божествам плодородия он не имеет прямого отношения. Итак, Геракл вряд ли герой нашего гимна. Прежде чем продолжить поиск героя, следует отметить важную специфику ольвийского гимна.

Имея несомненные отмеченные признаки гимна, ольвийское произведение вместе с тем обладает рядом признаков, отличающих его от гомеровских гимнов. Самая важная в этом плане его черта – историзм, гимн повествует о событиях исторического характера: некий враг произвел разрушения в Гилее, в том числе алтарей почитавшихся там богов, но божество, которому посвящен гимн, нанесло им поражение. Мажорный, высоко оптимистический настрой – непременное свойство гимнов, поэтому отсюда следует, что в результате победы последствия разрушений ликвидированы. Своим историзмом ольвийский гимн существенно отличается от традиционного гимна к богам, целиком мифологического по содержанию. Разворот от мифа к истории и современности (если не брать лирику) хорошо обозначен торжественной одической поэзией Пиндара, который обычно называет свои произведения гимнами. По Пиндару, мифология находится в противоречии с действительностью: «многие россказни о чудесном, где-то и людская молва, довлеют над словом истины; искусно расцвеченные вымыслы (μῦθοι) обманывают. Вот Харита искусно сочиняет все, что приятно смертным, все по чести, а *на самом деле* выдает[82] неверное за верное; часто это случается, но текущие дни (т. е. современность: ἁμέραι ἐπίλοιποι) – самые разумные свидетели» (Ol. I, 27–34). Таким образом, Пиндар предпочитает мифоподобным вымыслам действительность и потому вводит в гимнографию своих выдающихся современников, – он спрашивает: «гимны *мои*, подвластные форминге, какого бога, какого героя, какого мужа станем мы воспевать?» (Ol. II, 1-2: ἀναξιφόρμιγγες ὕμνοι, τίνα θεόν, τίν᾽ ἥρωα, τίνα δ᾽ ἄνδρα κελαδήσομεν;). Отдавая должное богам и героям, он величает выдающихся людей своего времени – царей, тиранов, победителей различных состязаний и их деяния: «мой удел венчать его (Гиерона) конским номом, эолийским напевом – не зазорно ведь пользоваться чужим: никого иного равно сведущего в прекрасном и господствующего по силе мы не возвеличим славными переливами своих гимнов» (Ol. I, 100–105). Итак, в гимнах Пиндара отдано должное богам, героям, но в основном реальным людям и их выдающимся деяниям, обильное мифологическое и легендарное у него – непременное средство поэтизации современников. В этом и заключается историзм гимнов Пиндара.

---

[82] Дословно Пиндар выразился почти по-аристофановски: «извергает, выблевывает» (ἐμήσατο, *aor. hist*).

Ольвийский гимн традиционно тоже обращен к божеству, что удостоверяется свойственной традиционным гимнам просьбой к нему дать что-либо поэту (в нашем случае – меда и хлеба), также упоминанием алтарей, сакральной зоны ольвиополитов Гилеи, наконец, 4-5 поименованных богов. Наряду с этим мифологическим материалом в ольвийском гимне фигурируют некий муж-кузнец, выковывающий оружие, обслуживающий персонал святилищ(а) Гилеи – праздные рабы, ловцы лошадей, элементы ее природы – сосны, ивы; все это антураж служебного характера, как у Пиндара, и он, антураж, соединяет мифологию гимна с ольвийской культовой реальностью. В начале гимна я дополнил в лакуне имя Матери, упоминаемой в стк. 8, но протагонист его, как сказано, не она, что явствует из ее распоряжения поэту воспеть что-то или кого-то. В связи с этим решающее значение имеет бряцающее в стк. 4–6 смертоносное оружие: «муж священного острова выковал и отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное -- оттуда в сию Гилею». Это определенная аллюзия к XVIII песне «Илиады», в которой по просьбе Фетиды Гефест в своей кузнице на Олимпе выковывает доспех и оружие для Ахилла (стт. 468 сл.). Что автор ольвийского гимна ориентировался в данном случае на «Илиаду», показывает употребление им упомянутой выше гомеровской формулы χαλκῆ νηλῆ «безжалостное / губительное оружие» (acc.). Поэты и писатели воспевали оружие Ахилла, он покровитель воинов (после «Илиады» это ритор IV в. до н. э. Антисфен [Ajax, p. 664], Геродиан [Rhet. 172, 14], и др. [Буйских, 2008, с. 41]), в том числе в Ольвии, где на одном граффито V в. с Бейкуша он изображен в гоплитском вооружении, на других с его инициалом изображены махайра, стрелы [Буйских, 2008, с. 37–42; ОХБ, с. 106]. Именно в связи с Ахиллом можно понять упоминание в гимне ловцов коней ([ο]ἱ θηρευταί) – он сражался под Троей на колеснице, запряженной божественными конями Ксанфом и Балием (Ilias, XIV, 149–154; XIX, 404 sq. и др.), потому и почитался как конник (*Paus*. X, 13, 5); на Ахиллодроме по повелению Пифии в честь Ахилла проводились конные ристания (IOSPE I^2 34, стк. 30, время Августа). В то же время нижнебужский Ахилл – туземное божество земного плодородия, о чем определенно свидетельствует надпись второй половины VI в. на амулете с Бейкуша, сделанная неким Агротом: ἰή, Ἀγρότος στέλληι Ἀχιλλεῖ οἰκόθεν «о! да посылает Агрот Ахиллу из хозяйства»; нарисованные под надписью три колоска разъясняют нам, что Агрот надеется прислать богу начатки урожая зерновых, и это вполне характеризует Ахилла как божество аграрного плодородия.[83] Да и само имя Ἀγρότος «говорящее» = ἀγρότης «крестьянин». Отметим в связи с этим также, что κριθ[αί] «хлеб» стк. 1 гимна имеет соответствие в поговорке Ἀχίλλειοι κριθαί «Ахилловы хлеба» – о простом хлебе (*Aristoph*. Equites, 819; Suidas, s. n. Ἀχιλλείων); упоминанию в стк. 11 гимна «деревьев» соответствует ряд вотивов с Бейкушского святилища хтонического Ахилла VI–V вв., на которых изображены рядом с его инициалом «ёлочки» [ОХБ, с. 106–107]. Наконец, примечательно, что

[83] [Яйленко, 2013, с. 77–82; ОХБ, с. 104–108]. Ср. посвящение начатков (ἀπαρχαί) Афине [Friedländer, 1948, p. 116].

ольвийский поэт употребил в своем гимне гомеровскую формулу ἐπιτέλλεις πέμπων из «Илиады» (XXIV, 780), относящуюся именно к Ахиллу (Приам говорит, что Ахилл πέμπων μ᾽ ὧδε ἐπέτελλε «отпуская, обещал мне так», см. и ниже).

Немаловажно, что в кратком описании «Островов блаженных» у Пиндара (Ol. II, 70–80) фигурируют деревья, остров, «туда и Ахилла перенесла мать, когда она тронула сердце Зевеса своими мольбами». Все это есть и в ольвийском гимне – деревья (стк. 11), остров (стк. 4: νήσ[ου]), наконец, Мать богов (стк. 8), она же Великая Мать – хтоническое божество; а мать Ахилла Фетида по происхождению тоже хтоническое божество. Указавший на это В. Н. Топоров [1990, с. 68–70] оперировал понятием «бездна» как место ее «прописки» да родственными связями. Дополним его данные сведениями Павсания (III, 22, 2): в Лакедемоне близ города Гитиона расположены рядом святилища Афродиты Спаривающейся, Фетиды, Диониса, это явная хтоническая триада; еще одна такая триада: у расселин в Олимпии находятся святилища Геи, Фетиды, оракул Матери (V, 14, 10); на «ларце Кипсела» VII в. у Фетиды рука в виде змеи (V, 18, 5). Показательно название посвященной Фетиде приморской местности на полуострове Магнесия в Фессалии Σηπιάς – оно связано со словом σηπία «морская каракатица» [*Herod*. VII, 191; Pape, Benseler, 1884, S. 1377], по происхождению его значение «змея», ср. σηπεδών – разновидность змеи (*Nicandri* Ther. 327 и др.). В контексте с Ахиллом у Фетиды обычна эпиклеза «мать» (μήτηρ, – Ilias, XVIII, 70, 79; Od. XXIV, 55, 85 etc.; *Pind*. Ol. II, 80 etc.), и этимологически ее имя связано с «детскими» словами τηθίς «тетка», τήθη «бабушка», которые в том числе имели значение «мать» и даже «мать-земля».[84] Все эти данные показывают, что по происхождению у Фетиды функции богини плодородия – земли и подземных вод, так что понятие «матери» у нее изначальное. Все это присутствует также в культе Великой Матери, она обобщает собой образ Матери вообще, поэтому ввиду функциональной близости можно предполагать, что культ Великой Матери в Гилее вобрал в себя в числе прочего также почитание Фетиды.[85] Это тем более так, что устройство сакральной зоны Ахилла в Нижнем Побужье и на о-ве Левка было произведено именно ею.[86]

---

[84] Согласно «Большому этимологикону» (27, 24), у киренян слово αἶα «земля» равнозначно словам τηθίς и μαῖα «мать», а у критян и обозначение плодоносного растения вообще. Это указание на семантику имени Θέτις «мать-земля»; через понятие «подземной воды» в гомеровском эпосе Фетида уже и морская богиня.

[85] Принимая во внимание исключительную важность культа Ахилла в тысячелетней истории Ольвии, вопрос о почитании там его матери может быть темой отдельного исследования. Материалом служат граффити V в. со святилища Матери в Ольвии [Русяева, 2010, с. 56–62, лит.] и те рассказы античных писателей об Ахилле в Северном Причерноморье, в которых фигурирует Фетида, как, например, у Филострата [SC 1, p. 638].

[86] Согласно Филострату [SC 1, p. 638], по просьбе Фетиды Посейдон поднял из глубины моря остров для Ахилла и Елены. Это не поздняя инвенция, так как у Еврипида (Androm. 1255 sq.) тоже ощущается рука Фетиды в устройстве посмертного обиталища Ахилла. Явившаяся старику Пелею, когда-то ее мужу, Фетида распоряжается его судьбой: я заберу тебя в свой дом в пучине морской, ты станешь богом

Фетида могла отдать распоряжение ольвийскому поэту воспеть только одного – своего сына Ахилла, почитавшегося в Гилее. Это ожидаемое литературное решение: отдающая распоряжения Фетида изображена и Еврипидом в упомянутом эпизоде «Андромахи» (ст. 1231 сл.): после убийства Орестом сына Ахилла Неоптолема она является безутешному старцу Пелею и вершит его дальнейшую судьбу. Все изложенные обстоятельства дают основание связать основное содержание ольвийского гимна с Ахиллом. Поэтому предположительно восстанавливаем в начале стк. 6 его имя: [Ἀχι]λῆι «Ахиллу» (контекст см. ниже). Вместо имени Матери в стк. 1-2 ввиду сказанного могло быть имя Фетиды (Θέτις), но, уяснив ее исходные хтонические функции богини плодородия и предположив, что ее образ мог быть составной частью почитаемой в Гилее Матери (богов), ограничимся условным дополнением в лакуне стк. 1 [θεὰ Μῆτερ]. В упомянутом разговоре Фетиды и Ахилла XVIII песни «Илиады» есть и θεὰ Θέτις и вокатив Μῆτερ – обращение Ахилла к матери (ст. 79, 127), контаминируем их в гимне. После разговора с сыном Фетида отправилась на Олимп, где Гефест стал ковать для Ахилла оружие. Мы уже отметили, что ольвийский поэт, говоря в стк. 4–6 о смертоносном оружии («муж священного острова выковал и *отослал*, как подобает, оружие медное, безжалостное -- оттуда в сию Гилею»), определенно вдохновлялся XVIII песнью «Илиады»: его χαλκῆ νηλῆ – гомеровская формула. В связи с этим упомяну найденную в Ольвии терракотовую группу IV в. до н. э.: Фетида с развевающимся плащом несется на гиппокампе и в руке у нее меч – как раз тот, что выковал Гефест, она везет его Ахиллу под Трою [Русяева, 1982, с. 91–93]. Упомянем также ольвийское посвящение I–II вв. н.э. «Ахиллу Понтарху и Фетиде» (IOSPE I^2 142).

Как сказано, гимн как жанр, возникший в недрах культовых действ и потому связанный с божеством, всегда мажорен, ибо его задача – прославление бога, которому он посвящен. По этой причине «порушенные алтари», стк. 7, и «непригодные деревья», стк. 11, должны быть вставлены в положительный контекст посредством заполнения лакун, что и реализуем далее в реконструкции гимна.

Выяснив в общих чертах то содержание, которое должно быть представлено в ольвийском гимне, а также его мажорный, оптимистический характер (прославление божества), резюмируем: возможный герой гимна – Ахилл.[87] До сих пор связь его с

и узришь (эпич. ὄψει) «нашего сына Ахилла, обитающего на островных домах Левки да побережья Евксинского моря». Тут дома Фетиды и Ахилла мыслятся в такой близи, что из одного виден другой. По гомеровской традиции, когда Ахилл пал в бою, из моря поднялась Фетида и с девятью Музами оплакала его; затем ахейцы сожгли труп и захоронили под большим насыпным холмом над Геллеспонтом (Od. XXIV, 36 sq.). В «Эфиопиде», эпической поэме милетского поэта VIII в. Арктина, согласно рассказу «Одиссеи», Фетида вместе с Музами и сестрами-нереидами оплакивает сына, но когда запылал погребальный костер, «она из огня выхватила сына и перенесла на остров Левку» [Kinkel, 1877, p. 34]. О мотиве Ахилла и Елены см. [Хайнд, 1994, с. 121–126]; образ Фетиды у Гомера (мы его кратко обрисовали) и его развитие у Алкмана [Денисова, 2016, с. 47–62].

[87] Литература о культе Ахилла на Левке и в Нижнем Побужье большая, лучший анализ литературных известий [Hedreen, 1991, p. 313–330]; интересна новыми идеями об Ахилле, в частности, сопоставлени-

Гилеей документировалась посвятительной надписью IV в. до н. э. ему на алтаре, найденном на п-ве Кинбурн (IOSPE I² 327, о ней [ОХБ, с. 612]). Более значимы в отношении датировки свидетельства Страбона и Птолемея, из которых явствует, что Гилея посвящена Ахиллу и она же именуется Рощей Гекаты.[88] Выше, говоря о почитаемом в Гилее Геракле, мы отметили генетическое единство его с Тифоном в паре с Ехидной-Гекатой. Это означает, что Геката изначально почиталась в Гилее. Ахилл тоже паредр гилейского Геракла: оба они там божества подземного мира, как царства мертвых. Давно замечено, что Геракл Гомера и Гесиода исключительно борец с чудовищами, и эпизод с укрощением сторожа в подземном царстве мертвых Кербера характеризует Геракла как катахтоника. Это древнейшая функция, так что Ахилл-катахтоник, как очевидный паредр Геракла, почитался в Гилее изначально.

Итак, из нескольких источников следует, что в Гилее издревле почитались одно женское божество и 3-4 мужских. Женское божество фигурирует в нашей надписи как Матерь богов, но у нее в Гилее несколько ипостасей – Геката (Страбон), Ехидна (Геродот), возможно, Фетида. На святилище Матери в Ольвии найдено граффито первой половины V в. [Μ]ητρὶ Θε]ῶν μεδεόσ[ηι] Ὑλαί[ης] «Матери богов, владычице Гилеи» [Русяева, 2010, с. 57] (реконструкция уверенна, поскольку текст формульный). Это означает, что верховным божеством пантеона Гилеи была Матерь, также из рассказа Геродота (IV, 76) следует, что она посвящена Матери богов; по этой причине обращение 2-го лица ἐπιτέλλεις «ты велишь» в стк. 2 резонно связывать с нею, в связи с чем дополняем в стк. 1 ее имя. Мужские божества, почитаемые в Гилее и упомянутые в гимне, – Борисфен, Геракл, Иетр, вероятно, Ахилл ([Ἀχι]λῆι стк. 6). Важная в содержательном отношении тема – изготовление оружия и пересылка его в Гилею (стк. 4–6) – определенно свидетельствует о воинском характере воспеваемого гимном божества, которым из перечисленных богов может быть только Ахилл. Геракл не соответствует, во-первых, потому, что в Гилее почитался лишь как божество подземного мира мертвых, во-вторых, не имеет отношения к Матери. Все

ем его с Аполлоном Гиперборейским, дипломная (!) работа Ги Смута [Smoot, 2008]; археологические, эпиграфические данные, вазопись [Pinney, 1983, p. 127–146; Охотников, Островерхов, 1993; Русяева, 2006, с. 98–123; Снытко, 2009, с. 365–371]. Все же, поскольку Ахилл прямо не назван в надписи (дополняю его имя в стк. 6), осторожней называть это произведение гимном к Гилее.

[88] Описание Страбона: «За островом, лежащим перед *рекой* Борисфен [это Березань, которую Страбон упомянул ранее, в начале § 17], сейчас к востоку *идет* морской путь к мысу Ахиллова бега, это место лишено растительности, но называется рощей (ἄλσος) и посвящено Ахиллу [т. е. это Гилея]. Затем *следует* Ахиллов бег – выдающийся в море полуостров, это узкая коса длиною в 1000 стадий по направлению к востоку». Как видно, пользовавшийся каким-то Периплом Страбон сначала пишет о плавании (от Ольвии) к западному мысу Кинбурнского полуострова, затем к Тендровской косе. Птолемей (Geogr. V, 3, 2) дал подобный перечень: за устьем Борисфена и Гипаниса «Роща Гекаты *и* мыс [это Гилея], перешеек Ахиллова бега [это перемычка Тендры и Кинбурна, либо Тендры и Джарылгача, ср. *Ps. -Arr*. Per. 84], западный мыс Ахиллова бега, который называется «Священным мысом»». Сказанное о западном мысе Кинбурна как «священном острове» Ахилла подтверждается найденным там вотивом ему IV в. до н. э. IOSPE I² 327. Ср. рис. 5 – современный пейзаж Кинбурна.

изложенные данные позволяют думать, что в invocatio гимна (стк. 1–4) фигурируют Матерь и Ахилл, а его основное содержание, narratio стк. 4–12 с его темами оружия и разрушений, связано с Ахиллом. Исходя из этого вывода, строим свое понимание развития действия в гимне, в том числе содержательную сторону предлагаемых дополнений лакун в тексте надписи.

Отметим также, что наш гимн не единственное в Ольвии стихотворное произведение, связанное с Ахиллом: по свидетельству Арриана (Per. 32), в его храме на Левке есть посвященные ему надписи на греческом и латинском языке, которые составлены разными стихотворными размерами. По Филострату (Heroicus, XIX, 17), многие, кто провел ночь на корабле у Левки, слышали песни Ахилла и Елены: они «пируют и занимаются пением, именно воспевают свою взаимную любовь, гомеровские песни о Трое и самого Гомера; ибо Ахилл еще наслаждается поэтическим дарованием, переданным ему Каллиопою ... его песнь о Гомере божественна и полна поэзии» (пер. SC 1, p. 639).[89] Филострат привел текст этой эпиграммы, написанной от имени Ахилла, и по прославлению Гомера в ней можно заключить, что она создана ольвийским поэтом, так как из городов Северо-Западного Понта именно Ольвия славна культом Гомера; поскольку ее протекторат над Левкой завершился в III в. до н. э., это, скорее всего, произведение IV–III вв.

Уяснив вышеизложенное, обратимся к построчному анализу надписи. Стк. 1–4 составляют вступление к гимну с invocatio к божеству, текст с новыми дополнениями лакун и перестройкой прежних таков:

[e. g. ὦ θεός, | ὑμ]νοθέ|τῃ μέλι | καὶ κριθ|[ὰς μὲν ὄπ|αζε
δὶ ὕμνῳ ο]ὖν | ὡς ἐπι|τέλλεις | πέμπ[ων | νίκας | υἱοῦ
ᾄσαι | τὰ]ς τῷ|πους θεο|ποιήτους| πὲρ γ[ὲ λό|γων μὲν |
ροῆι] ρα | κρηναί|ῃ·

«*О богиня*, слагателю гимнов меда и хлеба *дай же* || *за песнь*-то, коль велишь ты, отсылая, *победы сына* || *воспеть*, богозданные весьма, сей песни *слов потоком* ключевым». В υἱοῦ дифтонг ου идет за краткий слог, поскольку следующее слово начинается с гласной (ᾄσαι). Метрика стк. 1: [– ˘ ˘ | –] ˘ ˘ | –// ˘ ˘\\ | –// – |[– ˘ ˘ | – ˘], в третьей и четвертой стопах цезура (обозначаем двойными косыми влево), в третьей стопе еще и диэресь – совпадение конца слова с концом стопы (обозначена двойными косыми вправо).[90] Метрика стк. 2-4: [= =]| –// ˘ ˘ | – –\\ | – [–\\ | – – | – ˘ ||3 – – | –] – | –// ˘ ˘ | = –\\ | – ˘ ˘ | – ˘ || = –\\ | – – | –.

Почти все гомеровские гимны к богам начинаются с их имен в стк. 1 (например, гимн XIII к Матери богов: Μητέρα μοι πάντων τε θεῶν κτλ «Матерь всех богов и всех людей, воспой мне гимном, звонкая Муза»). В гомеровских гимнах зачин

[89] Мотив взаимной любви Ахилла и Елены, внушенной Афродитой и Фетидой, древний, представлен уже в постгомеровской поэме «Киприи» [Kinkel, 1877, p. 20].

[90] В надписи много цезур – мужских, женских, седмин (после 7-й стопы), не показываем их специальными знаками, дабы не загромождать метрическую схему, т. е. ограничиваемся просто знаком цезуры //.

часто обращен к Музе (например, III, 1: «Муза, расскажи мне ... »). Со словом ὑμνοθέτης контексты таковы. Эпиграмма Мелеагра начинается с обращения к Музе и упоминания поэтов- ὑμνοθέται: «Милая Муза, кому несешь ты эту многоплодную (πάγκαρπον) песнь», от нее (Музы) венок у слагателей гимнов (Anth. Graeca, IV, 1, 1-2). В эпиграмматике художественный дар «слагателя гимнов» соединяется с Музой (Музами) и Гермесом. Anth. Graeca, IV, 1, 44: песенный дар у слагателя гимнов от Гермеса; Ib. VII, 428, 16: Музы вдохновители слагателей гимнов. По Феокриту (Epigr. 11), слагатель гимнов – друг божественного. Однако Музы дают поэту вдохновение, а ольвийский стихотворец в начале гимна просит у божества, по аллюзии с Демодоком на пиру у Алкиноя, материальных яств для насыщения – меда да хлеба. Прямой адресат для такой просьбы Деметра (она ипостась Матери богов), см. ниже. Слово ὑμνοθέτης поэтическое, редкое, доныне известное поэтам эллинистической и римской эпиграмматики, также лексикографам, схолиастам; ольвийская надпись удревняет его узус до VI в. Датив [ὑμ]νοθέτῃ в ольвийском гимне без *иоты*, что обычно для ионийской эпиграфики [Thumb, Scherer, 1959, S. 254], в том числе ольвийской [ОХБ, с. 33, 34, 43, 78, 337].

Дополнение стк. 1 должно следовать двум условиям – включать имя божества и слово δός, δίδου, ὄπαζε «дай», предусматриваемое просьбой поэта о награде. Поскольку адресат гимна в точности не известен, возможны разные варианты, также вариативно размещение имени божества и слова δός, δίδου или ὄπαζε на разных позициях в пределах стк. 1-2. Раньше я дополнил в лакунах конца стк. 1 – начала стк. 2 κριθ[ὰς ὀπάζεις μὲν || ἀντ᾽ ᾠδῆς ο]ὖν «хлеба *ниспошли* || *в воздаянье за песнь*-то», почти дословно воспроизведя стих гомеровского гимна к Деметре (V, 494) и Гелиосу (XXXI, 17): πρόφρων ἀντ᾽ ᾠδῆς βίοτον θυμήρε ὄπαζε «благосклонно пошли вкусный хлеб в воздаянье за песнь». Однако в лакуне начала стк. 2 [ἀντ ᾠδῆς ο]ὖν дополнил 8 букв, что больше допустимого предела в 7 букв; ввиду этого перекраиваю дополнение лакун в конце стк. 1 и начале стк. 2, чтобы передать этот же смысл более короткими словами: κριθ|[ὰς μὲν ὄπ|αζε || δι᾽ ὕμνῳ ο]ὖν «хлеба *дай же* || *за песнь*-то». В гомеровских гимнах просьба к божеству дать что-либо поэту присутствует в заключительной части, подразумеваясь наградой за него.[91] Но ольвийский поэт мог ориентироваться на эпизод «Одиссеи» с певцом Демодоком, который сперва получает питье и еду, затем приступает к исполнению песни (VIII, 483–485, 499 сл.). Согласно «Каталогу женщин» Гесиода, Демодок получил от царей «многие и славные дары» (fr. 55 = Kinkel, 1877, p. 108). Как сказано, перемещение просьбы к божеству дать что-либо поэту в самое начало

[91] Так ὄπαζε стоит в конце гимна к Деметре (V, 494), к Гелиосу (XXXI, 17 – в третьей от конца строке), в гимне к Гермесу – в середине (II, 120). Аористный императив δός «дай» более употребителен в гомеровских гимнах: ἀλλὰ σὺ θάρσος δός «но ты дай смелости» (VIII, 16, к Аресу); δὸς δ᾽ ἱμερόεσσαν ἀοιδήν «дай желанную песнь» (X, 5, к Афродите); δὸς δ᾽ ἄμμε τύχην «дай нам удачу» (XI, 5, к Афине). Тут δός или δίδου (XV, 9) тоже располагаются в конце гимна.

гимна обусловлено воздействием лирики архаического времени, в которой это обычная ее позиция. То же и у Пиндара: просьба с ὄπαζε стоит в стк. 9 Немейской оды III (в целом там 84 стиха).

Теперь об имени божества, которое должно упоминаться в самом начале гимна. Поскольку в сохранном тексте ольвийского гимна оно явно не выражено, как сказано, возможны разные догадки о нем. Ранее ввиду указанной параллели из гимна к Деметре и упоминания Матери в стк. 8 надписи (Деметра ее ипостась) я дополнил ее имя в начале стк. 1: [Μῆτερ, ὑμ]νοθέτη «*Матерь*, слагателю гимна», считая в вокативе [Μῆτερ] два долгих, так как краткая гласная может удлиняться и перед одиночной сонорной (пример с *ро*: κα|κὰ ρέ|ζουσι (Ilias, IV, 32) – *альфа* перед *ро* долгая).[92] Для соответствия более общей норме можно переместить теоним в конец строки: καὶ κριθ|[άς, θεὰ | Μῆτερ,] «и хлеба, *богиня Мать*». Формула «имя богини + θεά» (также с перестановкой этих членов) обычна в гомеровских гимнах, вот примеры из гимнов к Деметре: Δήμητρ ᾽ ... θεόν (IV, 1; XII, 1); в гимне к Матери ее эпитет σεμνὴ θεά «благочестивая богиня» (XXX, 16). В связи со сделанным выше предположением, что под Матерью стк. 8 надписи может подразумеваться Фетида, возможно дополнение и ее имени: καὶ κριθ|[άς τε, Θέ|τι, δός] (*иота* ее имени долгая); в таком случае лакуна начала стк. 1 заполняется, к примеру, ее эпиклесой [Μῆτερ,]. Как сказано, ольвийский гимн может быть обращен и к самому Ахиллу, без опосредованной роли его матери, в таком случае возможно следующее чтение стк. 1: [σεμνῷ | ὑμ]νοθέ|τῃ μέλι | καὶ κριθ|[άς, Ἀχι|λεύ, δός] «*благочестивому* слагателю гимнов меда и хлеба *дай, Ахилл*». Ежели кто-то увидит в протагонисте гимна Геракла, возможно и чтение вокативной формы его имени: κριθ|[άς, Ἥ|ρακλες,] «хлеба, Геракл». Ввиду неясности теперь не ввожу в начало гимна имя конкретного божества, ограничившись общим словом θεός «бог», «богиня». Но в дальнейшей реконструкции текста исхожу из обоснованного выше заключения, что протагонист гимна Ахилл, так что ὦ θεός «о богиня» – это Фетида (ср. Od. XXIV, 91-92: θεὰ. . . Θέτις), отсюда и дополнение слова υἱός в стк. 2 и 5.

В статье 2015 г. я читал в стк. 2 – начале стк. 4: ὡς ἐπι|τέλλεις | πέμπ[ων – ˘ || -- ἐ]ς | τόπους θεοποιήτους περι[-- ροὴ -- | –]ρα κρηναίη· «потому как велишь ты, отослав -- || -- в богозданные местности вкруг --, *поток* || -- ключевой», и полагал, что поэт мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос. Понимание выражения ἐπιτέλλεις πέμπ[ων] я воспринял у Л. Дюбуа: «ты велишь, отпуская», ибо оно согласуется со словами следующей строки [ἐ]ς τόπους θεοποιήτους «в богозданные местности». Но в таком случае выражение [ἐ]ς τόπους не дает дактиля или спондея – первый *омикрон* повисает между двумя долгими слогами. Поскольку произведение бесспорно составлено гекзаметром, сие означает, что текст ΣΤΟΠΟΥΣ

[92] Как сказано, формула πρόφρων ἀντ᾽ ᾠδῆς βίοτον θυμήρε ὄπαζε есть и в гимне к Гелиосу (XXXI, 17), но этот бог не вписывается в контекст ольвийской надписи, ибо в Гилее не почитался.

прочтен неточно: это не [ἐ]ς τόπους. Логично для гимна тут следует иное чтение: [--]ς τ̓ὅπους, т. е. *gen*. τõ = τοῦ ἔπεος «этой песни», в красисе с артиклем и слиянием εο в ου (*gen*. ἔπους обычен).[93] Отметим, что под словом τὰ ἔπεα (pl.) «слова, словеса; песни» античные греки понимали дактилическую стиховую метрику [Толстой, 1966, с. 194]. В стк. 2 ὡς с индикативом ἐπιτέλλεις выражает причину – «дай, потому как велишь ты… » (ср. [Нидерле, 1880, с. 269–270]).

Глагол ἐπιτέλλειν поэтический, употребляется лишь в поэзии (проник в прозу только в позднеантичное время). Выражение ἐπιτέλλεις πέμπων – рецитация из «Илиады» (XXIV, 780): πέμπων μ᾽ ὧδε ἐπέτελλε «отпуская, обещал мне так».[94] Авторы LSJ (s. v. ἐπιτέλλω) обозначили его конструкцию – плюс инфинитив глагола и дательный падеж личного местоимения. С дополнением глагола в нашей надписи проблем нет: почти все гомеровские гимны содержат в начальных строках глаголы ὑμνέω, ἀείδω «пою», ἐνέπω «рассказываю» (II, 1; III, 1; IV, 1 и т. д.; у Пиндара еще αἰνεῖν, ἐπαινεῖν «восхвалять, прославлять»), ибо это существо гимна как поэтического жанра, призванного воспевать божество. Ввиду этого дополняю глагол ἀείδω, по условиям метра его форму *inf. aor*. ᾄσαι «воспеть». Слова ὕμνος и ἀείδω, можно сказать, парные, – настолько часто их совместное употребление.[95] Упомянутые глаголы гомеровских гимнов стоят в личной или инфинитивной форме, имя божества при них обычно ставится в вин. падеже. В ольвийском гимне упомянутая конструкция дана с формой 2-го лица ἐπιτέλλεις «ты велишь», которая указывает, во-первых, на наличие в предшествующем тексте имени божества (у нас это вокатив [θεὰ Μῆτερ] стк. 1 и другие варианты), во-вторых, на несколько иное смысловое построение: ὡς ἐπιτέλλεις πέμπ[ων σεμνῶς ᾄσαι --] «ибо велишь ты, отослав, *торжественно воспеть*», т. е. в гимне поется не о самом божестве, но оно велит что-то или кого-то воспеть.[96]

Теперь обратимся к пониманию стк. 3-4. В коротком тексте стк. 3 сохранились лишь два содержательных слова – ἔπος «песня» (*gen*. τ̓ὅπους in crasi) и θεοποίητος «сотворенный божеством, богозданный». Первое общеупотребительно, второе упоминается с десяток раз – Исократом («богозданно» государственное устройство), схолиями к Гомеру («богозданные» стены Трои) и к Феокриту (башня);

---

[93] Дифтонг ου передается в нашей надписи и через ō: gen. ἱρõ стк. 4, (Ἴ)ητρõ стк. 10.

[94] Л. Дюбуа привлек сюда и XI, 765-766: ἐπιτέλλε ... πέμπε [Dubois, 1996, p. 58]. В обоих местах «Илиады» причастием πέμπων «отпуская» и личной формой πέμπε «отпускает» указано, что действующее лицо отпускает от себя собеседника – Ахилл Приама, Менетий Патрокла. Так и в ольвийском гимне πέμπων «отпуская» означает, что богиня отпускает поэта от себя; 2-е лицо ἐπιτέλλεις «ты велишь» прямо указывает на непосредственное собеседование богини да поэта, и данное обстоятельство еще раз свидетельствует, что в предшествующей стк. 1 было имя бога.

[95] Hymni Hom. I, 161: ὕμνον ἀείδουσιν. *Theognis*, 993: ὕμνον ἀείδειν. Apoll. Rhod. II, 161: ὕμνον ἄειδον. *Eustathii* comm. in Iliadem, vol. I, p. 212, 14: ὕμνον ἄδοντες, это же у Дидима. Также Платон (Leges 947 b 7), Феокрит (Bucol. I, 61) и др.

[96] Если же дополнять в стк. 1 имя протагониста гимна – Ахилла или Геракла, тогда повеление «*воспеть*» может относиться к их победам, о которых см. ниже.

у Евсевия это «богоданные перемены», у Иоанна Хрисостома «богозданное формирование», у Афанасия «богозданной рукой сотворенное». Таким образом, узус слова θεοποίητος разнообразен, относится к сфере и конкретных понятий, и абстрактных, в целом употребление его определяется контекстом. Из сохранного текста ольвийской надписи явствует, что какая-то враждебная внешняя сила нанесла урон Гилее и ее святилищам (повредить алтари мог только враг). Поскольку выше мы заключили, что гимн, скорее всего, посвящен Ахиллу и что в нем Фетида может быть контаминирована с Матерью и поскольку гимн в честь божества всегда оптимистичен, а также принимая во внимание, что далее в гимне упоминаются причиненные врагом разрушения, резонно полагать, что содержательное существо произведения состоит в победе Ахилла над врагом и восстановлении разрушенного. Это дает основание дополнить в лакунах конца стк. 2 и начала стк. 3: [νίκας υἱοῦ || ᾄσαι τὰ]ς τὅπους θεοποιήτους πέρ «*эти победы сына* || *воспеть* сей песнью, богозданные весьма». «Воспеть победы» (νίκας ᾄσαι) – задача гимнографов V в. Пиндара, Вакхилида, и схолиасты первого констатируют (цитируем по TLG): ὑπὸ τῆς νίκης ... ὕμνοι «гимны ... за победу» (in Pyth. II, scholion 8, 2; также in Nem I, schol. 11, 2); οἱ νικῶντες τοὺς ὕμνους λαμβάνουσιν «победители обретают гимны» (in Pyth. VI, schol. 4, 4); τοὺς ὕμνους ἐπαινεῖν τοὺς νικῶντας «хвалить гимнами победителей» (in Ol. I. schol. 16, 7). У Пиндара и Вакхилида, понятное дело, обычно фигурируют в таких контекстах олимпионики. *Pind*. Ol. VII, 88: τίμα μὲν ὕμνου τεθμὸν Ὀλυμπιονίκαν «по обычаю почитает гимном олимпионика»; Ol. XIII, 1-2: τρισολυμπιονίκαν ἐπαινέων οἶκον «воспевая трижды победный на Олимпиадах дом»; Pyth. I, 59-60: νικηφορία ... ὕμνον – для победоносности отца «найдем гимн». С ἀείδω, как в нашем дополнении: Ol. XIV, 25–27 – олимпионика воспевая (ἀείδων) Асопиха, «ибо олимпийскопобедна Минийская страна». То же у Вакхилида: ὀλυμπιονίκας ἀείδειν «воспеть олимпиоников» (Ep. IV, 7); Πυ(θ)όνικος ἀ(είδε)ται «воспет победитель на Пифийских играх»; также у него: ὑμνεῖν ... Νίκας «восславить гимном ... Ник» (Ep. V, 33). К нашему дополнению υἱοῦ ᾄσαι ср. *Pind*. Ol. IX, 21: αἰνέσαις ἓ καὶ υἱόν «прославь ее (Опунтскую землю) и сына ее».

Сохранившийся в начале стк. 4 текст [--]ρα | κρηναίη «родниковая, ключевая» можно согласовать с упониманием в стк. 3 τὅπους «этой песни» в качестве поясняющей метафоры: γ[ὲ λόγων μὲν || ροῆι] ρα | κρηναί|η «*слов потоком* ключевым». Это расхожая метафора, ср. у Пиндара ἐπέων ροαῖσιν – увековечено «потоками слов» (Isthm. VII, 19); особенно полон контекстуальных совпадений с лексикой ольвийского гимна пассаж Nem. VII, 8–16, в котором наряду с ροαῖσι (sc. ἐπέων) Μοισᾶν «потоками *слов* у Муз» находим также ὕμνων «гимнов», ἐπέων ἀοιδαῖς «песнями словес», даже εὕρηται ἄποινα «находит воздаяние», с которыми корреспондируют ηὑρήκασι «нашли» стк. 12 и отчасти ἄπονοι «праздные» стк. 9 ольвийского гимна; далее, к μελίφρον «сладкий для ума» Пиндара – μέλι «мед» стк. 1, к παῖς ... ἀείδεται «сын ... воспевается» – наше дополнение υἱοῦ ᾄσαι «воспеть *победу*

сына».[97] Эта гроздь соответствий – лучшее свидетельство поэтического характера ольвийской надписи.[98]

Прилагательным κρηναίῃ завершается вступление к гимну, затем следует narratio гимна с изложением двух тем. Первая развивается в стк. 4–6, где ведется речь об изготовлении смертоносного оружия и упомянут «священный остров», – буквы ΝΗΣ конца стк. 4 определенно принадлежат слову νῆσος «остров» или производному от него (несколько слов на νησ-, обозначающих прядение, голодание, не вписываются в контекст). Ранее я полагал, что, может быть, автор переносит читателя на Лемнос, где куется оружие (стк. 4-5), и это возможная аллюзия к XVIII песне «Илиады», в которой по просьбе Фетиды Гефест в своей кузнице на Олимпе выковывает доспех и оружие для ее сына (стт. 468 сл. ; сохранившееся в начале стк. 6 -ληι может относиться к имени Ахилла: [Ἀχι]λῆι «Ахиллу»). Однако такому пониманию стк. 4–6, изложенному в статье 2015 г. и книге 2017 г., не вполне соответствует употребленное автором гимна слово φώς «муж, мужчина», которое не относили к богам, – в гомеровском эпосе оно прилагается к мужам-воинам, к героям, к сыновьям богов (сын Асклепия Махаон: Ilias, IV, 193-194). Поэтому предположение о Гефесте и Лемносе отпадает. Но что это за «священный остров» (gen. ἱρῶ νήσ[ō]), на котором куется оружие?

В ольвийском регионе металлургия раннего времени засвидетельствована на Березани (раскопки В. В. Лапина и др.) и поселении Ягорлык (раскопки А.С. Островерхова). Березань не считалась «священным» островом;[99] иное дело Ягорлыцкий ремесленно-производственный центр – он расположен на Кинбурнском полуострове, западная оконечность которого с Ягорлыцким поселением была в античное время (до подъема уровня моря около рубежа эр) островом – его отрезала протока Днепра [Агбунов, 1992, с. 185–187]. Видимо, эта часть Кинбурна и подразумевается в гимне: там, на «священном острове», некий «муж выковал оружие»; поскольку далее говорится о разрушениях в Гилее, резонно думать, что это оружие предназначалось для отражения врагов. В связи с таким пониманием стк. 4 допол-

---

[97] Вот контекст указанных строк этой Немейской песни, посвященной победителю в мальчуковом пентатлоне Согену с Эгины: «И вот через тебя, сын (παῖς) Феариона Соген, / избранный в доблести, / прославляется ныне в песнях (ἀείδεται) / меж пришедшими к пятерной борьбе; / недаром обитает он в краю Эакидов, / где песни звучат и копья стучат, / ибо здесь в каждом пылает дух / ревностью искуситься в состязании; / и чей увенчается труд, / тот станет для Муз источником льющихся струй (ροαῖσι, sc. ἐπέων, Μοισᾶν), / которые – как мед для ума (μελίφρον): / ибо без песни (ὕμνων) и великая сила пребывает во мраке; / ведомо, что единое есть зерцало для лучших дел – / милостью Мнемосины с яркою повязью / найти в славных напевах слов / мзду за тяготы (εὕρηται ἄποινα ... ἐπέων ἀοιδαῖς) свои» (пер. М. Л. Гаспарова). Для нашей темы гомеровских рецитаций стоит отметить, что далее в ст. 21 Пиндар называет Гомера «сладкозвучным» – ἁδυεπῆ Ὅμηρον.

[98] Что до букв РА, сохранившихся в начале стк. 4, то, просмотрев по электронному Thesaurus linguae Graecae все контексты с прилагательным κρηναῖος (-α /-η, -ον), подходящего слова на -ρα не увидел. Поэтому в стк. 4 это, вероятно, эпическая энклитика ρα «и вот», «стало быть» и пр., в ней *альфа* по природе краткая, но по положению у нас долгая, так что для счета слогов гекзаметра ей должна предшествовать долгая же гласная – ροῆι.

[99] Ф. В. Шелов-Коведяев счел ее таковой, но см. критику М. В. Агбунова [1992, с. 163-164].

няю в лакуне начала стк. 5 в пандан к эпическому аористу κάμε «выковал» другой эпический же аорист [στεῖλε] «*отослал*», соединив их связкой τε: «выковал оружие медное, безжалостное, *и отослал*». Как сказано, в стк. 6 возможно дополнение имени Ахилла – [Ἀχι]λῆι, по поводу чего еще раз напомним известие Страбона (VII, 3, 19) о «мысе Ахиллова бега, лишенном растительности, но называемом рощей (ἄλσος) и посвященном Ахиллу». Это западный мыс Кинбурна-Гилеи, до времени Страбона являвшийся островом (ср. рис. 5 – современное состояние природы тут).[100] В связи с именем Ахилла предположительно понимаю YI перед лакуной конца стк. 5 как υἱ[ῶι] «сыну», что, как сказано, зависит от дополнения в стк. 1 [ὦ θεός] – подразумеваемой его матери Фетиды, в целом υἱ[ῷ σῷ] «твоему сыну».[101]

Итак, текст и просодика стк. 4–6:

[ροῆι] ρα | κρηναί|ῃ · κάμε | ἱρῶ | φὼς νή|σ[ō[102] τε
[=] –\\ | – – | –// ˘ ˘ \\| – –\\ | –// – |[– ˘]
5 στεῖλε] δι|καίως ἔν|τη χαλ|κῆ νη|λῆ υἱ|[ῶι σῷ
[– ˘] ˘ | =// – | –// – | –// – | –// – |[– ˘]
ἄρ᾽ δ᾽ Ἀχι]|λῆι ἐν|θεῦθεν | ἐς τὴν | Ὑλαί|[ην, ὃς]
[– ˘ ˘]| =// – | – –\\ | –// –\\ | – – |[– ˘]

«- - родниковой. Муж священного острова выковал и || *отослал*, как подобает, оружие медное, безжалостное, *сыну* | *твоему* ж Ахиллу оттуда в сию Гилею, *который*».[103]

Как и в Μῆτερ стк. 1 перед плавным ρ, последний *эпсилон* слова ἐνθεῦθεν стк. 6 перед сонорной ν считаем долгим (см. выше). Местоимение σῷ – краткий слог ввиду гласного начала следующей за ним частицы ἄρ᾽. В названии Ὑλαίη первая гласная долгая. В δικαίως стк. 5 дифтонг и долгая гласная слитные. Прочтение конца стк. 5 А. С. Русяевой, Ю. Г. Виноградовым и их прорись тут, судя по фото, проблематичны; их чтение, воспринятое и Л. Дюбуа – ἐν τῇ Χαλκήνῃ αἱ γυν[αῖκες], но я вижу на фото иной текст – ἔντη χαλκῆ νηλῆ, который верифицируется следующими данными. Во-первых, он более простой, без топонима, вычитывание которого в неясном контексте не приветствуется теорией да практикой эпиграфики; во-вторых, он перевязан во всех трех словах вин. падежом на -η, тройная повторяемость которого не может быть случайной; в-третьих, наше прочтение формульное, включающее и гомеровское νηλέι χαλκῷ (см. выше), и χαλκέοισι ἔντεσι Пиндара (Ol. IV, 22; оно же у Оппиана ἔντεσι χαλκείοις – Cyneg. II, 67). Более того, указанный стих Пиндара: χαλκέοισι δ᾽ ἐν ἔντεσι νικῶν δρόμον «победив в беге в медных доспехах» своим νικῶν может намекать и на вероятность нашего дополнения слова νίκας в стк. 2 (см. и ниже). А стих «Илиады»

[100] Полностью описание Страбона приведено выше.

[101] Твердой уверенности в чтении после νηλῆ букв YI нет, ибо тут две длинные вертикальные линии и одна горизонтальная, прочерченные поверх всей надписи, видимо, повредили 1-2 буквы; посему дополнение υἱ[ῶι σῷ] условно.

[102] Или νήσου, см. ниже о графемах ō и ου.

[103] Обратим внимание на созвучие **τὴν** | Ὑλαί|[**ην τε**], в переводе учитываем его: «с**ию** Гил**ею**».

(XIX, 384) ἐν ἔντεσι δῖος Ἀχιλλεύς «божественный Ахилл в вооружении» вполне служит подтверждением правомерности нашей связи героя исследуемого гимна с Ахиллом: ольвийский поэт явно пользовался формульным ресурсом «Илиады», относящимся к поэтике Ахилла. В ней со ст. XIX, 368 следует перечисление вооружения Ахилла, изготовленного Гефестом (Ἥφαιστος κάμε) для него, оно и защитное – шлем, щит да прочее, и наступательное – ξίφος ἀργυρόηλον χάλκεον «меч медный, с серебряными гвоздями (рукояти)». Лексика стихов 368–384 κάμε -- ἔντεσι -- χάλκεον присутствует в стк. 4–5 ольвийского гимна, а связь ее с Ахиллом в «Илиаде» может верифицировать его присутствие в гимне. Точно так же этим ресурсом пользовался автор орфической «Литики» (ст. 676–677): ἔντεσι ... Ἀχιλλῆος, причем у него тут еще и νίκης, – тоже аргумент в пользу нашего дополнения слова νίκας в стк. 2; ἔντεσι с νίκην дал также поздний эпик Нонн Панопольский (I, 477–478). Формула χάλκεον ... κάμε «медное ... выковал» присутствует и в ст. VII, 220–221 «Илиады», где говорится о крытом медью огромном щите Аякса, сделанном искусным мастером Тихием, который жил в беотийской Гиле: Ὕλῃ ἔνι, и примечательно, что в стк. 4–6 ольвийского произведения наряду с теми же κάμε и χαλκῆ также присутствует топоним, более того, он созвучный и тоже с предлогом – ἐς Ὑλαί[ην]. Полагаем, приведенных параллелей достаточно для веского заключения, что наш неведомый по имени ольвийский пиита вдохновлялся в своих стихах 2–6 указанными пассажами «Илиады» XIX, 268–384 и VII, 220–221 (как позднее делал это и автор «Литики»).

Интересен гапакс ἐνθεῦθεν стк. 6 гимна. Хоть форма уникальная, как будто ясно, что это наречие ἐντεῦθεν «отсюда, затем»; восточноионийская его форма ἐνθεῦτεν (*Herod*. I, 2; I, 75, со ссылкой на Фалеса; схолии к Гомеру, Свида) обусловлена перестановкой придыхания [Thumb, Scherer, 1959, S. 266]. Но у нас две *теты*, что понять непросто. Можно предположить, что это дальнейшая аспирация – после перестановки аспираты θ и глухого τ местами последнее тоже подверглось аспирации. Однако, во-первых, ни один из примеров в руководстве А. Тумба, А. Шерера не дает такого развития, во-вторых, для псилотической ионики VI в. да еще с дальней ассимиляцией глухого придыхательным это вообще немыслимо. Стало быть, требуется иное решение. Выше мы уже не раз отмечали частую в ионике, в том числе ольвийской эпиграфике, графическую передачу дифтонга ει через ε̄, что позволяет видеть тут поэтический глагол θείνω «поражать, убивать».[104] В гимне такая графическая передача определенно представлена в названии Ворυσ|θε̄ стк. 8 (см. ниже). Это позволяет читать в стк. 6 ἐνθ᾽ εὖ θε̄νε̄ς (= θείνεις) τήν «тогда ты благополучно поражаешь *врага*», что хорошо вписывается в контекст гимна: оружие выковано, переслано с острова Ахиллу и он поражает им неприятеля. Форма 2-го лица θε̄νε̄ς означает, что и та же форма ἐπιτέλλεις стк. 2 относится к Ахиллу, это заставляет дополнять в стк. 1 его имя (а не Фетиды и / или не ее эпитет Мать); выше мы дали и такой вариант: κριθ[άς, Ἀχιλεύ,

[104] Например, его употребил Пиндар, говоря об убийстве Гераклом Ликимния – Ol. VII, 28: θενῶν.

δός] «... хлеба дай, Ахилл».[105] Тем не менее, учитываем такое чтение как возможный вариант: поскольку ἐνθεῦθεν дает вполне связный смысл стк. 6, сочтем его вторую тету понятной опиской автора надписи.

В стк. 7–12 развивается вторая тема narratio гимна, в которой описываются события в Гилее. Мы уже не раз отмечали, что гимн в честь бога всегда мажорный и оптимистичный по настрою, поэтому негативное в этом пассаже – «порушенные алтари», «поврежденные деревья» – должно иметь на самом деле положительный контекст. На это указывает содержание предшествующего пассажа: оружие изготовлено и переслано с острова Ахиллу; далее по законам драматургии это оружие должно быть пущено в ход (известное театральное правило: если в первом акте ружье висит на стене, в следующем акте оно должно выстрелить), причем ввиду непременно мажорного духа гимна оно призвано победить. Это необходимое содержание, как сказано, дает чтение в стк. 6 ἐνθ᾽ εὖ θε̅νε̅ς (= θείνεις) τήν «тогда ты благополучно поражаешь *врага*». Однако мы отправили его в запас, так что таковой смысл следует встроить в лакуны конца стк. 6 – начала стк. 7. В лакуне конца стк. 6 места почти не осталось – после Ὑλαί[ην] дополняется лишь один краткий слог. Лакуна начала стк. 7 на 5–6 букв; условно дополняем в целом Ὑλαί[ην, ὅς || νίκησ̓,], что с предшествующими стк. 4-5 дает следующий контекст: «Муж священного острова выковал и || *отослал*, как подобает, оружие медное, безжалостное -- || Ахиллу оттуда в сию Гилею, *и он победил*». Связующее звено между этим и следующим далее текстом – наречие αὖτις со следственным значением «снова, после, потом», оно указывает, что произошло после победы Ахилла. В свете изложенного читаем стк. 6–9 так:

[ἄρ᾽ δ᾽ Ἀχι]|λῆι ἐν|θεῦθεν | ἐς τὴν | Ὑλαί|[ην, ὃς
νίκησ̓]| αὖτις | οἱ βω|μοὶ βεβ|λαμμένο[ι | ἔσταν
– –]| – –\\ | –// – | –// – | – ˘ ˘\\ |[– ˘
οἱ Μ]ητ|ρὸς Θεῶν, | καὶ Βορυσ|θε̅ καὶ | Ἡρακ|λ[ε̅ ἓ
–]– | –// =\\ | –// ˘ ˘ | –// –\\ | – – |[– ˘
ἤδη δ]ε̅ τατόν, | αὖ ἄπο|νοι δοῦ|λοι κατα|δῆγ[το·
– –]| –// ˘ ˘\\ | –// ˘ ˘ | –// – | –// ˘ ˘ | – [˘]

«*Ахиллу* оттуда в сию Гилею, *который* || *победил* и вслед за сим порушенные алтари *поднялись* || – *алтари* Матери богов, а у *посвященных* Борисфену и Гераклу то, что || должно быть соединено, праздные рабы уже скрепляли вновь».

Дополненные формы νίκησ̓ и ἔσταν продолжают череду предшествующих аористов [ᾄσαι], κάμε, [στεῖλε]. В ранней эпике глагол νικάω употребляется и с приращением – ἐνίκησε(ν) (Ilias, III, 439 etc.), и без него – νίκησε(ν) (Od. X, 46 etc.);

[105] Такой поворот содержания влечет за собой небольшую перестройку заполнения лакун: в стк. 2 вместо νίκας | υἱοῦ дополняется νίκας σοῖο || ᾄσαι – «твои победы воспеть»; в начале стк. 6 [σῷ δ᾽ Ἀχι]λῆι «тебе ж, Ахиллу» (в конце стк. 5 после νηλῆ, как сказано, чтение букв ΥΙ нетвердо, поэтому воздержимся от нового дополнения их).

у нас с элизией конечного гласного перед гласным началом наречия αὖτις. *Иота* этого наречия по природе краткая, здесь долгая по положению перед членом οἱ, который этимологически происходит из σϝοί, так что *иота* стоит перед двумя согласными (к примеру, в Od. I, 239: τῷ κέν | οἱ три долгих слога). В βεβλαμμένο[ι] конечный дифтонг краток, ибо находится в тесисе перед гласной следующего слова – ἔσταν. Посредством дополнения этого глагола встраиваем в положительный контекст «порушенные алтари» стк. 7: οἱ βω|μοὶ βεβ|λαμμένο[ι ἔσταν] – они «поднялись». Среди основных значений глагола ἵστημι (базовое «ставить») числятся и строительные – «укреплять, возводить, сооружать»; именно этот смысл вкладываем в перевод «*поднялись*». Гласные в Θεῶν сливаются, образуя один долгий слог; *ипсилон* в Ворυσ|θε͂ тут краткий по общему правилу: если в названии 3 слога и более, гласные считаются долгими или краткими в зависимости от заданного размера, поскольку иначе оно не поместится в стих.

Стк. 8 по содержанию развивает сюжет стк. 7 о восстановлении разрушенных алтарей. Она интересна в качестве примера того, как изучение метрики позволяет уточнить текст стихотворной надписи. Ранее вслед за предшественниками я читал тут родительный падеж теонимов: [-- Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Ворυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος] «-- Матери богов, и Борисфена, и Геракла --». С учетом того, что в лакуне стк. 7–8 слева следует дополнить ок. 4–5 букв да еще сколько-нибудь в лакуне справа, для гекзаметра текст излишне большой. Однако примечательно, что если не восстанавливать род. падеж имени Ворυσθέ<νεος>, то текст вполне укладывается в эпический размер. Иначе говоря, сохранившийся текст стк. 8 в метрическом отношении является гекзаметром:

[οἱ Μ]ητ|ρὸς Θεῶν, | καὶ Ворυσ|θε͂ καὶ | Ἡρακ|λ[ε͂ ἓ]

«*алтари* Матери богов, а у *посвященных* Борисфену и Гераклу то, что --».[106]

Здесь [Μ]ητρός – *gen. possessivus*; при ее имени артикль οἱ – заменитель слова βωμοί в повторе: «*алтари* Матери». Речное имя Ворυσθένης третьего склонения, в том числе в ольвийских надписях [ОХБ, с. 16, № 14: *dat*. Ворυσθένει], так что Ворυσθε гимна – дóлжная форма датива, окончание -ϵ которого = -ε͂ = -ει. Подобное окончание представлено в вотивной надписи на терракотовой симе третьей четверти VI в. из Ольвии: [Ἀ]πόλλωνι Ἰηττρῶι Ворυσθένε͂ «Аполлону Иетру Борисфену».[107] В содержательном плане эта параллель означает, что Борисфен гимна – это ипостась Аполлона Иетра (о нем скажем далее). Поскольку в полном виде имя Ворυσθένης со своими 4 гласными не помещалось в эпический размер, автор гимна, полагаем, употребил его краткую разговорную форму *Ворυσθής (она следует из этого дательного падежа Ворυσθε͂), которая подобно полной форме названия шла по третьему склонению. Ничего необычного в предположении о краткой форме названия

[106] О дополнении ἓ «то, что» скажем в комментарии к следующей строке. О культе Матери и Борисфена в Ольвии см. [Русяева, 2010, с. 44, 56–62, лит.]; о культе Геракла речь уже велась.

[107] [Русяева, 2010, с. 44, № 1]; текст с моими поправками [ОХБ, с. 16 и прим. 5]. В ольвийских надписях раннего времени передача ει через ε͂ обычна, причем в разных позициях, в частности, в письме Ахиллодора [ОХБ, с. 106, 204, 208, 210, 211, 287, 288, 298, 336].

нет, так как большие реки обязательно имеют наряду с полными именами также их сокращенные формы. У того же Βορυσθένης известны подсокращенные формы Βορσθένης на щите из Дура-Европос и Ὀρυσθένης у Равеннского Анонима (Cosmogr. IV, 5).[108] Гуннское имя Днепра известно Константину Багрянородному (De adm. imp. 38) в полной форме Βαρούχ, а Иордану (Get. 269) в краткой – Var, без гуннского аффикса -ουχ. Также древнерусское имя этой реки Дънѣпрь имело краткую форму Нѣпрь, то же и в украинском языке – Дніпр и Ніпр [Словник літописних названий, 1985, с. 55]. У Волги в древности было иранское имя Rava, а Птолемею известна краткая стяженная его форма Ρᾶ (Geogr. V, 8, 12). Полные и сокращенные формы есть и у имен Дуная, Днестра позднеантичного времени да раннего Средневековья; закроем перечень взятым навскидку примером из античной метрополии: Σκάμανδρος и Κάμανδρος [Pape, Benseler, 1884, S. 1403], в этом сборнике названий полных форм и их гипокористиков тьма.

Поскольку связка καί соединяет равнозначные члены предложения, по дативу Βορυσθε͂ должен быть дополнен аналогичный датив также имени Геракла, тоже третьего склонения: Ἡρακλ[ε͂] «Гераклу». Таким образом, имя Матери стоит в родительном падеже, а Борисфена и Геракла – в дательном. В содержательном отношении это означает, что фраза о «порушенных алтарях» относится к алтарям Матери (как мы предположили, они восстановлены после подразумеваемого поражения врага), тогда как с алтарями, посвященными Борисфену и Гераклу, дело обстояло как-то иначе. Ввиду разницы падежей наделяем первое καί противительным значением – «а» («*алтари* Матери богов, а у Борисфена и Геракла. . . »).

Итак, разница в падежах имен богов указывает на различное состояние их алтарей: те, что посвящены Матери, были разрушены (βεβλαμμένο[ι]) и затем сооружены вновь ([ἔσταν] «*поднялись*»), а на алтарях Борисфена и Геракла, судя по упоминанию в следующей стк. 9 рабов, велись работы иного рода. В связи с этим обстоятельством дополняем в лакунах конца стк. 8 и начала стк. 9 [ἃ || ἤδη | δ]ε͂ τατὸν «*то, что должно* быть стянуто», – о починке алтарей Борисфена и Геракла. Здесь ἕ «то, что» – эпический аккузатив указательного местоимения *sg*. и *pl*. всех трех родов; [δ]ε͂ = δεῖ «нужно, требуется, должно быть»:[109] adj. verb. τατός «растянутый, стянутый» (от глагола τείνω «тянуть»).[110] Метрически [δ]ε͂ τατόν образует дактиль (–˘ ˘).[111]

---

[108] Считается, что это испорченное написание вместо Βορυσθένης [Подосинов, 2002, с. 195, 271], однако начальная *бета* давным-давно звучала как губной спирант v, который легко сливался со следующим *о* того же места образования, так что Ὀρυσθένης – вполне закономерное для раннего Средневековья написание.

[109] Как сказано, в ранних ольвийских надписях часта передача дифтонга ει через *эпсилон* (примеры [Dubois, 1996, p. 184; ОХБ, с. 16, 37, 106, 204, 208-211, 288, 298, 336, 632]).

[110] У Аристотеля (Hist. anim. 519a 32) говорится о коже: οὔτε ἔστι σχιστὸν οὔτε τατόν «ни слоистая, ни тянущаяся», т. е. стягивающаяся или растягивающаяся. Scholia vetera in Iliadem, II, 43: παρὰ τὸ τείνομαι τατός γίνεται «от глагола τείνομαι образовано τατός».

[111] Раньше мы читали в стк. 9: --έτατον, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν --] «--ейшее, вновь праздные рабы ободрали *деревья* --», усматривая в --έτατον окончание какого-то прилагательного превосходной

В статье 2015 г. я не уделил должного внимания краткости первой *альфы* и долготе второй в выражении δοῦλοι κατάδρ--, что не соответствовало гекзаметру, ибо воспроизвел сей текст вслед за предшественниками. Теперь ввиду метрического несоответствия пристальней вмотрелся в фото да прорись надписи и обнаружил, что буква после *дельты,* скорее, *О*, нежели *Р* по причине отсутствия ножки.[112] Это позволяет читать тут эпический имперфект καταδῡ[το·] (от глагола καταδέω «связывать, соединять». В эпическом языке приращение часто опускается; таков, к примеру, имперфект δέοντο «связывали» глагола δέω (Ilias, XVIII, 553). Ионийский диалект в целом сохраняет неслитное εο (например, см. ниже *gen*. ἀφανεός стк. 10 или μυθεόμενος письма Ахиллодора [ОХБ, с. 204]), но часто и сокращает в *ο* [Thumb, Scherer, 1959. S. 250], так что чтение формы καταδῡ[το] вполне оправдано. Этот глагол хорошо поясняет выявленную выше разницу в участи алтарей: «порушенные алтари» Матери «*поднялись*», т. е. сооружены заново, тогда как алтарю (алтарям) Борисфена и Геракла требовался только ремонт – его плиты заново перевязывали свинцовыми скрепами. В Ольвии VI–V вв. на теменосе Дельфиния алтари каменные (известняк), 12 тесаных плит алтаря V в. связаны свинцовыми скрепами длиной от 23 до 43 см [Карасев, 1964, с. 50], см. рис. 6. Чтение δοῦ|λοι κατα|δῡ[το] дает также идеальный для гекзаметра дактиль в 5-й стопе и усеченный в 6-й.

Итак, в стк. 7–9 велась речь о порушенных алтарях почитавшихся в Гилее божеств и их восстановлении; в следующих стк. 10–11 тема разрушений продолжена, поскольку ведется речь о «двух сотнях непригодных деревьев». Это продолжение общей для стк. 6–12 генеральной темы о положении дел в Гилее. Последняя стк. 12 написана над самым краем черепка, поэтому она длиннее предыдущих – включила также три стопы тринадцатого стиха гекзаметра. Таким образом, в надписи 12 строк, но 13 стихов гекзаметра; наш текст стк. 10–12:

10 [ἠδ]ὲ ἰ|ρουργίη ἳν̓ | Ἰητρῶ | ἰφανέος | ἱρὸς ἔ|λ(ε)ιπεν̣[113]
[–] = | – =\\ | = –\\ | –˘ ˘\\ | –˘ ˘ | – ˘
[τ]ῶν πιτύ|ων κακὰ | ἰτῶν | δένδρων | διηκόσι|[α ὑγιῆ
–// ˘ ˘ | –// ˘ ˘ | – –\\ | – –\\ | = ˘ ˘ |[= ˘
ο]ἰ θη|ρευταὶ | τῶν ἵπ|πων ηὐ|ρήκα|σι(ν) τὰ

степени; однако это проблематично, поскольку ε в окончании основ, как правило, принадлежит прилагательным на -ης, основа которых для образования степеней сравнения -εσ-, так что приходится дополнять *сигму*: --έ(σ)τατον. Это дает дактиль (–˘ ˘), но дополнение буквы излишне, если есть другое объяснение. Чтение κατάδρ[εψαν] «ободрали *деревья*» соответствует упоминанию в стк. 11 двухсот «непригодных деревьев» (возможность разночтений обусловлена тем, что после буквы Р у скола сохранилась слегка наклонная черта, которая может принадлежать архаическим Е или А, но также другим буквам.

[112] На фото эта буква имеет вид *коппы* – ϙ: ножка примыкает к середине нижней дужки уплощенного эллипса. *Коппа* не употреблялась в ольвийских надписях, так что это *омикрон*.

[113] Вариант ἔλῑπεν̣, см. ниже.

–// – | – –\\ | –// – | –// – | – – | –// ˘
ἀκίνδυ|να ἀντυ|ρε[ύον|τα --]
– – | –// – | – [– | --]

«*и* там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило *здоровыми* || две сотни поврежденных сосен, ивовых деревьев, || ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности *их* --».

У издателей, Л. Дюбуа и в моей статье 2015 г. текст стк. 10–12 темный по смыслу, не связанный с предшествующим и последующим содержанием (см. все это выше, в начале заметки II). Предшественники вычитывали имя некоего Метрофана, появившегося ниоткуда и канувшего в никуда. Поскольку в гимне подобное неуместно, я прочел строку иначе: [-- τ]ε ἱρουργίηι μ᾽ [Ἰ]ητρῶ ἀφανεὸς ἱρὸς ἔλιπεν [˘]«-- посредством священного обряда, совершенного неведомым жрецом Иетра, оставил меня --». Но и это чтение мало вразумительно, особенно неуместно местоимение μ᾽ «меня». Букву М я вычитывал по прориси издателей, но порождаемая ею проблемность текста побудила обратиться к фото, где на самом деле ее нет: есть левая гаста и уголок вершиной вниз, но нет правой гасты, так что это обычное в данной надписи архаическое ν с поднятой кверху мелкой правой боковиной. В результате читаю тут вместе с предшествующей *иотой* наречие места ἵνα (*in crasi* – ἳν᾽ Ἰητρῶ) «там». Далее вполне определенно вычитывается *gen*. (Ἰ)ητρῶ, причем скобки можно и не ставить, так как *иота* теонима уничтожена двойной вертикалью позднейшей ортогональной сетки. Точно таким образом в этой же строке уничтожены *иота* слова ἔλιπεν да вторая *иота* слова ἱρουργίη, и никто не заключал их в скобки. При теониме эпитет – *gen*. ἀφανέος «невидимого», вполне понятный для Иетра, который *ab origine* божество ветра [ОХБ, с. 19–23]. Это атмосферный бог, податель всего нужного плодородию – ветра (имя его этимологически родственно нашему *вѣтеръ*), дождя, воды да прочего, так что ему самое место в Гилее, которая стала у ольвийцев сакральной зоной благодаря своим древесным зарослям: как сейчас Алешковские пески, так тогда это был древесный оазис посреди бескрайней степи, ландшафт которой точно характеризует имя расположенного на территории древней Гилеи нынешнего поселка Голая пристань. Гилея со своими рощами была у ольвиополитов олицетворением всех сил плодородия – верхнего мира (солнце, ветры, дождь, акватории), среднего – рощи, реки,[114] и нижнего – почвенные воды. Сумму всех этих сил плодородия ольвиополиты олицетворяли в тамошних культах Матери, Ахилла, Геракла да Борисфена, который отождествлялся с Аполлоном-Иетром, о чем свидетельствуют вотивы третьей четв. VI в. из Ольвии.[115] Эпитет (gen.) ἀφανέος дан с аферезой – ἀφανέος, она встретится

[114] Параллельное имя Гилеи Ἀβική поясняется глоссой Гесихия ἄβιν «ель, сосна», была тут и речка Ἀβιανός, т. е. «Сосновая» или «Ельня» (см. нашу статью в БИ. 2018, т. 36, с. 51–52).

[115] Вотив третьей четв. VI в. из Ольвии: [Ἀ]πόλλωνι Ἰηττρῶι Ворυσθένε̄ «Аполлону Иетру Борисфену» и амулет того же времени с Березани Ворυσθένεος ἐμὶ Θένιος Ἰητρός «я есмь Борисфенов Иетр Сопричастный» [ОХБ, с. 16, № 12, 13]. Можно читать и θένιος (т. е. это не эпиклеза), перевод в этом случае таков: «я есмь Иетр, сопричастный Борисфену».

нам также в 13 стихе гимна.[116] Прилагательное ἱερός (ионич. ἱρός) трех окончаний, но у Гесиода оно и двух окончаний [LSJ, s. v.], что соединяет его с *fem*. ἱρουργίη, и все это делает чтение стк. 10 не только кристально ясным – [ἠδ]ὲ ἱρουργίη ἳν᾽Ἰητρῆ ἀφανὲς ἱρὸς ἔλ(ε)ιπεν «и там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило», но также позволяет соединить стк. 10 со следующей строкой, упоминающей «плохие / непригодные деревья», в том смысле, что это священнодействие сохранило их («оставило ... *здоровыми*»). Поясняем это дополнением прилагательного ὑγιής «здоровый, целый».[117]

Полученный текст стк. 10 хорошо укладывается в гекзаметр, но последнее ее слово ἔλιπεν выпадает из-за краткости *иоты* – шестая стопа остается без долгого слога. Разъясним это обстоятельство. В гомеровском языке сей аорист употребляется и с краткой *иотой* (Ilias, II, 106: ἔλιπεν), и с растяжением ее в долгий, например, в Od. IV, 734, где, как и в нашем случае, требовался долгий в 6-й стопе: ἔ|λειπεν. Это указывает, что суть дела может заключаться в графической особенности – передаче ει через ῑ, что вообще-то является свойством аттического диалекта [Thumb, Scherer, 1959, S. 308], но представлено также в ольвийской эпиграфике архаического времени.[118] Поэтому можно читать в стк. 10 ἔλῑπεν (=ἔλειπεν), однако простая арифметика подсказывает лучшее решение: в этом слове из 7 букв три Е, и потому весьма вероятен пропуск среднего Е, т. е. ἔλιπεν – описка вместо ἔλειπεν; посему предпочтительней чтение ἔλ(ε)ιπεν.

Ранее я следовал в чтении стк. 11 за предшественниками – [τ]ῶν πιτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α], и уже в который раз напрасно: κακαί не соответствует метрике гекзаметра. Поэтому читаю πιτύ|ων κακὰ | ἰτῶν | δένδρων «непригодных сосен, ивовых деревьев», с ἰτέα «ива» (неслитная форма *gen. pl*. ἰτέων, слитная ἰτῶν). *Neutr*. κακὰ ... διηκόσι[α] употреблено в соответствии со средним родом τὰ δένδρα «деревья». Слово ἰτέα «ива; щит из ивовых прутьев» фигурирует наряду с прочим в поэтическом лексиконе (Гомер, Эсхил, Еврипид и др.).

Последняя стк. 12, как сказано, включает два стиха гекзаметра – полный 12-й и неполный 13-й: [ο]ἱ θη|ρευταὶ | τῶν ἵπ|πων ηὑ|ρήκα|σι(ν) τὰ || ἀκίνδυ|να ἀντυ|ρε[ύον|τα --] «ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности их --». После ηὑρήκασι издатели показали на прориси μετά, но на фото между ΣΙ и ΤΑ мало что видно, тем более что тут прошли вертикаль и горизонталь позднейшей ортогональной сетки.

---

[116] Афереза (афайресис) – отпадение начального гласного при встрече с конечным гласным предыдущего слова, свойство поэтического языка [Kühner, Blass, 1890, S. 240–243] (к примеру, Hipponax, fr. 28: ὀδυνὴ ἠιαλεῖ вместо ἐπιαλεῖ). Неслитная форма gen. ἀφανέος встречается в ионийском языке Гиппократа (De capitis vuln. 14; De diaeta, 10).

[117] Оно относится и к живому, и к предметному миру. Метрически слитная гласная в ὑγιῆ краткая по положению перед гласной следующего слова. Это последнее, артикль οἱ, в данном случае считаем без *дигаммы*, в отличие от οἱ стк. 7; таков двойной узус эпического языка. Например, в Od. IV, 133: τόν ῥά οἱ | ἀμφίπο|λος энклитика ῥά краткая, ибо οἱ не считается σϝοι.

[118] Посвящение Ахиллу последней четв. VI в. Ἀχιλλῖ Σωτῆρι [Dubois, 1996, p. 101]; ἰ = εἰ письма Ахиллодора ок. 500 г. (ср. ἰάν = ἐάν письма Апатурия того же времени) [ОХБ, с. 213, 233].

Полагаем, что и здесь, как в стк. 10, где им почудилось имя Метрофана, они приняли за М букву N.[119] Это ν-ἐφελκυστικόν должно быть тут для соответствия метрике, и потому, что перфектная форма ηὑρήκασιν (с приставным ν), судя по TLG, засвидетельствована (комм. Прокла к Платону: in Rem. publ., vol. II, p. 40, 29), а ηὑρήκασι, без этого ν, нет. Артиклю τά в конце стиха 12 соответствует в стихе 13 κίνδυνα ἐντυρ̣[ύοντα] «потрясающие опасности», где причастие ἐντυρ̣[ύοντα] (от глагола ἐντυρεύω) дано с аферезой – ἐντυρ̣[ύοντα].[120] Глагол ἐντυρεύω, эквивалент ἐνταράσσω «потрясать», поэтический и редчайший, его υ долгое [LSJ, s. v.]. При чтении κίνδυνα содержание стихов 12-13 непосредственно не связано с предыдущим и трактует какую-то тему, связанную с поисками, видимо, сбежавших из Гилеи лошадей. Но если усматривать в начале стк. 13 прилагательное ἀκίνδυνα «находящийся вне опасности, безопасный», тоже с аферезой – τὰ ἀ̓κίνδυνα, то это продолжение темы о спасенных деревьях: ловцы лошадей нашли спасенные Иетром деревья «потрясающим образом вне опасности».[121]

Выше мы отметили, что морфологически гимн обязательно завершается приветственным заключением – salutatio. Ольвийский гимн обрывается на narratio, но заключение должно было быть. Причина незавершенности проста – автору не хватило места, может быть, поэтому он замарал написанное ортогональной сеткой прочерков.

Рассмотрев построчно текст и его просодию, суммируем в целом полученное произведение (без просодики, которая в полной мере показана выше), еще раз отметив, что дополнения сделаны *exempli gratia*, в соответствии с нашим видением содержания:

[*e. g.* ὦ θεός, | ὑμ]νοθέ|τῃ μέλι | καὶ κριθ̣|[ὰς μὲν ὄπ|αζε
δὶ ὕμν῱ ο]ὖν ὡς ἐπιτέλλεις πέμπ̣[ων νίκας υἱοῦ
ᾄσαι τὰ]ς τὄπους θεοποιήτους πὲρ γ̣[ὲ λόγων μὲν
ροῆι] ρα κρηναίῃ · κάμε ἱρῶ φὼς νήσ[ου[122] τε
5 στεῖλε] δικαίως ἔντη χαλκῇ νηλῇ υἱ[ῷ σῷ
[ἄρ᾽ δ᾽ Ἀχι]λῆι ἐνθεῦθεν ἐς[123] τὴν Ὑλαί[ην, ὅς]
νίκησ᾽] αὖτις οἱ βωμοὶ βεβλαμμένο[ι ἔσταν]
[οἱ Μ]ητρὸς Θεῶν, καὶ Βορυσθε̅ καὶ Ἡρακλ[ε̅ ἐ̅
ἤδη δ]ε̅ τατόν, αὖ ἄπονοι δοῦλοι καταδῆν̣[το·
10 [ἠδ]ὲ ἱρουργίη ἷν̣᾽ Ἰητρῶ ̓φανέος ἱρὸς ἔλ(ε)ιπε̣ν[124]

---

[119] Там, где издатели показали Е, на фото видна выщерблина, из-за которой, видимо, Т сдвинуто правее.

[120] См. об аферезе в эпическом языке [Kühner, Blass, 1890, S. 240–243]. Геродиан (Rhet. Vol. III, 1, p. 18, 16; III, 2, p. 720, 28) привел формы существительного ὁ κίνδυνος у Сафо и Алкея: nom. κίνδυν, dat. κίνδυνι, acc. κίνδυνα, которые считаются гетероклитическими, как от nom. κίνδυν. Но в «Истории Александра» (228, 7, по TLG) дано множ. число среднего рода – πολλὰ κίνδυνα. В эпическом языке эолизмов предостаточно.

[121] Причастие образа действия может переводиться наречным выражением [Нидерле, 1880, с. 229], так что понимаем ἐντυρ̣[ύοντα] как «потрясающим образом». Примеры с τὰ ἀκίνδυνα: Xen. Cyropaed. VII, 1, 47; *Aesch*. In Timarchum, 45. Ср. и *Pind*. Pyth. II, 66: ἀκίνδυνον ἔπος ... ἐπαινεῖν «славить не подверженною опасности песней».

[122] Или νήσō, см. ниже о графемах ō и ου.

[123] Вариант: ἐνθ᾽ εὖ θε̅νε̅ς (= θείνεις) τήν «тогда ты благополучно поражаешь врага».

[124] Вариант: ἔλῑπε̣ν.

[τ]ῶν πιτύων κακὰ ἰτῶν δένδρων διηκόσι[α ὑγιῆ
ο]ἰ θηρευταὶ τῶν ἵππων ηὑρήκασι(ν) τὰ
ἰκίνδυνα[125] ἰντυρε[ύοντα --]

«*о богиня*, слагателю гимнов меда и хлеба *дай же* || *за песнь*-то, коль велишь ты, отсылая, *победы сына* || *воспеть*, богозданные весьма, сей песни *слов потоком* ключевым. Муж священного острова выковал *и* || *отослал*, как подобает, оружие медное, безжалостное, *сыну* || *твоему* Ахиллу оттуда в сию Гилею, *который* || *победил*, вслед за сим порушенные алтари *поднялись* || – *алтари* Матери богов, а у *посвященных* Борисфену и Гераклу то, что || должно быть соединено, праздные рабы уже скрепляли вновь; || *и* там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило *здоровыми* || две сотни поврежденных сосен, ивовых деревьев, || ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности *их* --».

Отдадим должное рассмотренной надписи – это не только уникальное для Северного Причерноморья поэтическое произведение, но уникум во всей греческой эпиграфике – другого подобного нет. В Ольвии и на Березани мы до сих пор располагали короткими, в 1-2, максимум 3 строки стихотворными граффити (мы собрали надписи VI–V вв. до н.э., от позднейшего времени таковых немного [Яйленко, 2020]), теперь в нашем распоряжении пространный поэтический текст. Пятистрочная эпитафия Мастора середины VI в. с Березани, тоже составленная гекзаметром [ОХБ, с. 308–310], и ольвийский гимн третьей четверти этого столетия представляют собой ценнейшее наследие поэтической культуры первых колонистов, которую они вынесли из метрополии, претендовавшей на роль родины Гомера. Анализ гимна как литературного произведения еще впереди – язык, стилистика, ритмика, лексика, метафоры и многое другое, что составляет суть филологической работы (тут мы сосредоточились лишь на вопросах текстологии и просодики). Разумеется, возможны отчасти иные варианты понимания и реконструкции текста, которые обогатят его содержание и откроют новые аспекты. Мы же выполнили здесь начальную часть работы, установив жанровую принадлежность этого поэтического памятника, его просодию и дав примерную реконструкцию текста.

Теперь немного арифметики по просодии. В гимне 31 дактиль, 40 спондеев, что свидетельствует о склонности автора к медленному ритму и торжественному слогу; существенную роль в такой ритмике сыграли слияния гласных – их 13, в среднем по одному на стих. Графических особенностей две – передача дифтонгов ει через ε̄ и ου через ō. Первая передача представлена в Ворυσθε̄, Ἡρακλ[ε̄], [δ]ε̄, возможно, и в θε̄νε̄ς (= θείνεις). Особенно важна передача ου через ō, поскольку она связана с хронологией надписи. Написаний ου в сохранном тексте 4: τὸ̄πους, θεοποιήτους, δοῦλοι, ἰρουργίη; графем ō в сохранном тексте 3: τὸ̄πους, ἰρō, Ἰητρō. Это почти равное употребление ου и ō поразительно по соотношению. Вообще графема ō редка в ранних ионийских надписях, она обычна в аттическом алфавите

[125] Вариант: κίνδυνα.

(и ряде других) до самого конца V в., когда в Аттике был принят ионийский алфавит, и позднее, примерно до середины IV в.; тексты с одним лишь ου появляются с 368 г. [Threatte, 1980, p. 244–250]. Ориентируясь на эти данные, Л. Дюбуа пытался объяснить написания ō в рассмотренной надписи посредством омоложения ее датировки до са. 400, полагая, что автор надписи использовал древний черепок амфоры или ойнохои стиля Фикеллюра, датируемого 550–530 гг. [Dubois, 1996, p. 55–57]. Это абсолютно неприемлемое решение, поскольку графика надписи, как справедливо отметили издатели, полностью соответствует времени Фикеллюры. Достаточно указать на характерное «хвостатое» Р, употребление которого не выходит за пределы VI в. Вопреки ионийской норме в надписях Ольвии графема ō часта и идет с 3-й четв. VI в.[126] Но образцы VI в. краткие, обычно это *gen*. Ἰητρō коротких посвящений, а в рассмотренном гимне это почти равноправная с написанием ου графика ō. Для надписей ионийского круга сие – поразительный узус, который могу объяснить происхождением березанских да ольвийских колонистов с севера Ионии, пограничного с Эолией, и юга, пограничного с дорическим Шестиградием; на это указывают языковые особенности березанских надписей 650–500 гг. – письма Ахиллодора и граффито Идана [ОХБ, с. 156–157, 317–318].[127]

Выше была уже отмечена важнейшая особенность ольвийского гимна – историзм; в отличие от свойственного этому поэтическому жанру традиционного мифологического содержания, в нем, как и одах Пидара, присутствует реальная современность: он написан в связи с разорением Гилеи каким-то врагом и воспевает освободившего ее бога, как мы предположили, Ахилла. Мифологическое и историческое содержание представлено в ольвийском гимне примерно поровну: мифологического характера стк. 1–6 (вступление, ковка оружия для божества, пересылка его в Гилею) и 10 (священнодействие Иетра, спасшего деревья; остальные 6 строк реального содержания – восстановление алтарей, пересчет деревьев. Следовательно, реален сам повод сочинения гимна – нашествие какого-то врага на Гилею. Датировка надписи 550–530 гг. дает время нашествия, а об имени противника,

[126] [ОХБ, с. 16, 17, 33–35, 37, 40, 43, 204, 206, 207, 233, 259, 286–288, 298, 312, 347, 361, 362, 405, 640].

[127] В связи с графемой ō = ου затронем вопрос о датировке только что опубликованного письма на свинцовой табличке из Мирмекия. По мнению издателей, его палеография указывает на конец IV в. – начало III в., скорее, на начало III в. Однако 4 случая написания дифтонга ει через ε̄ и одно написание ου через ō, судя по аттическим датированным надписям, где такие наиболее поздние написания относятся к 325–320 гг., сдвигают дату письма в последнюю четверть IV в. [Бехтер, Бутягин, Дана, 2018, с. 935–936]. На мой взгляд, это невозможное решение, так как по шрифту, свойственному папирусным документам, письмо относится к III–II вв. до н. э. Из числа боспорских памятников малой эпиграфики более или менее ему близки нимфейские граффити святилища Афродиты; я подробно рассмотрел их датировку и отнес к позднеэллинистическому времени: вторая половина III – II вв. до н. э. [Яйленко, 1995, с. 253–256]. Что до указанных написаний, в которых уважаемые издатели усмотрели графемы ō = ου, ει = ε̄, то природа их не графическая, а фонетическая: с III–II вв. до н. э. стал проходить процесс монофтонгизации дифтонгов [Crönert, 1903, p. 129 etc. ; Mayser, 1906, S. 116–117 etc.], так что на самом деле эти написания иного рода – ει сузилось в краткое ε, ου сузилось в краткое ο. Налицо соответствие палеографии и фонетики мирмекийского письма позднеэллинистическому времени.

на наш взгляд, гадать не приходится – это царские скифы.[128] По словам Геродота (IV, 76), они нетерпимы к чуждым обычаям, особенно греческим, ослушников ждала смерть. Склонный к эллинофильству Анахарсис, брат царя Савлия, ездил в Кизик, где приобщился к обрядам в честь Матери богов; вернулся он в Гилею, где принял участие в радениях по Матери, но узнавший об этом царь Савлий убил его в Гилее. Подчеркнем, что это поведал Геродоту поверенный скифского царя Тимн, который излагал приезжему историку ольвийские версии разных событий [Народы нашей страны, 1982, с. 316], т. е. рассказ весьма близок к реальности. Его подтверждает и наша надпись упоминанием культа Матери богов в Гилее, что делает Анахарсиса вполне историческим лицом и дает конкретное время его жизни (см. о нем [Terzopoulou, 2015, pp. 169–182]), а также время правления владыки царских скифов Савлия. Целая россыпь ценнейших известий! Таким образом, упомянутый в гимне разгром Гилеи – это акция Савлия, убившего тут брата Анахарсиса. Савлий – отец Иданфирса, владыки царских скифов времени нашествия Дария в 512 г. В соответствии с указанной датировкой гимна к Гилее случилось это в третьей четверти VI века.

Греческая традиция перенесла на Анахарсиса черты мифологического персонажа Абариса, вследствие чего он тоже предстает мифической фигурой. Абарис одет по-скифски (*Himer*. Decl. 25, 2 = SC I, p. 870), связан с Аполлоном: согласно оратору IV в. Ликургу, он его жрец, наученный богом прорицать и исцелять, по стреле он связан с Аполлоном, ибо у него была стрела как символ Аполлона, так как этот бог – стрела (apud Cosm. Hier. Syn. 38. 509 = SC I, p. 717). Прозвище летавшего на стреле Абариса «Небесный ходок» (Αἰθροβάτης) тоже указывает на него, как на вочеловеченную ипостась Аполлона Иетра, перемещавшегося из местности в местность по небу. По какой-то причине греческая традиция сблизила Абариса с реальной исторической личностью, членом правящего дома царских скифов третьей четв. VI в. Анахарсисом (обычно оба считаются легендарными персонажами). Оба они северяне: Анахарсис – скиф, Абарис – гиперборей, оба путешествуют по Греции, у обоих в руках стрела, по-видимому, этот поразительный штрих и объединил два образа античных источников в один персонаж. Легендарная греческая традиция перенесла черты первоначального мифического Абариса не только на Анахарсиса – таковы и другие «клоны» Абариса: Пифагор (Iambl. Vita Pyth. 19, 91; 28, 135), Персей (в X Пифийской оде Пиндара он представлен двойником Аполлона Гиперборейского), Аристей – всех их также сочли вочеловеченным Аполлоном Гиперборейским. Наличие этих двойников указывает на первичность мифологического образа Абариса, свидетельством чего является и представление о его путешествиях верхом на стреле (см. обо всем этом [ОХБ, с. 29]). Итак, очень вероятная связь разгрома Гилеи с убийством тут Савлием Анахарсиса делает последнего вполне исторической фигурой.[129]

---

[128] Ближайшими к Гилее были скифы-борисфениты и царские скифы: *Herod*. IV, 18; см. [Народы нашей страны, 1982, с. 233–235; Яйленко, 2013, с. 182–183].

[129] Этот пассаж о скифах мы воспроизвели из статьи 2015 г. Напротив, теперь дезавуируем сказанное

III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ

Текст и перевод этой надписи, хранящейся в ОАМ: ὁ δῆμος Παντακλῆν Κλεομβρότου τὸν εὐεργέτην Ἡρακλεῖ «народ Пантакла Клеомбротова, своего благодетеля, *посвятил* Гераклу». А. И. Иванчик [2015, с. 154–155], обнаружив в Херсонском музее аналогичную по тексту надпись (см. рис. 7 – фото той и другой), заключил, что вотив из ОАМ – подделка херсонского подлинника, на что указывает ее письмо «с преувеличенными апексами и высокими ро и ипсилон ... , который немыслим в эллинистическую эпоху, да и для римской выглядит странно». На основании этих своих познаний в письме эллинистических да римских надписей он далее детально реконструировал историю создания одесского «фальшака» Гохманом да Кº. Я видел оба камня, одесский да херсонский, ничего подозрительного не приметил ни в характере письма, ни в обработке камней. В ОХБ я дал фото вотива IOSPE I² 188 из Херсонского музея, а описание письма по камню из ОАМ [с. 414, прим. 25 и с. 416]; здесь добавлю, что прорись одесской надписи Латышев сделал по эстампажу, поэтому она неточна: надпись вырезана четким прямым шрифтом, прорись же более свободная, небрежная. Полагаю, наличие двух текстуально одинаковых надписей вполне объясняется принадлежностью Пантакла к роду потомственных стеностроителей Ольвии Клеомбротов – Пантаклов (см. о нем [ОХБ, с. 489]). В нем были соименные дед да внук Клеомброт Пантаклов: дед выстроил во второй четв. III в. оборонительную башню, которую посвятил Гераклу и народу (IOSPE I² 179), внук соорудил в последней четв. III в. башню с пряслом стены (Ib. 180). Согласно надписи № 188, демос посвятил статую Пантакла Гераклу, а его титул эвергет тоже выказывает в нем стеностроителя, и Геракл был божеством этого рода. Пантакл Клеомбротов надписи № 188, судя по ее письму, – сын Клеомброта-внука, действовавший, стало быть, в первой половине II в. В Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201 последней трети III в. – начала II в. Латышев с основанием читал в столбце II, стк. 32 Παντακλῆς Κ[λεομβρότου ?], и это либо Пантакл надписи № 188, либо другой, тогда они соименные дед и внук или дядя и племянник. Эта соименная пара вполне могла получить от народа ольвиополитов почести за свою эвергесию в виде двух памятников с одинаковой надписью, один из которых одесский, другой херсонский. Я аргументировал изложенную хронологию указанных надписей [ОХБ, с. 413–415, 498–503], с нею можно соглашаться или не соглашаться, но бесспорна принадлежность надписей IOSPE I² 179, 180 к раннему III в., а № 201, 188 к

там о «рабах с Борисфена». Это выражение из фанагорийского анонимного письма последней трети VI в., которое Ю. Г. Виноградов понял как указание на покупку рабов фанагорийцами в Ольвии. Я неосторожно воспринял эту идею, но она бессмысленна – какого ляда фанагорийцам переться за рабами на край света, коли под боком у них тьма варваров, в том числе тех же скифов, у которых они могли покупать пленных и пр. После проработки указания Стефана Византийца (s. v. Βορυσθένης), что Борисфен есть также «у озера Меотиды и Танаиса», и отождествления его с Керченским проливом (при известном античной географии тождестве Танаиса с рекой Кубань; я изложил все это в ДБ. 2015. Т. 19, с. 395-396), стало понятно, что именно отсюда и происходили фанагорийские «рабы с Борисфена».

позднему III или раннему II в.; вопреки В. В. Латышеву, не подлежит сомнению, что такая разница в письме между IOSPE I² 179 и 180 исключает связь обеих с одним и тем же человеком, если он не Мафусаил. По письму № 179 близок Каллиникову декрету, который мы датировали второй четвертью III в. [ОХБ, с. 444-445]; Латышев вообще отнес ее к последней четверти IV в. А № 180 с его минускулярным письмом близок Каталогу ольвийских граждан и Протогеновскому декрету, которые в первую половину III в. никак не втащить; рассмотрев характер письма их и просопографию, в том числе соответствие официалам двух датированных делосских декретов, я датировал Каталог последней третью или концом III в., Протогеновский декрет – двумя первыми десятилетиями II в. [ОХБ, с. 483, 498–503]. Бесспорна и констатированная В. В. Латышевым принадлежность перечисленных 3-4 лиц в IOSPE I² 179, 180, 188, 201 к одному роду ольвийских эвергетов. Ввиду изложенных данных и при учете двух излюбленных в роду имен Клеомброт да Пантакл несомненно соотношение Клеомброта надписей 179 и 180 как соименных деда и внука, а Пантакла Клеомбротова № 188 и 201 – как соименных дяди да племянника. Поскольку и деятельность семейства, судя по надписям № 179, 180, также 188 (она посвящена тому же Гераклу), сосредоточена на строительстве оборонительных сооружений, поскольку за это представители семьи получали почести от народа ольвиополитов (№ 179: за сооружение фортификации «отечество вознаграждает бессмертными почестями» Клеомброта), вполне вероятна постановка почетных памятников двум соименным благодетелям. А текстуальная их одинаковость обусловлена формулой почетно-посвятительных надписей, принятой в Ольвии III в. до н. э. Точно такова по формуляру надпись IOSPE I² 187: [ὁ δῆμος] Εὐρησίβιον Δημητρίου Διὶ Βασιλεῖ || [ἀρετῆς] ἕνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς αὐτον «[народ] *посвятил* Евресивия Деметриева Зевсу Царю за его *доблесть* и благосклонность к себе». Здесь в стк. 1 та же формула, что и в № 188 (в стк. 2 она расширена мотивировочной санкцией, которая отсутствует в № 188).[130]

Теперь рассмотрим упомянутую аргументацию Иванчика, и не откажу себе да читателю в удовольствии вновь процитировать ее, ибо она наглядно являет уровень знаний ее автора: письмо надписи № 188 «с преувеличенными апексами и высокими ро и ипсилон (высота букв 1,6 – 2,6 см, высота ро и ипсилон 5,0 см), который немыслим в эллинистическую эпоху, да и для римской выглядит странно». Так вот, «немыслимые» члену-корреспонденту «преувеличенные апексы» свойственны ряду ольвийских надписей, укажу только те, что снабжены хорошими фото в сб. «Надписи Ольвии», присовокупив для вящей объективности датировки издателей: № 46 (не позднее II в. до н.э.), № 53 (конец II в. – начало III в. н.э.), № 95 (II в. н.э.), № 124 (III–II вв. до н.э.), № 181 (III в. н.э.). Как видно, крупные апексы встречаются в надписях III–II вв. до н.э. и II–III вв. н.э., т. е., вопреки

[130] Это почетно-посвятительный тип надписей: по винительному падежу почетная, по присутствию имени божества посвятительная.

Иванчику, и эллинистического, и римского времени, так что их «немыслимость» да «странность» – всего лишь свойство его куцых познаний в ольвийской эпиграфике, и не только ольвийской: это самая обычная декорация надписей II–III вв. Обратим внимание и на то, что в пределах эллинистической эпохи крупные апексы свойственны именно III–II вв., к которым и относится комплекс надписей, связанных с семейством Клеомбротов – Пантаклов. Чтобы поставить точку в вопросе об апексах, прилагаю фото датированной надписи – нимфейского декрета в честь Митридата Евпатора, в котором они такие же крупные и тоже в форме «птичек» (рис. 8), как и в вотиве из ОАМ. Таково и посвящение его сына Фарнака (см. фото В. П. Толстикова: ПИФК. 2015, № 1, с. 272). Одинаково украшение мачты буквы Р слова ΕΥΕΡΓΕΤΗΝ горизонтальными штришками сверху да снизу и в одесской надписи, и в нимфейском декрете.

Теперь о разнице по высоте букв в ольвийских документах, тоже «немыслимой» Иванчиком. По сб. «Надписи Ольвии» это свойство следующих надписей (см. их фото в НО): № 38 (высота букв 0, 012 м, *омикрон, тета* 0,008 – 0,01 м, *иота* 0, 015 м; иначе говоря, одни буквы выше других в половину; II в. до н. э.), № 41 (высота букв 0,010 – 0, 013 м; конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), № 49 (высокие Φ, Ψ, причем они выходят за пределы и верхней и нижней линеек строки; конец II в. – начало III в. н.э.), № 91 (*сигма* в два раза выше остальных букв; I в. н. э.), № 148 (Ψ в 2 раза длиннее соседней буквы, причем ножка опущена глубоко вниз, как в IOSPE I^2 188; ок. III в. н.э.). Сошлюсь также на фото и прориси В. В. Латышева: IOSPE I^2 № 165 (вразброс одни буквы вдвое крупней других; IV в. до н. э.), № 207 (то же; II в. н. э.). Как видно, примерно та же хронология, что и у надписей с крупными апексами – и эллинизм, и римское время.

Большой удар по построениям Иванчика наносит фрагмент НО 125 (см. рис. 9): [Κλεο]μβρόṭ[--], датированный издателями временем «не ранее конца III – II вв. до н. э.», и в котором буквы ΒΡ (высота 0,027 м) выше соседних букв почти в два раза (высота буквы Μ 0,017 м, *омикрона* 0,015 м), причем их нижние половины опущены под нижнюю линейку строки, – как и в одесском экземпляре IOSPE I^2 188. Обратим внимание и на роскошную декоративную ленточку, украшающую тут мачту буквы Р, и этот масштабный декор (остальные буквы тоже хорошо апецированы) вполне верифицирует крупные апексы IOSPE I^2 188. Фрагмент НО 125 (сохранились остатки и второй строки), во-первых, своей датировкой издателей НО полностью соответствует моей датировке IOSPE I^2 188 – первая половина II в., во-вторых, дает уж которого по счету Клеомброта, или Клеомбротовича этого времени. Издатель сего фрагмента Е. И. Леви (кстати, археолог, а не эпиграфист, каковым позиционирует себя Иванчик) квалифицированно характеризовала его: «надпись, судя по ее расположению [на поле плиты, – *В. Я.*] и по упоминанию имени в первой строке, очевидно, относится к числу посвятительных». Итак, это вероятное посвящение Клеомброта или Пантакла Клеомбротовича: сохранился только верхний край плиты, остальные края отбиты, поэтому можно читать в стк. 1 [Παντακλῆς Κλεο]μβρόṭ[ου] или [Κλεό]μβροṭ[ος Παντακλέους]. Вряд ли стоит сомневаться, в том, что

посвящение сделано фамильному богу Гераклу и что сей отпрыск семейства тоже был стеностроителем.

Резюмируем: нам известны как минимум 3, как максимум 5 представителей данной фамилии, и употребление ею этих двух излюбленных личных имен делает вполне вероятным наличие двух почетно-посвятительных надписей соименным деду и внуку либо дяде и племяннику. Посмотрим, есть ли хронологическая разница в письме одесского да херсонского памятников и, если есть, какова она, на примере стк. 1 – ὁ δῆμος (см. рис. 7)? В херсонском экземпляре член ὁ отделен промежутком на 1 букву от слова δῆμος, в надписи ОАМ они даны впритык, и в этом нет ничего необычного – точно так они написаны, например, и в Каллиниковом декрете второй четверти III в. (IOSPE I² 25+32; о дате [ОХБ, с. 444-445]). Одинакова в обеих надписях своеобразной формы *дельта* с чуть меньшей да более вертикальной правой боковиной относительно левой, которая немного длиннее и более пологая. Это хорошее указание, во-первых, на подлинность обоих экземпляров, поскольку таких тонкостей начертания букв изготовители поддельных надписей не демонстрируют, во-вторых, на хронологическую их близость. *Омикрон* одесской надписи крупнее, чем в херсонской, ножки М расставлены чуть шире, а вот *сигмы* существенно разные, но обе формы равно употребительны в ольвийской эпиграфике III–II вв. до н. э. У херсонской *сигмы* усики не горизонтальные, а диагональные, причем нижний чуть длиннее, верхний уголок слегка отодвинут назад относительно нижнего; это форма середины IV–III вв., употребленная в проксениях НО 4, 6, 11, IOSPE I² 22 и других надписях. Одесская *сигма* ощутимо позднейшая: усики горизонтальные, верхний длиннее нижнего и выдвинут вперед; такая представлена в надписях НО 25, 26, 75, IOSPE I² 37 и др. второй половины III – II вв. до н. э. Но обе формы *сигмы* бытовали в III в.; при этом крупный *омикрон* экземпляра ОАМ препятствует отнесению его далеко в глубь II в.[131] Из приведенных данных следует отнести принадлежность херсонского да одесского экземпляров ко второй пол. III в. или раннему II в. до н.э.,[132] так что они могут быть синхронными или разделены промежутком вполовину столетия, т. е. в 1-2 поколения.

Подводим итог: одесская надпись вполне аутентичный памятник III в., а привидевшаяся Иванчику ее неподлинность является следствием недостаточного знания им ольвийской эпиграфики. Я уже отмечал плохое издание им ольвийского Стефанова декрета II в. до н. э. [ОХБ, с. 642–655], так что его напраслина в отношении вотива IOSPE I² 188 лишь дорисовывает картину. Она в общем понятна: Иванчик сперва прибрал в свои руки материально весьма выгодный французский проект по переизданию корпуса IOSPE, а уж потом стал заниматься эпиграфикой.[133]

---

[131] Обоснование датировок этих надписей читатель найдет в ОХБ по указателю их номеров.

[132] Нет смысла вдаваться в подробности письма их стк. 2-3, ибо они дадут тот же результат.

[133] Дабы читатель не заподозрил меня в зависти – мол, эту работу должен делать я, дам справку. В конце 1980-х или начале 1990-х антиковедческий институт из Бордо Ausonius прислал в Институт все-

У этой истории с IOSPE I² 188 есть и забавный аспект. А. Аврам и тут отличился – изложив идею Иванчика, он спросил: а как же быть с фрагментом Н. И. Николаева, идентичным по содержанию, он тоже фальшивка или дублет ? [Bull. ép. 2016, 345]. Речь идет о мелком осколке, в одной строке которого буквы HN, в другой – ΓΕΤΗΝ; Николаев не без оснований сблизил его с IOSPE I2 188 и прочел: [Ο ΔΗΜΟΣ ? ΠΑΝΤΑΚΛ?]ΗΝ | [ΚΛΕΟΜΒΡΟΤΟΥ ΤΟΝ ΕΥΕΡ?]ΓΕΤΗΝ | [ΗΡΑΚΛΕ]Ι ? При этом реконструкцию имени Пантакла Николаев аргументировал посредством приписки Латышеву указания, что нехарактерное окончание вин. падежа -ην представлено только в IOSPE I² 188. Инженер Николаев, любитель ольвийской эпиграфики, не только не знает греческого языка, но по незнанию и латыни не смог разобраться даже с комментарием Латышева.[134] Все это я изложил с понятно отрицательной оценкой [ОХБ, с. 484], тут снова отмечу лишь, что по титулу [εὐερ]γέτην Николаев правильно уловил принадлежность фрагмента к тому типу надписей, что и IOSPE I² 188. Но не более того, ибо окончание имени чествуемого -ην может принадлежать любому из числа 1 и даже 3-го склонений на -ης, так что каждый носитель подобного имени из Каталога ольвийских граждан мог быть почтен данной надписью, а таковых пруд пруди – Φιλωνίδης, Νικοκλῆς, Λεοντομένης, Φιλτῆς, Λεωνίδης и мн. др., а уж из первых кандидатов, конечно, Πρωτογένης. Ничего этого не понял А. Аврам, тиражирующий в Bull. ép. бесчисленные статьи Николаева, хотя даже начинающий эпиграфист из Оксфорда Г. Кантор догадался, что тот плодит туфту [SEG 58, 763]. Как видно, ниву ольвийской эпиграфики дружно пашут равно умелые А.И. Иванчик, А. Аврам, Н.И. Николаев. Исполать вам, оратаи, а ты, бедная Ольвия, когда же снова будешь «Счастливая»?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Расторгуева В. С. (ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. Москва: Наука, 1979. С. 272–364.

Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. Москва: Наука, 1992. 237 с.

общей истории письмо с предложением включиться в работу над этим проектом. Ученый секретарь института Н. П. Калмыков сперва ознакомил с письмом Т. В. Блаватскую и меня. Несмотря на большие материальные выгоды, которые сулил проект (поездки во Францию, командировки по нашей стране, зарплата и пр.), мы с Татьяной Васильевной как патриоты-лапотники (надписи наши, поэтому лезть сюда иностранцам незачем) отказались. Зато к проекту да его выгодам охотно подключился Ю. Г. Виноградов, он что-то делал по Ольвии, после его смерти в 2000 г. проект и Ольвию прихватил Иванчик, в результате получив работу в Бордо и статус эпиграфиста, хотя таковым ни в коем случае не являлся: по библиографическому своду В. Кожокару вполне видно, что все его статьи по эпиграфике опубликованы после 2000 г. [Cojocaru, 2014, p. 69, 98, 225, 253, 402].

[134] Я заинтересован в том, чтобы ольвийской эпиграфикой занимались энтузиасты, такие как Н.И. Николаев. Ему нужно уйти года на три «в затвор» – ничего не писать, выучить греческий да латынь, просмотреть и обдумать опубликованные ольвийские надписи разных типов. Лишь после этого снова писать, тогда статьи станут профессиональными. Пишет ведь интересные статьи по нумизматике Боспора В. Л. Строкин, хоть и не имеет исторического образования.

Алексеева Е. М. Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии // ДБ. 2018. Т. 22, с. 9–23.
Белова Н. С. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970, № 2. С. 67–72.
Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2014 г. // Аристей. 2015. Т. 12. С. 192–217.
Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. Аристей. 2016. Т. 14. С. 233–245.
Белоусов А. В., Сапрыкин С. Ю. Еще раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре // Аристей. 2018. Т. 18. С. 246–269.
Бехтер А. П. Предварительные замечания к IOSPE II². Эпиграфические памятники из фондов Херсонского музея // ВДИ. 2013. № 1. С. 9–20.
Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 2018, № 4. С. 931–948.
Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. Москва: Наука. 1962. Т. 3. С. 3–31.
Буйских С. Б. Бейкушское граффити с изображением гоплита // БЧ. 2008. Вып. IX. С. 37–42.
Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. Москва: Наука, 1989. 284 с.
Винокуров Н. И. Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. Т. 5. С. 70–85.
Гаврилов А. К., Павличенко Н. А., Кейер Д. В. К полемике вокруг КБН-альбома // ВДИ. 2008. № 2, с. 155–168.
Глушец Л. Н. Изображения богини на троне в коллекции терракот Керченского историко-культурного заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь: Историко-культурный заповедник, 2006. Вып. 1. С. 99–121.
Денисова М. Н. Фетида у Алкмана и Гомера: развитие двух образов // Аристей. 2016, с. 47–62.
Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, 1965, с. 797–831.
Емец И. А. Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти // Эпиграфический вестник. Москва (без изд-ва). 1995. Вып. 2. С. 40–60.
Иванова А. П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины //КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 27–35.
Иванчик А. И. О некоторых поддельных надписях Ольвии и Тиры // Археологія і давня історія України. Київ: Спілка археологів України, 2015. Вип. 1, с. 147–157.
Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Ольвия. Москва, Ленинград: Наука, 1964. С. 27–130.
Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. 2006. Т. 1. С. 179–210.
Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва: Наука, 1982. 455 с.
Нидерле Г. Синтаксис греческого языка. Москва: Наследники братьев Салаевых, 1880. Ч. 2. 336 с.
Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.
Платон. Сочинения в трех томах. Москва: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. 687 с.
Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Москва: Индрик, 2002. 487 с.
Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
Русяева А. С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 134–154.
Русяева А. С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. № 4. С. 99–106.
Русяева А. С. Ольвия и Гилея // Древнее Причерноморье. Одесса: КСОАО, 1994а. С. 95–99.
Русяева А. С. Святилище Ахилла на Тендре // ВДИ. 2006 (4), с. 98–123.
Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Фонд «Деметра», 2010. 287 с.
Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму // ВДИ. 2014. № 3. С. 134–162.
Скржинская М. В. Происхождение двух этногонических мифов в Скифском логосе Геродота //

Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 469–476.

Словник літописних назв. 1985. Стрижак О. С. (ред.). Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наукова думка, 1985. 254 с.

Снытко И. А. О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху // БФ. 2009, с. 365–371.

Снытко И. А. Еще раз о культе Геракла в Нижнем Побужье VI–III вв. до н. э. // Гаврилюк Н. О. и др. (ред.). Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 195–201.

Тахо-Годи, 1988. Тахо-Годи А. А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. Москва: Изд-во МГУ, 1988. С. 5–55.

Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Толстой И. И. Статьи о фольклоре. Москва, Ленинград: Наука, 1966. 249 с.

Топоров В. Н. Об архаичном слое в образе Ахилла // Акимова Л. И. (ред.). Образ – смысл в античной культуре. Москва: Гос. музей изобразит. искусств, 1990. С. 64–95.

Хайнд Дж. Ахилл и Елена на Белом острове в Евксинском Понте: «сторона В» Портлендской вазы // ВДИ. 1994. № 3. С. 121–126.

Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. Москва: АСТ, 2006. 591 с.

Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. в эпиграфических источниках. Москва: Наука, 1982. 312 с.

Яйленко В. П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры 1987. Москва: Наука, 1988. С. 54–60.

Яйленко В. П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Голубцова Е. С. (ред.). Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва: Наука, 1990. С. 249–309.

Яйленко В. П. 1998. Человек в античной Ольвии (очерк социальной истории) // Л. П. Маринович (ред.). Человек и общество в античном мире. Москва: Наука, 1998. С. 90–129.

Яйленко В. П. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 2006. Т. 9. С. 340–413.

Яйленко В. П. Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н. э. // ДБ. 2009. Т. 13. С. 477–538.

Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва: Гриф, 2010. 739 с.

Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. Москва: Onebook, 2013. 347 с.

Яйленко В. П. Ольвийский гимн VI в. до н. э. // БИ. 2015. Т. 31. С. 88–99.

Яйленко В. П. О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму // МАИАСК. 2017. Т. 9. С. 471–483.

Яйленко В. П. Стихотворные граффити Ольвии VI–V вв. до н. э. 1920 (в печати).

Avakian G. Ştiri nouă din Tyras. II. Graffiti // Cronica numismatică şi archeologică. Bukarest, 1927. T. VII/67-68, p. 4–17; T. VII/69–70, p. 23–32 (p. 1–35 отдельного оттиска).

Avakian G. Ştiri nouă din Tyras II // Comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Besarabia. Chişinau, 1931. Anuar 3. P. 105–114.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. T. 3. P. 610–962.

Cojocaru V. Noi date despre cultul lui Achille în spaţiul Nord-Vest Pontic // Archeologia Moldovei. 2003. T. 23/24, p. 289–295.

Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2014. 560 p.

Cojocaru V. Instituţia proxeniei în spaţiul pontic. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2016. 338 p.

Dillon M. Girls and Women in Classical Greek Religion. London & New York: Routledge, 2002. 436 p.

Dubois, 1996. Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève. 208 p.

Ebert, 1972. Ebert J. Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 280 S.

Erdemir H. Woolen Textiles // Cadwallader A., Trainor M. (eds.). Colossae in Space and Time. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, pp. 104–129.
Friedländer P. Epigrammata. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1948. 198 p.
Gardthausen V. Griechische Palaeographie. Leipzig: Veit & Comp, 1913. Bd. 2. 516 S.
Grossman J. B. Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2001. 159 p.
Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B. 1958. 321 S.
Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia, 1991. Vol. 60 (pt. 3), p. 313-330.
Ivanova A. P. Kerchenskaya stela s izobrazheniem vsadnika i sidiaschei zhenschiny // KSIIMK. 1951. Vyp. 39, pp. 27–35.
Janko R. The Structure of the Homeric Hymns: A Study in Genre // Hermes. 1981. Bd. 109. Hft. 1, pp. 9–24.
Kinkel, 1877. Epicorum Graecorum fragmenta. Ed. G. Kinkel. Lipsiae: Teubner, 1877. 322 S.
Kuhner R., Blass F. Ausfuhrliches Grammatik der griechischen Sprache. Hannover: Hahn, 1890. T. I, Bd. 1. 686 S.; 1892. T. I, Bd. 2. 00 S.
Lang M. Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. Princeton. 1976. Vol. 21. 116 p.
Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Lipsiae: Teubner, 1906. 538 S.
Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford: Clarendon Press, 1969. 308 p.
Mihailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae: Academia litterarum, 1958. Vol. II. 257 p. Vol. III, fasc. 1. 1961. 305 p.
Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
Percy W. A. Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1996. 260 p.
Pinney G. F. Achilles Lord of Scythia // Moon W. G. (ed.). Ancient Greek Art and Iconography. Madison: University of Wisconsin Press, 1983, p. 127–146.
Rich A. Dictionnaire des antiquités romaines et grecques. Paris: Firmin Didot, 1861. 740 p.
Richardson N. Constructing a Hymnic Narrative: A Tradition and Innovation in the Longer Homeric Hymns // Faulkner A., Hodkinson O. (eds.). Hymnic Narrative and the Narratology of Greek Hymns. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 19–30.
Roehl H. Inscriptiones Graecae antiquissimae. Berlin: de Gruyter, 1882. 216 p.
Russjaeva, Vinogradov, 1991. Russjaeva A. S., Vinogradov Ju. G. Der "Brief des Priesters" aus Hylaia // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig: Archaeologisches Landesmuseum. S. 201.
Smoot G. The Mytoses of Akhilleus. New Brunswick (New Jersey), 2008 (электронный ресурс).
Threatte L. The Grammar of Attic Inscriptions. Berlin, New York: de Gruyter, 1980. T. 1. 737 p.
Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg: Winter, 1959. Bd. 2. 436 S.
Terzopoulou D. Anacharsis: the Travels of a Wise Scythian Man through Greek History // Adam-Veleni P., Tsangari D. (eds.). Greek Colonization. New Data, Current Approaches. Athens: Alpha bank, 2015, pp. 169–182.
Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha: Československa Akademia véd, 1955. 467 s.
Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag: Tschechoslowakische Akademie der Wissenschaften, 1964. 701 S.

REFERENCES

Abaev V. I. Skifo-sarmatskie narechia. Rastorgueva V. S. (Ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznania. Drevneiranskie yazyki.* M. : Nauka, 1979, p. 272–364.
Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria.* M. : Mysl' Publ., 1992, 236 p.
Alekseeva E. M. Antropomorfnye "nadgrobia" nekropolia Gorgippii. *DB*. 2018. T. 22, pp. 9–23.
Avakian G. Ştiri nouă din Tyras. II. Graffiti. *Cronica numismatică şi archeologică.* Bukarest, 1927. T. VII/67-68, p. 4–17; T. VII/69–70, pp. 23–32 (pp. 1–35 of the offprint).

Avakian G. Ştiri nouă din Tyras II. *Comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Besarabia.* Chişinau, 1931, Anuar 3, pp. 105–114.
Belousov A. V. Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria 2014. *Aristei*, 2015. T. 12, pp. 192–217.
Belousov A. V. Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria 2015. *Aristei*, 2016, T. 14, pp. 233–245.
Belousov A. V., Saprykin S. Yu. Esche raz o publikatsii nadpisei s gorodischa Artezian na Bospore // *Aristei*. 2018. T. 18, pp. 246–269.
Belova N. S. Posviatitelnaya nadpis' iz Kep. *VDI*, 1970, № 2, pp. 67–72.
Bekhter A. P. Predvaritelnye zamechania k IOSPE II². Epigraficheskie pamiatniki iz fondov Khersonskogo muzeia. *VDI*, 2013, N 1, pp. 9–20.
Bekhter A. P., Butiagin A. M., Dana M. Svintsovoe pismo iz Mirmekia. *VDI*, 2018, 4, pp. 931–948.
Boltunova, A. I., Knipovich, T. N. Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore. *Numizmatika i Epigrafika*, 1962, T. 3, pp. 3–31.
Buiskikh S. B. Beikushskoe graffiti s izobrazheniem goplita. *BCh*, IX, 2008, pp. 37–42.
Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. T. 3, pp. 610–962.
Cojocaru V. Noi date despre cultul lui Achille în spaţiul Nord-Vest Pontic. *Archeologia Moldovei,* 2003, T. 23/24, pp. 289–295.
Cojocaru V. *Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica.* Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2014, 560 p.
Cojocaru V. *Instituţia proxeniei în spaţiul pontic.* Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2016, 338 p.
Denisova M. N. Fetida u Alkmana i Gomera: razvitie dvukh obrazov. *Aristei*. 2016, pp. 47–62.
Dillon M. *Girls and Women in Classical Greek Religion*. London & New York: Routledge, 2002. 436 p.
Dovatur A. I. Kratkii ocherk grammatiki bosporskikh nadpisei. *KBN*, 1965, pp. 797–831.
Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont.* Genève: Librairie Droz, 1996, 208 p.
Ebert J. *Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen.* Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 280 S.
Emec I. A. Klassifikatsiia i shrift bosporskikh graffiti i dipinti. *Epigraficheskij Vestnik,* 1995. Vyp. 2, pp. 40–60
Erdemir H. Woolen Textiles // *Cadwallader A., Trainor M. (eds.). Colossae in Space and Time*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, pp. 104–129.
Friedländer P. *Epigrammata*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1948. 198 p.
Gardthausen V. *Griechische Palaeographie.* Leipzig: Veit & Comp, 1913. Bd. 2. 516 S.
Gavrilov A. K., Pavlichenko N. A., Keier D. V. K polemike vokrug KBN-al'boma. *VDI*. 2008, N 2, pp. 155–168.
Glushets L. N. Izobrazhenia bogini na trone v kollektsii terrakot Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kertch: Istoriko-kul'turnyi zapovednik, 2006. Vyp. 1, pp. 99–121.
Grossman J. B. *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2001. 159 p.
Hansen B. *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1958, 321 S.
Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine. *Hesperia*, 1991, Vol. 60. Pt. 3, pp. 313–330.
Hind J. Akhill i Elena na Belom ostrove v Evksinskom Ponte: "storona B" Portlendskoi vazy. *VDI*, 1994, № 3, pp. 121–126.
Ivanchik A. I. O nekotorykh poddelnykh nadpisiakh Olvii i Tiry. *Archeologia i davnia istoria Ukrainy,* 2015. Vyp. 1, pp. 147–157.
Janko R. The Structure of the Homeric Hymns: A Study in Genre. *Hermes*, 1981, Bd. 109. Hft. 1, pp. 9–24.
Karasev A. N. Monumentalnye pamiatniki Olviiskogo temenosa. *Gajdukevich V. F. (ed.)*. Olbia. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964, pp. 27–130.
Kinkel, 1877. *Epicorum Graecorum fragmenta.* Ed. G. Kinkel. Lipsiae: Teubner, 1877, 322 S.

Kühner R., Blass F. *Ausfuhrliches Grammatik der griechischen Sprache.* Hannover: Hahn, 1890. T. I, Bd. 1. 645 S.; 1892. T. I, Bd. 2. 652 S.

Lang M. Graffiti and Dipinti. *The Athenian Agora.* Princeton. 1976. Vol. 21. 116 p.

Matkovskaja T. A., Tohtas'ev S. R. Maloizvestnye i neizdannye stely Kerchenskogo lapidaria. *Nauchnyj sbornik Kerchenskogo zapovednika,* I. Kertch: Istoriko-kul'turnyi zapovednik, 2006, pp. 179–210.

Mayser E. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit.* Lipsiae: Teubner, 1906. 538 S.

Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions.* Oxford: Clarendon Press, 1969, 308 p.

Mihailov G. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Serdicae: Academia litterarum, 1958. Vol. II. 257 p. Vol. III, fasc. 1. 1961. 305 p.

Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota. Moscow: Nauka, 1982, 455 p.

Niderle G. *Sintaksis grecheskogo yazyka*. Moscow: Nasledniki bratiev Salaevykh, 1880, T. 2, 336 p.

Okhotnikiv S. B., Ostroverkhov A. S. *Sviatilische Akhilla na ostrove Levke (Zvtinom)*. Kiev: Naukova dumka, 1993, 140 p.

Pape W., Benseler G. E. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen.* Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884, 1710 S.

Percy W. A. *Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece.* Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1996, 260 p.

Pinney G. F. Achilles Lord of Scythia. *Moon W. G. (ed.). Ancient Greek Art and Iconography.* Madison: University of Wisconsin Press, 1983, p. 127–146.

Plato. *Sochinenia v trekh tomakh.* Moscow: Mysl'. 1971. T. 3, pt. 1. 687 p.

Podosinov A. V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii.* Moscow: Indrik, 2002, 487 p.

Rich A. *Dictionnaire des antiquités romaines et grecques.* Paris: Firmin Didot, 1861. 740 p.

Richardson N. Constructing a Hymnic Narrative: A Tradition and Innovation in the Longer Homeric Hymns. *Faulkner A., Hodkinson O. (eds.). Hymnic Narrative and the Narratology of Greek Hymns.* Leiden, Boston: Brill, 2005, pp. 19–30.

Roehl H. *Inscriptiones Graecae antiquissimae*. Berlin: de Gruyter, 1882, 216 p.

Rusiaeva A. S. *Antichnye terrakity Severo-Zapadnogo Prichernomoria.* Kiev: Naukova dumka, 1982, 165 p.

Rusiaeva A. S. Epigraficheskie pamiatniki. *Kryzhitskii S. D. (ed.). Kultura naselenia Olvii i ee okrugi v arkhaicheskoe vremia*. Kiev: Naukova dumka, 1987, pp. 134–154.

Rusiaeva A. S. Osnovnye cherty i osobennosti kulturno-istoricheskogo razvitia Nizhnego Pobuzhia v period kolonizatsii. *VDI*, 1994, № 4, pp. 99–106.

Rusiaeva A. S. Olvia i Gilea. *Drevnee Prichernomorie.* Odessa: KSOAO, 1994a, pp. 95–99.

Rusiaeva A. S. Sviatilische Akhilla na Tendre. *VDI*, 2006, N 4, pp. 98–123.

Rusiaeva A. S. *Graffiti Ol'vii Pontiiskoi*. Symferopol': Fond "Demetra", 2010, 287 p.

Russjaeva A. S., Vinogradov Ju. G. Der "Brief des Priesters" aus Hylaia. R. *Müller-Wille und andere (eds.). Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig:* Archaeologisches Landesmuseum, 1991, S. 201.

Saprykin S. Ju., Vinokurov, N. I., Belousov, A. V. Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu. *VDI*, 2014, N 3, pp. 134–162.

Sheinina E. Ya. *Entsiklopedia simvolov*. Moscow: AST, 2006, 591 p.

Skrzhinskaya M. V. Proiskhozhdenie dvukh etnogonicheskikh mifov v Skifskom logose Gerodota. Kazanskii N. N (ed.). *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaia filologia,* Sankt-Peterburg: Nauka, 2011, pp. 469–476.

Smoot G. *The Mytoses of Akhilleus.* New Brunswick (New Jersey), 2008 (electronic resource).

Strizhak O. S. (ed.). *Etimologichnyi slovnik litopisnykh geografichnykh nazv.* Kiev: Naukova dumka, 1985, 254 p.

Snytko I. A. O kulte Akhilla v Nizhnem Pobuzhie v antichnuiu epokhu. *BF*, 2009, pp. 365–371.

Snytko I. A. Esche raz o kulte Gerakla v Nizhnem Pobuzhie VII–III vv. do n. e. *Gavriuliuk N. O. Pivnichne Prichornomorie za antychnoi doby (na poshanu S. D. Kryzhitskogo)*, Kyiv: Starodavnii svit, 2017, pp. 195–201.

Takho-Godi A. B. Antichnaia gimnografia. *Takho-Godi A. B. (ed.). Antichnye gimny*. Moscow: Izd-vo MGU, 1988, pp. 5–55.

Terzopoulou D. Anacharsis: the Travels of a Wise Scythian Man through Greek History. *Adam-Veleni P., Tsangari D. (eds.). Greek Colonization. New Data, Current Approaches*. Athens: Alpha bank, 2015, pp. 169–182.

Tolstoj I. I. *Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ja*. Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1953, 154 p.

Tolstoj I. I. *Statii o folklore.* Moscow, Leningrad: Nauka, 1966, 249 p.

Toporov V. N. Ob arkhaichnom sloe v obraze Akhilla. *Akimova L. I. (ed.). Obraz-smysl v antichnoi kulture* Moscow: Gos. muzei izobrazitelnykh iskusstv, 1990, pp. 64–95.

Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions.* Berlin, New York: de Gruyter, 1980, T. 1, 737 p.

Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte.* Heidelberg: Winter, 1959, Bd. 2, 436 S.

Vinogradov Ju. G. *Politicheskaya istoria Olvijskogo polisa.* Moscow: Nauka, 1989, 284 p.

Vinokurov N. I. Novye izobrazhenia vsadnikov na Bospore. *DB*, 2002, T. 5, pp. 70–85.

Yailenko V. P. *Grecheskaya kolonizatsia VII–III vv. do n. e. v epigraficheskikh istochnikakh.* Moscow: Nauka, 1982, 312 p.

Yailenko V. P. Nachalnoe shkolnoe obrazovanie v antichnykh grecheskikh gorodakh Severnogo Prichernomoria. *Lihachev, D. S. (ed.). Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija. 1987.* Moscow: Nauka, 1988, pp, 54–60.

Yailenko V. P. Olvia i Bospor v ellinisticheskuiu epokhu. *Golubcova, E. S. (ed.). Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura.* Moscow: Nauka, 1990, pp. 249–309.

Yailenko V. P. Chelovek v antichnoi Olvii. *Marinovich L. P. Chelovek i obschestvo v antichnom mire*, Moscow: Nauka, 1998, pp. 90–129.

Yailenko V. P. Posviatitelnye graffiti Pantikapea i okrugi. *DB*, 2006, T, 9, pp. 340–413.

Yailenko V. P. Maloasijskie “gastarbaitery” na Bospore V–III vv. do n. e.? *DB*, 2009, T. 13, pp. 477–538.

Yailenko V. P. *Tysiacheletnii Bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. – V v. n. e.* Moscow: Grif i K°, 2010, 739 p.

Yailenko V. P. *Ocherki etnicheskoi, politicheskoi i kulturnoi istorii Skifii VIII–III vv. do n. e.* Moscow: Onebook, 2013, 347 p.

Yailenko V. P. Olviiskii gimn VI v. do n. e. *BI*, 2015, T. 31, pp. 88–99.

Yailenko V. P. *Istoria i jepigrafika Ol'vii, Chersonesa i Bospora VII v. do n. e. – VII v. n. e*. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria, 2017, 1023 p.

Yailenko V. P. O publikatsii nadpisei s gorodischa Artezian v Vostochnom Krymu. *MAIASK*. 2017. T. 9, pp. 471–483.

Yailenko V. P. Stikhotvornye graffiti Ol’vii VI–V vv. do n. e. 1920 (forthcoming).

Zgusta L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.* Praha: Československa Akademia véd, 1955, 467 p.

Zgusta L. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag: Tschechoslowakische Akademie der Wissenschaften, 1964, 701 S.

Резюме

Статья включает заметки I–III. В первой критически рассмотрена публикация С. Ю. Сапрыкиным и А. В. Белоусовым [ВДИ, 2014, № 3, с. 139–151] надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму – 2 граффити на керамическом черепке, а также эпитафия и рельеф надгробной стелы. Автор дает иные текст, интерпретацию, датировку надписей и рельефа. Вторая заметка уделена тектологии и просодике надписи на черепке стиля Фикеллюра (550–530) из Ольвии, это гимн к сакральной зоне Гилее из 13 сохранившихся стихов гекзаметра. Третья заметка уделена критике мнения А. И. Иванчика о поддельном характере надписи IOSPE I^2 188 из Одесского музея: по всем параметрам она подлинная.

Ключевые слова: Артезиан, Ольвия, надписи, рельеф, критика, текстология, просодика, комментарий.

Summary

The article includes 3 notes. I. The author has critically revised the publicated by S. Yu. Saprykin and A. V. Belousov [VDI, 2014, N 3, p. 139–151] inscriptions from Fortress Artezian in East Crimea – two graffiti on ceramic fragment, also epitaph and relief of the funeral stele. The author has given another text, interpretation and dating of the inscriptions, also of the relief. The note II deals with textology and prosody of graffito on ceramic fragment of Fikellura style (550–530) from Olbia; it is poetic hymn to the sacred region Hylaea, including 13 hexametric verses. In the note III the author criticizes an attribution of the Olbian inscription IOSPE I^2 188 from Odessa museum by A.I. Ivanchik as forgery: from all points of view it is authentic.

Key words: Artezian, Olbia, inscriptions, relief, criticism, textology, prosody, commentary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Яйленко Валерий Петрович,
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь, Москва,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Yailenko Valery, DSc, Prof.
Independent researcher, Moscow,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

Рис. 1. Граффито на внутренней стороне черепка, прорись [Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 3].

Рис. 1а. Граффито на внутренней стороне черепка (фото Н. И. Винокурова).

Рис. 1б. Граффито на внутренней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

Рис. 2. Граффито на внешней стороне черепка
[Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 5].

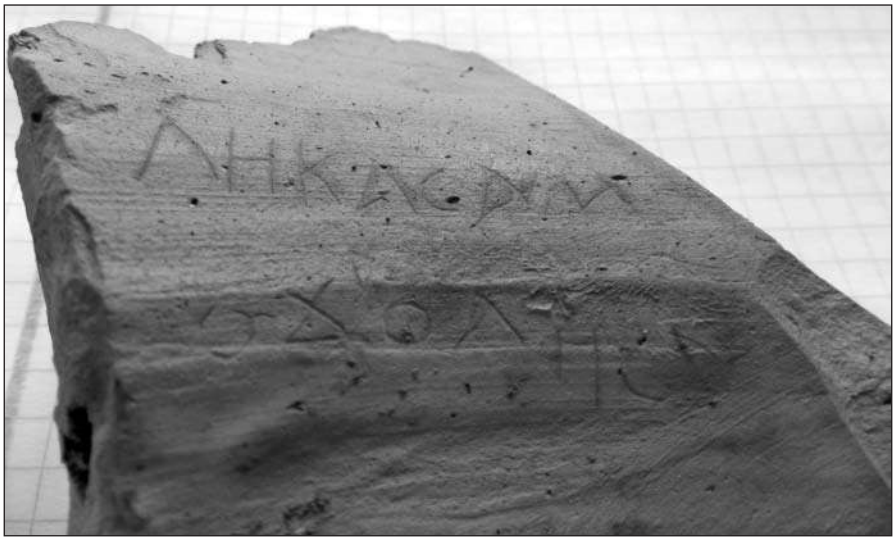


Рис. 2а. Граффито на внешней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

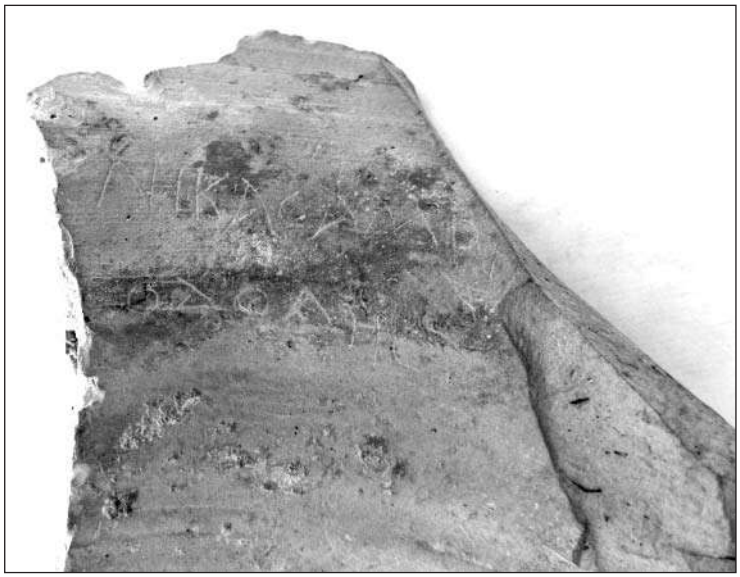


Рис. 2б. Граффито на внешней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

Рис. 3. Рельеф и надпись надгробной стелы [Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 6].

Рис. 3а. Эпитафия Состибия (фрагмент фото Н. И. Винокурова [2002, с. 85]).

Рис. 4. Гимн Гилее.
[Russjaeva, Vinogradov, 1991].

Рис. 5. Природа Кинбурна сегодня
(фото Елены Снытко).

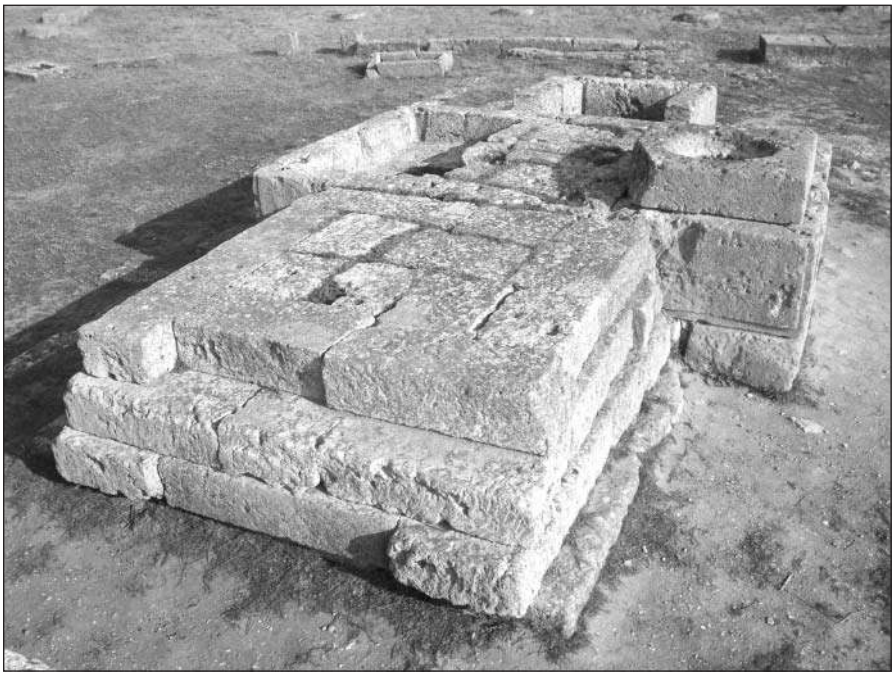


Рис. 6. Алтарь на теменосе Дельфиния в Ольвии
(фото И. А. Снытко).

Рис. 7. Вверху: надпись IOSPE I² 188, Херсонский музей.
Внизу: то же, ОАМ (фото А. И. Иванчика).

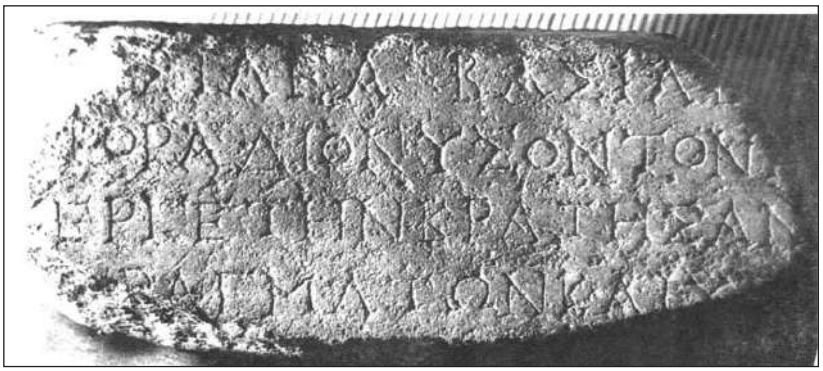


Рис. 8. Декрет нимфейцев в честь Митридата Евпатора (фото Керченского музея).

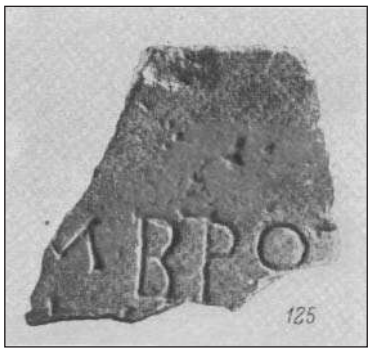


Рис. 9. Фрагмент НО 125 (фото НО).

О.В. ШАРОВ
O.V. SHAROV

МОГИЛЬНИК ЧАТЫР-ДАГ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД – СТАРЫЕ ИДЕИ
CHATYR-DAG BURIAL GROUND: A NEW LOOK – OLD IDEAS

Некрополь Чатыр-Даг находится в центральной части Южного Крыма, на юго-восточном склоне горы Чатыр-Даг, в 8 км к северу от Алушты (рис. 1,*12*). Горнокрымской экспедицией КФ ИА НАНУ и Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано в течение 1980–1996, 2001–2002 гг. 55 могил, содержащих останки кремированных умерших.

Исследования могильника выявили на территории некрополя два участка: «Северный» и «Южный», между которыми было пространство, не занятое захоронениями [Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006[1], рис. 1].

Среди погребений можно выделить немногочисленную группу погребений с оружием, которые были открыты на обоих участках могильника.

Авторами был тщательно проанализирован погребальный инвентарь всех комплексов, рассмотрены различные версии появления нового населения, основавшего могильник, где все погребения совершены по обряду кремации. Авторы монографии рассмотрели как наиболее убедительную версию, выдвинутую ранее М.М. Казанским в ряде работ. М. Казанский [Kazanski, 1991, p. 496; Казанский, 2006, с. 30–32] отметил, что подобное сочетание признаков – каменный ящик, урна с сожженным прахом, оружие, топоры-мотыги и серпы – наблюдается в Европе лишь на берегах фьордов южной Норвегии [Мыц и др., 2006, с. 193].

Вскоре после выхода книги появились и критические работы, посвященные как вопросу времени появления германцев в Крыму, так и анализу хронологии отдельных комплексов. Приведу мнение известного крымского ученого И.Н. Храпунова: «Авторы публикации результатов раскопок этого могильника разумно осторожны в выводах об этнической принадлежности оставившего его населения. По их мнению, возможно, могильник возник в результате проникновения в Крым готов с союзниками в середине III в. н.э. Еще более вероятной, лучше соответствующей хронологии памятника, кажется им версия М.М. Казанского о переселении в Крым какой-то группы людей из Скандинавии. Эта мысль развивается, детализируется с помощью предположения о том, что выходцами из Скандинавии были в основном мужчины, а среди женщин преобладали представительницы местного,

[1] далее: [Мыц и др., 2006] - *О.Ш.*

северопричерноморского населения [Храпунов, 2010, с. 68-69]. Тем не менее, проанализировав материалы некрополей, приписываемых германцам (Чатыр-Даг, Ай-Тодор (рис. 1,*11-12*), а также проанализировав отдельные комплексы других некрополей (Дружное, Нейзац, Совхоз 10, Черная Речка и т.д.), И.Н. Храпунов пришел к совершенно противоположному выводу: «…приведено много примеров совпадения погребальных обрядов, зафиксированных при раскопках крымских некрополей, с одной стороны, и могильников черняховской, вельбарской, пшеворской культур, а также расположенных в Скандинавии – с другой. Однако не меньше и отличий, а самое главное, ни один из крымских могильников не может быть по совокупности признаков отнесен к конкретной археологической культуре. В погребальном инвентаре крымских некрополей с кремациями сочетаются вещи германские, античные и сарматские. Такое положение дел не дало пока возможности убедительно отождествить население Крыма позднеримского времени с тем или иным германским племенем или племенами» [Храпунов, 2010, с. 71]. Позднее, проанализировав «германские» типы вещей из могильника Нейзац, И.Н. Храпунов высказался еще более пессимистично: «Главная проблема, которая возникала перед всеми, кто занимался изучением германских древностей в Крыму, заключалась в том, как вещи из ареала германских культур попадали на полуостров. Исследования могильника Нейзац не дали ответа на этот вопрос. Нет ни одного погребения, совершенного по обряду какого-либо из германских племен, нет ни одной могилы, где были бы сконцентрированы германские вещи. Они рассеяны в качестве единичных включений в огромное количество сарматского погребального инвентаря. Следовательно, нет никаких оснований полагать, что среди сарматов, оставивших могильник Нейзац, хоронили германцы. О том, как попали германские вещи в Крым – в результате военных, торговых или культурных контактов, где происходили эти контакты, остается только гадать. Любое из этих предположений теоретически правомерно, но ни одно из них нельзя подкрепить анализом конкретных комплексов, полученных при раскопках могильника» [Храпунов, 2012, с.125].

Критически отозвался о гипотезе переселения группы людей из Норвегии в Крым и известный норвежский исследователь Франс-Арне Стулегар [Stulegar, 2011]. Он пишет: «Большая часть погребений Чатыр-Дага – кремации в ямах, но и в ряде случаев были кремации в каменных ящиках с изогнутыми оружием и сельскохозяйственными орудиями. Данная комбинация известна в Крыму только в Хараксе, в котором стояли вексилляции легиона XI Claudia в конце второго века. М. Казанский упоминает ряд могил, в основном из «Oppland», где кремация в каменных ящиках и изогнутые оружие, сельскохозяйственные орудия как отдельные элементы представлены в целом ряде погребений. В то время как все эти черты действительно известны из комплексов римского периода Норвегии, *они вряд ли когда-либо были найдены вместе.* М. Казанский упоминает такие могилы, как Snortheim [C24329] и Fjellberg [C25197] в Valdres; Snipstad [CI246], Valle [C22282] и Gile [C5528 и C5534] в Toten; и Egge [C1077] в Hadeland. Все эти могилы с оружием, и все они кремации.

Кроме погребения в Egge, оружие в них согнуто. Только могилы в Egge и Gile являются кремациями в небольших каменных ящиках. Все они погребены в курганах. Кроме того, такие сельскохозяйственные орудия, как инвентарь, являются редкими в норвежских могилах этого периода. Ни одна из могил, упоминаемых М. Казанским, не содержит их. В восточной части Норвегии есть некоторые урновые захоронения римской эпохи. Есть небольшой серп или нож для обрезания листьев, но они никогда не сочетаются с оружием. Сочетание каменного ящика, обряда кремации, оружия и сельскохозяйственных орудий в одном комплексе из могильника Чатыр-Даг вообще не известно в Норвегии в римский период, даже если все отдельные элементы могут быть найдены в Норвегии [Stulegar, 2011, p. 231-232]. Норвежский исследователь предложил искать корни обряда в других регионах Germania Libera: «Погребения по обряду кремации, с оружием и сельскохозяйственными орудиями (серпы и изогнутые ножи) занимают видное место в германских могильниках Саксонии, Мекленбурга и Померании [Stulegar, 2011, p. 232]. Думается, что норвежский исследователь не совсем прав, говоря о том, что *никогда* оружие не было встречено с сельскохозяйственными орудиями в одном комплексе, например, в кургане Void, Raade, Smaalenene (C 7943), выше урны с кремацией лежали небольшой серп (нож для обрезания листьев?) вместе с наконечником дротика [Rygh,1885, № 143, 204, 354, P.6]. Такие примеры далеко не единичны для эпохи Меровингов и Венделя [Rygh, 1885, № 383–387], но в целом стоит согласиться с тем, что для Норвегии римского времени и эпохи переселения народов такие сочетания признаков (каменный ящик с сожжением в урне, оружием и сельскохозяйственными орудиями) крайне редки.

Известный польский исследователь Бартош Контны также присоединился к критике основных положений монографии 2006 года [Мыц и др., 2006] и высказал ряд своих соображений: «…предметы вооружения часто рассматриваются как показатель миграции какого-то народа, вероятнее всего, готов, которые, согласно не только письменным источникам, но и археологическим находкам, например горизонту кладов, появились на Крымском полуострове в середине III в. н.э. Происхождение переселенцев (предположительно, варваров, служивших во вспомогательных римских войсках) связывают с территорией современной Норвегии. Этот вывод был сделан на основании погребального обряда, то есть по погребениям в каменных ящиках, сопровождавшимися не только оружием, но и сельскохозяйственным инвентарём (серпами). Но действительно ли мы имеем дело с готами или их потомками? Во-первых, мы не можем утверждать с уверенностью, что в Норвегии жили готы, тем более что анализ археологических находок ставит это предположение под сомнение. Против него говорит тот факт, что готы последовательно избегали сопровождения умерших оружием. В готских погребениях отсутствуют предметы вооружения вне зависимости от хронологии и топографии» [Kontny, 2012, p.138; Контны, 2012, с.140]. Автор приводит еще одно веское доказательство того, что в Чатыр-Даге похоронены не готы: «в погребениях с оружием имеются индикаторы более поздних, чем появление готов, хронологических этапов (например, меч меотского типа – с

вырезами на клинке у рукояти, овальная пряжка с утолщённой рамкой, умбон щита, близкий типу К по Н. Цилингу и т.д.), т. е. IV в. н. э. (фазы C_3–D_1) [Kontny, 2012, p.138-139; Контны, 2012, с.140-141].

Меня, как одного из авторов коллективной монографии [Мыц и др., 2006], удивило то, что мы нигде не писали именно о готах, как о населении, основавшем могильник Чатыр-Даг, и уж тем более не помещали готов во фьорды Норвегии. Речь всегда шла о германцах, племенную принадлежность которых выявить на тот и на данный момент пока практически невозможно.

В статье 2010 года автор этих строк предложил свои варианты поисков мигрантов, основавших Чатыр-дагский могильник [Шаров, 2010; Sharov, 2010]. «На Готланде в римское время, помимо курганных погребений, появляются и грунтовые захоронения по обряду кремации в неглубоких ямах, перекрытых камнями, или в каменных ящиках, где также встречено оружие [Могильников, 1974, с. 204]. В эстонских каменных могильниках также встречаются погребения по обряду кремации, содержащие в комплексе и серпы, и предметы вооружения – детали щитов и копье. Это не полная аналогия чатыр-дагским комплексам, так как в больших каменных оградках совершались коллективные захоронения. Тем не менее захоронения в отдельных каменных оградках достаточно узко датируются и с ними можно работать. Целый ряд погребений могильников Восточной Пруссии, совершенных по обряду урновой кремации, также содержат в своем инвентаре и серпы-косы, и предметы вооружения [Радюш, Скворцов, 2008, с. 140–143, рис. 8, 12] (рис. 2, 3). Судя по находкам на Чатыр-Даге перекладчатой фибулы и налобных венчиков-вайнаг, можно предположить, что путь ряда германских группировок из Скандинавии пролегал через Прибалтику, обходя ареал вельбаркской культуры» [Шаров, 2010, с. 126].

В статье 2013 года я вновь остановился на вопросе происхождения обряда кремации в каменных ящиках с оружием и сельскохозяйственным инвентарем. «В буферной зоне, между владениями Херсонеса и Боспора, закладываются германские могильники, где в полном объеме сохраняется германский обряд погребений. В то же время в этих погребениях есть и детали римской амуниции, которые характерны для снаряжения легионеров и солдат вспомогательных войск: топоры, серпы, копья, щиты, мечи и т. д., что подтверждает идею о том, что германцы Чатыр-Дага были федератами. Так полагает и норвежский исследователь Ф. А. Стулегар, изучивший эти материалы и приведший данные, собранные Н. Роймансом для пограничных с лимесом территорий европейского Барбарикума [Stulegar, 2011, p. 230–232]: «Наличие оружия в могилах представляет собой традицию, которая не практикуется в римской армии; члены, которые погибли во время действительной службы, были похоронены своими товарищами без их снаряжения. Такие могилы принадлежали ветеранам вспомогательных войск, которые по окончании их действительной службы брали свое снаряжение или его части домой. Когда они умирали, их хоронили в соответствии с родовыми традициями» уже вместе с римским оружием [Roymans,

1996, p. 35]. В таком случае, если не учитывать находки серпов /кос и топоров-мотыг (рис. 4) в погребениях[2], то регион, где есть погребения в урне в каменном ящике с оружием, охватывает значительную часть Скандинавии [Шаров, 2013, с. 148,151].

В статье 2010 года также мной был передатирован целый ряд воинских погребений могильника Чатыр-Даг [Шаров, 2010, с. 118–126]. Коснемся лишь основных ее выводов, кратко повторим анализ тех типов вооружения, которые получили иную дату.

Погребения с оружием располагались как на «Южном», так и на «Северном» участках некрополя. «Южный» участок некрополя занимает пологий юго-восточный склон одного из отрогов горы Чатыр-Даг. Обнаруженные на этом участке некрополя «плитовые» могилы располагались компактной группой в один ряд на расстоянии 1,0–2,5 м друг от друга. Погребения врезаны в склон и ориентированы по линии СЗ – ЮВ. Могилы представляли собой сравнительно глубокие грунтовые ямы с устроенными в них «каменными ящиками», сооруженными из плит мелкозернистого песчаника, в которых лежали урны-амфоры с прахом и погребальный инвентарь. В статье были проанализированы предметы вооружения из данных погребений.

Могила № 2 (рис. 5). Мечевидный наконечник копья из могилы № 2 с длинным пером и сравнительно короткой граненой втулкой (рис. 6,*7*) представляет особый интерес, так как подобные находки концентрируются в двух отдаленных регионах, с одной стороны, в Литве [Казакявичус, 1988: 41 – 42, рис. 15;] (рис. 7, *20–28*), с другой – в Абхазии. В Абхазии такие наконечники датируют в широких пределах IV–VII вв. [Воронов, Шенкао,1982: 124–126], а О.А. Гей и И. А. Бажан отнесли такие наконечники к VII хронологическому периоду цебельдинской культуры, который датировали 400–425 гг. (рис. 8,*27*) [Гей, Бажан, 1997, табл. 28:27]. В Центральной Европе и в Скандинавии копья такого рода неизвестны. Единственный комплекс, происходящий из погребения 1 могильника Дрезден-Добритц, любошицкой культуры (рис. 9,*g*), в котором представлено копье, идентичное рассматриваемому типу [Domanski, 1979, Ryc. 20, g], на мой взгляд, не совсем достоверен для каких-либо параллелей, так как форма копья реконструирована произвольно и по втулке оно полностью идентично второму короткому копью совсем иной формы. Погребение можно датировать фазой D европейской хронологической шкалы. (350–450 гг. н. э.)

Второй наконечник копья, наоборот, относится к широко распространенному общеевропейскому типу XXII по классификации П. Качановского, характерному для фаз C_2-C_3-D европейской хронологии [Kaczanowski, 1995: 26, Tab. XV:1] (рис. 7, 12).

Меч из погребения № 2 (рис. 10,*3-3а*) был специально согнут, что свойственно, прежде всего, погребальным обрядам пшеворской культуры. По типологии М. Биборского он относится к типу X и датируется фазами C_{1b}, C_2, C_3 (220/230–350/360 гг.) [Biborski, 1978: 91–95].

---

[2] Я полагаю, что серпы/косы и топоры-мотыги (долабры) являлись частью походного снаряжения ветеранов вспомогательных войск римской армии (см. Конноли, 2000, с. 523), которое они принесли с собой в Крым, на склоны Чатыр-Дага.

На основании совстречаемости находок наиболее реальная дата могилы № 2 – фаза C_3/D_1 (350/360–400/410 гг.)

Могила № 3 (рис. 11). Умбон железный, шлемовидный, с широким рантом, диаметром 19,0 см и высотой 7,5 см. В четырех местах на поле ранта сделаны парные отверстия для крепления на деревянную основу щита. Заклепки не сохранились. Купол умбона сфероконический, низкий, но заостренный. Калотта низкая, с одной стороны слегка расширяется от купола к ранту, с другой – слегка сужается (рис. 10,5). По М. Казанскому – это тип К2 по Н. Цилингу, который датирует их периодом C_2/C_3(260–375гг.), не исключая их бытования в период D [Kazanski, 1994, p. 438–440, Fig. 2–13; Kazanski, 2002, p. 410, Fig. 10-8; Zieling, 1989, S. 123–124]. Мне кажется, что это не совсем точная аналогия, и чатыр-дагский умбон достаточно трудно атрибутировать в силу некоторой деформации калотты. Обратимся еще раз к работе Н. Цилинга, который создал типологию умбонов на основе наиболее полной сводки находок с территории Свободной Германии [Zieling, 1989] (рис. 12).

Можно заметить, что у всех умбонов с низким овально-коническим куполом калотта либо сильно сужается к ранту (тип К2 по Н. Цилингу [Zieling, 1989, Taf. 14-3, 4], либо расширяется (тип Н2 по Н. Цилингу [Zieling, 1989, Taf. 11-4], поэтому эти параллели кажутся не совсем точными. Чатыр-дагский умбон из всех европейских параллелей, известных нам по работам К. Годловского и Н. Цилинга, ближе всего умбону типа К1 из погребения № 2А могильника Жабинец [Zieling, 1989, Taf. 14-2]. Он вместе с типом Кожень относится к одному из основных типов умбонов «*горизонта 3 погребений с оружием*» пшеворской культуры по К. Годловскому [Godlowski, 1970, Pl. III-2; Godlowski,1994, Abb. 20–3;]. Дата таких умбонов С2/С3 позднеримского времени, т.е. вторая половина III – первая половина IV вв. По Норберту Цилингу, этот тип может датироваться и более поздним временем – только фазами С3 и D, т. е. всем IV веком, с пиком около середины столетия [Zieling, 1989, S. 121-122, Taf. 14-2]. К сожалению, у умбонов типа К1 по Н. Цилингу при всем общем морфологическом визуальном сходстве калотта уже расширяется и купол хотя и низкий, но конический, без сфероидности, а у умбона из погребения № 25 могильника Кожень калотта сужается и он уже имеет высокий конический купол. Поэтому и эта наиболее близкая параллель не совсем точна. По моему мнению, наиболее близкие параллели представлены среди находок из Норвегии и Шлезвиг-Гольштинии. Это тип Va по Яну Бёманну [Bemann, Hahne, 1999, S. 463, Abb. 84]. Умбоны этого типа имеют сфероконический купол и, как правило, цилиндрическую калотту. Рант находится под углом к калотте в 15–37 градусов. Средние размеры умбонов этого типа весьма близки чатыр-дагскому: их высота 6.7-7.1 см, диаметр 15–17 см. Они распространены, прежде всего, в Норвегии и датируются временем «Vøien-Gruppe» погребений с оружием Скандинавии по Я. Бёманну [Bemann, Hahne, 1999, S. 308–312]. Эта хронологическая группа, в которой представлены Bügelknopffibel, датируется раньше горизонта выступания фибул «Нюдам» и

соответствует по Яну Бёманну европейской ступени С3 в понимании К. Годловского и Э. Келлера (320/330–350/360 гг.).

Ручка от щита из могилы № 3 (рис. 10,*4*) представляет собой железную пластину длиной 15,0 см с расширяющимися концами. Соответствует типу 5с ручек по классификации Й. Иллькера и датируется начиная с $C_{1б}$ по C_3 [Ilkjær, 1990: 36, 297, Abb. 23, 200].

Наконечник копья из погребения № 3 (рис. 6,*5*) сопоставим с пшеворскими наконечниками типа XX по классификации П. Качановского (рис. 7,*10*), датируется ступенью C_2, но единичные экземпляры датируются фазой C_3/D. [Kaczanowski, 1995: 25, tabl. XIV, 5].

Сочетание всех рассмотренных типов вооружения указывает на фазу C_3 (320/330–350/360 гг.), как на наиболее вероятное время совершения захоронения № 3.

Другие воинские захоронения были открыты на «Северном» участке некрополя. Он расположен на возвышенности, в 200 м от «Южного» участка и отделен от него небольшой балкой. С запада этот участок ограничен строительным котлованом, который уничтожил целый ряд погребений элитного участка некрополя, в частности, погребение №12, из которого происходят весьма интересные находки.

Могила № 12. *Кинжал* из могилы № 12 (рис. 10,*2*) представляет собой обоюдоострый клинок с вырезами возле основания рукоятки по обеим сторонам лезвия. Длина его 51,2 см, длина рукояти 5,6 см, ширина лезвия 3,2 см. Изделие относится к типу кинжалов Хазанов - V. В литературе они также часто фигурируют под названиями кинжалов «меотского типа», в Подунавье известны как тип «Микия». Один из весьма распространенных видов оружия эпохи переселения народов, особенно на Кавказе, в Подонье, Поволжье и в Крыму, известны находки и в Подунавье, и на поселениях черняховской культуры. Обращает внимание определенное скопление кинжалов «меотского типа» в бассейне Терека [Soupault, 1996, Karte 1]. В Кишпеке представлена одна из ранних находок такого меча [Бетрозов, 1987], которая датируется еще фазой C_2, или рубежом III–IV вв. н.э., остальные находки датируются уже периодами D_1/ D_2 (350–450 гг.).

Наконечник копья из могилы № 12 длиной 32,6 см (рис. 6,*4*), пиковидный, с восьмигранной втулкой, на конце которой имеется насадка-кольцо, орнаментированная десятью фасетками. Такие копья крайне редки и аналогии известны, прежде всего, среди скандинавских находок. По ромбическому сечению пера такого рода копья можно было бы отнести к типу 5 «Хавор» по Й. Иллькеру (рис. 13), но они не имеют многогранной в сечении втулки и у скандинавских копий слегка выделено перо. Ближе по форме пера к чатыр-дагскому наконечники типа 11 «Моллестад» по Й. Иллькеру, но при всем сходстве скандинавские наконечники имеют выделенное центральное ребро [Illkjær, 1990, S. 58–59, 79–85, Abb. 197]. Оба типа наконечников копий начинают использоваться в периоде С3 и бытуют в течение всего периода D. Находки такого рода копий происходят также из Абхазии, где их относят ко второй половине IV – началу V вв. н. э. [Воронов, Шенкао,

1982, Таб. 2–25, 26: 124. 126]. По моему мнению, все пиковидные наконечники копий являются варварскими подражаниями/дериватами римских пилумов и часть римских вспомогательных войск была вооружена именно дериватами римских пилумов, что показывают нам погребения из могильника Ведерат в районе верхнего Рейна-Мозеля еще 1 в. н. э. (Waurick, 1994, Abb.11-13). (рис. 14–16). Наиболее вероятной датой для погребения № 12 на основании находки меча и копья/пики может быть фаза D_1/D_2 (350–450 гг.).

Могила № 20 (рис. 17). Безурновое погребение было совершено в грунтовой яме под каменной вымосткой. Наконечник копья из могилы № 20 листовидный, с восьмигранной втулкой. Длина его 32,7 см, ширина пера – до 4,3 см. Ближайший по морфологии тип наконечника копья – это тип XV по П. Качановскому ступени B_2/C_1 и C_{1a} [Kaczanowski, 1995, p. 23, tab. XII – 3]. (рис. 7,*3*)

Могила № 55. Урновое погребение в каменном «ящике». При устройстве «ящика» в пространство между его боковой плитой и стенкой могильной ямы поместили железные серп и наконечник копья. Кальцинированные кости тщательно очистили от остатков костра и ссыпали в урну – красноглиняную амфору вместе с оплавленными изделиями из железа, бронзовыми деталями костюма, стеклянными бусами и фоллисом императора Диоклетиана (284–305 гг.). Наконечник копья (рис. 6,*2*) можно отнести к типу XXII по классификации П. Качановского [Kaczanowski, 1995: 26, tabl. XV-2], который датируется от ступени C_{1a} до C_3/D (рис. 7,*12*). Можно полагать, что захоронение в могиле № 55 было совершено в первой половине IV в., скорее всего, в фазе C_3 (320/330–350/360 гг.).

Исходя из нового анализа погребального инвентаря [Шаров, 2010], погребение № 2 стало датироваться фазой C_3/D_1, погребение № 3 – фазой C_3, погребение № 12 – фазой D_1/D_2, погребение № 55 – скорее всего, фазой C_3.

Таким образом, получилась несколько иная ситуация: пик функционирования могильника сдвинулся с эпохи тетрархов, как было отмечено в монографии 2006 года [Мыц и др, 2006, с. 190–194] на эпоху позднего Константина Великого – Констанция II (ок. 330–360 гг. н.э.), т.е с фазы C_2 на фазу C_3 европейской хронологической шкалы.

Все эти комплексы имеют в своем обряде и инвентаре отчетливые скандинавско-прибалтийские связи. При этом на некрополе «Северный» присутствует ранняя группа погребений аллохтонов с вельбаркской лепной керамикой, комплекс с ранним пшеворским копьем фазы C_{1a}, с прибалтийскими вайнагами, с прибалтийской фибулой, которые все можно отнести еще к периодам C_1-C_2 (170/180–320/330 гг. н.э.). Именно эта группа, по моему мнению, основала могильник еще на рубеже II/III вв. н.э., а уже потом, спустя 100–130 лет, появились новые переселенцы, которые начали хоронить своих соплеменников в каменных ящиках с оружием в эпоху позднего Константина Великого – Констанция II.

Данная статья осталась незамеченной для ряда исследователей, которые обратили свое особое внимание на материалы могильника Чатыр-Даг. Это касается, прежде

всего, работ известного польского исследователя Бартоша Контны, вышедших в 2012-2013 гг. [Контны, 2012; Kontny, 2012-2013] и посвященных именно хронологии оружия из тех же комплексов, на которых я специально остановился выше. Исследователь имел перед собой лишь монографию 2006 года [Мыц и др., 2006], в которой авторами были допущены ошибки, позднее исправленные в ряде работ, по каким-то причинам неизвестных автору [см.: Шаров, 2007; Шаров, 2010; Sharov, 2010; Шаров, 2013], поэтому, критикуя авторов монографии 2006 года и корректируя хронологию ряда типов оружия, автор пришел к целому ряду выводов, уже сделанных мной ранее и описанных выше. Это касается и «выявленных им» связей с балтийским регионом (Самбия, Литва) и с Кавказом (Цебельда), а также «уточненной» хронологии ряда типов копий, указывающих на связи с пшеворской культурой [Контны, 2012, с. 141; Kontny, 2013, p. 196–208]. Автор пишет: «…там (в Чатыр-Даге – *О.Ш.*) есть очевидные кочевнические (но не аланские) элементы, также зафиксированные в пшеворской культуре (декоративные кольца у устья втулки наконечника копья), у балтских племён (формы некоторых наконечников копий, т.е. тип III по В. Казакевичусу), влияния, которые можно связать с цебельдинской культурой (топор, а также комбинированное орудие, топор-тесло, форма которого напоминает римскую долабру). К тому же, имеются элементы, характерные для более обширной территории, т. е. меч меотского типа (чаще всего встречающиеся на Кавказе, а в IV в. также и в Крыму и в черняховской культуре) или детали щитов (зафиксированные в Скандинавии, в культуре Долькайм-Коврово (самбийско-натангийской), пшеворской и черняховской культурах, на Крымском полуострове, а также в цебельдинской культуре, т. е. от Балтийского до Чёрного моря. О возможных связях с Самбийским (Калининградским) полуостровом также говорят находки серпов – эти орудия земледелия и деревообработки достаточно часто находят в могилах культуры Долькайм-Коврово» [Kontny, 2012, p. 139; Контны, 2012, с.141]. Все приведенные выше выводы были повторены в большой развернутой статье Б. Контны, вышедшей в 2013 году (Kontny, 2013): «Мы имеем дело со многими культурными особенностями, показывающими связи с балтскими племенами, пшеворской культурой и Скандинавией, но охватывающими также соседнюю черняховскую культуру, местные крымские элементы и далее на востоке – восточную Понтийскую зону» [Kontny, 2013, p.208]. Как можно видеть, практически все выводы данного автора о происхождении и связях населения, оставившего могильник Чатыр-Даг, были уже ранее сделаны мной в целом ряде статей [Шаров, 2010; Шаров, 2013]. Также у Б. Контны были приведены «более точные» определения типов мечей и копий, которые повторили выводы, сделанные мной выше[3]. Часть аналогий

[3] Погребение № 2: тип XXII наконечника копья по П. Качановскому; погребение № 3: тип манипулы 5с по Й. Иллькеру или тип X по Н. Цилингу, наконечник копья типа XX по П. Качановскому; погребение № 20: тип XV наконечника копья по П. Качановскому; погребение № 55: тип XXII наконечника копья по П. Качановскому.

к типам копий, серпов и мечей, встреченных в комплексах могильника Чатыр-Даг, крайне неточна и неубедительна [Kontny, 2013, Fig. 1-3, 5]. Автор часто для подбора аналогий опирается лишь на 1-2 признака сходства, опуская остальные признаки того или иного типа. Это привело его к заведомым ошибкам[4].

К достоинствам работы польского исследователя можно отнести то, что в статье был приведен ряд новых, ранее не использованных аналогий, связанных, главным образом, с территорией Литвы и Самбии. «Смешение разнокультурных элементов указывает на существование линии межкультурных связей, соединявшей *Понтийскую зону* со *Скандинавией* через круг готских памятников, но также и через круг западнобалтских древностей и пшеворскую культуру» [Kontny, 2013, p. 207-208, 212]. Также автор пытается объяснить появление того или иного типа вооружения синтезом разных культурных традиций, что заслуживает несомненного внимания[5]. «Феномен Чатыр-Дага» во многом объясняет теория «снежного кома», которую Б. Контны привлек для объяснения разнокультурности мигрантов. Согласно его гипотезе, начальная группа переселенцев-воинов увеличивалась но мере продвижения вперёд. Если это движение началось в Скандинавии, нетрудно понять, откуда взялись черты балтской и пшеворской культуры. Такая полиэтничная группа, оказавшаяся вдали от родины и не имевшая крепкого культурного фона, легко менялась, формируя новую эклектичную модель» [Kontny, 2013, p. 208, 212].

Нельзя не отметить и новую монографию ведущих крымских исследователей эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья о стране Дори, где проблеме появления германцев в Крыму уделено немало внимания [Айбабин, Хайрединова, 2017]. К сожалению, также остались без внимания уважаемых авторов статьи, посвященные анализу погребений могильника Чатыр-Даг, рассмотренные мной выше. Даты, предложенные А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой для целого ряда категорий погребального инвентаря, не совпадают с датами, предложенными автором этих строк и Б. Контны для комплексов с оружием могильника Чатыр-Даг.

Согласно анализу погребального инвентаря, авторы монографии отнесли часть погребений в каменных ящиках к первой половине V в. н. э. В частности, особое внимание было уделено амфорам, использовавшимся в качестве урн из этих погребений. «Красноглиняные амфоры типа Кеау XXIX с коническим корпусом с

---

[4] Это касается определения типа меча из погребения № 2, как типа «Нюдам-Крагехул» («Nydam-Kragehul»), подтипа 2, который имеет четкую огранку лезвия, которой нет у чатыр-дагского экземпляра; умбона щита из погребения № 3, определенного им как тип К по Н. Цилингу, хотя данный тип имеет иные параметры и форму – сферо-конический купол и цилиндрическую калотту и т. д.

[5] Погребение № 2: меч: «мы имеем дело с варварским мечом, вероятно, германского происхождения, но с возможными нововведениями или следами ремонта, являющимися частью влияния Понтийской зоны» [Kontny, 2013, p.197]; мечевидный наконечник копья: «мы имеем дело с восточной идеей повторного использования лезвий мечей, которые пришли через Понтийскую зону в пшеворскую культуру, наиболее вероятно – в период ранней эпохи переселения народов. Кроме того, эта идея достигла региона балтов и любошицкой культуры. Наконечник копья из Чатыр-Дага следует рассматривать как звено представленной выше цепи контактов с востока на запад» [Kontny, 2013, p. 199].

острой ножкой с Чатыр-Дага из могилы 2 (рис. 5,*1*) и без нее типа Зеест 102б из Харакса из могил 7, 26 аналогичны бытовавшим в Средиземноморье с V в. Различные варианты названных амфор встречены в Херсонесе и Западном Причерноморье в комплексах первой половины V в. и в слоях V–VII вв. Красноглиняные амфоры с цилиндрическим туловом с небольшой ножкой из Харакса из могил 3, 8, 15, 29, 33, из Чатыр-Дага, могилы 1 типологически близки найденной в Лучистом, в склепе 54а первой половины V в.» [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 35]. Я полагаю, что в публикации материалов могильника авторами приведены достаточно убедительные аналогии к этим амфорам, относящимся к IV в., а не к V в. н.э. [Мыц и др. 2006, с. 107], тем более что анализ погребального инвентаря также позволяет датировать эти комплексы фазами C_3 и C_3/D_1.

У авторов не возникло никаких сомнений, что могильник Чатыр-Даг основали германцы: «Признаки, присущие рассматриваемым крымским погребениям с кремацией всех вариантов, позволяют связать их с германцами. На территории некрополей кремация всегда совершалась в стороне от могилы. Выявлены захоронения с прахом в урнах, стоящих в каменных ящиках или в ямах, перекрытых бутовыми камнями, или в маленьких засыпанных грунтом ямах» [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 40]. Также А.И. Айбабин и Э. А. Хайрединова поддержали идею М.М. Казанского о появлении германцев Чатыр-Дага из Норвегии: «Могилы с урнами в каменных ящиках или в перекрытых бутовыми камнями ямах, равно как могилы с прахом, сложенным в забросанную камнями ямку, близки германским захоронениям с кремациями римского периода в Норвегии» [Айбабин, Хайрединова, 2017, с. 41].

Таким образом, можно подвести некоторый итог данному обзору работ, вышедших после издания всех материалов могильника Чатыр-Даг. В том, что могильник заложен германцами, сомнений ни у кого нет, кроме И.Н. Храпунова. Остались насущными вопросы происхождения этих германцев, их этнической атрибуции и принадлежности к той или иной культуре. Также спорными остались вопросы времени основания могильника и хронологии отдельных типов погребального инвентаря, но это уже вопросы будущих исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (сер. III–VII вв.). Антиква, Симферополь, 2017, 400 с.

Бетрозов Р. Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 3. Нальчик, 1987.

Воронов Ю. Н., Шенкао П. А. Вооружение воинов Абхазии IV – VI вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII веков. – М., 1982.

Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.

Казакявичюс В. Оружие балтских племён II –VIII веков на территории Литвы. Вильнюс. 1988.

Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим / Левада М.Е. [ред.]. Киев, 2006. С. 26–41.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. «Эксмо-Пресс». Москва, 2000.

Контны Б. Новые возможности для решения загадки. Оружие из Чатыр-Дага в свете последних исследований // Международная конференция «Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю». Тезисы докладов. 3–7 октября 2012 г., Гаспра, Крым, Украина. Тезисы докладов. – Симферополь, 2012. С. 140-141.

Могильников В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона //Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н. э. М., 1974.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. Нестор-История. СПб., 2006. 208 с.

Радюш О., Скворцов К. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008.

Храпунов И.Н. Северные варвары в Крыму: история исследования // Международная конференция «Inter Ambo Maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. – Симферополь, 2010. С. 62–72.

Храпунов И. Н. Германские вещи из могильника Нейзац // Международная конференция «Inter Ambo Maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю». Тезисы докладов. 3–7 октября 2012 г., Гаспра, Крым, Украина. Тезисы докладов. – Симферополь, 2012. С. 121–127.

Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. 208 с.

Шаров О.В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Международная конференция «Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина. Тезисы докладов. – Симферополь, 2010. С. 122–128.

Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013.

Biborski M. Miecze z okresu wpiywow rzymskich na obszarze kuliury przeworskiej // Materialy Archeologiczne. – 1978. – XVIII.

Bemann J., Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit in Skandinavien. // Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde // Bericht der RGK. 1999. Bd. 75.

Domanski G. Kultura luboszycka miedzy Laba a Odra w 1 – IV wieku. – Wroclaw. 1979.

Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow: Uniwersytet Jagielloński. 1970.

Godlowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten.//Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.

Godlowski K. Die Chronologic der germanischen Waffengräber in der jüngeren und spä ten Kaiserzeit // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. // Marburger Colloquium 1994. – Marburg: Lublin).

Ilkjaer J. Illerup Adal. Die Lanzen und Speere. Aarhus, 1990.

Kaczanowski P. Klassifikacija grotow broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Krakow. 1995.

Kazanski M. Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire // College de France. Centre de recherché d' histoire et civilization de Byzance. Travaux et memoires. 1991. Vol. 1.

Kazanski M. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de Epoque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion \\ Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten (Marburger Kolloquium 1994). Marburg; Lublin. 1994.

Kazanski M. Les antiquites germaniques de l`epoque romaine tardive en Crimee et dans la region de la Mer d`Azov // Ancient West and East. V. 1, № 2. Leiden; Boston, 2002.

Kontny B. New Traces to Solve the Riddle. Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // International conference «Inter Ambo Maria. Notrhern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea». Abstracts of presentations. 3–7 October 2012.

Gaspra, Crimea, Ukraine, Simferopol, 2012, p. 38-39.

Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Notrhern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea. Kristiansand-Simferopol, Dolya Publishing House, 2013, P. 196–212.

Rygh O. Norske oldsager. Christiania, 1885.

Roymans N. The Sword or the Plough. Regional Dynamics in the Romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland Area// From the Sword to the Plough: Three Stidies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul. Amsterdam, 1996.

Sharov O. Warrior Graves in Chatyr-Dag Necropolis // International conference «Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period» October, 21 – 25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine: Abstracts. P. 118–122.

Stulegar F. A. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway [ad 1-550]// Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand-Simferopol, Dolya Publishing House, 2011, P. 217–235.

Soupault W. A propos de l'origine et la diffusion des poingardset epées a encoches (IVe – VIIe s.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. Симферополь, 1996.

Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Vcrbündeten der Römer // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristliehen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Marburg; Lublin, 1994. S. 1–25.

Zieling N. Studien zu germanischen Schildcn der Spätlatene und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. BAR, Int. Ser. 505. – Oxford. 1989.

REFERENCES

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goty strany Dori* (III–VII v.). Simferopol': Antikva, 2017, 400 p.

Bemann J., Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Volkerwanderungszeit in Skandinavie. *Studien zur Ordnunganhand der norvegischen Funde.* Bericht der RGK, 1999, Bd. 75.

Betrozov R.Zh. Kurgany gunnskogo vremeni u seleniia Kishpek. *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii.* Nal'chik, 1987, vol. 3.

Biborski M. Miecze z okresu wpiywow rzymskich na obszarze kuliury przeworskiej. *Materialy Archeologiczne.* 1978, XVIII.

Domanski G. *Kultura luboszycka miedzy Laba a Odra w 1 – IV wieku.* Wroclaw. 1979.

Gei O.A., Bazhan I.A. *Khronologiia epokhi „gotskikh" pokhodov (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza).* M., 1997.

Godlowski K. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe.* Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 1970.

Godlowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. P*robleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter.* Krakow, 1992.

Godlowski K. Die Chronologic der germanischen Waffengräber in der jüngeren und spä ten Kaiserzeit. *Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten.* Marburger Colloquium. Marburg: Lublin, 1994.

Ilkjaer J. *Illerup Adal. Die Lanzen und Speere.* Aarhus, 1990.

Kaczanowski P. *Klassifikacija grotow broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego.* Krakow, 1995.

Kazakiavichius V. *Oruzhie baltskikh plemen II – VIII vekov na territorii Litvy*. Vil'nius, 1988.

Kazanski M.M. *Germantsy v Iugo-Zapadnom Krymu v pozdnerimskoe vremia I v epokhu velikogo pereseleniia narodov. Goty i Rim. Levada M.E. (Ed.)*, Kiev, 2006, pp. 26–41.

Kazanski M. Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire. *College de France. Centre de recherché d' histoire et civilization de Byzance. Travaux et memoires.* 1991, Vol. 1.

Kazanski M. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de Epoque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. *Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten (Marburger Kolloquium 1994).* Marburg; Lublin, 1994.

Kazanski M. Les antiquites germaniques de l`epoque romaine tardive en Crimee et dans la region de la Mer d`Azov. *Ancient West and East.* V. 1, № 2. Leiden; Boston, 2002.

Khrapunov I.N. Severnye varvary v Krymu: istoriia issledovaniia. *Mezhdunarodnaia konferentsiia "Inter Ambo Maria. Kontakty mezhdu Skandinaviei i Krymom v rimskoe vremia"* 21 – 25 October 2010., Gaspra, Crimea, Ukraina: Theses. Simferopol', 2010, pp. 62–72.

Khrapunov I.N. Germanskie veshchi iz mogil'nika Neizats. *Mezhdunarodnaia konferentsiia "Inter Ambo Maria. Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moriu"*. Theses. 3–7 October 2012, Gaspra, Crimea, Ukraina: Theses. Simferopol', 2012, pp. 121–127.

Konnolli P *Gretsiia i Rim. Entsiklopediia voennoi istorii.* M.: «Eksmo-Press», 2000.

Kontny B. Novye vozmozhnosti dlia resheniia zagadki. Oruzhie iz Chatyr-Daga v svete poslednikh issledovanii. *Mezhdunarodnaia konferentsiia "Inter Ambo Maria. Severnye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moriu"*.Theses. 3–7 October 2012, Gaspra, Crimea, Ukraina: Theses. Simferopol', 2012, pp. 140-141.

Kontny B. New Traces to Solve the Riddle. Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research. *International conference «Inter Ambo Maria. Notrhern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea».* Abstracts of presentations. 3–7 October 2012. Gaspra, Crimea, Ukraine, Simferopol', 2012, p. 38-39.

Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research *International conference "Inter Ambo Maria". Notrhern Barbarians from Scandinavia towards to Black Sea.* Kristiansand-Simferopol': Dolya Publishing House, 2013, pp. 196–212.

Mogil'nikov V.A. Pogrebalnyi obriad kul'tur III v. do n.e. — III v. n.e. v zapadnoi chasti Baltiiskogo reggiona. *Pogrebal'nyi obriad plemen Severnoi i Srednei Evropy v I tysiacheletii do n.e. – I tysiacheletii n.e.* M., 1974.

Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoi epokhi v Krymu.* Nestor-Istoriia. SPb., 2006, 208 p.

Radiush O., Skvortsov K. Nakhodki detalei shchitov v areale sambiisko-natangiiskoi kul'tury. *Germania-Sarmatia. Drevnosti Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy epokhi rimskogo vliianiia i pereseleniia narodov.* Kaliningrad, 2008.

Rygh O. *Norske oldsager.* Christiania, 1885.

Roymans N. The Sword or the Plough. Regional Dynamics in the Romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland Area. *From the Sword to the Plough: Three Stidies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul.* Amsterdam, 1996.

Sharov O. Warrior Graves in Chatyr-Dag Necropolis. *International conference «Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period»* October, 21 – 25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine: Abstracts. Pp. 118–122.

Sharov O.V. *Keramicheski kompleks nekropolia Chatyr-Dag: Khronologiia kompleksov s rimskimi importami.* SPb., 2007, 208 p.

Sharov O.V. Voinskie pogrebeniia mogil'nika Chatyr-Dag. *Mezhdunarodnaia konferentsia «Inter ambo maria. Kontakty mezhdu Skandinaviei i Krymom v rimskoe vremia"* 21 – 25 October 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine:Theses Simferopol', 2010, pp. 122–128.

Sharov O.V. V poiskakh strany "Oium": epos ili real'nost'? *Drevnosti Zapadnogo Kavkaza*. Krasnodar, 2013.

Stulegar F. A. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway [ad 1-550] *Inter Ambo Maria. Contacts*

between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand-Simferopol‘: Dolya Publishing House, 2011, pp. 217–235.

Soupault W. A propos de l’origine et la diffusion des poingardset epées a encoches (IVe – VIIe s.) *Materialy po arkheologii, istorii i etngrafii Tavrii*. Simferopol‘, 1996, vol. 5.

Voronov Iu.N., Shenkao P.A. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV - VI vv. *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov*. M., 1982.

Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Vcrbündeten der Römer. *Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristliehen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994.* Marburg; Lublin, 1994, S. 1–25.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatene und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *BAR, Int. Ser. 505.* Oxford, 1989.

Резюме

В статье проанализированы работы, вышедшие после издания материалов могильника Чатыр-Даг [Мыц и др., 2006] и посвященные проблеме происхождения германцев в Крыму и проблеме хронологии отдельных комплексов могильника. Несмотря на прошедшие годы, остались насущными вопросы происхождения германцев, их этнической атрибуции и принадлежности к той или иной культуре. Также спорными остались вопросы времени основания могильника и хронологии отдельных типов погребального инвентаря.

Ключевые слова: Крым, Чатыр-Даг, могильник, каменный ящик, кремация, урна, римское время.

Summary

The article analyzes works dealing with the problem of the appearance of Germans in Crimea and with the problems of chronology of Chatyr-Dag assemblages, that have come out after the materials of the Chatyr-Dag cemetery were published (Mytz et al., 2006). Though over 10 years have passed, many questions related to the origins of Germans in Crimea and their ethnic and cultural affiliation still remain open. Controversial also are the date when the cemetery was founded, as well as chronologies of certain types of burial goods.

Keywords: Crimea, Chatyr-Dag, cemetery, stone box, cremation, urn, Roman time.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Шаров Олег Васильевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья ИА РАН,
Москва, ул. Дм. Ульянова, д.19.
+79213955645
e-mail: olegsharov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Sharov Oleg Vasilyevich,
Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Archeology of the Epoch of the Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages, IA RAS, Moscow, str. Dm Ulyanov, 19.
+79213955645
e-mail: olegsharov@mail.ru

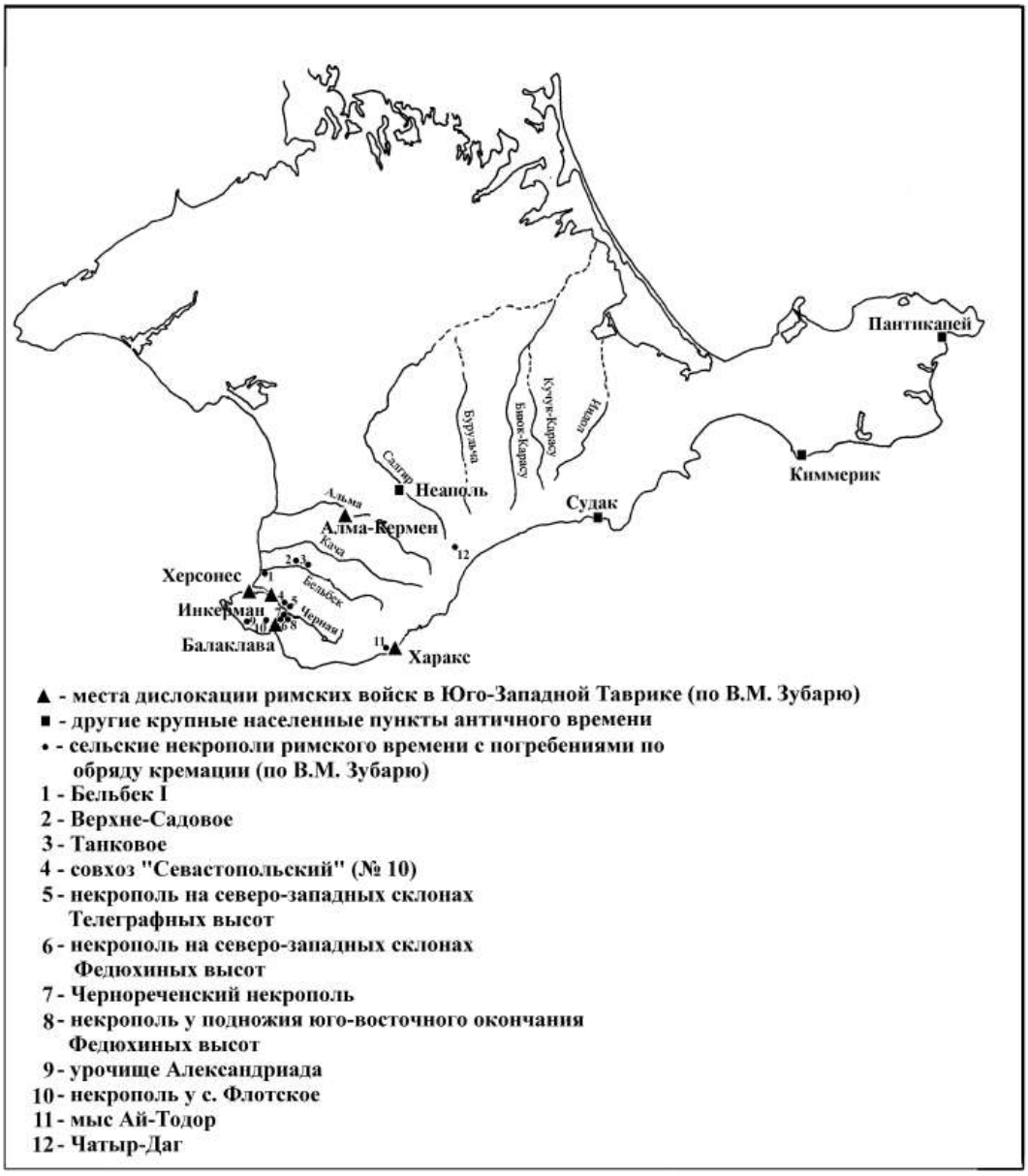


Рис. 1. Крым. Некрополи римского времени с погребениями по обряду кремации. [Мыц и др., 2006, таб. 63].

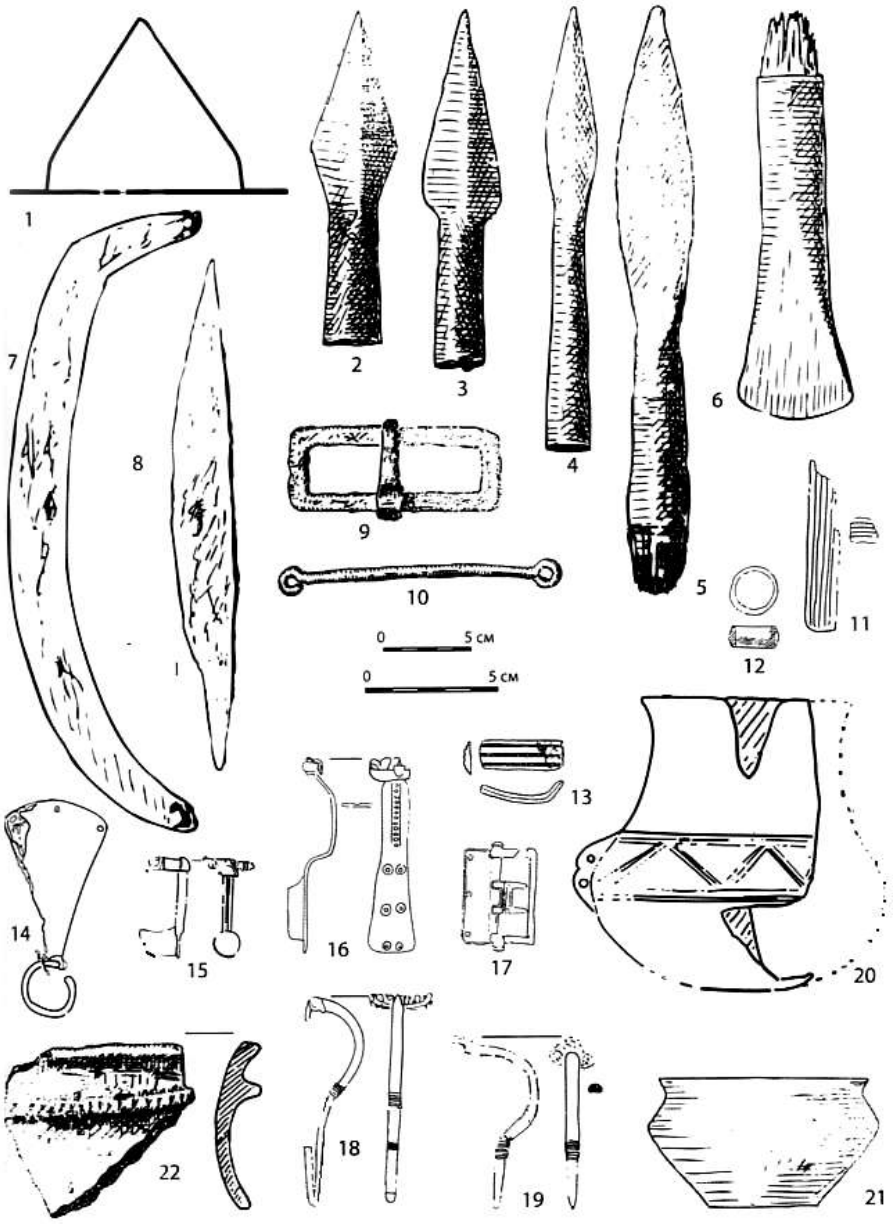


Рис. 2. Погребение № 10 могильника Gross Fridrichsberg/Калининград самбийско-натангийской культуры [Радюш, Скворцов, 2008, рис. 8].

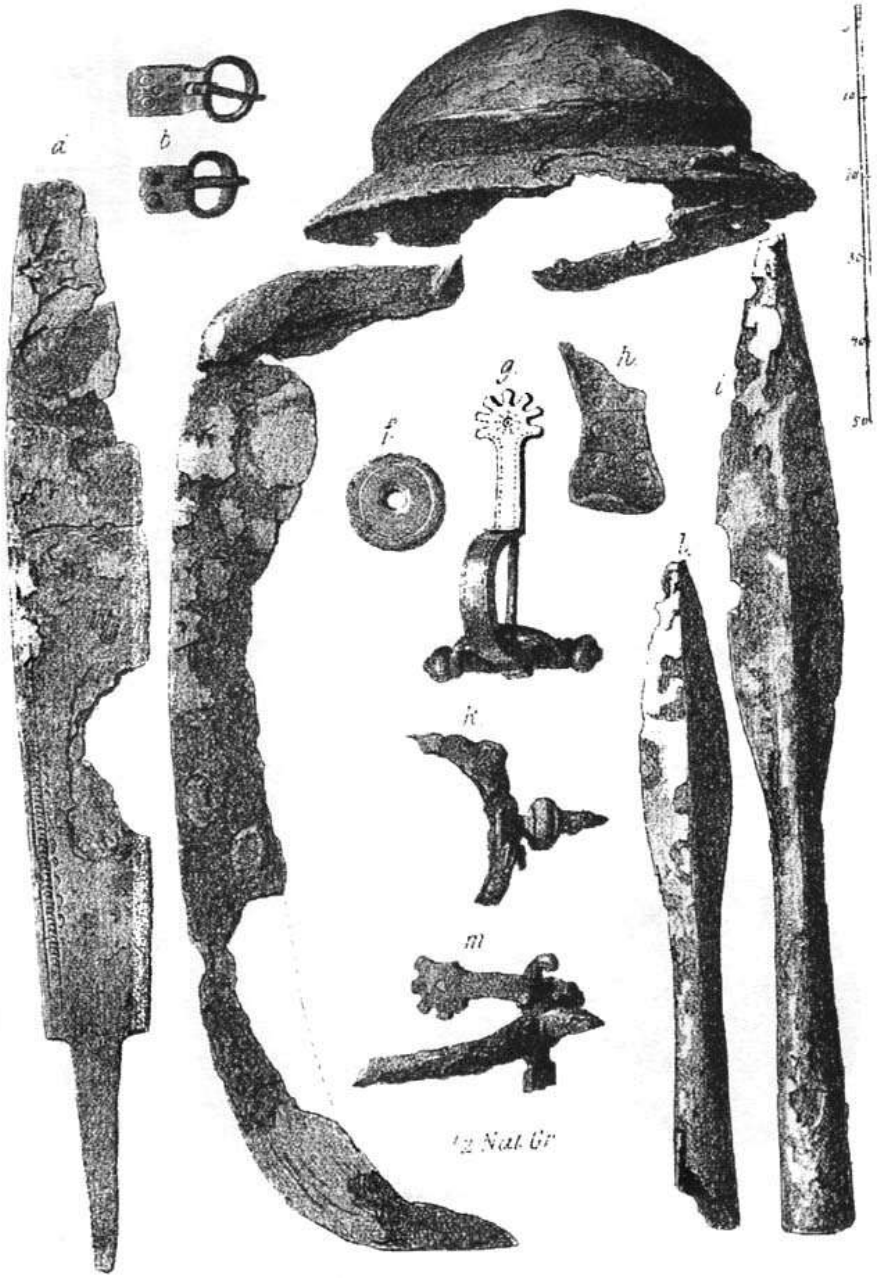


Рис. 3. Погребение № 43 могильника Grebiethen самбийско-натангийской культуры [Радюш, Скворцов, 2008, рис. 12].

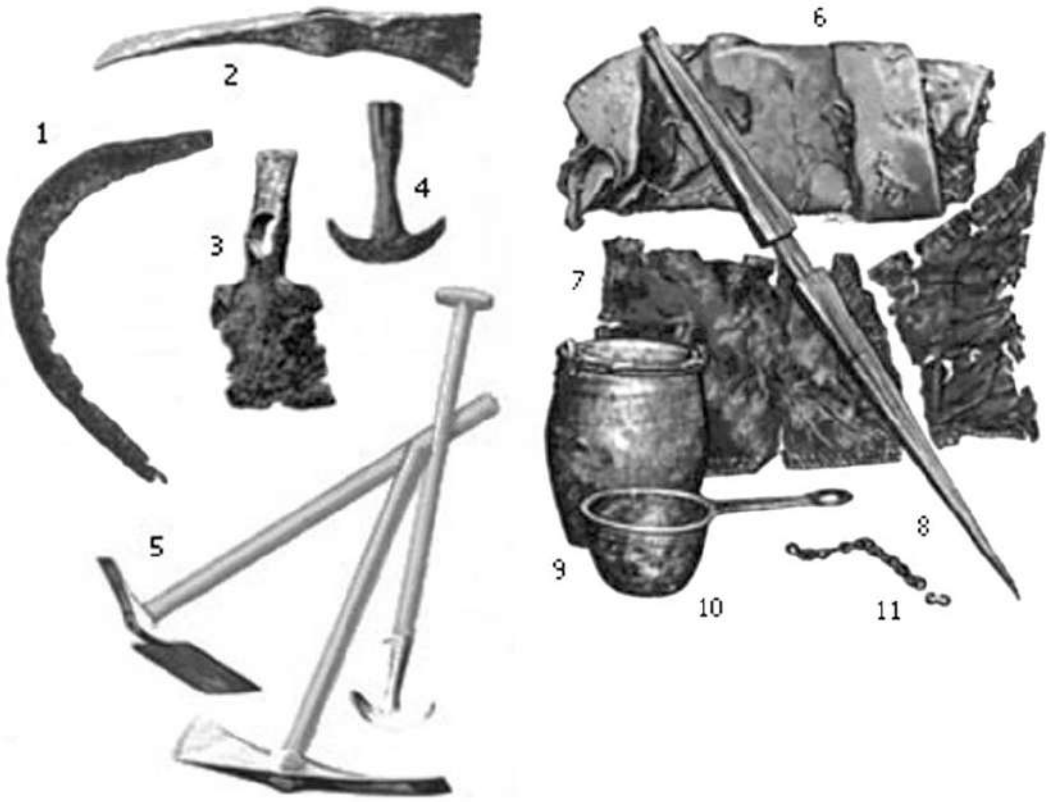


Рис. 4. Походное снаряжение легионеров вспомогательных войск [Конноли, 2000, с. 523].

1-5 – орудия легионера. 1 – серп из Нуманции. 2 – киркомотыга (dolabra) из Кремоны. 3 – саперная лопатка из Кастелл Кюнцинг. 4 – дернорезка из Ньюстада. 5 – реконструкция орудий. 6 – кожаный чехол для щита из Харднотта. 7 – кусок кожаной палатки с Антонинова вала. 8 – кол для частокола с Адрианова вала. 9 - 10 – ведро и миска из Кремоны. 11 – цепь со звеньями восьмерками из Нуманции.

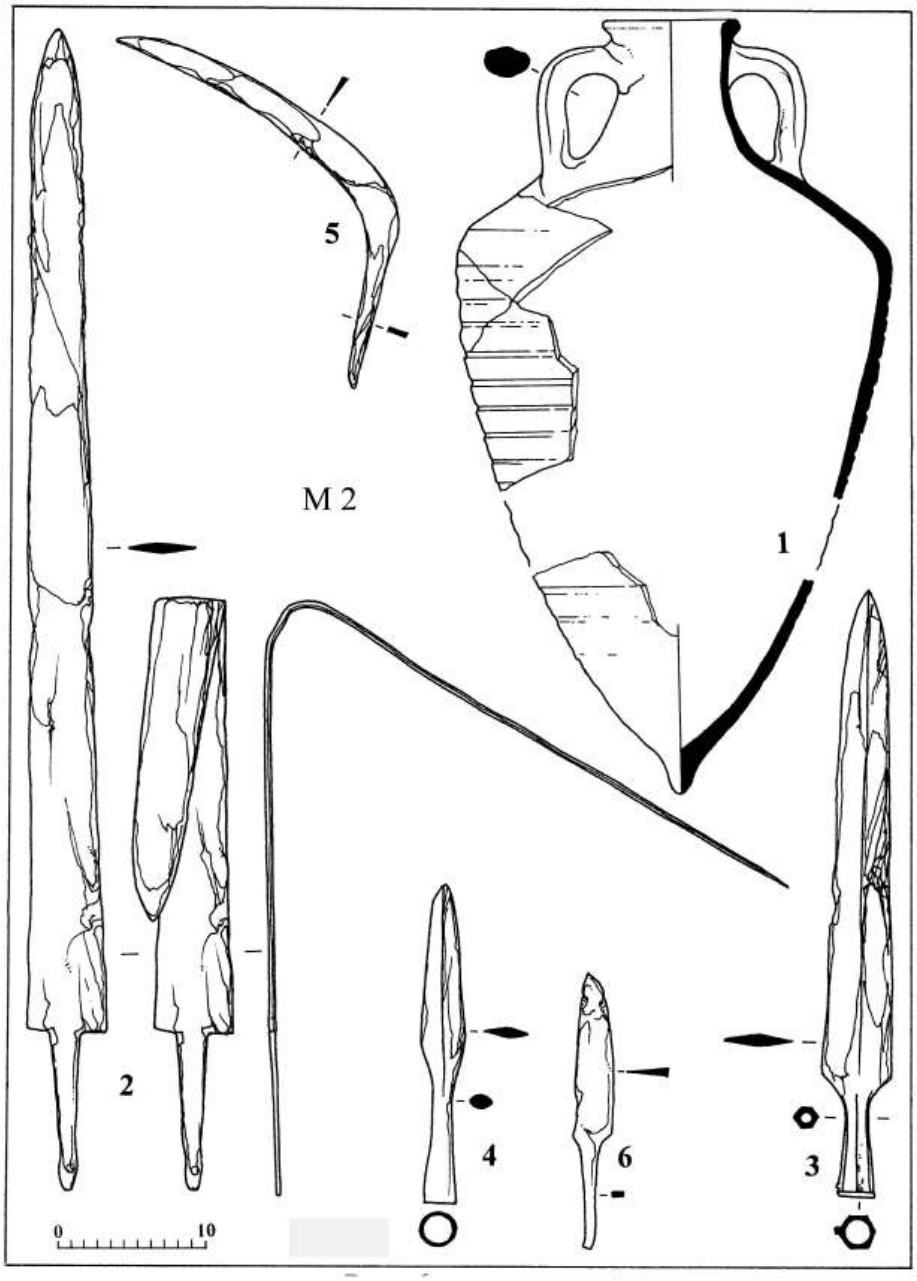


Рис. 5. Могильник Чатыр-Даг. Погребение № 2 [Мыц и др., 2006, таб. 6].

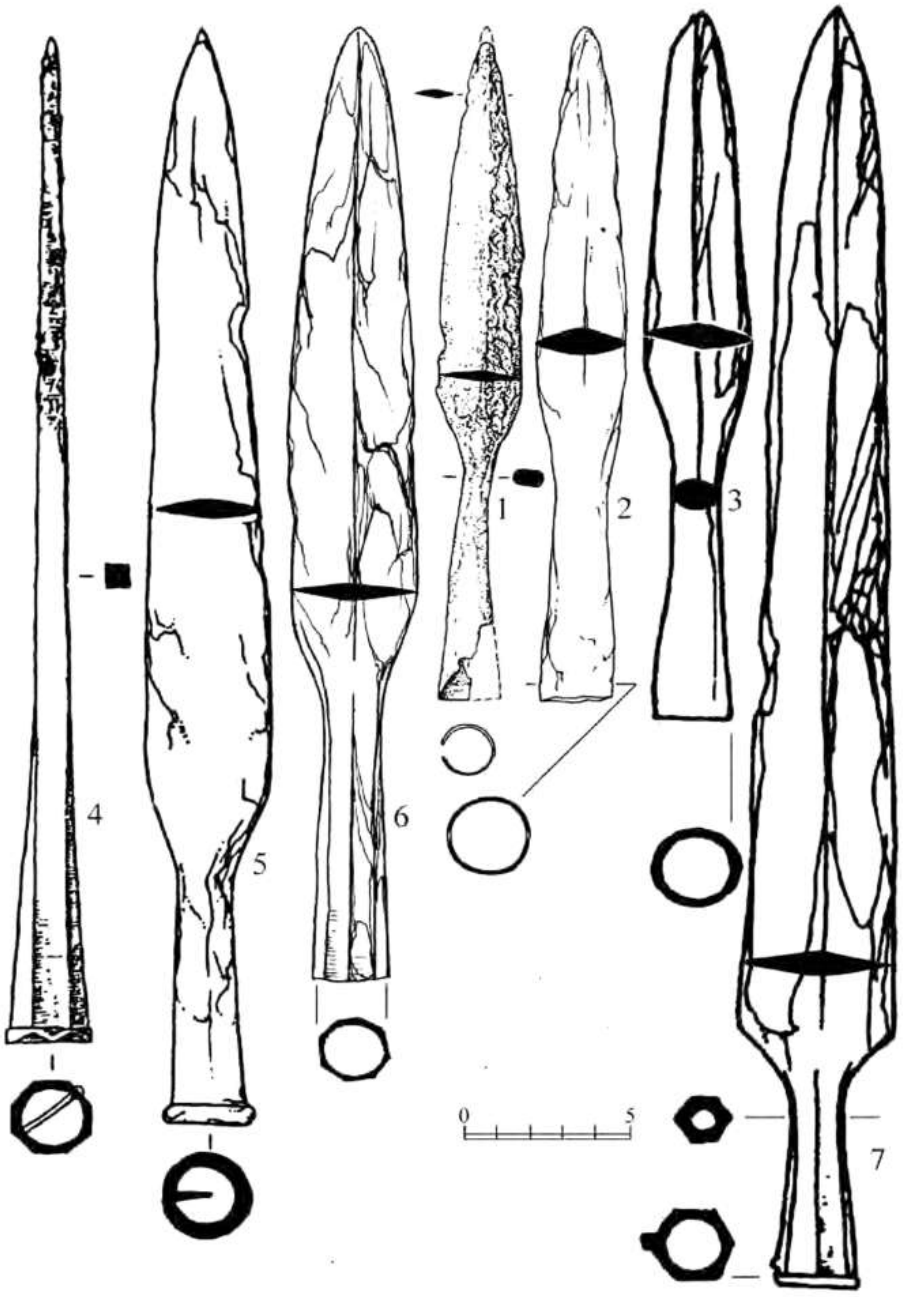


Рис. 6. Наконечники копий из могильника Чатыр-Даг.

1 – «северная» часть могильника; 2 – могила № 55; 3,7 – могила № 2; 4 – могила № 12; 5 – могила № 3; 6 – могила № 20; [Мыц и др., 2006, таб. 6, 3, 4; 7, 1; 15А, 2; 15Б, 5; 23, 1; 53, 10].

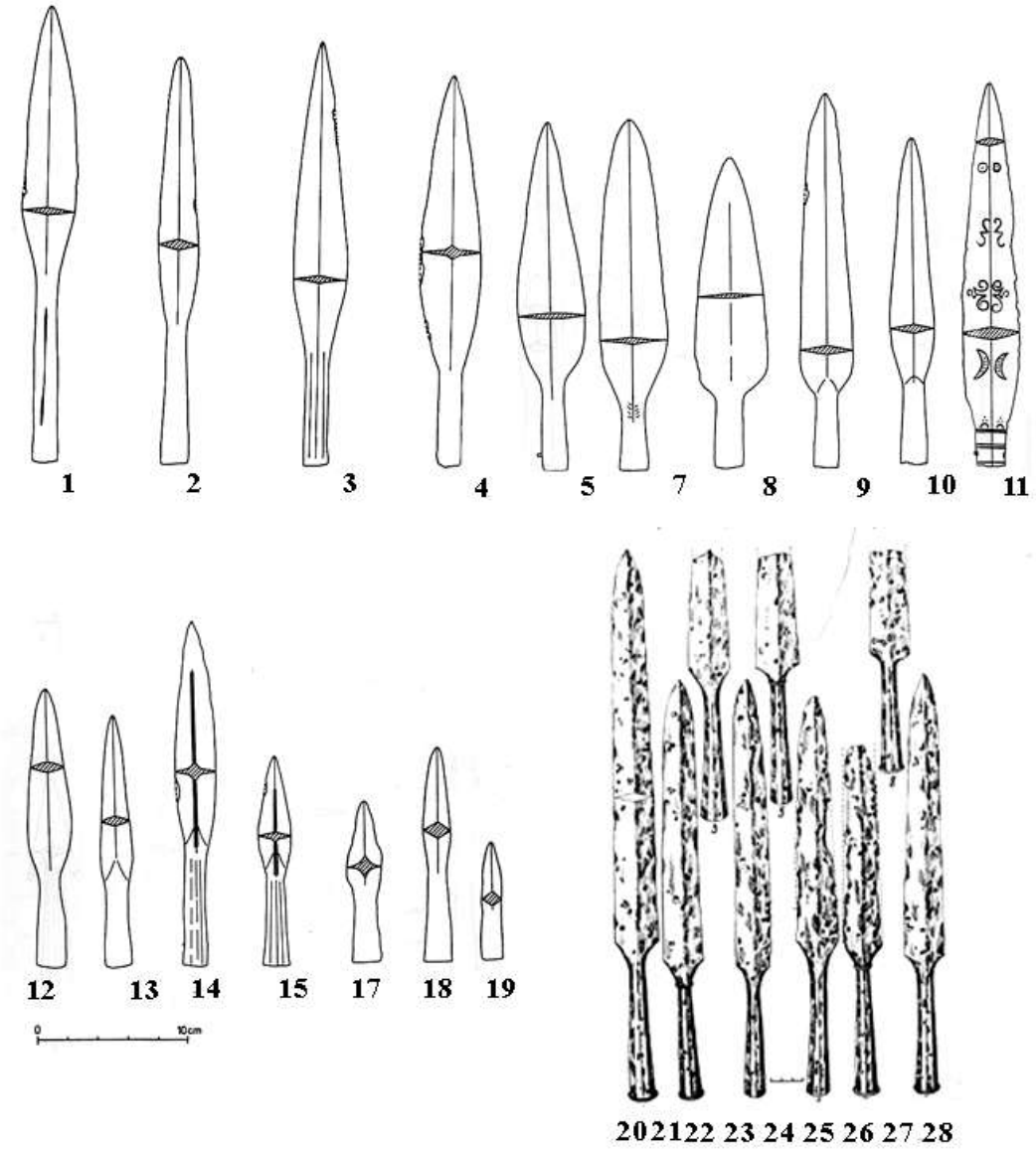


Рис. 7. Классификация копий по П. Качановскому [Kaczanowski, 1995] и В. Казакявичюсу [Казакявичюс, 1988].;

1-2 – тип XIV; 3-4 – тип XV [Kaczanowski, 1995, tab. XII]. 5-8 – тип XIX; 9-10 – тип XX; 11– тип XXI [Kaczanowski, 1995, tab. XIV].12-13 – тип XXII; 14-15 – тип XXIII; 17 – тип XXIV; 18-19 – тип XXV [Kaczanowski, 1995, tab. XV]. 20-28 – тип 3 по В. Казакявичюсу [Казакявичюс, 1988, рис. 15].

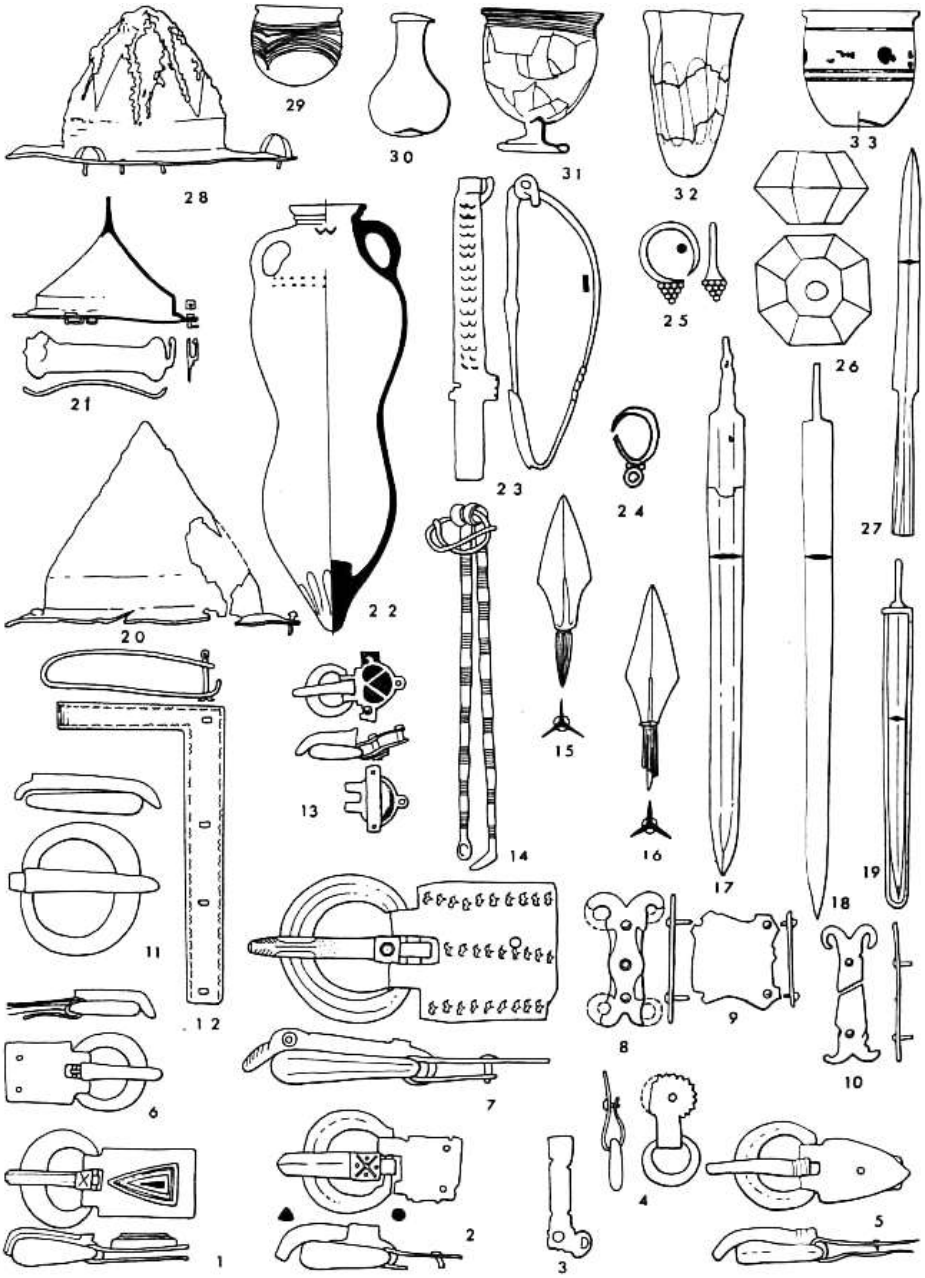


Рис. 8. Цебельдинская культура. Хроноиндикаторы 7 фазы (400–425 гг.) по О.А. Гей–И.А. Бажану [Гей–Бажан, 1997, таб. 28].

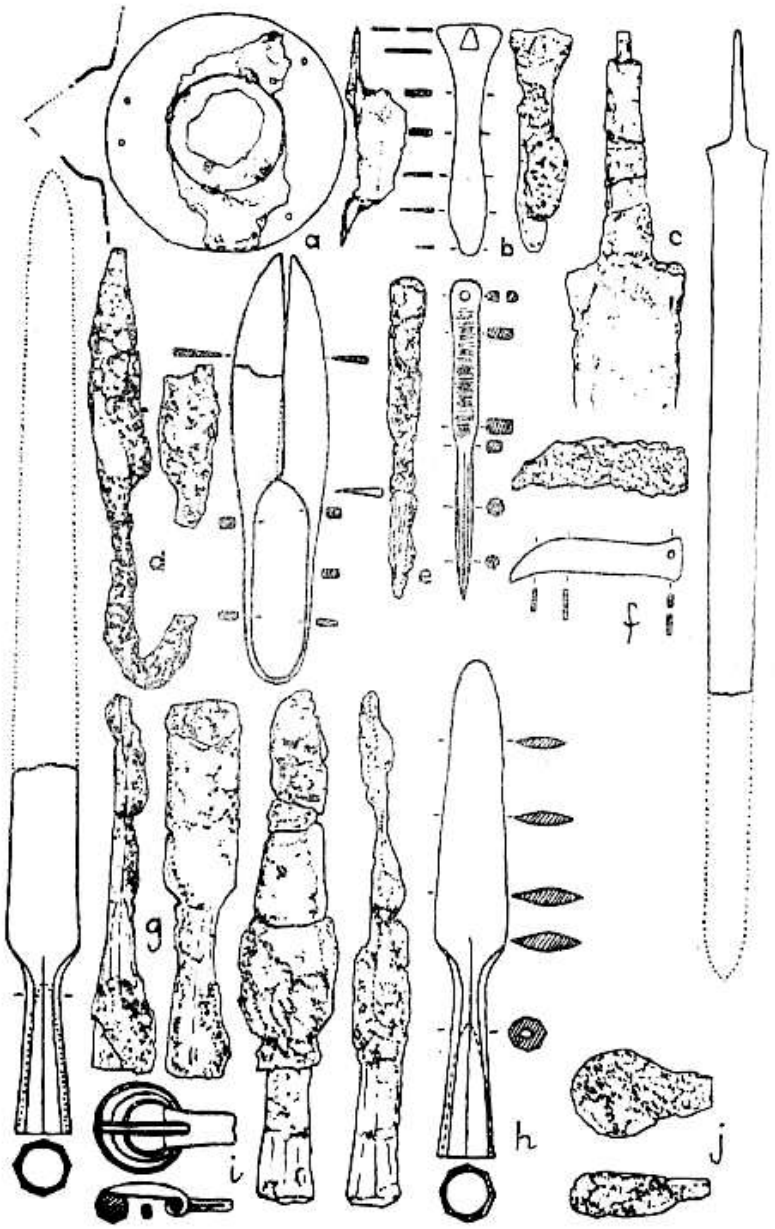


Рис. 9. Погребение № 1 могильника Дрезден-Добритц любошицкой культуры [Domanski, 1979, Ryc.20].

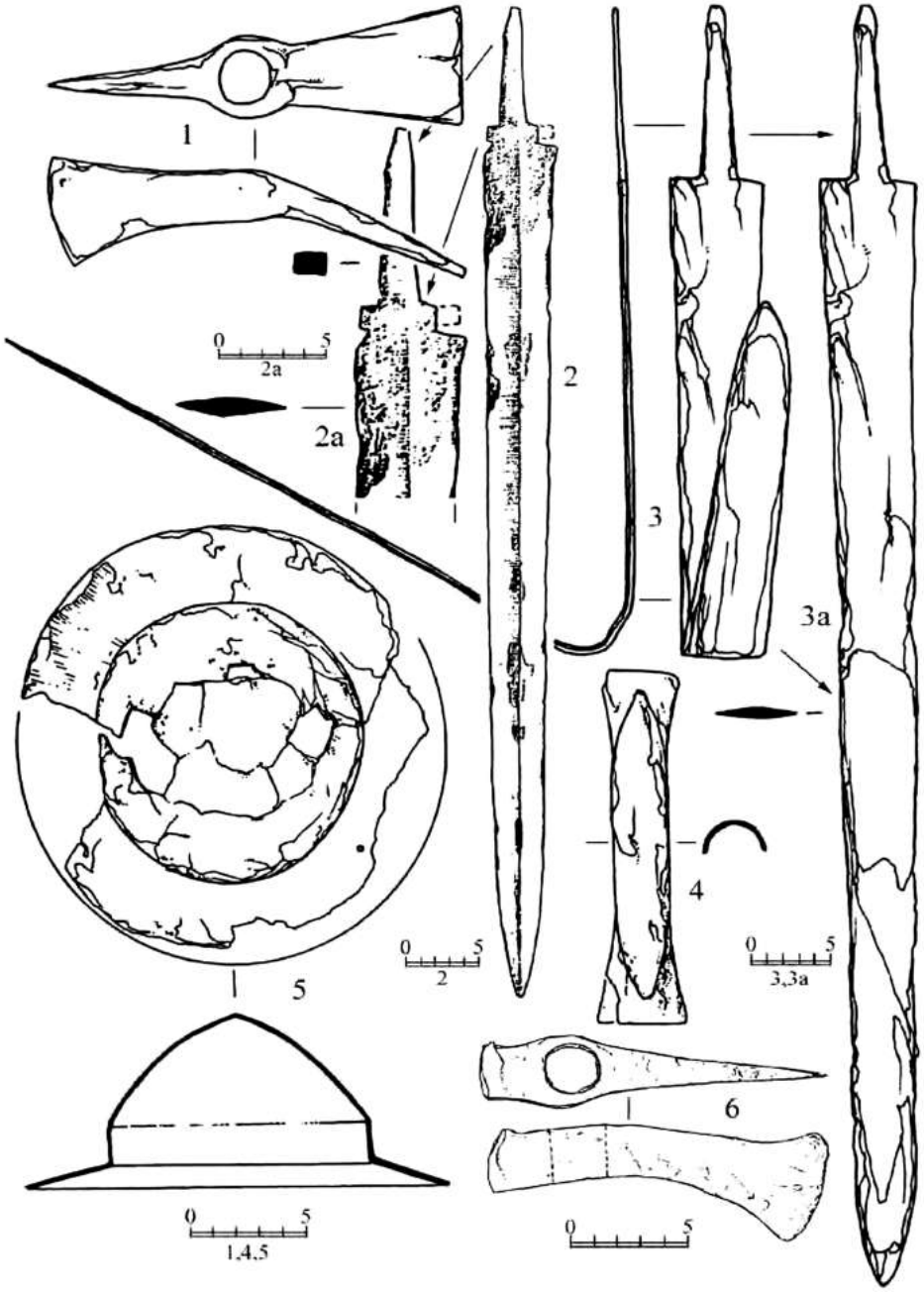
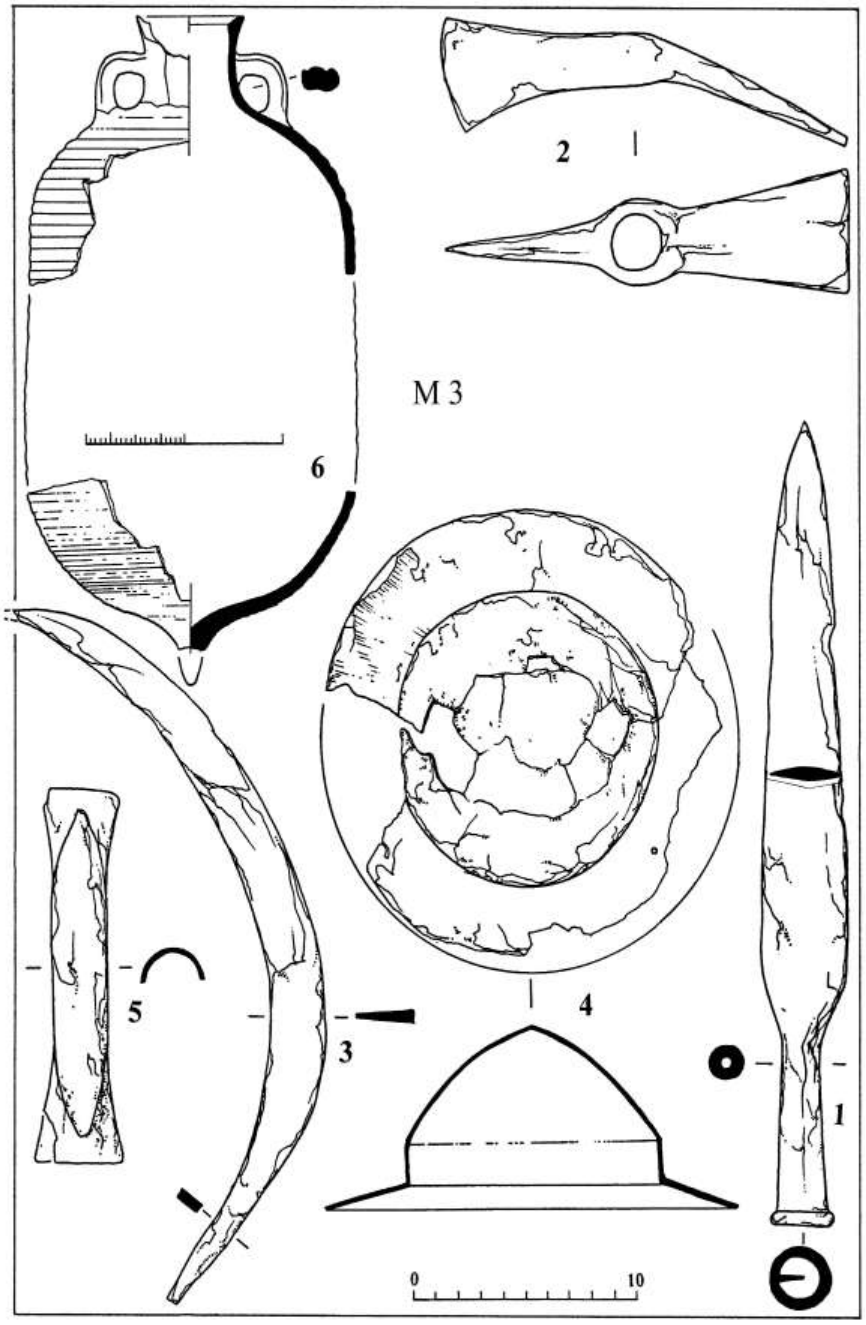


Рис. 10. Оружие и орудия труда из могильника Чатыр-Даг.

1,4,5 – могила № 3; 2 – могила № 12; 3 – могила № 2; 6 – находка на древней дневной поверхности «северной» части некрополя [Мыц и др., 2006, таб. 6, 2; 7, 2,4,5; 15А, 1; 15Б, 9].



Таб. 7

Рис. 11. Могильник Чатыр-Даг. Погребение № 3 [Мыц и др., таб. 7].

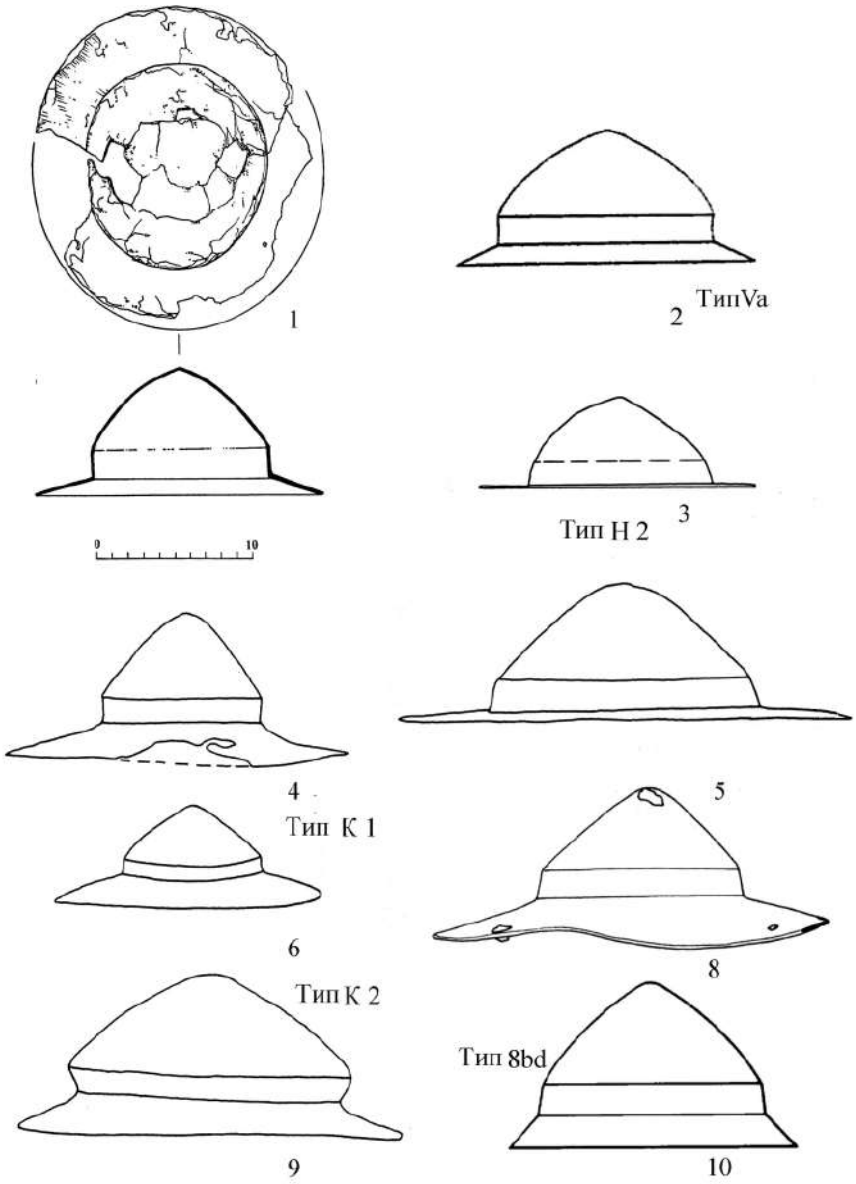


Рис. 12. Умбон из погребения № 3 и аналогии к нему из Скандинавии и Центральной Европы. [Мыц и др., 2006, рис. 8].

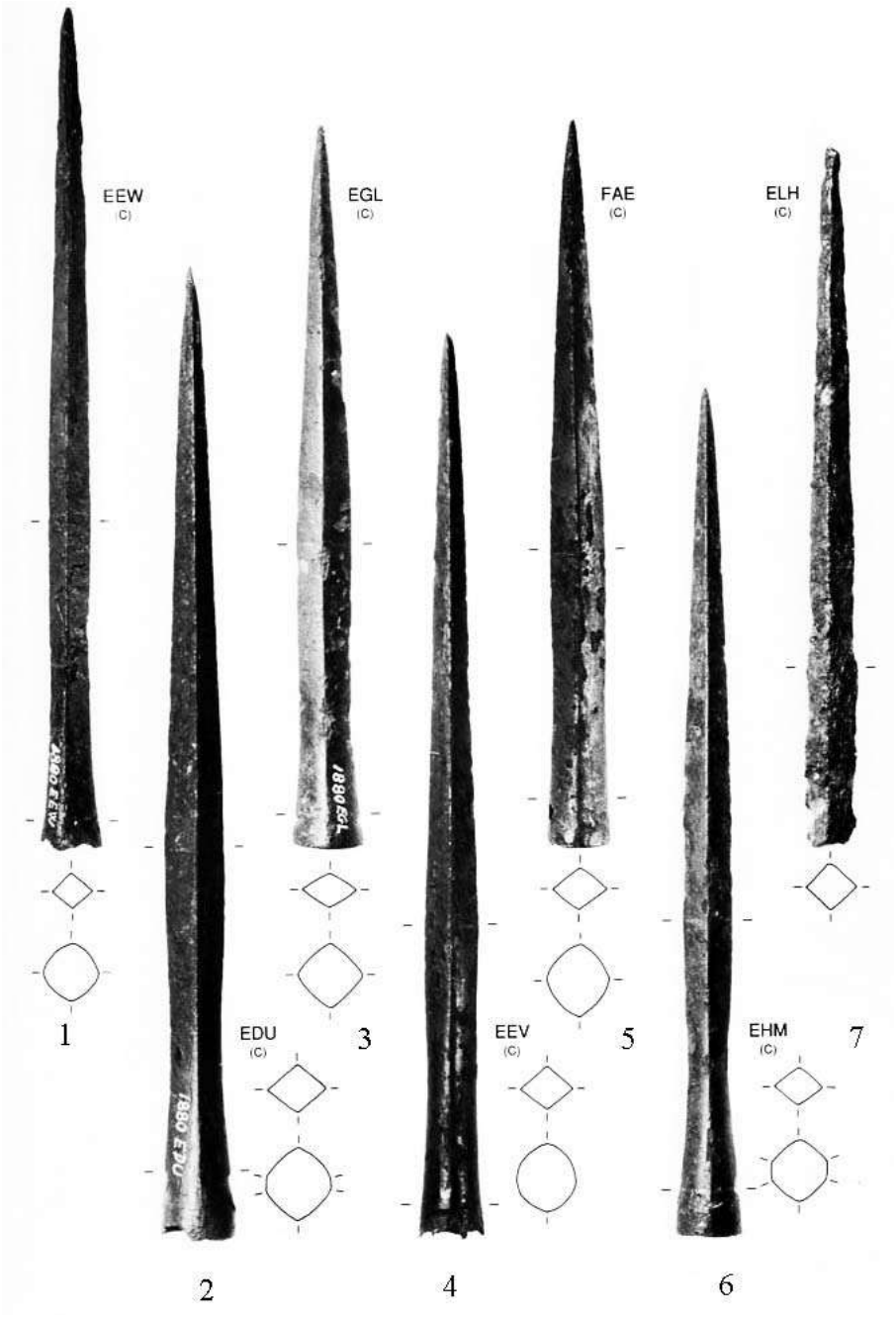


Рис. 13. Наконечники копий/дротиков типа 5 «Хавор» по Й. Иллькеру [Illkjær, 1990, Taf. 18].

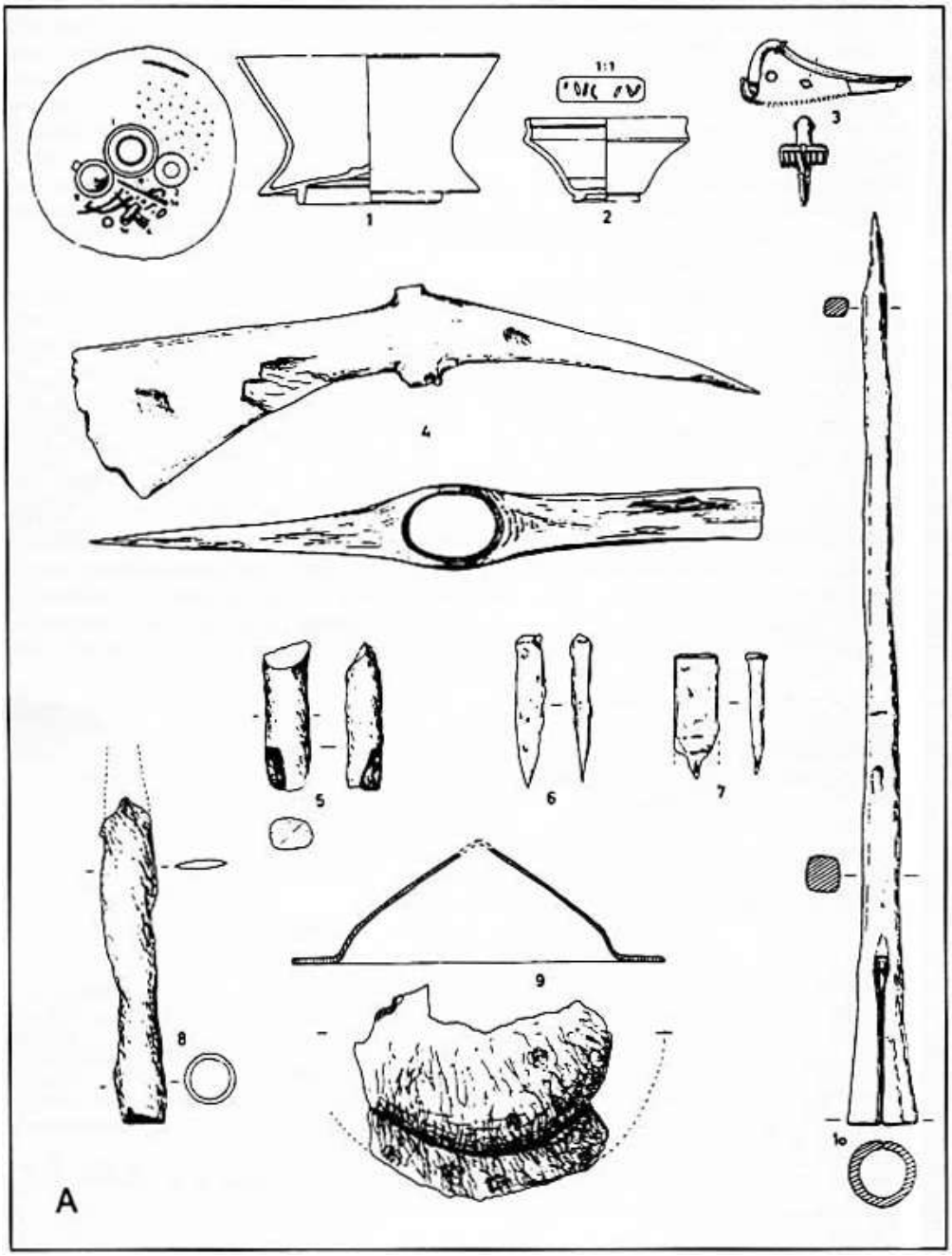


Рис. 14. Могильник Ведерат. Район верхнего Рейна-Мозеля.
Погребение № 697 [Waurick, 1994, Abb.11A].

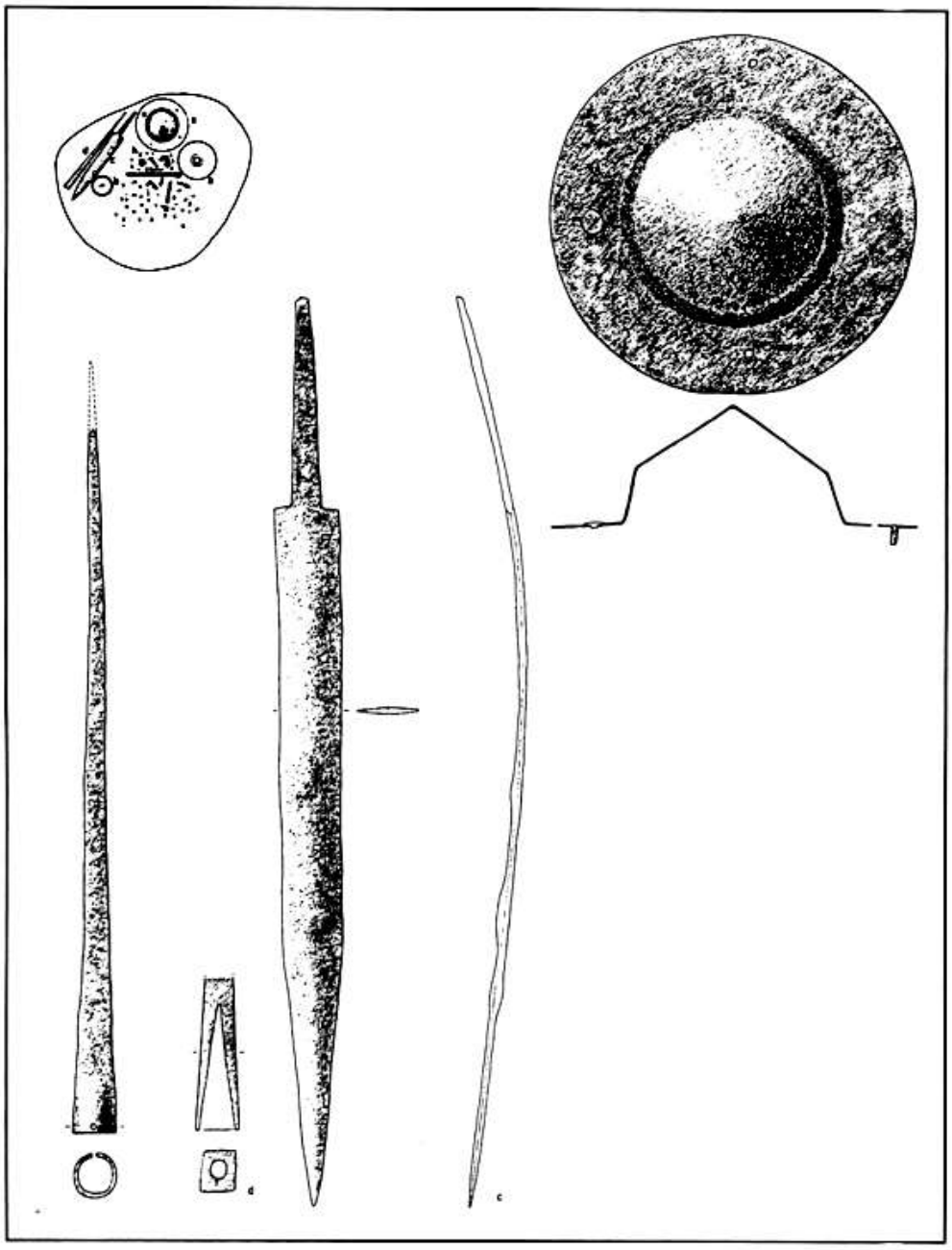


Рис. 15. Могильник Ведерат. Район верхнего Рейна-Мозеля.
Погребение № 1344 [Waurick, 1994, Abb.12A-B].

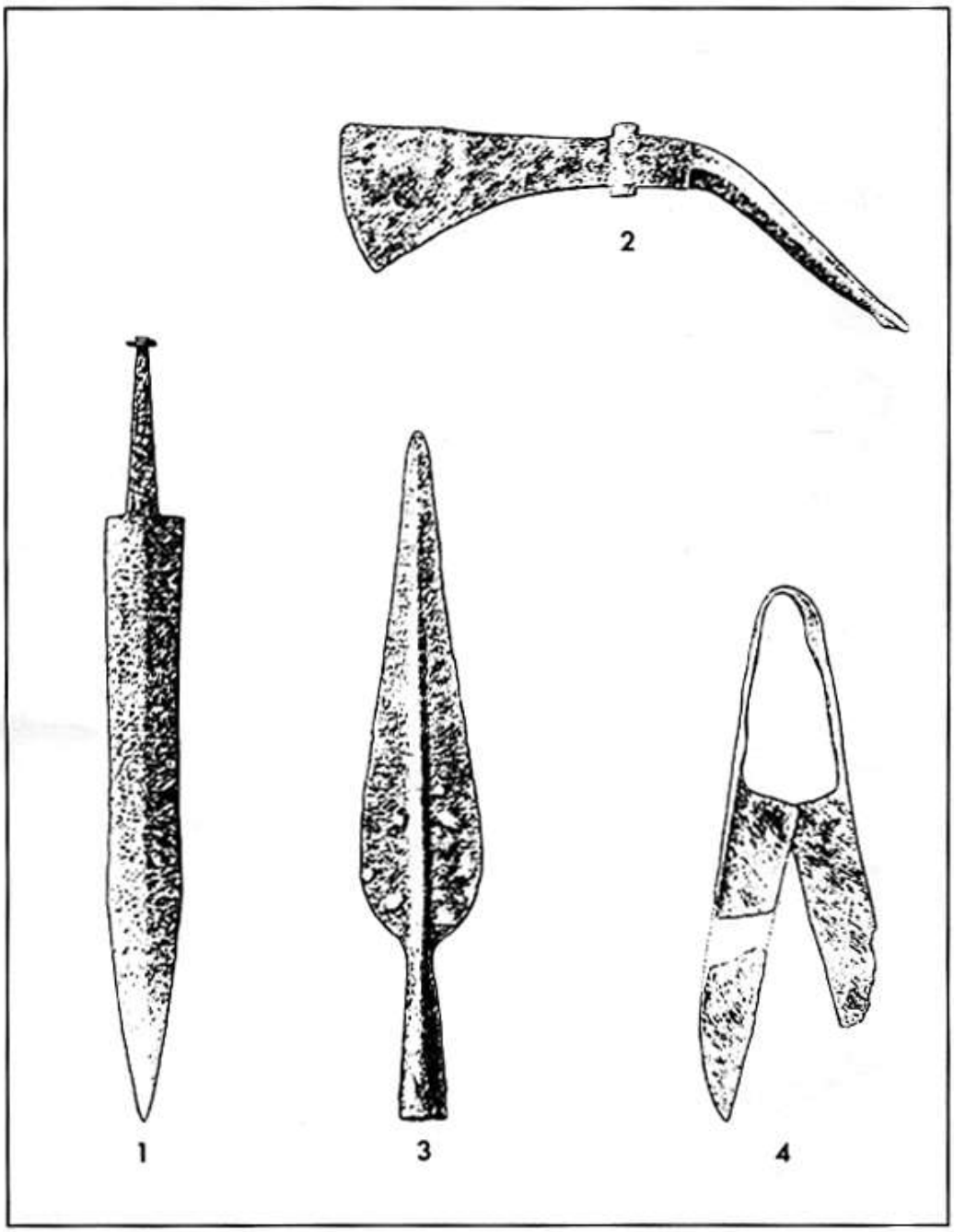


Рис. 16. Могильник Ведерат. Район верхнего Рейна-Мозеля.
Погребение № 2215 [Waurick, 1994, Abb. 13A].

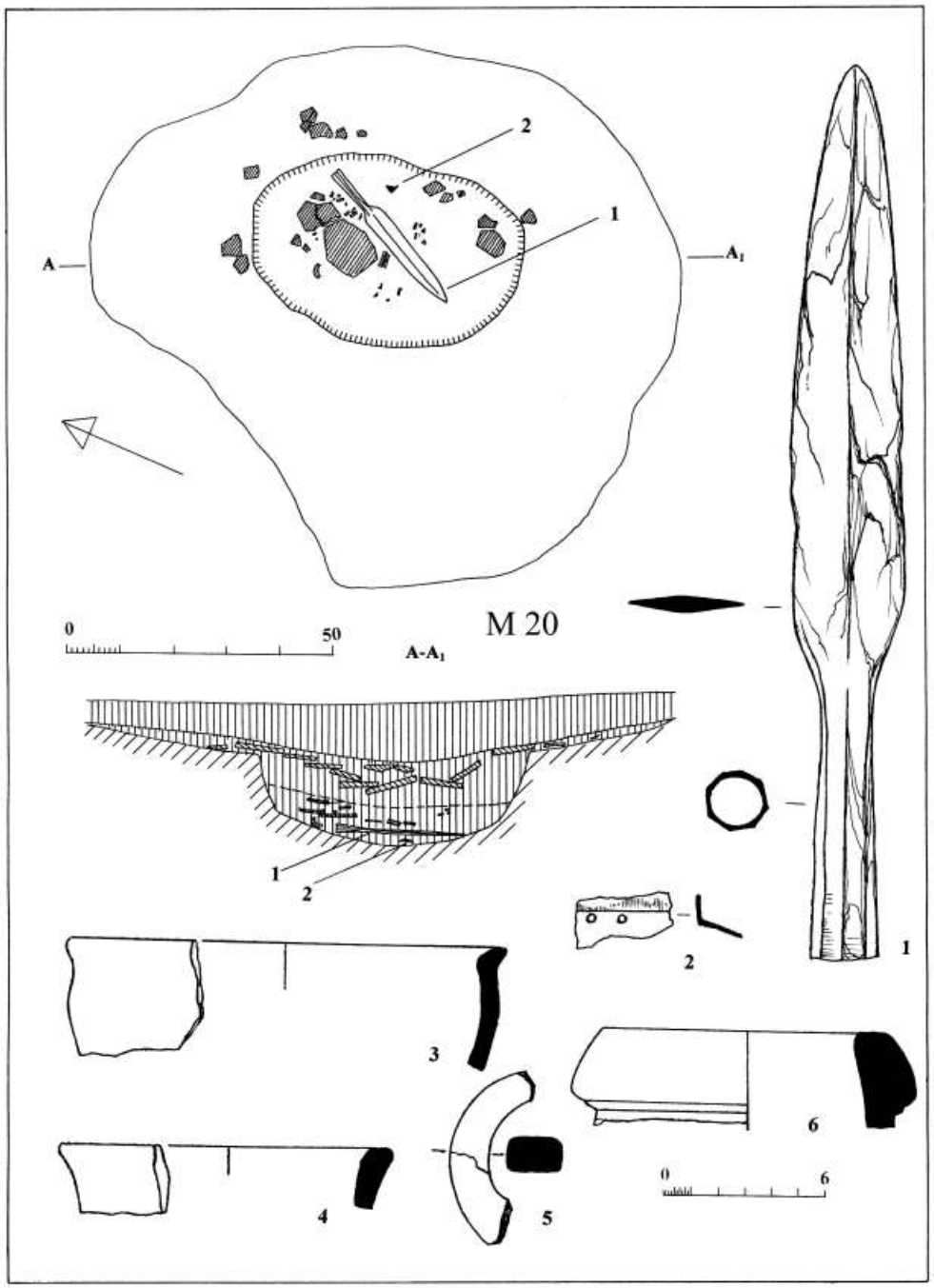


Рис. 17. Могильник Чатыр-Даг. Погребение № 20. [Мыц и др., 2006, таб. 23].

А.М. КОРЖЕНКОВ, А.Н. ОВСЮЧЕНКО, А.С. ЛАРЬКОВ,
Е.А. РОГОЖИН, О.В. ДИМИТРОВ, Н.И. СУДАРЕВ, Э.Р. УСТАЕВА
A.M. KORZHENKOV, A.N. OVSYUCHENKO, A.S. LAR'KOV,
E.A. ROGOZHIN, O.V. DIMITROV, N.I. SUDAREV, E.R. USTAEVA

О СЛЕДАХ СИЛЬНЫХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ ГЕРМОНАССА-ТМУТАРАКАНЬ И СТРУКТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИХ ОЧАГОВЫХ ЗОН[1]

ON TRACES OF THE STRONG EARTHQUAKES IN GERMONASSA-TMUTARAKAN' ANCIENT CITY AND STRUCTURAL POSITIONS OF THEIR SOURSE ZONES

Введение

Сейсмический прогноз – одно из важнейших практических приложений естественно-исторических наук. В основе долгосрочного прогноза лежат знания о повторяемости и геологической позиции сильнейших сейсмических событий того или иного региона. Инструментальные сейсмологические наблюдения ограничиваются началом – серединой XX в. и далеко не всегда удовлетворяют этому условию. В особенности это касается Таманского полуострова, где уже длительное время регистрируются лишь редкие и слабые толчки. Выход из сложившейся ситуации наметился с привлечением данных о землетрясениях более далёкого прошлого, изучаемых методами исторической, палео- и археосейсмологии.

Предлагаемая читателю работа продолжает цикл исследований, направленных на восстановление сейсмической истории Керченско-Таманского региона за последние 2,5–3 тыс. лет [Винокуров и др., 2015; Белик и др., 2016; Корженков и др., 2016а, 6; 2018; Масленников и др., 2017; Овсюченко и др., 2015; 2017а, б; Соколова и др., 2017; Molev et al, 2018 и др.]. Исследованный нами древний город уникален. Жизнь здесь с короткими перерывами продолжается уже более двух с половиной тысяч лет – со времени основания греческой колонии в первой половине VI в. до н.э., вплоть до наших дней. Кроме того, Гермонасса-Тмутаракань – один из двух памятников древности на Таманском п-ве (помимо Фанагории), имеющих архитектурные остатки всех основных исторических периодов, хранящие сейсмическую летопись региона. Несмотря на различные политические и этнические перемены, он оставался важным городским и торговым центром с первой половины VI в. до н.э. и вплоть до конца XVII в. Современная история станицы Тамань началась в июле 1771 г., когда майор Раевский, возглавивший присланные сюда из Керчи две роты гренадер и сотню егерей, нашёл старую, почти разрушенную таманскую крепость пустой, так как турецкий гарнизон покинул её за три дня до этого [Мальгин, 2016. С. 113].

1 Работа выполнена при поддержке госпрограммы исследований ИФЗ РАН, а также грантов РФФИ (гранты № РФФИ 18-55-18014 Болг_а, 18-05-01004 и 18-35-00521).

Метод археосейсмологических исследований

Главными вопросами для оценки сейсмической опасности являются: локализация эпицентров (эпицентральных зон) сильных землетрясений, оценка высвобожденной энергии (магнитуды) при сейсмических событиях и время (возраст) сейсмокатастроф. Современная инструментальная сейсмология успешно справляется с ответами на эти вопросы, однако надежные результаты сейсмологических наблюдений стали получать лишь в последние 50–70 лет. Совершенно очевидно, что подобный период наблюдений является совершенно недостаточным для достоверного сейсмического районирования, ведь известно, что сильные землетрясения в сейсмически опасных регионах происходят раз в несколько сот – тысяч лет.

Исследованием древних сейсмических событий успешно занимается палеосейсмология. С использованием геологических и геоморфологических методов палеосейсмологи определяют выходы сейсмических очагов на поверхность, производят оценку сейсмических смещений (определяют магнитуду) и с помощью методов абсолютного датирования определяют возраст (повторяемость) сейсмических событий. Изучением этих же вопросов занимается историческая сейсмология. В публикациях, архивах, летописях специалисты по крупицам параметризуют сильные древние землетрясения.

Еще одним источником информации о сейсмокатастрофах является археосейсмология. Изучая деформации в археологических и исторических памятниках, ученые-археосейсмологи продляют сейсмическую «летопись» на сотни и тысячи лет.

Наиболее «удобный» для целей археосейсмологии случай представляет выход очага сильного исторического землетрясения на поверхность. При этом разрываются и смещаются строительные конструкции [Klinger et al., 2000; Rukieh et al., 2005; Korjenkov et al., 2006 и др.]. Такие деформации маркируют эпицентральные зоны на поверхности. По величине и направлению смещения строительных элементов (например, городских стен или акведуков) можно определить кинематические характеристики сейсмического события и рассчитать их численные параметры. Время события определяется по возрасту археологических артефактов и данным определения абсолютного возраста. Таким образом, сравнительно легко решаются три главных вопроса сейсмологической науки: где, когда и какой силы.

К сожалению, подобные случаи выходов сейсмических очагов на поверхность и смещений ими древних строительных конструкций крайне редки. Тем более важны и уникальны новые находки подобных деформаций. Чаще всего археологи имеют дело с многочисленными деформациями и разрушениями в строительных конструкциях, которые они традиционно приписывают нашествию иноземных армий или добровольному оставлению населенных пунктов местными жителями (например, при изменении местного гидрологического режима).

Метод изучения сейсмических повреждений, примененный в данном исследовании к археологическим объектам, был предварительно прокалиброван нами при исследовании Кочкор-Атинского и Суусамырского землетрясений (оба – 1992 г., Кыргызстан),

а затем использован при археосейсмологических исследованиях на Ближнем Востоке [Korzhenkov, Mazor, 1999; Korjenkov, Schmidt, 2009; и др.], в Средней Азии [Korjenkov et al., 2003; Корженков и др., 2012; и др.] и Германии [Korjenkov et al., 2008; и др.], на Кавказе и в Крыму [Винокуров и др., 2015; Корженков и др., 2015].

Здания, стены и другие конструкции, построенные из обработанных каменных или глиняных блоков или кирпичей, образуют сеть геометрических линий, составляющих прямоугольники, что позволяет исследователям идентифицировать тип и величину деформаций с точностью в несколько градусов и сантиметров. Систематичность ориентации сейсмических разрушений в древних зданиях позволила создать банк данных для оценки интенсивности исторических землетрясений и реконструкции направления суммарных максимальных сейсмических воздействий.

Полученные данные и их обсуждение

Ниже приводится описание типов сейсмических разрушений и повреждений строительных конструкций на археологическом памятнике Гермонасса-Тмутаракань (рис. 1).

I. Деформации в постройках средневекового времени

Однонаправленные наклоны и обрушения стен близких простираний – характерная особенность повреждений и разрушений в эпицентральных зонах сильных землетрясений. Подобные деформации возникают из-за совместного движения нижних частей зданий вместе с грунтом и инерционного отставания от этого движения верхних частей строительных конструкций. Так, значительный наклон до 77° в южном направлении испытала стена IV (рис. 2) субширотной ориентировки (азимут простирания 100°). Эта деформация наблюдалась нами в одном из строительных комплексов, относящихся к салтово-маяцкому периоду застройки древнего города.

Аналогичное объяснение – следствие силы инерции может быть применено к объяснению выдвижения частей строительных конструкций при сильных землетрясениях. Подобные деформации встречаются как при макросейсмическом обследовании современных сейсмических событий, так и в раскопах древних археологических памятников. Так, например, нижняя часть каменной кладки стены «b» в т.н. 65-2016 в своей северной части дугообразно и плавно выдвинулась к западу (рис. 3). Азимут простирания стены 170°. Камни выдвинулись по азимуту 260° до 15 см.

Выдвижение камней к северу из нижнего ряда каменной кладки (20, 25, 40 см) было отмечено нами в стене “d” этого же дома (т.н. 65-2016). Само исследованное сооружение, расположенное на раскопанном участке жилого квартала города хазарского времени, датируемого IX–X вв. [Чхаидзе, 2008, с. 97], сильно деформировано валообразным поднятием грунта (рис. 4). Оставшаяся каменная кладка – преимущественно окатанные валуны, сложенные в «ёлочку». Ширина стен в их нижней сохранившейся части 80–90 см, остаточная высота – до 60 см. Следует отметить также, что плиты вымостки на крутом и коротком крыле вала сильно

наклонились к морю под углом до 30°. Зачастую эти плиты сильно расколоты, представляя собой «битую тарелку».

Необычный стиль деформации, который обычно не замечают археологи, это **сколы** – косые разрывы каменной кладки со смещением. Подобные повреждения возникают в стенах в том случае, когда направление максимальных сейсмических колебаний совпадает или близко к простиранию вытянутой строительной конструкции. Один из таких сколов был зафиксирован нами в т.н. 65-2016 в стене «е» (см. рис. 3). Сколотым оказался фрагмент стены длиною 1 м, шириною 90 см и высотою до 60 см. Этот фрагмент в месте скола сместился к западу на 25 см и повернулся по часовой стрелке на 7°.

Сильные колебания стены IV (т.н. 61-2016) привели к ее разрыву, выдвижению к югу и повороту по часовой стрелке части стены по сколовой трещине (рис. 5). Еще один подобный скол имеется в меридиональной стене в 3 метрах западнее строительного комплекса в т.н. 61-2016. Здесь имел место разрыв строительной конструкции, ее смещение в латеральном направлении на 18 см и разворот южного окончания стены на 15° по часовой стрелке (рис. 6). Сколовая деформация была также отмечена нами в т.н. 62-2016 (см. рис. 7) в стене с простиранием 40°. Откололось, выдвинулось к востоку на 20 см и развернулось против часовой стрелки СВ окончание стены длиною 1 м.

Сколы, часто двойные, сопряженные – это новый тип деформации, впервые отмеченный нами в археологических памятниках Крыма. Подобные сколы уже встречались нами в развалинах Херсонеса, Михайловки и Мангуп-Кале [Хапаев и др., 2016; Корженков и др., 2018].

Самая северная стена «а» в т.н. 65-2016 имеет латеральное в плане выгибание к югу. На ее западном окончании азимут простирания строительной конструкции 94°, а вот на восточном – 82° (см. рис. 3). По всей видимости, направление максимальных сейсмических колебаний при сильном древнем землетрясении было приблизительно перпендикулярно простиранию стены, что и привело к подобному типу деформации. Именно такой кинематикой сейсмогенных смещений объясняется скошенность СЗ и СВ углов дома.

Аналогичные изгибы в плане и наклоны стен наблюдались нами в следующем строительном комплексе (т.н. 62-2016) – на нижней террасе Северного раскопа (рис. 7). Здесь субмеридиональные стены изогнулись и наклонились в западном направлении под углом до 80°.

Подобные изгибы не являются чем-то исключительным, характерным лишь для рассматриваемого памятника. Сходные деформации наблюдались нами в стенах медеплавильной фабрики Худжайрат аль-Гузлан в Иордании [Korjenkov and Schmidt, 2009], а также железоплавильной фабрики Сары-Булун в Киргизии [Корженков и др., 2016].

Вращение элементов строительных конструкций чаще всего является следствием сейсмогенных деформаций в древних памятниках [Korzhenkov and Mazor, 1999;

Корженков и Мазор, 2001]. Их сейсмогенную природу можно считать доказанной, если в стенах одного простирания чаще всего встречаются развороты одного направления (например, по часовой стрелке вокруг вертикальной оси вращения), а в стенах другого – обычно перпендикулярного простирания, фрагменты строительных конструкций оказываются развернуты в другом направления (против часовой стрелки). Подобные повреждения свидетельствуют о направлении распространения максимальных сейсмических колебаний под некоторым углом к стенам обоих простираний.

Несколько примеров разворотов частей стен на всю их сохранившуюся высоту, а также отдельных каменных блоков наблюдались нами в одном из строительных комплексов, относящихся к тмутараканскому периоду (рис. 2). Так, один из каменных блоков в СЗ углу, образованном стенами III и IV, повернулся на 15° (рис. 8). Простирание недеформированной стены – 10°, простирание длинной стороны повернутого блока – 355°. Каменный блок также выдвинулся к СЗ на расстояние 7 см.

Поворачиваются не только отдельные строительные блоки, но и стены или части целиком на всю их высоту. Так, стена-крепида II в т.н. 61-2016 (рис. 2) в своей незакрепленной южной части повернулась по часовой стрелке на 10°. Простирание повернутой части стены – 20°, однако её первоначальное простирание было 10°. Эта стена сохранилась на высоту 35 см. При своем вращении к западу стена-контрфорс, по-видимому, деформировала смежную перпендикулярную стену I (рис. 2). Стена I сильно деформирована, камни, ее слагающие, растрескались. Стена имеет простирание 93°, она сохранилась лишь на высоту 10 см.

Аналогичный разворот также на 10° по часовой стрелке имеет стена V в том же строительном комплексе (рис. 2). Ее закрепленная северная сторона имеет простирание 15°, в то время как азимут простирания южной, незакрепленной части стены, составляет 25°. Ее сохранившаяся длина составляет 160 см.

Все стены подверглись вращениям в той или иной степени в строительном комплексе в т.н. 63-2016 (рис. 9). Понятно, что при строительстве не могло быть такого острого угла между стенами «а» и «б»: стена «а» повернулась против часовой стрелки. Излом и разворот на 30° в том же направлении испытала стена «в». Именно поэтому стена «г» не является перпендикулярной стене «в» в настоящее время. Стена «е» повернулась на 10° по часовой стрелке относительно стены «д», а верхняя часть южного окончания стены «е» имеет дополнительный разворот на 5° в том же направлении. Именно свобода для колебаний незакреплённых окончаний стен привела к их вращению вокруг вертикальной оси.

Следует отметить, что во вращение были вовлечены не отдельные каменные блоки, а части стен целиком. Так, повернутый восточный фрагмент стены «в» имеет длину 170 см, ширину 60 см и сохранившуюся высоту до 40 см. Повернувшийся южный фрагмент стены «е» имеет длину 150 см, ширину до 70 см. Повернулся верхний ряд каменной кладки мощностью 27 см.

Аналогичный случай поворота на 10° верхней части субмеридиональной стены,

датированной XI–XII вв. [Археологический.., 2011, с. 97], наблюдался нами в т.н. 64-2016 (рис. 10). От нижней части стены с простиранием 105° во время сильного землетрясения была оторвана верхняя часть и повернута по часовой стрелке. В настоящее время сохранились лишь нижние ряды каменной кладки, верхние ее части вероятно обрушились во время древнего землетрясения и/или позже были разобраны местными жителями для хозяйственных нужд: на Тамани нет выходов скальных пород и зачастую для строительства фундаментов и нижних частей стен использовался балластный камень кораблей, заходивших в порт.

Наличие стен-контрфорсов (крепид) может быть дополнительным свидетельством сейсмогенной причины разрушений и повреждений археологических памятников. Первичная стена, получившая значительные повреждения во время древнего землетрясения, например наклон, была впоследствии укреплена стеной-подпоркой. Таковые стены-контрфорсы были встречены нами в одном из строительных комплексов тмутараканского периода (рис. 2, 11). Первичная стена, восточная (III на рис. 2), сохранилась на высоту до 65 см, а стена-подпорка (II на рис. 2) – на высоту 35 см. Остаток стены-крепиды имеется также у меридиональной стены в 3 м к западу от описываемого комплекса (см. рис. 2).

Первоначальная стена и стена-крепида жилого помещения, датированного XII–XIII вв. [Археологический.., 2011, с. 99], наблюдались нами в строительном комплексе в т.н. 64-2016 (рис. 12). Поначалу у нас вызвало недоумение странно близкое расположение двух соседних стен, расстояние между которыми увеличивается к востоку. Трудно себе представить, что древние строители могли построить такой узкий и неровный проход. Скорее всего, имело место расхождение - отодвигание двух смежных стен во время сильного землетрясения. Стена-крепида во время этого смещения также развернулась по часовой стрелке на 10°. Подобные случаи были описаны нами при изучении медеплавильной фабрики Худжайрат аль-Гузлан в Иордании [Korjenkov and Schmidt, 2009] и на археологическом памятнике Полянка в Южном Приазовье [Масленников и др., 2017].

Нам не удалось выявить какую-либо систематику в направлениях деформированных элементов конструкций. Для этого могут быть две причины:

1) исследованные постройки испытали просадки,
2) сейсмогенный разрыв находится в непосредственной близости от археологического памятника.

Мы склоняемся ко второму объяснению. Нижняя часть западной стены дома в т.н. 65-2016 сильно деформирована валообразным поднятием грунта (см. рис. 3, 4). Трудно себе представить, что древние строители не выровняли поверхность перед началом постройки. Таким образом, вал, по-видимому, надразломное антиклинальное поднятие, образовался уже позднее строительства башни. Важно отметить, что каменная кладка по обе стороны от вала (к северу и к югу) различается (в северной части имеется дополнительный ряд кладки внизу – см. рис. 4). Этот факт говорит о ремонте фундамента и всей постройки. Однако даже отремонтированная кладка

(верхний ряд камней) также оказалась деформированной при последующем сейсмическом событии. Эти наблюдения подтверждают наше вышеприведенное предположение о двух сильных землетрясениях в средневековый период, судя по наличию стен-контрфорсов и их же последующей деформации.

II. Античный уровень раскопа

Более древние постройки Гермонассы, находящиеся ниже по археологическому разрезу и относящиеся к античному времени, также имеют деформации. Так, например, в точке наблюдения 66-2016 мы исследовали повреждения в стене широтного простирания. Эта стена, выполненная каменной кладкой, имеет так называемый пропеллерный изгиб: ее восточная часть изогнулась в плане и наклонилась на юг под углом 65°, в то время как западная часть наклонилась на север под углом 67° (рис. 13). Ширина стены до 75 см, остаточная высота 80 см. Важно отметить, что максимум деформации зафиксирован нами для нижних рядов кладки. Подобные пропеллерные деформации не являются чем-то необычным при землетрясениях. Аналогичные повреждения в стенах были отмечены нами в селении Полянка на Азовском побережье Керченского полуострова [Масленников и др., 2017]. По всей видимости, эта стена является древнейшей из ныне наблюдаемых построек Гермонассы и датируется по вмещающему культурному слою концом VI – началом V вв. до н.э. [Коровина, 2002, с. 32-33; Археологический.., 2011, с. 124].

Сильно деформированными и наклоненными оказались давильные площадки винодельни II–III вв. (№ 1) в ЮЗ углу раскопа (т.н. 67-2017). Винодельня была разрушена во второй половине III в. [Коровина, 2002, с. 81]. Сохранились лишь днища двух из них (рис. 14) и их западная стена. Днища площадок наклонены к востоку под углом 10–15°. Ясно, что изначально они были в субгоризонтальном положении. Обмазка площадок растрескана. Вымостка между ними имеет прогиб в центральной части. Каменные плиты вымостки сильно растресканы.

Сохранившаяся западная стена комплекса винодельни тоже повреждена – в ней имеется повернутый фрагмент (рис. 15). Азимут простирания неповрежденной стены 0°, повернутого фрагмента 10°. Таким образом, имел место поворот фрагмента строительной конструкции длиною 1,6 м по часовой стрелке на 10°. Ширина стены – 1 м, остаточная высота – до 1 м.

В точке наблюдения 68-2016 еще одна стена субширотного простирания (азимут 85°), построенная из рванного камня, имеет систематические развороты ее фрагментов по часовой стрелке на 10–15° (рис. 16). Здесь также имеются наклоны отдельных камней (до 65°), выдвижение каменных блоков (до 25 см) и их выпадение к северу. Стена ограничивает с юга дворик монументального архитектурного комплекса, который на протяжении длительного периода своего существования (V–III вв. до н.э.) перестраивался на рубеже IV–III вв. до н.э. [Коровина, 2002, с. 55–57]. Сооружение прекратило свое существование в середине – второй половине III в. до н.э., сгорев во время пожара [Финогенова, 2010, с. 518].

Для нашего изучения было доступно лишь несколько небольших фрагментов строительных комплексов античного времени. Возможно, поэтому нам не удалось выявить систематику в типах деформации (скорее всего, именно поэтому – все изученные стены разного возраста, а вал выражен в средневековой стене). Однако наличие современного активного валообразного поднятия (флексуры?) в т.н. 65-2016 подразумевает расположение сейсмогенного разрыва прямо под археологическим памятником. В таком случае преобладающей является вертикальная компонента сейсмических подвижек и вряд ли стоит ожидать какой-либо систематической картины в изученных повреждениях и разрушениях.

Тектонический очерк

В свете полученных результатов очень важно рассмотрение сейсмотектонической позиции памятника. По мере детализации полевых палеосейсмологических, геофизических и неотектонических исследований, начатых авторами в 2014 г. [Овсюченко и др., 2015; 2017а, б; Рогожин и др., 2015], все более отчетливо проступает основная особенность морфотектоники Керченско-Таманского региона, которая заключается в обусловленности морфологии современных побережий зонами крупных активных разломов или складчато-разрывных зон (рис. 17). Выяснено, что с зонами этих разломов связаны очаги сильных землетрясений, происходивших на протяжении последних 3-х тыс. лет; нами и другими исследователями были собраны многочисленные свидетельства сейсмических разрушений древности на археологических памятниках самых разных эпох [Блаватский, 1977; Никонов, 2000; 2016; Винокуров, Никонов, 2004; Борисенко и др., 1999; Масленников, 2013; Винокуров и др., 2015; Белик и др., 2016; Корженков и др., 2016а, б; 2018; Масленников и др., 2017; Соколова и др., 2017; Molev et al, 2018].

Не представляет исключения и южное побережье Таманского залива, где расположен археологический памятник Гермонасса-Тмутаракань. К востоку от залива на глубинном геофизическом разрезе, полученном методом микросейсмического зондирования (ММЗ), выделены близвертикальные зоны пониженной прочности глубиной до 7 км, отвечающие разломам, обрамляющим опущенный блок Таманского залива с севера и юга [Рогожин и др., 2015]. В приповерхностной части разреза наиболее отчетливо проявлена южная разломная граница, в четвертичных отложениях представленная Фанагорийской флексурно-разрывной зоной. Фанагорийская зона вытянута вдоль южного берега Таманского залива и восточнее, на суше полуострова. Западнее, в районе Тамани, она продолжается Тузлинской флексурно-разрывной зоной.

В Фанагорийской зоне нами были обнаружены следы сильного землетрясения. На основе собранных геологических, геофизических и археосейсмологических данных выдвинута гипотеза о гибели средневекового города Фанагория в результате катастрофического землетрясения в X веке [Овсюченко и др., 2017б]. По всей видимости, город оказался прямо в месте выхода очага сильного (9–10 баллов)

землетрясения на поверхность, связанного с Фанагорийской флексурно-разрывной зоной.

Тузлинская флексурно-разрывная зона в структуре неогеновых слоев представлена асимметричной антиклинальной складкой. На крыльях складки слои неогеновых отложений, представленных глинами с прослойками мергелей, алевролитов, известняков и песчаников сарматского яруса миоцена, наклонены под углом 10–40°. Ось антиклинали в общих чертах следует вдоль берега Таманского залива. Молодые тектонические деформации можно наблюдать в прибрежном обрыве на северо-западной окраине станицы Тамань. Здесь миоценовые слои, погружающиеся под углом 10–15° в ЮЮВ направлении, перекрыты толщей позднеплейстоцен-голоценовых лёссовидных суглинков, подошва которых испытывает более пологий наклон в том же направлении. Мощность суглинков уменьшается с 0,5–1 м на своде антиклинали до 8–10 м и более в южном крыле, где их подошва уходит ниже уровня моря (рис. 18). Это свидетельствует о росте складки во время и после накопления суглинков, т.е. в позднем плейстоцене – голоцене. Крыло складки нарушено надвигом субширотного (ВСВ) простирания (рис. 18). Надвиг, очевидно, не смещает позднеплейстоценовые суглинки, подошва которых испытывает лишь плавный изгиб.

Тектонические разрывы в приосевой части складки обнаруживаются в прибрежном обрыве и западнее ст. Тамань. Разрывы СЗ простирания имеют преобладающую сбросовую компоненту смещений (рис. 19а), тогда как нарушения субширотной (ВСВ) ориентировки также имеют облик взбросо-надвигов. В районе мыса Тузла, в южном крыле складки, можно наблюдать широко известный разрез деформированных позднеплейстоценовых морских отложений карангатской трансгрессии (рис. 19б). Карангатские пески и ракушечники общей мощностью 2-2,5 м, перекрытые бурыми лёссовидными суглинками, здесь залегают на размытой поверхности сарматских глин с прослойками ракушняков и мергелей, наклонённых на ЮЮВ под углом 35°. Севернее мыса Тузла описанный разрез срезается голоценовым абразионным уступом, к которому прислонена низкая песчаная терраса высотой до 1,5 м, постепенно переходящая в отмелый песчаный пляж.

Высота подошвы карангатских осадков у мыса Тузла достигает 3–3,5 м. В 400 м к югу от мыса, в южном крыле складки, подошва карангатских осадков плавно снижается до уреза воды и скрывается под уровнем моря. Многочисленные абсолютные датировки карангатских осадков разбросаны в широком диапазоне. Непосредственно на мысе Тузла они отнесены к позднему карангату – урано-ониевый возраст осадков варьирует от 44,8 до 66,0 тыс. лет [Корсаков и др., 2013]. Севернее, в Таманском заливе, кровля карангатских отложений, формировавшихся вблизи береговой линии, залегает на отметках -40 – -47 м [Шнюков и др., 1981]. Они перекрыты мощной (до 20 м) толщей лёссовидных суглинков и более молодыми лиманно-морскими осадками. Размах в залегании карангатских отложений достигает 50 м, что даёт скорость вертикальной деформации за посткарангатское время 0,7–1,1 мм/год.

Обсуждение результатов

Итак, вдоль побережья Таманского залива, где расположена Гермонасса-Тмутаракань, трассируется Тузлинская флексурно-разрывная зона. В наблюдаемых разрезах четвертичных отложений эта структура выражена изгибами слоёв, тогда как неогеновые осадки смяты в асимметричную антиклинальную складку. Нарушающие приосевую часть складки разрывы СЗ простирания имеют преобладающую сбросовую компоненту смещений, тогда как нарушения субширотной (ВСВ) ориентировки имеют облик взбросо-надвигов. Такое сочетание разрывов с разной кинематикой и ориентировкой в пределах единой зоны нарушений может свидетельствовать о преобладании смещений в горизонтальной плоскости [Sylvester, 1988]. Полученные для очень большого интервала времени (44,8 – 66,0 тыс. лет) оценки скорости вертикальной деформации (0,7–1,1 мм/год) отражают довольно высокий темп подрастания Тузлинской складки. В то же время очевидных следов сейсмотектонических деформаций в молодых отложениях и формах рельефа в пределах этой зоны нами не выявлено.

Однако многочисленные свидетельства древних сейсмических разрушений обнаружены в строительных остатках Гермонассы-Тмутаракани. Представительность памятника крайне неравномерна – более всего остатками архитектурных сооружений насыщены слои античного (VI в. до н.э. – VI в. н.э.), хазарского (конец VII – конец X вв.) и тмутараканского (конец X – первая половина XIII вв.) периодов [Чхаидзе, 2008]. Неравномерна изученность и в пределах указанных периодов, в особенности античного. Так, весьма слабо представлены слои II–I вв. до н.э., в которых сохранились незначительные фрагменты кладок [Коровина, 2002]. По этой причине археосейсмологическим методом оказались охарактеризованы не все сейсмические события, следы которых могут присутствовать в стратиграфии культурных слоев.

Самое раннее свидетельство сейсмического воздействия обнаружено в древнейшей из ныне наблюдаемых построек Гермонассы конца VI – начала V вв. до н.э. (т.н. 66). В V–IV вв. до н.э. в Гермонассе произошли большие разрушения, о чем свидетельствует вторичное использование рустованных блоков раннего периода, но имеющиеся находки не позволяют уточнить дату разрушений [Коровина, 2002, с. 97].

Следующее событие зафиксировано в кладке стены (т.н. 68), которая ограничивает с юга дворик монументального архитектурного комплекса V–III вв. до н.э., разрушенного в середине – второй половине III в. до н.э. Аналогичная участь постигла и вторую крупную постройку этого времени – общественное сооружение, которое также перестраивалось на рубеже IV–III вв. до н.э. и погибло в пожаре в середине – второй половине III в. до н.э. [Коровина, 2002, с. 62]. После этого Гермонасса не смогла восстановить своё прежнее благополучие. Следы землетрясения, датируемые 2-й четвертью – серединой III века до н.э., были выявлены в древних городах Керченского полуострова – Нимфее и особенно в Пантикапее [Толстиков, 1999]. В 2017 г. были получены свидетельства катастрофического землетрясения на поселении Госпиталь в г. Керчь. На примере землянки с каменной обкладкой стен, которая

одномоментно обрушилась внутрь и завалила человека и корову, была прослежена гибель памятника вследствие мощного сейсмического толчка в пределах конца IV в. – первой трети III в. до н. э. [Рукавишникова и др., 2018].

Свидетельства следующего землетрясения обнаружены в винодельне № 1, разрушенной во второй половине III в. (т.н. 67). Тогда же (после 252 г.) был разрушен расположенный в нескольких метрах к СВ от винодельни большой жилой комплекс II в. [Коровина, 2002, с. 78]. А.В. Винокуровым и А.А. Никоновым [2004] были систематизированы сведения о сейсмогенных разрушениях боспорских памятников в III в. на территории почти всего Керченского п-ва. Позже они были детализированы нами [Корженков и др., 2016а, б; 2018; Molev et al, 2018]. Согласно собранным палеосейсмологическим данным, очаг этого события (или одного из сильнейших событий в период мощной сейсмической активизации) был расположен на Черноморском побережье Керченского п-ва, в зоне Южно-Керченского разлома, где представлен грандиозными гравитационно-сейсмотектоническими нарушениями на горе Опук и сейсмотектоническим разрывом культурного слоя III в. возле городища Китей [Molev et al, 2018]. Землетрясение привело к катастрофическим разрушениям на территории почти всего Керченского п-ва. На основании нумизматических находок хронологический интервал разрушений приходится на период 247–276 гг. [Винокуров, Никонов, 2004].

Сейсмические деформации наблюдаются в постройках перекрытых слоем разрушений и пожарища второй половины X в. Этот слой хорошо прослеживается на всех раскопах средневекового культурного слоя. Пожар на всей раскопанной территории произошел единовременно; к нему привязаны все открытые комплексы [Чхаидзе, 2008]. Слой пожарища повсеместно подстилают завалы разрушенных домов из саманного кирпича. Кирпичные кладки и развалы печей, как правило, сильно разрушены, настолько, что между собой их связать невозможно. Обычно кладки представлены грудами камней и лишь в некоторых случаях обнаружены небольшие сохранившиеся фрагменты. В то же время разрушения второй половины X в. не привели к смене материальной культуры [Чхаидзе, 2008]. Упадок на какое-то время нарушил экономическую и культурную жизнь, но город не был заброшен, в отличие от Фанагории. С новой силой возрождается ремесленное производство, продолжает поступать импорт, в последующих слоях строительные приемы, за исключением перепланировки, остаются без изменений. После пожара продолжила функционирование крепостная стена IX в., однако в начале XI в. основание стены с внешней и внутренней сторон было укреплено каменным поясом [Плетнева, 2000]. По мнению С.А. Плетневой, близкие по типу и строительным приемам укрепления, известные на территории Хазарии и в её округе, несмотря на разнообразие технических приемов, связаны между собой строительным материалом и набором антисейсмических приемов. Можно предположить, что после разрушения городища и пожара второй половины X в. у жителей города появилась необходимость в антисейсмическом укреплении уцелевших сооружений. Новые строения последующего слоя конца X–XII вв. возникают на слое разрушений и пожара второй половины X в. Лишь обо-

ронительная стена ремонтируется и продолжает выполнять свои функции вплоть до начала XIII в. – времени нового погрома города монгольскими ордами, после чего стена начала зарастать культурным слоем XIII–XX вв.

Наличие современного активного валообразного поднятия (флексуры?) в т.н. 65 подразумевает расположение очага землетрясения второй половины X в. прямо под археологическим памятником. Это отчасти объясняет и отсутствие систематической картины в изученных повреждениях и разрушениях. Эпицентр землетрясения X в. с M=6,7±0,5 и интенсивностью сотрясений 8-9 ±0,5 баллов помещен А.А. Никоновым [2016] в район мыса Тузла, хотя конкретных сведений об этом событии автором не приводится.

Кроме того, весьма важным представляется вывод о наличии следов двух сильных землетрясений в средневековый период. По всей видимости, еще одно сейсмическое событие произошло после X в., т.к. сейсмическими деформациями поражены постройки тмутараканского периода (конец X – первая половина XIII вв.).

Заключение

1) Проведенные исследования на археологическом памятнике Гермонасса-Тмутаракань позволили выявить ряд сейсмических деформаций в строительных конструкциях: наклоны, выдвижения, обрушения стен, их повороты и сколовые деформации.

2) Особенности этих деформаций и их расположение на разных уровнях археологического разреза позволяют прийти к заключению о минимум пяти сильных сейсмических событиях, оставивших свои следы в археологическом памятнике: три – в античный период и два – в стенах средневекового периода.

3) В связи с очень небольшим количеством каменных построек и деформаций, сохранившихся в древнем городе, трудно прийти к выводу о местонахождении древних эпицентральных зон. Судя по степени разрушений и повреждений, исторические эпицентры выявленных нами землетрясений находились в непосредственной близости от древнего города. Сейсмический очаг (разрыв) последнего сильного землетрясения, по-видимому, располагался непосредственно под археологическим памятником, о чем свидетельствует выход на поверхность асимметричного антиклинального вала (флексуры), четко выраженного в рельефе и каменной кладке хазарского времени.

4) В связи со скудностью сохранившегося на памятнике археологического материала и сейсмических деформаций нам не удалось достаточно точно определить интенсивность сейсмических колебаний для всех пяти выявленных землетрясений. Однако, судя по степени деформаций и незначительным останкам строений при археологических раскопках, интенсивность сейсмических колебаний при всех этих событиях на памятнике была не менее Io = VIII-IX баллов по шкале МСК-64.

5) Необходимо срочное изучение археологических комплексов в Гермонассе: оползни и морская абразия каждый год «съедают» несколько квадратных метров этого объекта (рис. 20).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов. / Бондарь В.В., Маркова О.Н., Устаева Э.Р. Краснодар: Платонов, 2011. 160 с.

Белик Ю.Л., Корженков А.М., Куликов А.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Овсюченко А.Н., Рогожин Е.А. Сейсмогенные деформации в стенах позднесредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму. // Вопросы инженерной сейсмологии. 2016. Т.43, № 2. С. 17–35.

Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. // Природа. 1977. № 8. С. 56–57.

Борисенко Л.С., Пустовойтенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Клюкин А.А., Ена А.В., Китин М.А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь, 1999. С. 101–132.

Винокуров Н.И., Никонов А.А. Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 95–103.

Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т. 42. № 2. С. 51–66.

Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате. // Природа. 2016а. № 10. С. 30–38.

Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Молев Е.А., Овсюченко А.Н., Рогожин Е.А., Хршановский В.А. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах античного города Китей, Керченский полуостров. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб.: ПАЛЛАЦО, 2016б. С. 372–381.

Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Сударев Н.И. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым). // Древности Боспора. 2018. № 22. С. 115–132.

Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2002. 146 с.

Корсаков С.Г., Зарубин В.В., Соколов В.В. и др. Государственная геологическая карта РФ масштаба 1:200 000. Изд. 2-е. Серия Кавказская, листы L-37-XIX, L-37-XXV (Тамань). Объяснительная записка. М.: МФ ВСЕГЕИ, 2013. 107 с.

Мальгин А.В. Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году. // Историческое наследие Крыма. № 27. 2016. С. 98–116.

Масленников А.А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений. // Древности Боспора. Т. 17. 2013. С. 232–253.

Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом. // Древности Боспора. Т. 21. М., 2017. С. 265–294.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: Сравнение региональных карт и параметров выявленных событий. // Физика Земли. 2000. № 7. С. 53-62.

Никонов А.А. Сейсмогеодинамика Крымского региона (по материалам за последние 2,6 тыс. лет). // Материалы XLVIII Тектонического совещания. Т. 2. М.: Геос, 2016. С. 43–48.

Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным. // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. Т.42, № 3, с. 33–54.

Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова. // Доклады АН. 2017а. Т.472, № 1. С. 89–92.

Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Вакарчук Р.Н., Горбатиков А.В., Ларьков А.С., Рогожин Е.А.,

Сысолин А.И. Следы сильного землетрясения в средневековом городе Фанагория на Таманском полуострове. // Геология и геофизика Юга России. 2017б. № 3. С. 78–94.

От Тмутороканя до Тамани IX−XIX вв. // «Сборник Русского исторического общества» – М., 2002. – № 4 (152).

Плетнева С.А. Оборонительная стена в Таматархе-Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир: Армавирский краеведческий музей, 2000. С. 21–28.

Рогожин Е.А., Горбатиков А.В., Овсюченко А.Н. Активные разломы и глубинное строение зоны Керченского пролива // Геология и геофизика Юга России. 2015. №1. С. 63–66.

Рукавишникова И.В., Двуреченская Н.Д., Двуреченский О.В., Алексеев А.В., Федосеев Н.Ф. Поселение Госпиталь (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. М.: ИА РАН, 2018. С. 302–309.

Соколова О.Ю., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Переплетение торгово-экономического и природного факторов в судьбе античного города Нимфей. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Торговля: пути–товары–отношения. XVII Боспорские чтения. Керчь, 2017. С. 506–516.

Толстиков В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб.: 1999. С. 72–75.

Финогенова С.И. Гермонасса. // Античное наследие Кубани. Т. 1. М.: Наука, 2010. С. 510–527.

Чхаидзе В.Н. Хазарская Таматарха. (Культурный слой Таманского городища VII−X вв.) : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Российская академия наук, Институт археологии — М., 2007.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л. и др. Геология шельфа УССР. Керченский пролив. К.: Наукова думка, 1981. 160 с.

Klinger Y., Avouac J.P., Dorbath L., Abou Karaki N., Tisnerat N. Seismic behaviour of the Dead Sea fault along Araba valley, Jordan // Geophys. J. Int. 2000. V. 142. No. 3. P. 769–782.

Korjenkov A.M., Arrowsmith J.R., Crosby C., Mamyrov E., Orlova L.A., Povolotskaya I.E., Tabaldiev K. Seismogenic destruction of the Kamenka medieval fortress, Northern Issyk-Kul region, Tien Shan (Kyrgyzstan) // J. of Seismol. 2006. No. 10. P. 431–442.

Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. // Geodesy and Geodynamics. 2018. (in press). https://doi.org/10.1016/j.geog.2018.03.006

Rukieh M., Trifonov V.G., Dodonov A.E., Minini H., Ammar O., Ivanova T.P., Zaza T., Yusef A., Al-Shara M., Jobaili Y. Neotectonic map of Syria and some aspects of Late Cenozoic evolution of the northwestern boundary zone of the Arabian plate // J. of Geodynamics. 2005. V. 40. P. 235–256.

Sylvester A.G. Strike-slip faults. // Geol. Soc. Amer. Bull. 1988. V. 100. P. 1666–1703.

REFERENCES

Belik Yu.L., Korzhenkov A.M., Kulikov A.V., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Ovsyuchenko A.N., Rogozhin E.A. Seismic deformations in walls of Eni-Kale Late-Medieval fortress in eastern Crimea // Questions of Engineering Seismology. 2016. Vol. 43, No. 2. P. 17–35 (in Russian).

Blavatskii V.D. An earthquake of 63 BC in Kerch' peninsula // Nature. 1977. No. 8. P. 56-57 (in Russian).

Borisenko L.S., Pustovoitenko B.G., Dublyanskii V.N., Vakhrushev B.A., Klyukin A.A., Ena A.V., Kitin M.A. Seismic deformations and paleoseismicity of Crimea // Seismological Bulletin of Ukraine for 1997. Simferopol', 1999. P. 101–132 (in Russian).

Chkhaidze V.N. Khazar Tamatarkha (Cultural Layer of Taman' Hillfort of VII–X centuries): Author's Abstract of a Dissertation on Competition of Scientific Degree of Candidate of Historical Scinces / Russian Academy of Sciences. Institute of Archeology. M. 2007 (in Russian).

Chkhaidze V.N. Tamatarkha Early-Medieval City in the Taman' Peninsula. Moscow. TAUS Press. 2008. 328 p. (in Russian).

Finogenova S.I. Germonassa // Antic Heritage of Cuban. Vol. 1. Moscow: Science Press. 2010. P. 510-527 (in Russian).

From Tmutorokan' to Taman', IX-XIX Centuries // Digest of Russian Historical Society. Moscow. 2002. No. 4 (152) (in Russian).

"Germonassa-Tmutarakan'" Archeological Complex: Historical Essay and General Plan of the Territory Development. According to Materials of Scientific Projecting of 2007–2009 / V.V. Bondar', O.N. Markova, E.R. Ustaeva - eds. Krasnodar: Platonov Press, 2011, 160 p. (in Russian).

Klinger Y., Avouac J.P., Dorbath L., Abou Karaki N., Tisnerat N. Seismic behaviour of the Dead Sea fault along Araba valley, Jordan // Geophys. J. Int. 2000. V. 142. No. 3. P. 769–782.

Korjenkov A.M., Arrowsmith J.R., Crosby C., Mamyrov E., Orlova L.A., Povolotskaya I.E., Tabaldiev K. Seismogenic destruction of the Kamenka medieval fortress, Northern Issyk-Kul region, Tien Shan (Kyrgyzstan) // J. of Seismol. 2006. No. 10. P. 431–442.

Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Molev E.A., Ovsyuchenko A.N., Rogozhin E.A., Khrshanovskii V.A. Traces of the strong earthquakes in fort walls of antic Kitey city, Kerch' peninsula // Bosporus Elite and Bosporus Elite Culture. Materials of the International Round Table. St Petersburg: PALLATZO Press. 2016 b. P. 372–381 (in Russian).

Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S. Seismic deformation in ancient Ilurat city // Nature. 2016a. No. 10. P. 30–38 (in Russian).

Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Rogozhin E.A., Sudarev N.I. Traces of the strong earthquakes in Mikhaylovka hillfort (Kerch' peninsula, Crimea) // Bosporus Antiquities. 2018. No. 22. P. 115–132 (in Russian).

Korovina A.K. Germonassa: Antic city in the Taman' peninsula. Moscow: Pushkin SMFA. 2002. 146 p. (in Russian).

Korsakov S.G., Zarubin V.V., Sokolov V.V. et al. State Geological Map of Russian Federation of 1:200 000 Scale. 2nd Edition. Caucasus Series. Sheets L-37-XIX, L-37-XXV (Taman'). Explanatory Note. Moscow: MF VSEGEI. 2013. 107 p. (in Russian).

Mal'gin A.V. Conquest of Crimea by the troops of 2nd army leaded by Prince V.M. Dolgorukov in 1771 // Historical Heritage of Crimea. No. 27. 2016. P. 98–116 (in Russian).

Maslennikov A.A. On local geomorphology, paleoseismizm and archeology of Crimean Priazovye or Along traces of ancient earthquakes // Bosporus Antiquities. Vol. 17. 2013. P. 232–253 (in Russian).

Maslennikov A.A., Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Traces of the strong earthquakes in Polyanka hillfort and Southern Asov active fault // Bosporus Antiquities. Vol. 21. Moscow. 2017. P. 265–294 (in Russian).

Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. // Geodesy and Geodynamics. 2018. (in press). https://doi.org/10.1016/j.geog.2018.03.006

Nikonov A.A. Seismic potential of the Crimean region. A comparison of regional maps and parameters of revealed events // Physics of the Earth. 2000. No. 7. P. 53–62 (in Russian).

Nikonov A.A. Seismic geodynamics of the Crimean region (according to materials during last 2.6 thousand years) // Meterials of XLVIII Tectonic Meeting. Vol. 2. Moscow: Geos Press. 2016. P. 43–48 (in Russian).

Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Rogozhin E.A. New data on the strong earthquakes sources in Kerch' peninsula region // Transactions of Russian Academy of Sciences. 2017 a. Vol. 472. No. 1. P. 89–92 (in Russian).

Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Vakarchuk R.N., Gorbatikov A.V., Lar'kov A.S., Rogozhin E.A., Sysolin A.I. Traces of the strong earthquake in Medieval Fanagoria city in the Taman' peninsula // Geology and Geophysics of Southern Russia. 2017 b. No. 3. P. 78–94 (in Russian).

Ovsyuchenko A.N., Shvaryov S.V., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Traces of the strong earthquakes in the

Kerch'-Taman' region according to geological data // Questions of Engineering Seismology. 2015. Vol. 42. No. 3. P. 33–54 (in Russian).

Pletnyova S.A. Defense wall in Tamatarkha-Tmutarakan' // Historical-Archeological Almanac. Issue 6. Armavir: Armavir Ethnography Museum Press. 2000. P. 21–28 (in Russian).

Rogozhin E.A., Gorbatikov A.V., Ovsyuchenko A.N. Active faults and deep structure of the Kerch' straight zone // Geology and Geophysics of the Southern Russia. 2015. No. 1. P. 63–66 (in Russian).

Rukavishnikova I.V., Dvurechenskaya N.D., Dvurechenskii O.V., Alekseev A.V., Fedoseev N.F. "Hospital" settlement (Republic of Crimea, Lenin region) // Cities, Villages, Burials. Excavations of 2017. Materials of Preserver Archeological Investigations. Vol. 25. Moscow: IA RAS Press. 2018. P. 302–309 (in Russian).

Rukieh M., Trifonov V.G., Dodonov A.E., Minini H., Ammar O., Ivanova T.P., Zaza T., Yusef A., Al-Shara M., Jobaili Y. Neotectonic map of Syria and some aspects of Late Cenozoic evolution of the northwestern boundary zone of the Arabian plate // J. of Geodynamics. 2005. V. 40. P. 235–256.

Shnyukov E.F., Alyonkin V.M., Put' A.L. et al. Shelf Geology of Ukrainian SSR. Kerch' Streight. Kiev: Naukova Dumka Press. 1981. 160 p. (in Russian).

Sokolova O.Yu., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S. Marakhanov A.V. Interlacing of trade-economic and natural factors in a destiny of Nymphaeum antic city // Cimmerian Bosporus and Barber Would in Antic and Medieval Period. Trade: Routes-Goods-Relations. XVII Bosporus Readings. Kerch'. 2017. P. 506–516 (in Russian).

Sylvester A.G. Strike-slip faults. // Geol. Soc. Amer. Bull. 1988. V. 100. P. 1666–1703.

Tolstikov V.P. To a problem of III century BC earthquake in Bosporus (according to materials of excavations of Panticapaeum and Nymphaeum // Bosporus Nymphaeum City: New Investigations and Materials and Questions of a Study of the Antic Cities of Black Sea Region. St Petersburg. 1999. P. 72–75 (in Russian).

Vinokurov N.I, Nikonov A.A. Total destructions in second half of III century AD in Bosporus as chronological benchmark // Bosporus Phenomenon. Problems of Chronology and Monuments Dating. Part 1. St Petersburg: State Hermitage Press, 2004. P. 95–103 (in Russian).

Vinokurov N.I, Korzhenkov A.M., Rodkin M.V. On seismic hazard assessment of the Kerch' straight region according to archeoseismology data // Questions of Engineering Seismology. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 51–66 (in Russian).

Резюме

Проведенные нами исследования на археологическом памятнике Гермонасса-Тмутаракань позволили выявить ряд сейсмических деформаций в строительных конструкциях: наклоны, выдвижения, обрушения стен, их повороты и сколовые деформации. Особенности этих деформаций и их расположение на разных уровнях археологического разреза позволяют прийти к заключению о минимум пяти сильных сейсмических событиях, оставивших свои следы в археологическом памятнике: три – в античный период и два – в стенах средневекового периода. В связи с очень небольшим количеством каменных построек и деформаций, сохранившихся в древнем городе, трудно прийти к выводу о местонахождении древних эпицентральных зон. Однако, судя по степени разрушений и повреждений, исторические эпицентры выявленных нами землетрясений находились в непосредственной близости от древнего города. Сейсмический очаг (разрыв) последнего сильного средневекового землетрясения, по-видимому, располагался непосредственно под археологическим памятником, о чем свидетельствует выход на поверхность асимметричного антиклинального вала (флексуры), четко выраженного в рельефе и каменной кладки хазарского времени. Также в связи со скудностью сохранившегося на памятнике археологического материала и сейсмических деформаций нам не удалось достаточно точно определить интенсивность сейсмических колебаний для всех пяти выявленных землетрясений. Однако, судя по степени деформаций и незначительным

останкам строений при археологических раскопках, интенсивность сейсмических колебаний при всех этих событиях на памятнике была не менее Io = VIII-IX баллов по шкале МСК-64.

Ключевые слова: Гермонасса, Тмутаракань, сейсмические деформации, сильные землетрясения, Тамань.

Summary

We have conducted a study in Germonassa-Tmutarakan' archeological monument. The study allows us to reveal a number of seismic deformations in the building constructions: tilts, shifts, walls collapse, walls rotations and chip deformations. Peculiarities of these deformations and their position in different levels of archeological section have allow us come to a conclusion on (minimum) five strong seismic events which left their traces in the archeological monument: three – in antic period and two – in the walls of medieval period. Because of very small number of stone structures and deformations in them preserved in ancient city, it is hard to come to conclusion on location of ancient epicentral zones. However, judging by degree of destructions and deformations, the historical epicenters of the revealed earthquakes were in nearest vicinity to the ancient city. Seismic focus (rupture) of the last strong medieval earthquake located apparently directly under archeological monument. Asymmetric anticline swell (flexure) clearly expressed in relief and in a stone masonry of the Khazat time testifies about this. Also because of scantiness of archeological material and seismic deformations preserved in the archeological monument, we could not precisely assess an intensity of the seismic oscillations for revealed five earthquakes.

However, judging by degree of deformations and insignificant remnants of buildings at archeological excavations, the intensity of the seismic oscillations during all those events in the monument were Io = VIII-IX according MSK-64 Scale.

Keywords: Germonassa, Tmutarakan', seismic deformations, strong earthquakes, Taman'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Корженков Андрей Михайлович,
доктор геолого-минералогических наук,
заведующий лабораторией,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10.
+7-499-2549950
korzhenkov@inz.ru

Овсюченко Александр Николаевич,
кандидат геолого-минералогических наук, зав. лабораторией,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10.
+7-926-366-20-63
ovs@ifz.ru

Ларьков Александр Сергеевич,
научный сотрудник,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10.
+7-903-248-44-99
las119@yandex.ru

Рогожин Евгений Александрович,
доктор геолого-минералогических наук, проф.,
заведующий Прогностическим центром,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10.
+7-916-357-31-45
eurog@ifz.ru

Димитров Орлин Васильев,
доктор геологических наук, проф.,
зав. лабораторией,
Институт океанологии Болгарской академии наук, г. Варна.
+359 (052) 370486
ovdimitrov@io-bas.bg

Сударев Николай Игоревич,
доктор исторических наук,
нач. экспедиции,
Институт археологии РАН,
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
Институт археологии РАН.
+7 499 126-47-98
sudarev@list.ru

Устаева Эльмира Радифовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Археологический комплекс
«Гермонасса-Тмутаракань»,
Тамань, ул. Карла Маркса, 100.
+7 (861) 483-13-27
tam_arxeol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Korzhenkov Andrey Mikhaylovich,
Dr. Sci. in Geology,
head of Laboratory
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123242, Russia.
+7-499-254-99-50
korzhenkov@inz.ru

Ovsyuchenko Aleksandr Nikolaevich,
C.Sci. in Geology,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123995, Russia,
head of Laboratory.
+7 926 366-20-63
ovs@ifz.ru

Lar'kov Aleksandr Sergeevich,
Scientific researcher,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123995, Russia.
+7 903 2484499
las119@yandex.ru

Rjgozhin Evgeniy Alexandrovich,
Dr. Sci. in Geology, Prof.,
head of Earthquake Forecast Center,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str., 10, Moscow, 123995, Russia.
+7-916-357-31-45
eurog@ifz.ru

Dimitrov Orlin Vasiliev,
Dr. Sci. in Geology, Prof.,
head of Laboratory,
Institute of Oceanology, Bulgarian Academy of Sciences,
First May Street 40, P.O.Box 152, Varna 9000, Bulgaria.
+359 (052) 370486
ovdimitrov@io-bas.bg

Sudarev Nikolay Igorevich,
Dr. of Sci. in Archeology,
head of archeological expedition,
Institute of Archeology RAS
117292, Moscow, Dm. Ulianov str., 19.
+7-499-126-47-98
sudarev@list.ru

Ustaeva El'mira Radifovna,
Can. of Sci in Archeology,
senior researcher,
Germanassa-Tmutarakan' Archeological Complex
Taman', Karl Marks str., 100.
+7 (861) 483-13-27
tam_arxeol@mail.ru

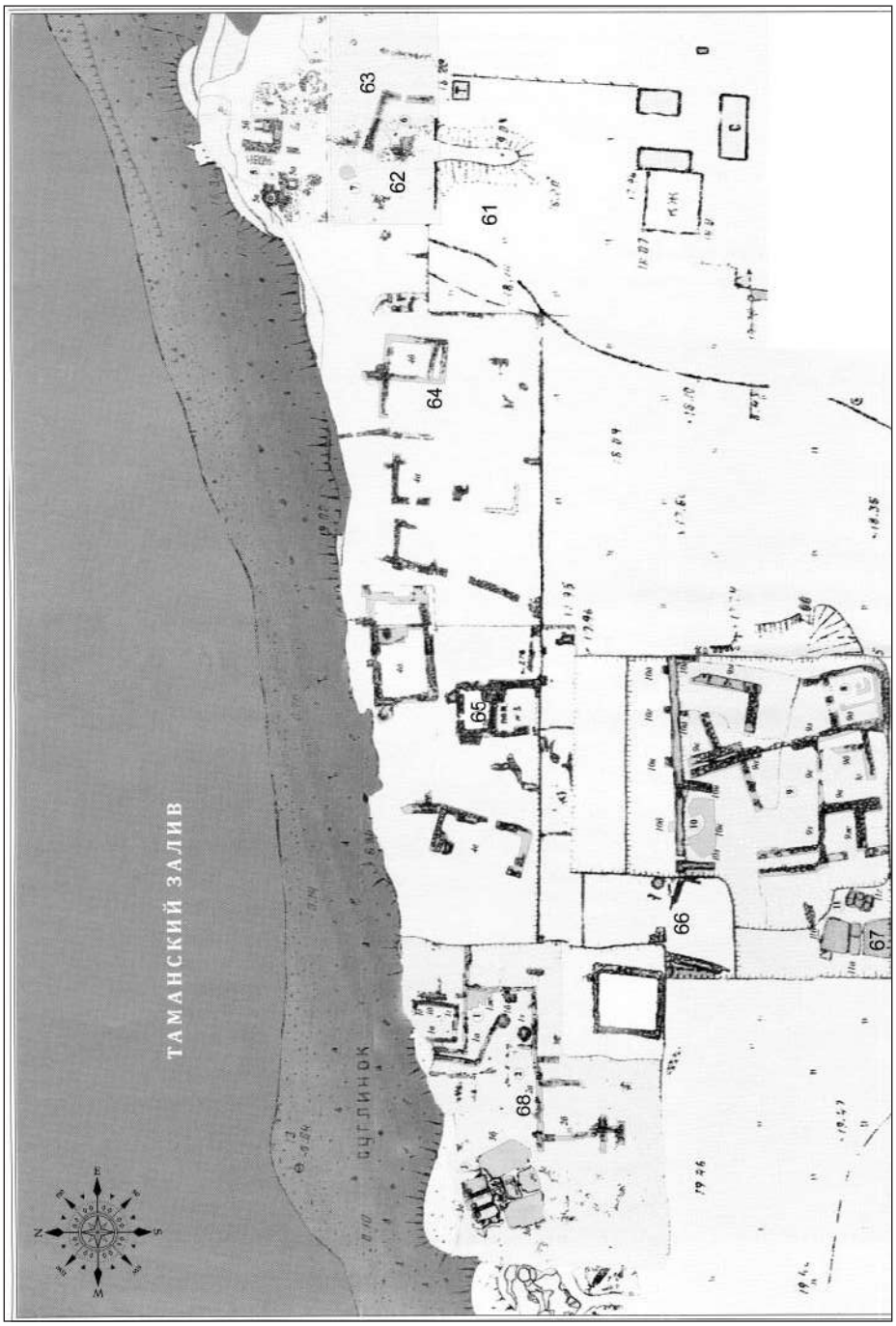


Рис. 1. План Гермонассы-Тмутаракани (по [Археологический.., 2011] с изменениями). Цифры означают точки наблюдений, описание которых приведено ниже.

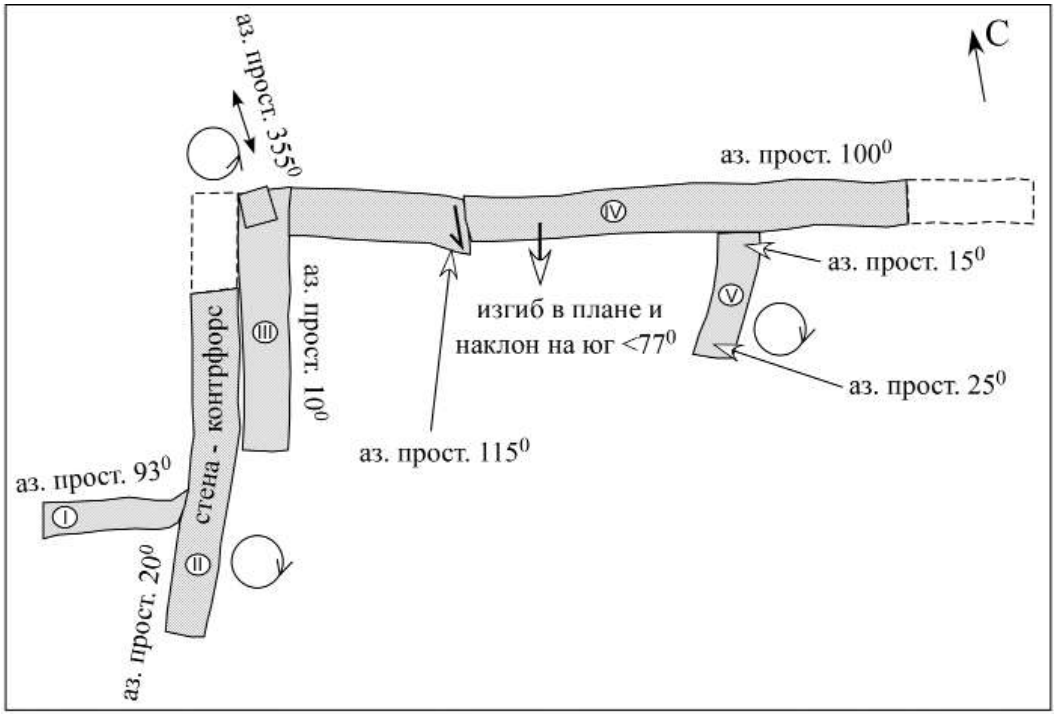


Рис. 2. Схематическая зарисовка одного из строительных комплексов Гермонассы в точке наблюдения 61-2016. Видны вращения, изгибы, наклоны и разрывы строительных элементов.

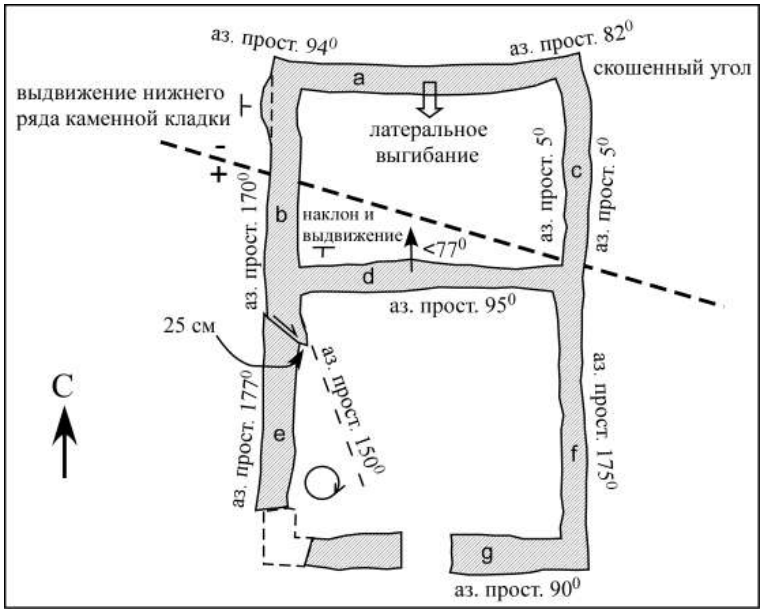
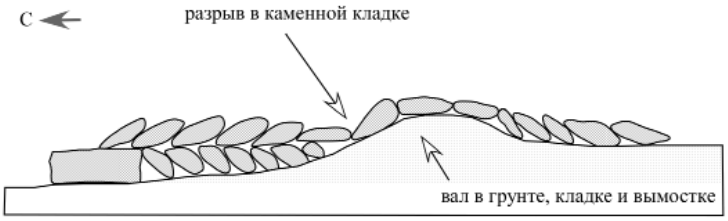


Рис. 3. Схематическая зарисовка одного из жилых домов IX–X вв. в т.н. 65-2016. Видны различные деформации в нижних – сохранившихся рядах кладки: выдвижения, наклоны, повороты, сколы, латеральные (в плане) выгибания, а также антиклинальный вал с северной асимметрией.



а)

б)

Рис. 4. Валообразное поднятие, нарушающее западную стену дома в т.н. 65-2016.

а – схематическая зарисовка, вид на восток; б – фотография 2016 г., вид на ССВ, стрелками показано крутое и короткое крыло вала. Объяснение в тексте.

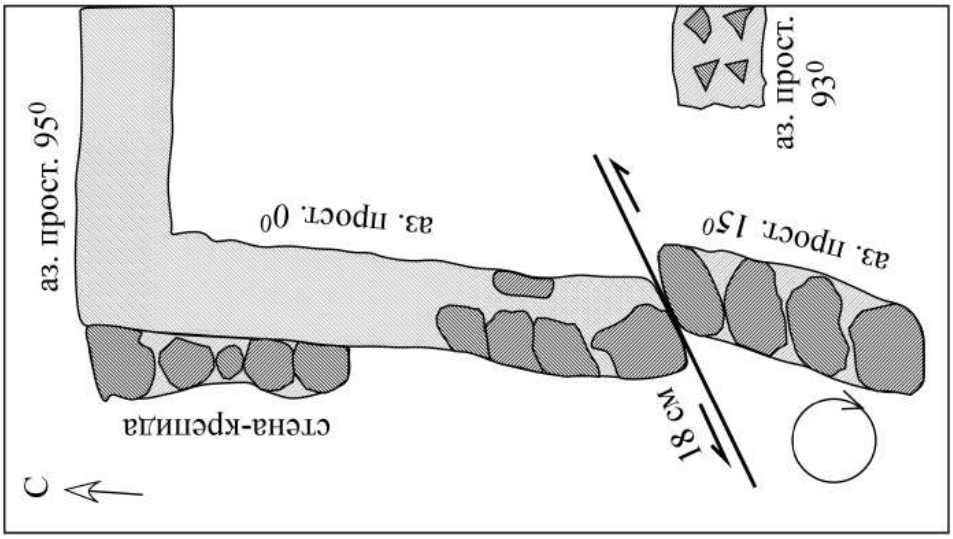
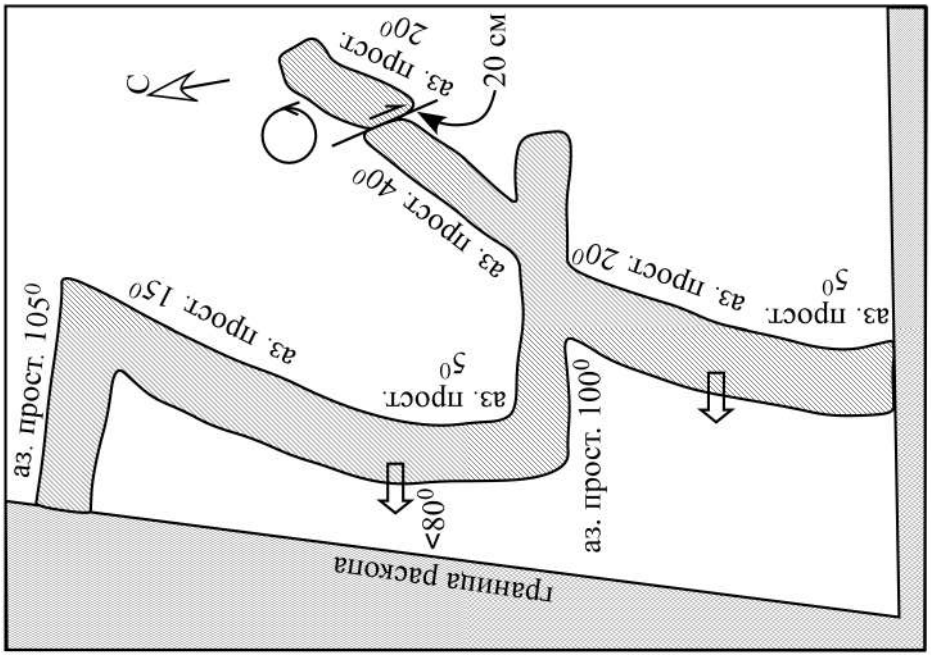


Рис. 6. Разрыв меридиональной стены, ее смещение в латеральном направлении и разворот по часовой стрелке в 3 метрах к западу от комплекса в т.н. 61-2016.

Рис. 5. Скол, наклон и выдвижение к югу, а также разворот по часовой стрелке западной части стены IV в т.н. 61-2016. Вид на восток.



а)

б)

Рис. 7. Останцы строительного комплекса в т.н. 62-2016 на нижней террасе Северного раскопа.

а) схематическая зарисовка комплекса, б) фотография южной стены комплекса, вытянутая в плане на восток; вид на север. Пояснения в тексте.

Рис. 8. Вращение против часовой стрелки на 15° одного из каменных блоков в СЗ углу одного из строительных комплексов в точке наблюдения 61-2016.

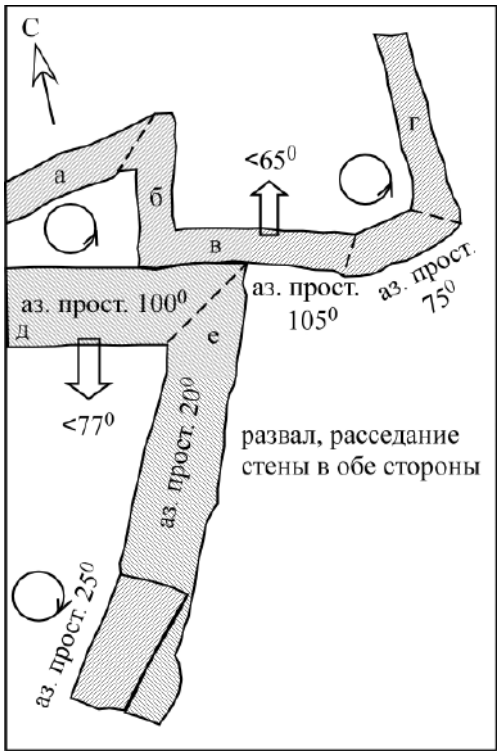
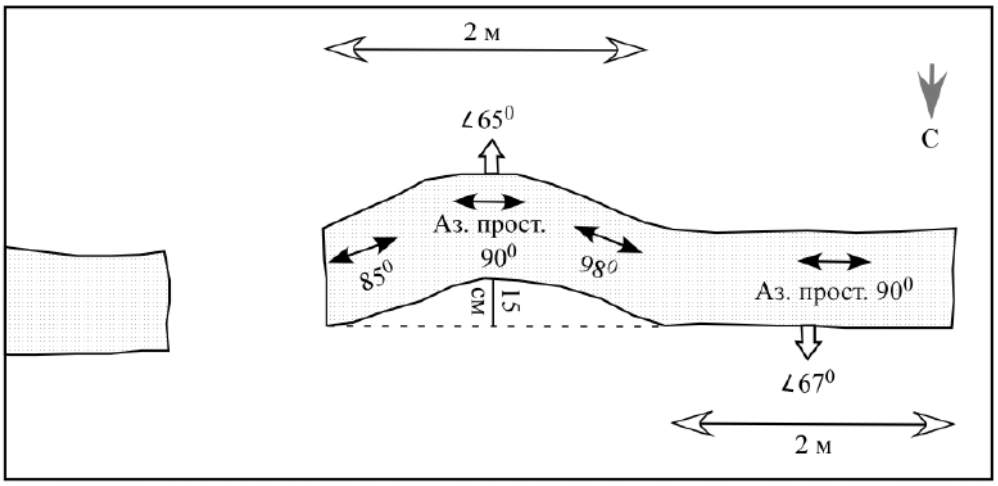


Рис. 9. Схематическая зарисовка строительного комплекса в т.н. 63-2016 со значительными разворотами стен или их частей.

Рис. 11. Дополнительная стена-контрфорс – слева (с запада) у одной из субмеридиональных стен в точке наблюдения 61-2016.

Рис. 10. Разворот по часовой стрелке верней части субмеридиональной стены в т.н. 64-2016.

Рис. 12. Отхождение и разворот по часовой стрелке стены-крепиды (налево, на север) во время сильного землетрясения в т.н. 64-2016.



а)

б)

Рис. 13. Широтная стена античного времени в восточной части раскопа (т.н. 66-2016) имеет пропеллерное строение. Стрелки указывают наклон и выгибание разных участков стены в противоположных направлениях.

Рис. 14. Остатки – сохранившиеся давильные площадки винодельни II–III вв. в т.н. 67-2016 в ЮВ углу археологического раскопа. Днища сильно наклонены на восток. На дне южной ванны стоят люди. Днище северной ванны показано стрелками. Вид на ЮЮЗ.

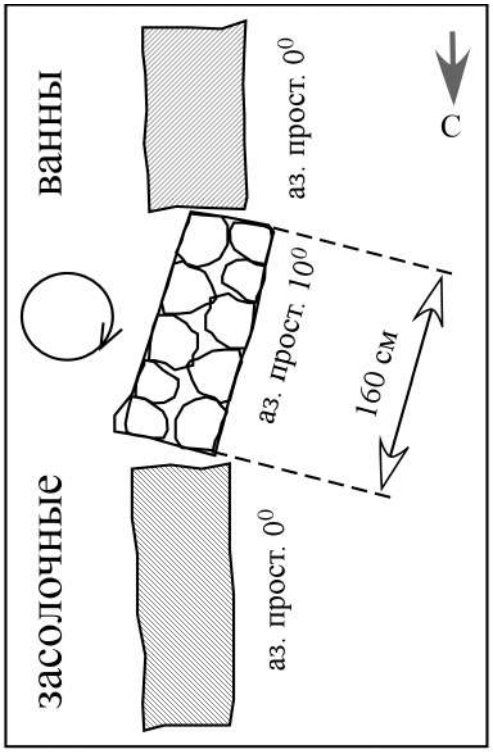


Рис. 15. Западная стена винодельни II–III вв. в т.н. 67-2016. Центральный фрагмент стены развернулся по часовой стрелке на 10°.

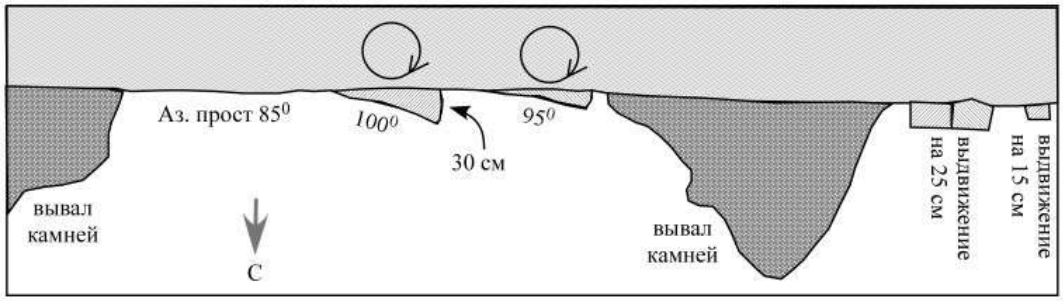


Рис. 16. Деформации субширотной античной стены V–III вв. до н.э. в т.н. 68-2016. Схематическая зарисовка, план. Для изучения был доступен лишь северный фас стены.

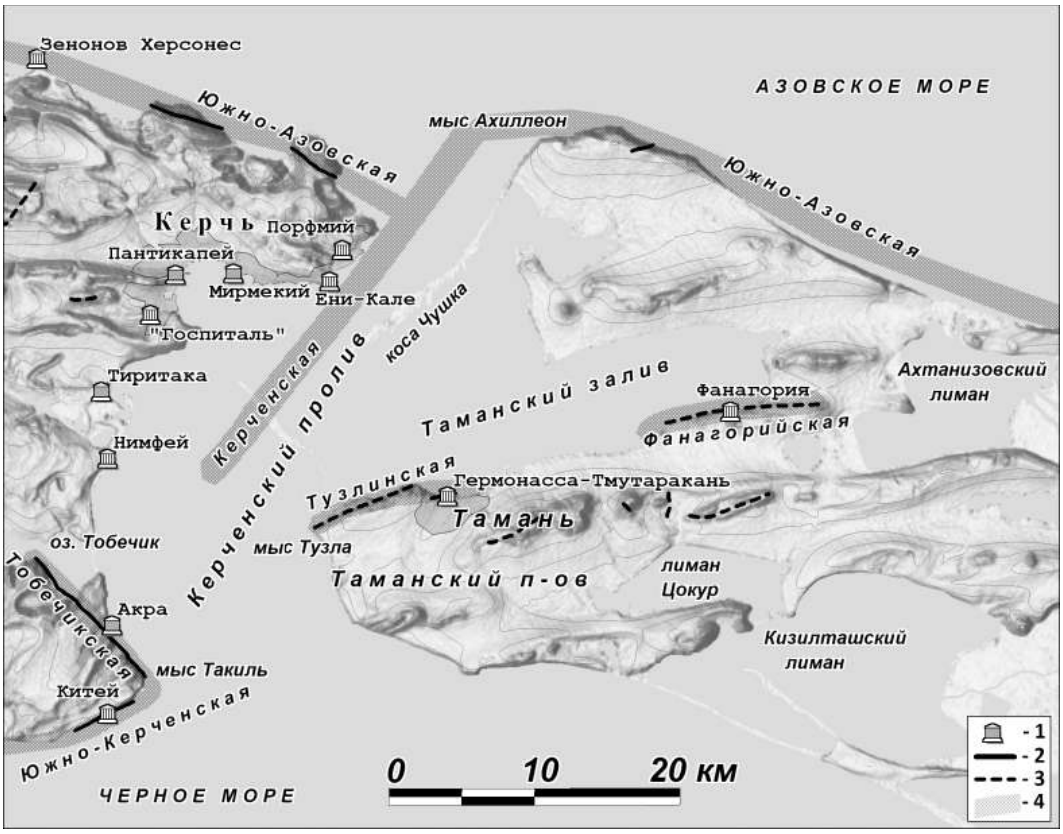


Рис. 17. Древние городища и очаги сильных землетрясений в районе Таманского полуострова.

1 – памятники древности со следами землетрясений, изученные авторами методами археосейсмологии; 2 – активные разломы с изученными следами сейсмотектонических подвижек прошлого; 3 – флексурно-разрывные зоны (на берегу Таманского залива) и грязевулканические разломы (в глубине Таманского п-ва); 4 – очаговые зоны сильных землетрясений по палео- и археосейсмологическим данным.

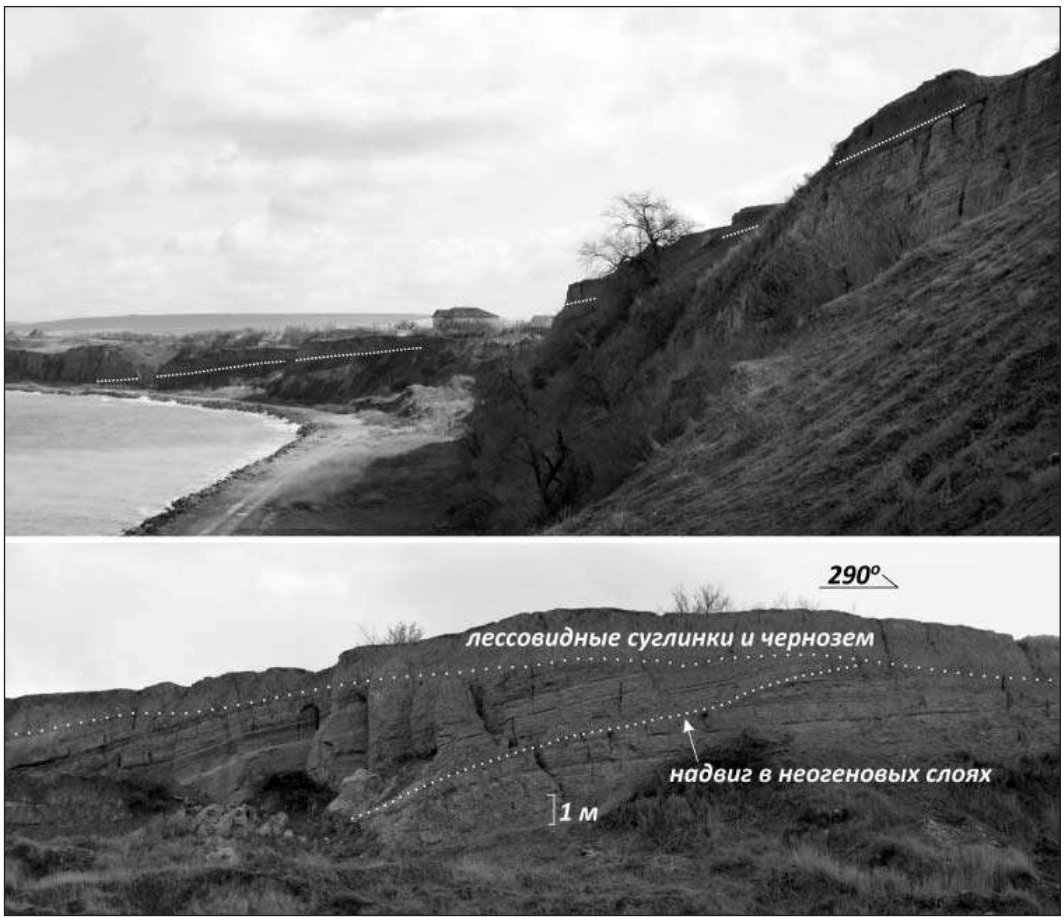


Рис. 18. Вверху – изгиб подошвы позднеплейстоцен-голоценовых лёссовидных суглинков (показана линией) в южном крыле Тузлинской складки на северо-западной окраине ст. Тамань (вид на юго-восток). Внизу – надвиг в миоценовых породах там же.

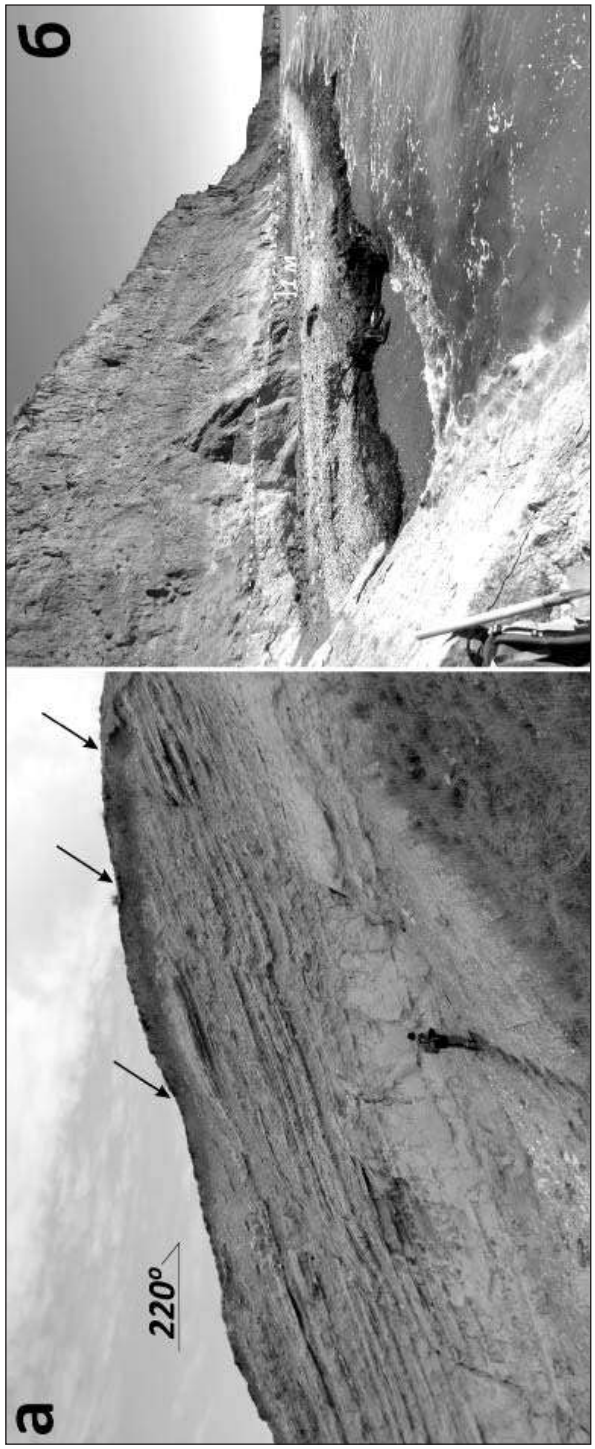


Рис. 19.

а – разрывы (показаны стрелками) в миоценовых известняках в стенке отрыва обвала у берега Таманского залива, ур. Белый обрыв в 1 км к северо-западу от ст. Тамань. б – изгиб подошвы позднеплейстоценовых осадков карангатской морской террасы (показана линией) в южном крыле Тузлинской складки, мыс Тузла (вид на юг).

Рис. 20. Субширотная стена на восточном краю археологического раскопа салтово-маяцкого времени еще была видна в 2016 г.

Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
L.IU. PONOMAREV

КЕРЧЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В ГЕНУЭЗСКИЙ И ОСМАНСКИЙ ПЕРИОДЫ (обзор источников и дискуссионные вопросы)
KERCH CHURCH OF ST. JOHN OF BAPTIST IN GENUESE AND OTTOMAN PERIOD (review of sources and discussion questions)

Керченская церковь Иоанна Предтечи обратила на себя внимание российской и западноевропейской «интеллектуальной элиты» уже в конце XVIII в. (рис. 1–3). Со временем она получила в научных кругах широкую известность, но изучалась до недавнего времени, преимущественно в одной плоскости – как один из немногих хорошо сохранившихся образцов византийского церковного зодчества в Крыму. [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2014, с. 272–306]. Соответственно, приоритетными вопросами в изучении церкви традиционно оставались время сооружения ее древнейшей крестово-купольной части и реконструкция первоначального архитектурного облика [Науменко, Пономарев, 2016, с. 325–331]. К сожалению, более поздние генуэзский и османский периоды, охватывающие XIV – третью четверть XVIII вв., оставались незаслуженно забытыми, хотя вопросов к ним со временем накопилось не меньше, чем к византийскому периоду.

Один из наиболее актуальных вопросов связан с дискуссией относительно времени постройки церкви, поскольку в качестве одной из возможных дат ее сооружения предлагают считать конец XIII в., XIII–XIV вв., или первую и вторую половину XIV в. [см.: Науменко, Пономарев, 2016, с. 329]. Дискуссионной до сих пор остается и конфессиональная принадлежность храма в генуэзский и османский периоды, а именно – была ли церковь превращена в мечеть или она продолжала обслуживать городскую христианскую общину? Среди других нерешенных вопросов выделим еще один: во имя кого была освящена церковь в это время и когда она получила свое современное название?

Что касается времени постройки церкви, дискуссия вокруг этого вопроса не утихает уже два столетия, хотя раскопки, проведенные у ее стен Т. И. Макаровой, свидетельствуют о том, что возведена она была в первой или второй половине X в. [Макарова, 1982, с. 97; Макарова, 1991, с. 141; Макарова, 1998, с. 365, 388]. Эту дату подтверждают и амфоры-голосники, найденные в кладке парусов и купола церкви [Никитенко, 1970, с. 276–278; Артеменко, 2010, с. 9–11, рис. 1; 2]. В. В. Булгаков выделил эти византийские амфоры в отдельный тип – конически-вытянутые (тип С) и отнес к продукции гончарных центров бассейна Мраморного моря. Контекст находок однотипных амфор (на Адриатическом побережье, в Западном и Северном Причерноморье) позволил ему установить дату их наиболее

массового распространения в пределах первой половины X в. [Булгаков, 2004, с. 5–11].

В свою очередь, сторонники наиболее поздних дат возведения церкви (конец XIII в., XIII–XIV вв., первая или вторая половина XIV в.) базируются преимущественно на результатах ее архитектурного анализа [Наследова, 1986, с. 13; Комеч, 1992, с. 28–41; Комеч, 1995, с. 359–383; Комеч, 1996, с. 128–129; Лосицкий, 1990, с. 46; Лосицкий, Паршина, 2002, с. 108, рис. 8, 3; Лосицький, 2006, с. 92; Лосицький, 2010, с. 34; Немыкина, 2012, с. 135][1]. Среди недостатков их работ выделяется один наиболее существенный – ни в одной из них не были приведены в качестве доводов материалы археологических исследований. Предпочтение отдавалось сравнительно архитектурному анализу постройки в целом и поиску аналогий ее отдельным архитектурным и декоративным элементам. Не всегда также учитывалось, что церковь Иоанна Предтечи представляет собой сложный и многовековой архитектурный комплекс, сохранивший следы неоднократных ремонтов и перестроек. Поэтому в таких случаях церковь зачастую датировалась в широком хронологическом диапазоне, отражавшем на самом деле ее отдельные строительные периоды[2].

В рамках остальных вопросов мы проанализируем основные группы источников, среди которых наиболее информативными остаются письменные свидетельства о церкви XIV–XVIII вв.

Впервые церковь Иоанна Предтечи упоминается в сочинении арабского купца и путешественника Ибн-Баттуты Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн Абдаллаха аль-Лавати ат-Танджи (1304–1377) «Подарок наблюдателям по части диковинных стран и чудес путешествий», прибывшего в Керчь из Синопы в 1333/1334 гг. (734 г. х.) [Тизенгаузен, 1884, с. 279; Кулаковский, 1901, с. 570; Кулаковский, 1906, с. 104; Кулаковский, 1908, с. 544; Кулаковский, 1914, с. 107–108]. В церкви его внимание привлекла фреска с изображением святого воина, которого он описал как «араба в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке». К удивлению путешественника, встретившийся ему здесь же «монах» пояснил, что это «изображение пророка Али». По мнению Ф. К. Бруна, который первым попытался проанализировать этот загадочный пассаж из сочинения Ибн-Баттуты, его собеседник, вероятно, имел в виду святого

[1] Первым, кто посчитал ее памятником «генуэзского здесь владения», стал И. М. Муравьев-Апостол, побывавший в Керчи в 1820 г. Однако свои умозаключения по этому вопросу он не изложил [Муравьев-Апостол, 1823, с. 268; Murawiew-Apostol, 1825, s. 212–213]. В 1843 г. И. Я. Павловский, автор «Географии Российской империи», отнес время постройки церкви к XII в. Но, на основании чего или благодаря кому он пришел к такому выводу, осталось неизвестным [Павловский, 1843, с. 153]. В конце XIX в. к сторонникам поздней даты примкнул А. Л. Бертье-Делагард, считавший ее не древнее XII или XIII вв. [Бертье-Делагард, 1893, с. 49, прим. 4; Латышев, 1897, с. 157–158; Дортелли Д'Асколи, 1902, с. 173, прим. 107]. В начале – первой трети XX в. его точку зрения поддержали польский путешественник, этнограф и археолог граф Адам Сераковский, а затем Н. И. Репников. Оба они датировали церковь XIII в. [Sierakowski, 1913, s. 54; Громенко, 2011, с. 205; Репников, 2009, с. 184–185].

[2] Подробно дискуссия по вопросу о времени сооружения церкви будет проанализирована в отдельной статье.

пророка Илью, имя которого по стечению обстоятельств оказалось созвучно пророку Али [Брун, 1877, с. 251; Брун, 1880, II, с. 322]. Однако в данной трактовке он не учел иконографию образа святого из керченской церкви, изображенного с воинскими атрибутами – копьем и мечом.

Некоторые современные исследователи считают, что ответ монаха отражал реальную действительность и может быть объяснен смешанными культурными традициями средневековой Керчи, в которой на тот момент одновременно проживали христиане и мусульмане. В частности, А. Б. Малышев предложил довольно малоубедительную версию, согласно которой Ибн-Баттута обратил внимание на изображение св. великомученика Георгия Победоносца, но горожане считали его пророком Али [Малышев, 2003, с. 15]. Еще менее убедительной выглядит иная историческая реконструкция, согласно которой церковь уже к 30-м гг. XIV в. была превращена в мечеть, а фрески с изображением христианских святых на ее стенах сохранились благодаря «нетвердости мусульманских устоев в этих краях» [Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 2003, с. 72; Лазенкова, 2005, с. 120; Воронов, Михайлова, 1983, с. 73].

На наш взгляд, столь неожиданное и труднообъяснимое пояснение монаха можно объяснить только затруднениями в переводе и, как следствие, недопониманием, возникшим между собеседниками, плохо понимавшими язык друг друга [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2009, с. 130]. Иными словами, речь идет не более чем о казусе [Крамаровский, 2014, с. 67].

К сожалению, дальнейшая дискуссия по этому вопросу исчерпала себя, поскольку описания фресок керченской церкви никто, кроме Ибн-Баттуты, не оставил. Да и, собственно, сама церковь привлекла к себе внимание только три столетия спустя.

Наиболее обстоятельно ее описал Эмидио Дортелли д'Асколи, префект доминиканской миссии в Каффе, посетивший (или посещавший) Керчь между 1624–1634 гг. Он упомянул ее как «церковь во имя св. Георгия», принадлежащую «грекам, в которой есть алтарь с куполом, поддерживаемым 4-мя великолепными колоннами из мрамора» [Dortelli d'Askoli, 1891, с. 32; Дортелли д'Асколи, 1902, с. 113, 122][3]. Именно эта деталь интерьера храма позволяет уверенно соотнести его с церковью Св. Иоанна Предтечи (рис. 4,1; 6) [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 302–303]. Но, что касается ее прежнего названия, эта подробность в описании церкви Эмидио Дортелли д'Асколи вызвала критические замечания А. Л. Бертье-Делагарда, с комментариями которого в 1902 г. было переиздано сочинение доминиканского миссионера. Исследователь высказал мнение, что он ошибся, поскольку церковь уже задолго до его пребывания в Керчи была освящена во имя св. Иоанна Предтечи и она к этому времени получила настолько большую известность, что на многих средневековых картах-портоланах Керченский пролив стал называться именем этого святого

[3] Христианское население Керчи, согласно дефтеру 1634–1635 гг., насчитывало 24 «хане» (домохозяйства) [Ефимов, 2013, с. 136].

[Дортелли д'Асколи, 1902, с. 173, прим. 107][4]. Эта же точка зрения высказывалась ранее Н. Н. Мурзакевичем, а вслед за ним Х. Х. Зенкевичем [Мурзакевич, 1837а, с. 683; Мурзакевич, 1837б, с. 37; Зенкевич, 1894, с. 144][5]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, на момент пребывания префекта в Керчи именем Св. Георгия назывался монастырь, находившийся к северо-западу от города в районе дер. Катерлез (совр. с. Войково) [Дортелли д'Асколи, 1902, с. 173, прим. 107]. Однако в основу этого предположения легли местные предания и легенды[6]. К тому же на некоторых картах, в том числе и карте Меркатора, Керченский пролив упоминается не только под именем Св. Иоанна, но и Св. Георгия [Колли, 1910, с. 26] и, что особенно важно, оба названия не были связаны с церковью, а, скорее, имели отношение к именам «небесных» покровителей генуэзской республики – Св. Иоанна Крестителя и Св. Георгия [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2009, с. 130].

Что же касается ее современного названия, то впервые как церковь «Рождества Иоанна Предтечи», «Святого Иоанна» и «Иоанно-Предтеченская» она упоминается только с 70-х гг. XVIII в., причем в первое время исключительно в официальных документах, в частности, в реестре церквей Павловского духовного правления, составленном священником Андреем Коваленским в 1777 г., реестре церковного иму-

---

[4] По мнению В. Ф. Санжаровца, сведения Дортелли д'Асколи нет основания подвергать сомнению. Что касается названия пролива, оно может быть связано с мысом Фонарь на северо-восточной оконечности Керченского полуострова, именовавшимся на средневековых картах «мыс св. Иоанна в Татарии» [Санжаровец, 2004, с. 191–194]. По легендарным сведениям, до XVIII в. в этом районе, известном в XIX в. под именем Агиана, существовала большая греческая церковь Св. Иоанна [Гавриил, 1844, с. 328; Люценко, 1878, с. 165, прим. 1; Тункина, 2011, с. 68; Пономарев, 2017, с. 60–61; Пономарев, 2018, с. 176].

[5] «При владении генуэзцев южным берегом Крыма эта церковь им была известна так, что они верхнюю часть Таврического пролива (в древности Боспора Киммерийского) прозвали «устьем св. Иоанна» [цит. по: Мурзакевич, 1837а, с. 683]. Примерно в таком же духе высказался и Х. Х. Зенкевич: «на несомненную древность церкви указывает то обстоятельство, что во время господства на Черном и Азовском морях генуэзцев церковь эта пользовалась большой известностью, и самый Керченский пролив, при котором тогда находилось складочное торговое место Черкио (Керчь), известен был больше под именем Св. Иоанна, а Черкио – порт Св. Иоанна» [Зенкевич, 1894, с. 144].

[6] В «Описании древним зданиям, находящимся в крепостях Еникальской и бывшей Керченской, и вообще на берегу Таврического или Воспорского пролива», составленном в 1827 г. инженер-капитаном Еникальской инженерной команды Хр. Штиром, упоминается церковь Св. Георгия, находившаяся в дер. Катерлез на месте, где «ныне же видны на камне следы ног человеческих и копыт лошади» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 56]. По сведениям, собранным архиепископом Гавриилом, каменный монастырь во имя «св. великомученика Георгия» располагался на «горе» (холмистой гряде) к северу от дер. Катерлез, а «во время войны» (1768–1774?) он был разрушен «так-что и признаков не видно» [Гавриил, 1844, с. 328]. Древний храм во имя Св. Георгия в урочище Катерлез упоминается также в прошении, поданном 9 августа 1849 г. архиепископу Иннокентию, в котором жители Симферополя, Алушты и других городов и поселков просили восстановить древние христианские святыни Крымского полуострова [Гроздов, 1888, с. 81–83; Маркевич, 1901, с. 34, прим. 1]. Видимо, этот же располагавшийся «близ Керчи» монастырь имел в виду В. В. Бартольд, ошибочно подразумевая в нем монастырь Киризу (Κύριζος или Κόριζος,), упомянутый на территории Крымской Хазарии в акте Константинопольского патриархата 1395 г. [Бартольд, 2002, с. 458; Васильевский, 1912, с. 424; Антонин, 1867, с. 269–270; Брун, 1880, с. 312; Бертье-Делагард, 2011, с. 21].

щества, составленном священником Дмитрием Триполитом в 1778 г., реестре церквей Павлоградского духовного правления от 6 июля 1784 г. и в клировой ведомости 1794 г. [Макидонов, 2014, с. 166, 170–171; Православна.., 2004, № 325; Макаревский, 1880, с. 1048; Лебединцев, 1883, с. 207]. В обиходе же ее еще несколько десятилетий называли попросту – «греческой» церковью [Паллас, 1999, с. 121; Сумароков, 1800, с. 70; Свиньин, 1826, с. 458; Гераков, 1828, с. 118; Куторга, 1834, с. 89; Дюбрюкс, 1858, с. 14]. Позднее новое название прижилось и она стала именоваться как церковь «во имя усекновения честныя главы Иоанна Предтечи» [Гавриил, 1844, с. 323], церковь «Св. Пророка Предтечи и Крестителя господня» [Церковь.., 1856, с. 439], церковь «Усекновения главы св. Иоанна Предтечи» [Кондаков, 1877, с. 16], «церковь Усекновения главы Предтечи и Крестителя Господня св. Иоанна» [Шевелев, 1848, с. 738], церковь «Св. Иоанна Предтечи» или «Во имя Св. Иоанна Предтечи» [Мурзакевич, 1837а, с. 677; Авдеев, 1887, с. 382; Татаринов, 1894, с. 64], церковь «Иоанна Крестителя» [Хартахай, 1867, с. 77; Туровский, 1913, с. 509].

Таким образом, древний храм, именовавшийся на момент посещения Керчи Эмидио Дортелли д'Асколи церковью Св. Георгия[7], был спустя какое-то время повторно освящен. К сожалению, когда именно и в связи с чем, документально установить пока не удалось. Для такого рода обряда, как известно, нужны весомые причины. В качестве таковой в настоящее время можно лишь допустить некое событие, повлекшее за собой полную реконструкцию престола, который, судя по вторично использованному при его сооружении мусульманскому надгробию [Авдеев, 1887, с. 382–383; Гермоген, 1886, с. 249; Протоколы.., 1909, с. 71; Матвеева, 2002, с. 185], был сооружен не ранее 1771 г. и, скорее всего, после того как церковь вышла из канонического подчинения Константинопольской Патриархии. В османский период использовать мусульманские надгробия для сооружения престола вряд ли бы кто решился. Позднее же, когда город вошел в состав Российской империи, заброшенные мусульманские кладбища постепенно застроили, а большую часть надгробий использовали в качестве строительного материала.

Спустя три десятилетия (1666 г. или 1667 г.) после Эмиддио Дортелли д'Асколи Керчь посетил турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби. В городе по его описанию на тот момент функционировали несколько мечетей и «церковь неверных», на стенах которой сохранились фрески, позволившие ему заключить, что это был «древний храм генуэзских франков» [Челеби, 1999, с. 98; Челеби, 2008, с. 195–196]. Таким образом, он посетил действующую на тот момент церковь, которую можно было осмотреть внутри. К сожалению, ее название он не привел, но указанное им местоположение церкви (внутри крепости) и фрески, о которых за три

[7] Косвенное подтверждение этому мы опять же находим в сочинении Ибн-Баттуты. Напомним, он заинтересовался в церкви фреской, на которой был изображен некий святой с воинскими атрибутами – копьем и мечом. И, что очень важно, видимо, этот святой почитался особо, поскольку перед фреской, как отметил Ибн-Баттута, горела лампада. Иными словами, вполне логично предположить, что речь идет об изображении св. Георгия Победоносца, во имя которого и была освящена церковь.

столетия до Эвлии Челеби сообщил Ибн-Баттута, позволяют говорить о том, что речь идет о церкви Иоанна Предтечи.

В 1699 г. две «греческие церкви» в Керчи были упомянуты в бортовом «журнале» вице-адмирала Корнелия Ивановича Крюйса, одного из участников «Керченского похода» Азовского флота [Крейс, 1850, с. 392; Богословский, 1948, с. 94; Байер, 1782, с. 212][8]. И, по крайней мере, одна из них, по свидетельству инженер-подполковника Р. Н. Томилова оставалась действующей до вступления в город русских войск в 1771 г. Он упомянул ее среди других построек на территории крепости («в самом городе и замке»), но, к сожалению, не указал названия и описал очень кратко, как «греческую церковь, которая и поныне содержится» [Томилов, 1868, с. 192]. Тем не менее, поскольку других альтернатив церкви Иоанна Предтечи мы не знаем, есть все основания утверждать, что именно она и являлась этим последним уцелевшим в период османского владычества городским христианским храмом [Михайлова, 1976, с. 50, рис. 1].

Таким образом, в нескольких заслуживающих доверия источниках первой трети XIV – третьей четверти XVIII вв. церковь упоминается как действующий храм, и он не был превращен в мечеть ни в XIV в., ни в XVI – начале XVII вв., как полагали и полагают до сих пор некоторые исследователи [Лопушинская, 1970, с. 36–37; Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 2003, с. 72; Лазенкова, 2005, с. 120; Воронов, Михайлова, 1983, с. 73; Кирилін, 1981, с. 55; Пономарьова, 1997, с. 88][9]. В отличие

---

[8] К сожалению, о каких двух церквях идет речь, неизвестно. К. И. Крюйса и сопровождавших его офицеров русской эскадры внутрь крепости не впустили, поэтому, по крайней мере, одну из них – церковь Иоанна Предтечи они увидеть не могли. Вторая церковь, если она и существовала в реальности, располагалась в предместье за пределами крепостных стен. В то же время, возможно, приведенное в журнале К. И. Крюйса число церквей не соответствовало действительности. Тем более, значительно преувеличенным в нем оказалось и число мечетей – 20 вместо 8 существовавших [Томилов, 1868, с. 192; Бочаров, 2005, с. 147–150, рис. 1]. В 70-е годы XVIII в. описанием Керчи из журнала К. И. Крюйса воспользовался И. Э. Тунманн – автор раздела о Крымском ханстве в «Большом землеописании Бюшинга» [Тунманн, 1936, с. 44]. Позднее оно было включено в статью «Воспор или Керчь», помещенную Л. М. Максимовичем в «Новый и полный географический словарь Российского государства» [Максимович, 1788, с. 191]. Соответственно, в них упоминаются и две «греческие» церкви.

[9] Впервые такую возможность в 1827 г. допустил Керчь-Еникальский градоначальник Ф. Ф. Вигель, при этом совершенно не понятно, о каком «высоком минарете», который якобы располагался у ее входа и служил колокольней, в своих записках он пишет [Механиков, 2006, с. 473; Вигель, 1864, с. 78; ср.: Белик, 2015, с. 17; Белик, 2016, с. 56]. Во всяком случае, его современники об этой постройке не упоминают, нет ее на гравюре Н. Я. Саблина конца XVIII в. [Брикнер, 1885, с. 421; Санжаровец, 2007, с. 41] и на наиболее раннем рисунке церкви (до 1801 г.), опубликованном Н. Н. Мурзакевичем [Мурзакевич, 1837а, с. 682]. Двухъярусная звонница была возведена вместе с западным приделом церкви только в начале XIX в. Она изображена на рисунках И. А. Иванова и Н. А. Львова, побывавших в Керчи в августе 1803 г. (рис. 2,1) [Тункина, 2002, с. 67; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 28; Никитина, 2006, рис. 3; Тункина, 2011, рис. 55].

Позднее предположение Ф. Ф. Вигеля поддержал А. А. Авдеев. Однако постулируемый им «переход церкви в мечеть и обратно в православную церковь» аргументирован не был [Авдеев, 1887, с. 382]. Противоположной точки зрения придерживался Ю. А. Кулаковский. По его мнению, «храм не был в

от остальных храмов, возведенных в византийскую эпоху, церковь Иоанна Предтечи (Св. Георгия) продолжала обслуживать христианскую общину Воспоро-Керчи в генуэзский и османский периоды вплоть до 1771 г., после которого для нее начался новый период истории [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 300–328][10].

С этим выводом вполне согласуются археологические источники и материалы реставрационных работ, проведенных Е. И. Лопушинской в 1967–1980 гг.[11]. Впервые разведочные раскопки церкви Иоанна Предтечи в 1956–1957 гг. провели М.А. Фронджуло и Е. В. Веймарн, но в рамках рассматриваемых нами периодов они не принесли каких-либо существенных результатов [Веймарн, 1957, л. 2–7; Майко, 2017, с. 41–43]. Их удалось получить позднее Т. И. Макаровой, возглавившей археологические работы, предусмотренные проектом реставрации церкви.

В 1970–1971 гг. она исследовала участок площадью 95 кв. м, прилегающий к южной и восточной стенам церкви, а в 1976 и 1980 гг. заложила несколько шурфов внутри нее – в центральной апсиде, южном нефе, нартексе и вокруг северной пары мраморных колонн [Макарова, 1998, рис. 14; 15; 20].

У стен церкви Т. И. Макарова открыла участок прицерковного некрополя, в пределах которого были раскопаны 57 погребений, расположенных тремя ярусами. Средневековые могилы были разделены исследовательницей на два яруса – нижний и средний. Они представляли собой каменные ящики, ориентированные по линии запад–восток. Некоторые из них служили семейными усыпальницами и содержали до шести последовательных захоронений с немногочисленным погребальным инвентарем – украшениями, нательными крестами, амулетами и аксессуарами одежды. Два погребения верхнего яруса относились к концу XIX – началу XX вв.

запустении» в XIV в., «не запустел он и позднее, дождавшись времен утверждения русского господства на берегах Керченского пролива» [Кулаковский, 1908, стлб. 544]. При этом в качестве единственного аргумента Ю. А. Кулаковский использовал свидетельство Ибн-Батутты, увидевшего на одной из стен местной церкви изображение святого и горящую перед ним лампаду [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. «Неприкосновенной» во время «турецко-татарского господства» в Крыму назвал церковь и Н. Н. Мурзакевич [Церковь.., 1856, с. 440]. Позднее его поддержал Х. Х. Зенкевич, отметив при этом существование противоположной точки зрения по этому вопросу [Зенкевич, 1894, с. 144].

[10] Согласно данным турецкого дефтера 1520 г., в Керчи проживало 585 человек, в том числе 220 мусульман и 365 греков-православных [Fisher, 1981, p. 155, 165–166]. В 1542/1543 гг. ее население выросло до 845 человек (610 мусульман и 235 греков-православных). В 1634/1635 г. христианское население города насчитывало 24 «хане» – «двора» или «семейства» [Ефимов, 2013, с. 136]. И, наконец, согласно сведениям, приведенным инженер-подполковником Р. Н. Томиловым, на момент вступления русских войск (21 июня 1771 г.) в Керчи оставалось 16 греческих семей [Томилов, 1868, с. 192].

[11] Впоследствии материалы реставрационных работ так и не были изданы, поэтому в данной публикации в основном пришлось опираться на предварительные материалы Е. И. Лопушинской, полученные в 1967–1970 гг. в процессе осмотра, зачистки и зондирования поврежденных участков стен. Результаты этих натурных изысканий исследовательница изложила в «Отчетной записке», получившей наименование «Исследование памятника архитектуры VIII–XIX вв. – церкви Иоанна Предтечи в г. Керчи Крымской области (Историческая справка)» [Науменко, Пономарев, 2018, с. 40–41]. К сожалению, и она опубликована не была. Ознакомиться с этим документом авторам удалось благодаря любезности Н. Ф. Федосеева, за что приносим ему искреннюю признательность.

Погребения нижнего яруса Т. И. Макарова первоначально датировала X в. и X–XI вв., при этом выделила группу наиболее ранних могил, прорезавших кладку постройки «хазарского времени» и слой строительного мусора, отложившегося при возведении крестово-купольного храма [Макарова, 1971а, с. 21; Макарова, 1971б, с. 264; Макарова, 1972, с. 376; Макарова, 1982, с. 102–103; Макарова, 1998, с. 366, 373]. По мнению Т. И. Макаровой, эти, по всей видимости, наиболее ранние захоронения были совершены вскоре после его строительства и, соответственно, относились к рубежу IX–X вв. или началу X в.

Погребения среднего (второго) яруса Т. И. Макарова датировала XII–XIII вв. В пользу этого, по ее мнению, свидетельствовал многочисленный погребальный инвентарь, в том числе стеклянные, сердоликовые и янтарные бусины, фаянсовые и перламутровые пуговицы, бронзовые пуговицы-бубенчики, фаянсовые уточки-пронизки, подвески из лазурита, височные кольца, серебряные крестики из витой проволоки, которые совершенно не встречались в погребениях первого яруса. В плане стратиграфии для погребений второго яруса наиболее показательными оказались детские погребения, которые не позднее XIV в. практически целиком скрыли дополнительной обкладкой южной апсиды и тогда же они были ограблены (рис. 8; 9,2) [Макарова, 1971а, с. 21–22; Макарова, 1982, с. 102–103; Макарова, 1998, с. 382]. Их участь разделила и большая часть остальных могил. На время ограбления прицерковного кладбища указывают обломки поливной керамики XIV–XV вв., найденные в заполнении некоторых могил, и мешочек из ткани с монетами этого периода (по мнению Т. И. Макаровой, утерянный грабителем), обнаруженный рядом с могилой № 42 [Макарова, 1971а, с. 12; Макарова, 1998, с. 365, 370, 377, 378].

Таким образом, есть все основания утверждать, что не позднее 80-х гг. XIV в., вероятно, после возведения внешнего кольца стен Генуэзской крепости [Бочаров, 2013, с. 346; Бочаров, 2015, с. 141], захоронения у стен церкви больше не совершали. Причиной этому, скорее всего, послужило отсутствие свободного места, поскольку со всех сторон она была вплотную окружена крепостными стенами и жилыми кварталами [Бочаров, 2005, рис. 1]. Не позднее XIII в. прекратили функционировать и другие известные нам городские некрополи [Науменко, Пономарев, 2013, с. 250–251], а христианские могильники генуэзского периода в пределах средневекового города пока еще не выявлены. В качестве исключения можно упомянуть только о случайной находке надгробной плиты с датой – 1375 г., обнаруженной в 1865 г. во дворе одного из домов по ул. Босфорской (ныне ул. Свердлова) [Латышев, 1896, с. 96–97, № 96]. Что же касается османского периода, единственный относящийся к этому времени христианский некрополь раскопан А. И. Айбабиным в пер. Кооперативный. К сожалению, находок в могилах не оказалось, но слои, в которые они были впущены, могут быть датированы второй половиной XVI – первой половиной XVIII вв. [Радочин, 2008, с. 215–216; Радочин, 2009, с. 481–482].

Впрочем, с XIV–XV вв. некоторые члены христианской общины получали право на погребение внутри церкви Иоанна Предтечи. В пользу этой возможности

исследователи высказывались уже с середины XIX в., но все свои догадки строили исключительно на погребальной надписи Кириака 757 г., вырезанной на одной из мраморных колонн [Гавриил, 1848, с. 198; Рыдзевский, 1868, с. 466–467]. Подтвердить их предположение удалось только после проведения внутри церкви раскопок.

К сожалению, наиболее ранние погребения, совершенные в церкви Иоанна Предтечи, датировать не удалось. Их остатки были прослежены в нартексе в виде слоя перемешанных костей мощностью до 1 м [Макарова, 1998, с. 385, рис. 20]. Более поздние захоронения, отнесенные Т. И. Макаровой к XVII–XIX вв., были стратиграфически разделены на два горизонта. На глубине 0,40–0,60 м от уровня мраморного пола исследовательница зафиксировала остатки истлевших деревянных гробов и разрозненные кости, а на глубине 0,85–0,90 м открыла девять, расположенных рядами каменных ящиков, каждый из которых содержал до пяти или шести захоронений. В одном из них находился деревянный гроб с железными ручками. Некоторые из ящиков были перекрыты деревянными досками, в других найдена камка. По мнению Т. И. Макаровой, этот погребальный обычай, известный на обоих берегах Керченского пролива как в Античную, так и Средневековую эпоху, дожил до XIX в. Практически все зачищенные погребения оказались безынвентарными. Исключение составил один из ящиков, в котором был обнаружен бронзовый литой крест, датированный исследовательницей XV в. Рядом с другим разрушенным погребением нашли фрагмент шелковой ткани XIX в. [Макарова, 1998, с. 383–384].

В процессе раскопок у стен церкви Т. И. Макаровой удалось также сделать важные наблюдения относительно ее строительной периодизации. В частности, у ее южной стены на глубине 2,1–2,5 м она впервые зафиксировала горизонт, с уровня которого началось строительство крестово-купольного храма. Обнаруженная в нем керамика позволила датировать церковь рубежом IX–X вв. или началом X в. [Макарова, 1971б, с. 264–265; Макарова, 1972, с. 375–377; Макарова, 1982, с. 97; Макарова, 1998, с. 365, 388].

Выше горизонта прицерковного кладбища Т. И. Макаровой были прослежены следы ремонта церкви, датированного на основании стратиграфических наблюдений XIV в.[12]. У южной стены в западном борту раскопа ей удалось зафиксировать слой строительного мусора, насыщенного камнями, а с восточной стороны – выявить дополнительную обкладку апсид из разномерного камня толщиной до 1 м, благодаря которой была совершенно скрыта их первоначальная граненая форма. Этой же обкладкой были практически полностью скрыты и несколько детских плитовых могил, датированных погребальным инвентарем не позднее XIII в. (№ 23, 26, 27, 29, 35, 36, 37) (рис. 8; 9,2). Кроме того, на глубине 0,80 м было обнаружено дополнительное укрепление центральной апсиды, представлявшее собой пояс из двух рядов больших

[12] Еще в 1895 г. Ю. А. Кулаковский предположил, что церковь была реконструирована не ранее XIV в., но в качестве обоснования даты он привел только один сомнительный аргумент, а именно уже упоминавшееся выше мусульманское надгробие, использованное в конструкции престола [Матвеева, 2002, с. 185].

подтесанных камней, отличающихся по размерам и форме от камней первоначальной кладки (рис. 8,2; 9,1) [Макарова, 1971а, с. 3–6; Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 1982, с. 96, 102, рис. 3, II, III; 8; Макарова, 1998, с. 380–382, рис. 15; Макарова, 2003, с. 72–73]. После того как стены апсид были усилены, их оштукатурили, при этом ремонту, проведенному в XIV в., соответствовал нижний (из четырех выявленных) слой штукатурки, прослеженный на глубине 0,60–0,80 м [Макарова, 1971а, с. 3].

Следы капитального ремонта XIV в. в процессе реставрационных работ церкви зафиксировала и Е. И. Лопушинская. Тогда же, по мнению исследовательницы, на стены ее интерьера нанесли слой известковой штукатурки и фрески.

Остатки фресок были обнаружены после закрытия церкви в 1937 г. экспедицией реставраторов Государственной Третьяковской галереи в составе П. И. Юкина и И. А. Баранова. Весной 1938 г. на стенах церкви ими было сделано восемь зондажей. На северо-восточном и юго-восточном столбах предалтарной арки (их обращенных друг к другу гранях) удалось расчистить погрудные изображения двух неизвестных святых (рис. 7). Кроме того, на южной стене алтарной апсиды над арочным проемом, ведущим из алтаря в диаконник (южную апсиду), был расчищен еще один ряд, практически не сохранившихся полуфигурных изображений, от которых уцелели лишь небольшие фрагменты одеяний синего и коричневого цвета [Гузанов, 2006; Кызласова, 2009, с. 249; Мемуары.., 2013, с. 350–351, прим. 22; Попов, 1995, с. 122]. По мнению О. И. Домбровского, благодаря которому керченские фрески и получили широкую известность, роспись храма «по способу письма… и характеру самих изображений» можно было «без колебаний» отнести к началу XIV в.[13] В качестве стилистически близких ей по «своему восточногреческому характеру» росписей исследователь привел фрески храма Св. Дмитрия (Стефана) в Феодосии, которые, как и фрески церкви Иоанна Предтечи в Керчи, «художественно и идейно противостояли ренессансному искусству католиков-генуэзцев». При этом манера художников, расписавших обе церкви, напомнила ему образы фресок Феофана Грека. А поскольку относительно даты сооружения церкви исследователь придерживался точки зрения Ю. С. Асеева, к XIV в., исходя из стилистического анализа фресок, он отнес и ее. В пользу этого, по его мнению, указывало их размещение на основных конструктивных элементах здания и тот факт, что нанесены они были на первичный слой штукатурки [Домбровский, 1966, с. 10, 68–70].

Повторный анализ фресок предпринял Г. В. Попов. В целом он согласился с выводами О. И. Домбровского, но поскольку базировался на работах А. И. Комеча, то дату церкви и ее росписи уточнил в пределах второй половины XIV в. В стилистике же фресок Г. В. Попов не нашел ничего общего с манерой Феофана Грека. По его мнению, их автор не имел «ни малейшей связи с творчеством великого константи-

[13] Первым, кто датировал фрески церкви Иоанна Предтечи XIV в., был, по-видимому, академик И. Э. Грабарь. Документально подтвержденных сведений найти пока не удалось, но об этом историографическом нюансе в своей «Исторической справке» упомянула Е. И. Лопушинская.

нопольского художника (тем более в качестве его предшественника)». Фрески были выполнены представителем совершенно иной школы византийской монументальной живописи позднепалеологовской эпохи [Попов, 1988, с. 547–561; Попов, 1995, с. 117–124].

Что касается стилистических особенностей фресок, на наш взгляд, более реалистичной выглядит версия Г. В. Попова, но относительно даты их нанесения более обоснована точка зрения О. И. Домбровского, поскольку в 1333/1334 гг. росписи на стенах церкви увидел Ибн-Баттута. В то же время предложенная О. И. Домбровским и Г. В. Поповым историческая схема, согласно которой фрески были нанесены на стены храма одновременно с его строительством, вызывает большие сомнения, поскольку базируется исключительно на материалах архитектурного анализа (в частности, Ю. С. Асеева и А. И. Комеча) и совершенно не учитывает археологические данные. Кроме того, как установила Е. И. Лопушинская, самый ранний слой штукатурки известковый и хорошо отмученный, серого оттенка, на котором была выполнена фресковая роспись, нанесли прямо на камни кладки. А они к тому времени уже частично разрушились и покрылись копотью и сажей, отложившимися, возможно, вследствие пожара. Таким образом, стены храма были расписаны гораздо позднее, скорее всего, в процессе его реконструкции в XIV в.

Позднее фрески по какой-то неизвестной причине скрыли под новым слоем штукатурки, причем для ее качественного сцепления еще сохранившуюся стеновую роспись покрыли насечками.

По мнению Е. И. Лопушинской, эти работы были произведены в XVI или начале XVII вв., после того как длительное время (с 1475 г.) храм находился в запустении[14]. Вместе с предыдущей «капитальной реставрацией» они «почти полностью» изменили его внешний и внутренний облик. В частности, снаружи, для поддержания «очень выветренной и разрушенной древней кладки» (на отдельных участках она была разрушена на глубину до 15–20 см) стены были облицованы толстым слоем бута на известковом растворе с песком и большим количеством раковин морских моллюсков (рис. 1,2; 5,1). Помимо бута в облицовке использовали обломки керамических плит толщиной 7–8 см, которыми изначально был вымощен пол церкви. Одна из таких плит в целом виде попала в закладку южного окна. Сильно пострадали и плинфовые ряды, поэтому местами для имитации кладки opus mixtum использовались обломки черепицы, фрагменты керамических плиток из первоначального покрытия пола и кирпич размерами 24,5×12,0×3,0 см[15]. Этим же кирпичом были выложены свод над южной апсидой и центральный купол храма. Благодаря новым каменным перемычкам все оконные проемы подкупольного барабана и фасадов получили

[14] Аргументом в пользу длительного запустения церкви Е. И. Лопушинской послужило плохое состояние кладок ее внутренних стен – сильно выветренных и поврежденных, к чему мог привести только «свободный разгул стихий» внутри него. Церковь, по ее мнению, какое-то время стояла без оконных и дверных заполнений, обрушился ее центральный купол, конха и верхние участки стен южной апсиды.

[15] Размеры плинфы, использованной в первоначальной кладке, составляли 32–33×29–30×2,5–3,0 см.

прямоугольную форму, а до этого имели полукруглое завершение. Двойные оконные проемы на фасадах были заложены каменной кладкой. Кроме того, новой кладкой был надложен и подкупольный барабан, причем если ранее он имел шестнадцать граней, то в процессе реконструкции получил круглую форму. Заново переложили и верхний карниз барабана, а новый купол сложили из тонкого кирпича. Апсиды, имевшие изначально граненую форму, получили полукруглые – асимметричные очертания. Ниши в их стенах заложили на высоту 0,43 м, а колонки на ребрах облицевали «керамическим боем». Верхнюю часть (на уровне перемычки окна) южной апсиды переложили и покрыли новым – кирпичным сводом. При этом новая кладка была сложена очень небрежно, что привело к необходимости утолщения стен апсиды в целом (рис. 4,1; 5,2). Надложены были и ветви креста, а затем их перекрыли каменными плитами. Внутренние стены храма были дважды оштукатурены. В XIV в. поверх изначальной кладки нанесли первый слой штукатурки и фрески, а спустя два столетия их исцарапали и покрыли насечками, а затем нанесли толстый слой известкового раствора, замешанного на шерсти[16].

По итогам предварительных работ большую часть выявленных следов ремонтов и перестроек Е. И. Лопушинская отнесла к османскому периоду, но, насколько обоснована была ее точка зрения, ответить сложно, поскольку результаты, полученные исследовательницей в процессе реставрации церкви, по существу так и не были опубликованы. К сожалению, в полном объеме не были изданы и материалы охранных раскопок М. А. Фронджуло и Е. В. Веймарна в 1956–1957 гг. (при участии старшего научного сотрудника Академии строительства и архитектуры УССР Ю. С. Асеева), а также масштабных раскопок Т. И. Макаровой в 1963–1964, 1970–1971, 1976 и 1980 гг., которые наверняка бы позволили устранить ряд дискуссионных вопросов.

В итоге имеющиеся в нашем распоряжении источники и материалы не позволяют пока что ответить на них с развернутой и достаточно убедительной доказательной базой. Поэтому на данном этапе логичным представляется ограничиться общими выводами отчасти предварительного характера.

Церковь Иоанна Предтечи, возведенная в первой или второй половине X в., на протяжении всей своей многовековой истории функционировала как христианский храм, и нет никаких оснований утверждать, что в османский и тем более генуэзский период она была превращена в мечеть. Малоубедительными аргументами тому послужили вольная интерпретация пассажа из сочинения Ибн-Баттуты и характер повреждений на фресках церкви, сделанных, по мнению Е. И. Лопушинской, «умышленно».

На протяжении нескольких столетий церковь как минимум дважды подвергалась

[16] Предложенной Е. И. Лопушинской дате реконструкции церкви в османский период (XVI – начало XVII вв.) противоречит сообщение Эвлии Челеби (1666–1667 гг.), еще заставшего фрески на стенах. Таким образом, эта реконструкция церкви (если тогда же покрыли слоем штукатурки и фрески) была произведена уже после его посещения Керчи.

масштабным перестройкам, при этом изменения, внесенные в ее экстерьер и интерьер, не затронули в целом планировки и композиционного решения храма.

В первый раз церковь подверглась «капитальной реставрации» в XIV в. Тогда же на ее стены были нанесены фрески. В это же время, вероятно, вследствие недостатка свободного места прекращает функционировать церковное кладбище. Отдельные захоронения стали совершаться только внутри церкви.

В очередной раз церковь была перестроена в османский период, как предположила Е. И. Лопушинская, в XVI – начале XVII вв. Однако, если согласиться с тем, что тогда же фрески скрыли под слоем штукатурки, есть все основания полагать, что ее реконструировали уже после посещения Керчи Эвлией Челеби (1666–1667 гг.). Что касается «умышленного» уничтожения фресок, это допущение Е. И. Лопушинской вряд ли можно признать убедительным. То, что их исцарапали и покрыли насечками, вовсе не означает, что их «осквернили». Скорее всего, речь идет о вполне обычном в строительной практике технологическом приеме – нанесении насечек для лучшего сцепления слоя штукатурки с основой[17].

Свое современное название церковь получила не ранее третьей четверти XVIII в., уже после того как Керчь вошла в состав Российской империи. До этого, по крайней мере в 30-е годы XVII в., она именовалась церковью Св. Георгия. В более ранних письменных источниках ее название не упоминается, поэтому, во имя кого она была освящена после сооружения, установить пока не удалось. Учитывая реалии, такую возможность могут предоставить только новые эпиграфические находки, ожидать которые мы вправе в случае проведения дальнейших раскопок у стен церкви. Что касается ее названия в генуэзский и османский периоды, ответ на этот вопрос, возможно, будет получен в итальянских и турецких архивах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.А. Церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год / под ред. Н.П. Кондакова. Одесса: Типография А. Шульце, 1887. Ч. III. С. 382–386.

Антонин (архимандрит) Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. VI. Отд. 2. С. 445–473.

Артеменко Е.Д. Амфоры из купола церкви Иоанна Предтечи в Керчи // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Ремесла и промыслы: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2010. С. 8–12.

[Байер Г.З.] Древние Азовские и Крымские известия. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / пер. с нем. И.К. Тауберта. СПб.: При Императорской академии наук, 1782. 240 с.

Бартольд В.В. Керчь // Бартольд В.В. Работы по исторической географии / подгот. к изд. О.Г. Большаковым; отв. ред. А.М. Беленицкий. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 458–459.

Белик Ю.Л. Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с. (Керченская старина. Вып. II).

[17] На «умышленный» характер повреждений Е. И. Лопушинскую натолкнул тот факт, что наиболее пострадали лики святых.

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.

Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса / МАР. СПб., 1893. № 12. 64 с.

Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов Средневековья в Тавриде // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды: в 3 т. Избранные труды по истории христианства в Крыму. II. Симферополь: ДОЛЯ, 2011. С. 7–138.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. Т. 4: 1699–1701 гг. 514 с.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4. С. 145–151.

Бочаров С.Г. Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / под ред. М.Ю. Вахтиной и др. СПб., 2013. С. 342–348.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в Средние века. СПб., 2015. Вып. 9. С. 127–148.

Брикнер А. [Г.] История Екатерины второй с 300 гравюрами и украшениями на дереве, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами: в 5 ч. Ч. 3: Внешняя политика. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885. 516 с.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и Средних веках // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–253.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и Средних веках // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.). Одесса: Типография Г. Ульриха, 1880. Ч. II. С. 299–324.

Булгаков В.В. Византийские конически-вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. Вып. I. С. 5–12.

Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Васильевский В.Г. Труды: в 4 т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. Т. 2. С. 351–427.

Веймарн Е.В. Предварительный отчет о работах Восточного отряда Горно-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1957 г. Этап I. Исследования церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Бахчисарай, 1957 // Научный архив ГБУ РК ВКИКМЗ. Оп. № 7. Ед. хр. № 45. Л. 1–14.

[Вигель Ф.Ф.] Записка о Керчи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 1. Январь–март. Отд. 2. С. 11–99.

Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983. 184 с.

Гавриил [Розанов] Остатки христианских древностей в Крыму: Уезд Феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. Отд. 2. С. 320–328.

Гавриил [Розанов] Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 1. С. 140–210.

Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям 1820. Петроград: Тип. Императорского воспитательного дома, 1828. 172 с.

[Гермоген] Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии Гермогена, Епископа Таврического (ныне Псковского). Симферополь: Таврическая губернская типография, 1886. 271 с.

Гроздов А.[В.] Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 5. С. 81–105.

Громенко С.В. Stepy, morze i góry: Польские путешественники конца XVIII – начала XX веков о Крыме. Симферополь: Антиква, 2011. 304 с. (Библиография крымоведения; вып. 14).

Гузанов Ф.В. К истории открытия древнерусских стенописей в 1930-е годы // Проблемы сохранения и реставрации монументальной живописи: Чтения памяти Л. А. Лелекова – 2006: Материалы конференции ГосНИИР, 26 апреля 2006 г. М., 2006. [Электронное издание]. URL: http://www.art-con.ru/node/1316 (дата обращения 26. 11. 2015).

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 112 с.

[Дортелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / пер. Н.Н. Пименова. Издано с прим. почетн. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С. 89–180.

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море / пер. с франц. А. Дюбрюкса // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. IV. Отд. 1. С. 3–84.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред.: д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. 1: Тексты. 726 с.; Т. 2: Иллюстрации. 310 с.

Ефимов А.В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2013. № 9 (110). С. 134–143.

Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типолитография Х.Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894. 162 с.

Кирилін Д.С. Сучасниця Київської Русі // Пам'ятники України. Київ, 1981. № 1 (47). С. 55.

Колли Л.П. Из средневековой географии // ИТУАК. Симферополь, 1910. № 44. С. 24–29.

Комеч А.И. Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи // Зограф. Београд, 1992. № 22. С. 28–40.

Комеч А.И. Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи // Мир искусств: альманах. М.: РИК «Культура», 1995. № 2. С. 359-377.

Комеч А.И. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи // Проблемы изучения древнерусского зодчества (По материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта, 15–19 января 1990 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 128–129.

Кондаков Н.П. Мраморный рельеф из Пантикапеи // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. X. Отд. 1. С. 16–25.

Крамаровский М.Г. Ибн-Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 1 (3). С. 64–74.

[Крейс К.И.] Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову, 1699 года / пер. с голланд. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.: Морская типография, 1850. Ч. VIII. С. 367–394.

Кулаковский Ю.А. Боспор // Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20 т. / под ред. С.Н. Южакова и проф. П.Н. Милюкова. СПб.: Типография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1901. Т. 3: Беллинг – Бугульник. С. 567–572.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев: Типолитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1906. 141 с.

Кулаковский Ю.А. Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия: в 12 т. / под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб.: Типография Сибирского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России, 1908. Т. IX: Кармелиты – Κοινή. Стлб. 535–544.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. 2-е изд. Киев: Типолитография С. В. Кульженко, 1914. 158 с.

Куторга С.[С.] Отрывки из путешествия в Крым 1833 года // ЖМНП. СПб., 1834. Ч. 1. № 1. Январь. С. 81–90.

Кызласова И.Л. О Павле Ивановиче Юкине (1883–1945) // Софійські читання. Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь (Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Київ: ЧП Горобець, 2009. Вип. 4. С. 243–272.

Лазенкова Л.М. История и культура Керчи: храм Иоанна Предтечи // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9. С. 119–126.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1896. 143 с.

Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма: По сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1897. Т. XX. Отд. 1. С. 149–162.

Лебединцев А.А. Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883 г. // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. Отд. 3. С. 201–219.

Лопушинская Е.И. Древний памятник Керчи // Строительство и архитектура. М., 1970. Вып. 10. С. 36–37.

Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии / под ред. В.Ю. Юрочкина. Киев: Стилос, 2002. С. 99–113.

Лосицкий Ю.Г. Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / Археологический альманах. Київ, 2015. № 33. С. 179–199.

Лосицький Ю.Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2. С. 33–47.

Лосицький Ю.Г. Головні етапи розвитку архітектури Криму V–XV століть // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: Збірник наукових праць з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології. Київ: Видавничий дім А+С, 2006. Вип. 3. Ч. 2 / Гол. ред. В.Д. Сидоренко. С. 77-94.

Лосицький Ю.Г. Містобудування та архітектура (IV – перша половина XIII ст.) / Мистецтво Таврії та Північного Причорномор'я // Історія Українського мистецтва: у 5 т. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України, 2010. Т. 2: Мистецтво Середніх віків / за ред. Л. Ганзенко, Р. Забашта, Т. Трегубова, Ю. Коренюк. С. 16–43.

Люценко Е.[Е.] О древней вислой, свинцовой печати, с подписью «от Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве, в августе 1874 года. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1878. Т. II: Приложения / под ред. В.И. Модестова. С. 165–169.

Майко В.В. Раскопки храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Археология средневекового храма. Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 41–43.

Макаревский (Феодосий) Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав: Типография Я.М. Чаусского, 1880. Вып. 2. 372 с.

Макарова Т.И. Отчет о раскопках в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // Научный архив Института археологии НАНУ. № 1971а/102. Ф. е. 7481. Л. 1–22.

Макарова Т.И. Новые данные о датировке церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году (археологические секции). Тбилиси, 1971б. С. 264–265.

Макарова Т.И. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1971 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1972. С. 375–377.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА.1982. № 4. С. 91–106.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / под ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 121–147.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 344–393.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII веков. / под ред. Т.И. Макаровой, С.А. Плетневой. М.: Наука, 2003 (Археология). С. 68–73.

Макидонов А.В. Днепровская линия (1770–1797). Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014. 556 с.

Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон…: в 6 ч. Ч. I: А – Ж. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1788. 292 с.

Малышев А.Б. Православие в этноконфессиональных отношениях Золотой Орды, Византии и государств Северного Причерноморья // Русская православная церковь и межконфессиональные отношения в Нижнем Поволжье / под ред. О.А. Прохватиловой. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 5–30.

Маркевич А.[И.] Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия архиепископа Херсонского и Таврического (речь, произнесенная на заседании Таврической ученой архивной комиссии 15 декабря 1900 года) // ИТУАК. Симферополь, 1901. № 31. С. 30–57.

Матвеева Л.В. Юлиан Кулаковский. Киев: Стилос, 2002. 484 с.

Мемуары Павла Юкина. 40 лет моей работы / публ. и коммент. И.Л. Кызласовой // Софія Київська: Візантія, Русь, Україна. Київ, 2013. Вип. III. С. 345–370.

Механиков С.В. «Записка о Керчи» Филиппа Филипповича Вигеля // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I. С. 469–476.

Михайлова М.Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. М., 1976. Вып. 25: Проблемы градостроительства IV–XIX вв. С. 50–56.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография, состоящая при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837а. Ч. 13. № 3. С. 625–691.

Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837б. 91 с.

Мурзакевич Н.Н. Каталог картам, планам, вертежам, видам, хранящимся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1881. 56 с.

Наследова Р.А. XI Всесоюзная сессия по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // ВВ. 1986. Т. 46. С. 3–19.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / под ред. Т.Ю. Яшаевой. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 244–263.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 325–331.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Е. И. Лопушинская и ее «Историческая справка» о керченской церкви Иоанна Предтечи (1968 г.) // Проблеми історії та археології України: Матеріали XI Всеукраїнської наукової конференції до 60-річчя від початку дослідження Більского городища Харківським університетом (Харків, 14–15 грудня 2018 р.) / отв. за вип. С.В. Д'ячков. Харків, 2018. С. 40–41.

Немыкина Е.А. Региональная специфика и проблема влияний в средневековой болгарской архитектуре на примере памятников города Несебра // Актуальные проблемы теории и истории искусства / под ред. А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2012. Вып. 2. С. 132–136.

Никитенко М.М. Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1969 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1970. С. 276–278.

Никитина А.Б. Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 529 с.

Павловский И.[Я.] География Российской империи. Дерпт: Типография Шюнманна, 1843. Ч. 2. 237 с.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Беляевой и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999 (Научное наследство; Т. 27). 246 с.

Пономарев Л.Ю. Христианские храмы Керченского полуострова VIII–X вв. и XIV–XVIII вв.: археологические реалии // Археология средневекового храма. Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2017. С. 59–61.

Пономарев Л.Ю. Христианские храмы Керченского полуострова VIII–X вв. и XIV–XVIII вв.: археологические реалии // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / Отв. ред. В.В. Майко, ред. Т.Ю. Яшаева. Севастополь-Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 170–183.

Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Керченская церковь Иоанна Предтечи (историографический обзор) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 272–306.

Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XX вв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III: Сборник статей, посвященный 60-летию со дня рождения Вадима Александровича Кутайсова. С. 300–343.

Пономарьова Л. Перлина візантійського зодчества в Керчі // Пам'ятки України. Київ, 1997. № 1. С. 86–90.

Попов Г.В. Византийские фрески второй половины XIV в. в Керчи (Крым) // Bulgaria Pontica Medii Aevi II, Nessebre: 26–30 mai 1982. Sofia, 1988. С. 547–569.

Попов Г.В. Два фрагмента росписи церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Древнерусское искусство. Балканы. Русь / под ред. А.И. Комеча, О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 117–126.

Православна церква на півдні України (1775–1781) / упорядн. І. І. Лиман. Запоріжжя: РА «Тандем – У», 2004. 560 с. (Джерела з історії Південної України. Т. 4.).

Протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии за 1-ю половину 1909 г. Заседание 8 апреля. XVI. г. Керчь. Греческая Иоанно-Предтеченская церковь, IX–X вв. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32 (Вопросы реставрации, вып. 4). С. 69–74.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок Кооперативного переулка в г. Керчь // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Militaria. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2008. С. 215–216.

Радочин В.Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 481–500.

Репников Н.И. О датах базилик Юго-Западного Крыма // Очерки по истории христианского Херсонеса / под ред. С.А. Беляева. СПб.: Алетейя, 2009 (Херсонес христианский; Т. 1. Вып. 1). С. 154–192.

Рыдзевский Несколько слов о Керченской церкви Св. Иоанна Предтечи // Инженерный журнал. СПб., 1868. № 3. С. 455–467.

Санжаровец В.Ф. Легенды Митридатовой горы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18. С. 40–48.

Свиньин П.П. Обозрение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. XXV. Кн. LXXI. С. 440–467.

Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым с историческим и топографическим описанием всех тех мест. Ч. I. М.: В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1800. 238 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. 563 с.

[Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям 1774 года // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. VII. Отд. 2. С. 166–198.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

Тунманн И.Э. Крымское ханство / пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской; прим., предисл. и прилож. Н.Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1936. 105 с.

Туровский Н.Ф. Дневник поездки по России в 1841 г. / сообщ. А.А. Голомбиевский // Русская старина. СПб., 1913. Т. 155. № 9. С. 492–528.

Хартахай Ф.А. Христианство в Крыму // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / под ред. К.В. Ханацкого. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 1867. Вып. 1. С. 41–128.

Церковь Св. пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в городе Керчи // Новороссийский календарь на 1857 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1856. Отд. 4. С. 439–443.

[Челеби Э.] Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999. 140 с.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправл. и доп. / пер., вступ. ст. и комм. к. ф. н. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.

Шевелев Е.[П.] Рец. на: Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, катами и видами. Соч. Антона Ашика. Одесса: тип. Неймана, 1848, Часть I. IX, 117 стр. и X таблиц. Часть II, 88 стр. и XII таблиц. Часть III, 96 стр. и L таблиц // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 725–738.

Dortelli d'Askoli E. Descrittione del Mar Negro et della Tartaria, 1634 // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. Отд. III. С. 1–46.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge; Massachusetts, 1981. Vol. V. № 2. P. 135–170.

Murawiew-Apostol I.M. Reise durch Taurien im jahre 1820. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin, 1825. 249 s.

Sierakowski A. Listy z podróży: podróż na Krym, Kaukaz i do Tunisu: w 2 t. Warszawa: Biblioteka Dzieł Wyborowych, 1913. Vol. 1. 166 s.

REFERENCES

Avdeev A.A. Tserkov' Sv. Ioanna Predtechi v Kerchi. *N.P. Kondakov (Ed.). Trudy VI Arkheologicheskogo s»ezda v Odesse, 1884 god.* Odessa: A. Shul'tse Publ., 1887. Vol. III, pp. 382–386.

Antonin (arkhimandrit) Drevnie akty Konstantinopol'skogo patriarkhata, otnosiashchiesia k Novorossiiskomu kraiu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1867. Vol. VI, pp. 445–473.

Artemenko E.D. Amfory iz kupola tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *XI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remesla i promysly: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2010, pp. 8–12.

[Baier G.Z.] *Drevnie Azovskie i Krymskie izvestiia. Kratkoe opisanie vsekh sluchaev, kasaiushchikhsia do Azova ot sozdaniia sego goroda do vozvrashcheniia onogo pod Rossiiskuiu derzhavu.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademia nauk Publ., 1782, 240 p.

Bartol'd V.V. Kerch'. Bartol'd V.V. *Raboty po istoricheskoi geografii*. Moskva: «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 2002, pp. 458–459.

Belik Iu.L. *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.).* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015. 120 p. (Kerchenskaia starina. Vol. II).

Belik Iu.L. *Osmanskie oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.).* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani Press, 2016. 236 p.

Bert'e-Delagard A.L. Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii.* Sankt-Peterburg, 1893. № 12. 64 p.

Bert'e-Delagard A.L. Issledovanie nekotorykh nedoumennykh voprosov srednevekov'ia v Tavride. Bert'e-Delagard A. L. *Izbrannye trudy. Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu.* II. Simferopol': DOLIa Publ., 2011, pp. 7–138.

Bogoslovskii M.M. *Petr I. Materialy dlia biografii.* Moskva: OGIZ. Gospolitizdat Publ., 1948. Vol. 4: 1699–1701 gg. 514 p.

Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI–XVIII vekov. *Arkheologicheskie zapiski.* Rostov-na-Donu, 2005. Vol. 4, pp. 145–151.

Bocharov S.G. Krepostnye sooruzheniia goroda Bospora – Vosporo v XIV–XV vv. Rekonstruktsiia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noiabria 2013 g.)*. Sankt-Peterburg, 2013, pp. 342–348.

Bocharov S.G. Fortifikatsionnye sooruzheniia genuezskogo Vosporo. *Prichernomor'e v srednie veka.* Sankt-Peterburg, 2015. Vol. 9, pp. 127–148.

Brikner A.[G.] *Istoriia Ekateriny vtoroi s 300 graviurami i ukrasheniiami na dereve, ispolnennymi luchshimi inostrannymi i russkimi graverami*. Vol. 3: Vneshniaia politika. Sankt-Peterburg: A. S. Suvorin Publ., 1885. 516 p.

Brun F.K. O raznykh nazvaniiakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta*. Odessa, 1877. Vol. XXIII, pp. 231–253.

Brun F.K. O raznykh nazvaniiakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh // Chernomor'e: *Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (1852–1877 g.)*. Odessa: G. Ul'rikh Publ., 1880. Vol. II, pp. 299–324.

Bulgakov V.V. Vizantiiskie konicheski-vytianutye amfory X veka. *Sugdeiskii sbornik.* Kiev-Sudak, 2004. Vol. I, pp. 5–12.

Vasil'evskii V.G. Zhitie Ioanna Gotskogo. Vasil'evskii V.G. *Trudy*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademia nauk Publ., 1912. Vol. 2, pp. 351–427.

Veimarn E.V. Predvaritel'nyi otchet o rabotakh Vostochnogo otriada Gorno-Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR v 1957 g. Etap I. Issledovaniia tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. Bakhchisarai, 1957. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo Biudzhetnogo Uchrezhdeniia Respubliki Krym «Vostochno-Krymskii istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik»*. Op. № 7. Ed. khr. № 45, pp. 1–14.

[Vigel' F.F.] Zapiska o Kerchi. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Moskva, 1864. Vol. 1. Ianvar'-Mart, pp. 11–99.

Voronov A.A., Mikhailova M.B. *Bospor Kimmeriiskii.* Moskva: Iskusstvo, 1983. 184 p.

Gavriil [Rozanov] Ostatki khristianskikh drevnostei v Krymu: Uezd Feodosiiskii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1844. Vol. I, pp. 320–328.

Gavriil [Rozanov] Khronologiko-istoricheskoe opisanie tserkvei eparkhii Khersonskoi i Tavricheskoi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 140–210.

Gerakov G.V. *Putevye zapiski po mnogim Rossiiskim guberniiam 1820.* Petrograd: Imperatorskii Vospitatel'nyi dom, 1828. 172 p.

[Germogen] *Spravochnaia knizhka o prikhodakh i khramakh Tavricheskoi eparkhii Germogena, Episkopa Tavricheskogo, (nyne Pskovskogo).* Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia tipografiia Publ., 1886. 271 p.

Grozdov A.[V.] Arkhivnye dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Khersonesskogo monastyria. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1888. № 5, pp. 81–105.

Gromenko S.V. *Stepy, morze i góry: Pol'skie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala XX veka o Kryme.* Simferopol': Antikva, 2011. 304 p. (Bibliografiia krymovedeniia. Vol. 14).

Guzanov F.V. K istorii otkrytiia drevnerusskikh stenopisei v 1930-e gody. *Problemy sokhraneniia i restavratsii monumental'noi zhivopisi: Chteniia pamiati L. A. Lelekova – 2006: Materialy konferentsii*

GosNIIR, 26 aprelia 2006 g. Moskva, 2006. [Elektronnoe izdanie]. URL: http://www.art-con.ru/node/1316 (data obrashcheniia 26. 11. 2015).

Dombrovskii O.I. *Freski srednevekovogo Kryma.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1966. 112 p.

[Dortelli d'Askoli E.] Opisanie Chernogo moria i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1902. Vol. XXIV, pp. 89–180.

Diubriuks P. Opisanie razvalin i sledov drevnikh gorodov i ukreplenii nekogda sushchestvovavshikh na evropeiskom beregu Bosfora Kimmeriiskogo ot vkhoda v proliv bliz Enikal'skogo maiaka do gory Opuk vkliuchitel'no pri Chernom more / per. s frants. A. Diubriuksa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1858. Vol. IV, pp. 3–84.

Diubriuks P. *Sobranie sochinenii* / sost. i otv. red.: d.i.n. I.V. Tunkina; podgot. tekstov I.V. Tunkinoi i N.L. Sukhacheva; per. s fr. iaz. N.L. Sukhacheva. Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010. Vol. 1: Teksty. 726 p.; Vol. 2: Illiustratsii. 310 p.

Efimov A.V. Khristianskoe naselenie Kryma v 1630-e gody po osmanskim istochnikam. *Vestnik RGGU. Seriia Istoricheskie nauki. Regional'naia istoriia. Kraevedenie».* Moskva, 2013. № 9 (110), pp. 134–143.

Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatelia i statisticheskikh svedenii i s risunkami.* Kerch': Skoropechatnaia tipo-litografiia Kh.N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894. 162 p.

Kirilin D.S. Suchasnitsia Kiïvs'koï Rusi. *Pam'iatniki Ukraïni.* Kiïv, 1981. № 1 (47). p. 55.

Kolli L.P. Iz srednevekovoi geografii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Simferopol', 1910. № 44, pp. 24–29.

Komech A.I. Tserkov' Useknoveniia glavy Ioanna Predtechi v Kerchi. *Zograf*. Beograd, 1992. № 22. pp. 28-40.

Komech A.I. Tserkov' Useknoveniia glavy Ioanna Predtechi v Kerchi. *Mir iskusstv: al'manakh*. Moskva: RIK «Kul'tura» Publ., 1995. № 2, pp. 359–377.

Komech A.I. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi. *Problemy izucheniia drevnerusskogo zodchestva (Po materialam arkhitekturno-arkheologicheskikh chtenii, posviashchennykh pamiati P. A. Rappoporta, 15–19 ianvaria 1990 g.)*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996, pp. 128–129.

Kondakov N.P. Mramornyi rel'ef iz Pantikapei. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1877. T. X, pp. 16–25.

Kramarovskii M.G. Ibn-Battuta o tiurkskom islame. *Zolotoordynskoe obozrenie*. Kazan', 2014. № 1 (3), pp. 64–74.

[Kreis K.I.] Ekstrakt iz zhurnala, derzhannogo ot gospodina vitse-admirala Kreisa na puti iz Moskvy na Voronezh, s Voronezha na Azov, na Taganrog i k Kerchi, a ottudy paki nazad k Azovu, 1699 goda. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. Sankt-Peterburg: Morskaia tipografiia Publ., 1850. Vol. VIII, pp. 367–394.

Kulakovskii Iu.A. Bospor. *S.N. Iuzhakov, P.N. Miliukov (Ed.). Bol'shaia Entsiklopediia. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otrasliam znaniia.* Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie» Publ., 1901. Vol. 3: Belling – Bugul'nik, pp. 567–572.

Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy. Kratkii istoricheskii ocherk.* Kiev: Tovarishchestvo I. N. Kushnerev i K° Publ., 1906. 141 p.

Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *N.N. Glubokovskii (Ed.). Pravoslavnaia bogoslovskaia entsiklopediia.* Sankt-Peterburg: Sibirskoe aktsionerne obshchestvo pechatnogo i pischebumazhnogo dela v Rossii Publ., 1908. Vol. IX: Karmelity – Κοινή, pp. 535–544.

Kulakovskii Iu.A. *Proshloe Tavridy. Kratkii istoricheskii ocherk.* 2-e izd. Kiev: S. V. Kul'zhenko Publ., 1914. 158 p.

Kutorga S.[S.] Otryvki iz puteshestviia v Krym 1833 goda. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia.* Sankt-Peterburg., 1834. Vol. 1. № 1. Ianvar', pp. 81–90.

Kyzlasova I.L. O Pavle Ivanoviche Iukine (1883–1945). *Sofiis'ki chitannia. Materiali IV Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferentsiï Pam'iatki Natsional'nogo zapovidnika «Sofiia Kiïvs'ka»*:

kul'turnii dialog pokolin' (Kiïv, 25–26 zhovtnia 2007 r.). Kiïv: ChP Gorobets' Publ., 2009. Vol. 4, pp. 243–272.

Lazenkova L.M. Istoriia i kul'tura Kerchi: khram Ioanna Predtechi. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol', 2005. № 9, pp. 119–126.

Latyshev V.V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskikh vremen iz Iuzhnoi Rossii.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademia nauk Publ., 1896. 143 p.

Latyshev V.V. Zametki k khristianskim nadpisiam iz Kryma: Po soobshcheniiam A. L. Bert'e-Delagarda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1897. T. XX, pp. 149–162.

Lebedintsev A.A. Stoletie tserkovnoi zhizni Kryma. 1783–1883 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1883. Vol. XIII, pp. 201–219.

Lopushinskaia E.I. Drevnii pamiatnik Kerchi. *Stroitel'stvo i arkhitektura.* Moskva, 1970. Vol. 10, pp. 36–37.

Lositskii Iu.G., Parshina E.A. Eski-Kermenskaia bazilika. *V.Iu. Iurochkin (Ed.). Pravoslavnye drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii.* Kiev: Stilos Publ., 2002, pp. 99–113.

Lositskii Iu.G. Khramy srednevekovogo Kryma IV–XIV vv. (soobrazheniia po rekonstruktsii i restavratsii). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika. Sbornik statei, posviashchennyi iubileiu Eleny Aleksandrovny Parshinoi. Arkheologicheskii al'manakh.* Kiïv, 2015. № 33, pp. 179–199.

Losits'kii Iu.G. Do pitannia tipologichnoï evoliutsiï monumental'noï arkhitekturi seredn'ovichnogo Krimu. *Arkheologiia*. 1990. № 2, pp. 33–47.

Losits'kii Iu.G. Golovni etapi rozvitku arkhitekturi Krimu V–XV stolit'. *V.D. Sidorenko (Ed.). Suchasni problemi doslidzhennia, restavratsiï ta zberezhennia kul'turnoï spadshchini: Zbirnik naukovikh prats' z mistetstvoznavstva, arkhitekturoznavstva i kul'turologiï.* Kiïv: Vidavnichii dim A+S Publ., 2006. Vol. 3. Ch. 2, pp. 77–94.

Losits'kii Iu.G. Mistobuduvannia ta arkhitektura (IV – persha polovina XIII st.) / Mistetstvo Tavriï ta Pivnichnogo Prichornomor'ia. *L. Ganzenko, R. Zabashta, T. Tregubov, Iu. Koreniuk (Ed.). Istoriia Ukraïns'kogo mistetstva.* Kiïv: Institut mistetstvoznavstva, fol'kloristiki ta etnologiï im. M.T. Ril's'kogo NAN Ukraïni Press, 2010. Vol. 2: Mistetstvo serednikh vikiv, pp. 16–43.

Liutsenko E.[E.] O drevnei visloi, svintsovoi pechati, s podpis'iu «ot Ratibora», naidennoi v 1872 g. okolo g. Enikale, chto v Kerchenskom gradonachal'stve. *V.I. Modestov (Ed.). Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s»ezda v Rossii, byvshego v Kieve, v avguste 1874 goda*. Kiev: Imperatorskii universitet Sv. Vladimira Publ., 1878. Vol. II: Prilozheniia, pp. 165–169.

Maiko V.V. Raskopki khrama Ioanna Predtechi v Kerchi 1956–1957 gg. *V.V. Maiko, T.Iu. Iashaeva (Ed.). Arkheologiia srednevekovogo khrama. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha.* Sevastopol', 2017, pp. 41–43.

Makarevskii (Feodosii) *Materialy dlia istoriko-statisticheskogo opisaniia Ekaterinoslavskoi eparkhii: Tserkvi i prikhody proshedshego XVIII stoletiia.* Ekaterinoslav: Ia. M. Chausskii Publ., 1880. Vol. 2. 372 p.

Makarova T.I. Otchet o raskopkakh v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy.* № 1971a/102. F. e. 7481, pp. 1–22.

Makarova T.I. Novye dannye o datirovke tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Tezisy dokladov, posviashchennykh itogam polevykh arkheologicheskikh issledovanii v 1970 godu (arkheologicheskie sektsii).* Tbilisi, 1971b, pp. 264–265.

Makarova T.I. Raskopki okolo tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *B.A. Rybakov (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda.* Moskva: Nauka, 1972, pp. 375–377.

Makarova T.I. Arkheologicheskie dannye dlia datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Sovetskaia arkheologiia.*1982. № 4, pp. 91–106.

Makarova T.I. Bospor-Korchev po arkheologicheskim dannym. *P.P. Tolochko (Ed.). Vizantiiskaia Tavrika: Sbornik nauchnykh trudov (k XVIII kongressu vizantinistov)*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1991, pp. 121–147.

Makarova T.I. Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 1998. Vol. VI, pp. 344–393.

Makarova T.I. Bospor-Korchev. *T.I. Makarova, S.A. Pletneva (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e*

i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka. Moskva: Nauka Publ., 2003 (Arkheologiia), pp. 68–73.

Makidonov A.V. *Dneprovskaia liniia (1770–1797).* Zaporozh'e: Aktsent Invest-treid Publ., 2014. 556 p.

Maksimovich L.M. *Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva ili Leksikon.* Vol. I: A – Zh. Mokva: Universitetskaia u N. Novikova Publ., 1788. 292 p.

Malyshev A.B. Pravoslavie v etnokonfessional'nykh otnosheniiakh Zolotoi Ordy, Vizantii i gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia. *O.A. Prokhvatilova (Ed.). Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i mezhkonfessional'nye otnosheniia v Nizhnem Povolzh'e.* Volgograd: VolGU Press, 2003, pp. 5–30.

Markevich A.[I.] Neskol'ko slov o deiatel'nosti v Tavride Innokentiia Arkhiepiskopa Khersonskogo i Tavricheskogo (Rech', proiznesennaia v zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii 15-go dekabria 1900 goda). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1901. № 31, pp. 30–57.

Matveeva L.V. *Iulian Kulakovskii.* Kiev: Stilos Publ., 2002. 484 p.

Memuary Pavla Iukina. 40 let moei raboty. *Sofiia Kiïvs'ka: Vizantiia, Rus', Ukraïna*. Kiïv, 2013. Vol. III, pp. 345–370.

Mekhanikov S.V. «Zapiska o Kerchi» Filippa Filippovicha Vigelia. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2006. Vol. I, pp. 469–476.

Mikhailova M.B. Osnovnye etapy formirovaniia Kerchi v XVIII–XIX vv. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Moskva, 1976. Vol. 25: Problemy gradostroitel'stva IV–XIX vv., pp. 50–56.

Murav'ev-Apostol I.M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu.* Sankt-Peterburg: Osobennaia kantseliaria Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1823. 337 p.

Murzakevich N.N. Poezdka v Krym v 1836 g. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia.* Sankt-Peterburg, 1837a. Vol. 13. № 3, pp. 625–691.

Murzakevich N.N. *Istoriia genuezskikh poselenii v Krymu.* Odessa: Gorodskaia tipografiia Publ., 1837b. 91 p.

Murzakevich N.N. *Katalog kartam, planam, vertezham, vidam, khraniashchimsia v muzee Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa: Franko-Russkaia tipografiia L. Danikana Publ., 1881. 56 p.

Nasledova R.A. XI Vsesoiuznaia sessiia po problemam vizantinovedeniia i srednevekovoi istorii Kryma. *Vizantiiskii vremennik.* 1986. Vol. 46, pp. 3–19.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Khristianskie pamiatniki i topografiia Bospora X–XII vv. *T.Iu. Iashaeva (Ed.). Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sviatogo Klimenta» (Sevastopol', 2011 g.).* Sevastopol': Teleskop Publ., 2013, pp. 244–263.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K diskussii o vremeni stroitel'stva tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi: istoriograficheskii ekskurs. *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2016, pp. 325–331.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. E. I. Lopushinskaia i ee «Istoricheskaia spravka» o kerchenskoi tserkvi Ioanna Predtechi (1968 g.). *Problemi istoriï ta arkheologiï Ukraïni: Materiali XI Vseukraïns'koï naukovoï konferentsiï, do 60-richchia vid pochatku doslidzhennia Bil'skogo gorodishcha Kharkivs'kim universitetom (Kharkiv, 14–15 grudnia 2018 r.)*. Kharkiv, 2018, pp. 40–41.

Nemykina E.A. Regional'naia spetsifika i problema vliianii v srednevekovoi bolgarskoi arkhitekture na primere pamiatnikov goroda Nesebra. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva.* Sankt-Peterburg, 2012. Vol. 2. pp. 132-136.

Nikitenko M.M. Amfory-golosniki iz tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *B.A. Rybakov (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1969 goda*. Moskva: Nauka Publ., 1970, pp. 276–278.

Nikitina A.B. *Arkhitekturnoe nasledie N. A. L'vova.* Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 529 p.

Pavlovskii I.[Ia.] *Geografiia Rossiiskoi imperii.* Derpt: Shiunmann Publ., 1843. Vol. 2. 237 p.

Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* / per. s nem. S.L. Beliaevoi i A.L. Bert'e-Delagarda. Moskva: Nauka, 1999 (Nauchnoe nasledstvo; Vol. 27). 246 p.

Ponomarev L.Iu. Khristianskie khramy Kerchenskogo poluostrova VIII–X vv. i XIV–XVIII vv.: arkheologicheskie realii. *Arkheologiia srednevekovogo khrama. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha.* Sevastopol', 2017, pp. 59–61.

Ponomarev L.Iu. Khristianskie khramy Kerchenskogo poluostrova VIII–X vv. i XIV–XVIII vv.: arkheologicheskie realii. *V.V. Maiko. T.Iu. Iashaeva (Ed.). Arkheologiia antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statei v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova.* Sevastopol'-Kaliningrad: ROST-DOAFK Publ., 2018, pp. 170–183.

Ponomarev L.Iu., Beilin D.V., Beilina S.A. Kerchenskaia tserkov' Ioanna Predtechi (istoriograficheskii obzor). *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014. Vol. IV, pp. 272–306.

Ponomarev L.Iu., Beilin D.V. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – XX vv.). *Istoriia i arkheologiia Kryma.* Simferopol', 2016. Vol. III: Sbornik statei, posviashchennyi 60-letiiu so dnia rozhdeniia Vadima Aleksandrovicha Kutaisova, pp. 300–343.

Ponomar'ova L. Perlina vizantiis'kogo zodchestva v Kerchi. *Pam'iatki Ukraïni.* Kiïv, 1997. № 1, pp. 86–90.

Popov G.V. Vizantiiskie freski vtoroi poloviny XIV v. v Kerchi (Krym). *Bulgaria Pontica Medii Aevi II, Nessebre: 26–30 mai 1982.* Sofia, 1988, pp. 547–569.

Popov G.V. Dva fragmenta rospisi tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *A.I. Komech, O.E. Etingof (Ed.). Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'.* Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 117–126.

I. I. Liman (Ed.). Pravoslavna tserkva na pivdni Ukraïni (1775–1781). Zaporizhzhia: RA «Tandem – U» Publ., 2004. 560 p. (Dzherela z istoriï Pivdennoï Ukraïni. Vol. 4.).

Protokoly restavratsionnykh zasedanii Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1-iu polovinu 1909 g. Zasedanie 8 aprelia. XVI. g. Kerch'. Grecheskaia Ioanno-Predtechenskaia tserkov', IX–X vv. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* Sankt-Peterburg, 1909. Vol. 32 (Voprosy restavratsii, vol. 4), pp. 69–74.

Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok Kooperativnogo pereulka v g. Kerch'. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Militaria. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2008, pp. 215–216.

Radochin V.Iu. Paleoantropologicheskii material iz mogil'nika pozdnesrednevekovogo Bospora. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2009. Vol. XV, pp. 481–500.

Repnikov N.I. O datakh bazilik Iugo-Zapadnogo Kryma. *S.A. Beliaev (Ed.). Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa.* Sankt-Peterburg: Aleteiia Publ., 2009 (Khersones khristianskii; Vol. 1. Vyp. 1), pp. 154–192.

Rydzevskii Neskol'ko slov o Kerchenskoi tserkvi Sv. Ioanna Predtechi. *Inzhenernyi zhurnal.* Sankt-Peterburg, 1868. № 3, pp. 455–467.

Sanzharovets V.F. Legendy Mitridatovoi gory. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol', 2007. № 18, pp. 40–48.

Svin'in P.P. Obozrenie puteshestviia izdatelia Otechestvennykh zapisok po Rossii, v 1825 godu, otnositel'no arkheologii. *Otechestvennye zapiski.* Sankt-Peterburg, 1826. Vol. XXV. Kn. LXXI, pp. 440–467.

Sumarokov P.I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest*. Vol. I. Moskwa: Universitetskaia tipografia, u Ridigera i Klaudiia Publ., 1800. 238 p.

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademia nauk Publ., 1884. Vol. I: Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh. 563 p.

[Tomilov R.N.] Topograficheskoe opisanie dostavshimsia po mirnomu traktatu ot Ottomanskoi Porty vo vladenie Rossiiskoi imperii zemliam, 1774 goda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, 1868. Vol. VII, pp. 166–198.

Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.).* Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2002. 676 p.

Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei. 1771–1871 gg.* Kiev: Bolero Publ., 2011. 240 p.

Tunmann I.E. *Krymskoe khanstvo* / per. s nem. izd. 1784 g. N.L. Ernsta i S.L. Beliavskoi; prim., predisl. i prilozh. N.L. Ernsta. Simferopol': Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krymskoi ASSR Press, 1936. 105 p.

Turovskii N.F. Dnevnik poezdki po Rossii v 1841 g. *Russkaia starina.* Sankt-Peterburg, 1913. Vol. 155. № 9, pp. 492–528.

Khartakhai F.A. Khristianstvo v Krymu. *K.V. Khanatskii (Ed.). Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii izdannaia Tavricheskim gubernskim statisticheskim komitetom.* Simferopol': Tavricheskoe gubernskoe pravlenie Publ., 1867. Vol. 1, pp. 41–128.

Tserkov' Sv. proroka Predtechi i Krestitelia Gospodnia Ioanna v gorode Kerchi. *Novorossiiskii kalendar' na 1857 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia*. Odessa: Gorodskaia tipografiia Publ., 1856, pp. 439–443.

[Chelebi E.] *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666–1667 gg.)*. Simferopol': DAR Publ., 1999. 140 p.

Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. Simferopol': Dolia Publ., 2008. 272 p.

Shevelev E.[P.] Rets. na: Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, katami i vidami. Soch. Antona Ashika. Odessa: tip. Neimana, 1848, Chast' I. IX, 117 str. i Kh tablits. Chast' II, 88 str. i XII tablits. Chast' III, 96 str. i L tablits. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 725–738.

Dortelli d'Askoli E. Descrittione del Mar Negro et della Tartaria, 1634. *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa.* Kiev, 1891. Vol. 5, pp. 1–46.

Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century. *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge; Massachusetts, 1981. Vol. V. № 2, pp. 135–170.

Murawiew-Apostol I.M. *Reise durch Taurien im jahre 1820*. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin, 1825. 249 s.

Sierakowski A. *Listy z podróży: podróż na Krym, Kaukaz i do Tunisu.* Warszawa: Biblioteka Dzieł Wyborowych, 1913. Vol. 1. 166 s.

Резюме

В статье проанализированы основные дискуссионные вопросы истории церкви Иоанна Предтечи в Керчи в генуэзский и османский периоды. Письменные источники, материалы реставрационных работ и археологических раскопок позволяют прийти к следующим выводам.

Церковь Иоанна Предтечи была сооружена в первой или второй половине X в. и на протяжении своей многовековой истории функционировала как христианский храм. Нет никаких оснований утверждать, что в османский и генуэзский периоды она была превращена в мечеть.

На протяжении нескольких столетий церковь как минимум дважды подвергалась масштабным перестройкам. Однако изменения, внесенные в ее экстерьер и интерьер, не затронули планировки и композиции храма.

Первый раз церковь подверглась реставрации в XIV в. Тогда же на ее стены были нанесены фрески. В это же время прекращает функционировать церковное кладбище. Отдельные захоронения стали совершаться только внутри церкви. В очередной раз церковь была перестроена в османский период.

Свое современное название церковь получила не ранее третьей четверти XVIII в. после того, как Керчь вошла в состав Российской империи. До этого, по крайней мере в 30-е годы XVII в., она именовалась церковью Св. Георгия.

Ключевые слова: Керчь, церковь Иоанна Предтечи, генуэзский период, османский период, Ибн-Баттута, фрески.

Summary

The article analyzes the main discussion questions of the history of the Church of St. John the Baptist in Kerch in the Genoese and Ottoman periods. Written sources, materials of restoration works and archaeological excavations allow to come to the following conclusions. The Church of St. John the Baptist was built in the first or second half of the tenth century and throughout its centuries-old history it functioned as a Christian church. There is no reason to say that in the Ottoman and Genoese periods it was turned into a mosque.

Over the course of several centuries, the church has undergone large-scale restructuring at least twice. However, the changes made to its exterior and interior did not affect the layout and composition of the temple.

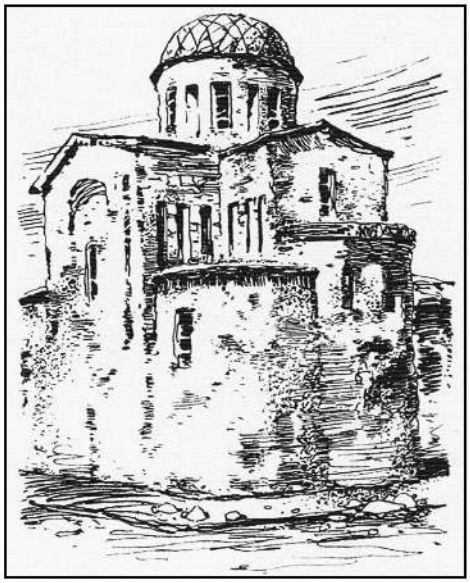
For the first time the church underwent restoration in the XIV century. At the same time, frescoes were painted on its walls. At the same time, the church cemetery ceases to function. Separate burials were made only inside the church. Once again, the church was rebuilt in the Ottoman period.

The church received its modern name no earlier than the third quarter of the XVIIIth century after Kerch became part of the Russian Empire. Prior to that, at least in the 17th century, it was called the Church of St. George.

Keywords: Kerch, Church of St. John the Baptist, Genoese period, Ottoman period, Ibn Battuta, frescoes.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Пономарев Леонид Юрьевич,
Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра»,
г. Керчь, Республика Крым, Российская Федерация,
научный сотрудник
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Ponomarev Leonid Yurievich,
Archaeological Center of the Demetra Charitable Foundation,
Kerch, Russian Federation
Research Associate
l_ponomarev@mail.ru.



1

2

Рис. 1.

1 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с юго-востока. Рис. по: [Домбровский, 1966, рис. 35];
2 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с юго-востока, 1971 г. Фото по: [Макарова, 1971а, рис. 2].

1

2

Рис. 2.

1 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с севера. Рис. И. А. Иванова, 1803 г.;
2 – церковь Иоанна Предтечи. Южный фасад, 1909 г. Фото по: [Протоколы.., 1909, рис. 39].

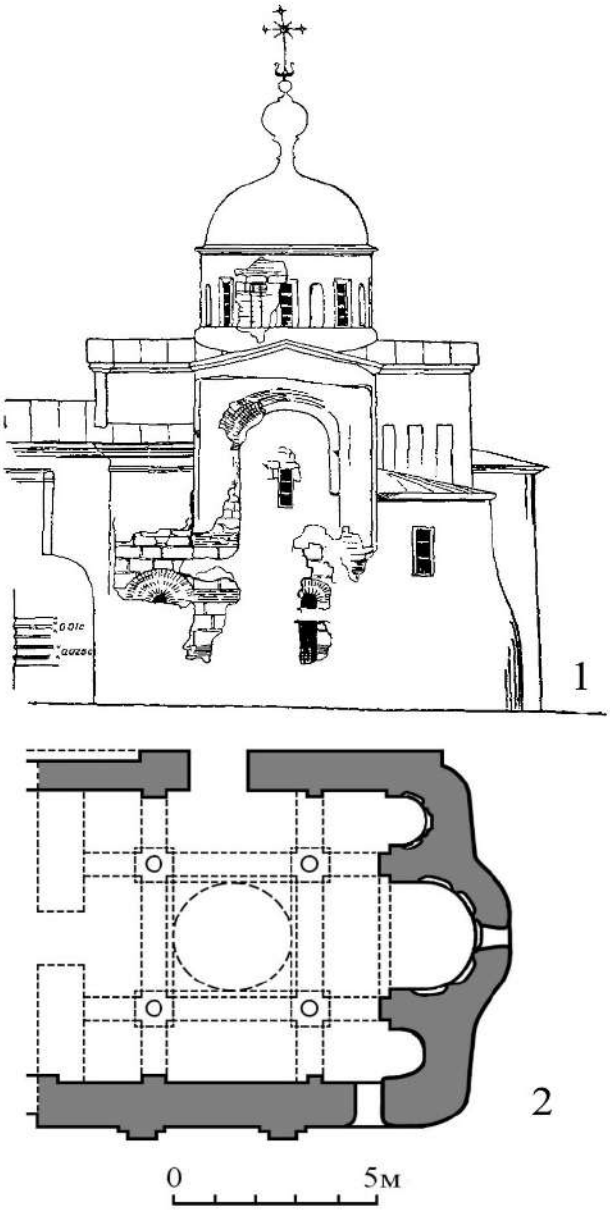
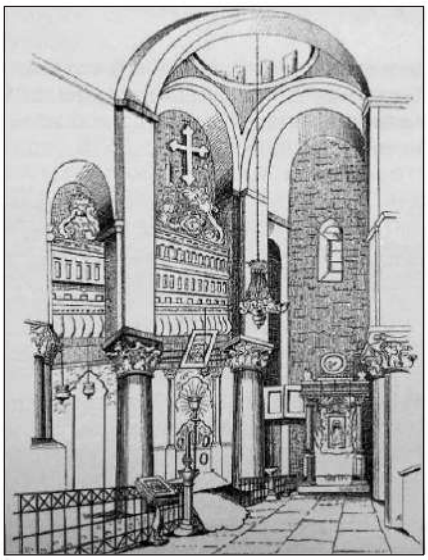


Рис. 3.

1 – церковь Иоанна Предтечи. Южный фасад. Рис. по: [Протоколы.., 1909, рис. 40];
2 – церковь Иоанна Предтечи. План восточной части по Н. П. Кондакову.

1



2

Рис. 4.

1 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с юго-востока. Фото 1966 г.;
2 – церковь Иоанна Предтечи. Интерьер подкупольной части.
Рис. И. А. Клингера, 1854 г. [ЗООИД, 1883, Т. XIII, табл. IV; Мурзакевич, 1881, с. 33, № 75, 5].

1

2

Рис. 5.

1 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с юга, 1973 г.;

2 – церковь Иоанна Предтечи. Центральная апсида до реставрации. Вид с ССВ. Фото В. В. Сокирко, 1973 г.

1

2

Рис. 6. Церковь Иоанна Предтечи.

1 – юго-западная колонна; *2* – северо-восточная колонна.

1

2

Рис. 7. Церковь Иоанна Предтечи.

1 – изображение неизвестного святого на северной грани юго-восточного столба. Рис. по: [Домбровский, 1966, рис. 3];
2 – изображение неизвестного святого на южной грани северо-восточного столба. Рис. по: [Домбровский, 1966, рис. 35].

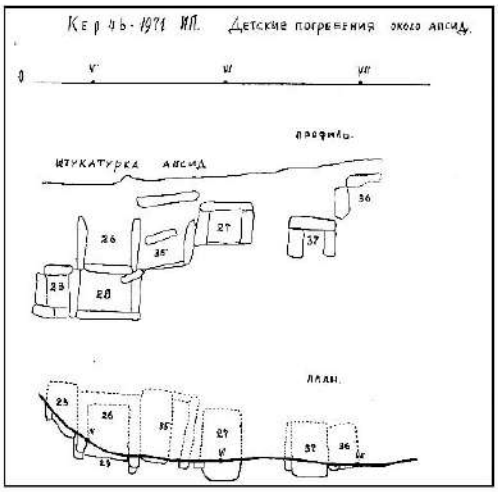
1

2

Рис. 8. Церковь Иоанна Предтечи.

1 – участок церковного могильника у южной и центральной апсиды. Раскопки 1971 г. Вид с востока. Фото по: [Макарова, 1971а, рис. 22]; *2* – участок церковного могильника у южной и центральной апсиды. Раскопки 1971 г. Вид с северо-востока. Фото по: [Макарова, 1971а, рис. 13].

1



2

Рис. 9. Церковь Иоанна Предтечи.

1 – облицовка центральной апсиды XIV в. и участок церковного могильника. Раскопки 1971 г. Вид с востока. Фото по: [Макарова, 1971а, рис. 32]; *2* – детские могилы в облицовке центральной апсиды. Разрез и план. Раскопки 1971 г. Рис. по: [Макарова, 1971а, рис. 11].

П У Б Л И К А Ц И И

Н.В. МОЛЕВА
N.V. MOLEVA

ТЕРРАКОТЫ ДИОНИСИЙСКОГО КРУГА ИЗ ФОНДОВ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ (коллекция графов Уваровых)
TERRACOTS OF THE DIONISIAN CIRCLE FROM THE FUNDS OF THE MUROM HISTORICAL-ART MUSEUM (collection of earls of Uvarovs)

Коллекция античных терракот графов Уваровых, хранящаяся в фондах Муромского историко-художественного музея, насчитывает 31 памятник. В актах поступления этой коллекции, со слов графини П.С. Уваровой, написано, что они найдены «при раскопках в Смирне» – известном эллинистическом центре Малой Азии [Тюрина, 2014, с. 114]. Однако анализ этих терракот (цвет глины, ее консистенция, иконография образов) позволяет утверждать, что, кроме статуэток из Смирны, там есть и фигурки из других античных центров Малой Азии (Мирины, Милета), Афин и, может быть, Тарента.

Целью нашей работы является выделение из упомянутой коллекции терракот, связанных с почитанием Диониса, датировка и атрибутирование их. Всего в коллекции содержится 11 статуэток, всесторонне иллюстрирующих культ Диониса и его фиаса. Прослеживаются также изменения в иконографии этого бога, происходившие в течение почти 500 лет (с V в. до н.э. по I в. н.э.).

Дионис – один из самых популярных греческих богов, непременный участник Элевсинских мистерий, многофункционален. Это бог плодородия земли, садов и виноградников; вместе с тем он и его свита являются патронами виноделия. Все эти ипостаси олицетворяют производительные силы природы. Дионис и его спутники (Сатиры, Силены, Менады, Пан) были и родоначальниками античного театра. Трагедии и комедии появились из оргаистических дионисийских обрядов, в которых принимало участие все население города или сельского поселения. Один из участников дионисийского фиаса – Пан, покровительствовал пастухам. Кроме всего прочего, жизнь и путешествия Диониса по разным частям света привели в круг его символов пантеру, слона, быка, осла и козла. Самыми узнаваемыми эмблемами, олицетворявшими самого бога, были виноград, плющ, канфар, фаллос [Молева, 2017, с. 25]. Имел Дионис и ярко выраженное хтоническое значение, выступая покровителем умерших в подземном мире и принося им хоть малую толику веселья через вино, возливаемое на могилах родственниками. Неудивительно, что целые статуэтки этого бога и его свиты находят именно в могилах. В таком качестве он имел прозвище Хтоний (подземный).

Происхождение этого культа весьма спорно. Считается, что он пришел в Грецию из Малой Азии (Фригии или Лидии). Некоторые исследователи выводят его из

Фракии. Однако имя Диониса (Di-vo-nu-so) было прочитано на табличке из Пилоса конца II тысячелетия до н.э. [Зайцев 2004, с. 189]. Вероятно, обе эти версии имеют право на существование, поскольку культы умирающего и воскресающего бога плодородия растительности имели место и в малоазийских центрах, и в городах крито-микенской культуры. В олимпийский Пантеон Дионис вошел, вероятно, с гомеровского времени (IX–VIII вв. до н.э.), поскольку именно в «Илиаде» и «Одиссее» встречаются первые упоминания о нем, как «несущем радость смертным» и его даре в виде амфоры с вином (Il., XIV, 325; Odys.,XXIV, 74). Поэтические источники, начиная с Эврипида, описывают исступленные культовые церемонии в честь Диониса, сопровождавшиеся винопитием, криками, танцами и всеобщим экстазом (Эврипид. Вакханки. 690–710; 740–760). Именно эти особенности отправления культа Диониса обеспечили ему популярность и устойчивость в среде как городского, так и сельского населения на протяжении всего периода античности. Фиас этого бога – Сатиры, Силены, Пан и Менады – являлись низшими божествами плодородия с древнейших времен и почитались людьми едва ли не в большей степени, чем сам Дионис.

Изображения Диониса известны в искусстве Древней Греции с VI в. до н.э. В росписи на чернофигурных и ранних краснофигурных вазах конца VI в. до н.э. он предстает в виде зрелого мужчины с длинной заостренной бородой и венке из листьев винограда или плюща. Одет он в длинный хитон, иногда с богатым восточным орнаментом [Горбунова, 1983, № 6087; Колпинский, 1970, с. 154–155; Кун, 2009, с. 90]. С V в. до н.э. образ Диониса появляется в коропластике и оказывает влияние на все его последующие изображения. Это благообразный, зрелый мужчина с волнистыми волосами, разделенными прямым пробором и зачесанными назад, с кудрявой окладистой бородой, прикрывающей шею, подковообразными усами и правильными чертами лица. На голове его диадема с покрывалом, спускающимся на плечи [Бритова, 1969, с. 52. Фото 50]. При всей схожести этого образа в разных частях Греции в V–IV вв. до н.э. он имеет существенные локальные различия, сказавшиеся, прежде всего, на характере головного убора. В Элладе (материковая Греция) – это венок, тения (лента) или скромная диадема в виде обруча; в Восточной Греции (малоазийское побережье) – это пышные диадемы, украшенные розетками и пальметтами, в сочетании с венками и тениями – все, что присуще восточной роскоши. Именно такие воплощения Диониса имеются в коллекции из Муромского музея. Таких изображений шесть. Все они представляют собой головы, фрагменты объемных статуэток или терракотовые маски-протомы.

Одна из них, вероятно, самая ранняя (Табл. 1,*1*), представляет собой голову Диониса с прической из волнистых волос, зачесанных назад, с бородой, довольно длинной и заостренной книзу, спускающейся спиралевидными локонами на шею, и подковообразными усами. Черты лица классически правильны, выражение меланхолично. Внешние углы глаз опущены к вискам. Головной убор состоит из венка и диадемы с высоким выступом верхней части (частично отбит). Сзади – покрывало. Судя по аналогичным изображениям, на центральном выступе размещалась пальметта

или розетка. Терракота отличается высокохудожественным исполнением: после оттиска в форме она тщательно доработана стекой. Подобные изображения Диониса известны в Таренте [Higgins, 1967, Pl. 1309, 13?17,54; Winter T. III. P. 20–202/ № 2–5; Античная коропластика. 1976. № 277]. Иконография Диониса свидетельствует о разных традициях изображения (форма бороды, усов, покрывало на головном уборе). Датировать эту терракоту можно концом V – началом IV вв. до н.э. Похожая иконография Диониса имеется и на его терракотовой маске из Китея, выполненной из импортной глины [Молева, 2003, с. 36; Молев, Молева, 2016, с. 183. № 40; Молева, 2017. С. 30. Рис. 1]. Судя по плотной оранжевой глине и особенностям головного убора, терракота выполнена в одном из греческих центров Малой Азии (ил. 1).

Ил. 1. Маска Диониса из Китея.

Следующая терракота представляет собой вотивную маску Диониса (табл. 1,*2*) высотой около10 см, с прической из волнистых волос, разделенных прямым пробором и убранных назад. Борода из вертикальных прядей имеет округлую форму; усы – подковообразные. Черты строгого лица классически правильные. На голове бога высокая диадема с тремя пышными, большими, завихряющимися розетками (центральная отбита). Сзади диадема прикрыта покрывалом, спускающимся до шеи. Лицо ото лба до губ покрыто красной краской. На поверхности – отчетливые следы белой грунтовки. Работа коропласта тщательная, с применением стеки. Розетки вылеплены отдельно. Иконография и фасон бороды указывают на IV в. до н.э. Однако в этом образе сохраняются еще архаические черты, присущие изображениям Диониса: форма усов, покрывало, красная краска на лице. Обычай обмазывать лицо Диониса красной краской прослеживается в коропластике с VI в. до н.э. Хорошо известна маска этого бога из Эрмитажа, происходящая из Беотии и относящаяся к VI–V вв. до н.э., с подковообразными усами и лицом, покрытым темно-красной краской [Ходза, 2018, с. 84–85. № 6] (ил. 2). Происхождение такого обычая весьма древнее. Плутарх, описывая сельский праздник в честь Диониса (а именно в сельской местности сохранялись самые древние черты этого культа), упоминает, что участники церемоний мазали лицо винной гущей (Плутарх. Застольные беседы. V). Поскольку Дионис воплощал в себе черты умирающего и воскресающего бога крито-микенского мира, красная краска на его лице могла символизировать кровь, как символ очищения. По-особому выглядит и глина этой терракоты: она коричнево-красная, плотная, с мелкими белыми частицами (один из островов Эгеиды). Образ Диониса имеет сходство с предыдущим, но относится к более позднему времени – сер. IVв. до н.э.

В коллекции Уваровых есть еще одна вотивная маска Диониса, очень похожая на предыдущую, но имеющая и некоторые отличия (табл. 1,*3*). Это тот же образ и та же иконография (лицо, прическая, борода). Очень похожа и диадема с тремя розетками (правая отбита), но розетки, вылепленные отдельно из шести лепестков, проще по своему устройству и имеют выпуклую середину. Форма для оттиска

несколько сработана, а доработка стекой – суммарна, без тщательности. В этой терракоте также сохраняются некоторые архаические черты, присущие Дионису классического времени: покрывало на диадеме, форма усов. Глина желто-оранжевая, малоазийская. По всем вышеперечисленным признакам и по аналогии с предыдущим изображением эту вотивную маску можно датировать IV в. до н.э.

Следующие три изображения Диониса (табл. 1,*4-6*) представляют собой фрагменты (голова и шея) объемных терракотовых статуэток, воплощающих образ юного бога, весьма популярный в эллинистическое время (III–I вв. до н.э.) и вытеснивший из коропластики «зрелого мужа» с окладистой бородой и усами. Заметим, что такой важный признак, как прическа, заставляет отнести эти изображения к позднеэллинистическому времени (II–I вв. до н.э.). Связать эти изображения с дионисийским кругом и самим Дионисом позволяет ряд признаков. Прежде всего – головной убор, включающий тении, венки и диадемы с выступающей вверх центральной частью, как на предшествующих терракотах.

Ил. 2. Маска Диониса из Эрмитажа.

Так, в изображении № 4 представлен юный Дионис в ленте (тении), закрывающей половину лба, и диадеме в виде венка с выступающей центральной частью (верх отбит). Лицо юноши с правильными чертами, бритым подбородком и короткой прической с зачесанными вперед прядями, доработанными стекой. Шея длинная. На нее спускаются концы тении. Самым важным датирующим признаком в данном случае служит прическа, характерная для молодых мужчин Римской империи после Ю.Цезаря, т.е. ко времени Октавиана Августа – Тиберия – Калигулы. Такие волосы нашли отображение в римском скульптурном портрете второй половины I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. [Римский портрет в Эрмитаже. 1974. № VII, XIV, XXIV]. К этому же времени, вероятно, принадлежит и рассматриваемая терракота.

В художественном выражении наиболее ярок фрагмент № 5. По своему облику это голова юного Диониса, аналогичная предыдущей. Отличие ее лишь в более мягкой моделировке лица и кудрявых волос, разделенных прямым пробором. Тения повязана высоко надо лбом; концы ее спускаются вдоль шеи. Диадема такого же типа, что и в № 4. Обращает на себя внимание и ярко-красная плотная глина, похожая на хиосскую. Вполне возможно, что этот образ Диониса, не копирующий прически

римских императоров и более соответствующий божественному облику Диониса, мог быть создан во II в. до н.э.

Очень интересна голова юного Диониса № 6. Его строгое безбородое лицо отличается «сгорбленным» сирийским носом, широкая тения закрывает половину лба. Над ней – массивная диадема или калаф; форму восстановить трудно из-за многочисленных сколов. Волосы, закрывающие уши, трактованы в виде виноградных ягод. Подобная передача волос (а иногда и бороды) появляется в античной коропластике с III в. до н.э. и является отличительным признаком Диониса-Винограда [Боспор: Мирмекий – Денисова, 1981, табл. XXI. М-171-172; Китей – Молева, 2017, с. 30. Рис. 2 – III в. до н.э.]. Во II в. до н.э. появляются изображения юного Диониса с короткими волосами в виде виноградных ягод и в пышной диадеме [Пантикапей – САИ Г1-11. 1974. Табл. 40,1]. Вполне допустимо, что к этому же времени или чуть позже относится и рассматриваемая терракота.

Следующий фрагмент (табл. 1,*7*) также представляет юного безбородого Диониса с волнистыми волосами, спускающимися вдоль классически правильного лица, в сложном головном уборе, состоящем из двух венков, надетых один на другой, и тении с двумя коримбами. Это сооружение обрамляет голову и шею Диониса. Верхний плотный, валикоообразный венок, такой же как в изображениях № 1,3,4, характерен для Диониса и входит в структуру его диадем. Под этим венком лента с двумя коримбами – символами плодородия и эмблемой Диониса. Такие изображения изредка можно увидеть на головном уборе Деметры [Русяева, 1982, с. 60. Рис. 24], но в основном это атрибут Диониса. Реже его спутников – Сатиров и Силенов. Чаще всего коримбы на голове юного Диониса фигурируют в эллинистическое время [Молева, 2003, с. 75; Молева, 2017, с. 30. Рис. 3]. Обращает на себя внимание и пышный венок из больших листьев плюща, расположенных по бокам от лица. Такие венки вошли в моду для дионисийских терракот со II в. до н.э. Часто в них изображаются Менады [Бритова, 1969, с. 117. № 125; Ходза, 2005. № 116]. Вероятно, и представленная протома Диониса также относится к этому времени. По своему облику она похожа на терракоты Смирны или Мирины.

Заканчивая обзор терракот, изображающих юного Диониса, отметим, что этот образ был особенно популярен в эллинистический период. Его изображения в пышных венках с коримбами и сложных, высоких диадемах характерны для античных малоазийских центров, прежде всего Смирны и Мирины [Ходза, 2018, с. 237].

Оставшиеся 4 терракоты являют нам образы всех спутников Диониса: Менад, Сатира, Силена и Пана. Особым изяществом и мастерством исполнения отличается объемная головка Менады в плющевом венке, что связывает эту девушку с культом Диониса (табл. 1,*8*). У нее удлиненное лицо с правильными чертами, маленький, чуть тронутый улыбкой рот, длинная, тонкая шея. Прическа традиционная: разделенные прямым пробором волосы забраны на затылке в круглый узел. Листья плюща на венке выполнены отдельно. Мода на такие венки распространилась из Афин со второй половины IV в. до н.э. [Ходза, 2018, с. 125]. Головка Менады выполнена

в хорошей форме, черты лица и венок доработаны стекой. На поверхности сохранились следы белой грунтовки, красной и розовой красок на лице и венке. Вполне возможно, что это часть танагрской статуэтки или очень хорошее подражание ей. Глина красная, плотная, похожа на аттическую [Белов, 1968, № 30, 39-40; Ходза, 2018, с. 122. № 39].

Подобные фигурки девушек были найдены при раскопках Ольвии (САИ Г1-11. 1970. Табл. 14. Рис. 3) и Херсонеса [Шевченко, 2016. № 607]. По своей иконографии и приведенным аналогиям рассматриваемая головка Менады может быть датирована IV – началом III вв. до н.э.

Следующая терракота представляет собой одностороннее изображение лежащего пьяного Силена в венке в виде объемного двойного валика (табл. 1,*9*). Фигура божества тучная и оплывшая, с большим животом. Силен обнажен; правой рукой он прижимает к себе мех с вином, в левой – кубок. Голова его лысая, борода вьющаяся, длинная, усы подковообразные. На поверхности сохранились следы белой грунтовки. Терракота оттиснута в слегка сработанной форме. Глина плотная, красно-оранжевая. Нижняя часть статуэтки отбита. По иконографии и аналогиям эту терракоту можно датировать IV в. до н.э. [Греция – Winter 1903. V. II. P. 308, 5; 309, 2; Боспор, Китей – головка Силена в таком же головном уборе – Молев, Молева, 2016, с. 178. № 20].

Замечу, что Силен (его называют «Papposilen») – неизменный спутник Диониса, всегда пьяный и расслабленный. Его гротескные изображения вызывали улыбку и смех. Греки верили в магическую силу смеха, который способен нейтрализовать зло [Ходза, 2005, с. 108].

Еще один спутник Диониса – Сатир представлен в виде формы-матрицы для оттиска терракот (рис. 1,10). В отличие от пожилого, лысого, оплывшего Силена Сатир – мужчина в расцвете сил и возможностей. Часто этот грубый персонаж являлся героем древнегреческих комедий. На рассматриваемой форме представлен актер древней или средней комедии, изображающий Сатира, спутника Диониса. Он стоит во фронтальной позе с опущенными руками; его хитон поднят до талии, обнажая бутафорские гениталии. Замечу, кстати, что фаллос в древнегреческой культовой практике являлся символом оплодотворения и плодородия [Журавлев, 2006, с. 63–64], и это нашло свое отражение в памятниках изобразительного искусства. На лице актера – театральная маска Сатира с густыми, зачесанными назад волосами, морщинистым лбом, круто изогнутыми бровями, вытаращенными глазами, курносым носом и окладистой округлой бородой. В персонажах комедии и актеры, и коропласты старались подчеркнуть гротескные черты: карикатурные маски и костюмы были призваны вызвать смех у зрителя [Горская, 2005, с. 16]. Оттисков с подобных форм, различающихся положением рук и атрибутами, в античном мире известно очень много. Они пользовались популярностью начиная с IV в. до н.э. и воплощали персонажей древней, средней, а в эллинистическое время – новой комедии [Ходза, 2018, № 92; Шевченко, 2016. № 804; Музы и маски 2005. № 72; САИ Г1-11 1970. 38,4 (Ольвия); САИ Г1-11 1974. Табл. 10,3 (Пантикапей); Молева, 2017, с. 31. Табл. 2,5 (Китей)].

Часто статуэтки комических актеров в масках Сатиров находят в погребениях. Именно там они сохранились целиком, что символизирует неразрывную связь Диониса-Хтония и его спутников не только с театром, но и с подземным миром. Там эти персонажи являлись защитниками усопших. А возлияния вином на могилах в поминальные дни приносило последним радость. Маленькие статуэтки, получаемые из форм, подобных рассматриваемой, мог купить любой человек и принести в качестве вотивного дара божеству и верхнего, и нижнего миров [Ходза, 2005, с. 101].

Последнее керамическое изделие из дионисийского круга, входящее в коллекцию графов Уваровых в Муромском музее, представляет собой маленькую вотивную, круглодонную, двуручную флягу (рис. 1,11) из ярко-красной глины. На обеих сторонах ее представлен в рельефе еще один спутник Диониса – Пан. Это козлоногое существо являлось покровителем пастухов и стад. Кроме того, ему приписывалось изобретение свирели и сиринги (многотрубчатой флейты). На одной из сторон Пан в диадеме в виде двойного валика с вытаращенными глазами и короткой бородой представлен в поколенном изображении, прижимающим сирингу к груди. На другой стороне он изображен в сидящей или коленопреклоненной позе, также с сирингой. Художественный прием коропласта в передаче фигуры Пана отличается схематизмом и некоторой жесткостью, что позволяет предположительно датировать этот сосуд позднеантичным временем (после II в. н.э.). Сама же фляга – это сосуд, предназначенный для вина, и мог подвешиваться к поясу. Чаще всего фляга использовалась именно пастухами или путешественниками как дорожный сосуд, в котором предусматривалась пробка. Ее круглодонная и плоская форма не была предназначена для домашних застолий. Что касается рассматриваемой фляги, то ее малые формы (высота ок. 10 см) свидетельствуют о вотивном предназначении этого сосуда. Подносимый божеству дар должен быть полон вина. Маленькая фляга была для этой цели очень удобна. Греки всячески старались экономить на жертвоприношениях, и миниатюрные сосуды самого разного назначения часто встречаются в святилищах.

Таким образом, проанализировав сравнительно небольшую коллекцию терракот с персонажами, связанными с дионисийским культом, отмечу, что она, составляя более 1/3 части всех статуэток, производит впечатление специально и целенаправленно приобретаемой. Покупалось все, что связано с культом Диониса. Самым интересным в этом собрании является то, что в нем представлены практически все персонажи дионисийского круга. При этом разброс дат этих терракот достаточно велик: от конца V в. до н.э. до II–III вв. н.э., что свидетельствует о неизменной популярности культа Диониса на протяжении всей античности. Кроме того, на небольшом примере изображений самого Диониса (7 терракот) можно проследить все изменения в его иконографии, происходящие в течение V – I вв. до н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белов Г.Д. Терракоты Танагры. Л., 1968.
Бритова Н.Е. Греческая терракота. М., 1969.
Вощинина А.И. Римский портрет. Коллекция Государственного Эрмитажа. Л., издательство «Аврора». 1974.
Горбунова К.С. Чернофигурные вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
Горская О.В. «проходят маски чередою…» Театр в Древней Греции и Риме // Музы и маски. СПб., 2005. С. 13–28.
Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981.
Журавлев Д.В. Дионис и его свита // Любовь и Эрос в античной культуре. М., 2006. С. 63–86.
Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. СПб., 2004.
Колпинский Ю.Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М., 1970.
Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. М., 1970.
Молев Е.А., Молева Н.В. Боспорский город Китей. Т. II. Симферополь-Керчь, 2016.
Молева Н.В. Дионисийские вотивы в сакральных комплексах Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. С. 151–154.
Молева Н.В. Культ Диониса и театр на Боспоре // Античность и драматургия. Керчь, 2003. С. 36–53.
Молева Н.В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н.Новгород, 2017. С. 25–34.
Терракоты Северного Причерноморья // Свод археологических источников. Г1-11. М., 1970.
Терракотовые статуэтки. Пантикапей. // Свод археологических источников. Г1-11. М., 1974.
Трофимова А.А. Античный театр и его значение // Музы и маски. СПб., 2005. С. 5–10.
Тюрина Е. Антики из собрания графов Уваровых в МИХМ // Антиквариат. 2014. № 3. С. 114–119.
Ходза Е.Н. Терракоты // Музы и маски. СПб., 2005. С. 107–159.
Ходза Е.Н. Античные терракоты из собрания П.А. Сабурова. СПб., 2018.
Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей округи. Симферополь, 2016.
Winter Fr. Die typen der figurlichen Terrakotten. Berlin und Stuttgart. V. III. 1903.
Higgins R.A. Greek terracottas. London. 1967. V. 1.

REFERENCES

Belov G.D. Terrakoty Tanagry. L., 1968.
Britova N.E. Grecheskaya terrakota. M., 1969.
Voshchinina A.I. Rimskij portret. Kollekciya Gosudarstvennogo Ermitazha. L., izdatel'stvo «Avrora». 1974.
Gorbunova K.S. CHernofigurnye vazy v Ermitazhe. L., 1983.
Gorskaya O.V. «prohodyat maski cheredoyu…» Teatr v Drevnej Grecii i Rime // Muzy i maski. SPb., 2005. S. 13–28.
Denisova V.I. Koroplastika Bospora. L., 1981.
ZHuravlev D.V. Dionis i ego svita // Lyubov' i Eros v antichnoj kul'ture. M., 2006. S. 63–86.
Zajcev A.I. Grecheskaya religiya i mifologiya. SPb., 2004.
Kolpinskij Yu.D. Iskusstvo Egejskogo mira i Drevnej Grecii. M., 1970.
Kun N.A. Legendy i mify Drevnej Grecii i Drevnego Rima. M., 1970.
Molev E.A., Moleva N.V. Bosporskij gorod Kitej. T. II. Simferopol'-Kerch', 2016.
Moleva N.V. Dionisijskie votivy v sakral'nyh kompleksah Kiteya // Bosporskij fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. SPb., 2002. S. 151–154.
Moleva N.V. Kul't Dionisa i teatr na Bospore // Antichnost' i dramaturgiya. Kerch', 2003. S. 36–53.
Moleva N.V. Kul't Dionisa v bosporskom gorode Kitee // Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora. N.Novgorod, 2017. S. 25–34.
Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya // Svod arheologicheskih istochnikov. G1-11. M., 1970.
Terrakotovye statuetki. Pantikapej. // Svod arheologicheskih istochnikov. G1-11. M., 1974.
Trofimova A.A. Antichnyj teatr i ego znachenie // Muzy i maski. SPb., 2005. S. 5–10.

Tyurina E. Antiki iz sobraniya grafov Uvarovyh v MIHM // Antikvariat. 2014. № 3. S. 114–119.
Hodza E.N. Terrakoty // Muzy i maski. SPb., 2005. S. 107–159.
Hodza E.N. Antichnye terrakoty iz sobraniya P.A. Saburova. SPb., 2018.
Shevchenko A.V. Terrakoty antichnogo Hersonesa i ego blizhajshej okruge. Simferopol', 2016.

Резюме

Статья посвящена публикации, датировкам и интерпретации терракотовых статуэток из коллекции Муромского историко-художественного музея, ранее принадлежавшей графам Уваровым. Из 31 терракоты для публикации выбраны только те, что связаны с культом Диониса. Иконография последнего представлена в публикуемых находках с V в. до н.э. по первые века н.э.

Ключевые слова: коллекция Уварова; терракоты; культ Диониса.

Summary

The article is devoted to the publication, dating and interpretation of terracotta figurines from the collection of the Murom Historical-Art Museum, formerly owned by earls Uvarovs. Of the 31 terracotta, only those related to the cult of Dionysus were selected for publication. The iconography of the latter is represented in published finds from the 5th century BC. through the first centuries AD.

Key words: Uvarov Collection, terracotta, the cult of Dionysus.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Молева Наталья Владимировна, к.и.н., доцент,
независимый исследователь.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Moleva Natalya Vladimirovna, Ph.D., associate professor,
independent researcher.

Таблица 1. Дионисийские терракоты из коллекции графов Уваровых.
Муромский историко-художественный музей.

В.В. ДОРОШКО, О.П. ДОРОШКО
V.V. DOROSHKO, O.P. DOROSHKO

КОМПЛЕКС II В. Н.Э. ИЗ РАСКОПОК ПУНКТА РИМСКОГО ВОЕННОГО БАЗИРОВАНИЯ НА ВЫСОТЕ СУЗДАЛЬСКАЯ[1]
SECOND CENTURY COMPLEX FROM EXCAVATIONS OF ROMAN MILITARY STATION ON SYZDAL'SKAYA MOUNTAIN

Памятник римского времени расположен на северной окраине Сапунгорского плато. Впервые развалины башни и окружавших ее стен отметил Л.Н. Соловьев в 1925 г. [НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1385. Л. 111]. В 2009, 2012 и 2017 гг. на вершине горы были проведены разведочные работы и раскопки с целью выявления архитектурных остатков, отмеченных Л.Н. Соловьевым.

Исследования показали, что на высоте Суздальская существовал памятник, связанный с римским военным присутствием. К сожалению, его архитектурные остатки были выбраны в последующие времена. В пользу этого свидетельствуют выстроенные здесь и по склонам вершины ограды и каменные возвышения позднеантичного времени. Особенно сильно объект пострадал в годы Крымской войны, когда фактически был срыт при строительстве большого английского редута (именно его и принял за древнее укрепление Л.Н. Соловьев). В дальнейшем и сам редут в значительной степени был срыт при строительстве старого и нового памятников Инкерманскому сражению, при обустройстве траншей во время Великой Отечественной войны, а в послевоенное время рельеф вершины серьезно изменил большой бетонный бункер. Фактически для исследований осталось пространство к югу от редута, где фиксируется культурный слой римского времени на пространстве 30 х 40 м (рис. 1).

Во время раскопок этого памятника в августе – сентябре 2017 г. была обнаружена и исследована яма с многослойным заполнением (рис. 2), центральный горизонт которой представлял собой сброс керамического боя, металлических и стеклянных предметов (рис. 3). Засыпь насыщена частицами угля, остатками золы, реже встречались кости животных и раковины моллюсков.

Первоначально яма, по нашему предположению, была землянкой-погребом поселения, существовавшего на высоте Суздальская до середины II в. На сегодняшний день это единственная земляночная конструкция римского времени, открытая на всем пространстве Гераклейского полуострова. Форма землянки трапециевидная со скругленными краями и углами. В центре сооружения – две круглые столбовые ямы под опорные столбы шатровой крыши. Нижняя часть засыпи землянки

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-01082 а2 «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени».

представляет собой заполнение светло-коричневого гумуса с редкими фрагментами керамики, костей животных и угля. В северно-западной части землянки обнаружены несколько углублений, по-видимому, использовавшихся для установки сосудов. На ровной скальной поверхности in situ найдены фрагментированная краснолаковая тарелка с закругленным внутрь краем (рис. 3,*1*), нижняя часть кувшина (рис. 3,*9*), а также бронзовая подвеска в виде фигурки человека в остроконечном головном уборе (рис. 3,*15*). Многочисленные аналогии подвеске можно найти среди инвентаря ряда могильников римского времени. По материалам херсонесского некрополя В.М. Зубарь датировал подвески I – III вв. [Зубарь, 1982, с. 102–102]; по материалам могильника Бельбек IV они датируются в пределах первой половины II в. [Гущина, Журавлев, 2016, с. 100].

Также в нижнем слое засыпи найдены фрагменты краснолаковых чаш и кубков (рис. 3,*2-6*), кувшинов, в том числе один – с граффито (рис. 3,*10*), фрагменты кружек (рис. 3,*7-8*) и кухонных гончарных сосудов (рис. 3,*11-13*), а также фрагмент верхней части кувшина с биконическим туловом (рис. 3,*14*). Чаще всего эти кувшины встречаются в комплексах II – III вв. [Дорошко, 2018, с. 85].

Выше этой засыпи располагался публикуемый вещевой комплекс, связанный с началом дислокации римских военнослужащих на высоте Суздальская. Здесь обнаружены не только распространенные в данном регионе предметы, но также есть немало необычных по своему происхождению вещей.

Большая часть **краснолаковой керамики** (рис. 4–6, 10,*3*) представлена традиционной для нашего региона понтийской сигиллатой А. В первую очередь, это несколько тарелок с вертикальным бортиком (форма 4.2 по Д.В. Журавлеву, вторая–третья четверть II в. [Журавлев, 2010, с. 137, кат. № 115]) (рис. 4,*1-5*), тарелки с закругленным краем (рис. 4,*6-8*), чаши с усеченно-коническим туловом и вертикальным вогнутым бортиком (форма 30.2 по Д.В. Журавлеву, вторая–третья четверть II в. [Журавлев, 2010, с. 145, кат. № 196]) (рис. 5,*2-5*).

Также к понтийскому производству могут относиться фрагменты двух глубоких чаш с вертикальным бортиком (рис. 5,*7-8*). На внутренней стороне одной из них – поясок из насечек. Аналогичные чаши находили в погребальных комплексах второй четверти – середины II в. Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, 2007, с. 187, рис. 179,*6,7*]. Фрагменты двух кубков с отогнутым венчиком относятся к форме 31 понтийской сигиллаты по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 146–147] (рис. 5,*6,17*).

Два фрагмента относятся к тонкостенным чашам из плотной светло-оранжевой глины, равномерно покрытой густым, темно-красным лаком с оранжевым оттенком (рис. 5,*9-10*). В силу их фрагментарности о центре производства судить сложно.

В комплексе присутствуют фрагменты четырех тонкостенных кружек на небольшом, слегка вогнутом поддоне и пояском под отогнутым венчиком (рис. 5,*13-16*).

Среди фрагментов краснолаковых чаш только два относятся к продукции восточная сигиллата B, form 70 [Hayes, 1985, p. 66] (рис. 5,*11-12*). Лак оранжевато-красный. Глина светло-коричневая, слоистая, с редкими включениями слюды. Тулово этих

чаш имеет коническую форму с вогнутыми стенками. На верхней части фрагмента вертикального бортика сохранился поясок из насечек. Второй фрагмент является частью невысокого кольцевого поддона. Д.В. Журавлев на материалах из могильника Бельбек IV датирует чаши формы 70 50/75 – 125/150 гг. н.э. [Журавлев, 2010, с. 29].

Особо следует выделить находку фрагментов краснолаковой чаши с высоким вертикальным бортиком и закруглением внутрь по верхнему краю, к которому прикреплены горизонтальные π-образные ручки (рис. 5,1). Глина розовато-охристая, в некоторых частях сосуда доходит до серого цвета от воздействия огня, с примесью редких белых и серых частиц. Лак жидкий, цвет варьируется от коричневато-охристого до темно-коричневого, без блеска. По форме эта чаша совпадает с экземплярами книдской керамики (начало I в. до н.э. – II в. н.э. [Hayes, 2000, p. 293, fig. 21,*2-3*, Hayes, 2008, p. 217, fig. 30,*947*]. Подражания книдским чашам изготавливались в Афинах, Родосе, Пергамоне, Эфесе, Северной Африке и других центрах [Doksanalti, 2007, s. 12]. Судя по опубликованным материалам, такие чаши не встречаются в римских слоях Херсонеса и могильниках Юго-Западного Крыма.

К кувшинам с полусферическим туловом на широком поддоне и слегка расширяющимся кверху горлом относятся несколько фрагментов (рис. 6,*1-2,4*). Д.В. Журавлев относит их к форме 18.1 и отмечает, что они встречаются в погребениях могильника Бельбек IV первой и второй половины II в. [Журавлев, 2010, с. 163–164]. По сходству оранжевато-охристой глины с частицами слюды и темно-коричневого, местами почти черного лака фрагменты дна и горла (рис. 6,*1,4*) могут быть частями одного кувшина. Остальные профильные части кувшинов точно не определяются (рис. 6,*3,5-7*).

Интересно также отметить находку ручки рельефного краснолакового блюда в форме приподнятого треугольного выступа с заглаженными углами (рис. 10,*3*). Поверхность украшает нечетко исполненный растительный орнамент. Точных аналогий найти не удалось, однако оранжевато-розовая глина и красновато-оранжевый лак изделия наводят на мысль о производстве мастерских понтийской сигиллаты. Подобные краснолаковые рыбные блюда овальной формы получили широкое распространение в понтийских городах со II в. н.э. [Журавлев, Костромичев, 2017, с. 27].

Кухонная гончарная посуда представлена в основном мелкими фрагментами. Лучше всего сохранился горшок округлой формы со слегка отогнутым венчиком, по тулову которого прочерчены тонкие глубокие бороздки (рис. 7,*1*). Глина охристо-серая с включениями частиц пироксена. На тулове видны следы копоти. Точных аналогий этому сосуду найти не удалось, однако наиболее близкий ему по форме горшок происходит из Истрии, где датируется по контексту началом II в. – серединой III в. А. Сучевану отнес этот горшок к истрийскому производству [Suceveanu, 1985, pl. 60,*4*].

Также найден фрагмент верхней части горшка с утолщенным венчиком и слабовыраженным ребром для упора крышки; в месте перехода венчика в округлое тулово

– горизонтальный выступ (рис. 7,2). Глина охристая с коричневым оттенком. Тесто с включениями частиц слюды и мелких черных частиц. Аналогии происходят из раскопок слоя крепости Харакс конца I в. – первой половины III в. н.э. [Камелина, 2012, с. 54, табл. 15,*12*] и зольника Пантикапея [Голофаст, 2013, рис. 13,*20*]. Подобные горшки, только больших размеров, К. Бадженару отнес к понтийскому производству [Bajenaru, 2013, p. 63–64, pl.9,*69*]. Следует упомянуть и о находке фрагмента верхней части горшка с отогнутым венчиком и округлым туловом (рис. 7,*3*). Сохранился прилеп ручки в месте перехода от тулова к венчику. Точные аналогии происходят из раскопок Кносса [Hayes, 1983, fig. 5,*63*] и Харакса [Камелина, 2012, табл. 16,*3*].

Несколько фрагментов относятся к тонкостенным плоскодонным кружкам (рис. 7,*4-6*). Венчик не выделен и отогнут, отделен от тулова рельефным валиком. Глина коричневого оттенка с включениями частиц слюды. Аналогии происходят из многих памятников Северного Причерноморья [Зубарь, 1982, рис. 49–50, Журавлев, Ломтадзе, 1999, с. 102, рис. 5,*44*]. По материалам из раскопок Афинской Агоры относятся к первой половине II в. [Hayes, 2008, fig. 51,*1605*].

Вогнутое дно, вероятнее всего, относится к ойнохое «эгейского типа». Глина коричневато-серая, с частицами слюды. Ближайшие аналогии происходят из раскопок Херсонеса и его округи и датируются серединой II – началом III в. [Дорошко, 2017]. Дж. Хейс предположил, что «эгейскую серию» керамики производили на протяжении середины I – II вв. на восточном побережье Малой Азии или Фракии [Hayes, 2009, p. 13]. По материалам Словении были сделаны выводы, что все группы кухонной гончарной посуды «эгейского типа» производились в Фокее [Istenič, Schneider, 2000].

Обращает внимание почти полное отсутствие фрагментов сковород, за исключением одного фрагмента стенки сковороды с красным покрытием.

Лепная посуда (рис. 7,*8-16*) представлена фрагментами горшков с отогнутым венчиком. Глина в основном коричневого цвета с включениями частиц песка. Есть также несколько фрагментов доньев.

Амфоры. Засыпь комплекса содержала в значительной степени фрагменты светлоглиняных амфор, к которым относятся все представленные ниже профильные части.

Два фрагмента верхних частей амфор имеют клювовидный венчик (рис. 8,*1-2*). Второй из них (рис. 8,*2*) можно отнести к амфорам типа Син II, началом производства которых можно считать последнюю четверть I в. [Внуков, 2013, с. 31].

Три фрагмента горл относятся к узкогорлым светлоглиняным амфорам без уточнения типа (рис. 8,*3-5*), также определяются и фрагменты ручек (рис. 8,*7-9*).

Частью светлоглиняной узкогорлой амфоры является усеченно-коническая ножка диаметром 6,3 см с округлой выступающей центральной частью (рис. 8,6). Глина охристого цвета с розовым оттенком. В составе теста мелкие темные частицы. Согласно новой уточненной типологии светлоглиняных узкогорлых амфор, пропорции поддона, амфоры следует относить к варианту C IV A2 и датировать последней третью I в. [Внуков, 2016, с. 39, 41].

Строительная керамика. В комплексе был найден всего один фрагмент, который можно отнести к синопскому производству эллинистического времени (рис. 8,*11*). Цвет глины варьируется от светло-оливкового до светло-розового. Тесто с включениями частиц пироксена, кварцевого песка. Примечательно отсутствие не только строительной керамики римского времени, но и кровельных гвоздей в публикуемом комплексе. В верхнем перекрывающем слое эти находки представлены повсеместно.

Столовая посуда. Уникальными находками можно считать фрагменты двух сосудов на кольцевом поддоне с широким горлом (рис. 9). Эти урны изготовлены из светлой с оливковым оттенком, местами имеющей светло-пепельный цвет, очень плотной глины с включением очень мелких частиц коричневатого цвета. Сосуды относятся к галльской каолийной керамике римского времени, местом производства которой является район Везона [Meffre, Raynaud, 1993, p. 488]. Урны, найденные на высоте Суздальская, принадлежат к группе Kaol A1, время бытования которой датируется в пределах 20–150 гг. [Meffre, Raynaud, 1993, p. 489].

Следует упомянуть также находки фрагмента верхней части курильницы (рис. 8,*7*), аналогичные экземпляры которой происходят из причерноморских городов, территории Паннонии и Британии [Журавлев, Костромичев, 2017, с. 68], фрагмент верхней части гончарного бальзамария с клюововидным венчиком (рис. 8,*8*), вероятно, эллинистического времени и два фрагмента кувшинов с биконическим туловом (рис. 8,*9-10*), распространенных в Нижнем Подунавье и Северо-Западном Причерноморье начиная с первой половины II в. [Дорошко, 2018, с. 85]. Примечательно, что фрагменты этих кувшинов найдены и в среднем золистом, и в нижнем светлом слое засыпи землянки.

Интересны находки **светильников**, относящихся к типу Loeschcke VIII. Первый сохранился частично, утрачена большая часть плечиков и петлевидная ручка. Вогнутый щиток с изображением дельфина отделен орнаментом из ов. Рожок имеет сердцевидную форму. Глина розовато-коричневая, слоистая. Лак оранжево-красный, матовый (рис. 10,*2*). В Херсонесе таких светильников найдено два: один происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (инв. № 978); другой найден на Западном некрополе Херсонеса (раскопки В.М. Зубаря) (инв. № 37098/27). Второй светильник сохранился лучше, на вогнутом щитке, отделенном от плечиков двумя концентрическими бороздками, изображена пасущаяся лань (рис. 10,*1*). Сохранилась петлевидная ручка с глубокой бороздкой посередине. У основания короткого носика – два небольших кольцевидных вдавления. Округлое дно обрамлено бороздкой. Глина розовато-коричневая; лак на щитке темно-оливкового цвета с коричневым оттенком, на дне его цвет варьируется от темно-красного до почти черного, покрывает светильник частично и неравномерно. Подобный светильник происходит из раскопок С.Г. Рыжова на северном берегу Херсонеса (инв. № 37440/4)[2].

[2] Выражаем благодарность С.Г. Рыжову за возможность опубликовать материал.

Изделия из металла. Металлические находки разделяются на три основные группы: части римского военного снаряжения, обломки или составные элементы предметов различного назначения, заготовки или отходы металлообрабатывающей мастерской.

Важным свидетельством присутствия римских военнослужащих на исследуемом памятнике является *римское военное снаряжение*, представленное рядом находок. В первую очередь, это фрагмент бронзового щитка пряжки с растительным орнаментом из выбитых точек (рис. 11,*1*); датировка аналогичных находок не разработана, но появляются они ещё в I в н.э., судя по находке из Виндониссы [Unz, Deschler-Erb 1997, Kat. Nr 1217; Lenz 2007, s. 155, taf. 24,*212,213*]. Также к числу ранних находок из публикуемого комплекса следует относить обломок бронзового перехвата ножен меча, украшенного двумя глубокими бороздками (рис. 11,*2*) [Miks, 2007, S. 826, Taf. 196,*B139,1,2*]. Показательно наличие 12 железных обувных гвоздей с квадратными в сечении ножками и конусовидными шляпками (рис. 11,*3-14*). Подобные гвозди находят во всех местах дислокации римских войск, не исключение и сам Херсонес [Дорошко, 2012]. В целом, за все время исследований на высоте Суздальской обнаружено более трехсот единиц таких гвоздей.

К металлическим предметам быта или неизвестного назначения относятся: массивная железная щеколда замка с прямоугольными отверстиями на обоих концах, загнутых под прямым углом (рис. 11,*15*), находка аналогичного изделия известна из раскопок римского лагеря Аугсбурга [Hübener, 1973, Taf. 36,*25*]; средняя часть железного ригеля замка (рис. 11,*22*); слегка изогнутый железный нож длиной 8,4 см с сильно стертой рабочей поверхностью и утраченной частью черешка (рис. 11,*16*); два бронзовых кольца диаметром 1,7 и 3,4 см, меньшее сохранилось полностью (рис. 11,*17*), второе лишь наполовину (рис. 11,*18*); обломок бронзовой иглы, сохранившаяся длина 5,9 см. Возможно, это утраченная игла фибулы (рис. 11,*20*).

Предметы, связанные с металлообработкой. Среди заготовок – железный прут квадратного сечения длиной 25,2 см (рис. 11,*29*), сложенная и спрессованная свинцовая пластина (рис. 11,*19*) и согнутый дугой обрезок бронзовой проволоки круглого сечения (рис. 11,*23*). Остальные представляют собой прямые или закрученные железные стержни разной формы и толщины, а также несколько обрезков того же металла (рис. 11,*21,24-28*).

Среди металлических изделий особняком выделяется находка *подвески* из желтого металла с полукруглой стеклянной вставкой (рис. 10,*5*). Край подвески украшен вдавлениями, имитирующими технику зерни. К оборотной стороне припаяна основа из белого металла с частично сохранившейся петлей. Вероятнее всего, эта подвеска была составной частью серьги, аналогичной той, что найдена в склепе 620/1 Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, 2007, с. 150, рис. 113,*1*, цв. вклейка 2,4].

В комплексе присутствует несколько десятков фрагментов стеклянных сосудов закрытого типа из прозрачного голубоватого стекла, в том числе фрагменты бутылей с прямоугольным дном. Единственными профильными оказались фрагменты верхней

части стеклянного бальзамария с высоким цилиндрическим горлом и расширяющимся венчиком с загнутым вдвое краем (рис. 10,*4*). Точный тип бальзамария определить не удалось из-за его фрагментарности; по близким аналогиям относится ко второй половине I в. – началу II в. [Кунина, Сорокина, рис. 1].

Монеты. Из засыпи «ямы-1» происходят три монеты медного сплава: одна боспорская и два херсонесских тетрахалка, относящихся к одному типу: «Херсонас (?) в венке – венок» [Анохин 1977, с. 149, кат. № 214]. Исследователи относят эти монеты к выпускам, предшествующим появлению датированных номиналов в середине I в. [Зограф, 1951, с. 156, 157, табл. XXXVII,*7*; Анохин, 1977, с. 63, табл. XIV,*214*; Туровский, Горбатов, 2013, с. 112, 114, № 244].

Описания монет:

1. Л.с. голова божества Херсонас (?) вправо (рис. 12,*1*).
   Об.с.: Имя города в венке.
   Тетрахалк; Херсонес; выпуск вторая четверть I в. н.э.; ↓; диаметр 18 мм; вес 4,9 гр. [Анохин, 1977, табл. XIV,*214*].
2. Л.с. голова божества Херсонас (?) вправо (рис. 12,*2*).
   Об.с.: Имя города в венке.
   Тетрахалк; Херсонес; выпуск вторая четверть I в. н.э.; ↓; диаметр 18 мм; вес 5,9 гр. [Анохин, 1977, табл. XIV,*214*].
3. Л.с. Женская голова в калафе и покрывале вправо (рис. 12,*3*).
   Об.с.: Стерта.
   Боспор. Аспург, 2-е правление (14 – 38 гг.), 4 выпуск; диаметр 20; вес 6,7 гр.; [Анохин, 1986, табл. 12,*321*].

Дата образования комплекса лежит в пределах второй четверти – середины II в. Эту датировку подтверждает как сам вещевой комплекс, так и его стратиграфическое расположение. Яму и пространство вокруг нее перекрывает слой длительного накопления, содержащий находки от второй половины II в. до V в. Интересно отметить находку бронзового диска в слое, перекрывающем комплекс. На его обеих сторонах выбиты трехстрочные латинские тексты. В предварительном прочтении этот диск был частью амуниции солдат I Киликийской когорты[3]. Суммарно он датируется последней третью II в. – первой половиной III в. Также немаловажно отметить, что южную сторону землянки и слой над ней перекрывает бутовая кладка позднеантичного времени, которую следует связывать с существованием в это время сельскохозяйственной округи местного населения, проживавшего в каком-то неизвестном на сегодняшний день поселении. Стоит упомянуть, что этим же временем датируется некрополь Килен-балка, расположенный в километре к западу–юго-западу от пика вершины высоты Суздальская [Контны, Савеля, 2006, с. 148].

Подводя итог, отметим, что римские солдаты, с деятельностью которых мы соотносим публикуемый комплекс, как и следовало ожидать, перенесли на место

[3] Материал готовится к публикации.

новой дислокации часть материальной культуры, с которой они были связаны до этого. Такую особенность мы наблюдаем только на начальном этапе функционирования римского поста на высоте Суздальская. В дальнейшем, как показали раскопки здесь позднего слоя второй половины II – начала III вв., римские военнослужащие пользовались распространенной в Юго-Западной Таврике керамикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 180 с.

Археологические заметки СМК. 1925 год // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1385. 135 л.

Внуков С.Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2013. Т. 17. С. 21–54.

Внуков С.Ю. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

Голофаст Л.А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2013. Вып. XVIII. С. 211–241.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 частях. Москва: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с.

Дорошко В.В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи // Труды ГИМ. 2012. Т. 191. С. 54–62.

Дорошко В.В. Керамический комплекс II в. из раскопок IX квартала Херсонеса // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова / отв. ред. В.В. Майко, ред. Т.Ю. Яшаева. Севастополь, Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 84–90.

Дорошко О.П. Кухонные гончарные ойнохои «эгейского типа» из раскопок Херсонеса Таврического и его округи // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года / Ред.-сост. Д.А. Костромичев. Саки, 2017. С. 63–68.

Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины // МАИЭТ. Supplementum. 2010. Вып. 9. 320 с.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р.Х. Лёпера в 1909 – 1910 гг. Москва: ООО «РИА Внешторгиздат», 2017. 184 с.

Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 98–113.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. 264 с.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. Киев: Наукова думка, 1982. 146 с.

Камелина Г.А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) // ПИФК. 2012. Вып. 2. С. 46–90.

Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129–160.

Кунина Н.З., Сорокина Н.А. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 145–172.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 493 с.

Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 155 с.

Bajenaru C. Contextes céramiques de Tomis. (I). Un ensemble de la fin du IIe débutdu IIIe s. ap. J.C. // Pontica. 2013. Vol. XLVI. P. 41–110.

Doksanalti E. Knidos Kap Krio Çalışmalarında Bulunan Sarnıç Buluntuları-II Kulplu Kaseler // İDOL. Arkeologlar Derneği Dergisi. 2007. Y. 9, S. 34. S. 8–14.

Hayes J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens. 1983. Vol. 78. P. 97–169.

Hayes J.W. Sigillate Orientali // Atlante delle forme ceramiche. 2 Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero) / Dir. de red.: G.P. Carratelli. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana. 1985. P. 1–96.

Hayes J.W. From Rome to Beirut and Beyond: Asia Minor and Eastern Mediterranean Trade Connections // Acta Rei Cretariae Romanae Fautores. 2000. Vol. 36. P. 285–297.

Hayes J.W. Roman Pottery. Fine ware Imports // The Athenian Agora. 2008. Vol. XXXII. 386 p.

Hayes, J.W. Castelporziano. Excavations at the Imperial Vicus 1985-7 and 1996-8. Trenches S and S A: pottery finds and lamps. Oxford: Institute of Archaeology, University of Oxford, 2009. 35 p.

Hübener W. Die römischen Metallfunde von Augsburg Oberhausen // Materialhefte zur Bayerischeт Vorgeschichte. 1973. Heft 28. 95 s.

Istenič, J., Schneider, G. Aegean cooking ware in the Eastern Adriatic // Rei Cretariae Romanae favtorum. 2000. Acta 36. P. 341–348.

Lenz K.H. Römische Waffen, militärische Ausrüstung und militärische Befunde aus dem Stadtgebiet der Colonia Ulpia Traiana (Xanten). Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2006. 209 s.

Meffre J.-C., Raynaud C. Céramique commune kaolinitique // LATTARA. 1993. Vol. 6. P. 488–499.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Leidorf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2007. 522 s.

Suceveanu A. La céramique romaine des Ier – IIIe siècles ap. J.-C. // Histria. 1985. Vol. X. 191 p.

Unz K., Deschler-Erb E. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976 // Veroeffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa. 1997. Bd. 14. 96 s.

REFERENCES

Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.).* Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.

Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1986. 180 p.

Arkheologicheskie zametki SMK. 1925 god. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika Khersones Tavricheskii.* F. 1. D. 1385. 135 l.

Vnukov S.Iu. Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe. *Drevnosti Bospora*, 2013, vol. 17, pp. 21–54.

Vnukov S.Iu. Eshche raz o tipologii, evoliutsii i khronologii svetloglinianykh (pozdnegerakleiskikh) uzkogorlykh amfor. *Rossiiskaia arkheologiia,* 2016, № 2, pp. 36–47.

Golofast L.A. Prostaia goncharnaia keramika iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni u podnozhiia gory Mitridat v Kerchi. *Bosporskie issledovaniia*, 2013, vol. XVIII, pp. 211–241.

Gushchina I.I., Zhuravlev D.V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu.* V 2 chastiakh. Chast' 1. Moskva, Istoricheskii muzei Publ., 2016. 272 p.

Doroshko V.V. Keramicheskii kompleks II v. iz raskopok IX kvartala Khersonesa. *Maiko V.V., red. Iashaeva T.Iu. (Eds.). Arkheologiia antichnogo i srednevekovogo goroda: sbornik statei v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova.* Sevastopol', Kaliningrad, ROST-DOAFK Publ., 2018, pp. 84–90.

Doroshko V. V. Rimskaia voennaia obuv' iz raskopok Khersonesa i ego okrugi. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia,* 2012, vol. 191, pp. 54–62.

Doroshko O.P. Kukhonnye goncharnye oinokhoi «egeiskogo tipa» iz raskopok Khersonesa Tavricheskogo i ego okrugi. *Kostromichev D.A. (Ed.). Antichnye Relikvii Khersonesa: Otkrytiia, Nakhodki, Teorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sevastopol', 10–12 oktiabria 2017 goda.* Saki, 2017, pp. 63–68.

Zhuravlev D.V. Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (Po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Supplementum*, 2010, vol. 9. 320 p.

Zhuravlev D.V., Kostromichev D.A. *Kompleksy s iuvelirnymi izdeliiami iz khersonesskogo nekropolia. Ch. 1. Materialy raskopok R.Kh. Lepera v 1909 – 1910 gg.* Moskva, OOO «RIA Vneshtorgizdat» Publ., 2017. 184 p.

Zhuravlev D.V., Lomtadze G.A. Keramicheskii kompleks II v. n.e. s akropolia Pantikapeia. *Drevnosti Bospora*, 1999, vol. 2, pp. 98–113.
Zograf A.N. Antichnye monety. *Materialy po istorii i arkheologii SSSR*, 1951, vol. 16. 264 p.
Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I – IV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1982. 146 s.
Kamelina G.A. Keramicheskii kompleks iz raskopok nizhnei oboronitel'noi steny Kharaksa (po materialam raskopok V. D. Blavatskogo v 1935 g.). *Problemy istorii, filologii i kul'tury,* 2012, vol. 2, pp. 46-90.
Kontny B., Savelia D.Iu. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-balke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii, Supplementum,* 2006, vol. XII, pp. 129–60.
Kunina N.Z., Sorokina N.A. Stekliannye bal'zamarii Bospora. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1972, vol. XIII, pp. 145–172.
Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamiatniki.* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2007. 493 p.
Turovskii E.Ia., Gorbatov V.M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa: Katalog-opredelitel'.* Simferopol', DIAIPI Publ., 2013. 155 p.
Bajenaru C. Contextes céramiques de Tomis. (I). Un ensemble de la fin du IIe-débutdu IIIe s. ap. J.-C. *Pontica*, 2013, vol. XLVI, pp. 41–110.
Doksanaltı E. Knidos Kap Krio Çalışmalarında Bulunan Sarnıç Buluntuları-II Kulplu Kaseler. İDOL. *Arkeologlar Derneği Dergisi*, 2007, Y. 9, S. 34, S. 8–14.
Hayes J.W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery. *The Annual of the British School at Athens,* 1983, vol. 78, pp. 97–169.
Hayes J.W. Sigillate Orientali. *Carratelli G.P. (Ed.) Atlante delle forme ceramiche. 2 Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero)*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Publ.. 1985, pp. 1–96.
Hayes J.W. From Rome to Beirut and Beyond: Asia Minor and Eastern Mediterranean Trade Connections. *Acta Rei Cretariae Romanae Fautores,* 2000, vol. 36, pp. 285–297.
Hayes J.W. Roman Pottery. Fine ware Imports. *The Athenian Agora,* 2008, vol. XXXII, 386 p.
Hayes, J.W. *Castelporziano. Excavations at the Imperial Vicus 1985-7 and 1996-8. Trenches S and S A: pottery finds and lamps.* Oxford, Institute of Archaeology, University of Oxford Publ., 2009. 35 p.
Hübener W. Die römischen Metallfunde von Augsburg Oberhausen. *Materialhefte zur Bayerischem Vorgeschichte,* 1973, Heft 28. 95 s.
Istenič, J., Schneider, G. Aegean cooking ware in the Eastern Adriatic. *Rei Cretariae Romanae favtorum*, 2000, Acta 36, pp. 341–348.
Lenz K.H. *Römische Waffen, militärische Ausrüstung und militärische Befunde aus dem Stadtgebiet der Colonia Ulpia Traiana (Xanten).* Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH Publ., 2006. 209 s.
Meffre J.-C., Raynaud C. Céramique commune kaolinitique. *LATTARA*, 1993, vol. 6, pp. 488–499.
Miks C. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit.* Leidorf, Verlag Marie Leidorf GmbH Publ., 2007. 522 s.
Suceveanu A. La céramique romaine des Ier – IIIe siècles ap. J.-C. *Histria*, 1985, vol. X. 191 p.
Unz K., Deschler-Erb E. Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976. *Veroeffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa,* 1997, Band 14. 96 s.

Резюме

В статье публикуется комплекс предметов второй четверти – середины II века, обнаруженный в 2017 г. во время исследования памятника римского времени на вершине горы Суздальская. Комплекс представляет собой мусорный сброс из римского поста, построенного рядом в это время. Таким способом была засыпана землянка раннего поселения. Исследование находок показало, что римские солдаты перенесли на место новой дислокации часть материальной культуры, с которой они были связаны до этого. Такую особенность мы наблюдаем только на начальном этапе существования римского поста на

высоте Суздальская. В дальнейшем, как показали раскопки позднего слоя второй половины II – начала III вв., римские военнослужащие пользовались распространенной в Юго-Западной Таврике керамикой.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, римское время, краснолаковая керамика, кухонная керамика, амфоры, светильники, римское военное снаряжение.

Summary

In article published complex of objects of the second quarter – middle of the 2-nd century, discovered in 2017 year during excavations of Roman object on top of the Syzdal'skaya mountain. The complex is a garbage dump from a Roman post, built nearby at this time. In this way the dugout of the early settlement was filled up. A study of the findings showed that the Roman soldiers transferred to the place of new location a part of the material culture with wich they were connected before. Such a feature we observe at the initial stage of the existence of the Roman post on top of the Syzdal'skaya mountain. Later, as the excavations of late layer of the second half of 2-nd - beginning of 3-rd centuries here showed, that roman soldiers used common pottery of South-Western Taurica.

Key words: Chersonessos of Taurica, roman time, redslip pottery, kitchen pottery, amphoras, oil lamps, roman military equipment.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:
Дорошко Валентин Валерьевич,
Федеральное государственное бюджетное учреждение «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
научный сотрудник.
тел. +7(978)800-38-46
e-mail – valentindor@mail.ru

Дорошко Ольга Павловна,
Федеральное государственное бюджетное учреждение «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
заведующий научно-фондовым отделом.
тел. +7(978)800-38-47
e-mail – doroshko.olg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Doroshko Valentin Valer´evich,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»,
Researcher.
тел. +7(978)800-38-46
e-mail – valentindor@mail.ru

Doroshko Olga Pavlovna,
The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese»,
Researcher.
тел. +7(978)800-38-47
e-mail – doroshko.olg@mail.ru

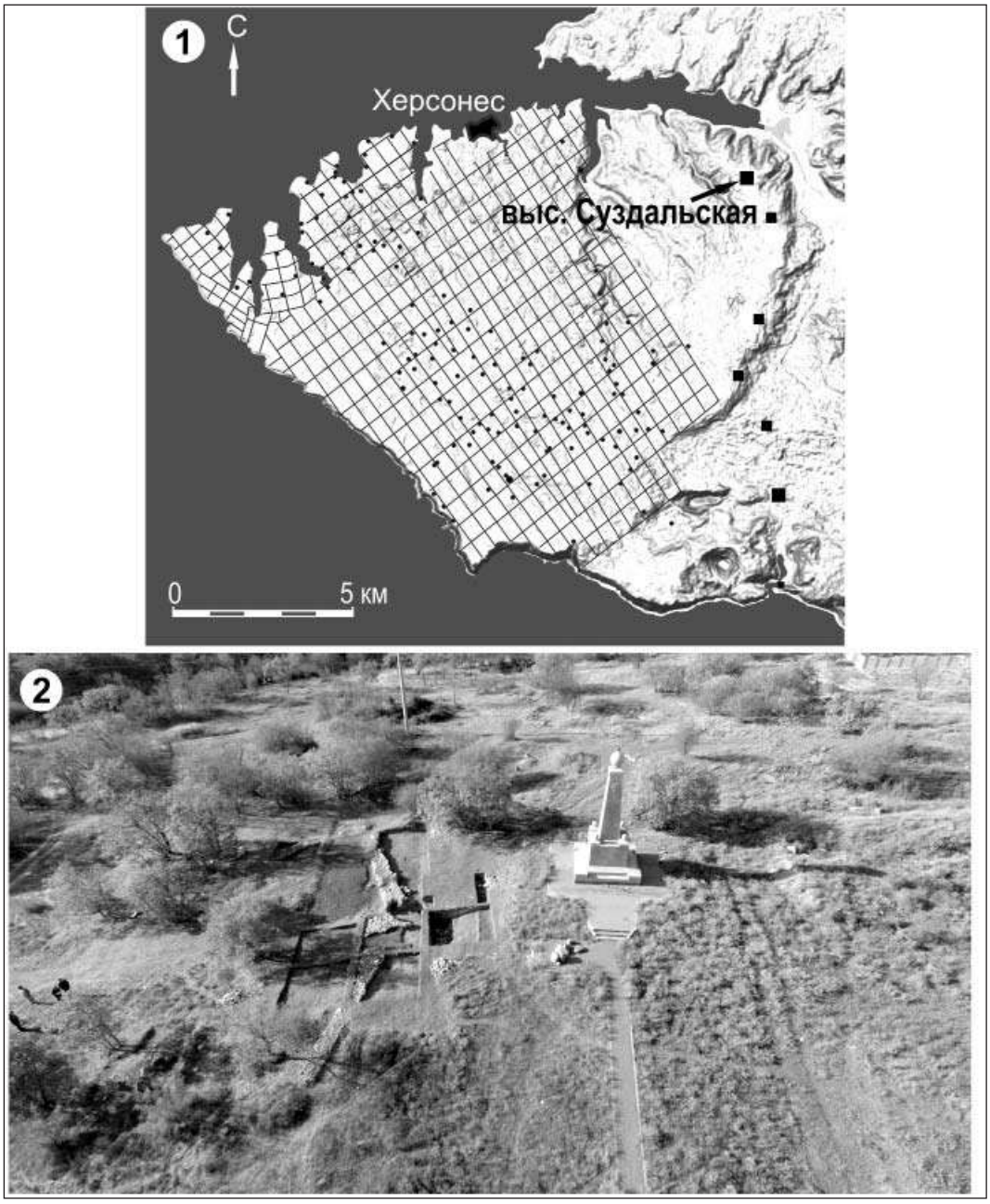


Рис. 1. Местоположение (1) и аэрофотоснимок (2) участка исследований на высоте Суздальской (фото В. Фролова).

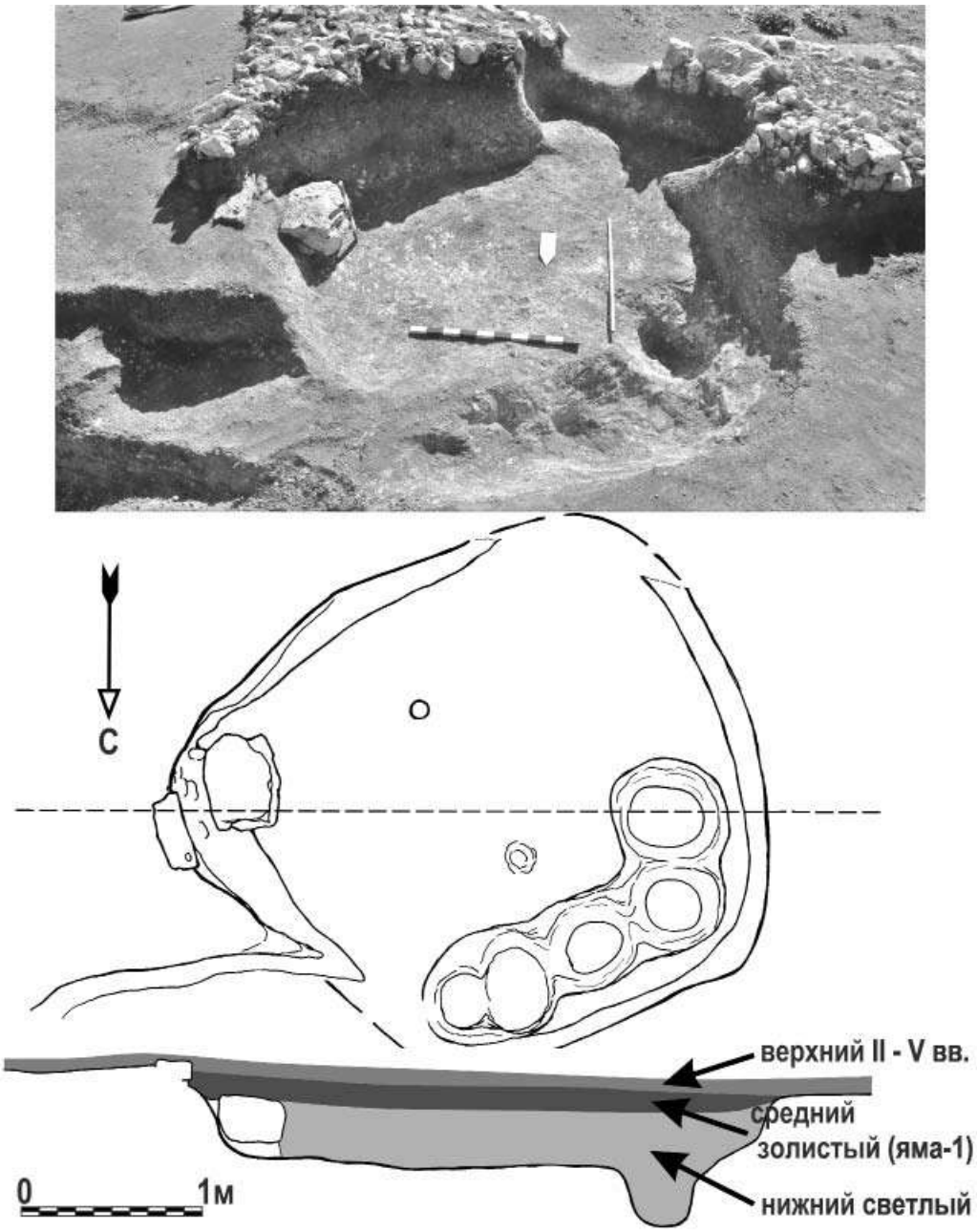


Рис. 2. Общий вид, план и стратиграфия напластований землянки, раскопанной в 2017 г.

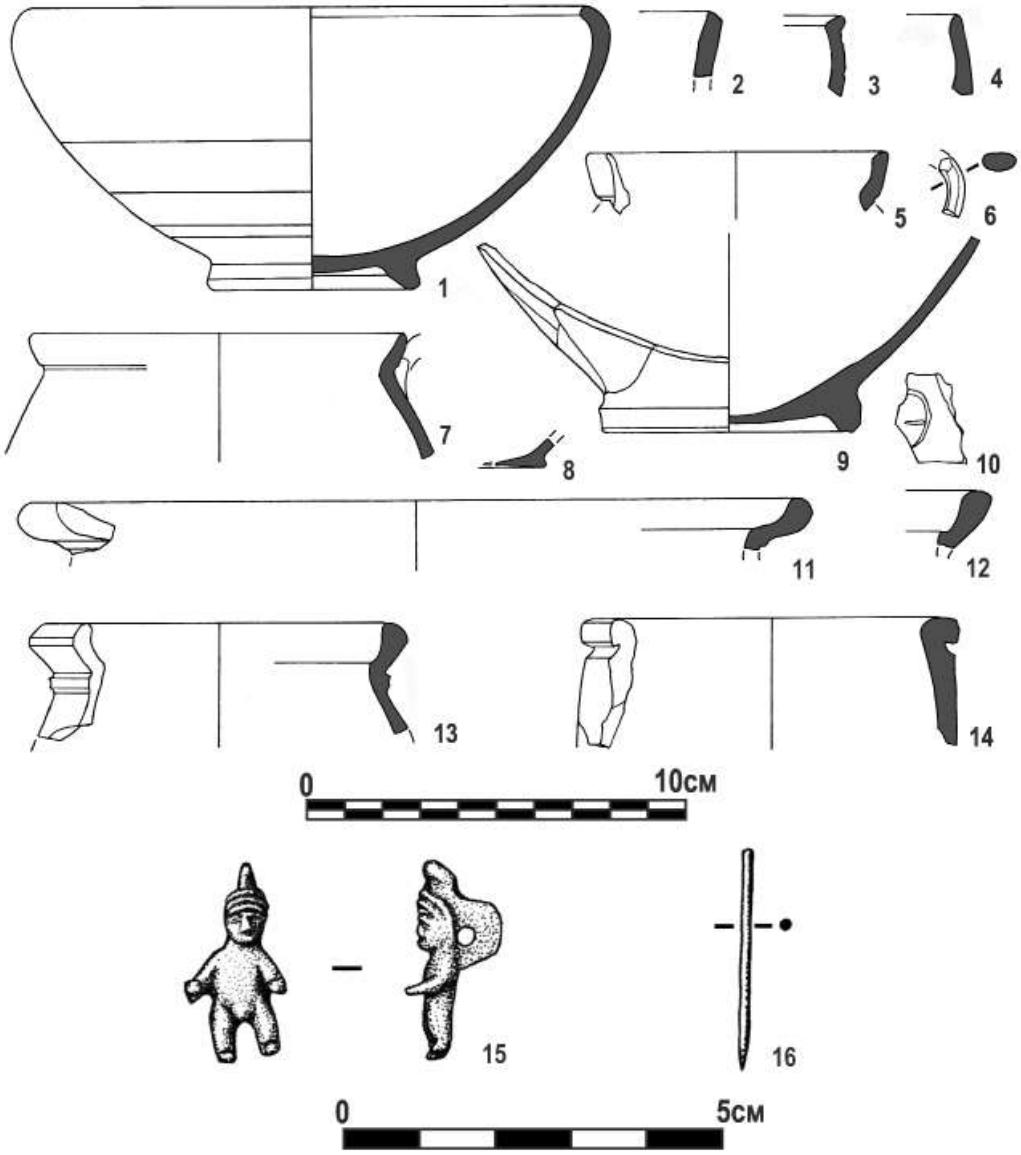


Рис. 3. Находки из нижнего слоя засыпи землянки.
1 – 14 – глина, 15, 15 – бронза.

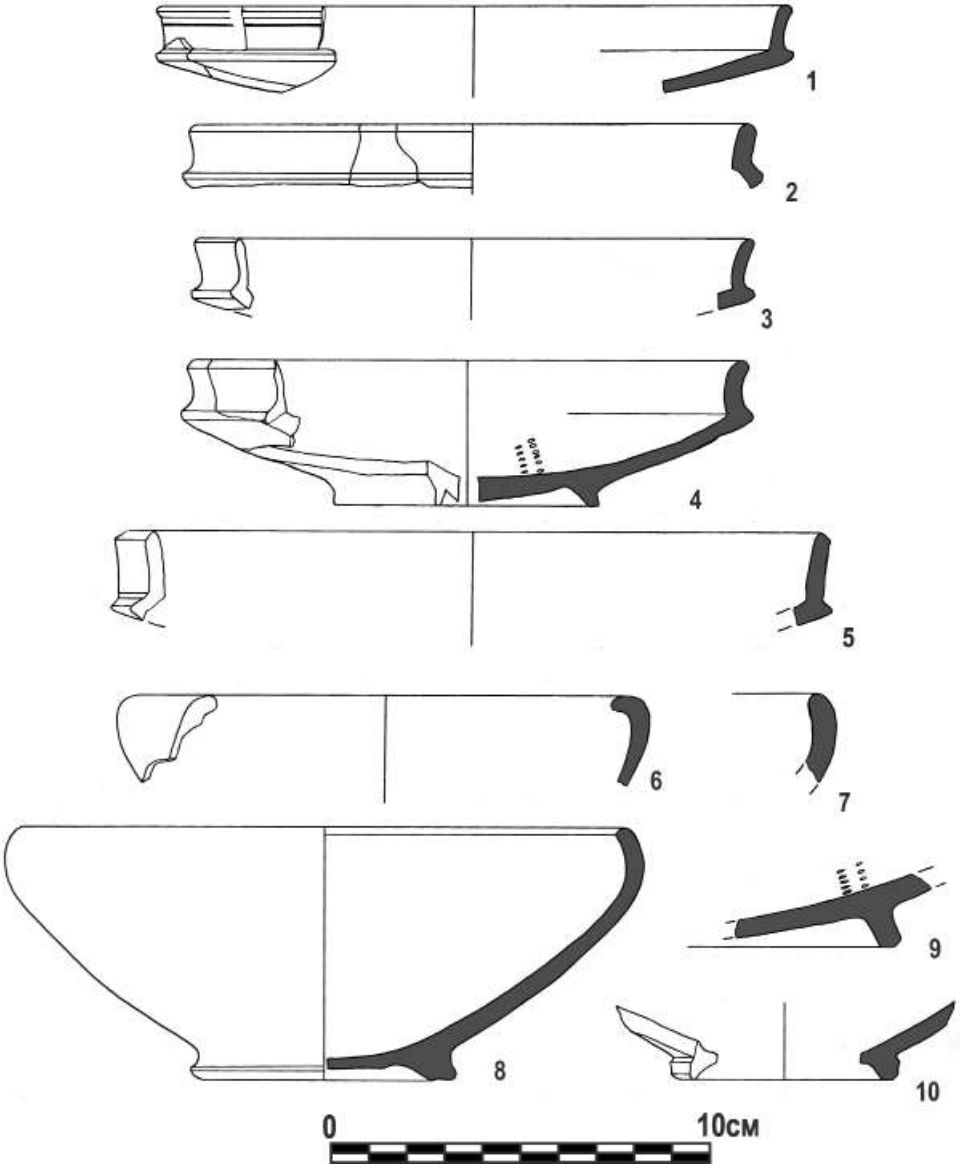


Рис. 4. Краснолаковая керамика из средней засыпи землянки.

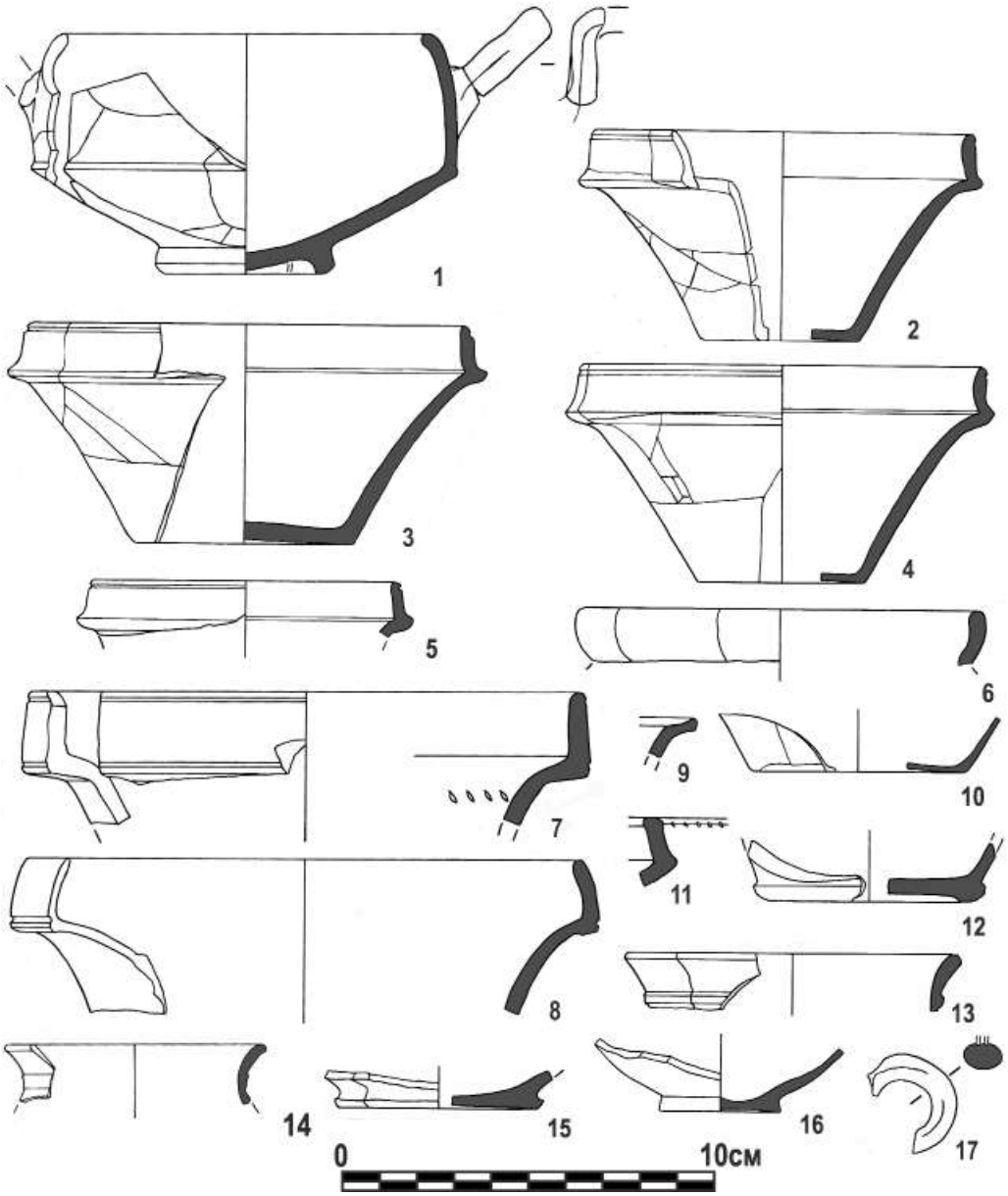


Рис. 5. Краснолаковая керамика из средней засыпи землянки.

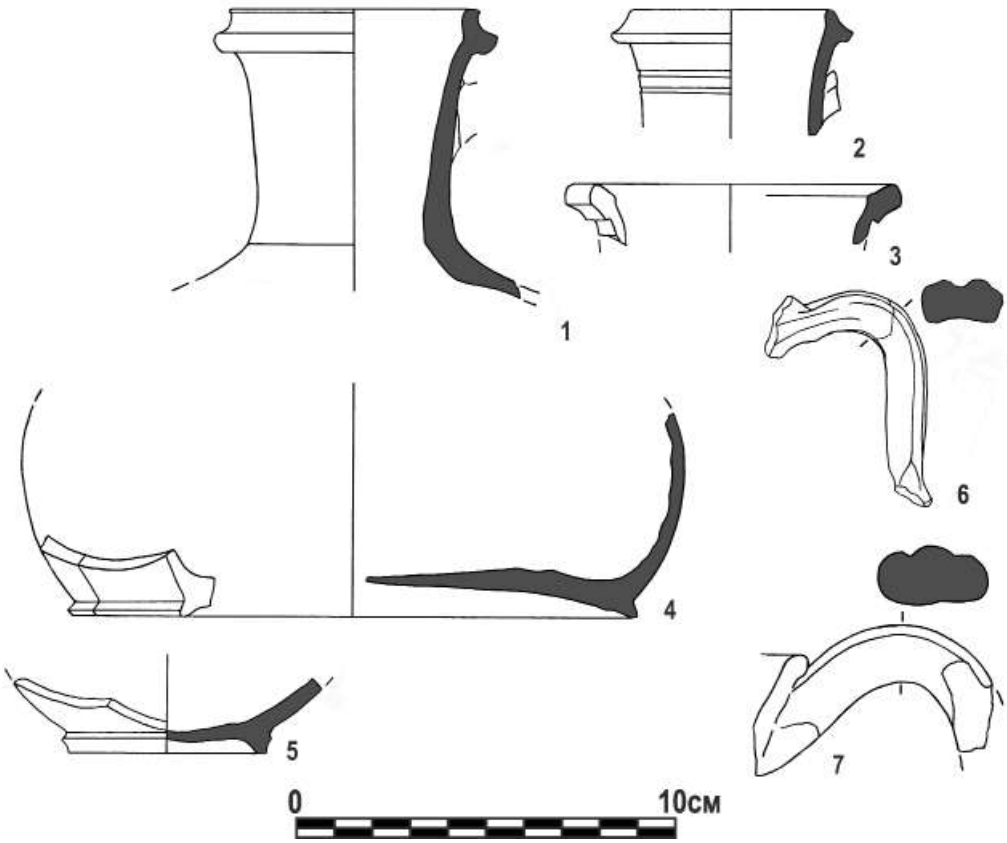


Рис. 6. Фрагменты краснолаковых кувшинов из средней засыпи землянки.

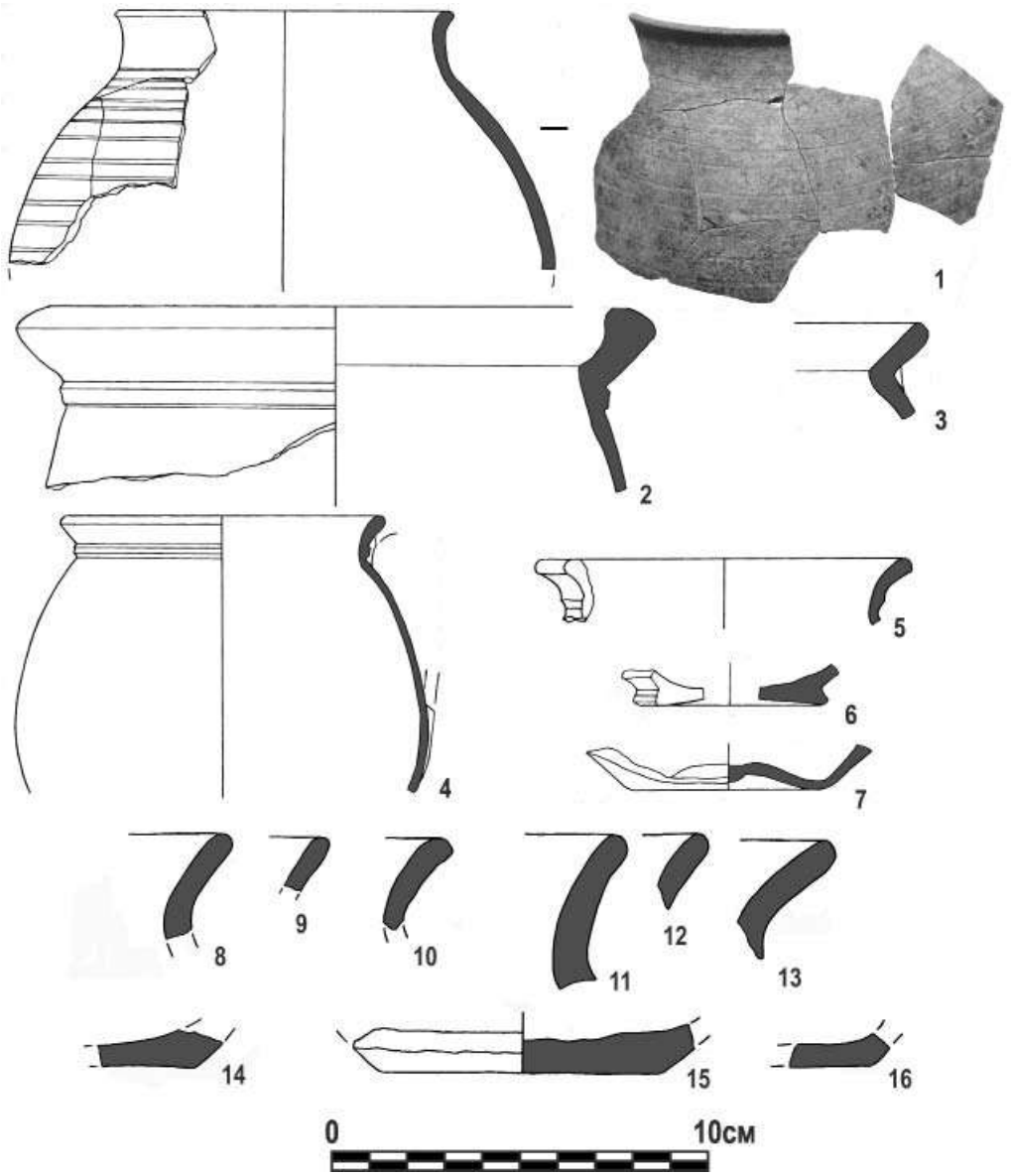


Рис. 7. Фрагменты кухонной гончарной (1 – 7) и лепной (8 – 16) керамики из средней засыпи землянки.

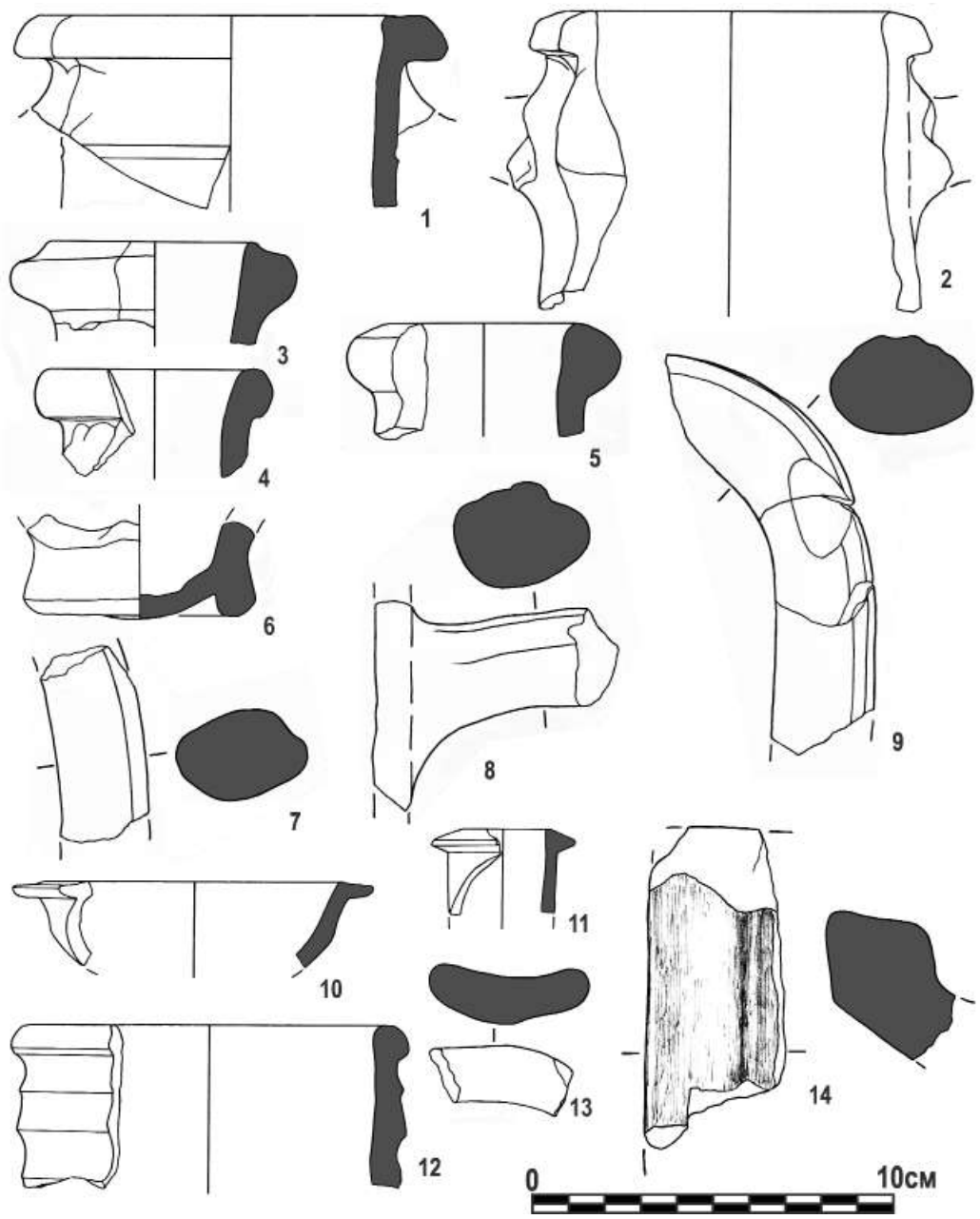


Рис. 8. Керамические находки из средней засыпи землянки.

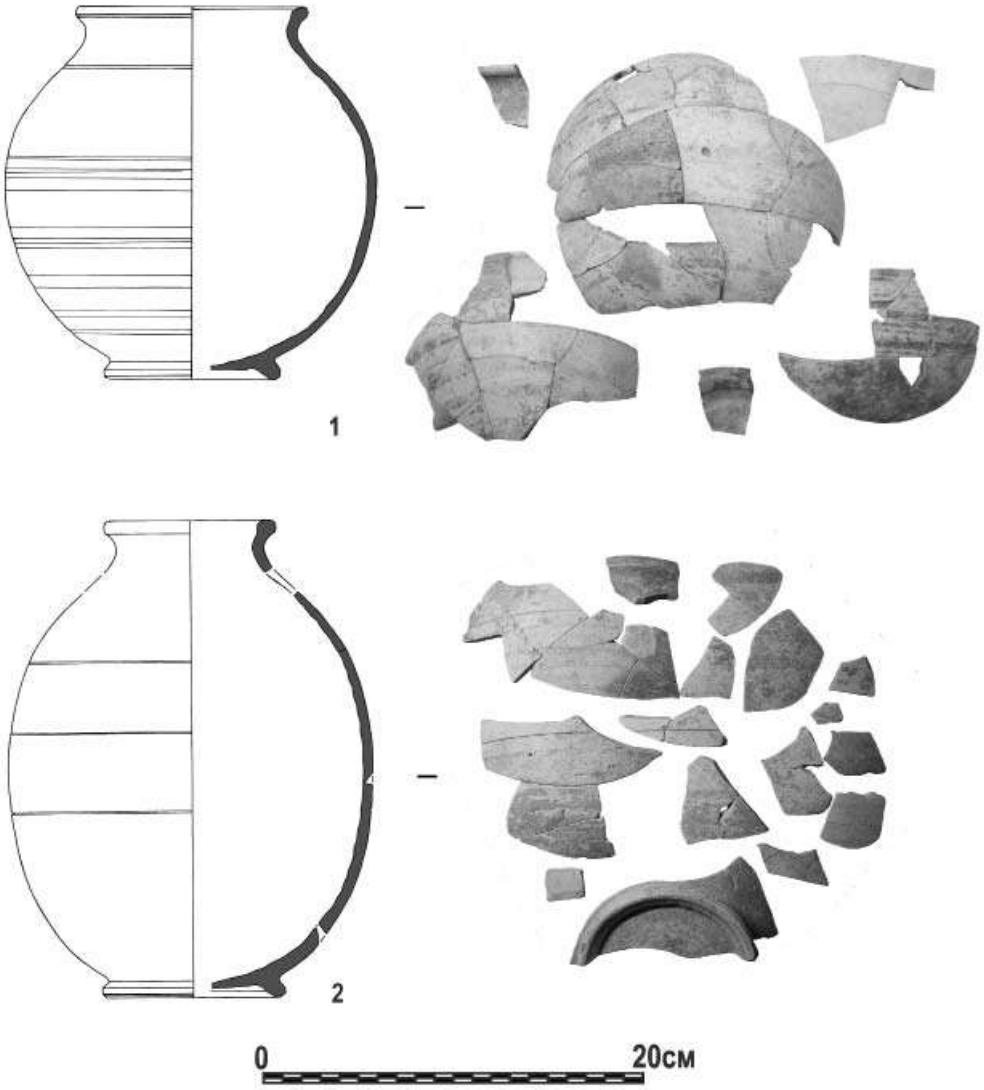


Рис. 9. Фрагменты урн из средней засыпи землянки.

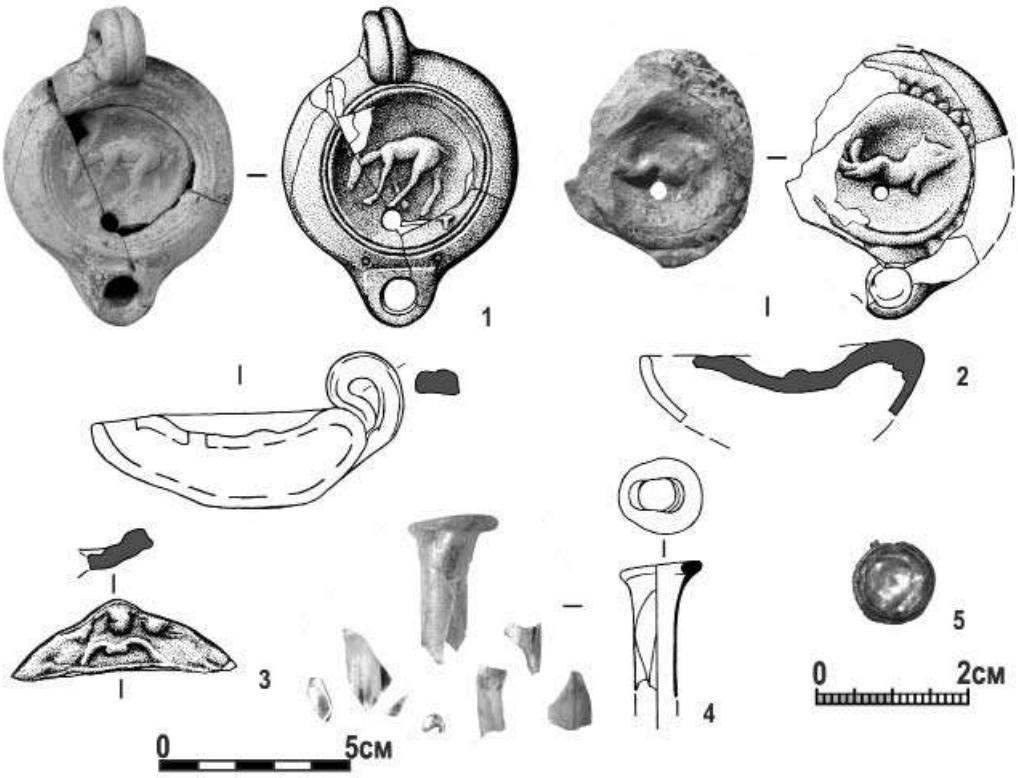


Рис. 10. Индивидуальные находки из средней засыпи землянки.

1 – 3 – глина, 4 – стекло, 5 – желтый металл, стекло.

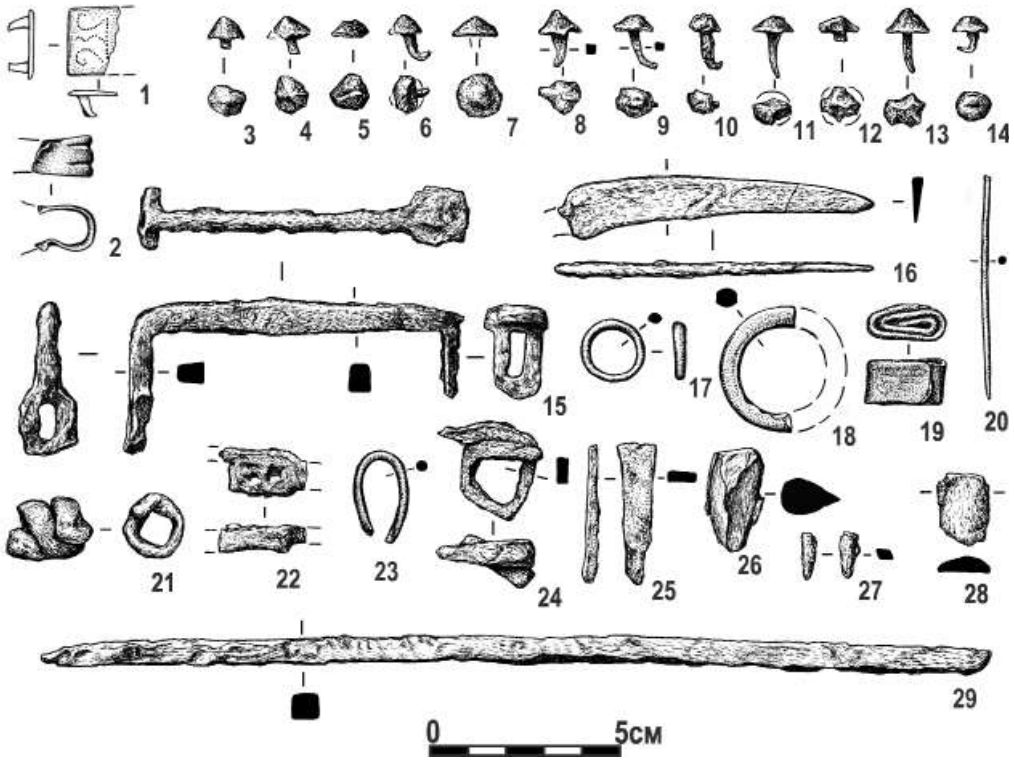


Рис. 11. Металлические изделия из средней засыпи землянки.
1, 2, 17, 18, 20, 23 – бронза, 3 – 16, 21, 22, 24 – 29 – железо, 19 – свинец.

Рис. 12. Бронзовые монеты из средней засыпи землянки.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Я.М. ПАРОМОВ
IA.M. PAROMOV

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. ЧАСТЬ 1 (конец XVIII – начало XX вв.)
HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE TAMAN PENINSULA. PART 1 (the late XVIII – the early XX cc.)

Путешественники и первые государственные раскопки (конец XVIII – первая половина XIX вв.).

История археолого-топографических и археологических исследований Таманского полуострова (рис. 1) насчитывает более двухсот лет. Ее ранний этап охватывает конец XVIII и первую половину XIX вв. Это время было периодом начального накопления знаний о памятниках вновь присоединенного к России региона, периодом обследования его отечественными и зарубежными путешественниками. Это же время было периодом стихийных (по сути, грабительских) раскопок и учреждения первых государственных исследований памятников. Публикации путешественников носили познавательный характер. Их труды создали особый, описательный жанр в научной литературе. Наряду с важными общегеографическими данными в них содержались ценные сведения о памятниках археологии и древностях – преимущественно об античных монетах и надписях.

Известны и более ранние описания Таманского полуострова, принадлежавшие турецкому путешественнику и географу Эвлии Челеби и французскому дипломату Ламотре. В «Книге путешествия» Эвлии Челеби, пешком обошедшего полуостров в апреле 1666 г., рассказывается о его природе, ландшафте, источниках, дорогах, переправах, осмотренных любознательным странником, о пяти крепостях, восьмидесяти деревнях и поместьях, повествуется об адыгейских и ногайских племенах, встречах с их предводителями, приведены единственные в своем роде сведения и наблюдения этнографического и исторического характера о жилищах, обычаях, ремеслах, оружии, одежде, предметах домашнего обихода и многом другом. Описания Эвлии Челеби до настоящего времени являются ценным источником по исторической топографии Таманского полуострова в турецко-татарский период [Эвлия Челеби, 1979, с. 42–52; Воронов, Паромов, 1987; Паромов, 1992; Волков, 1999; 2000]. Французский дипломат Ламотре (Обри де ла Мотре) в кратких заметках о своем пребывании на Таманском полуострове в 1711 г. сообщает об остатках гербов генуэзских консулов, сохранившихся на крепости в Тамани, о старой турецкой крепости Адасс около Темрюка и о приобретенных им в этом городе нескольких боспорских монетах [La Motraye, 1727. P. 60–62; Гёрц, 1898, с. 60, 149]. Возможно, Ламотре был первым, кто заметил, что развалины у почтовой станции Сенной могут являться остатками Фанагории [Гёрц, 1898, с. 87].

Особую категорию источников по нашей теме составляют старые карты Таманского полуострова. Следует сказать, что необходимость использования рукописных и гравированных карт конца XVIII – начала XIX вв. для изучения истории археологических открытий и исследований в общем плане отмечалась неоднократно [Каменецкий, 1998, с. 131; 2002, с. 8; Тункина, 2002, с. 372]. Более того, по мнению И.С. Каменецкого, помещение военными топографами археологического памятника на карту можно рассматривать как введение его в научный оборот [2002, с. 8]. Обращаясь к уровню развития и техническим возможностям отечественной картографии того времени, следует отметить высокую насыщенность российских топографических карт археологической информацией. При этом следует принять во внимание, что археологическая нагрузка закладывалась в карты профессиональными геодезистами (в основном офицерами) без участия археологов или их указаний: различные объекты (древние развалины, укрепления, валы, курганы) попали на карты, прежде всего, в силу своей ландшафтной выразительности.

Представим краткий анализ шести карт Таманского полуострова екатерининского времени (1786–1794 гг.), хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА): пяти рукописных и одной гравированной, выполненных в масштабе 4 версты в 1 английском дюйме (в 1 см – 1,68 км; одна из рукописных карт имеет масштаб 8 верст в 1 дюйме = 3,36 км в 1 см) (РГВИА, ВУА. Ф. 846, оп. 16: № 21159, 21468, 23629, 25887; Ф. 349, оп. 40, № 1757; Ф. 422, д. 615). Площадь Таманского полуострова составляет около 1200 кв. км. На каждой из шести карт показано от 70 до 122 курганов и от 3 до 6 крепостей-батареек античного и средневекового времени, а также остатки от 43 до 47 поселений турецко-татарского периода; на трех картах обозначен Киммерийский вал, изображенный всеми четырьмя участками. Таким образом, археологическая нагрузка на «снятых по инструменту» картах екатерининского времени составляла от 103 до 144 памятников в расчете на 1000 кв. км. Эти показатели следует признать высокими, при этом особенно важно, что практически все указанные на картах остатки древностей уверенно отождествляются с известными сегодня памятниками археологии.

Среди отечественных и иностранных путешественников, по различным побуждениям посетивших Таманский полуостров в конце XVIII и первой половине XIX вв., были разные по своей подготовке лица: ученый-энциклопедист академик П.С. Паллас (1794), молодой ботаник Ф.К. Маршал фон Биберштейн (1794), главная надзирательница Санкт-Петербургского Императорского института благородных девиц М. Гатри (1795–1796), польский аристократ И.О. Потоцкий (1797–1798), государственный деятель и писатель П.И. Сумароков (1799, 1802), выпускник (позднее профессор) Кембриджского университета Э.Д. Кларк (1800), архитектор Н.А. Львов-Никольский (1803), хранитель (позднее начальник I отделения) Императорского Эрмитажа Е.Е. Кёлер (1804, 1821), чиновник, увлекавшийся древностями, А.Я. Фабр (1815), молодой ученый (впоследствии академик) П.И. Кёппен (1819, 1829), основоположник археологии Боспорского царства П. Дюбрюкс (1820,

1822), швейцарский натуралист и археолог Ф. Дюбуа де Монпере (1832–1834), меценат, снарядивший научную экспедицию по изучению Южной России и Крыма, А.Н. Демидов (1837), правитель канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника Д.В. Карейша (1839), директор Керченского музея А.Б. Ашик (1841, 1846), профессор Ришельевского лицея в Одессе и археолог-антиковед П.В. Беккер (1852), «чиновник для раскопок» Керченского музея Я.М. Лазаревский (1854–1855), начальник I отделения Императорского Эрмитажа Ф.А. Жиль (1858–1859) [подробнее см.: Паромов, 1992а, с. 109–114; Тункина, 2002, с. 42–103, 558–578; 2010, с. 23–29].

Почти все перечисленные путешественники опубликовали свои наблюдения и исследования. Наиболее важными из них со временем были признаны труды ученых-натуралистов и археологов П.С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере. Академик Паллас оставил детальное описание Таманского полуострова: морских переправ и берегов, заливов, лиманов, рукавов Кубани, бассейнов и колодцев, соленых и пресных источников и озер, городов Тамани и Темрюка, находившихся в них церквей и мечетей, старых и новых крепостей, в том числе только что возведенной рядом с Таманью земляной крепости Фанагория, при строительстве которой в 1792 г. был извлечен из земли Тмутараканский камень и другие находки: античные надписи, скульптуры, монеты, амфоры, расписные сосуды, античные и средневековые надгробия. В 1794 г. Палласом была обследована местность от мыса Тузла до старого Темрюка и от Бугазской косы до косы Чушка. Изучая ее, он описывал геологическое строение, почвенный покров и флору полуострова, нефтяные источники, действующие и потухшие грязевые вулканы, отдельные курганы и скопления курганных насыпей у современных поселков Сенной, Приморский, Артющенко, Батарейка и станицы Голубицкая, «аллеи» и вереницы курганов, расходящиеся от них и от Тамани в разных направлениях, остатки татарских деревень, крепостей-батареек античного и средневекового времени, четыре участка Киммерийского вала. Эти и другие археологические памятники были, как он сам пишет, «исследованы им с большой тщательностью» [Pallas, 1801; Паллас, 1883, с. 61–92].

В 1832–1834 гг. Дюбуа де Монпере удалось осуществить задуманное им ранее путешествие по южным областям России, Крыму и Кавказу, во время которого он дважды посетил Таманский полуостров. Путевые наблюдения швейцарского ученого, сопровождаемые ценными отступлениями, касающимися геологии полуострова, его топографии, археологии, ботаники и других областей знаний, вошли в пятый том шеститомного труда, снабженного атласом из 200 таблиц с картами, видами ландшафтов, архитектурными планами и рисунками древностей, выполненными на самом высоком уровне [Dubois, 1843; Паромов, 1992а, с. 11–113; Тункина, 2002, с. 97–103]. Следует отметить, что достоинства атласа в картографической части были обеспечены предоставленными ученому новейшими российскими картами. Маршрутное описание полуострова в книге Дюбуа построено с востока на запад: открываясь островом Кандаур (станица Курчанская и современный Темрюк), оно переходит к острову Тирамбе (станица Голубицкая), Киммерийскому острову (Фонталовский

полуостров), Фанагорийскому острову (поселки Сенной и Приморский, станица Ахтанизовская) и острову Синдика, охватывавшему, по Дюбуа, всю южную часть Таманского полуострова от станицы Тамань до поселка Белый. Изучение низовьев Кубани привело его к убеждению, что в античное время Таманский полуостров представлял собой несколько островов, разделенных заливами, лиманами и рукавами Кубани – Антикита. Эти взгляды нашли среди ученых и сторонников, и противников, однако они, бесспорно, оказали значительное влияние на дальнейшее развитие науки. Многие предположения Дюбуа де Монпере подтвердились в наше время геологическими, геоморфологическими и гидрологическими данными [Зенкович, 1958, с. 175–219; Муратов, 1960, с. 131; Федоров, 1963, с. 138–143; Мильков, 1977, с. 163–166].

Почти все путешественники руководствовались в своих действиях сведениями из трудов и отрывков сочинений древних авторов (прежде всего, Страбона). Любые следы античной культуры они стремились идентифицировать с упомянутыми в источниках пунктами. Нет ничего удивительного, что их собственные заметки содержат множество гадательных или просто фантастических локализаций древних поселений. При данном подходе это было неизбежно, хотя сам великий географ говорил, что большую часть сведений как его коллеги, так и он получают по слухам и затем составляют свои представления о форме, величине и других характерных особенностях описываемого региона (Strabo., II, 5, 11). Вероятнее всего, по текстам Страбона невозможно реконструировать реальную картину Азиатского Боспора. Перечисленные им города, селения, реки, заливы, озера в свое время, безусловно, существовали в действительности, однако в рассказе географа скрыты почти незаметные, но неразрешимые противоречия, не позволяющие соединиться отдельным частям общей картины. Возвращаясь к нашей теме, следует отметить и негативную сторону деятельности таких путешественников, как англичанин Кларк, связанную с нелегальным приобретением и вывозом из Северного Причерноморья лапидарных памятников, среди которых находился ряд таманских надписей [Паромов, 1992а, с. 111; Тункина, 2002, с. 57].

Рассматриваемый период (конец XVIII в. – первая половина XIX в.) известен рядом случайных замечательных открытий. К главнейшим из них относится находка в 1792 г. упоминавшегося ранее Тмутараканского камня [Бертье-Делагард, 2013; Медынцева, 1979; Воронов, Михайлова, 1983, с. 163, 164; Тункина, 1993, с. 7–9; 2002, с. 562]. Предположительно в самом начале 1790-х годов (вероятно, не позднее 1793) генералом Вандервейде по личному усмотрению были произведены раскопки большого кургана у почтовой станции Сенной. Погребения, найденные в сводчатом склепе, сложенном из блоков известняка, были разграблены, чернолаковые сосуды разбиты. До Эрмитажа дошла единственная находка – литой золотой браслет со змеиными головками на концах [Гёрц, 1898а, с. 4–7; Формозов, 1975, с. 175; Тункина, 1993, с. 9–11; 2002, с. 562–564]. В 1804 г. хранителем Эрмитажа Е.Е. Кёлером на хуторе казачьего полковника Рахманова, вблизи грязевого вулкана Гора Бориса и Глеба,

на Рахмановском мысу на Ахтанизовском лимане был найден памятник царицы Комосарии. Он состоял из двух статуй – мужской и женской и постамента с надписью – посвящением богам Санергу и Астаре (КБН. № 1015). Из нее впервые стала известна титулатура боспорских правителей [Гёрц, 1898а, с. 7–10; Тункина, 1993, с. 11–13; 2002, с. 73, 570–572; Паромов, 2018, с. 280. № 15]. В 1817–1818 гг. инженер-полковником Я.Л. Парокья с целью добычи камня и глины для сырцовых кирпичей раскапывался курган, находившийся недалеко от крепости Фанагория около Тамани (курган Тамань 79). При этих «раскопках» были вскрыты четыре каменные гробницы с богатыми погребениями, в которых присутствовали печать-инталия с вращающимся камнем, золотой лавровый венок с монетой (статером Филиппа II Македонского) в центре, набор серебряных сосудов, золотой медальон-застежка, золотой перстень с железной вставкой в жуковине, золотой венок, серьга в виде эрота, золотые бусы, расписные вазы, чернолаковые сосуды и другие вещи. Часть этих находок в разрозненном виде попала в Эрмитаж [Гёрц, 1898а, с. 10, 150, 151; Ростовцев, 1925, с. 287, прим. 1; Зограф, 1951. Табл. XI. 2; Формозов, 1975, с. 172; Тункина, 1993, с. 13–18; 2002, с. 572–576; Паромов, 2002, с. 199–201]. В 1818 г. после извержения грязевого вулкана Гора Бориса и Глеба, обнажившего фундаменты большого древнего здания, была обнаружена надпись Ксеноклида, посвятившего храм Артемиде Агротере (КБН. № 1014). Камень из фундаментов был выбран ахтанизовскими казаками на постройку новой церкви, а красивая надпись, высеченная на плите известняка, была поставлена в старой церкви. Годом позже (в 1819), во время своего путешествия по Таманскому полуострову, ее увидел и скопировал будущий академик П.И. Кёппен [Гёрц, 1898а, с. 10–13; Тункина, 1993, с. 18–21; 2002, с. 576–578; Паромов, 2018, с. 280. № 15]. В 1845 г. в Тамани в турецкой крепости на античном городище был найден Пуленцовский клад, ставший важнейшим нумизматическим открытием своего времени. Запутанная история его поисков началась еще в 1817 г. В 1845 г. ими руководил инициатор раскопок есаул Пуленцов. Открытие случилось в его отсутствие. Рабочие разделили клад между собой, оставив Пуленцову 21 монету (17 золотых пантикапейских статеров и 4 электровых статера Кизика). Ценнейшая информация о дальнейших передвижениях монет была найдена в архивах и опубликована И.В. Тункиной [2002, с. 580, 581]. Многие монеты из Пуленцовского клада в конце концов попали в Эрмитаж, где присутствуют все три разновидности пантикапейских золотых статеров и три из четырех кизикинов из клада [Гёрц, 1898а, с. 38–44; Зограф, 1951, с. 173; Тункина, 2002, с. 363, 579–582].

Благодаря вниманию правительства к открытию русских древностей, значительно повысившемуся после сенсационных находок в царских курганах вокруг Керчи, с 1836 г. раскопки на Таманском полуострове приобрели официальный характер и финансировались государством. В течение десятилетия (1836–1847 гг.) исследования на Таманском полуострове проводились под наблюдением директора Керченского музея А.Б. Ашика и чиновника Министерства внутренних дел Д.В. Карейши. Их деятельность до сих пор оценивается неоднозначно. Многие их современники и

более поздние специалисты по археологии Боспора критиковали А.Б. Ашика и Д.В. Карейшу за методику раскопок, краткость и низкий уровень отчетной документации [Тункина, 2010а, с. 533]. Необходимо отметить, что главным полем их деятельности, тем полигоном, на котором керченские чиновники отрабатывали методы раскопок, был обширный курганный могильник в окрестностях Керчи. Таманский полуостров стоял на втором месте и по значению, и по времени освоения, однако подходы и там и тут были те же, а общая картина – одинаковой. В короткое время вокруг Керчи были перерыты сотни курганов. При малейшей неудаче курган бросали и переходили к другому. Жажда быстрых успехов, постоянное перемещение раскопок не давали возможности доводить работы до конца. Раскопки производились одновременно в пяти-шести местах, надзор за ними возлагался на артельщиков. Руководителю приходилось переезжать с места на место, упуская из поля зрения то, что могло бесследно исчезнуть. О каких-либо научных методах не приходилось говорить. При таких обстоятельствах не велись журналы раскопок, не составлялись планы раскопанных могил. Их не требовали. Составлялся акт о сотнях вырытых кубов земли, производилась запись вещей по рубрикам: золото, серебро, медь, железо… и начинались новые раскопки. Наиболее ценные вещи немедленно отправлялись в Петербург. Своими находками А.Б. Ашик и Д.В. Карейша чрезвычайно обогатили Эрмитаж [Гёрц, 1898а, с. 14–18; Марти, 1926, с. 9].

В указанное выше десятилетие (1836–1847) раскопки на Таманском полуострове производились неравномерно. После неудачного начала А.Б. Ашика (1836) и последовавшего двухлетнего перерыва (1837, 1838) Д.В. Карейша приступил к разработке огромной насыпи рядом с почтовой станцией Сенной (1839). В следующем году (1840) Ашик возобновил свои работы на Таманском полуострове, продолжив их уже в новом (1841) сезоне раскопками нескольких ограбленных гробниц, а также обследованием полуострова, результаты которого были зафиксированы на карте, помещенной в его книге [Ашик, 1848. II, с. 12]. В том же году (1841) Д.В. Карейша частично раскопал несколько курганов близ станции Сенной, а годом спустя (1842) возобновил исследования огромной насыпи, начатой ранее (1839). Сезон 1842 г. был открыт Карейшей раскопками девяти курганов в окрестностях Тамани и к югу от нее (в сторону горы Зеленской и лимана Цокур). Оттуда в зимнее время (1842–1843) работы были перенесены им к почтовой станции Сенной, где исследовались семь насыпей и были начаты еще три «замечательные своей формой и величиной кургана», раскопки которых остановлены в самом начале в связи с отсутствием средств. В начале следующего сезона (1843) продолжились раскопки огромной насыпи около Сенной, начатые четыре года назад (1839). После годичного перерыва (1844) Карейша вновь сменил район исследований, перенеся их в окрестности станицы Старотитаровской (1845) и выбрав для раскопок девять больших курганов (Пужайка и другие к северо-западу от станицы) и пять меньшего размера, находившихся ближе. В том же году (1845) Карейша частично исследовал три кургана близ станции

Сенной. В следующем сезоне (1846) Ашик одновременно производил раскопки в четырех удаленных друг от друга местах: более 30 курганов исследовалось в районе Сенной; к северо-западу от Старотитаровской исследовалось девять курганов, выстроившихся вереницей вдоль южного берега Ахтанизовского лимана; у западной окраины станицы Старотитаровской раскапывалось два кургана – большой и малый; большой курган исследовался у юго-западной окраины Тамани. Вероятно, в этот последний год своих исследований на Таманском полуострове (1846) Ашик производил раскопки Фонталовской батарейки (остатков античной и средневековой крепости на поселении Фонталовская 1) и большого кургана Фонталовская 9. Поздней осенью и зимой 1846–1847 гг. Карейша снова вернулся в район Сенной, где раскопки были произведены им в 20 насыпях так называемой Аллеи курганов, протянувшейся от Фанагории в юго-восточном направлении, а также в других насыпях, окружавших древний город. Всего в окрестностях Сенной им было вскрыто не менее 34 курганов. Не удовлетворившись результатами раскопок у Сенной, он предпринял раскопки еще девяти курганов, протянувшихся вереницей по склону Цымбал в сторону станицы Ахтанизовской. Это были последние раскопки, произведенные им на Таманском полуострове. В течение следующих трех лет (1848–1850) никаких исследований в этом регионе не производилось [Карейша, 1844; 1846; Ашик, 1848; Гёрц, 1898а, с. 18–36; Тункина, 2002, с. 578, 579].

Раскопки А.Б. Ашика и Д.В. Карейши в Восточном Крыму и на Таманском полуострове завершают ранний этап развития науки о классических древностях юга России, справедливо названный эпохой детства отечественной археологии [Тункина, 2010а, с. 533]. Ее достижения и недостатки были вполне закономерны. Они объясняются несколькими причинами и обстоятельствами. Известно, что А.Б. Ашик и Д.В. Карейша не имели специальной археологической подготовки. В археологию они пришли во многом благодаря содействию И.А. Стемпковского – керченского градоначальника и одного из создателей классической археологии в России, а также благодаря любви к раскопкам и служебному усердию [Тункина, 2002, с. 120, 159, 164]. А.Б. Ашик полагал, «что для открытия в кургане гробницы не нужно ни ума, ни познаний. Хороший заступ, счастье, маленькая опытность рабочих – вот что нужно при раскопке могил» [Люценко, 1907, с. 65]. Хорошо осведомленный о состоянии дел в науке и раскопочной практике президент Академии художеств и знаток классических древностей А.Н. Оленин вполне обоснованно считал, что А.Б. Ашик и Д.В. Карейша не получат «желанного полного успеха» в своих работах в силу отсутствия должной подготовки [Тункина, 2002, с. 189]. Тяжелейшим обстоятельством для обоих керченских археологов была постоянная гонка, происходившая «частью, от непосредственного начальства, которое не любило входить в мелочные подробности, сопровождающие каждое открытие, и требовало от производителя работ одних только драгоценных вещей» [Люценко, 1907, с. 71]. Следствием этой гонки стали подозрительность, стремление опередить соперника в захвате казавшегося «счастливым» кургана,

зависть и ссоры, происходившие между А.Б. Ашиком и Д.В. Карейшей [Люценко, 1907, с. 68]. В этой обстановке на Таманском полуострове, по самым минимальным подсчетам, раскопками керченских археологов было затронуто не менее 160 курганов. В действительности их, скорее всего, было значительно больше, о чем свидетельствуют данные аэрофотосъемок середины прошлого века.

Высшим достижением отечественной археологии того времени и науки о классических древностях явилось задуманное в 1841 г., но вышедшее лишь в 1854 г. под редакцией Ф.А. Жиля фундаментальное издание «Древностей Босфора Киммерийского» (ДБК) в двух томах, с параллельным текстом на русском и французском языках, в сопровождении роскошного атласа. Замечательные памятники античного искусства и ремесла, найденные в ходе работ керченских чиновников в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, были опубликованы в этом издании не по комплексам или отдельным погребениям, а по материалу их изготовления – золото, серебро, бронза, железо, глина и т.п. [Тункина, 2002, с. 240, 241; 2010а, с. 533].

Формирование научных подходов.
Императорская археологическая комиссия. Раскопки курганов.
(Вторая половина XIX в. – начало XX в.)

Положение начало меняться под влиянием министра внутренних дел (впоследствии министра уделов) графа Л.А. Перовского, в ведении которого находились раскопки. Научные цели, методика исследований и их фиксация стали приобретать главное значение, раскопки были обеспечены финансированием, рабочей силой, инструментами, базой (жилым домом, сараем и другими помещениями), выстроенной вблизи хутора П.Д. Семеняки и почтовой станции Сенной. С 1851 по 1855 г. исследования на Таманском полуострове производились за редким исключением помощником (с 1852 г. занимавшим должность) директора Керченского музея К.Р. Бегичевым при участии сотрудника музея Я.М. Лазаревского. О каждом шаге К.Р. Бегичев докладывал Л.А. Перовскому, переписка с которым возникла ранее в связи с услугами К.Р. Бегичева по приобретению графом боспорских монет для своего собрания [Гёрц, 1898а, с. 44–51; Тункина, 2002, с. 298–303; Виноградов, 2017, с. 8–21].

В 1851 г., после первого посещения Таманского полуострова графом Л.А. Перовским, раскопки пяти курганов в урочище Каменный Мост (балка Лисовицкого) близ Тамани были поручены войсковому старшине П.Д. Семеняке. В том же году К.Р. Бегичев производил раскопки на Таманском городище – в обрыве, к западу от пристани, там, где был найден мраморный барельеф с фигурами двух гигантов, а также раскопки двух курганов у станции Сенной (в одном из которых был обнаружен мраморный саркофаг) и «в четырех местах» на Тузле [Гёрц, 1898а, с. 44–51].

В 1852 г., при втором посещении Таманского полуострова графом Л.А. Перовским (вместе с Н.И. Надеждиным и князем А.А. Сибирским), в двух курганах некропо-

ля Фанагории произведены показательные раскопки, во время которых «в каменной гробнице были открыты вазы в форме статуэток». В указанном году раскопки на Таманском полуострове производились в четырех местах: 1) на Тузле, у южного кордона; 2) в Тамани, на месте старой турецкой крепости; 3) близ почтовой станции Сенной; 4) на Киммерийском острове, в селении Фонтан (станица Фонталовская). В курганах на Тузле «в тридцати шести местах открыто 23 гробницы, 8 из которых, вероятно самых богатых, оказались расхищены» [Гёрц, 1898а, с. 52–64]. На Таманском городище была уточнена мощность культурных напластований и датировка древнейшего слоя (VI в. до н.э.). Раскопки близ станции Сенной затронули 17 курганов, расположенных в нескольких направлениях: по склону Цымбал, у подножия горы Яновского, по берегу Таманского залива между городищами Фанагория и Кепы, на месте хутора Семеняки, в районе современного поселка Приморский и в Аллее курганов [Гёрц, 1898а, с. 71–90]. К выдающимся открытиям относится женское погребение с четырьмя фигурными полихромными сосудами: богиней с кроталами, молодым Дионисом и двумя менадами – «настоящими шедеврами греческой пластики и живописи» [Гёрц, 1898а, с. 85–90; Ростовцев, 1925, с. 267–269; Паромов, 2004а, с. 309, 312–314; Власова, 2010, с. 200, рис. 3, 4; Застрожнова, 2012]. Разбор отдельных погребений и даже простое перечисление открытий не могут вместить рамки данного раздела, однако нельзя не упомянуть два «в высшей степени интересных скифских кургана» с сырцовыми гробницами-склепами, к которым примыкали камеры с захоронениями коней: в одном случае – четырех, в другом – одиннадцати, размещенных в двух камерах, а также близкое им по обряду, ограбленное в древности погребение на мысе Тузла, от которого сохранилась камера с захоронением двух лошадей с бронзовыми уздечными наборами, по типу близкими находкам в Семибратних курганах [Гёрц, 1898а, с. 62, 72, 73, 79–84; Ростовцев, 1925, с. 349–351; Паромов, 2000, с. 73, 74. № 4, 5, 8]. На Киммерийском острове (Фонталовском полуострове) производились раскопки «одной из самых больших и загадочных насыпей Таманского полуострова» – Фонталовской батарейки (остатков античной и средневековой крепости на поселении Фонталовская 1). В то время эта массивная насыпь ошибочно воспринималась как огромный курган. Открытая в нем каменная стена показалась странным явлением, в связи с чем было решено продолжить исследования в следующем сезоне [Гёрц, 1898а, с. 90–95].

В 1853 г. новым директором Керченского музея был назначен инженер путей сообщения А.Е. Люценко. Должность помощника директора занял К.Р. Бегичев, которому было поручено производство раскопок на Таманском полуострове и за которым, кроме того, были оставлены обязанности рисовальщика и скульптора музея. В его штат дополнительно были включены «чиновник для раскопок» Я.М. Лазаревский (в помощь К.Р. Бегичеву) и А.С. Линевич (в помощь А.Е. Люценко) [Гёрц, 1898а, с. 97; Тункина, 2002, с. 303]. На Таманском полуострове указанный год начался со случайной находки рабочими П.Д. Семеняки на городище Фанагории посвятительной надписи Кассалии (КБН 972) и редкого природного явления – активного извержения грязево-

го вулкана Карабетова Гора, свидетелями которого утром 6 августа стали К.Р. Бегичев и Я.М. Лазаревский [Гёрц, 1898а, с. 96, 101–104; Паромов, 2018, с. 280. № 16]. В сезоне 1853 г. раскопки производились в трех местах: 1) в так называемых сплошных насыпях близ станции Сенной (городище Фанагории); 2) в курганах, окружавших городище и почтовую станцию Сенную; 3) в центральной части Киммерийского острова (станица Фонталовская и ее округа). На городище Фанагории в 60 разрезах, затронувших более 20 сплошных насыпей, было встречено огромное количество материала, характерного для городских и поселенческих остатков (керамики, камня, сырца, золы, костей животных), среди которого присутствовали боспорские монеты и другие находки. Однако в связи с тем, что методические подходы того времени еще не позволяли выявлять и интерпретировать строительные остатки (в особенности остатки сырцовых строений), результаты раскопок самими исследователями были признаны неудовлетворительными [Гёрц, 1898а, с. 104–117]. Тем не менее, как не вполне осознанный в то время успех, следует отметить, что в третьей и пятой сплошных насыпях были обнаружены объекты, по предположению К.Р. Бегичева, являвшиеся гончарными печами для обжига посуды и черепицы, обломки которых находились в них во множестве [Гёрц, 1898а, с. 109, 114; Гайдукевич, 1934, с. 53]. Сведения о раскопках в курганах близ станции Сенной отрывочны, однако можно предположить, что они проводились не менее чем в 14 насыпях. По имеющимся данным, какое-то представление о погребениях и находках можно составить лишь для восьми из них. Все курганы находились на четырех «плоских возвышенностях», вытянувшихся вдоль берега Таманского залива к востоку от городища Фанагории. Первой была возвышенность Восточного некрополя с двумя массивными курганами на западном и восточном краях длиной около 470 м и шириной в средней части около 100 м. Далее к востоку находилась вторая возвышенность до 340 м длиной с девятью курганами, отделенная от первой довольно глубокой балкой. За ней клином выдавалась к морю третья возвышенность с тремя курганами средней величины. За этой возвышенностью шла по самому берегу довольно узкая четвертая, отделенная от предыдущей балкой, имеющая в длину около 130 м, с тремя находившимися у края обрыва курганами. Сезон 1853 г. не оправдал надежд: «в 60 разрезах не было открыто ни одной гробницы с замечательными вещами», результаты раскопок, по оценке исследователей, «были весьма печальны». В журналах работ, письмах и донесениях говорится о «замечательных по устройству, но давно расхищенных гробницах» (каменном расписном склепе с циркульным сводом и длинным дромосом из сырцового кирпича, каменном склепе с двумя отделениями, земляном склепе, остатках погребальных костров и местах сожжения тел умерших). Следует отметить, что в рапортах наряду с сетованиями на неудачи говорится о научной ценности раскопок – знакомстве с новыми типами погребальных сооружений, устройство которых не было известно ранее [Гёрц, 1898а, с. 117–131]. Продолжение раскопок Фонталовской батарейки, начатое в 1852 г., лишь увеличило число «любопытных и спутанных открытий». Найденные в ней восемь пифосов, расположенных в шахматном порядке

и представлявших, скорее всего, остатки большой кладовой, стена из «листового гипса», следы погребения («слой праха») с бронзовой гривной окончательно завели в тупик исследователей, по-прежнему считавших остатки крепости курганом [Гёрц, 1898а, с. 133–136; Лазаревский, 1861, ст. 28]. Раскопки большой насыпи у селения Фонтан (курган Фонталовская 11) привели к открытию «простой гробницы с посудой из черной, весьма грубой глины», не поддававшейся определению. В настоящее время стало очевидным, что подобные погребения относятся к эпохе бронзы. Раскопки малого кургана (Фонталовская 2), кроме отесков «мягкого керченского камня», ничего не дали [Лазаревский, 1861, ст. 28, 29; Гёрц, 1898а, с. 131–133, 136; Паромов, Гей, 2005, с. 321, 322].

Планы исследований на 1854 г. были нарушены событиями Крымской войны (26 апреля неприятельские корабли показались на широте Таманского маяка). Тем не менее, в одном из курганов к западу от городища Фанагории рабочими П.Д. Семеняки случайно был обнаружен деревянный ленчик (основа седла) «замечательного устройства и формы и, как открытие оригинальное, еще не встречавшееся, был тотчас отправлен к графу Л.А. Перовскому». По его распоряжению К.Р. Бегичев произвел доследование разрушенного погребения, в котором были найдены лишь фрагменты железного копья и бронзового уздечного набора [Гёрц, 1898а, с. 138, 139]. Некоторое представление об этой уникальной находке можно составить по хранящейся в Эрмитаже деревянной основе седла, обнаруженной А.Е. Люценко в 1859 г. в одном из курганов под Керчью [Сокольский, 1971, с. 227; Виноградов, Никоноров, 2009].

В 1855 г. раскопки на Таманском полуострове производились в трех небольших курганах, находившихся вблизи почтовой станции Сенной, у северо-восточного подножия горы Шапурской (Майской, Блеваки). Они были выбраны для исследований в связи со случайным открытием в одной из насыпей «жженой гробницы» с двумя золотыми дисковидными филигранными серьгами IV в. до н.э. В трех «широких разрезах» (по одному разрезу на курган) было выявлено до 15 погребений античного времени и, предположительно, эпохи бронзы [Гёрц, 1898а, с. 139–149; Уильямс, Огден, 1995, с. 172. № 109]. В мае неприятель овладел Керченским проливом и городами Керчью и Еникале. Раскопки прекратились. На этом завершился краткий, но насыщенный открытиями период исследований курганного некрополя Фанагории (1851–1855), связанный с именами К.Р. Бегичева и Я.М. Лазаревского [Паромов, 2004, с. 288]. В 1956–1858 гг. на Таманском полуострове археологических исследований не производилось.

Новый этап исследований в этом регионе связан с созданием в 1859 г. Императорской археологической комиссии. В том же году по ее поручению на Таманский полуостров выехал К.К. Гёрц (основатель, доцент и единственный в то время лектор кафедры археологии и истории искусств Московского университета) с целью производства раскопок на городище Фанагории в связи с находкой в 1853 г. памятника Кассалии (посвятительная надпись, КБН. № 972). Главным итогом его

экспедиции стала книга «Археологическая топография Таманского полуострова» [Гёрц, 1870], основанная на собранных им сведениях и собственных наблюдениях. В ней московский ученый дает добросовестное, местами скрупулезное описание памятников, снабженное подробными словесными привязками. Основная часть книги (глава вторая) разбита на 18 маршрутно-поземельных подглав, охватывающих всю территорию полуострова. В них приведены сведения о нескольких десятках древних городищ, поселений, могильников и находках на них, о сотнях курганов. Четыре из 18 подглав (№ 12–15) посвящены северо-западной части Таманского полуострова – Киммерийскому острову. В конце книги помещены четыре карты, главная из которых – «Археологическая карта Таманского полуострова» (№ 2), играла роль путеводителя по памятникам, описываемым в тексте. Проблема локализации античных городов и поселений в этой работе сознательно и вполне обоснованно была обойдена. По выходе в свет книга К.К. Гёрца со стороны некоторых ученых подверглась во многом необоснованной и необъективной критике [Куторга, 1871; Забелин, 1878]. В 1876 г. вышла вторая книга К.К. Гёрца, посвященная историческому обзору археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г. [Гёрц, 1876]. Со временем труды К.К. Гёрца получили признание и высокую оценку всех исследователей, о чем свидетельствует отзыв скупого на похвалы М.И. Ростовцева [1925, с. 260]. В 1898 г. обе книги были переизданы под редакцией В.В. Латышева [Гёрц, 1898; 1898а] и вот уже более ста лет исполняют в литературе роль введения в археологию Таманского полуострова. Наиболее значительными результатами собственных исследований К.К. Гёрца на городище Фанагории и в окружающих его курганах были две надписи: посвятительная, царя Римиталка (КБН. № 976), и почетная, в честь царицы Динамии (КБН. № 979), а также открытие в одном из курганов богатого сарматского погребения, первоначально интерпретированного им как скифское [Гёрц, 1898, с. 98–107, 120–123].

Вторая половина XIX и начало XX вв. применительно к Таманскому полуострову с полным правом могут быть названы эпохой раскопок курганов, целиком осуществлявшихся Императорской археологической комиссией (за исключением, разумеется, грабительских, совершавшихся в нарушение закона). Следует отметить, что исследования Археологической комиссии в силу разных причин и обстоятельств производились неравномерно. Общая хроника раскопок выглядит следующим образом. После исследований К.К. Гёрца в 1859 г. четыре года (1860–1863) раскопки не производились. За этой паузой последовало двадцать лет (1864–1886) почти непрерывных (за исключением 1867, 1876 и 1877 гг.) исследований. Это двадцатилетие отмечено рядом выдающихся открытий в курганах Большая и Малая Близницы, Васюринских, Буеровой Могиле, Артюховском и других, раскопки в которых производили И.Е. Забелин, А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, С.И. Веребрюсов, Н.П. Кондаков и Ф.И. Гросс. Трое из них (А.Е. Люценко, С.И. Веребрюсов и Ф.И. Гросс) являлись директорами Керченского музея, последовательно занимавшими эту должность (следует отметить, что все лица,

занимавшие ее вплоть до 1918 г., согласно общему порядку, являлись членами Археологической комиссии). После двадцати лет раскопок перечисленных выше курганов наступили два десятилетия (1887–1906 гг.) почти полного прекращения исследований, производившихся лишь в 1893 г. (обследование памятников в районе нескольких станиц), 1896 г. (раскопки близ станции Сенной) и 1900 г. (раскопки на месте находки Ахтанизовского клада), все – директором Керченского музея К.Е. Думбергом. В предреволюционное десятилетие (1907–1916 гг.) исследования памятников Таманского полуострова успешно производил директор Керченского музея В.В. Шкорпил: на Васюринском кургане (1907), могильнике в Тамани (1910), Тузлинском некрополе и могильнике у хутора Кротенко (1911, 1913), Зеленском кургане (1913), Малой Близнице (1915) и Лысой Горе (1916).

Прежде чем подробнее останавливаться на раскопках знаменитых таманских курганов, следует отметить, что сотрудниками Императорской археологической комиссии исследования производились на новой, более углубленной методической основе людьми, прошедшими предварительную подготовку и приобретшими богатый практический опыт. В этой связи необходимо сказать о том пристальном внимании к строению насыпей изучаемых курганов, которое проявлял И.Е. Забелин. По мнению А.В. Арциховского, этот ученый отличался «исключительным для своего времени умением читать земные слои, что в полной мере было проявлено им еще во время раскопок кургана Чертомлык» в 1862–1863 гг. [Яценко, 2002, с. 131].

В кургане Большая Близница, раскапывавшемся И.Е. Забелиным, А.Е. Люценко, С.И. Веребрюсовым и Ф.И. Гроссом в 1864–1866, 1868, 1883–1885 гг., по опубликованным данным, было открыто шесть погребений: три каменных склепа, две каменные гробницы и «жженая гробница», а также четыре «костра-тризны» и два склада амфор, относящиеся к IV в. до н.э. Практически все они были найдены в юго-западном секторе кургана (ОАК 1864; ОАК 1865; ОАК 1866; ОАК 1868; ОАК 1882–1888). В Малой Близнице, исследовавшейся А.Е. Люценко и С.И. Веребрюсовым в 1864, 1865, 1868 и 1881–1883 гг. (а также В.В. Шкорпилом в более поздние годы, о чем – ниже), в центральной части кургана были открыты основное погребение в виде грунтовой ямы (в которой находилась кремация) и, вероятно, относившиеся к нему конские захоронения, четыре детские погребения (одно в каменной гробнице и три – в сырцовых), а также пять «костров-тризн» (ОАК 1864; ОАК 1865; ОАК 1881; ОАК 1882–1888). Основное погребение было датировано М.И. Ростовцевым концом III – первой половиной II вв. до н.э. [Ростовцев, 1925, с. 375]. В настоящее время эта датировка удревнена до середины IV в. до н.э. [Виноградов, 2002]. Остальные погребения и комплексы кургана датируются IV–III вв. до н.э.

В юго-восточной части Первого (Большого) Васюринского кургана, исследовавшегося В.Г. Тизенгаузеном и А.Е. Люценко в 1868, 1869 гг., был открыт каменный двухкамерный склеп с коробовым сводом, покрытым полихромной росписью. К склепу вела лестница, по обе стороны от которой были выявлены четыре конских захоронения в каменных ящиках. Склеп, датированный началом III в. до н.э., был

использован в римское время для вторичного погребения [ОАК 1868; ОАК 1869]. В центральной части Второго (Среднего) Васюринского кургана, исследовавшегося А.Е. Люценко в 1870, 1871 гг., был открыт каменный склеп, аналогичный по конструкции склепу Большого Васюринского кургана, но меньших размеров, с тремя конскими захоронениями (двумя – в каменных ящиках и одним – в грунтовой яме), датированный концом IV – началом III вв. до н.э. В южной поле кургана были выявлены богатое погребение юноши, совершенное в каменной гробнице в эллинистическое время, и детское погребение в каменном ящике, относящееся к I в. до н.э. В 1870 г. (еще до раскопок) в результате обвала в кургане обнажилась каменная гробница с богатым погребением, вещи из которого разошлись по рукам, но были скуплены А.Е. Люценко и переданы в Археологическую комиссию. Этот комплекс датирован эллинистическим временем [ОАК 1870–1871; ОАК 1872]. Близ центра Третьего Васюринского кургана, раскапывавшегося А.Е. Люценко в 1871 и 1872 гг., были найдены стены большой ограбленной и частично разобранной каменной гробницы, рядом с которой выявлено конское захоронение; в юго-восточной части кургана – остатки большого костра от погребения воина, «представителя местной эллинизированной знати», кремированного в конце IV – начале III вв. до н.э. [ОАК 1870–1871; ОАК 1872; Ростовцев, 1925, с. 373, 374].

В центральной части кургана Буерова Могила (Боюр-Гора), исследовавшегося И.Е. Забелиным в 1870, 1871 гг. и Н.П. Кондаковым в 1885 г., был выявлен каменный склеп, по мнению И.Е. Забелина, близкий склепам Большой Близницы, датированный концом IV в. до н.э. В западной части кургана была раскопана площадка костра с двумя сожжениями того же времени; в южной части – каменный ящик с богатым погребением воина, рядом с которым найден конь, захоронения относят к концу II в. до н.э. (возможно, к рубежу II–I вв. до н.э.) [ОАК 1870–1871; ОАК 1882–1888; Ростовцев, 1925, с. 550, 551]. В 2011 г. при раскопках Боюр-Горы Фанагорийской экспедицией ИА РАН под насыпью античного времени была выявлена насыпь кургана, возведенного в эпоху бронзы [Ворошилов, Ворошилова, Жуковский, Кузнецов, 2016, с. 150].

Артюховский курган исследовался В.Г. Тизенгаузеном и С.И. Веребрюсовым в 1879 и 1880 гг. В кургане были открыты восемь погребений (два каменных склепа, одна каменная гробница, оштукатуренная изнутри, три простых каменных гробницы-ящика и два захоронения в грунтовых ямах). Пять погребений найдены в юго-западной части кургана, два – в северной–северо-восточной и одно – в восточной части (почти две трети кургана не были исследованы). Три погребения – один из склепов, оштукатуренная каменная гробница и один из каменных ящиков содержали богатые, неразграбленные погребения, два из которых (в склепе и оштукатуренной гробнице) были парными, супружескими, с особой полнотой отображающими идею этого погребального обряда на Таманском полуострове. Кургану посвящено замечательное исследование М.И. Максимовой, датировавшей упомянутые выше погребения 140–125 гг. до н.э. В античное время курган использовался для захоронений с

третьей четверти III в. до н.э. до рубежа I в. до н.э. – I в. н.э. [ОАК 1878–1879; ОАК 1880; Максимова, 1979; Паромов, 2019].

Погребения и находки из перечисленных курганов поставили их в один ряд с такими курганами, как Солоха, Куль-Оба, Чертомлык и другие. Комплексы находок из этих знаменитых курганов составили лучшую в мире коллекцию предметов греко-скифской культуры Северного Причерноморья, хранящуюся в Эрмитаже. Многие из вещей, найденных в погребениях курганов Таманского полуострова, являются подлинными шедеврами античного искусства и ремесла. К ним относятся ювелирные изделия из золота и драгоценных камней – калафы, диадемы, венки и начельники, ожерелья и гривны, серьги, булавки, медальоны, браслеты, перстни, монеты и индикации, штампованные бляшки, геммы, бусы и амулеты. К ним относятся также мраморные и деревянные саркофаги, первые – как образцы изысканной архитектуры малых форм, вторые – как образцы искусства резьбы по дереву, инкрустации и столярного ремесла, изделиями которого, кроме того, были фигурные деревянные пиксиды токарной работы, расписные ларцы и шкатулки, часто украшенные резьбой по кости. Особой художественной ценностью, как редчайшая находка, обладает серия изделий из серебра, найденная в Артюховском кургане, которую составляли канфары, чаши, кувшинчики, унгвентарии и флаконы, пиксиды и фимиатерии, киафы, ложечки и веретена. В этот же ряд следует поставить изделия из бронзы – уздечные наборы и другое конское снаряжение, скульптурные украшения и художественно оформленные конструктивные части колесниц, клин, мебели, посуду, светильники, зеркала, перстни и другие украшения. Отдельные разделы этой уникальной коллекции составляют античные расписные вазы (чернофигурные, краснофигурные и чернолаковые), терракотовые статуэтки и предметы вооружения. Являясь сокровищами отечественной и мировой культуры, эти вещи служат одновременно ценнейшими источниками для исследования истории Боспора и античного мира. Не только в великих курганах Таманского полуострова были сделаны открытия подобного значения, но и в так называемых рядовых курганах некрополей античных городов и поселений. Среди них, прежде всего, должны быть названы богатое женское погребение из кургана 1868 г. около станицы Тамань [Тизенгаузен, 1869, с. 40–42; Паромов, 2002, с. 193–195], а также женское погребение со знаменитыми фигурными сосудами – Афродитой, Сиреной и Сфинксом из кургана 1869 г. некрополя Фанагории [Фармаковский, 1921; Передольская, 1936 (1937); Паромов, 2004а, с. 309–312].

Однако находки этого уровня были исключительным явлением в практике раскопок, в основном состоявших из трудоемких и длительных исследований множества курганов, находившихся в различных частях Таманского полуострова. Приведем сжатую хронику этих работ: 1864 г. – раскопки 9 курганов около Фанагории; 1865 г. – 2 (к северу от Близниц и к юго-западу от почтовой станции Сенной); 1866 г. – 5 (около Сенной); 1868 г. – 8 (около станицы Тамань, у лимана Цокур и Зеленской горы); 1869 г. – 23 (около Сенной и станицы Тамань); 1870 г. – 24 (на Фонталовском полуострове, у восточного берега Таманского залива,

около Сенной и на Васюринской горе); 1871 г. – 7 (около Буеровой Могилы, на Васюринской горе, у хутора Панабака и у лимана Цокур); 1872 г. – 21 (около станицы Тамань, у лимана Цокур, на Комендантской горе, у хутора Панабака и около Сенной); 1874 г. – 34 (у мыса Тузла и около Сенной); 1875 г. – 22 (к западу от Сенной и к югу от современного поселка Приморский); 1878 г. – 13 (около Сенной, у хутора Лисовицкого и Артюховского хутора); 1879 г. – 18 (в районе Сенной и к югу от Фанагории); 1880 г. – 42 (на Б. Кандауре – в районе станицы Курчанской, к югу от Фанагории, у Артюховского хутора и хутора Пивнева); 1881 г. – 6 (около станицы Старотитаровской); 1884 г. – 8 (около Сенной – на земле Посполитаки и на южном берегу Ахтанизовского лимана); 1885 г. – 13 (около станицы Тамань, рядом с Буеровой Могилой, около Сенной и Старотитаровской); 1886 г. – 11 курганов в районе мыса Тузла. Сводка составлена по данным отчетов Археологической комиссии. Согласно приведенной сводке, исследованиями в различной мере были затронуты 300 курганов. На самом деле число их было больше, о чем свидетельствуют данные обследований и современных аэрофотосъемок (сведения о раскопках ряда курганов не сообщались в рапортах или не были включены в опубликованные отчеты).

Следует чуть подробнее сказать об археологах, чьими трудами завоевывалось признание и европейская известность отечественной науки. Прежде всего, это лица, последовательно исполнявшие обязанности директора Керченского музея, то есть состоявшие на государственной службе: Александр Ефимович Люценко (с 1853 по 1878 г.), Степан Иванович Веребрюсов (1879–1884 гг.) и Федор Иванович Гросс (1884–1891 гг.), бывшие членами Императорской археологической комиссии по регламенту, а также Иван Егорович Забелин – российский историк, археолог и музейный деятель (один из основателей Исторического музея в Москве), член АК с 1859 г.; Владимир Густавович Тизенгаузен – российский востоковед, археолог и нумизмат, член АК с 1861 г.; Никодим Павлович Кондаков – российский историк искусства, археолог и музейный деятель, член АК с 1876 г. Общеизвестно, что исследования, проводившиеся Археологической комиссией, с методической точки зрения были намного совершеннее, чем раскопки А.Б. Ашика и Д.В. Карейши. Крайне важно, что их результаты публиковались в ежегодных отчетах Комиссии, а материалы на протяжении первых двадцати лет ее деятельности тщательно обрабатывались, комментировались и публиковались хранителем древностей Эрмитажа академиком-антиковедом Л.Э. Стефани в приложениях к последующим отчетам. В 1880-е годы эти материалы обрабатывались и публиковались под наблюдением Н.П. Кондакова. Позднее это стало делом ряда ученых в области эпиграфики, нумизматики, глиптики, античной вазописи и т.д. – преимущественно сотрудников Эрмитажа и Археологической комиссии, что вывело отечественное антиковедение на уровень европейской науки. Однако методика раскопок того времени существенно отставала от вещеведения.

Главной целью исследований Археологической комиссии был все же поиск богатых погребений античного времени с наборами золотых вещей, прежде всего – «греческих» и «скифских». Насыпи курганов раскапывались более грамотно, тщательнее

и правильнее оформленными, более широкими, но все теми же «колодцами», «глухими» и «сквозными» траншеями, «разрезами», «минами» (разведочными штреками), которыми могла быть исследована лишь их незначительная часть. Древняя погребенная почва и материк почти не затрагивались. Совершенно не исследовалось околокурганное пространство на предмет выявления рвов, ритуальных сооружений и т.п. С современных позиций, ни один из раскапывавшихся Археологической комиссией курганов не является полностью исследованным. До наших дней эти насыпи возвышаются над землей, сохраняя на себе оплывшие следы старых раскопок и грабительских ям. А.Е. Люценко для ускорения поисков в курганах каменных гробниц ввел в практику так называемый бур. Скорее всего, это был железный щуп. Но даже если и бур, то, безусловно, не колонковый, а простейшая желонка, которая могла либо упереться в камень, либо вынести на поверхность в раздробленном виде содержимое скважины – золу, уголь, фрагменты керамики, дерева, камки и т.д. Тем не менее, это новшество считалось прогрессивным. Единственное, в чем раскопки Археологической комиссии, возможно, опережали современный уровень – это тщательность разборки заполнения погребений, которое подвергалось обязательному (иногда двух- и трехкратному) просеиванию, в результате чего ни один самый мелкий предмет не ускользал от исследователя. Следует отметить также высокий уровень графической фиксации исследований. Благодаря публикации рисунков К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса современный исследователь получил возможность составить представление о раскопках того времени как на Керченском, так и на Таманском полуострове, о памятниках (прежде всего, курганах) и древностях Боспора [Виноградов, 2017]. Однако это относится только к наиболее важным раскопкам. Сведения о «разоренных, простых и бедных гробницах» сообщались в рапортах в суммарном виде, без чертежей и рисунков, что крайне затрудняет или делает невозможной их идентификацию, а также интерпретацию погребений.

Действиями Археологической комиссии руководил не только поиск богатых захоронений. Некоторые раскопки были обусловлены настоятельной необходимостью исследования других сторон жизни древнего боспорского общества. Кроме курганов, в рассматриваемый период на Таманском полуострове исследовались два самых значительных городища: Фанагория (1866, 1868–1872, 1874, 1879, 1880, 1882 гг.) и Таманское городище (1868 г.). Последнее раскапывалось также ранее, в 1848 и 1852 гг. (вблизи места обнаружения пуленцовского клада). Эти попытки, несмотря на открытие остатков каменных построек и значительное количество находок (ранней расписной керамики, мраморных архитектурных деталей и фрагментов скульптур, монет, керамических клейм и т.д.), неизменно разочаровывали прежде всего самих раскопщиков, ожидавших увидеть нечто похожее на Помпеи и ошибочно заключавших, что «следов древнего Фанагорийского городища, по-видимому, уже не существует: оно едва ли не дочиста разорено, перерыто и пересыпано последующими обитателями здешнего края» [ОАК 1869, с. V]. Однако в «неуспехе» раскопок были виноваты не городища и не личные качества весьма упорных исследователей, а

методическая неподготовленность науки того времени к изучению многослойных памятников такого типа, как городище Фанагория и Таманское городище. Результаты раскопок не могли быть интерпретированы, например, как вероятные остатки храмовой постройки с оградой, выявленные И.Е. Забелиным в центральной части Фанагории в 1870 и 1872 гг. [ОАК 1870–1871, с. V; ОАК 1872, с. IV–VII]. Однако не на этой стороне раскопок памятников хотелось бы остановить внимание. Прежде всего, эти исследования дали представление о мощности и характере культурного слоя обоих городищ, времени их существования, о том, что основным строительным материалом на них был сырец, об отдельных сооружениях: первых двух винодельнях в Фанагории, зерновых ямах, складах пифосов и амфор, колодцах городского типа и т.п. Представление об облике общественных построек можно было составить по множеству известняковых и мраморных архитектурных деталей, о погребальных памятниках – по значительному количеству надгробий, в том числе иудейских, найденных в культурных слоях городищ. Почти каждый сезон был отмечен находками ценных для истории Боспора надписей – посвятительных (Аполлону Врачу и Аполлону Вечному), почетных и других (КБН. № 974, 975, 980, 982, 1005).

Не только курганы и городища, в то время исследовались и грунтовые могильники Фанагории: Восточный (1866, 1869–1871 гг.), Юго-Восточный (1865), Южный (1878) и Западный (1872). На Восточном некрополе были выявлены: сарматское погребение в земляном склепе, относящееся, по М.И.Ростовцеву, к «эпохе резкой иранизации населения» (римское время); погребение в грунтовой яме, обложенной с западной стороны сырцовым кирпичом, предположительно IV–III вв. до н.э.; 16 сарматских погребений с деформированными черепами в подбойных могилах, относящихся к римскому времени; две каменные ограбленные гробницы [ОАК 1866, с. XII–XIV; ОАК 1869, с. VII, VIII; ОАК 1870–1871, с. VII–IX, XXXVIII, XXXIX; Ростовцев, 1925, с. 264]. На Юго-Восточном некрополе – две каменные гробницы тмутараканского периода, датируемые по двум серебряным византийским монетам концом X – началом XI вв. [ОАК 1865, с. VII; Кропоткин, 1962, с. 22. № 16]. Судя по описаниям, эти гробницы близки 12 каменным гробницам «древнехристианского кладбища», исследованным П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко в 1869, 1970 гг. к западу от Тамани, около Лысой Горы [ОАК 1869, с. IX, X; ОАК 1870–1871, с. XVI, XVII]. На Южном некрополе Фанагории «в сплошных насыпях по обе стороны Аллеи курганов» были выявлены 16 погребений в грунтовых ямах и семь земляных склепов, относящихся к античной эпохе, преимущественно к римскому времени [ОАК 1878–1879, с. IX–XI]. На Западном некрополе – пять безынвентарных погребений в грунтовых ямах [ОАК 1872, с. VIII].

Последовавшее за периодом активной деятельности Археологической комиссии двадцатилетие почти полного прекращения раскопок (1887–1906 гг.), тем не менее, не может быть названо «пустым». В рассматриваемый период в связи с усилившимся ограблением могильников и курганов деятельность Археологической комиссии на Таманском полуострове приобрела по современным понятиям охранный характер

и возглавлялась Карлом Евгеньевичем Думбергом – директором Керченского музея в 1891–1901 гг. В 1896 г. исследования производились в двух пунктах: вблизи почтовой станции Сенной, на месте случайно обнаруженных двух мраморных плит с надписями, «прикрывавших простую земляную гробницу, которая оказалась ограбленной», а также к востоку от хутора П.П. Семеняки [ОАК 1896, с. 64, 65, 124, 125]. В первом пункте, на Юго-Восточном некрополе Фанагории, были выявлены 12 погребений, большинство – безынвентарных. Семь из них были совершены в грунтовых ямах, пять – в каменных ящиках. Скелеты, лежавшие в них, имели западную ориентацию (в одном случае – южную). Судя по вещам, найденным в трех грунтовых ямах (прежде всего, по серебряной пряжке раннесарматского типа), погребения в них могут быть отнесены к сарматскому кругу и предположительно датированы I в. до н.э. – I в. н.э. Одна из надписей посвятительная – Афродите Урании, датируется второй половиной IV в. до н.э., другая – почетная, в честь Ливии, супруги Августа, статую которой поставила царица Динамия, датируется концом I в. до н.э. (КБН. № 971, 978). Раскопки во втором пункте не дали результатов.

В 1900 г. исследования производились в трех местах – вблизи станицы Ахтанизовской, около станции Сенной и у мыса Тузла [ОАК 1900, с. 46, 47]. Вблизи Ахтанизовской они были предприняты в связи со случайным обнаружением казаками каменной гробницы с большим количеством золотых и серебряных вещей, присвоенных находчиками. Большинство из этих предметов было куплено Археологической комиссией и известно в настоящее время как «Ахтанизовский клад». Этот выдающийся комплекс ставит Ахтанизовское погребение в один ряд с погребением из Северского кургана и каменной гробницей с погребением знатного воина из Буеровой Могилы, датируется самым концом II в. до н.э. (или рубежом II–I вв. до н.э.) [ОАК 1900, с. 104–109; Спицын, 1909, с. 18–23; Смирнов, 1953, с. 20, 40; Максимова, 1969]. В том же месте исследовался грунтовой могильник, где было выявлено 10 погребений (пять – в грунтовых ямах, три – в сырцовых гробницах, одно – в земляном склепе, конструкция одного погребения не прослеживалась). Наиболее ранние из них относятся к V–IV вв. до н.э., наиболее поздние – к римскому времени [ОАК 1900, с. 46, 47; Спицын, 1909, с. 18, 19]. Около Сенной, на Южном некрополе Фанагории, «в сплошных насыпях Аллеи курганов» было открыто около 30 погребений, «из которых только 6 оказались более-менее целыми» [ОАК 1900, с. 47]. Четыре из них представляли собой грунтовые ямы, перекрытые деревом, остальные не имели перекрытий. Они были одиночными, во всех случаях, когда это удавалось проследить, имели восточную ориентацию. Судя по вещам, найденным в них, погребения относились к эллинистическому (возможно, более раннему) и римскому периодам. Раскопки у мыса Тузла результатов не дали.

К рассматриваемому времени отечественное антиковедение вышло на самые передовые рубежи европейской науки, в некоторых направлениях заняв ведущие позиции. Этому, прежде всего, способствовал выход в свет двух фундаментальных трудов академика В.В. Латышева: трехтомного – «Издание свода

греческих и латинских надписей, найденных на юге России» (СПб. 1885–1901), по филологической аргументации намного превосходившего все современные ему зарубежные публикации эпиграфических памятников, и двухтомного – «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (СПб. 1893–1906), являющегося и в настоящее время ценным источником для изучения истории Северного Причерноморья и Кавказа. Третьим его важнейшим трудом, не опубликованным при жизни, была подготовка полного издания надписей Боспора, ставшего основой вышедшего впоследствии «Корпуса боспорских надписей» (КБН. М.-Л. 1965 и КБН-альбом. СПб. 2004).

Вне рамок официальных исследований и академической науки находилась отличавшаяся оригинальностью и новизной работа М.О. Поночевного, посвященная географическому очерку Боспорского царства. К ней была приложена «Карта Керченского пролива и прилегающих к нему местностей с указанием древних Боспорских поселений» [Поночевный, 1891]. Задача, поставленная автором, на первый взгляд не выходила из русла современных ему научных поисков. Необычными были подходы, проявленные им, и методика исследования. В своей работе М.О. Поночевный (имевший по некоторым сведениям классическое образование) опирался на собственные переводы и анализ текстов древних авторов (Страбона, Птолемея, Диодора, Аппиана, Скимна, Скилака, Арриана, Демосфена и других). Но самое главное – он опирался на доскональное знание топографии Восточного Приазовья, Нижней Кубани и Таманского полуострова, на реальное обследование мест, особенно насыщенных памятниками и массовыми находками античного времени. Поставив в центр своего исследования анализ и подробный разбор сведений из «Географии» Страбона, М.О. Поночевный смог построить наиболее логическую интерпретацию древних свидетельств об Азиатском Боспоре, далеко опередив критиков К.К. Гёрца – М.С. Куторгу и И.Е. Забелина в их палеогеографических предпосылках и умозаключениях [Куторга, 1871; Забелин, 1878]. М.О. Поночевный первым отождествил Таманское городище с Гермонассой, его локализации других античных городов на Таманском полуострове обладают редкой убедительностью. Работа М.О. Поночевного, в свое время не привлекшая большого внимания, впоследствии была оценена по достоинству [Войцеховский, 1929–1930, с. 5; Гайдукевич, 1949, с. 511].

Необходимо сказать, что сокращение археологических исследований в рассматриваемое время (1887–1906 гг.) касалось лишь Таманского полуострова. Оно не было связано с общей деятельностью Императорской археологической комиссии, объем и география которой в этот период стремительно расширялись. Указом от 11 марта 1889 г. Комиссия получила исключительное право проведения археологических раскопок на казенных и общественных землях; в ее обязанности был включен контроль за земляными работами при постройке железных и шоссейных дорог. Кроме права выдачи «Открытых листов», ее обязанностью стало также наблюдение за реставрацией памятников древнерусского зодчества. В то время по за-

даниям Археологической комиссии полевые исследования производились в 54 областях и губерниях России: от Северного района до Закавказья и от Таврической до Забайкальской губернии (Таманский полуостров входил в Кубанскую область) [Длужневская, 2006, с. 113, 114]. Общий размах работ стал главной причиной расширения издательской деятельности АК. В дополнение к выходившим с 1866 г. «Материалам по археологии России» (МАР) в 1901 г. начали издаваться «Известия Императорской археологической комиссии» (ИАК). В этих выпусках, в отличие от «Материалов по археологии России», освещались и раскопки на Таманском полуострове, публиковались находки из них, а также особо выдающиеся приобретения.

Последний период исследований Археологической комиссии на Таманском полуострове (предреволюционное десятилетие 1907–1916 гг.) был связан с активной деятельностью Вячеслава Владиславовича Шкорпила – директора Керченского музея древностей в 1901–1918 гг. В 1907 г. им был вскрыт и повторно обследован склеп Первого Большого Васюринского кургана [Шкорпил, 1908]. Работы производились в связи с подготовкой к изданию фундаментального исследования М.И. Ростовцева, посвященного античной декоративной живописи на юге России, для копирования росписей склепа М.В. Фармаковским. В том же году В.В. Шкорпилом исследовалась Малая Близница, где в центральной части кургана, около основного погребения, открытого еще в 1882 г., было обнаружено захоронение пяти коней с уздечными наборами и предметами упряжи [ОАК 1907, с. 84, 85]. В 1910 г. при выборке грунта из кургана, находившегося на территории станицы Тамань, местными жителями была обнаружена «богатая женская гробница», вещи из которой были присвоены находчиками. По сигналу таманского краеведа В.В. Соколова эта гробница незамедлительно была доследована В.В. Шкорпилом, а находки, составлявшие замечательный комплекс III в. до н.э., были приобретены Археологической комиссией. Погребение представляло собой остатки сожжения, помещенные в каменную прямоугольную гробницу «с запаянным дном» [ОАК 1909–1910, с. 214, 215; Шкорпил, 1913, с. 43; Соколов, 1919, с. 54, 55. № 57; Зограф, 1945, с. 96–98]. В.В. Шкорпилом было положено начало масштабных исследований таких памятников, как грунтовые могильники. Первым и наиболее важным из них являлся некрополь у мыса Тузла, принадлежавший, вероятно, разрушенной и затопленной морем древней Корокондаме, известной по письменным источникам. Этот могильник на глазах уменьшался и исчезал в результате хищнических раскопок и абразии берегового обрыва. В 1911 и 1913 гг. В.В. Шкорпилом было исследовано на памятнике более 140 погребений VI в. до н.э. – IV в. н.э. В 1913 г. вместе с ним на Тузлинском некрополе работал сотрудник Санкт-Петербургского археологического института В.Н. Глазов, раскопавший 21 погребение VI–III вв. до н.э. Подобного рода исследования впервые дали материал, представляющий могильник на протяжении всей его истории и отражающий сложный, синкретический характер культуры Боспора [ОАК 1911, с. 37–40; ОАК 1913–1915, с. 140–146; Шкорпил, 1914б, с. 21–58; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. 1913. № 350]. В 1911 г. Археологической комиссией были приобретены

две редкие расписные амфоры конца VII – первой половины VI вв. до н.э., найденные «счастливцами», скорее всего, в одной из могил у мыса Тузла [ОАК 1911, с. 41]. Эти вазы, тогда же опубликованные, в случае полной уверенности в месте их находки могли бы существенно уточнить нижнюю дату Тузлинского некрополя [Руднева, 1912; Энман, 1912]. В советское время коллекция находок из раскопок В.В. Шкорпила была передана в ГИМ и явилась основой отдельной публикации, посвященной грунтовому могильнику у мыса Тузла [Сорокина, 1957].

Вторым по значению из исследованных В.В. Шкорпилом был некрополь у хутора Кротенко, принадлежавший большому поселению античного времени Тамань 1 – Городище IX – Пятиколодезное [ОАК 1911, с. 37; Шкорпил, 1914б, с. 58–71; Соколов, 1919, с. 46. № IX; Блаватский, 1957, с. 123–129; Паромов, 1992, с. 421–425. № 124]. На этом могильнике были раскопаны 42 погребения того же времени, что и у мыса Тузла. Оба могильника близки по обряду и инвентарю погребений, который в рассматриваемом некрополе лишь немного беднее. Однако местные черты погребального обряда выражены здесь еще явственнее. Позднее В.Д. Блаватским производились на памятнике небольшие по объему раскопки; анализу обряда всех найденных здесь погребений была посвящена отдельная статья А.К. Коровиной [Блаватский, 1957, с. 121–123; Коровина, 1962]. Третьим могильником, исследовавшимся В.В. Шкорпилом, был Южный некрополь Гермонассы, находившийся на территории станицы Тамань, в Общественной роще (между Покровской церковью и Песками). Он был обнаружен случайно по нескольким могилам, разрушенным при рытье траншей. В 1912 г. здесь было раскопано пять погребений (два земляных склепа с дромосами, две сырцовые гробницы и одно погребение в грунтовой яме), датирующихся концом V – II вв. до н.э. [ОАК 1912, с. 50; Шкорпил, 1916, с. 33, 34]. Четвертый могильник находился в 3 км к западу от станицы. Устройство могил и характер найденных здесь вещей не отличались от гробниц и предметов, найденных возле Тузлы, и относились к периоду от середины VI до III в. до н.э. включительно [ОАК 1913–1915, с. 141; Соколов, 1919, с. 49. № 7]. Могильник исследовался в 1913 г. и, по мнению В.В. Шкорпила, принадлежал «тому же древнему поселению, которое было расположено на месте нынешней Тамани» (то есть Гермонассе – Я.П.). С этим трудно согласиться по двум причинам: ввиду удаленности могильника от Таманского городища, а также потому, что он примыкает к большому раннеантичному поселению Тамань 4 – Городище VIII – Западно-Лысово [Соколов, 1919, с. 46. № VIII; Блаватский, 1959, с. 46–48; Паромов, 1992, с. 431–434. № 127].

Активными в рассматриваемое время были и раскопки курганов. В 1911 г. частично исследовались три насыпи, находящиеся в 5 км к юго-западу от станицы Тамань. В одной из них (Колодькова Могила) были выявлены четыре погребения, в двух других – по одному. Характер этих захоронений был несколько необычен и не совсем понятен для исследователя, воздержавшегося от их интерпретации. Однако благодаря тщательности раскопок и наблюдений В.В. Шкорпила можно достаточ-

но уверенно заключить, что три погребения Колодьковой Могилы и погребение во втором кургане относились к эпохе ранней бронзы (3 тыс. до н.э.), а погребение в третьем кургане и последняя гробница Колодьковой Могилы были типичны для катакомбной культурно-исторической общности и относились ко времени средней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.) [ОАК 1911, с. 38; Шкорпил, 1914б, с. 71, 72; Паромов, Гей, 2005, с. 324, 328].

В 1912 г. В.В. Шкорпилом исследовался один из самых значительных курганов Таманского полуострова – Зеленской. Раскопки его были инициированы ограблением 1911 г. Следует отметить, что курган подвергался раскопкам и первому ограблению еще в XIX в. Тогда в нем были обнаружены «жженая гробница» с бронзовыми украшениями конской сбруи и разоренный еще в древности каменный склеп, близкий по конструкции склепам Большой Близницы. В 1911 г. ограблению подверглись центральная каменная гробница и «тризна». Золотые вещи и расписные вазы из них были перекуплены Археологической комиссией. В 1912 г. в кургане раскопаны каменная гробница с погребением знатного воина, находившееся рядом захоронение коня в богатом уборе, каменный ящик, два конские погребения рядом с ним, земляной склеп, в котором найдены остатки кремации и золотые вещи, помещенные в чернолаковую гидрию, а также уникальный комплекс серебряных сосудов. Все погребения в кургане датированы концом IV – началом III вв. до н.э. Зеленской курган рассматривался М.И. Ростовцевым как семейная усыпальница эллинизированной местной знати [Гёрц, 1898а, с. 18; ОАК 1911, с. 40; ОАК 1912, с. 48, 49; Шкорпил, 1914; 1916, с. 22–33; Соколов, 1919, с. 53, 54. № 54; Ростовцев, 1925, с. 290–292; Зограф, 1945, с. 93; Максимова, 1961; 1979, с. 72, 73].

В 1915 г. В.В. Шкорпилом были продолжены исследования Малой Близницы, существенно уточнившие стратиграфию и конструкцию кургана, а также выявившие еще одну «тризну», связанную, возможно, с центральным погребением [ОАК 1913–1915, с. 146–148]. В начале следующего 1916 г. в кургане на Лысой Горе, к западу от станицы Тамань, «счастливцами» был вскрыт и расхищен каменный склеп с мраморным саркофагом, немедленно доследованный В.В. Шкорпилом и В.В. Соколовым. Саркофаг, выполненный в виде классического греческого храма с росписью и позолотой, известный теперь как «Таманский саркофаг», представлял собой выдающийся образец изделий подобного типа, относящийся к концу IV – началу III вв. до н.э. (в настоящее время хранится в ГИМ). При доследовании склепа выяснилось, что в нем было совершено четыре близких по времени захоронения. Два расписных сосуда из этих погребений удалось выкупить у находчиков для Археологической комиссии [ИАК. Вып. 65, с. 166–171; Соколов, 1919а; Ростовцев, 1925, с. 289, 290; Гриневич, 1929, с. 162–177; Пятышева, 1949].

Одной из важных сторон деятельности Археологической комиссии было приобретение у торговцев антиквариатом и «счастливцев» древностей, пополнявших коллекции Эрмитажа и других музеев. По сложившейся традиции эти закупки осуществлялись директорами Керченского музея. В рассматриваемое время

среди наиболее ценных приобретений на Таманском полуострове следует назвать единственный в своем роде комплекс с бронзовым клевцом и родосской ойнохоей из раннескифского погребения, найденного на западном берегу лимана Цокур и относящегося к первой половине VI в. до н.э.; краснофигурное рыбное блюдо из кургана на Лысой Горе (IV в. до н.э.); золотые украшения из погребения у лимана Цокур, датируемые первой половиной – серединой II в. до н.э., и клад византийских монет из урочища Синяя Балка вблизи станицы Ахтанизовская [ОАК 1913–1915, с. 145, 146; ОАК 1911, с. 83; Прушевская, 1917]. Практически все найденные в тот период на Таманском полуострове и в окрестностях Керчи надписи были опубликованы [Шкорпил, 1911; 1912; 1914а].

Важную роль в исследовании и охране памятников юго-западной части Таманского полуострова играла деятельность краеведа-любителя, жителя станицы Таманской хорунжего Владимира Владимировича Соколова. В 1900-е и 1910-е годы им была проведена большая работа по сбору данных для составления карты древних поселений и могильников в районе станицы. В публикации этих материалов отражены многолетние поиски и наблюдения автора, который тщательно фиксировал как места «казенных», так и места грабительских, чаще всего тайных раскопок [Соколов, 1919]. В результате им были выявлено и обозначено 21 «городище» и столько же «древних могильников», обнаруженных при пахоте, рытье фундаментов, погребов и колодцев, при прокладке траншей, а также по следам раскопок «счастливцев», деятельность которых приобрела в начале XX в. значительный размах, а способы обнаружения таких памятников, как грунтовые могильники, – в некотором смысле изощренное совершенство. На карте В.В. Соколова был обозначен также 161 курган. О существовании некоторых курганов (прежде всего, расположенных на территории самой станицы) мы знаем лишь благодаря этой работе. По полноте охвата памятников карта В.В. Соколова вполне сравнима с археологическими картами, созданными по современной методике сплошной археологической разведки. Необходимо помнить однако, что насколько его работа точна в части фиксации памятников, настолько же непрофессиональна в их интерпретации и трактовке, а также ненадежна в справках о «казенных» раскопках XIX в., поскольку, не имея доступа к литературе и архивам, автор составлял их по рассказам стариков-станичников. Ничто, тем не менее, не может умалить его заслуги по сохранению культурного наследия. Многие памятники и, прежде всего знаменитый Таманский саркофаг, хранящийся в ГИМ, уцелели для науки и культуры лишь благодаря его энергии и оперативности, а также благодаря его постоянному сотрудничеству с В.В. Шкорпилом. Следует отметить, что именно карта В.В. Соколова послужила В.Д. Блаватскому путеводителем в исследованиях Синдики [Блаватский, 1952, с. 71].

Беспристрастно оценивая итоги развития русской науки о классических древностях юга России в императорский период (конец XVIII в. – начало XX в.), можно сказать, что наиболее полно они отразились в фундаментальных трудах академика М.И. Ростовцева: двухтомном исследовании «Античная декоративная живопись на

юге России» (Атлас. Текст. СПб. 1913, 1914), общем очерке «Эллинство и иранство на юге России» (Пг. 1918), в котором прославленный антиковед анализирует изучавшиеся ранее всегда отдельно «эллинство» и «иранство» и излагает свою концепцию связи истории юга России с историей античного мира, а также сданное в печать в 1918 г. и вышедшее под названием «Скифия и Боспор» (Л. 1925) энциклопедическое по масштабу обозрение литературных и археологических памятников, о котором редактор издания С.А. Жебелев сказал, что по богатству, разнообразию, систематике и критической оценке привлеченного и рассматриваемого материала этот труд будет служить настольной книгой для всех исследователей, интересующихся историческими судьбами Скифии и Боспора [Ростовцев, 1925, с. IV]. Перечисленными исследованиями был задан уровень, не превзойденный в течение многих десятилетий.

Насколько значительны были достижения отечественной науки в области антиковедения, настолько же невелики они были в изучении как более раннего, так и более позднего времени. Таманский полуостров, подобно другим регионам Северного Причерноморья, воспринимался лишь как один из заповедников античной культуры. При этом нельзя сказать, что памятники, не относящиеся к ней, не встречались исследователям. Многое свидетельствует, что они не были редкостью: упоминания о «грубой» посуде, «непонятных» гробницах, скелетах, «завернутых в морскую траву» сравнительно часто встречаются в отчетах Археологической комиссии. Среди так называемых счастливцев (грабителей могильников) ранняя керамика, относящаяся, вероятно, к эпохе бронзы или скифскому времени, даже получила особое определение «ржаного хлеба» [Шкорпил, 1914б, с. 71]. В.В. Соколовым во множестве были отмечены находки «каменных молотков и топоров» к западу от станицы Тамань, между мысом Тузла и хутором Кротенко [Соколов, 1919, с. 48. № 2]. Об этих памятниках мы знаем меньше, чем могли бы знать, по нескольким причинам. Во-первых, уровень знаний того времени не позволял оценить их подлинное значение. Многие археологи – В.Г. Тизенгаузен, А.Е. Люценко и в особенности В.В. Шкорпил, судя по их отдельным высказываниям, осознавали, что часто встречаются с явлениями другой, более ранней эпохи, но понять их были не в силах. Лишь после выхода работы А.А. Спицына, посвященной курганам с окрашенными костяками, относящимся к эпохе бронзы, стало постепенно проясняться их место среди исторических и культурных ценностей. В своем обзоре на территории Таманского полуострова А.А. Спицын выделил 16 подобных курганов (в дальнейшем мы увидим, что их было почти на два порядка больше) [Спицын, 1899, с. 87–89. № 14–22, 24–30]. В равнодушии к этим памятникам играла определенную роль и их «бедность». «Грубые горшки» эпохи бронзы по музейной и коллекционной ценности того времени не шли ни в какое сравнение с античными расписными вазами и чаще всего просто выбрасывались. Во-вторых, сведения о ранних погребениях далеко не всегда попадали в печать. Считается, например, что в самом известном кургане Таманского полуострова – Большой Близнице было найдено шесть погребений, однако из публикации И.Ю. Шауба мы узнаем, что в рапорте С.И. Веребрюсова о раскопках Большой Близницы в 1883 г. сообщалось о

седьмом погребении – скромном детском захоронении «с двумя простой глины горшочками». Эти сведения были вычеркнуты при редакции отчета Археологической комиссии за 1882–1888 гг. [Шауб, 1987, с. 27, 32; НА ИИМК РАН, РА. Ф. 1. 1883. № 3. Л. 21, 23]. Судя по краткому описанию, не вошедшее в отчет Комиссии захоронение было подобно детским погребениям из Бугазского и Межлиманного курганов эпохи ранней бронзы, исследованных Н.И. Сокольским и А.К. Коровиной в 1968 и 1971 гг. [Паромов, Гей, 2005, с. 323–325]. Третья причина ущербности наших знаний кроется в том, что все курганы, исследовавшиеся в XIX в. и начале XX в., были раскопаны лишь частично. Существуют примеры их полного исследования, предпринятого позднее. Одним из самых показательных является ничем, с точки зрения исследователей XIX в., не выдающийся курган Сенной 7, раскапывавшийся Н.П. Кондаковым в 1878 г. в числе «нескольких малых курганов». В 1878 г. в кургане была открыта «разграбленная в древности сырцовая гробница». В 1962 г. этот курган был полностью исследован Н.И. Сокольским. Кроме упомянутой гробницы, раскопанной повторно, в нем были выявлены еще семь погребений: четыре из них относились к эпохе ранней бронзы (3 тыс. до н.э.), три – к катакомбной культурно-исторической общности (конец III – начало II тыс. до н.э.). Стратиграфия кургана включала три насыпи. Верхняя (позднейшая) насыпь была сооружена в античное время и связана с сырцовой гробницей, открытой Н.П. Кондаковым [ОАК 1878–1879; Архив ИА: Р-1. № 2524. Л. 46–57; Паромов, 2003, с. 257, 258]. Очевидно, картина подкурганных захоронений Таманского полуострова, представленная по раскопкам Археологической комиссии, далека от реальности. Наиболее полно она демонстрирует лишь одну сторону истории этого региона – античную эпоху.

Оценивая весь императорский или дореволюционный период археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (конец XVIII в. – начало XX в.), следует, прежде всего, отметить, что наибольший успех сопутствовал раскопкам курганов. В гораздо меньшей степени в рассматриваемое время исследовались городища. Их раскопки с методической точки зрения не были подготовлены и не принесли должных результатов. В еще меньшей мере, чем городища, исследовались грунтовые могильники. Их раскопки были связаны со случайными находками или сведениями о действиях грабителей и проводились в целях доследования памятников, разрушаемых природой или людьми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ашик А.Б. Боспорское царство. Ч. I, II. 1848. Одесса.

Бертье-Делагард А.Л. Записки о Тмутараканском камне // Тамань в прошлом и настоящем. Сборник статей. 2013. Краснодар. С. 188–233.

Блаватский В.Д. Первый год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 71–80.

Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. Вып. 70. 1957. С. 118–129.

Блаватский В.Д. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 41–48.

Виноградов Ю.А. О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // БФ: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. 2002. СПб. С. 177–179.

Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). 2017. Симферополь-Керчь.

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // БИ. Вып. XXII. 2009. Симферополь-Керчь. С. 127–134.

Власова Е.В. Древности эллинские и местные // АНК. Т. III. 2010. С. 198–262.

Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // ЗСКОАИЭ. Кн. 1 (т. 3). Вып. 5–6. 1929–1930. Ростов-на-Дону.

Волков И.В. Таманские острова в «Книге путешествия» Эвлии Челеби // Древности Кубани. Вып. 15. 1999. Краснодар. С. 40–61.

Волков И.В. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. //Древности Кубани. Вып. 16. 2000. Краснодар. С. 42–63.

Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. 1983. М.

Воронов А.А., Паромов Я.М. Локализация средневекового города Темрюка // СА. № 4. 1987. С. 87–99.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курган Боюр-Гора (Буерова Могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб. 2016. С. 147–164.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. Вып. 80.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. 1949. М.-Л.

Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. 1870. М.

Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года // Древности (Труды МАО). Т. VI. 1876. М.

Гёрц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Собрание сочинений. Вып. 1. 1898. СПб.

Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Собрание сочинений. Вып. 2. 1898а. СПб.

Гриневич К.Э. Мраморный таманский саркофаг // ТСАРАНИОН. Т. IV. 1929. М. С. 162–177.

Длужневская Г.В. Императорская археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.) // Записки ИИМК РАН. № 1. 2006. С. 112–118.

Забелин И.Е. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского // Труды III АС. Т. II. 1878. Киев. С. 1–33.

Застрожнова Е.Г. Погребение с набором фигурных полихромных сосудов из Фанагории 1852 г.: к истории открытия // РА. № 1. 2012. С. 166–168.

Зенкович В.П. Берега Черного и Азовского морей. 1958. М.

Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // Труды ОАМ. Т. I. 1945. Л. С. 85–99.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. № 16. 1951.

Каменецкий И.С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. 1998. М. С. 127–146.

Каменецкий И.С. Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. 2002. М. С. 8–59.

Карейша Д.В. Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. Т. I. 1844. Одесса. С. 609–620.

Карейша Д.В. Археологические разыскания близ древних Пантикапеи, Фанагории и Херсонеса // ЖМВД. Ноябрь. Книжка двенадцатая. 1846. СПб. С. 284–309.

Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагии // Археология и история Боспора. Т. II. 1962. Симферополь. С. 301–313.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Вып. Е4–4. 1962.

Куторга М.С. Рецензия на кн. «Археологическая топография Таманского полуострова» К. Гёрца // Русский вестник. № 12 (90). 1870. СПб. С. 789–811.

Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // ИАО. Т. II. 1861. С. 28–32.

Люценко Е.Е. Ашик и Карейша / Публ. В.В. Шкорпила // ИТУАК. № 40. 1907. Симферополь. С. 63–73.
Максимова М.И. Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. Вып. 83. 1961. С. 15–20.
Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. Вып. 116. 1969. С. 55–58.
Максимова М.И. Артюховский курган. 1979. Л.
Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). 1926. Керчь.
Медынцева А.А. Тмутараканский камень. 1979. М.
Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. 1977. М.
Муратов М.В. Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова. 1960. М.
ОАК за 1864 год. СПб. 1865.
ОАК за 1865 год. СПб. 1866.
ОАК за 1866 год. СПб. 1868.
ОАК за 1868 год. СПб. 1870.
ОАК за 1869 год. СПб. 1871.
ОАК за 1870 и 1871 годы. СПб. 1874.
ОАК за 1872 год. СПб. 1875.
ОАК за 1878 и 1879 годы. СПб. 1881.
ОАК за 1880 год. СПб. 1882.
ОАК за 1881 год. СПб. 1883.
ОАК за 1882–1888 годы. СПб. 1891.
ОАК за 1896 год. СПб. 1898.
ОАК за 1900 год. СПб. 1902.
ОАК за 1907 год. СПб. 1910.
ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб. 1913.
ОАК за 1911 год. Пг. 1914.
ОАК за 1912 год. Пг. 1916.
ОАК за 1913–1915 годы. Пг. 1918.
Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Т. XIII. 1883. Одесса. С. 61–92.
Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова // Деп. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992. М.
Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. Вып. 1. 1992а. М. С. 109–146.
Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // ТС. Вып. 3. 2000. СПб. С. 72–75.
Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. Т. 5. 2002. С. 192–206.
Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. Т. 6. 2003. С. 239–265.
Паромов Я.М. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. 2004. СПб. С. 287–292.
Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. Т. 7. 2004а. С. 309–316.
Паромов Я.М. Грязевые вулканы в историческом ландшафте Таманского полуострова // БФ: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. 2018. СПб. С. 277–286.
Паромов Я.М. Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана // БИ. Вып. XXXVIII. 2019. С. 39–92.
Паромов Я.М., Гей А.Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // ДБ. Т. 8. 2005. С. 320–339.
Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. 1936 (1937). Л.
Поночевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. Т. II. 1891. Екатеринодар. С. 1–60.
Прушевская Е.О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. Вып. 63. 1917. С. 31–58.

Пятышева Н.В. Таманский саркофаг. 1949. М.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. 1925. Л.
Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // ИАК. Вып. 45. 1912. С. 104–110.
Смирнов К.Ф. Северский курган // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XI. 1953. М.
Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. № 56. 1919. Симферополь. С. 39–59.
Соколов В.В. Курганы Лысой Горы близ Тамани и находки в них // ИТУАК. № 56. 1919а. Симферополь. С. 60–63.
Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. 1971. М.
Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. 1957. М.
Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // ЗРАО. Т. XI. 1899. СПб. С. 53–133.
Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. Вып. 29. 1909. С. 18–53.
Тизенгаузен В.Г. Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове // Древности (Труды МАО). Т. II. Вып. 1. 1869. М. С. 39–46.
Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // БС. Вып. 2. 1993. М. С. 6–24.
Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России. 2002. СПб.
Тункина И.В. История изучения // АНК (Античное наследие Кубани). Т. I. 2010. С. 20–128.
Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835) // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. 2010а. СПб. С. 533–588.
Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV веков до н.э. 1995. СПб.
Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. 1. 1921. Пб.
Федоров П.В. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые основные вопросы геологической истории Черного моря. 1963. М.
Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // СА. № 1. 1975. С. 171–175.
Шауб И.Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. Вып. 191. 1987. С. 27–33.
Шкорпил В.В. Два склепа со стенной живописью, открытые в 1864 и 1868 гг. на Таманском полуострове (в Большой Близнице и Васюринской горе) // ИТУАК. № 42. 1908. Симферополь. С. 67–72.
Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году // ИАК. Вып. 40. 1911. С. 92–114.
Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1911 году // ИАК. Вып. 45. 1912. С. 9–22.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // ИАК. Вып. 47. 1913. С. 42–72.
Шкорпил В.В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. Вып. 51. 1914. С. 129–139.
Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1913 году // ИАК. Вып. 54. 1914а. С. 65–82.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. Вып. 56. 1914б. С. 1–74.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году (с 29 рис.) // ИАК. Вып. 60. 1916. С. 7–35.
Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. 1979. М.
Энман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. Вып. 45. 1912. С. 92–103.
Яценко И.В. Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // РА. № 4. 2002. С. 131–142.

Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Tome V. 1843. Paris.

La Motraye. Voyages du Sr. Aubry de la Motraye en l-Europe, Asie et Afrique. Vol II. 1727. La Haye.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. 1801. Leipzig.

REFERENCES

Ashik A.B. *Bosporskoe tsarstvo*. I, II. 1848. Odessa.

Bert'e-delagard A.L. Zapiski o Tmutarakanskom kamne. *Taman' v proshlom i nastoiashchem. Sbornik statei.* Krasnodar, 2013, pp. 188–233.

Blavatsky V.D. Pervyi god raboty Sindskoi ekspeditsii. *KSIIMK*, 1952, vol. XLVIII, pp. 71–80.

Blavatsky V.D. Chetvertyi god raskopok v Sindike. *KSIIMK*, 1957, vol. 70, pp. 118–129.

Blavatsky V.D. Piatyi god rabot v Sindike. *KSIIMK*, 1959, vol. 74, pp. 41–48.

Dubois de Montpereux F. *Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee.* Paris, Tome V. 1843.

Dluzhnevskaia G.V. Imperatorskaia Arkheologicheskaia Komissiia – glavnoe arkheologicheskoe uchrezhdenie Rossiiskoi imperii (1859–1917 gg.). *Zapiski IIMK RAN*, 2006, № 1, pp. 112–118.

Enman N.A. Ioniiskaia amfora s Tamanskogo poluostrova. *IAK*, 1912, vol. 45, pp. 92–103.

Evliia Chelebi. *Kniga puteshestviia (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka). Zemli Severnogo Kavkazaz, Povolzh'ia i Podon'ia.* M., 1979, vol. 2.

Farmakovsky B.V. Tri polikhromnye vazy v forme statuetok, naidennye v Fanagorii. *Zapiski RAIMK*, 1921, vol. 1.

Fedorov P.V. *Stratirafiia chetvertichnykh otlozhenii Krymsko-Kavkazskogo poberezh'ia I nekotorye osnovnye voprosy geologicheskoi istorii Chernogo moria.* M., 1963.

Formozov A.A. K letopisi arkheologicheskikh issledovanii v Severnom Prichernomor'e v pervoi polovine IXI veka. *CA*, 1975, № 1, pp. 171–175.

Gaidukevich V.F. Antichnye keramicheskie obzhigatel'nye pechi. Po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929–1931 gg. *IGAIMK*, vol. 80.

Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. M.-L., 1949.

Getrts K.K. *Arkheologicheskaia topografiia Tamanskogo poluostrova*. M., 1870.

Getrts K.K. Istoricheskii obzor arkheologicheskikh issledovanii i otkrytii na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiia do 1859 goda. *Drevnosti (Trudy MAO)*, M., 1876, vol. 6.

Getrts K.K. Arkheologicheskaia topografiia Tamanskogo poluostrova. *Sobranie sochinenii.* SPb., 1898, vol.1.

Getrts K.K. Istoricheskii obzor arkheoogicheskikh issledovanii I otkrytii na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiia do 1859 g. *Sobraniie sochinenii.* SPB.,1898a, vol. 2.

Grinevich K.E. Mramornyi tamanskii sarkofag. *TSARANION*, M., 1929, vol. IV, pp. 162–177.

Iatsenko I.V. Predstavlenie I.E. Zabelina o stroenii nasypi kurgana Chertomlyk. *RA*, 2002, № 4, pp. 131–142.

Kamenetskii I.S. Nachalo arkheologicheskogo izucheniia Prikuban'ia. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii.* M., 1998, vol. II, pp. 127–146.

Kamenetskii I.S. Arkheologicheskie pamiatniki na strykh kartakh Prikubania. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii*. M., 2002, vol. III, pp. 8–59.

Kareisha D.V. Razrytie kurganov vozle Kerchi i Tamani v 1842 i v nachale 1843 goda. *ZOOID*. Odessa, 1844, vol. I, pp. 609–620.

Kareisha D.V. Arkheologicheskie razyskaniia bliz drevnikh Pantikapei, Fanagorii i Khersonesa. *ZhMVD. November. Knizhka dvenadtsataia*. SPb.,1846, pp. 284–309.

Korovina A.K. Nekropol' okolo mysa Panagin. *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Simferopol', 1962, vol. 2, pp. 301–313.

Kropotkin V.V. Klady vizantiiskikh monet na territorii SSSR. *SAI*, 1962, vol. E4–4. .

Kutorga M.S. Retsenziia na kn. "Arkheologicheskaia topografiia Tamanskogo poluostrova" K.Gertsa. *Russkii vestnik.* SPb., 1870, № 12 (90), pp. 789–811.

La Motraye. *Voyages du Sr. Aubry de la Motraye en l´ Europe, Asie et Afrique.* La Haye, 1727, vol. II.
Lazarevski Ia.M. Kurgany Tamanskogo poluostrova. *IAO.* 1861, vol. II, pp. 28–32.
Liutsenko E.E. Ashik i Kareisha Publ. V.V. Shkorpila. *ITUAK*. Simferopol', 1907, № 40, pp. 63–73.
Maximova M.I. Panafineiskaia amfora iz Zelenskogo kurgana. *KSIA*. 1961, vol. 83, pp. 15–20.
Maximova M.I. Zametka ob Akhtanizovskom klade. *KSIA*. 1969, vol. 116, pp. 55–58
Maximova M.I. *Artiukhovskii kurgan.* L., 1979.
Marti Iu.Iu. *Sto let Kerchenskogo muzeia (istoricheskii ocherk).* Kerch', 1926.
Medyntseva A.A. *Tmutarakanskii kamen'.* M., 1979.
Mil'kov F.N. *Prirodnye zony SSSR.* M., 1977.
Muratov M.V. *Kratkii ocherk geologicheskogo stroeniia Krymskogo poluostrova.* M., 1960.
OAK za 1864 god. SPb., 1865.
OAK za 1865 god. SPb., 1866.
OAK za 1866 god. SPb., 1868.
OAK za 1868 god. SPb., 1870.
OAK za 1869 god. SPb., 1871.
OAK za 1870 I 1871 gody. SPb., 1874.
OAK za 1872 god. SPb., 1875.
OAK za 1878 i 1879 gody. SPb.,1881.
OAK za 1880 god. SPb., 1882.
OAK za 1881 god. SPb., 1883.
OAK za 1882–1888 gody SPb., 1891.
OAK za 1896 god. SPb. 1898.
OAK za 1900 god. SPb., 1902.
OAK za 1907 god. SPb. 1910.
OAK za 1909 I 1910 gody. SPb., 1913.
OAK za 1911 god. Pg., 1914.
OAK za 1912 god. Pg., 1916.
OAK за 1913–1915 gody. Pg., 1918.
Pallas P.S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman'. *ZOOID*. Odessa, 1883, vol. XIII, pp. 61–92.
Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.* Leipzig, 1801, Bd.
Paromov Ia.M. Arkheologicheskaia karta Tamanskogo poluostrova. *Dep.INION RAN.* M., 1992, № 47103 ot 1.10.
Paromov Ia.M. Ocherk istorii arkheologo-topograficheskogo issledovaniia Tamanskogo poluostrova. *BS*. M., 1992a, vol.1, pp. 109–146.
Paromov Ia.M. Skifskie pogrebeniia na Tamanskom poluostrove. *TS*. Spb., 2000, vol. 3, pp. 72–75.
Paromov Ia.M. Kurgannyi nekropol' Germonassy. *DB*. 2002, vol. 5, pp. 192–206.
Paromov Ia.M. Kurganny nekropol' Kep. *DB*. 2003, vol. 6, pp. 239–265.
Paromov Ia.M. Kurgannyi nekropol' Fanagorii (obshchaia kharakteristika). *BF: problemy khronologii i datirovki pamiatnikov.* SPb., 2004, vol. 1, pp. 287–292.
Paromov Ia.M. Fanagoriiskie kurgany s figurnymi polikhromnymi sosudami. *DB*. 2004a, vol. 7, pp. 309–316.
Paromov Ia.M. Griazevye vulkany v istoricheskom landshafte Tamanskogo poluostrova. *BF: obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira.* SPb., 2018, vol. 1, pp. 277–286.
Paromov Ia.M. Obriad parnykh pogrebenii na Tamanskom poluostrove i okruzhenie ego ideala v mogilakh Artiukhovskogo kurgana. *BI*. 2019, vol. XXXVIII, pp. 39–92.
Paromov Ia.M., Gei A.N. Pamiatniki epokhi kamnia i bronzy na Tamanskom poluostrove (kratky obzor). *DB*. 2005, vol. 8, pp. 320–339.
Peredol'skaia A.A. *Fanagoriiskie figurnye vazy.* L., 1936 (1937).
Ponochevnyi M.O. Geograficheskii ocherk Bosporskogo tsarstva. *Kubansky sbornik.* Ekaterinodar, 1891, vol. II, pp. 1–60.

Prushevskaya E.O. Rodosskaia vaza i bronzovye veshchi iz mogily na Tamanskom poluostrove. *IAK*. 1917, vol. 63, pp. 31–58.
Piatysheva N.V. *Tamanskyi sarkofag*. M., 1949.
Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor*. L., 1925.
Rudneva S.D. Amfora miletskogo stilia iz okrestnostei stanitsy Tamanskoi. *IAK*. 1912, vol. 45, pp. 104–110.
Shaub I.Iu. Pogrebeniia kurgana Bol'shaia Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavlenii zhitelei Bosporskogo tsarstva. *KSIA*. 1987, vol. 191, pp. 27–33.
Shkorpil V.V. Dva sklepa so stennoi zhivopis'iu, otkrytye v 1864 i 1868 gg. Na Tamanskom poluostrove (v "Bol'shoi Bliznitse" I Vasiurinskoi gore). *ITUAK*. Simferopol', 1908, № 42, pp. 67–72.
Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1910 godu. *IAK*. 1911, vol. 40, pp. 92–114.
Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1911 godu. *IAK*. 1912, vol. 45, pp. 9–22.
Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi I v st. Tamanskoi b 1910. *IAK*. 1913, vol. 47, pp. 42–72.
Shkorpil V.V. Datirovannye keramicheskie nadpisi iz Zelenskogo kurgana. *IAK*. 1914, vol. 51, pp. 129–139.
Shkorpil V.V. Bosporskie nadpisi, naidennye v 1913 godu. *IAK*. 1914a, vol. 54, pp. 65–82.
Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v g.Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1911 g. *IAK*. 1914b, vol. 56, pp. 1–74.
Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi, na Tamanskom poluostrove I v Alushte v 1912 godu. *IAK*. 1916, vol. 60, pp. 7–35.
Smirnov K.F. Severskyi kurgan. *Trudy GIM. Pamiatniki kul'tury*. M., 1953, vol. XI.
Sokolov V.V. Karta drevnikh poselenyi i mogil'nikov v raione stanitsy Tamanskoi. *ITUAK*. Simferopol', 1919, vol. 56, pp. 39–59.
Sokolov V.V. Kurgany "Lysoi gory" bliz Tamani i nakhodki v nikh. *ITUAK*. Simferopol', 1919a, № 56, pp. 60–63.
Sokol'skyi N.I. *Derevoobrabatyvaiushchee remeslo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia.* M., 1971. M.
Sorokina N.P. *Tuzlinskyi nekropol'*. M., 1957.
Spitsyn A.A. Kurgany s okrashennymi kostiakami. *ZRAO*. SPb., 1899, vol. XI, pp. 53–133.
Spitsyn A.A. Falary iuzhnoi Rossii. *IAK*. 1909, vol. 29, pp. 18–53.
Tizengauzen V.G. Noveishie arkheologicheskie raskopki na Tamanskom poluostrove. *Drevnosti (Trudy MAO)*. M., 1869, T. II, vol. 1, pp. 39–46.
Tunkina I.V. K istorii arkheologicheskogo izucheniia Tamanskogo poluostrova v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX vv. *BS*. M., 1993, vol. 2, pp. 6–24.
Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii.* SPb., 2002.
Tunkina I.V. Istoriia izucheniia. *ANK (Antichnoe nasledie Kubani).* 2010, vol. I, pp. 20–128.
Tunkina I.V. Raskopki D.V. Kareishi i A.B. Ashika v Vostochnom Krymu (1831–1835). *Pol' Diubriuks. Sobranie sochinenyi.* SPb., 2010a, vol. I, pp. 533–588.
Vinogradov Iu.A. O datirovke tsentral'nogo pogrebeniia v kurgane Malaia Bliznitsa. *BF: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilishcha. Part 1*. SPb., 2002, pp. 177–179.
Vinogradov Iu.A. *Drevnosti Bospora Kimmeriiskogo v risunkakh K.R. Begicheva I F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN). Simferopol'-Kerch',* 2017.
Vinogradov Iu.A., Nikonorov V.P. Dereviannaia osnova sedla iz Kerchenskogo kurgana vtoroi poloviny IV v. do n.e. *BI*. Simferopol'-Kerch', 2009, vol. XXII, pp. 127–134.
Vlasova E.V. Drevnosti ellinskie imestnye. *ANK*. 2010, vol. III, pp. 198–262.
Voitsekhovskyi S.F. Opyt vosstanovleniia rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epokhe Strabona i pozdneishemu vremeni. *ZSKOAIE*. Rostov-na-Donu, 1929-1930, Book 1 (vol. 3), 5–6.
Volkov I.V. Tamanskie ostrova v "Knige puteshestviia" Elvii Chelebi. *Drevnosti Kubani.* Krasnodar, 1999, vol. 15, pp. 40–61.
Volkov I.V. Eshche raz ob Adakhunskom srazhenii kazach'ego flota v 1638 g. *Drevnosti Kubani.* Krasnodar, 2000, vol. 16, pp. 42–63.
Voronov A.A., Mikhailova M.B. *Bospor Kimmeriiskyi*. M., 1983.

Voronov A.A., Paromov Ia.M. Lokalizatsiia srednevekovogo goroda Temriuka. *SA*. 1987, № 4, pp. 87–99.
Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskyi M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boiur-Gora (Buerova mogila) – usypal'nitsa elity stolitsy Aziatskogo Bospora. *Elita Bospora I bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola.* SPb., 2016, pp. 147–164.
Wil'iams D., Ogden D. G*recheskoe zoloto. Iuvelirnoe iskusstvo klassicheskoi epokhi. V–IV veka do n.e.* SPb., 1995.
Zabelin I.E. Ob'iasneniie Strabonovykh svidetel'stv o mestnostiakh Bospora Kimmeriiskogo. *Trudy III AS.* Kiev, 1878, vol. II, pp. 1–33.
Zastrozhnova E.G. Pogrebenie s naborom figurnykh polikhromnykh sosudov iz Fanagorii 1852 g.: k istorii otkrytiia. *RA*. 2012, № 1, pp. 166–168.
Zenkovich V.P. *Berega Chernogo i Azovskogo morei*. M., 1958.
Zograf A.N. Statery Aleksandra Makedonskogo iz kerchenskikh i tamanskikh nakhodok. *Trudy OAM.* L., 1945, vol. I., pp. 85–99.
Zograf A.N. Antichnye monety. *MIA*. 1951, № 16.

Резюме

Первое знакомство с памятниками археологии Таманского полуострова связано с трудами и описаниями отечественных и зарубежных путешественников конца XVIII – начала XIX вв. и случайными раскопками. С 1836 г. раскопки на полуострове стали финансироваться и контролироваться государством. В середине XIX в. исследование памятников было поставлено на более высокий уровень с привлечением более подготовленных людей. Новый период исследования древностей (вторая половина XIX и начало XX вв.) целиком связан с созданием Императорской археологической комиссии в 1859 г. и выдающимися открытиями в курганах Большая и Малая Близницы, Васюринских, Буеровой Могиле, Артюховском и других, находки в которых наряду с находками в царских курганах Восточного Крыма и Поднепровья составили лучшую в мире коллекцию греко-варварской культуры Северного Причерноморья, хранящуюся в Эрмитаже. В гораздо меньшей степени исследовались городища, в еще меньшей мере – грунтовые могильники. Насколько значительны были достижения отечественной науки в области антиковедения, настолько же невелики они были в изучении как более раннего, так и более позднего времени.

Ключевые слова: Таманский полуостров, курганы, городища, могильники, Императорская археологическая комиссия.

Summary

The first acquaintance with the archaeological monuments of the Taman Peninsula is associated with the works and descriptions of domestic and foreign travellers of the late 18th - early 19th centuries and random excavations. Since 1836, excavations on the peninsula began to be financed and controlled by the state. In the middle of the 19th century, the study of monuments was put on a higher level with the involvement of more experienced people. The new period of the study of antiquities started in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. It was entirely connected with the creation of the Imperial Archaeological Commission in 1859, and the outstanding discoveries in the mounds of Bolshaya Bliznitsa and Malaya Bliznitsa, Vasiurinsky, Buerova Grave, Artiukhovsky and others, the finds in which, along with finds in the royal mounds of the Eastern Crimea and the Dnieper, made up the world's best collection of Greek-barbarian culture of the Northern Black Sea region, stored in the Hermitage. To a much lesser extent, ancient

settlements were investigated, and to an even lesser extent, soil burial grounds were. How significant were the achievements of Russian science in the field of antiquity, just as small were they in the study of both earlier and later times.

Key words: the Taman Peninsula, mounds, ancient settlements, burial grounds, Imperial archaeological commission.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
Специальность – 07.00.06 – археология.
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Paromov Iakov Maximovich, CSc
Researcher, Institute of Archaeology RAS (Moscow).
Specialty - 07.00.06 - archaeology.
+7(495) 936-56-85
E-Mail: kukuoba@yandex.ru

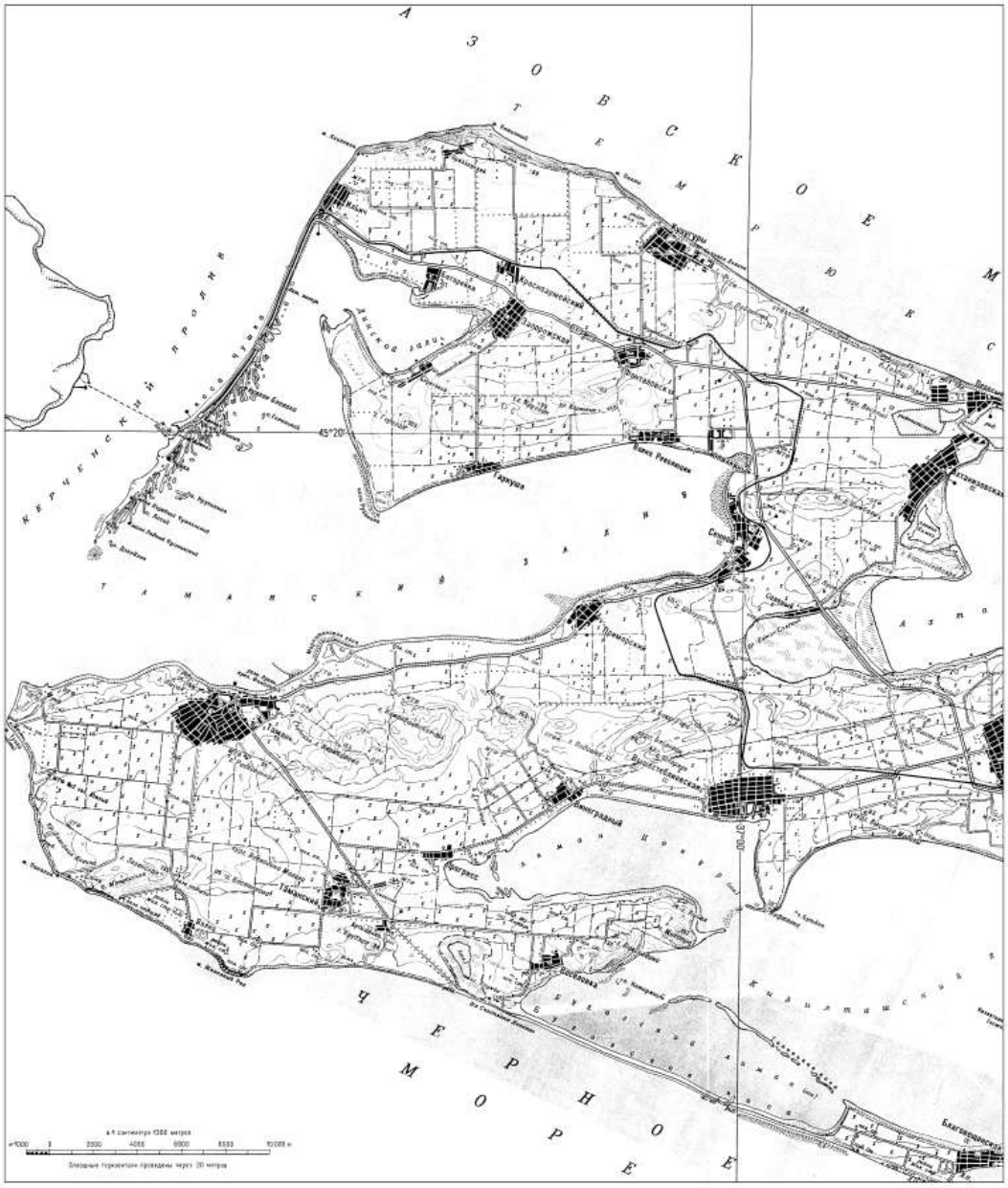


Рис. 1. Карта Таманского полуострова.

Н. И. ХРАПУНОВ
N.I. KHRAPUNOV

РИЧАРД УЭРСЛИ И КРЫМ[1]
RICHARD WORSLEY AND THE CRIMEA

Богатый английский аристократ баронет Ричард Уэрсли (1751–1805) провел много лет в путешествиях по Восточному Средиземноморью. Всему виной – несчастливая личная жизнь. В 1775 г. англичанин женился на юной Сеймур-Дороти Флеминг (1758–1818), но брак оказался неудачным (рис. 1). Вскоре выяснилось, что леди Уэрсли не собиралась быть верной женой. В 1781 г. она родила девочку, отцом которой был хороший знакомый, сосед и подчиненный ее мужа армейский капитан Джордж-Морис Биссетт (1757–1821). Хотя сэр Уэрсли признал ребенка, надеясь избежать скандала, его жена вскоре сбежала вместе с Биссеттом. Сэр Ричард возбудил против них процесс, потребовав огромную компенсацию в 20 000 фунтов стерлингов. В британском обществе того времени замужняя дама фактически считалась «собственностью» мужа, а потому вполне естественным казалось потребовать денег за ущерб, нанесенный адюльтером. 21 февраля 1782 г. состоялся суд, установивший, что поведение леди Уэрсли никогда не было таким, «какое приличествовало бы скромной замужней женщине», и что ее муж потворствовал многочисленным изменам. В итоге присяжные присудили истцу смехотворную компенсацию в один шиллинг. Скандальный процесс вызвал большой интерес у публики: стенограмма суда издавалась не менее пяти раз [The Trial, 1782]. Были напечатаны карикатуры. Например, одна из них основана на утверждении стороны защиты, что сэр Ричард показывал Биссетту свою купающуюся жену, причем делал это с ее ведома (рис. 2). В итоге репутация всех участников процесса была погублена.

Судьба их сложилась по-разному. Сэр Уэрсли на несколько лет уехал за границу. Он побывал в Италии и Греции, на Родосе и в Египте, в Турции и России. Вернувшись на родину, в 1790 г. был избран в британский парламент от Ньютауна на острове Уайт, где находилось его родовое поместье. В 1794–1797 гг. Уэрсли был британским послом в Венеции, но после того как в республику вторглись войска Наполеона,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX вв.».

Данная статья представляет собой расширенный и переработанный вариант доклада, прочитанного на международной конференции «Chersonos themata» [Храпунов, Гинькут, 2018b]. Последовавшее обсуждение позволило существенно улучшить текст, за что я особенно признателен А. В. Шаманаеву (Екатеринбург) и М. Г. Крамаровскому (Санкт-Петербург).

дипломату пришлось бежать. Значительная часть собранной им коллекции предметов искусства попала в руки французов. В 1801 г. Уэрсли вышел в отставку и поселился на острове Уайт, где и умер через несколько лет.

Биссетт бросил леди Уэрсли после того, как стало ясно, что муж не даст ей развод, а потому она не сможет претендовать на часть его состояния. В 1787 г. он женился на некой Харриат Мордант. Леди Уэрсли жила на содержании богатых любовников. Она родила еще двоих внебрачных детей и наконец, получив наследство в 70 000 фунтов после смерти мужа, в возрасте 47 лет снова вышла замуж за 26-летнего Джона-Льюиса Кашета (1779–1836). После победы над Наполеоном они уехали в Париж, где она скончалась четыре года спустя [McCreery, 2002; Rubenhold, 2008].

Небольшой эпизод в жизни баронета Уэрсли связан с Тавридой. Отсюда началось его путешествие по России через Херсон, Киев и Москву до Петербурга [Кросс, 2005, с. 382–383; Бертье-Делагард, 1910, с. 49–51]. В Крым он прибыл из Константинополя и провел здесь месяц, с 29 мая по 27 июня 1786 г. Половину этого времени он находился в севастопольском карантине, куда обычно помещали экипажи и пассажиров судов, прибывших из мест, где зафиксированы вспышки чумы. Введение так называемой «марсельской карантинной системы» было одним из элементов, привнесенных в Крым новыми властями [King, 2004, 168–172]. У Уэрсли были рекомендательные письма от российского посланника в османской столице Якова Булгакова. Поэтому правитель Таврической области Василий Каховский сократил карантинный срок для знатного иностранца до 15 дней против обычных 40. Затем Уэрсли совершил поездку по предгорному Крыму, осмотрев Инкерман, Байдары, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Карасубазар (ныне Белогорск), Старый Крым, Судак и Феодосию [Присоединение, 2019, с. 240, 385, прим. 339].

В поездках Уэрсли собрал богатую коллекцию предметов древности и видов дальних стран. Французский посол в России граф Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830) рассказал в своих мемуарах следующий анекдот. Однажды в конце 1786 г. Екатерина II вызвала к себе английского посла Аллейна Фицхерберта и всесильного фаворита Григория Потемкина и провела наедине с ними более часа. Разумеется, это вызвало пересуды у западных дипломатов, увидевших во встрече предвестие политических событий. «*Бог знает, сколько шифрованных депеш с несбыточными предположениями и догадками отправили в европейские кабинеты!*» Однако дело было в другом: императрица и ее собеседники «*рассматривали любопытную коллекцию рисунков, недавно доставленных из Египта кавалером Уэрсли*» [Ségur, 1826, p. 424].

Дневники, которые Уэрсли вел в путешествиях, пока не опубликованы. Зато он издал небольшим тиражом каталог своего собрания, предназначенный для близких друзей [Museum, 1894]. Это издание вызвало большой интерес, а потому наследники Уэрсли приняли решение перевыпустить его [Museum, 1824a; Museum, 1824b]. В названии книги первая часть была написана по-латыни, а вторая – по-английски: «Музеум Ворслейанум [Музей Уэрсли], или собрание античных барельефов, статуй

и гемм, с видами местностей Леванта, снятых непосредственно с натуры». Очевидно, сюда вошло то, что уцелело после бегства из Венеции. Среди рисунков – два вида Египта, возможно, из тех, что так понравились российской императрице [Museum, 1824b, p. 33, 35].

Интересно, что хотя Уэрсли собрал превосходную коллекцию античных барельефов, статуй и гемм [Museum, 1824a; Museum, 1824b, p. 3–16], среди них не было происходивших из Северного Причерноморья. В то время сведения о богатейшем культурном наследии региона распространились на Западе и возбудили интерес коллекционеров. Достаточно вспомнить, что соотечественник Уэрсли Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) вывез в 1800 г. из Крыма, Тамани и Анапы несколько рельефов и надписей античного и средневекового времени, которые впоследствии передал Кембриджскому университету [Clarke, 1809, nos. 4–8, pp. 4–8; no. 24, p. 46–47]. В своих записках знаменитый путешественник осудил «варварство» русских властей, не позволивших ему забрать с собой несколько памятников [Храпунов, 2016a, с. 123].

В каталог Уэрсли включены четыре гравюры, сделанные с оригинальных рисунков, на которых представлены виды Тавриды – Георгиевский монастырь в окрестностях Севастополя, Балаклавская бухта, города Старый Крым и Феодосия. Еще в начале XX в. акварели хранились в Англии, в родовом замке графов Ярборо [Бертье-Делагард, 1910, с. 50–51]. Рядом с рисунками в каталоге опубликованы более или менее подробные справки об истории этих мест, подготовленные самим Уэрсли. Эти изображения, во-первых, сохранили облик археологических памятников, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов, а во-вторых, сыграли важную роль в формировании представлений о Крыме в зарубежном общественном сознании. Однако авторство изображений представляет собой проблему.

В Стамбуле, перед тем как отправиться в Крым, Уэрсли виделся с Элизабет Крейвен – знаменитой английской путешественницей, впрочем, имевшей скандальную репутацию [см.: Храпунов, Гинькут, 2018a]. Крейвен утверждала, что именно она получила для Уэрсли разрешение отправиться в Крым на том же русском корабле, что доставил ее в Константинополь. Впоследствии Крейвен вспоминала, что Уэрсли «*имел при себе человека, рисовавшего виды*» [Craven, 1789, p. 194, 214; Craven, 1814, p. 100–101, 104–105]. В предисловии к каталогу сказано, что «*виды и руины древних построек в Леванте и Малой Татарии гравированы в основном с натурных рисунков, сделанных с большой точностью искусным живописцем г-ном Ривли*» [Museum, 1824a, p. 2]. Вероятно, поэтому А. Л. Бертье-Делагард считал, что автором видов Крыма был Уилли Ривли (1760–1799), прежде сопровождавший эксцентричного коллекционера в его странствиях, а впоследствии ставший известным архитектором [Бертье-Делагард, 1910, с. 50]. Однако Э.-Г. Кросс и А.-Р. Кристи, работавшие с неопубликованными дневниками Уэрсли, полагают, что художник за ним в Россию не последовал [Кросс, 2005, с. 383; Bentham, 2017, p. 407, n. 18; p. 415, n. 1]. Этот вопрос имеет первостепенное значение для определения авторства видов Крыма из коллекции Уэрсли. Обращает на себя внимание сходство гравюр

из альбома Уэрсли и акварелей, выполненных знаменитым русским пейзажистом Михаилом Ивановым (1748–1823), который в 80-х гг. XVIII в. побывал на юге России [Федоров-Давыдов, 1950; Капарулина, 2008]. Ныне эти рисунки хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа [ср.: Виды, 2017, с. 58–59, № 20; с. 82–83, № 32; с. 120–121, № 51; с. 126–127, № 54]. Виды даны практически с одного места, различаясь лишь декоративными деталями, такими как изображения людей на переднем плане или парусников в море (рис. 3–4; ср. рис. 7–8). Уэрсли мог приобрести у Иванова вторые экземпляры его крымских рисунков или заказать копии для своей коллекции. Известно, что Иванов тиражировал крымские акварели: сохранились выполненные им более поздние версии, которые можно назвать копиями с незначительными изменениями [Виды, 2017, с. 4–12].

Другое, менее вероятное объяснение предполагает, что Иванов срисовал картины, выполненные каким-то художником для Уэрсли. Известно, что русский живописец делал копии с пейзажей Турции и Швейцарии других авторов [Капарулина, 2008, с. 133–134]. Художники конца XVIII в. нередко копировали крымские виды по чужим оригиналам. Например, рисунок внутреннего двора ханского дворца в Бахчисарае кисти британского художника Уильяма Хадфилда стал прототипом для двух рисунков прославленного архитектора Джакомо Кваренги [Ориентализм, 2017, с. 129–131, № 126; ср.: Ибнеева, 2006, рис. 39 (вклейка), с. 242]. Как минимум два пейзажа Иванова (внутренний двор медресе в Старом Крыму и постройки на морском берегу в Феодосии) скопировал живший в России француз Жан-Бальтазар де ля Траверс [ср.: Виды, 2017, с. 64–65, рис 23; с. 86–87, № 34; Александрова, 2000, с. 115, № 95; с. 103, № 56].

Наконец, теоретически возможен и общий источник, который воспроизвели Иванов и художник, работавший по заказу Уэрсли. Против предположения о связи между рисунками Иванова и картинами из коллекции Уэрсли говорит то, что первые выполнены в технике акварели, а вторые – сепии. Размеры двух акварелей Иванова (виды Феодосии и Старого Крыма) больше, чем у рисунков из коллекции Уэрсли [ср.: Бертье-Делагард, 2010, с. 50–51; Виды, 2017, с. 129–130, № 20, 33]. Потому нельзя полностью исключить, что автором последних был Ривли или какой-то другой живописец.

Первый рисунок называется «Вид мыса и монастыря св. Георгия» (рис. 5). В описании сказано следующее: «*Вид мыса и монастыря св. Георгия, построенного на развалинах храма Дианы Таврической, расположенного на юго-западном берегу Крыма, на расстоянии приблизительно в триста пятьдесят миль от Константинополя. Горы между мысом св. Георгия и Балаклавой состоят из плотного известкового камня с внутренним блеском: со стороны моря они перпендикулярны, в некоторых местах разрушены внизу; в других, как кажется, они испытали какие-то сильные удары; бесчисленные куски камня скатились с [самого] верха в море, где их можно увидеть лежащими вдоль берега; подобным образом, они образуют основания такой же перпендикулярной скалы, а также имеются заметные следы подземного огня.*

Почти повсеместно на поверхности можно увидеть глину красноватого цвета, а камни, кажется, имеют большое содержание железа. В некоторых расщелинах скал находятся кубические кристаллы полупрозрачного шпата, некоторые из которых полушестигранной формы. В некоторых местах также можно встретить известковый камень, делящийся наподобие шифера, серого цвета с примесью белого, но в этих камнях совсем нет окаменелостей; но раковины находят в скалах глинистой структуры, даже на вершинах гор» [Museum, 1824b, p. 57]. Геологические сведения, очевидно, взяты из сочинения Карла-Людвига (Карла Ивановича) Габлица, автора одного из первых описаний природы Крыма [Габлиц, 1785, с. 23–25], по его французскому переводу [Hablitz, 1788, p. 31–35]. Гораздо любопытнее рассуждение о храме таврической Дианы, демонстрирующее, как записки путешественников способствовали возникновению феномена «виртуальных» памятников, в реальности не существовавших, но ставших частью образа Крыма.

Ясно, что данные слова имеют в виду античный миф об Ифигении, дочери царя Агамемнона, предводителя греков в Троянской войне, которую богиня Артемида (Диана) перенесла в Таврику (Крым) и сделала жрицей в своем святилище. Хотя этот сюжет неоднократно описывали древние авторы, в том числе Еврипид, Геродот и Страбон, большинство путешественников конца XVIII – начала XIX вв. знали о нем из популярных переложений Нового времени, в частности поэмы Иоганна фон Гёте и оперы Кристофа фон Глюка [Формозов, 1986, с. 94; Зорин, 2004, с. 111–112; Stroev, 2007, p. 75]. По современным представлениям, античный миф не стоит понимать буквально и потому вряд ли можно обнаружить соответствующие археологические остатки [Скржинская, 1991, с. 122–129: Иванчик, 2005, с. 85–97; Подосинов, Джаксон, Коновалова, 2016, с. 50]. Однако путешественники и кабинетные исследователи конца XVIII – начала XIX вв. пытались отыскать развалины «храма Дианы» в разных местах на Южном берегу Крыма [Формозов, 1986, с. 93–95; Тункина, 2002, с. 534–535; Храпунов, 2013а, с. 375].

Одним из тех, кто привлек внимание к этому памятнику, была Екатерина II. Еще в 1771 г. Вольтер в письме к императрице упомянул о приключениях Ифигении в Тавриде, сделав этот сюжет отличительным признаком Крыма [Voltaire, 1821, p. 152; Екатерина II, 1802, с. 8–9]. Екатерина II воспользовалась подсказкой, не раз обыграв тему античного святилища. Образ святилища Артемиды-Дианы и его жрицы Ифигении стал важным элементом «актуализации античности» в российской государственной идеологии, интерпретировавшей русских как потомков и наследников древних греков. Тем самым они оказывались в числе «европейцев», а «покоренье Крыма» – не захватом чужого, но возвращением некогда утраченных владений [Зорин, 2003, с. 33–64; Проскурина, 2017, с. 160–194; Dickinson, 2002, p. 12–14, 23]. Например, гравер Карл Леберехт использовал на гемме, выполненной в честь покорения Крыма, и медали, отметившей крымское путешествие императрицы, девиз «OLIM DIANAE NVNC MINERVAE» – «*[то, что] прежде [принадлежало] Диане, ныне [принадлежит] Минерве*» [Путешествие, 2016, с. 25]. Иначе говоря, русская

императрица уподоблялась богине-воительнице Минерве (Афине) и оказывалась преемницей таврической Дианы.

Задумав пригласить на юг знаменитого острослова принца Шарля де Линя, выходца из Бельгии и подданного австрийского императора, Екатерина II пообещала ему царский подарок – имение в местах, где некогда совершались обряды в языческом храме. Разумеется, де Линь принял эту игру и в одном из писем к русской императрице сообщил, что предвкушает путешествие в Тавриду и даже планирует в небольшом саду – «Ифигениополе» (то есть «городе Ифигении») установить статую своей покровительницы, которую предпочитает изваянию Дианы [Ligne, 2013, p. 140–142]. Позднее, напоминая принцу о необходимости присоединиться к путешествию, Екатерина II писала: «*...месяц май [1787 г.] я употреблю на посещение страны, где, как говорят, некогда жила Ифигения. И правда, одно название этой страны пробуждает воображение, и потому нет таких вымыслов, которые не распускали бы по поводу моего путешествия и пребывания в Тавриде. Верно и то, что я рада буду увидеть вас снова*» [Ligne, 2013, p. 145]. Де Линь присоединился к свите российской императрицы и впоследствии издал мемуары об этой поездке, разошедшиеся огромным тиражом и оказавшие влияние, например, на крымскую поэзию Пушкина [Dickinson, 2002, p. 18].

Во время путешествия на юг тема Ифигении не покидала спутников. Императрица писала своему многолетнему конфиденту, немецкому публицисту и дипломату Фридриху-Мельхиору Гримму (1723–1807), что «*храм Дианы принадлежит принцу де Линю*», который направляется на полуостров в ее обществе, а вот турецкий султан более не сможет посетить Тавриду [Екатерина II, 1878, с. 396]. Подобные слова в очередной раз выражали идеологию императрицы. Но, помимо этого, образ Ифигении позволил царице сыронизировать над репутацией де Линя – известного ловеласа. Как писал сам принц, «*в угоду склонности моей к Ифигениям, она даровала мне местность, где находился храм, в котором дочь Агамемнона была жрицей*» [Ligne, 1809, p. 69]. Кажется, собеседники не знали, что жрицы Артемиды давали обет безбрачия.

Как бы то ни было, де Линь пришел в искренний восторг от Крыма и от своего поместья, которое называл «Партениццой» («Partenizza»). Это название, очевидно, происходит от греческого «παρθένος» – «девица». Обычно думают, что оно находилось в Партените близ Аю-Дага [об истории этого имения см.: Брагина, Васильева, 2005, с. 12–45]. Но записки самого де Линя и его товарищей по путешествию позволяют предложить и другую локализацию, близ Балаклавы и Георгиевского монастыря. К сожалению, архивных документов, способных дать однозначный ответ на этот вопрос, пока не обнаружено [Храпунов, 2017а, с. 333–334].

По словам де Линя, он послал императрице рисунок Партениццы с видом на море и скалу, где он якобы начертал имена ее императорского величества и одной из своих возлюбленных [Ligne, 2013, p. 245]. Не та ли эта акварель, которую написал французский художник Жан-Балтазар де ла Траверс, много лет проживший в

России, возможно, работавший у Потёмкина и даже сопровождавший в Крым российскую императрицу? Среди его рисунков есть один, названный «*Мыс Партильон (на котором по преданию был храм Дианы, где Ифигения была жрицей), подаренный Екатериной II принцу де Линю*» [Александрова, 2000, с. 101, № 45; ср. с. 11–12]. Гримму же бельгиец сообщил – по-видимому, скорее шутя, чем всерьез – что соорудил на живописном утесе, где некогда исполняла обряды Ифигения, храм, посвященный российской императрице, а также жертвенник в честь дружбы князя Потёмкина [Ligne, 2013, p. 449].

Впоследствии, вспоминая об этой поездке, де Линь писал: «*Пресытившись почти всем известным, почему бы мне не поселиться здесь? Я обращу этих татар-мусульман, научив их пить вино, и придав своему жилищу вид дворца, который будет издалека заметен мореплавателям; я выстрою восемь домов для виноградарей с колоннами и балюстрадой…*» [Ligne, 1809, p. 70]. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся рисунки английского художника Уильяма Хадфилда, который, очевидно, находился в свите российской императрицы [Кросс, 2005, с. 336–337]. На одном из них («Приморский вид в Крыму») представлены окрестности Георгиевского монастыря на мысе Фиолент – лежащий в километре к северо-западу мыс, который в наше время носит имя Лермонтова, а пробитое в нем волнами отверстие именуют «гротом Дианы». На берегу расположен дворец в ориентальном стиле и здание с колоннами, очевидно, символизирующее античный храмик. Выше по склону – татарское селение, а за ним – восемь странных построек в виде башенок с колоннадой между ними. Создается впечатление, что Хадфилд дополнил реальный пейзаж фантазиями де Линя.

Где бы ни находилось поместье де Линя, российским властям Екатерининской эпохи не впервой было двигать древние названия по карте Северного Причерноморья. Не случайно Херсон и Севастополь, Одесса и Никополь оказались за сотни километров от своих древних мест. Традиция же связывать «храм таврической Дианы» с мысом Фиолент на юго-западной оконечности Крымского полуострова возникла еще до южного путешествия российской императрицы. Ее происхождение связано с именем французского дипломата и писателя Шарля де Пейссоннеля, который в 1753–1757 гг. служил консулом в Крымском ханстве [Mézin, 1998, p. 490–492]. После возвращения домой он издал несколько книг, в том числе исследование древностей Причерноморья, где попытался локализовать древние топонимы [Peyssonnel, 1765, p. 91]. После присоединения Крыма Потемкин поручил исследование полуострова Габлицу, который, в частности, решил (точно так же, как и Пейссоннель, но не ссылаясь на француза), что древний храм должен был находиться там, где сейчас Георгиевский монастырь, т. е. на мысе Фиолент [Габлиц, 1803, с. 17–18 и карта 1]. Исследованиями Крыма занимался также друг Габлица академик Петер-Симон Паллас. Он поместил место древнего храма по соседству, на выступающем в море скалистом гребне, в котором море проделало живописное сквозное отверстие – сейчас это мыс Лермонтова. Паллас полагал, что к этой локализации «еще лучше приме-

няется указание Страбона» [Паллас, 1999, с. 43]. Впрочем, античный географ ничего о «мысе с отверстием» не писал [Страбон, 1964, с. 282].

Вероятно, красота и уединенность данной местности способствовали тому, что с этого времени описания и изображения окрестностей Георгиевского монастыря становятся чрезвычайно популярны. Большая часть источников собрана в работе А.Л. Бертье-Делагарда [Бертье-Делагард, 1910: 48–51, 72–108; см. также: Pallas, 1801, Pl. 7; S. 89; Сумароков, 1803–1805. Вид Георгиевского монастыря; Clarke, 1810, p. 500–501; Гончарова, 1987, с. 115, № 111; Александрова, 2000, с. 97, № 25; с. 101, № 45; с. 104, № 58; Храпунов, 2013a, с. 373–376, 382–383, рис. 3–5. Виды, 2017, с. 118–123, № 50–52]. Они парадоксальным образом утверждали в сознании читателей и зрителей мысль о связи христианского монастыря и языческой святыни, способствуя тому, что эта местность стала одной из важнейших крымских достопримечательностей. Путешественники старались связать с античным храмом встреченные поблизости развалины античных или средневековых построек.

Нередко при этом возникали фантастические истории. Пирс-Балтазар фон Кампенгаузен, состоявший секретарем для иностранной переписки при Потемкине, писал: «*На мысу, где Ифигения, дочь Агамемнона, совершала богослужения как жрица храма Дианы, находятся несколько разломанных мраморных колонн, капителей и других украшений, и прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву. Эти развалины лежат в запустении, не защищённые от непогоды…*» [Campenhausen, 1807, S. 112; Храпунов, 2013b, с. 468].

Впрочем, не остались в стороне и монахи. На рисунке начала XIX в. (автором, возможно, был известный художник Карл Кюгельхен) представлена следующая сцена: монахи Георгиевского монастыря показывают путешественнику колонну, очевидно, местную достопримечательность [Мальгина, 2006, с. 33, 69, № 20]. По словам русского путешественника Павла Сумарокова и британца Эдварда-Даньела Кларка, эту колонну нашли где-то поблизости и сочли частью античного капища Дианы [Сумароков, 1803–1805, ч. 1, с. 201–202]. Кларк в своей обычной поучительной манере даже написал, что именно создание монастыря указывает на существование здесь языческого храма: «*Ранние христиане, разрушив языческие постройки, почти всегда возводили новые здания, посвященные своей собственной религии, на том же месте, и часто из материалов старых*» [Clarke, 1816, p. 216]. По-видимому, знаменитый путешественник гордился тем, что ему удалось «отыскать» место древнего святилища. Во всяком случае, в письме к своему другу Уильяму Оттеру он сначала укорил предшественников, изучавших древнюю топографию Причерноморья в тиши своих кабинетов, в том, что они, не увидев местность собственными глазами, допустили множество ошибок, а затем с гордостью перечислил свои заслуги по «нанесению на карту» древних городов и храма Дианы [Otter, 1827, p. 300].

Заметим, что почти любые старые колонны, которые в немалом количестве

находили в Крыму, заставляли приезжих воображать какие-то древние храмы. Например, автор сентиментального путешествия Владимир Броневский сначала сообщил, что «*время истребило и малейшие* <…> *приметы*» Дианиного святилища на Фиоленте, а затем, добравшись до Аюдага, расположенного километров на 70 восточнее, обнаружил там мраморные столбы: «*ученые полагают, что они принадлежат славному Парфенитскому Минервиному храму*». Дальше сообщается, что из близлежащей крепости «*Фаос, жестокосердный царь Тавриды низвергал всех иноплеменных в море*» [Бронеский, 1822, с. 23–24, 83–84]. Иначе говоря, путешественник перепутал Артемиду (Диану) и Афину (Минерву), заставил приносить в жертву чужестранцев не в храме, а в крепости, принадлежавшей персонажу легенды об Ифигении – царю тавров Фоанту, и смешал упомянутое Страбоном святилище Парфений близ Херсонеса со средневековым селением Партенит у подножия Аюдага. Впрочем, суждения такого рода нередки и у современных нерадивых экскурсоводов.

В любом случае, «фиолентовая» локализация Дианина храма осталась самой популярной. В 1824 г. Пушкин вспоминал о поездке в Крым: «*К чему холодные сомненья? / Я верю: здесь был грозный храм, / Где крови жаждущим богам / Дымились жертвоприношенья…*» [Пушкин, 1994, с. 323]. Поэт не был согласен с ученым скептицизмом автора популярного описания полуострова Ивана Муравьева-Апостола. Его рассказ о путешествии в Тавриду в 1820 г. по сути дела представляет собой исследование прошлого полуострова – по меткому выражению А. А. Формозова, автор «кроме руин, не замечает ничего» [Формозов, 1986, с. 41]. В отличие от большинства современников, Муравьев не просто цитировал древние источники, но подверг их критическому анализу. В итоге он заключил, «*что хотя бы и не совсем отвергать басню об Ифигении, так по крайней мере признать должно в ней такие темноту и противоречие, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину в отношении к нашей Тавриде есть дело совершенно невозможное*» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 86–92].

Но романтичная вера де Линя и Пушкина оказалась куда устойчивее ученого скепсиса. Представление о связи между Ифигенией и российским Причерноморьем утвердилось в общественном сознании. Об этом свидетельствует даже то, что в составе Черноморского флота в 1834–1848 гг. был корвет «Ифигения» [Чернышов, 2002, с. 35]. Сложно удержаться от предположения, что ставшее общепризнанным представление о глубокой древности мыса Фиолент, бывшего сакральным центром еще в глубокой древности, а также «виртуальная связь» языческого храма и христианского монастыря, проявлявшаяся, в частности, через «языческие» колонны, которые монахи показывали заезжим посетителям, повлияли на то, что во второй половине XIX в. Георгиевский монастырь (очевидно, как виртуальный «преемник» античного храма) без всяких на то оснований был отнесен к глубокой древности [Бертье-Делагард, 1910].

На втором рисунке из коллекции Уэрсли [Museum, 1824b, p. 59] изображен «Вид

гавани и порта Балаклавы» (рис. 6). Подпись сообщает, что это «*Вид города, порта, гавани и замков Балаклавы, расположенных на Черном море, в Таврике, напротив Синопа в Азии*» [Museum, 1824b, p. 59]. Возможно, это описание навеяно словами Пейссоннеля, рассуждавшего о положении Балаклавы относительно малоазиатских географических объектов [Peyssonnel, 1765, p. 92–93].

Балаклава – один из самых популярных сюжетов не только в описаниях путешественников, но и на рисунках конца XVIII – начала XIX вв. [см., например: Pallas, 1801, Pl. 9; Сумароков, 1803–1805, Балаклава; Clarke, 1810, p. 506–507; Гончарова, 1987, с. 115–116, № 110; Мальгина, 2006, с. 33, 71, № 22; с. 35, 93, № 46; Виды, 2017, с. 126–127, № 54; Храпунов, 2019, с. 603, рис. 2]. Рисунок доказывает, что после присоединения Крыма к России сохранность средневековой крепости Чембало значительно превосходила современную. Кроме того, по изображениям жилых домов и мечетей в приморской части можно сделать определенные выводы об исторической топографии османской Балаклавы. В этом и заключается его источниковое значение для исследований генуэзского и османского периода в жизни городского центра.

Третий рисунок из собрания Уэрсли показывает «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» (рис. 7). Пояснение говорит: «*На этой гравюре представлен вид Эски-Крыма, древней столицы Таврики, с Азовским морем на заднем плане. Повсюду в горах в окрестностях Эски-Крыма почва состоит из глинистого вещества, жирного и рыхлого, смешанного с кремнем; между горами расположена богатая, обширная долина, где находятся сады, луга и плодородная земля. Месторасположение прекрасно, по крайней мере для обозрения [окрестностей]; помимо разнообразных объектов, открывающихся взгляду в долине и горах, можно обнаружить расположенные между ними Черное море, Азовское [море] и [море] Сиваш, а между ними расположен Керченский полуостров*» [Museum, 1824b, p. 61].

Сведения о геологии и плодородии почв взяты, вероятно, из французского издания «Физического описания» Крыма Габлица [Габлиц, 1785, с. 12, 29; Hablitz, 1788, p. 15–16, 42–43]. На гравюре представлен вид на край города, с холмами на заднем плане. Самое приметное изображение находится в левой части – это армянская церковь, посвященная Богородице, с восьмигранным куполом на октагональном барабане, который покоится на четырехугольном основании [Гаврилов, Майко, 2014, с. 44, 160–167; Кирилко, 2008, с. 37–41]. Поскольку церковь до наших дней не сохранилась, любые ее изображения представляют интерес для архитектурно-археологических исследований.

Вопреки названию рисунка и пояснению, на его заднем плане изображено не море, а равнина – точно так же, как и на параллельной акварели Иванова [Виды, 2017, с. 58–59, № 20]. Очевидно, тексты написаны в Англии, когда реальные особенности старокрымского пейзажа позабылись. Отметим, что город, который ныне называется Старый Крым, лежит в ложбине между горами. Если оттуда и можно увидеть море, то одно – Черное. Зато приложенные к гравюре тексты позволяют про-

анализировать формирование стереотипов восприятия Крыма, нередко существенно искажавших реальность.

Традицию «видеть» из Старого Крыма три моря заложило сочинение де Линя. Его воспоминания о поездке в Крым имеют форму писем к одной из возлюбленных принца – маркизе Луизе-Марте де Куаньи (1759/1760–1832). Содержание книги заставляет предположить, что либо они изначально сочинялись в расчете на последующую публикацию, либо были отредактированы перед изданием, либо вообще писались как единое произведение через несколько лет после путешествия [Dickinson, 2002, p. 17 and note 55; Свирида, 2009, с. 268]. Это был весьма популярный прием в ту эпоху, достаточно вспомнить вымышленные «Персидские письма» Монтескьё или «Страдания юного Вертера» Гёте. Старый Крым де Линь упомянул один-единственный раз, причем, судя по дате и месту отправки письма, побывать там он к тому времени еще не успел: «*В Старом Крыму, где [для Екатерины II] соорудили дворец, чтобы провести там одну-единственную ночь, передо мной открылось все самое интересное, что только есть в обеих частях света, почти до самого Каспийского моря – думаю, что это пародия на искушение Сатаны, который никогда не показывал ничего столь прекрасного Господу нашему. Выйдя из своей комнаты, я вижу с одного и того же места Азовское море, Черное море, море Сиваш и Кавказ*» [Ligne, 1809, p. 53].

Эти мысли посетили путешественника в Бахчисарае, где он мог услышать (и плохо понять) чей-то рассказ о другом городе. Вероятно, от де Линя это описание попало к ученому поляку Станиславу Сестренцевичу-Богушу (1731–1826), католическому архиепископу могилевскому, писавшему историю Крыма по поручению Потемкина [Попов, Ганчар, 2012, с. 139–141]. Сестренцевич лично побывал на полуострове и, рассказывая о Старом Крыме, отметил: «*С третьего этажа*[2] *епископского дворца видны три моря, Сиваш, Черное море и море Азовское*» [Sestrencewicz de Bohusz, 1800, p. 22]. Неясно, пытался ли он сам осматривать окрестности или доверился предшественникам, а также откуда он мог вести наблюдения. По словам Палласа, до 1800 г. резиденцией православного епископа в Старом Крыму было здание, некогда служившее дворцом крымских ханов [Pallas, 1801, S. 257; Паллас, 1999, с. 115]. По авторитетному мнению В. Д. Смирнова, развалины, известные жителям Старого Крыма (а от них, надо думать, и Палласу) как ханский дворец, на самом деле были остатками караван-сарая, но об их истинной функции со временем позабыли [Смирнов, 1886, с. 283]. Это было обширное помещение, имевшее два яруса – внизу помещались животные и грузы, вверху жили люди. Имелось и несколько башен

[2] Во французской традиции второй этаж («second étage») обычно соответствует нашему третьему. Отметим, что переводчик сочинения могилевского архиепископа на русский язык по каким-то причинам поставил здесь «из второго жилья» [Сестренцевич-Богуш, 1806, с. 32–33]. Если верно, что епископский дворец находился в развалинах караван-сарая, о чем речь ниже, то этаж, скорее всего, был вторым и по русской мерке.

[Гаврилов, Майко, 2014, с. 150–159]. Вполне возможно, что Сестренцевича сбил с толку не только де Линь, но и текст Палласа, в котором говорится о видах с одной из вершин близ Карасубазара, причем в этом отрывке упомянут и Старый Крым, хотя гора находилась много западнее его [Pallas, 1801, S. 250–251; Паллас, 1999, с. 112]. Таким образом, проанализированные цитаты из каталога Уэрсли и истории Сестренцевича показывают, что путешественники нередко больше доверяли суждениям предшественников, чем собственным глазам, и в итоге накапливали и передавали ошибочные суждения.

Следует отметить, что из всех объектов, изображения которых попали в альбом Уэрсли, Старый Крым был наименее популярным сюжетом у путешественников и художников той эпохи. Немногие делали его зарисовки [см.: Александрова, 2000, с. 99, № 35; с. 102, № 52; с. 107, № 78–79; с. 115, № 95; с. 120, № 127. Виды, 2017, с. 10–11, 56–67, № 19–24]. Описания же города весьма фрагментарны. Вероятно, связано это с тем, что город в буквальном смысле лежал в развалинах, а история его была почти забыта [Храпунов, 2016b].

Четвертый рисунок из собрания Уэрсли представляет «Вид Каффы, или Феодосии» (рис. 8). Пояснения к нему сообщают следующее: «*Вид Каффы, построенной в виде амфитеатра. С тех пор, как ею овладели русские, она вернула свое древнее имя Феодосия. Каффа построена греками в V веке на развалинах Феодосии; генуэзцы взяли ее у татар в 1226 г., а спустя семьдесят один год венецианцы отобрали ее у генуэзцев, которые вскоре во второй раз получили над ней власть и укрепили ее. В 1474 году она попала в руки турок, после чего, разумеется, утратила и свою торговлю, и коммерцию, [до того] бывшие [весьма] значительными. В 1774 году турки уступили ее России. Она находится на 44 градусах 58 минутах широты, на Эвксинском море, недалеко от границ Черкесии*» [Museum, 1824b, p. 63]. В основе этой не вполне точной исторической справки, вероятно, лежат сокращенные и искаженные сведения, собранные шведским «кабинетным» автором Иоганном-Эрихом Тунманном (1746–1778), автором раздела о Крыме в популярном немецком «Большом землеописании», изданном Антоном-Фридрихом Бюшингом (1724–1793) [ср.: Тунманн, 1991, с. 35].

Подобно Балаклаве и Бахчисараю, Каффа-Феодосия была одним из самых популярных объектов, которые описывали путешественники и рисовали художники [см., например: Pallas, 1801, Pl. 14; Сумароков, 1803–1805, Кафа; Остатки крепости в Кафе; Гончарова, 1987, с. 118–119, № 114, 122; Александрова, 2000, с. 97, № 27; с. 103, № 56; Мальгина, 2006, с. 34, 75, № 28; Romme, 2014, p. 1030, 1036. Виды, 2017, с. 4, 6, 82–89, № 32–35; Храпунов, 2019, с. 603, рис. 1]. Рисунок из собрания Уэрсли, показывающий вид с северо-востока на приморские укрепления генуэзского и османского времени, а также жилые кварталы с многочисленными мечетями, ценен для археологических, архитектурных и топографических исследований, ведь многие зафиксированные им постройки до наших дней не сохранились.

Гравюры из каталога Уэрсли демонстрируют характерное для европейской

живописи той эпохи стремление к идеализации и символизации реального мира. Потому на переднем плане показаны фигуры рыбаков и крестьян в идиллических позах, по морю плывут корабли с распущенными парусами, а утесы и обрывы на Южном берегу Крыма стали более отвесными, чем в действительности, приобретая тем самым куда более «выразительный» облик. Фигуры зрителей в экзотичных одеждах появляются и на некоторых изображениях памятников Греции, Египта и Константинополя из коллекции Уэрсли [Museum, 1824b, p. 17, 21, 23, 33, 35, 37, 55]. Ясно, что это общий принцип, которому следовал(и) его художник(и).

Рисунки из собрания британского путешественника являются ценным источником как для изучения археологических памятников крымского Средневековья, так и для понимания того, как воспринимали Крым иностранные путешественники, оказавшиеся здесь после присоединения полуострова к России в 1783 г. Известно, что Крым существует не только как физическая реальность, но и как феномен коллективного воображения. Формирование его образов, актуальных, но различающихся в разных культурах, началось после присоединения к России. Исследователи исторической имагологии обычно опираются на тексты [Зорин, 1998; Sasse, 2000, p. 35–81], но рисунки также сыграли важную роль в закреплении определенных черт Крыма в общественном сознании. Они не просто рассказывали о неизвестном мире, но задавали зрителю и читателю правила восприятия этого мира. Картины, в том числе иллюстрировавшие путевые записки, способствовали превращению изображенных мест в туристические достопримечательности.

Феодосия, Балаклава и окрестности Георгиевского монастыря были очень популярны у художников, рисовавших их с разных ракурсов. На рисунках из альбома Уэрсли всегда присутствует море. Даже если оно отсутствует на картине, как в случае со старокрымским пейзажем, то оно присутствует в описании. Наряду с горами, людьми в «восточных» одеждах, тонкими башнями минаретов и разрушающимися древними постройками, море стало неотъемлемой частью образа Крыма. Можно отметить близость этих тем с изображениями Турции, например, в русской культуре [см. Ориентализм, 2017]. Таким образом, рисунки способствовали формированию представлений о Крыме как части Востока в историко-культурном смысле [об этом: Dickinson, 2002; Храпунов, 2017a; Храпунов, 2018a].

Для путешествующих живописцев основными достопримечательностями Крыма были приморские памятники восточной и юго-западной части полуострова, а также ханская столица в Бахчисарае. Фактически они находились в границах той природной зоны, черты которой по принципу «pars pro toto» постепенно сформировали в общественном сознании образ Крыма. В этом образе фактически нет унылой степи, занимающей три четверти полуострова. Это хорошо понимал уже Дмитрий Мертваго, служивший таврическим губернатором в начале XIX в., человек здравомыслящий и хорошо разбиравшийся в крымской специфике: «*Всякого звания, всякой нации люди, осматривая его [Крыма – Н. Х.] красы в самое лучшее время года, описывали нагорные места, где, проезжая верхом по десяти верст в день, не упоминали*

о тех степях, чрез кои двести верст в сутки проскакивали» [Мертваго, 1867, стлб. 175]. Так живопись способствовала формированию стереотипов, в той или иной степени далеких от реальности.

Следует отметить особую роль древних развалин на рисунках Крыма в конце эпохи Просвещения – начале эпохи Романтизма. Интерес к руинам памятников прошлого пробудился в России во второй половине XVIII в. под влиянием западной культуры. Этот процесс проходил медленно, причем интересом пользовались прежде всего греко-римские памятники, а ценность отечественной старины поначалу не воспринималась. По-видимому, присоединение Крыма с его богатейшим античным наследием (пусть до раскопок следующего столетия, остававшегося в значительной мере виртуальным) сыграло свою роль в том, что образованное русское общество стало интересоваться археологией [Формозов, 1986, с. 17–114; Шёнле, 2018, с. 10–77]. Любопытно, что художники рубежа XVIII–XIX вв. практически не рисовали крымские памятники античной и византийской эпохи, которые были популярной темой созданных путешественниками текстов. Вероятно, виной тому – плохая сохранность этих памятников, когда видневшиеся на поверхности земли остатки не казались достаточно выразительными и романтичными. Показательно отсутствие изображений Херсонеса – возможно, в том числе и потому, что он еще не воспринимался как религиозная святыня [Храпунов, 2016с].

Известно, что зарубежные путешественники конца XVIII – первой половины XIX вв. были склонны обвинять русских в бессмысленном уничтожении археологических памятников Крыма. Зачастую это было «общее место» путевых записок, которые следовали книжной традиции, а не наблюдаемым реалиям. Иногда такого рода выводы использовали как «идеологическое оружие», направленное против России [Орехов 2017: 84–252; Храпунов 2016а]. Визуальные источники, из каталога коллекции Уэрсли в частности, доказывают, что подобные обвинения имели под собой некоторую почву, ведь сохранность представленного на рисунках значительно превосходит то, что можно увидеть сегодня. Есть и вполне объективные рассказы очевидцев, свидетельствующие о разрушении памятников древности, например, в Херсонесе [Храпунов, 2011, с. 598, 601–604]. Несмотря на то, что российское правительство и частные лица предпринимали меры к изучению и сохранению культурного наследия региона [Тункина, 2002, с. 39–54], множество памятников было разобрано на строительные материалы или просто обветшало и разрушилось от времени [Маркевич, 2005, с. 274–276].

В определенном отношении древности Крыма стали настолько важной составляющей его образа, что оттеснили на второй план многие современные путешественникам реалии. Это было ясно уже Мертваго: «*История Крыма в отдельных временах довольно известна всем, кто читать умеет. Надобно только приметить, что древние писатели говорили о нем слегка; а новейшие бумагомаратели, вытаскивая из пыли лоскутья Страбона и прочих и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину*» [Мертваго, 1867, стлб. 173–174]. Таврический

губернатор имел в виду вещи практические. Например, создавая проекты развития полуострова, путешественники предпочитали апеллировать к делам давно минувших дней, то есть к успехам древних греков и средневековых генуэзцев, позабыв о том, что времена изменились [Храпунов, 2017b]. В ту эпоху записки путешественников были основным источником сведений о дальних странах, нередко определявшим действия политиков или предпринимателей. Но довольно быстро выяснилось, что хотя жители античных городов процветали благодаря земледелию и торговле, а понтийский царь Митридат VI и средневековые генуэзцы извлекали из своих крымских владений существенные доходы, исторический опыт не работал в новое время. Оказалось, что сложная внешнеполитическая обстановка и нехватка рабочих рук, особое отношение мусульман к предпринимательству, отсутствие инфраструктуры и дешевого кредита способны разрушить любые иллюзии. Но фантастической становилась и история Крыма. К уже перечисленным сюжетам добавилась, например, история о могиле Митридата в Керчи, порожденная не источниками, а словами трагедии Жана Расина [Формозов, 1986, с. 85–87], или же представление о том, что «пещерные города» являются свидетелями потопа, когда большая часть полуострова лежала на дне моря [Храпунов, 2018b]. Публикация каталога Уэрсли, очевидно, сыграла свою роль и в популяризации Тавриды, и в превращении ее отдельных памятников в туристические достопримечательности, и в популяризации мифов об отдельных объектах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Н. Жан Балтазар де ла Траверс. «Путешествующий по России живописец». – М., 2000.

Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // ЗООИД. – 1910. – Т. XXVIII. – С. 1–108.

Брагина Т. А., Васильева Н. В. Путешествие по дворянским имениям Крыма: краткий исторический путеводитель. – Симферополь, 2005.

Броневский В. Обозрение южного берега Тавриды в 1815 г. – Тула, 1822.

Виды Крыма из путевого альбома М. М. Иванова (к 270-летию со дня рождения художника) / сост. М. Р. Мальгина. – Симферополь, 2017.

[Габлиц К. И.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. – СПб., 1785.

[Габлиц К. И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. – СПб., 1803.

Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). – Симферополь, 2014.

Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. – М., 1987.

[Екатерина II] Переписка российской императрицы Екатерины II с г. Вольтером. Ч. II / пер. с фр. М. Антоновский. – СПб., 1802.

[Екатерина II] Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // СИРИО. – 1878. – Т. 23. – С. 1–734.

Зорин А. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 31. – С. 123–143.

Зорин А. Кормя двуглавого орла… Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004.

Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. – Казань, 2006.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.; Берлин, 2005.

Капарулина О. А. Художник-академик при светлейшем князе. Путевые альбомы М. М. Иванова в собрании Русского музея // Наше наследие. – 2008. – № 86. – С. 126–135.

Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. – Феодосия, 2007.

Кирилко В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. – Симферополь, 2008. – С. 37–43.

Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Ю. Н. Беспятых, Н. Г. Беспятых. – СПб., 2005.

Мальгина М. Р. Виды Крыма первой половины XIX в. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. – Симферополь, 2006.

Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич. Страницы истории крымского краеведения. – Симферополь, 2005. – С. 267–315.

Мертваго Д. Б. Записки // РА. – 1867. – № 8–9. – Стлб. 1–336.

[Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. – СПб., 1823.

Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.

Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О. А. Соснина, А. М. Валькович. – М., 2017.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. – М., 1999.

Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Коновалова И. Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. – М., 2016.

Попов М. А., Ганчар А. И. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формирование правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII в. – первая четверть XIX в.). – Гродно, 2012.

Присоединение Крыма к России, 1783–1796 гг.: сборник документов / сост. Н. Ю. Болотина. – М., 2019.

Проскурина В. Ю. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. – М., 2017.

Путешествие в Крым: каталог выставки / сост. Э. Е. Пияева, Р. Н. Зеленков. – СПб., 2016.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 2. – М., 1994.

Свирида И. И. Метаморфозы в пространстве культуры. – М., 2009.

Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]. Т. 1. – СПБ., 1806.

Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. – Киев, 1991.

Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. – 1886. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 273–302.

Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановский. – М., 1964.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I–II. – СПб., 1803–1805.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб., 2002.

Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. – Симферополь, 1991.

Федоров-Давыдов А. А. Михаил Матвеевич Иванов. 1748–1823. – М., 1950.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. – М., 1986.

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // МАИЭТ. – 2011. – Вып. XVII. – С. 595–630.

Храпунов Н. И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // Климентовский сборник. – Севастополь, 2013а. – С. 366–383.

Храпунов Н. И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. – 2013b. – Вып. XVIII. – С. 456–473.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016a. – Т. 18. – № 3. – С. 116–132.

Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // ЗО. – 2016b. – Т. 4. – № 4. – С. 832–860.

Храпунов Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. – 2016c. – Вып. XXI. – С. 317–358.

Храпунов Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. – Севастополь, 2017a. – С. 329–352.

Храпунов Н. И. Зарубежные путешественники о будущем Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. – Севастополь, 2017b. – С. 75–91.

Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое / The New Past. – 2018a. – № 1. – С. 63–78.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований: Гуманитарные и общественные науки. – 2018b. – № 2. – С. 21–33.

Храпунов Н. И. Прошлое Крыма глазами путешественников конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые наблюдения // Боспорские чтения XX. – Керчь, 2019. – С. 593–603.

Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Визит знатной дамы: Элизабет Крейвен и ее описание Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2018a. – Т. 20. – № 2. – С. 122–136.

Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Археологические памятники Крыма на рисунках из собрания британского путешественника Ричарда Уэрсли // X Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. – Севастополь; Симферополь, 2018b. – С. 159–166.

Чернышов А. А. Российский парусный флот. Справочник. Т. 2. – М., 2002.

Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени / пер. с англ. А. Степанов. – М., 2018.

Borenius T. Lady Worsley by Sir Joshua Reynolds // The Burlington Magazine for Connoisseurs. – 1942. – Vol. 80. – No. 467. – P. 28–30.

[Bentham J.] Correspondence of Jeremy Bentham. Vol. 3: January 1781 to October 1788 / ed. I. R. Christie. – London, 2017.

Campenhausen [B.] von. Bemerkungen über Rußland. – Leipzig, 1807.

Clarke E. D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. – Cambridge, 1809.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. – London, 1810.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. – London, 1816.

[Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. – London, 1789.

[Craven E.] The Beautiful Lady Craven: The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven. Vol. I / ed. A. M. Broadley, L. Melville. – London, 1914.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2002. – Vol. 3. – No. 1. – P. 3–25.

[Hablitz C.-L.] Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois règnes de la nature / tr. du russe [par D. A. Golicyn]. – La Haye, 1788.

King Ch. The Black Sea: A History. – Oxford, 2004.

[Ligne Ch.-J. de] Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. / ed. [A.-L.] de Staël Holstein. – Paris; Genève, 1809.
Ligne Ch.-J. de. Correspondances russes / éd. A. Stroev, J. Vercruysse. – Paris, 2013.
McCreery C. Breaking All the Rules: The Worsley Affair in Late-Eighteenth-Century Britain // Orthodoxy and Heresy in Eighteenth-Century Society. – Lewisburg; London, 2002. – P. 69–88.
Mézin A. Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792). – [Paris, 1998].
Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. I–II. – London, 1794 [1798–1803].
Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. I. – London, 1824a.
Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems. Vol. II. – London, 1824b.
Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. – New York, 1827.
Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. – Leipzig, 1801.
Peyssonnel [Cl. Ch.] de. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bordes de Danube & du Pont-Euxine. – Paris, 1765.
Romme G. Correspondance 1779–1786. Vol. 2. T. 1 / ed. A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov. – Clermont-Ferrand, 2014.
Rubenhold H. Lady Worsley's Whim: An Eighteenth-Century Tale of Sex, Scandal and Divorce. – London, 2008.
Sasse G. The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict. – Cambridge (Massachusetts), 2000.
Ségur [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 2me éd. T. 2. – Paris, 1826.
Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. – Brunswick, 1800.
Stroev A. Des voyages en Antiquité // La lettre de voyage. – Rennes, 2007. – P. 67–81.
The Trial with the Whole of the Evidence, Between the Right. Hon. Sir Richard Worsley… and George Maurice Bisset... 5th ed. – London, 1782.
Voltaire. Oeuvres complètes. T. LVIII. – Paris, 1821.

REFERENCES

Aleksandrova N. *Jean Balthazar de la Traverse. "Puteshestvujushhij po Rossii zhivopisec"*. Moscow, 2000.
Bentham J. *Correspondence*, vol. 3. London, 2017.
Berthier Delagarde A. L. "K istorii hristianstva v Krymu," *ZOOID*, 1910, vol. 28, pp. 1–108.
Bolotina N. Ju. (ed.). *Prisoedinenie Kryma k Rossii, 1783–1796 gg.: sbornik dokumentov*. Moscow, 2019.
Borenius T. Lady Worsley by Sir Joshua Reynolds. *The Burlington Magazine for Connoisseurs,* 1942, vol. 80, no. 467, pp. 28–30.
Bragina T. A., Vasil'eva N. V. *Puteshestvie po dvorjanskim imenijam Kryma: kratkij istoricheskij putevoditel'*. Simferopol', 2005.
Bronevskij V. *Obozrenie juzhnogo berega Tavridy v 1815 g.* Tula, 1822.
Campenhausen B. von. *Bemerkungen über Rußland*. Leipzig, 1807.
Catherine II. *Perepiska rossijskoj imperatricy Ekateriny Vtoroj s g. Vol'terom,* vol. 2. St. Petersburg, 1802.
Catherine II. Pis'ma imperatricy Ekateriny II k Grimmu (1774–1796). *SIRIO*, 1878, vol. 23, pp. 1–734.
Chernyshov A. A. *Rossijskij parusnyj flot. Spravochnik*, vol. 2. Moscow, 2002.
Clarke E. D. *Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge*. Cambridge, 1809.
Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa, pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey.* London, 1810.
Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa, pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey, 4th ed., vol. 2.* London, 1816.

Craven E. *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters.* London, 1789.
Craven E. *The Beautiful Lady Craven: The Original Memoirs of Elizabeth Baroness Craven,* vol. 1. London, 1914.
Cross A. *Britancy v Peterburge. XVIII vek.* St. Petersburg, 2005.
Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2002, vol. 3, no. 1, pp. 3–25.
Fedorov-Davydov A. A. *Mihail Matveevich Ivanov*. 1748–1823. Moscow, 1950.
Formozov A. A. *Stranicy istorii russkoj arheologii*. Moscow, 1986.
Gavrilov A. V., Majko V. V. *Srednevekovoe gorodishhe Solhat-Krym (materialy k arheologicheskoj karte goroda Staryj Krym)*. Simferopol', 2014.
Goncharova N. N. *E. M. Korneev. Iz istorii russkoj grafiki nachala 19 veka.* Moscow, 1987.
Hablitz K.-L. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoj oblasti po ee mestopolozheniju i po vsem trem carstvam prirody.* St. Petersburg, 1785.
Hablitz K.-L. *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois règnes de la nature.* La Haye, 1788.
Hablitz K.-L. *Geograficheskie izvestija, sluzhashhie k ob#jasneniju prezhnego sostojanija nyneshnej Tavricheskoj gubernii, sobrannye iz raznyh drevnih vremen pisatelej, s tremja kartami.* St. Petersburg, 1803.
Ibneeva G. V. *Puteshestvija Ekateriny II: opyt «osvoenija» imperskogo prostranstva,* Kazan', 2006.
Ivanchik A. I. *Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. je. v antichnoj literaturnoj tradicii: fol'klor, literatura i istorija.* Moscow and Berlin, 2005.
Kaparulina O. A. Hudozhnik-akademik pri svetlejshem knjaze. Putevye al'bomy M. M. Ivanova v sobranii Russkogo muzeja. *Nashe nasledie,* 2008, vol. 86, pp. 126–135.
Katjushin E. A. *Feodosija. Kaffa. Kefe. Istoricheskij ocherk.* Feodosija, 2007.
Khrapunov N. I. Chersonese v opisanijah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v. *MAIET*, 2011, vol. 17, pp. 595–630.
Khrapunov N. I. Hristianskie pamjatniki Hersonesa i okrestnostej v opisanijah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala HIH vv. *Klimentovskij sbornik.* Sevastopol', 2013, pp. 366–383.
Khrapunov N. I. Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena. *MAIET*, 2013, vol. 18, pp. 456–473.
Khrapunov N. I. Kak Chersonese stal centrom russkogo pravoslavija. *MAIET*, 2016, vol. 21, pp. 317–358.
Khrapunov N. I. Krymskie drevnosti glazami Jedvarda-Dan'ela Klarka: ot arheologii k ideologii. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no. 3, pp. 116–132.
Khrapunov N. I. Staryj Krym i ego pamjatniki glazami puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX veka. *ZO*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 832–860.
Khrapunov N. I. «Mesto, bogatoe vospominanijami i illjuzijami»: obrazy Tavridy v sochinenijah puteshestvennikov. *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825,* Sevastopol', 2017, pp. 329–352.
Khrapunov N. I. Zarubezhnye puteshestvenniki o budushhem Kryma. *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825*. Sevastopol', 2017, pp. 75–91.
Khrapunov N. I. "Vostok v Evrope": Krym posle prisoedinenija k Rossijskoj imperii glazami inostrancev. *The New Past*, 2018, vol. 1, pp. 63–78.
Khrapunov N. I. Krymskie drevnosti glazami zapadnoevropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki,* 2018, vol. 2, pp. 21–33.
Khrapunov N. I. Proshloe Kryma glazami puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX vv.: nekotorye nabljudenija. *Bosporskie chtenija 20.* Kerch', 2019, pp. 593–603.
Khrapunov N. I. and Gin'kut N. V. Arheologicheskie pamjatniki Kryma na risunkah iz sobranija britanskogo puteshestvennika Richard Worsley. *10 Mezhdunarodnyj vizantijskij seminar ΗΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperija i polis*. Sevastopol' and Simferopol', 2018, pp. 159–166.

Khrapunov N. I. and Gin'kut N. V. Vizit znatnoj damy: Elizabeth Craven i ee opisanie Kryma. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki,* 2018, vol. 20, no. 2, pp. 122–136.
King Ch. *The Black Sea:* A History. Oxford, 2004.
Kirilko V. P. Pamjatniki armjanskoj arhitektury Solhata. *Issledovanija po armenistike v Ukraine,* vol. 1. Simferopol', 2008, pp. 37–43.
Ligne Ch.-J. de. *Lettres et pensées,* 2nd éd. Paris and Genève, 1809.
Ligne Ch.-J. de. *Correspondances russes*. Paris, 2013.
Mal'gina M. R. (ed.). *Vidy Kryma pervoj poloviny XIX v. Katalog litografij iz sobranija Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeja.* Simferopol', 2006.
Mal'gina M. R. (ed.). *Vidy Kryma iz putevogo al'boma M. M. Ivanova (k 270-letiju sl dnja rozhdenija hudozhnika)*. Simferopol', 2017.
Markevich A. I. Sud'by pamjatnikov drevnosti v Tavride. *Nepomnjashhij A. A. Arsenij Markevich. Stranicy istorii krymskogo kraevedenija.* Simferopol', 2005, pp. 267–315.
McCreery C. Breaking All the Rules: The Worsley Affair in Late-Eighteenth-Century Britain. *Orthodoxy and Heresy in Eighteenth-Century Society*. Lewisburg and London, 2002, pp. 69–88.
Mertvago D. B. Zapiski. *RA*, 1867, vol. 8–9, col. 1–336.
Mézin A. *Les consuls de France au siècle des Lumières (1715–1792). Paris,* 1998.
Murav'ev-Apostol I. M. P*uteshestvie po Tavride v 1820 godu.* St. Petersburg, 1823.
Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems, vol. 1–2. London, 1794.
Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems, vol. 1-2. London, 1824.
Orehov V. V. *V labirinte krymskogo mifa.* Velikij Novgorod, Simferopol' and Nizhnij Novgorod, 2017.
Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge.* New York, 1827.
Pallas P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, Bd. 2. Leipzig, 1801.
Pallas P. S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg*. Moscow, 1999.
Peyssonnel Cl.-Ch. de. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bordes de Danube & du Pont-Euxine*. Paris, 1765.
Pijaeva Je. E. and Zelenkov R. N. (eds.). *Puteshestvie v Krym: katalog vystavki*. St. Petersburg, 2016.
Podosinov A. V., Dzhakson T. N., Konovalova I. G. *Skifija v istoriko-geograficheskoj tradicii Antichnosti i Srednih vekov.* Moscow, 2016.
Popov M. A., Ganchar A. I. Mitropolit S. *Bogush-Sestrencevich: formirovanie pravitel'stvennoj politiki po otnosheniju k Rimsko-katolicheskoj cerkvi na belorusskih zemljah (konec XVIII – pervaja chetvert' XIX v.)*. Grodno, 2012.
Proskurina V. Ju. *Imperija pera Ekateriny II. Literatura kak politika*. Moscow, 2017.
Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t.*, vol. 2. Moscow, 1994.
Romme G. *Correspondance 1779–1786*, vol. 2, t. 1. Clermont-Ferrand, 2014.
Rubenhold H. *Lady Worsley's Whim: An Eighteenth-Century Tale of Sex, Scandal and Divorce.* London, 2008.
Sasse G. *The Crimea Question: Identity, Transition, and Conflict.* Cambridge (Massachusetts), 2000.
Schonle A. *Arhitektura zabvenija. Ruiny i istoricheskoe soznanie v Rossii Novogo vremeni.* Moscow, 2018.
Ségur L.-Ph. de. *Mémoires ou souvenirs at anecdotes,* 2me éd., t. 2. Paris, 1826.
Sestrencewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 1. Brunswick, 1800.
Sestrencewicz de Bohusz S. *Istorija o Tavrii,* vol. 1. St. Petersburg, 1806.
Skrzhinskaja M. V. *Drevnegrecheskij fol'klor i literatura o Severnom Prichernomor'e.* Kiev, 1991.
Smirnov V. D. Arheologicheskaja jekskursija v Krym letom 1886 goda. *Zapiski Vostochnogo otdelenija Imperatorskogo russkogo arheologicheskogo obshhestva*, 1886, vol. 1, fasc. 4, pp. 273–302.
Sosnina O. A. and Val'kovich A. M. (eds.). *Orientalizm. Tureckij stil' v Rossii. 1760–1840-e.* Moscow, 2017.

Strabo. *Geografia*. Moscow, 1964.
Stroev A. Des voyages en Antiquité. *La lettre de voyage.* Rennes, 2007, pp. 67–81.
Sumarokov P. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu*, vol. 1-2. St. Petersburg, 1803–1805.
Svirida I. I. *Metamorfozy v prostranstve kul'tury.* Moscow, 2009.
The Trial with the Whole of the Evidence, Between the Right. Hon. Sir Richard Worsley… and George Maurice Bisset… 5th ed. London, 1782.
Thunmann J.-E. *Krymskoe hanstvo*. Simferopol', 1991.
Tunkina I. V. *Russkaja nauka o klassicheskih drevnostjah Juga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. St. Petersburg, 2002.
Zorin A. Krym v istorii russkogo samosoznanija. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, vol. 31, pp. 123–143.
Zorin A. *Kormja dvuglavogo orla… Literatura i gosudarstvennaja ideologija v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka.* Moscow, 2004.

Резюме

В статье рассмотрена история посещения Крыма знаменитым английским коллекционером Ричардом Уэрсли в 1786 г., а также образы полуострова на четырех рисунках из собрания путешественника. Параллели между этими картинами и акварелями известного русского художника Михаила Иванова заставляют обсудить вопрос об авторстве. Продемонстрировано значение рисунков из коллекции Уэрсли для изучения археологического наследия Крыма, а также образа полуострова в западном общественном сознании. Собранные Уэрсли сведения о прошлом полуострова поставлены в контекст начального этапа изучения Крыма западными и отечественными интеллектуалами.

Ключевые слова: записки путешественников, историческая имагология, образ Крыма, Ричард Уэрсли, живописные виды Крыма.

Summary

This paper addresses the visit to the Crimea by famous English collector and traveller Richard Worsley in 1786, as well as the images of the peninsula on four engravings published in the catalogue of his collection. Parallels of these drawings and watercolours by respected Russian painter Mickail Ivanov raise the problem of authorship. It has been demonstrated that the pieces from Worsley's collection are important for the studies in archaeological heritage in the Crimea, and the peninsula's image in the Western mind. The account of the past of this remarkable peninsula collected by Worsley have been placed into the context of the first stage of studying the Crimea by Western and Russian intellectuals.

Key words: travel writing, historic imagology, Crimea image, Richard Worsley, views of the Crimea on paintings.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Храпунов Никита Игоревич, к.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
пр-кт. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, 295007.
khrapunovn@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Khrapunov Nikita I., CSc in History,
Leading Researcher,
History and Archaeology of the Crimea Research Centre,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Academician Vernadsky Ave,
Simferopol 295007, Republic of the Crimea.
khrapunovn@gmail.com

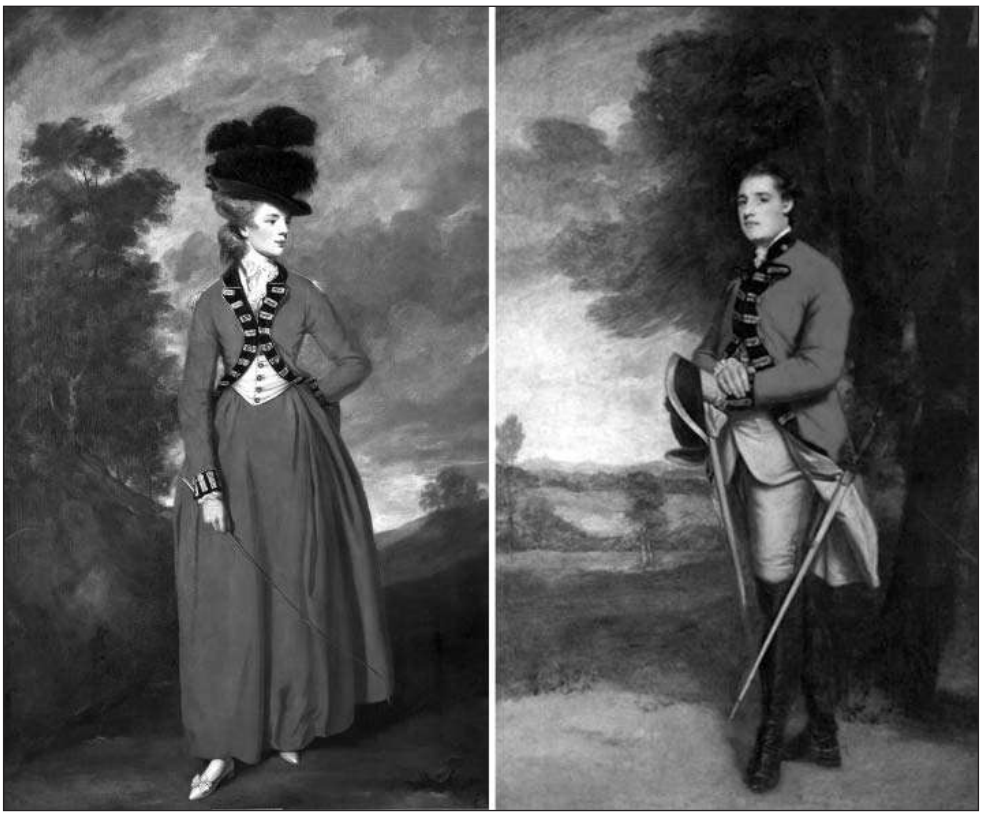


Рис. 1. Сэр Ричард Уэрсли и леди Уэрсли.
Художник Джошуа Рейнольдс (1775–1776 гг.; 1779 г.) [Borenius, 1942].

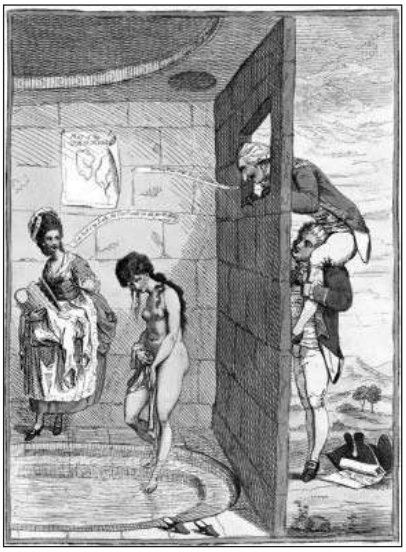


Рис. 2. Карикатура Джеймса Гиллрея, посвященная «процессу Уэрсли» [McCreery, 2002, p. 76].

Рис. 3. Михаил Иванов. «Часть Старого Крыма» [Виды, 2017, с. 59].

Рис. 4. Михаил Иванов. «Вид Каффы. Феодосия» [Виды, 2017, с. 82].

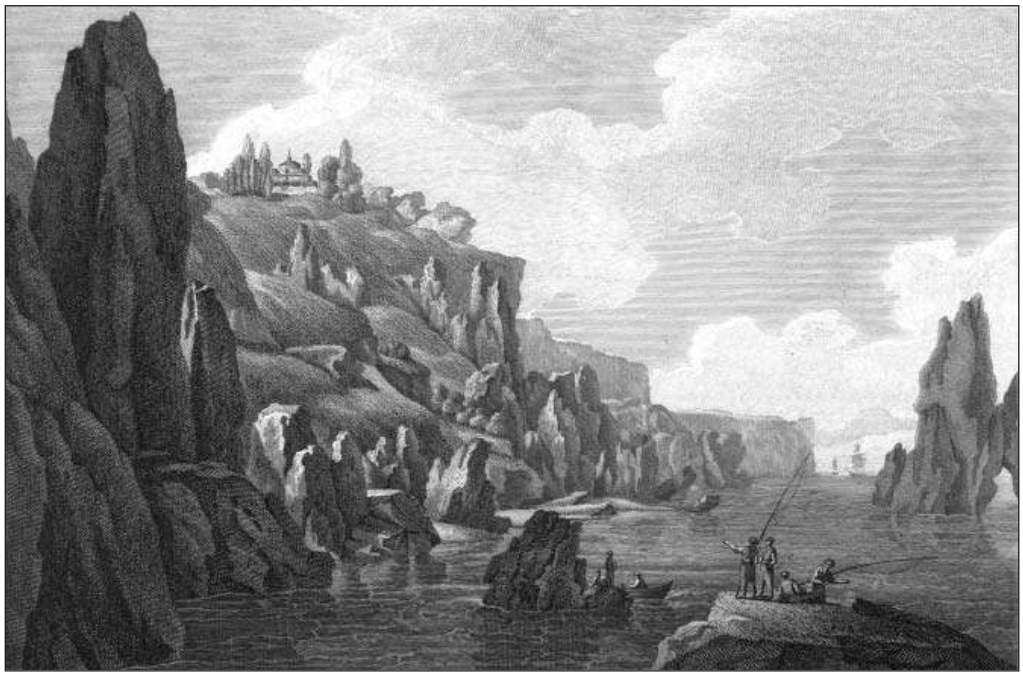


Рис. 5. Из собрания Ричарда Уэрсли. «Вид мыса и монастыря св. Георгия» [Museum, 1824b, p. 57].

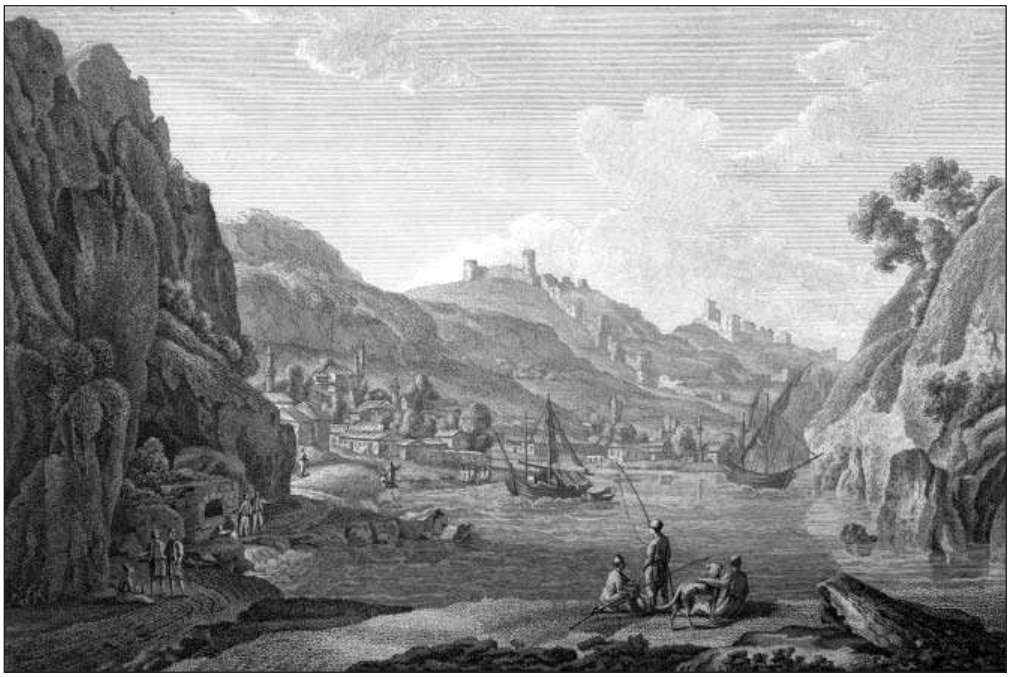


Рис. 6. Из собрания Ричарда Уэрсли. «Вид гавани и порта Балаклавы» [Museum, 1824b, p. 59].

Рис. 7. Из собрания Ричарда Уэрсли. «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татарии, с Азовским морем» [Museum, 1824b, p. 61].

Рис. 8. Из собрания Ричарда Уэрсли. «Вид Каффы, или Феодосии» [Museum, 1824b, p. 63].

А.А. НЕПОМНЯЩИЙ
A.A. NEPOMNYASHCHY

КЕРЧЕНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ: КРЫМОВЕДЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
KERCH ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE ON THE MEMORIES OF PARTICIPANTS: CRIMEAN COMMUNICATIONS OF THE FIRST SOVIET DECADE

Опыт проведения двух всесоюзных конференций археологов СССР в Керчи (1926 г.) и Херсонесе (1927 г.) в последнее время вызывает интерес у историков науки [Непомнящий, 2017; 2018в; Панкратова, 2018]. По масштабности, представительности, обширности обсуждаемых вопросов эти научные собрания были первыми в СССР и вместе с тем продолжали сложившиеся традиции научных съездов историков, археологов и краеведов, работавших в области архивного дела и охраны культурного наследия, которые оформились еще в досоветский период. Неудавшиеся попытки элиты советской исторической науки продолжить практику созыва таких конференций-съездов также привлекают к ним внимание из-за внутренних конфликтов в среде крупных представителей науки, которые и свели на нет эти практики. Частью делегатов конференции трактовались как исключительно внутрироссийские, а некоторые представители иных республик называли себя «гостями».

Благодаря подвижнической деятельности Московского археологического общества и лично Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840–1924) в досоветской России сложилась традиция проведения всероссийских научных форумов историков – археологических съездов. Их проводили с 1869-го с интервалом в три года. В зависимости от выбора места проведения съезда делался акцент на изучении культурного наследия конкретной местности [Непомнящий, 2002]. Несмотря на название «археологические», съезды включали весь спектр вопросов, связанных с историей, археологией, археографией, охраной исторических памятников. Последний XV археологический съезд состоялся в 1911 году в Новгороде. Начавшаяся Первая мировая война не позволила открыть уже подготовленный XVI съезд в Пскове, намечавшийся в 1914 году. В 1915-м крымские краеведы предложили российской научной общественности и активно начали организовывать областной археологический съезд, местом проведения которого были обозначены Симферополь и Севастополь. Но и этим планам не суждено было сбыться [Непомнящий, 2018б]. После окончания Гражданской войны, голода и управленческой неразберихи начала 20-х страна постепенно оправлялась, перейдя на рельсы НЭПа. Российская научная интеллигенция все более активно ставила вопрос о необходимости возобновления столь нужных для научного общения профессионалов собраний. Однако со старым статусом «археологических съездов» в новом Советском государстве, отбросившем многие аспекты культурного достояния

прошлого, они уже не могли собираться. Поводом к активизации работы по созыву нового съезда стало приближавшееся в 1926 году 100-летие основания Керченского музея древностей.

Одним из активных инициаторов возрождения идеи проведения археологических съездов в стране был руководитель археологической секции Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). Так, в составленной при его участии программе создания Центрального археологического бюро Наркомпроса РСФСР (датирована 23 февраля 1923 года) предусматривалось проведение ежегодных съездов представителей археологических обществ республики. Эта идея сразу же была горячо поддержана крупнейшими российскими археологами, в частности А. А. Спициным и А. М. Тальгреном [Вдовин, Кузьминых, Серых, 2008, с. 199].

Подготовка к первому всесоюзному археологическому съезду началась в 1924 году, когда были завершены все предварительные работы на уровне Музейного отдела Наркомата просвещения РСФСР. В начале следующего года состоялось совещание по выработке программы «съезда археологов и реставраторов». На археологической секции на повестку дня выносились вопросы о состоянии и наиболее действенных мерах по охране археологических памятников на местах и в музеях, принципах экспонирования археологических коллекций, научных достижениях [Вдовин, Кузьминых, Серых, 2008, с. 199]. В этих условиях повод с празднованием юбилея музея в Керчи пришелся весьма кстати.

Идея проведения съезда исходила от Государственного керченского археологического музея и курировавшего это учреждение КрымОХРИСа. Оформившийся в 1925-м в столице организационный комитет Керченской юбилейной археологической конференции учредил отделения в Симферополе и Керчи. К этой работе активно подключились лидер крымских краеведов Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) и его коллеги из Таврического общества истории, археологии и этнографии. В эпистолярном наследии крымских историков сохранилась интересная информация о подготовке форума. Еще 25 марта 1925 года А. И. Маркевич сообщал в Ленинград своему другу – академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому: «…а в будущем году предполагается устроить в Крыму археологический съезд по случаю 100-летия времени открытия Керченского музея древности» [СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 4 об.]. Эта тема была продолжена в письме уже от 2 мая 1926 года: «Задумали устроить здесь, в Керчи, археологический съезд и неизвестно, как бы мы с ним не провалились. Но съезд необходим, – и пусть будет, что будет. Твердо уверен, что Вы пожалуете – и с докладом. Все дело съезда в руках Главнауки в Москве, и мы здесь ничего не знаем. Получаем кое-какие сведения из случайных источников. С Ленинградом всегда работать вольготнее» [СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 15 об.–16]. Хотя И. Ю. Крачковский не участвовал в Конференции археологов СССР в Керчи, его интересовало все, что там происходило. Поэтому крымские коллеги подробно информировали академика о ходе заседаний, сделанных докладах и кулуарном общении.

О предстоящем «археологическом съезде» А. И. Маркевич отправил сообщение хранителю Исторического музея в Москве Алексею Васильевичу Орешникову (1855–1933). Московский ученый 25(12) февраля 1926 года записал в дневнике: «От А. И. Маркевича из Симферополя письмо, пишет о предстоящем археологическом съезде в Крыму» [Орешников, 2010, с. 95].

17 февраля 1926 года секретарь Таврического общества истории, археологии и этнографии Николай Львович Эрнст сообщал брату – историку искусства, деятелю в области охраны памятников культуры на Украине Федору Людвиговичу Эрнсту (1891–1942): «Предполагается Всесоюзный археологический съезд в Керчи и Херсонесе по случаю столетия Керченского музея. Наверное, будет очень интересно. Ведь в первый раз после 1911 года…» [НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л.17]. 27 марта Н. Л. Эрнст писал ему в Киев: «Определенно решен вопрос о созыве по случаю столетнего юбилея Керченского музея «Всесоюзной Конференции Археологов» в Керчи в начале сентября. Конференцию созывает Главнаука РСФСР. Для осуществления юбилея вообще и Конференции в частности образованы три комитета – один у нас, крымский, один в Москве в Главнауке и один в Питере в Академии Исто[рии] Мат[ериальной] Культ[уры]. Так как от нас исходила инициатива, то мы продолжаем ее держать в руках, вырабатываем программу юбилея и Конференции, списки приглашаемых и пр[очее]. Сначала Главнаука хотела придать программе конференции характер, исключительно посвященный керченской археологии. По нашему настоянию она расширила программу в том смысле, что «на Конференции читаются доклады из области археологии Крыма и культур южной России, связанных с Крымом». Хотя с Крымом можно связать все что угодно, все же мы будем настаивать, чтобы программа была еще более расширена и включала вообще всю русскую археологию. Без сомнения, так и будет, даже если в официальной программе и будет значиться вышеприведенная формула. Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов.

По случаю юбилея будет выставка археологической работы Музея за 100 лет (чертежи, карты и пр.), будут открыты все катакомбы с фресками, всегда закопанные (я за 7 лет пребывания в Крыму их еще ни разу не видел) – это исключительной редкости случай. Будет устроен ряд интереснейших экскурсий в Нимфей, Мирмикион, к Асандрову валу, на гору Опук и на Тамань. После съезда можно будет еще предпринять какое-нибудь путешествие скопом по Крыму.

Из удобств предполагается железнодорожная скидка в 50%, бесплатная ночевка и очень удешевленные харчи» [НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 19–19 об.]. Николай Львович советовался с братом, какие украинские научные учреждения и общества пригласить к участию в научном собрании, предлагал киевским ученым «проявить инициативу» и создать в украинской столице «Комитет содействия конференции». Он справедливо заметил, что «Желательно, конечно, чтобы приехали деятельные люди и поменьше ротозеев, кустарничающих и научных барышень» [НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 19 об.]. Эта информация проливает свет на

участие в Керченской конференции ряда украинских ученых – С. С. Дложевского, А. З. Носова, А. П. Новицкого [Непомнящий, 2012, с. 92–104].

К вопросу об археологической конференции в Керчи Н. Л. Эрнст вновь возвращается в письме к Федору Людвиговичу от 27 мая 1926 года: «На твой вопрос о Керченском съезде могу тебе сообщить, что он, по-видимому, состоится, но, возможно, в скромных размерах, ибо мало видов на ассигнования сумм. Вообще, раз дело в руках Главнауки, то оно идет черепашьими шагами и бестолково. Мы со своей стороны все подготовили в феврале–марте, а они до сих пор ни с места, даже приглашений еще не посылают. Могут этим сильно испортить дело. Деньги собственно нужны не столько на съезд, сколько на ознаменование юбилея ремонтами, премиями и пр., а для съезда нужны деньги маленькие» [НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 20].

А. И. Маркевич и Н. Л. Эрнст подготовили письма в научные институты и ученые содружества, с которыми активно сотрудничало Таврическое общество истории, археологии и этнографии, а также отдельным крымоведам из академических центров страны с информацией о форуме. Сообщения были распечатаны на фирменных бланках Общества. 21 февраля 1926 года такое послание было отправлено А. В. Оршеникову, где перечислены проводимые КрымОХРИСом мероприятия по организации съезда. А. В. Орешников приглашался к участию в конференции [ГИМ ОПИ, ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 108].

13 августа 1926 года, обращаясь к своему коллеге по преподавательской гильдии в Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе и члену Таврического общества истории, археологии и этнографии Алексею Николаевичу Деревицкому (1859–1943), А. И. Маркевич просил его представлять Общество на съезде и изложил предполагаемую программу форума [Ялтинский историко-литературный музей, кп. 39596, д. 5058]. В личном архиве А. Н. Деревицкого, который хранится в фондах Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, сохранилось письмо проректора Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе Анатолия Константиновича Сынопалова (на бланке с угловым штампом института), адресованное Деревицкому, о том, что профессору поручается представлять пединститут на этом авторитетном научном собрании [Музей истории КФУ, № 1018].

Организационный комитет Керченской юбилейной конференции информировал возможных участников в январе 1926 года о необходимости прислать тему и тезисы докладов. Только в начале сентября были разосланы официальные приглашения. Такие письма на фирменных бланках комитета выявлены среди архивных бумаг сотрудника Государственного Эрмитажа О. Ф. Вальдгауэра [АГЭ, ф. 6, оп. 1, д. 295, л. 1–2] и московского историка А. А. Захарова [ГИМ ОПИ, ф. 453, оп. 1, д.7, л. 1–2].

Сохранившиеся отчеты (в том числе и опубликованные в научной периодике тех лет), воспоминания, записки участников Конференции археологов СССР в Керчи являются содержательными историческими источниками не только о проведении самого научного форума. Они вмещают уникальные данные о межличностных коммуникациях историков их академических центров и провинции, кулуарных

интригах, планах научных исследований. Их обобщение будет способствовать созданию объективной картины развития исторического крымоведения.

Одним из первых из столичных гостей в Керчь приехал председатель Центрального предварительного комитета по созыву Всесоюзной археологической конференции В. А. Городцов. Он сделал об этом отметку в дневнике: «С 30 августа по 14 сентября выполнил третью командировку от Главнауки, Научно-исследовательского института археологии и искусствознания, Государственного Исторического музея и от 1 Государственного Московского университета в Керчь на I Археологическую конференцию. Со мной поехал сын М. В. Городцов, который мне помогал и в пути, и в работах на конференции.

Прибыв в Керчь, я тотчас же приступил к делу. Как председателю Подготовительного комитета конференции мне следовало выполнить целый ряд работ, касавшихся помещений, довольствия ожидавшихся членов и выработки порядка ведения работ конференции. Войдя в самый тесный контакт с местной администрацией и с местными научными деятелями, я повел бурную работу. Под моим председательством выполнялось и по два, и по три заседания в день, и к открытию конференции 5 сентября было приведено все в образцовый порядок. Многие участники подготовительных работ (особенно керчане) выражали изумление моей работоспособностью и энергией.

4 сентября вечером было пленарное заседание Предварительного комитета, в котором участвовали представители частных комитетов многих городов СССР. После прочитанных отчетов и подведения итога всем трудам Предварительного комитета конференции мне как председателю и организатору Предварит[ельного] комитета была выражена благодарность и выдвинута моя кандидатура в председатели конференции» [Городцов, 2015, с. 222–223].

Василий Алексеевич Городцов, как председатель Центрального предварительного комитета по созыву Всесоюзной археологической конференции, в первые дни сентября дал несколько интервью местной газете – о подготовительной работе, проводившейся в Москве, о приглашении иностранных коллег. Эти публикации до последнего времени оставались неизвестными исследователям научного наследия ученого. Интересно, что в номере была допущена опечатка и профессор В. А. Городцов стал «Горобцовым» [Городцов, 1926а]. В следующем же номере «Красной Керчи» Городцов остановился на целях предстоящего форума, отметил, что приглашены 132 специалиста – представители 95 учреждений. Из них 80 заявок для выступления на секциях [Городцов, 1926б]. Речь В. А. Городцова при закрытии конференции опубликована отдельно [Городцов, 1926в].

От Президиума АН СССР в Керчь был командирован харьковский историк Владислав Петрович Бузескул (1858–1931). Его членский билет участника научного форума сохранился [СПбФАРАН, ф. 825, оп. 1, д. 72, л. 1–3]. В. П. Бузескул заметил в отчете о пребывании в Керчи: «Железнодорожное сообщение с Керчью неудобное: едущие Феодосийским поездом должны пересаживаться на станции Владиславовка.

В нашем поезде ехало довольно много делегатов из Ленинграда и Москвы. На «станции Керчь» (её надо отличать от станции «Керчь-город», находящейся в самом городе) в километрах 5 от города, нас ждали распорядители и автомобиль, доставивший делегатов в отведенные им помещения, одних – «Дом крестьянина», других – в общежития, в школу имени Короленко (бывшую женскую гимназию), где происходили и заседания конференции. Вечером того же дня состоялось заседание Организационного комитета совместно с Симферопольской и Керченской комиссиями по созыву конференции для согласования результатов подготовительных работ и предварительного избрания президиума всей конференции и ее секций. В том заседании ни я, ни большинство делегатов не участвовали» [Бузескул, 1926, с. 1836].

Согласно отчету Центрального предварительного комитета по созыву Всесоюзной археологической конференции, в ней приняли участие 135 делегатов, представлявших 73 научных и образовательных учреждения из 30 городов СССР [Археологическая.., 1926б]. «Красная Керчь» отдельно осветила приезд на конференцию академика С. Ф. Платонова [Археологическая.., 1926а]. Внимание в городе к научному и культурному форуму было чрезвычайно велико. Для участников конференции была напечатана программа, а для горожан, желающих послушать доклады, – специальный информационный лист. Оригиналы этих летучих изданий удалось выявить в Центральном муниципальном архиве Москвы [Непомнящий, Ломакин, 2019].

Научное собрание было торжественно открыто в местном театре, о чем подробно сообщала местная газета [Торжественное.., 1926]. Об открытии конференции также детально информировал В. П. Бузескул: «5-го сентября, в 12 ч. дня, состоялось деловое заседание конференции, с участием делегатов, по распорядку состоящих работ, намеченных Организационным комитетом, и для утверждения состава президиума. В этом заседании я участвовал и был избран в члены президиума конференции. Состав президиума был многочисленный: в него вошли, между прочим, представители различных учреждений и местных организаций, в том числе армии и флота. Председателем конференции оказался избранным В. А. Городцов. Конференция делилась на 4 секции: 1) секция первобытной археологии, 2) ирано-эллинской, 3) средневековой и 4) тюрко-татарской. Вечером я присутствовал на торжественном открытии конференции, происходившем в городском театре. Вход был по особым билетам и театр переполнен. Было много речей и приветствий. Приветствие от Академии наук СССР произнес акад. Н. Я. Марр, встреченный весьма сочувственно. Интересно отметить, что рабочие землечерпательного каравана, приветствуя конференцию, поднесли вазу, найденную ими в глубине моря. В заключение директор Керченского музея древности Ю. Ю. Марти прочел краткий исторический очерк «Сто лет работы Керченского музея» [СПбФАРАН, ф. 825, оп. 1, д. 72, л. 4–5].

Председателем пленарных заседаний был избран профессор В. А. Городцов, а его заместителем – Арсений Иванович Маркевич, секретарем – К. Э. Гриневич. В президиум вошли представители государственных и областных учреждений из Москвы и

крымских городов, в том числе академики В. П. Бузескул, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, а также И. Н. Бороздин и Л. А. Мацулевич. Кроме пленарных заседаний, развернулась работа секций «Первобытной археологии», «Ирано-эллинской археологии», «Средневековой археологии» и «Тюрко-татарской археологии». Конференция открылась выступлением начальника Главнауки Федора Николаевича Петрова.

С первого дня заседаний издавался «Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи». Вышло шесть номеров. В первом – перечислен состав президиума конференции, а в последующих выпусках расписаны сделанные доклады с их краткими тезисами [Бюллетень, 1926]. По справедливому замечанию известного крымоведа Фридриха Александровича Брауна (1862–1942), эмигрировавшего к тому времени из России в Германию и получившего данные материалы от Н. Л. Эрнста: «Тезисы эти не удовлетворяют и только возбуждают аппетит» [РНБ ОР, ф. 585, оп. 1, д. 2379, л. 13 об.]. Вместе с тем тезисы докладов, опубликованные в «Бюллетенях», до последнего времени оставались малоизвестными публикациями и, как правило, не были внесены в библиографические списки трудов большей части деятелей науки, принимавших участие в конференции. Сами «Бюллетени» давно стали библиографической редкостью и сегодня малодоступны. В этой связи проведенная работа по библиографированию всех выступлений на Керченской конференции (в том числе и публикаций в местных газетах), введение этой информации в научный оборот в виде сводной библиографии ученых имеют важное значение для исторической библиографии и истории крымоведения [Непомнящий, 2015б].

Участник форума – археолог, профессор Кубанского педагогического института из Краснодара Николай Алексеевич Захаров (1883–1938) отмечал в опубликованном отчете: «Многочисленность, приехавших с разных концов СССР на съезд участников (135 чел.), большое количество заявленных ими докладов сразу придало деловую и интересную атмосферу съезду. Все заседания проходили с напряженным вниманием. Много докладов было сделано женщинами – научными работницами по археологии. Рядом с почтенными убеленными сединами, старыми научными работниками, можно было видеть много молодежи, увлекающейся археологической наукой. Чувствовался живой интерес к отдаленному прошлому, к остаткам его материальной культуры» [Захаров, 1926, с. 119–120].

На конференции особым интересом пользовалась секция тюрко-татарской археологии. Как вспоминал тогда еще мало кому известный, а впоследствии крупный историк восточного искусства, исламовед Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970): «Новостью явилось уже само выделение подобной секции (отдельные доклады на тюрко-татарские темы бывали и раньше). Более того: отпечатанная в Москве и разослана Организационным комитетом предварительная «Программа занятий» конференции знает только 3 секции (первобытной, ирано-эллинской и средневековой археологии), и «тюркская культура» находит себе место в ряду – готской, византийской, хазарской, славянской, культуры итальянских колоний – в секции средневековой. Выделению докладов о «тюркской культуре» в особую

секцию способствовало как то, что памятники ее выходят из хронологических рамок Средневековья, так и то, что конференция состоялась на крымско-татарской почве: как указали проф. И.Н. Бороздин и Ф. Н. Петров, в этом были – и реализация лозунга самоопределения народностей, и – в области научно-исследовательской – выполнения долга перед тюрко-татарами, так мало изученными до сих пор» [Зуммер, 1926, с. 247]. На секции прозвучали доклады А. А. Спицына «О кочевнических курганах Юга России», И. Н. Бороздина «Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму», Б. Н. Засыпкина «Состояние татарских памятников в Крыму на примере зданий в Бахчисарае, Евпатории, Судаке и Феодосии. Директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае У. А. Боданинский и его коллега О. Н. Акчокраклы и композитор А. Рефатов познакомили участников конференции с результатом масштабной этнографической экспедиции, развернувшейся в разных районах Крымской АССР. Директор Евпаторийского археолого-этнографического музея Полина Яковлевна Чепурина выступила с «крайне интересным» докладом о мечети Джума-Джами в Евпатории и сохранившемся там Коране. На конференции вскрылся глубокий конфликт Евпаторийского музея с руководством КрымОХРИСа и в целом – с Крымнаркомпросом. В докладе, посвященном Корану, хранящемуся в фондах музея, П. Я. Чепурина рассказала о самоуправных действиях заместителя заведующего КрымОХРИСом Я.П. Бирзгала, который без специального разрешения увез это редкое издание в Симферополь. Кроме того, Я. П. Бирзгал постоянно поднимал вопрос о передаче Евпаторийским музеем принадлежащих ему картин в другие музеи (в частности, в Симферопольский художественный музей). П. Я. Чепурина отказалась опустить эту часть своего доклада, несмотря на настойчивые требования присутствовавшего на секции председателя КрымОХРИСа А.И. Полканова. Коран после выступления был возвращен Я.П. Бирзгалом, но сразу же передан по его настоянию в Бахчисарайский музей.

Участники конференции старались, чтобы их теоретические выкладки по окончании работы ученого собрания имели практическое применение. В этой связи практиковалось принятие резолюций как по секциям, так и по отдельным докладам. Так, по результатам доклада Б. Н. Засыпкина секция постановила обратиться в Главнауку РСФСР, КрымЦИК с ходатайством о принятии срочных мер по охране и проведении технических работ по приостановлению разрушения обозначенных в докладе памятников. В результате состоявшейся в конце работы конференции Пленум принял отдельную резолюцию «Об усилении средств на охрану и поддержание памятников Крыма», что включало и введение в штат КрымОХРИСа по госбюджету архитектора-археолога. Кроме того, предполагалось созвать специальное совещание при Главнауке РСФСР для выработки мер по охране и реставрации тюркских памятников на территории республики. Отдельная резолюция была принята и по докладу директора Государственного керченского археологического музея Ю. Ю. Марти. Отмечалась острая необходимость «усилить связь местных музеев с центральными научными учреждениями, увеличить финансирование на охрану

памятников» и активнее «изучать производительные силы региона» [Резолюция, 1926].

В опубликованных отчетах отмечалось, что все прозвучавшие доклады были приняты с чрезвычайным интересом. Зал пленарных заседаний не вмещал всех желающих, так как во время заседаний был открыт доступ для широкой публики.

В перерывах между работой секций именитые гости – столичные корифеи – выступали с лекциями перед рабочими Керчи. А. С. Башкиров прочел научно-популярный экскурс «Прошлое Крыма», И. Н. Бороздин – доклад «Что дает изучение вещественных памятников обществоведению», К. Э. Гриневич – «Смена культур в Крыму в свете археологии» [Археологическая.., 1926в], В. А. Городцов выступил с лекцией «О киммерийской культуре», О. Н. Акчокраклы совместно с У. А. Боданинским ездили с передвижной выставкой-выступлением «О культурном наследии Золотой Орды и Крымского ханства на примере крымскотатарского языка» [Археологическая…, 1926а].

Были организованы и ответные концерты от коллективов, в которых читали лекции участники конференции. Так участников собрания приветствовали деятели крымскотатарской культуры, что было анонсировано как «приветствие татарского населения» [Археологическая.., 1926г]. 7 и 8 сентября для делегатов конференции были проведены экскурсии на Мелек-Чесменский курган. 11 сентября – на Тамань для ознакомления с ходом местных раскопок [Археологическая.., 1926в]. 10 и 11 сентября был организован осмотр катакомб на Митридате, где в этой связи специально были раскопаны пять новых катакомб и оставшиеся в Керчи ученые могли принять участие в этих работах.

Ход конференции, секционные заседания ежедневно освещались в главном рупоре местного горкома партии и ЦИК – газете «Красная Керчь». Редколлегия также помещала небольшие экскурсы по истории Керченского музея древностей. Так, 4 сентября был напечатан очерк истории региона с указанием, что в Керчи собирается первый с досоветских времен Археологический съезд [Археологическая.., 1926а]. В номере от 11 сентября были опубликованы девять сохранившихся изображений директоров музея [Археологическая.., 1926д]. 13 сентября, сообщая о докладах В. А. Городцова, Э. И. Мезера, Ф. Н. Петрова, А. И. Полканова, газета сделала заключение: «Мы приблизили науку к труду» [Археологическая.., 1926г]. Эти материалы в сокращенной редакции перепечатывал «Красный Крым» [Керченская.., 1926]. На страницах «Красной Керчи» в дни конференции выступили ведущие советские археологи – участники съезда. Ленинградский ученый Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966) отметил положительные изменения, произошедшие в Керченском музее древностей за годы советской власти, в частности, передачу музею шикарного особняка семейства Месаксуди. Вместе с тем В. Ф. Гайдукевич обозначил задачу подготовки новых высококвалифицированных кадров музейных работников для провинциальных учреждений [Гайдукевич, 1926]. С содержательным очерком по истории Керченского полуострова на страницах газеты выступил классический

филолог, член-корреспондент АН СССР по отделению исторических наук Николай Иванович Новосадский (1859–1941) [Новосадский, 1926]. Не обошлось на страницах газеты и без патетики со стороны новой генерации краеведов. Так, ленинградский исследователь Эвальд Иванович Мезер призывал к современным подходам в краеведении с точки зрения практической значимости этих исследований для экономики [Речь тов., 1926]. Две статьи, подписанные псевдонимом «П.», скорее всего, принадлежат Александру Ивановичу Полканову (1884–1971). В одной, напечатанной в «Красном Крыму», представлена общая информация о научном собрании, изложены основные вопросы, предлагаемые к обсуждению, обозначены секции [П., 1926а]. Вторая статья, размещенная в «Красной Керчи», содержит описание специальной выставки, открытой в старом здании музея на горе Митридат, где демонстрировали раскопанные за последние годы археологические артефакты [П., 1926б].

Участники конференции были уверены, что вслед за изданием крайне лаконичных тезисов-докладов свет увидят и полнотекстовые труды конференции. Однако они не были изданы. Причиной тому стали интриги, развернувшиеся, как это часто бывает, в среде крупных ученых за «пальму первенства» в крымоведении. Межличностные коммуникации на конференции осложнились в связи с позицией академика М. Я. Марра и руководителя Главнауки Ф. Н. Петрова. Интересное объяснение тех событий мы обнаружили в дневниках председателя конференции В. А. Городцова:

«5 сентября на утреннем организационном заседании конференции моя кандидатура в председатели конференции была единогласно подтверждена и, кроме того, меня избрали и утвердили председателем секции первобытной археологии, хотя я и очень сильно отказывался от последнего назначения, так как знал, что это будет для меня тяжело и излишне. Не знаю, наверно, но мне кажется, что в это время я достиг апогея своей популярности и научно-административной значимости. На вечернем заседании, когда собственно открывалась деятельность конференции, мне была устроена бурная овация. К сожалению, как и обычно бывает в жизни, возвеличение личности тот час же вызывает ревность и зависть, влекущие противодействия и разного рода интриги. И тут против меня начали действовать некоторые ленинградцы, во главе которых стал известный интриган академик Марр. По-видимому, обиженный тем, что не он бы избран председателем конференции.

Его интригам способствовала и создавшаяся квартирная обстановка. Я с сыном прибыл в Керчь одним из первых и остановился в бедной гостинице, или (даже лучше) на постоялом дворе, заняв маленькую комнату. Узнавши об этом, меня очень просили занять хорошую комнату при музее, помещавшемся в лучшем доме города, принадлежавшем миллионеру Мысаксуди (так в тексте – А. Н.), но из скромности отказался. При музее получили помещение начальник Главнауки Наркомпроса Ф. Н. Петров, Н. Я. Марр и несколько других, главным образом ленинградских крупных деятелей. Сходясь постоянно за чаем и обедом, образовали,

так сказать, штат Петрова, через которого проводились разные идеи, шедшие иногда в разрез с проводимыми мною; я же, живя изолированно, не имел возможности быть в курсе образовавшегося нового идейного течения. Воспользовавшись всем этим, Марр и повёл против меня интриги, то дискредитируя меня как научного работника, то указывая на расхождения с директивами начальника Главнауки, считавшего себя главным административным лицом на конференции.

Отношения мои с Петровым, являвшимся по службе в Наркомпросе моим непосредственным начальником, заметно становились натянутыми. Так, во время одного моего доклада Петрову в его кабинете (tete-a-tete), последний сказал: «Имейте в виду, что конференция происходит под моим личным наблюдением, и что я уполномочен закрыть ее в любой момент». Я понял, что это предупреждение относится ко мне, но не знал, чем вызывалось оно. Работа шла самая энергичная. Народу собралось очень много, а слушателей научных докладов собралось так много, что иногда залы, особенно пленарных заседаний не могли их вмещать. Петров по характеру не злой, а скорее добродушный человек, и без стороннего влияния он никогда не стал бы глядеть на дело иначе, как вполне благосклонно. Вихрь работы скоро заставил меня забыть неприятность. Однако накануне закрытия конференции Петров нанес мне более сильную неприятность, и я на пленарном заседании заявил, что прошу сложить с меня звание председателя. Огромное большинство членов конференции просило меня довести конференцию до конца и заставили Петрова извиниться передо мной, что он и сделал. Однако по прибытию в Москву я счел необходимым подать в отставку в Главнауке, которая и была принята Петровым, как начальником Главнауки, так что последствия вышли для меня не очень легкими. Марр, как передавали мне приятели, ликовал, а ленинградцы, узнавши о моем уходе из Главнауки, даже рукоплескали. Как бы то ни было, конференцию я провел до конца и при закрытии, объявленном Петровым, мне вторично устроили бурную овацию.

По окончании работ конференции были выполнены экскурсии в Тамань и окрестности г. Керчи. Всюду ко мне относились с большим вниманием. Наоборот, к Петрову и его штабу из ленинградцев установилось холодное отношение. Кто-то нарисовал против Петрова едкую карикатуру, которая ходила по рукам. Я советовал уничтожить ее, чтобы она не попала в руки Петрова, но с нею носились, шутили и, наконец, вручили самому Петрову. Петров оказался настолько умным, что ловко скрыл свою обиду, но отомстил конференции тем, что не дал ни одной копейки на издание ее трудов. Так опасно шутить с власть имущими» [Городцов, 2015, с. 223–224].

За время своего пребывания в Керчи начальник Главнауки Федор Николаевич Петров (1876–1973) так же, как и иные видные участники научного собрания, неоднократно публиковался в местной прессе. 8 сентября в газете была помещена «Беседа с начальником Главнауки Ф. Н. Петровым», где он остановился на значении Керченского музея для развития памятниковедческой науки в СССР, роли археологических исследований в регионе для изучения национальной культуры [Беседа, 1926]. Газета также опубликовала речи Ф. Н. Петрова на открытии [Речь начальника, 1926а]

и закрытии конференции [Речь начальника, 1926б]. Обтекаемые словесные обороты старого большевика, далекого от практической научной деятельности, немногим отличались от шаблонных выступлений представителей местного партийного актива.

Впечатления участников археологической конференции в Керчи отразились и в их письмах коллегам, в статьях, размещенных публикациях в профессиональных журналах. Академик Сергей Федорович Платонов отчет о пребывании в Керчи поместил на страницах журнала «Научный работник». Он отметил, что «Утраченный со времени великой войны обычай археологических съездов возродился с этой конференцией и обновил возможность научного общения археологов» [Платонов, 1926].

Профессор Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе, ориенталист Виктор Иосифович Филоненко в письме к своему другу академику И. Ю. Крачковскому [Непомнящий, 2015а] от 27 сентября 1926 года делился впечатлениями о конференции в письме: «Я был на Керченской конференции. Не знаю, как проходили раньше археологические съезды, но Керченская конференция носила какой-то карьерный характер. Для того чтобы угодить кому-то, подчас искажалась сама истина. Особенно профессор Бороздин в этом отношении оказался виртуозом.

Несколько разочаровал меня и Н. Я. Марр. Как-то странно было слушать из его уст об «империализме в наших научных учреждениях» и о том, что «всех старых ученых нужно разогнать» и чем скорее, тем лучше, и, наконец, шедевр всего – это тост на банкете «За здоровье первого турколога В. В. Бартольда и Коммунистическую партию»!

Главный доклад Николая Яковлевича это был «Скифский язык». Слушать и понимать Николая Яковлевича без привычки очень трудно. На своем «яфетическом коне» он, как вихрь, носится с Востока на Запад, с Запада на Восток, разбрасывая вокруг себя «третий элемент», «материальную культуру», «проблемы». Все как-то сторонятся, жмутся, боясь быть раздавленными. А в общем, все выступления Николая Яковлевича всегда сопровождались шумным успехом. Как новость, среди других секций была и секция турецко-татарской археологии. Бороздин, Башкиров, Боданинский возглавили ее. Очень интересны и содержательны были доклады Спицына, Городцова и Фармаковского» [СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 177–178].

Отчет об участии в форуме опубликовал Илья Николаевич Бороздин на страницах научного рупора Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, по заданию которой он находился в Керчи. Ученый отметил, что летом 1926 года исследовал памятники Херсонеса и Пантикапея. Его приятно поразил представительный состав участников конференции. Особое внимание он уделил обзору докладов секции тюрко-татарской культуры [Бороздин, 1926].

Преподаватель Ленинградского государственного университета и научный сотрудник Музея антропологии и этнографии Тарасий Федорович Гелах опубликовал обзор основных докладов и резолюций конференции сразу в двух изданиях [Гелах, 1926].

В русле «правильных» новых методологических подходов в археологических исследованиях выступил и Константин Эдуардович Гриневич, посвятивший

конференции отдельное издание [Гриневич, 1926]. В журнале Российского общества по изучению Крыма «Крым» он поместил информацию о конференции [Гриневич, 1927]. Аналогично оценил значение конференции и руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, который разместил свои «впечатления» на страницах «Красного Крыма» по окончании работы форума. Организатор памятникоохранительной работы в Крыму заметил, что научное собрание производило впечатление «большого праздника». Автор особо отметил, что специально к этому событию были открыты «пять наиболее интересных катакомб» для посещения делегатов и горожан. Преобразился и благоустроился к этому событию и город [Полканов, 1926].

Представитель Кубанского педагогического института в Краснодаре Николай Алексеевич Захаров (1883–1938) поместил отчет о мероприятии в «Трудах Северо-Кавказской научной ассоциации» [Захаров, 1927].

Краткое информационное сообщение о проведенном форуме поместил в «Красной панораме» Ю. Ю. Марти [Марти, 1926]. Обзор докладов об изучении археологических памятников сделал археолог, историк культуры и искусства Причерноморья Леонид Антонович Мацулевич (1886–1959), сотрудничавший в Русском музее и одновременно в Государственной академии истории материальной культуры [Мацулевич, 1926].

Официальный «Отчет о командировке в Керчь на археологическую конференцию в сентябре 1926 г.» поместил В. П. Бузескул. Он не остался до конца работы форума. В связи с необходимостью быть в Ленинграде 15 сентября академик 8-го выехал из Керчи. Ученый вспоминал: «7 сентября я посвятил осмотру Керченского музея и древностей. Музей имеет прекрасное помещение, содержится в большом порядке; предметы размещены в хронологической системе, начиная с архаической эпохи и кончая новым временем. Наиболее замечательные вещи находятся, конечно, не в нем, а в Эрмитаже. Из курганов мною осмотрен Мелек-Чесменский, на окраине города, и Царский, в нескольких верстах от Керчи, пустой (он ограблен был еще в старину), но своим сооружением производящий и теперь сильное впечатление. Напрасно только в него снесли древности из окрестностей, к нему не относящиеся. Из склепов я осмотрел склеп Деметры, единственный, который открыт» [Бузескул, 1926, с. 1837–1838].

Впечатлениями о Керченской конференции В. П. Бузескул 12 октября 1926 года поделился в письме к профессору Софийского университета Гаврилу Илиеву Кацарову: «Июль я провел на Кавказе, в Ессентуках, где лечился; в начале сентября пришлось ехать по поручению Всесоюзной Академии наук в Керчь, древний Пантикапей, на археологическую конференцию и делать там доклад на тему об изучении древностей северного побережья Черного моря и о значении этих древностей с точки зрения истории (греческой и мировой), а оттуда, т.е. из Керчи, отправился я в Петроград, чтобы принять участие в заседаниях Академии наук и поработать в тамошних библиотеках, и только вчера возвратился в Харьков, где застал ваше любезное письмецо» [Письма, 2005, с. 316].

Авторитетный крымский краевед Арсений Иванович Маркевич, не имевший в то время уже возможности свободно публиковаться в специализированных изданиях, тем более что с информацией о конференции туда активно продвинулась, как мы видели, новая волна историков-крымоведов, разместил информацию о данном научном мероприятии в издаваемом в Праге ежегоднике русских историков-эмигрантов, где коротко охарактеризовал наиболее значимые доклады [Маркевич, 1927].

Интересны рукописные отчеты о пребывании на конференции в Керчи одесского историка, археолога Сергея Степановича Дложевского (1889–1930), составленные для Всеукраинской академии наук [ИРНБУВ, ф. 10, оп. 1, д. 28221, л.1]. Сотрудник Византийской комиссии АН СССР С. С. Дложевский являлся по основному месту работы директором Одесского историко-археологического музея (1921–1930). Он также выполнял обязанности уполномоченного Укрнауки по делам охраны Ольвии и был начальником Ольвийской экспедиции. Особый интерес ученого к Крыму объяснялся тем, что он в 1918 году был одним из организаторов Таврического университета, где сотрудничал в 1918–1920 годах. В отчете четко прослеживается, что участники научного собрания видели в нем продолжение досоветской практики созыва археологических съездов. Историк отметил, что «потребность была после 15-летнего перерыва особенно большой. Но к организации этой конференции не были привлечены все республики (например, Украина, Белоруссия) и поэтому конференция признана российской. Организована была эта конференция преимущественно учеными Москвы и Крыма. Среди 135 делегатов – 10 с Украины» [ИРНБУВ, ф. 10, оп. 1, д. 28837, л. 1]. Ученым отмечена хорошая организация мероприятия и интересные экскурсии.

В этой связи информативен и неизвестный отчет об участии в конференции Алексея Петровича Новицкого (1862–1934), возглавлявшего в 1924–1933 годах Всеукраинский археологический комитет, а также Софийскую комиссию Всеукраинской академии наук (1923–1933). Отметив высокий уровень и разнообразие прочитанных докладов, А. П. Новицкий заметил «хорошее отношение к Украине». Вместе с тем отмечалось, что «конференция носит местный характер» – всероссийский, а не всесоюзный. А.П. Новицкий предложил в отчете организовать аналогичную всеукраинскую конференцию. Отчет сообщает интересную деталь – украинская делегация воздержалась от всех голосований по резолюциям на Керченской конференции [ИРНБУВ, ф. 278, оп. 1, д. 81, л. 16–23]. Отчет для Всеукраинского археологического комитета об участии в конференции, составленный А. П. Новицким и А. З. Носовым, содержит ряд интересных фото с заседаний и экскурсий [ИА НАНУ НА, ф. Всеукр. археол. комитет оп.1, д. 99, л. 14–36].

Общая информация о научном форуме была размещена и на страницах главного рупора крымского Наркомпроса – журнале «Пути коммунистического просвещения» [О конференции, 1926].

Весь груз непосредственной подготовки к форуму лег на директора Керченского музея Юлия Юльевича Марти и его сотрудников. Как отмечал научный сотрудник

Феодосийского музея Петр Никифорович Заболоцкий, керченские коллеги «сумели сделать невозможное для организации быта», продуктивной работы, культурно-экскурсионной программы для большой массы ученых со всей страны [Заболоцкий, 1926].

Подытоживая события Керченской конференции в письме к академику И.Ю. Крачковскому, А. И. Маркевич отмечал: «О Керченской конференции вы уже знаете много от Сергея Федоровича [Платонова – (А.Н.)] и Николая Яковлевича [Марра – (А.Н.)]. По моему мнению, она вышла удачной, хотя чувствовалось отсутствие многих крупных научных величин, выразившееся в малом количестве обобщающих докладов. Громадное большинство их касалось вопросов частного характера. Выше всего заявил себя, конечно, Ленинград, Москва спасовала. Но для первого съезда, созванного после большого перерыва и сложившегося наскоро, да еще и в маленьком городке, – Керченская конференция заявила себя хорошо» [СПбФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 592, л. 19–19 об.]. Эту же тему Арсений Иванович развивал и в эпистолярном обращении к вернувшемуся из Керчи в Ленинград С. Ф. Платонову 27 сентября 1926 г.: «Свидание с вами в Керчи было для меня самым радостным событием в моей тусклой в наше время жизни. С светлым чувством вспоминаю Керченскую конференцию и, как председатель Таврического общества истории, археологии и этнографии, радуюсь, что из 63 докладов 15 было крымских и 11 из них были ранее заслушаны в заседаниях нашего Общества. При более благоприятных условиях местных сообщений на съезде было бы значительно больше. Как видите, работа у нас не замерла, идет и съезд в Крыму, при некоторых его недочетах оправдал себя» [Непомнящий, 2018а].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926а.– № 208(1509).– 10 сентября.– С. 2.

Археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926б.– № 211(1512).– 14 сентября.– С. 2.

Археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926в.– № 207(1508).– 9 сентября.– С. 2.

Археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926г.– № 210(1511).– 13 сентября.– С. 2.

Археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926д.– № 209(1510).– 11 сентября.– С. 2.

Беседа с начальником Главнауки Ф. Н. Петровым // Красная Керчь.– 1926.– № 206(1507).– 8 сентября.– С. 2.

Бороздин И. Н. Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток.– 1926.– № 15.– С. 189–201.

Бузескул В. Отчет о командировке в Керчь на Археологическую конференцию в сентябре 1926 г. // Известия Академии наук СССР.– 1926.– № 18.– С. 1835–1838.

Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.– Керчь, 1926.– № 1.– 5 сентября; № 2.– 6 сентября; № 3.– 7 сентября; № 4.– 8 сентября; № 5.– 9 сентября; № 6.– 10 сентября.

Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. От XVI Всероссийского к I Всесоюзному Археологическому съезду: несбывшаяся надежда // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Марков: В 3-х т.– М., 2008.– Т. 3.– С. 199–201.

Гайдукевич В. Юбилейные пожелания // Красная Керчь.– 1926.– № 203(1504).– 4 сентября.– С. 2.

Гелах Т. Всесоюзный археологический съезд в Керчи // Наука и техника.– 1926.– № 41(186) .– 16 октября.– С. 18.

Городцов В. А. Беседа с проф. Городцовым // Красная Керчь.– 1926а.– № 203(1504).– 4 сентября.– С. 2.
Городцов В. А. Керченская археологическая конференция // Красная Керчь.– 1926б.– № 204(1505).– 5 сентября.– С. 1.
Городцов В. А. Речь проф. В. А. Городцова // Красная Керчь.– 1926в.– № 210(1511).– 13 сентября.– С. 2.
Городцов В. А. Дневники, 1928–1944: в 2-х кн. / сост. И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых.– М.: Триумф принт, 2015.– Кн. 1.: 1928–1935.– 687 с., 15 л. ил.
Гриневич К. Э. Керченская археологическая конференция // Крым.– 1927.– № 1(3).– С. 192–193.
Гриневич К. Э. Опыт методологии археологической науки: посвящается Керченской археологической конференции и Керченскому музею древностей (1826–1926).– Севастополь: 2-я гос. типография Крымполиграфтреста, 1926.– 56 с.
[Заболоцкий П. Н.] Керченская археологическая конференция и юбилей местного музея // Красная Керчь.– 1926.– № 205(1506).– 7 сентября.– С. 2.– Изд. под псевд.: П. З.
Захаров Н. Керченская археологическая конференция 1926 года // Труды Северо-Кавказской научной ассоциации.– Краснодар, 1927.– № 26.– С. 119–124.
Захаров Н. Керченская археологическая конференция 1926 года // Труды Северо-Кавказской научной ассоциации.– Краснодар, 1927.– № 26.– С. 119–124.
Зуммер В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи (5–10/IX 1926): из отчета педагогическому факультету // Известия Азербайджанского гос. университета им. В. И. Ленина. Общественные науки.– 1926.– Т. 6/7.– С. 247–262.
Керченская археологическая конференция // Красный Крым.– 1926.– № 207(1724).– 9 сентября.– С. 3.
Маркевич А. И. Керченская конференция археологов // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н. П. Кондакова.– Прага, 1927.– Т. 1.– С. 319–321.
Марти Ю. Ю. Керченский музей: к столетию: первая Всесоюзная археологическая конференция // Красная панорама.– 1926.– № 39(133).– 24 сент.– С. 6–7, 6 ил.
Мацулевич Л. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения / Гос. академия истории материальной культуры.– Ленинград, 1926.– Т. 1.– С. 271–286.
Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2002.– Вып. 9.– С. 579–590.
Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стилос, 2012.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).– 464 с.
Непомнящий А. А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал.– 2015а.– № 2(06).– С. 130–140.
Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015б.– 936 с.– (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание: альманах, пространство и время.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprovr_e-ast14-1.2017.31.
Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018а.– 216 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).
Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– 2018б.– № 11.– С. 29–48.
Непомнящий А. А. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2018в.– Т. 4(70), № 1.– С. 33–53.
Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. Документальное наследие Центральных государственных реставра-

ционных мастерских – источник по истории изучения Крыма в 1920-е гг. // Вестник архивиста.– 2019.– № 1.– С. 114–125.

Новосадский Н. Юбилей Керченского музея // Красная Керчь.– 1926.– № 204(1505).– 5 сентября.– С. 1.

О конференции археологов СССР в Керчи // Пути коммунистического просвещения. – 1926. – № 10/11(20/21). – С. 92.

Орешников А. В. Дневник, 1915–1933: в 2-х кн. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков; сост., комм. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко.– Москва: Наука, 2010.– Кн. 2: 1925–1933.– (Серия: «Научное наследство»; Т. 34).– 718 с.

П. Археологическая конференция в Керчи // Красный Крым.– 1926а.– № 172(1689).– 30 июля.– С. 3.

П. Юбилейная выставка Керченского музея // Красная Керчь.– 1926б.– № 209(1510).– 11 сентября.– С. 2.

Панкратова Е. Г. История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.) // Боспорские исследования: Supplementum.– СПб., 2018.– Вып. 18.– 160 с.

Письма профессора Харьковского университета Владимира Петровича Бузескула к профессору Софийского университета Гаврилу Илиеву Кацарову (1904–1929 гг.) / Подг., комм. В. И. Кадиева, А. Н. Токарева // Древности 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник: Материалы. Статьи. Публикации. Заметки. Рецензии. Хроника / Харьковское историко-археологическое об-во.– Харьков, 2005.– С. 310–320.

Платонов С. Ф. Конференция археологов СССР в Керчи // Научный работник.– 1926.– № 10.– С. 30–32.

[Полканов А. И.] На Археологической конференции в Керчи: впечатления // Красный Крым.– 1926.– № 220(1737).– 24 сентября.– С. 3.– Изд. под псевд.: А. П.

Резолюция по докладу директора Керченского музея Ю. Ю. Марти // Красная Керчь.– 1926.– № 205(1506).– 7 сентября.– С. 3.

Речь н[ачальни]ка Главнауки т. Петрова // Красная Керчь.– 1926а.– № 205(1506).– 7 сентября.– С. 2.

Речь начальника Главнауки тов. Петрова // Красная Керчь.– 1926б.– № 210(1511).– 13 сентября.– С. 2.

Речь тов. Э. И. Мезера // Красная Керчь.– 1926.– № 210(1511).– 13 сентября.– С. 2.

Торжественное открытие Археологической конференции // Красная Керчь.– 1926.– № 205(1506).– 7 сентября.– С. 2.

REFERENCES

Arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia Kerch.* 1926a, № 208(1509), 10 Sept., p. 2.

Arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia Kerch.* 1926b, № 211(1512),14 Sept., p. 2.

Arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia Kerch* 1926v, № 207(1508), 9 Sept., p. 2.

Arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia Kerch.* 1926g, № 210(1511), 13 Sept., p. 2.

Arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia Kerch.* 1926d, № 209(1510), 11 Sept., p. 2.

II Arkheologicheskaia konferentsiia v Kerchi. *Krasnyi Krym.* 1926a. № 172(1689). 30.07., p. 3.

Beseda s nachal'nikom Glavnauki F.N. Petrovy. *Krasnaia Kerch.* 1926. № 206(1507). 8.09., p. 2.

Borozdin I.N. Arkheologicheskie pamiatniki iuga SSSR i Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia. *Novyi Vostok.* 1926, № 15, pp. 189–201.

Buzeskul V. Otchet o komandirovke v Kerch' na Arkheologicheskuiu konferentsiiu v sentiabre 1926. *Izvestiia Akademii nauk SSSR.* 1926, № 18, pp. 1835–1838.

Biulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi., 1926, № 1, 05.09; № 2, 06.09; № 3, 07.09; № 4, 08.09; № 5, 09.09; № 6, 10.09.

Gaidukevich V. Iubileinye pozhelaniia. *Krasnaia Kerch'.* 1926, № 203(1504), 04.09, p. 2.

Gelakh T. Vsesoiuznyi arkheologicheskii s'ezd v Kerchi. *Nauka i tekhnika*. 1926, № 41(186), 16.10, p. 18.

Gorodtsov V.A. Beseda s prof. Gorodtsovym. *Krasnaia Kerch'.* 1926a, № 203(1504), 04.09, p 2.

Gorodtsov V.A. Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsia. *Krasnaia Kerch'.* 1926b, № 204(1505), 05.09, p. 1.

Gorodtsov V.A. Rech' prof. V.A.Gorodtsova. *Krasnaia Kerch'.* 1926v, № 210(1511), 13.09, p. 2.

Gorodtsov V.A. Dnevniki, 1928–1944. I.V. *Belozerova, S.V. Kuz'minykh (Ed.)* M.: Triumf print, 2015, Book. 1.: 1928–1935, 687 p.

Grinevich K.E. Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia. *Krym.* 1927, № 1(3), pp. 192–193.

Grinevich K.E. Opyt metodologii arkheologicheskoi nauki: posviashchaetsia Kerchenskoi arkheologicheskoi konferentsii i Kerchenskomu muzeiu drevnostei (1826–1926). Sevastopol': 2 gos. tipografiia Krympoligraftresta, 1926, 56 p.

II Iubileinaia vystavka Kerchenskogo muzeia. *Krasnaia Kerch.* 1926b, № 209(1510), 11.09, p. 2.

Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnyi Krym.* 1926, № 207(1724), 9.09, p. 3.

Markevich A.I. Kerchenskaia konferentsiia arkheologov. *Sbornik statei po arkheologii i vizantovedeniiu, izdavaemyi Seminariem imeni N.P. Kondakova.* Praga, 1927, vol. 1, pp. 319–321.

Marti Iu.Iu. Kerchenskii muzei: k stoletiiu: pervaia Vsesoiuznaia arkheologicheskaia konferentsiia. *Krasnaia panorama.* 1926, № 39(133), 24.09, pp. 6–7.

Matasulevich L. Konferentsiia arkheologov SSSR v Kerchi. *Soobshcheniia. Gos. akademiia istorii material'noi kul'tury.* Leningrad, 1926, vol. 1, pp. 271–286.

Nepomniashchy A.A. Krymovedcheskie issledovaniia na vserossiiskikh Arkheologicheskikh s'ezdakh (vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia im. A.E. Krymskogo NAN Ukrainy, 2002, vol. 9, pp. 579–590.

Nepomniashchy A.A. *Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia.* Kiev: Stilos, 2012, (Series: «Bibliografia krymovedeniia»; vol. 15), 464 p.

Nepomniashchy A.A. Akademik Krachkovski i krymovedenie 20 gg. XX v.: dve maloizvestnye komandirovki. *Peterburgski istoricheski zhurnal.* 2015a, № 2(06), pp. 130–140.

Nepomniashchy A.A. *Istroiia i etnografiia narodov Kryma: bibliografiia i arkhivy (1921–1945).* Simferopol': Antikva, 2015b, (Series: «Krym v istorii, kul'ture I ekonomike Rossii»; «Bibliografiia krymovedeniia »; vol. 25), 936 p.

Nepomniashchy A.A. "My stremimsia k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnikh arkheologicheskikh s'ezdov": Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia [internet source] *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia*. 2017, vol. 14 (1)// Krymovedenie: prostranstvo i vremia Kryma. doi: 2227-9490eaprovr_e-ast14-1.2017.31.

Nepomniashchy A.A. *Akademik S.F. Platonov i krymovedenie.* Belgorod: Konstanta, 2018a, (Series: «Bibliografia krymovedeniia»; vol. 27), 216 p.

Nepomniashchy A.A. Arseni Ivanovich Markevich. *Voprosy istorii*. 2018b, № 11, pp. 29–48.

Nepomniashchy A.A. Vtoraia konferentsiia arkheologov SSSR v Khersonese: iz istorii kommunikatsii v krymovedenii. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im.V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.* 2018v, vol. 4(70), № 1, pp. 33–53.

Nepomniashchy A.A., Lomakin D.A. Dokumental'noe nasledie Tsentral'nykh gosudarstvennykh restavratsionnykh msterskikh – istochnik po istorii izucheniia Kryma v 1920-gg. *Vestnik arkhivista*. 2019, № 1, pp. 114–125.

Novosadski N. Iubilei Kerchenskogo muzeia. *Krasnaia Kerch'*. 1926, № 204(1505), 05.09, p. 1.

O konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi. *Puti kommunisticheskogo prosveshcheniia*. 1926, № 10/11(20/21), p. 92.

Oreshnikov A.V. Dnevnik, 1915–1933. *P.G. Gaidukov (Ed.), N.L. Zubova, M.V. Katagoshchina, N.B. Strizhova, A.G. Iushko*. Moscow: Nauka, 2010, Book 2: 1925–1933. (Series: «Nauchnoe nasledstvo»; vol. 34), 718 p.

Pankratova E.G. Istoriia arkheologicheskogo izucheniia antichnykh pamiatnikov Vostochnogo Kryma: ot Oktiabr'skoi revoliutsii do Velikoi Otechestvennoi voiny (1917–1941). *Bosporskie issledovaniia: Supplementum.* SPb., 2018, vol. 18, 160 p.

Pis'ma professora Khar'ovskogo universiteta Vladimira Petrovicha Buzeskula k professoru Sofiiskogo universiteta Gavrilu Ilievu-Katsarovu (1904–1929 gg.). *I. Kadieva, A.N. Tokareva (Ed.). Drevnosti 2005: Khar'kovski istoriko-arkheologicheski ezhegodnik: Materialy. Stat'i. Publikatsii. Zametki. Retsenzii. Khronika. Khar'kovskoe istoriko-arkheologicheske ob-vo.* Khar'kov, 2005, pp. 310–320.

Platonov S.F. Konferentsiia arkheologov SSSR v Kerchi. *Nauchnyi rabotnik.* 1926, № 10, pp. 30–32.
[Polkanov A.I.] Na Arkheologicheskoi konferentsii v Kerchi: vpechatleniia. *Krasnyi Krym*. 1926, № 220(1737), 24.09, p. 3. (Ed. pseudon. A.P.)
Rezoliutsiia po dokladu direktora Kerchenskogo muzeia Iu.Iu. Marti. *Krasnaia Kerch'*. 1926, № 205(1506), 07.09, p. 3.
Rech' nachal'nika Glavnauki t.Petrova. *Krasnaia Kerch'*. 1926a, № 205(1506), 07.09, p. 2.
Rech' nachal'nika Glavnauki tov. Petrova. *Krasnaia Kerch.* 1926b, № 210(1511), 13.09, p. 2.
Rech' tov. E.I. Mezera. *Krasnaia Kerch'*. 1926, № 210(1511),13.09, p. 2.
Torzhestvennoe otkrytie Arkheologicheskoi konferentsii. *Krasnaia Kerch.* 1926, № 205(1506), 07.09, p. 2.
Vdovin A.S., Kuz'minykh A.S., Serykh D.V. Ot XVI Vserossiiskogo k I Vsesoiuznomu Arkheologicheskomu s'ezdu: nesbyvshaiasa nadezhda. *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale. Institut arkheologii RAN; A.P. Derevianko, N.A. Markov (Ed.): v 3 t.* M., 2008, vol. 3, p. 199–201.
[Zabolotski P.N.] Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia i iubilei mestnogo muzeia. *Krasnaia Kerch'*. (Ed. pseudon. P.Z.) 1926, № 205(1506), 07.09, p. 2.
Zakharov N. Kerchenskaia arkheologicheskaia konferentsiia 1926 goda. *Trudy Severo-Kavkazskoi nauchnoi assotsiatsii.* Krasnodar, 1927, № 26, pp. 119–124.
Zummer V.M. Tiurko-tatarskaia sektsiia konferentsii arkheologov v Kerchi (5–10/IX 1926): iz otcheta pedagogicheskomu fakul'tetu. *Izvestiia Azerbaidzhanskogo gos. universiteta im. V.I. Lenina.* Obshchestvennye nauki, 1926, vol. 6/7, pp. 247–262.

Резюме

На основе опубликованных воспоминаний и рукописных отчетов, писем участников восстановлена история одного из масштабных мероприятий советской довоенной исторической науки – проведения Конференции археологов СССР в Керчи в сентябре 1926 года. Введены в научный оборот неизвестные ранее архивные и газетные материалы, рассмотрены элементы интеллектуальной напряженности в среде отдельных крымоведов из различных академических центров. Впервые проанализированы отчеты о конференции, опубликованные в научной прессе по окончании работы форума. Выявленные эпистолярные источники, в которых идет речь о конференции, легли в основу статьи и позволили насытить текст словами свидетелей событий, что придает ему историческую достоверность.

Ключевые слова: Конференция археологов СССР в Керчи, В. А. Городцов, охрана культурного наследия, Главнаука.

Summary

Based on the memoirs, published and handwritten reports, letters of participants, the history of one of the large-scale events of the Soviet pre-war historical science - the holding of the Conference of Archaeologists of the USSR in Kerch in September 1926, was restored. The previously unknown archival and newspaper materials were introduced into scientific circulation, elements of intellectual tension among individual Crimean scientists from various academic centers were examined. For the first time, conference reports published in the scientific press at the end of the forum were analyzed. The revealed epistolary sources, in which the conference was discussed, formed the basis of the article and allowed to enrich the text with the words of the witnesses of events, which gives it historical authenticity.

Key words: Conference of Soviet archaeologists in Kerch; V.A. Gorodtsov; protection of cultural heritage; USSR Main Directorate of Scientific-Artistic and Museum Institutions (Glavnauka).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Непомнящий Андрей Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.
dr.aan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Andrey A. Nepomnyashchiy,
Doctor of History, Professor,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University;
Simferopol, Republic of Crimea, Russia.
dr.aan@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа
АДУ – Археологичні дослідження в Україні
АНК – Античное наследие Кубани. Т. I–III. М.
АС – Археологический съезд.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь, Керчь.
БС – Боспорский сборник. М.
БФ – Боспорский феномен. СПб.
ВВ – Византийский временник. Санкт-Петербург (Ленинград), Москва.
ВДИ – Вестник древней истории.
ГБУ РК «ВКИКМЗ» – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно- Крымский историко-культурный музей-заповедник», Керчь.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГИМ ОПИ – Государственный исторический музей, отдел письменных источников.
ДБ – Древности Боспора. М.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
ЗО – Золотоордынское обозрение.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО – Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.; Пг.
ЗСКОАИЭ – Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону.
ИА – Институт археологии.
ИА НАНУ НА – Институт археологии НАН Украины, научный архив.
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИАО – Известия Императорского археологического общества. СПб.

ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИНИОН РАН	– Институт научной информации общественных наук Российской академии наук.
ИРНБУВ	– Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КБН	– Корпус боспорских надписей. Л., 1965.
КБН-альбом	– Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб. : Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. 431 с.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., Л.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., Л.
МАИАСК	– Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК	– Материалы к археологической карте Крыма.
МАО	– Московское археологическое общество.
МАР	– Материалы по археологии России, Санкт-Петербург.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
НАФРФИИФЭ	– Национальные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствознания, фольклористики и этнологии им. Т. М. Рыльского НАН Украины.
НО	– Надписи Ольвии. Ленинград: Наука, 1968. 132 с.
ОАК	– Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
ОАМ ГЭ	– Отдел античного мира Государственного Эрмитажа.
ОАМ	– Одесский археологический музей.
ОХБ	– Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб: Нестор-История, 2017. 1023 с.
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры.
РА	– Российская археология. М.
РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры.
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив.
РНБ ОР	– Российская национальная библиотека, отдел рукописей.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.

Список сокращений

СИРИО	– Сборник Императорского русского исторического общества.
СПбФАРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ТС	– Таманская старина. СПб.
ТСАРАНИОН	– Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
Bull. ép.	– Bulletin épigraphique, dans REG.
IOSPE I²	– Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli: Societas archaeologica Imperii Russici, 1915. 594 p.
LGPN IV	– Fraser P. M., Mattews E. A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford: Clarendon Press. 2005. Vol. IV. 424 p.
LSJ	– Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2042 p. + Suppl. 153 p.
ML	– Meiggs R., Lewis D.M.A. Selection of Greek Histirical In scriptions to the End of the Vth Century B.C. Oxford, 1969.
REG	– Revue des études grecques. Paris: Les Belles-lettres.
SC	– В. В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Санкт-Петербург: Академия наук, 1893-1900, Т. 1, 946 с.
SEG	– Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden: Brill.
TLG	– Thesaurus linguae Graecae (электронный ресурс).

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Е.А. Молев
Причины долголетия боспорской тирании
(некоторые итоги исследования проблемы) 3

В.Г. Лазаренко
Особенности культа Ахилла в Крыму и
на Азиатском Боспоре 20

Е.А. Савостина
Несколько заметок о пекторали из кургана Толстая Могила:
вопросы атрибуции и культурной принадлежности 58

А.Е. Петракова, О. Ягги
Эроты с позолоченными крыльями: рецепция краснофигурных ваз
из мастерской мастера Марсия в Северном Причерноморье 89

В.П. Яйленко
Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана.
II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. к Гилее.
III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ 117

О.В. Шаров
Могильник Чатыр-Даг: новый взгляд – старые идеи 210

А.М. Корженков, А.Н. Овсюченко,
А.С. Ларьков, Е.А. Рогожин, О.В. Димитров,
Н.И. Сударев, Э.Р. Устаева
О следах сильных землетрясений в древнем
городе Гермонасса-Тмутаракань и структурное
положение их очаговых зон 242

Л.Ю. Пономарев
Керченская церковь Иоанна Предтечи в
генуэзский и османский периоды
(обзор источников и дискуссионные вопросы) 275

ПУБЛИКАЦИИ

Н.В. Молева
Терракоты дионисийского круга из фондов Муромского
историко-художественного музея (коллекция графов Уваровых) 310

В.В. Дорошко, О.П. Дорошко
Комплекс II в. н.э. из раскопок пункта римского
военного базирования на высоте Суздальская 320

ИСТОРИЯ НАУКИ

Я.М. Паромов
История археологических исследований
на Таманском полуострове. Часть I.
(конец XVIII – начало XX вв.) 343

Н.И. Храпунов
Ричард Уэрсли и Крым 378

А.А. Непомнящий
Керченская археологическая конференция
по воспоминаниям участников: крымоведческие
коммуникации первого советского десятилетия 404

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 424

CONTENTS

ARTICLES

Molev E.A.
Causes of longevity bosporan tyranny
(some results of the research problem) 3

Lazarenko V.G.
Special aspects of the cult of Achilles in
the Crimea and on the Asian Bosporus 20

Savostina E.A.
Some remarks on the pectoral from
the burial mound Tolstaya Mogila:
the questions of attribution and cultural background 58

Petrakova A.E., Jaeggi O.
Erotes with gilded wings: reception of the red-figure vases from
the workshop of the Marsyas Painter in the northern black sea area 89

Yailenko V.P.
Epigraphical notes. I. About publication of the inscriptions
from Artezian. II. The Olbian hymn of VI cent. BC.
III. In defence of the votive inscription IOSPE I^2 188
from museum of Odessa 117

Sharov O.V.
Chatyr-Dag burial ground: a new look – old ideas 210

Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N.,
Lar'kov A.S., Rogozhin E.A., Dimitrov O.V.,
Sudarev N.I., Ustaeva E.R.
On traces of the strong earthquakes in Germonassa-Tmutarakan'
ancient city and structural positions of their sourse zones 242

Ponomarev L.IU.
Kerch Church of St. John of Baptist in Genuese and
Ottoman period (review of sources and discussion questions) 275

PUBLICATION

Moleva N.V.
Terracots of the Dionisian circle from the funds of
the Murom historical-art museum (collection of earls of Uvarovs) 310

Doroshko V.V., Doroshko O.P.
Second century complex from excavations of
roman military station on Syzdal'skaya mountain 320

HYSTORY

Paromov Ia.M.
History of archaeological research in the Taman peninsula.
Part 1 (the late XVIII – the early XX cc.) 343

Khrapunov N.I.
Richard Worsley and the Crimea 378

Nepomniashchy A.A.
Kerch Archaeological Conference on the memories of participants:
crimean communications of the first soviet decade 404

LIST OF ABBREVIATIONS 424

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXIX

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год
Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 22.11.2019 г.
Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 35,1.
Тираж 300 экз. Заказ 1506.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.